

9145
Б 91

№ 7. Книгоиздательство М. В. ПИРОЖКОВА. Историческій отдѣлъ. № 7

Яковъ Буркгардтъ

КУЛЬТУРА ИТАЛІИ

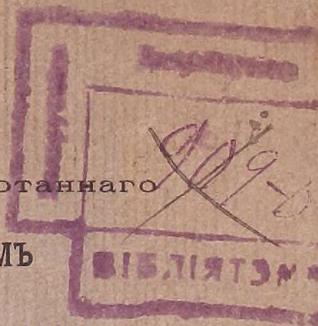
ВЪ ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНІЯ

ПЕРЕВОДЪ

С. Бриліанта

съ 8-го изданія, переработаннаго

Людвигомъ Гейгеромъ

Цѣна за оба тома 5 р.

Томъ II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-Литографія „Герольдъ“, Вознесенскій пр., № 3

1906

Яковъ Буркгардтъ

КУЛЬТУРА ИТАЛІИ

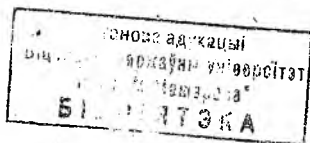
ВЪ ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНІЯ

ПЕРЕВОДЪ

С. Бриліанта

съ 8-го изданія, переработаннаго

Людвигомъ Гейгеромъ

Томъ II

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-Литографія „Герольдъ“, Вознесенскій пр., № 3

1906

ТОМЪ II

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Открытие чловѣка.

	СТР.
Глава первая:—Путешествія итальянцевъ.	
Колумбъ	3
Значеніе космографіи	3
Глава вторая:—Естествознаніе.	
Эмпирическое познаніе	6
Данте и наука о звѣздахъ	6
Вмѣшательство церкви	7
Вліяніе гуманизма	8
Ботаника. Садоводство	9
Звѣринцы	9
Глава третья:—Открытие ландшафта.	
Ландшафтъ въ средніе вѣка.	15
Восхожденіе Петрарки на гору	17
Дитгамондо (Уберти)	19
Фландрская школа живописи	19
Вней Сильвій	20
Глава четвертая:—Открытие чловѣка. — Внутренній міръ чловѣка въ поэзіи.	
Психологія; темпераментъ.	26
Канцона	27
Сонетъ.	28
Данте; „Vita nuova“	29
Божественная комедія	30
Петрарка—психологъ.	31
Воккачіо и его Фіаметта	32
Слабое развитіе трагедіи	33
Декораци и пестрота постановки, какъ препятствіе къ развитію.	34
Интермеццо	35
Валетъ	36

	СТР.
Комедія дель арте	38
Маски	39
Пульчи	42
Боярдо	43
Эпическая поэзія вообще	44
Аріосто	45
Теофило Фоленго	46
Пародія	46
Торкватто Тассо и его произведеніе, какъ памятникъ эпохи	47
 Глава пятая:—Біографія и автобіографія.	
Успѣхи итальянцевъ въ жизнеоп.	49
Тосканскіе біографы	51
Миланъ, Неаполь и пр.	53
Автобіографія: Эней Сильвій	54
Тоже: Бенвенутто Челлини	54
Тоже: Джир.-Кардано	55
Тоже: Луиджи Корнaro	56
 Глава шестая:—Характеристика народовъ и городовъ.	
Диттамондо	61
Изъ характеристикъ XVI вѣка.	62
 Глава седьмая:—Изображеніе внѣшности человѣка.	
Боккаччіо о красотѣ	65
Идеаль красоты у Фиренцуоллы	66
Идеаль красоты вообще	67
 Глава восьмая:—Жанровая литература.	
Эней Сильвій и другіе	71
Буколика со временъ Петрарки	72
Поэзія сельскаго быта въ XV вѣкѣ	73
Флоренція, Ломбардія	73
Джіованни Понтано	74
Баттиста Мантовано, эклоги.	74
Поэзія Лоренцо Великолѣпнаго	75
Его „Ненчіа“ и ея двойникъ „Дикомано“, Луиджи Пульчи	75
Анджелло Полиціано и его „Рустичій“	75
Познаніе человѣка	76
Нико делла Мирандолла	77

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Общественный бытъ и празднества.

Глава первая:—Уравненіе сословій.

Взаимодѣйствіе сословій	81
Горожане и равенство классовъ	82
Благородное происхожденіе	85
Дворяне въ Неаполѣ, Римѣ, Венеціи	85
Испанское вліяніе	86
Взглядъ на рыцарство	87
Турниръ	88
Петрарка о турнирѣ	89
Кавалеры при дворѣ	90

Глава вторая:—Внѣшняя красота и комфортъ.

Моды и одежда	92
Законы противъ роскоши	93
Туалетныя средства	95
Чистоплотность	97
„Галатео“, руководство	99
Комфортъ	99

Глава третья:—Языкъ, какъ фундаментъ общественности.

Выработанный языкъ	101
Его преобразованіе	101
Данте и его комедія	102
Пуристы	102
Кортиджіано о языкѣ	104
Неуспѣхъ строгихъ ревнителей	106
Цьотро Bembo, Санацаро	106
Устная рѣчь	107

Глава четвертая:—Высшая форма общественности.

Формальное соглашеніе	108
Новеллисты	109
Дамы и свѣтскій салонъ	110
Флоренція	111
Лоренцо Великолепный; его „Соколиная охота“.	
Письма	112

Глава пятая:—Идеальный общественный человѣкъ

Теорія любви	114
Игры и состязанія	115
Музыка	116
Музыкальные инструменты	117
Диллетантизмъ	119

	СТР.
Глава шестая:—Положеніе женщины.	
Равенство образованія	122
Индивидуальность	123
Знаменитыя женщины Италіи	125
Нравственность и поведеніе	126
Куртизанки	127
Куртизанки у Джиральди	128
Фаворитки государей	128
Глава седьмая:—Домашній бытъ.	
Параллель возрожденія со средн. вѣками	129
Диалогъ Альберти	130
Воспитаніе дѣтей и домашнихъ	130
Преимущества сельской жизни	130
Жизнь въ виллахъ	132
Глава восьмая:—Празднства.	
Художественный характеръ	134
Мистерія, процессіи и т. п.	135
Параллель съ другими націями	135
Аллегорія въ искусствѣ	137
„Тріумфъ“ Петрарки	138
Историческая аллегорія	139
Постановка мистерій	140
Роберто да Лечче	142
Поводы къ мистеріямъ	143
Cornus Domini въ Витербѣ	144
Представленія свѣтскія	146
Пантомима (Пьетро Ріаріо)	147
Пантомимы въ Болоньѣ	147
Участіе Леонардо да Винчи	148
Процессіи съ аллегоріями	149
Маски въ процессіи	151
Свѣтскіе „Trionfi“	152
Вѣздъ Альфонса въ Неаполь	253
Вѣздъ Людовика XII въ Миланъ	154
„Тріумфы“ во Флоренціи въ Римѣ	156
Процессіи на водѣ (Венеція)	157
Карнавалъ въ Римѣ	159
Карнавалъ во Флоренціи	160
Пѣсни Лоренцо	161

Ч А С Т Ь Ш Е С Т А Я.

Нравственность и религія.

Глава первая:—Нравственность.	СТР.
Границы сужденія	165
Признаніе порочности	167
Вліяніе древности	167
Понятіе о чести	168
Афоризмы Гвиччіардини	169
Инстинктъ чести (Рабле)	170
Вліяніе воображенія	171
Азартныя игры	172
Кровавая месть	173
Клятвы примиренія	174
Бракъ и его значеніе	177
Взглядъ на замуженныхъ женщинъ	179
Невѣрность	180
Обманутый мужъ въ новеллахъ	181
Платоническая любовь	183
Піетро-Вембо (Азолани)	183
Преступность у итальянцевъ	185
Разбойничество въ Италіи	187
Наемные убійцы	189
Ядъ	191
Органическіе преступники	192
Цезарь Борджіа, Сигизмондо Маллатесто	193
Индивидуализмъ и нравственность	194
Глава вторая:—Религія въ повседневной жизни.	
Причины упадка	197
Церковь и іерархія	198
Нищенствующіе монахи	201
Презрѣніе къ нимъ и осмѣяніе	201
Доминиканская инквизиція	203
Вышіе ордена	204
Афоризмы Гвиччіардини	205
Привычки къ церкви и обрядамъ	206
Проповѣдники покаянія	208
Проповѣдь съ процессіей	212
Вліяніе проповѣдниковъ на народъ	212
Контроль монашескихъ орденовъ	214
Пустынножители	214
Джироламо Савонаролла	216
Его вліяніе на духовный строй	217
Его пророчество, видѣнія	218
Его политическая программа	219
Его взглядъ на образованіе	220

	стр.
Язычество народн. вѣров	223
Поклоненіе реликвіямъ	225
Поклоненіе Мадоннѣ	227
Колебанія въ культѣ	229
Эпидемія покаянія	231
1529 годъ въ Миланѣ. Полицейскія мѣры въ Фер- рарѣ, регулирующія покаянія	233
Глава третья:—Религія и духъ эпохи возрожденія.	
Попытка синтеза	235
Свѣтскій характеръ Возрожденія	237
Терпимость къ Исламу	238
Три кольца	239
Вліяніе древности	241
Данте и эпикурейцы	242
Ученіе о свободной воли	244
Благочестивые гуманисты	245
Кодръ Урцеусъ	247
Критика и отрицаніе	249
Фатализмъ гуманистовъ	251
Языческія тенденціи	253
Глава четвертая:—Древнее и новое суевѣріе.	
Астрологія	256
Ея распространеніе и вліяніе	257
Ея противники въ Италіи	266
Пико и его вліяніе	267
Суевѣріе итальянцевъ	270
Тоже, среди гуманистовъ	273
Привидѣнія	275
Демоны, заклинанія	277
Норчіа	279
Письмо Энея Сильвія	280
Колдовство	283
Заклинатель	286
Палингеній и демоны по дорогѣ въ Римъ	287
Агриппа Неттесгеймскій „О тайнахъ философіи“	288
Телесмы	289
Магія при закладкѣ зданій	291
Некромантъ—герой комедіи	292
Бенвенуто Челлини и колдунъ	293
Упадокъ магіи	294
Алхимія	297
Глава пятая:—Упадокъ религіи.	
Исповѣдь Босколи	299
Вѣра въ загробную жизнь	300

	СТР.
Книга Помпанацио	302
Языческое небо и безсмертіе	303
Царство тѣней	304
Теизмъ	305
Антитринитаріи	309

Приложенія ко второму тому.

LXI. Литература по космографіи	311
LXII. Львы во Флоренціи	312
LXIII. Изъ области естественныхъ наукъ	313
LXIV. Рабство	315
LXV. Къ исторіи театра	319
LXVI. Декорации	320
LXVII. Автобіографіи	321
XVIII. Къ автобіографіямъ	322
LXIX. Ortensio Landi	322
LXX. Ortensio Landi Commentario	324
LXXI. Врачи и медицина	325
LXXII. Глаза Лукреціи Борджіа	327
LXXIII. О турнирахъ Lorenzo и Giulliano	328
LXXIV. Подлинность эклогъ Данте	329
LXXV. О крестьянахъ	329
LXXVI. Враждебное отношеніе къ крестьянамъ	330
LXXVII. Io. Pici oratio de hominis dignitate	331
LXXVIII. Взглядъ на аристократію	332
LXXIX. Нападки на знать	332
LXXX. Турниры	333
LXXXI. Осмѣиваніе турнировъ	333
LXXXII. Женскіе наряды и законы о роскоши	335
LXXXIII. Различныя итальянскіе костюмы	336
LXXXIV. Нѣмцы	337
LXXXV. Гостинницы	343
LXXXVI. Экипажи	343
LXXXVII. Языкъ и нарѣчія	344
LXXXVIII. Гимнастика	344
LXXXIX. Музыка	345
XC. За и противъ женщинъ	350
XCI. Воспитаніе женщинъ. — Образованныя и ученые женщины. — Кормленіе дѣтей матерями	353
XCII. Публичныя женщины	357
XCIII. Тѣлесное наказаніе	362
XCIV. Празднества. — Кухня. — Блюда	363

	СТР.
XCV. Игры и танцы	366
XCVI. Кровавая мечь.	370
XCVII. Morbus gallicus.	371
XCVIII. Бракъ, приданое. супружеская вѣрность, брач- ный возрастъ, измѣна, посредники, бигамія	371
XCIX. Педерастія	376
C. Отравленіе	378
CI. Проповѣдники.—Пустынники	379
СII. Языческіе обычаи.	380
СIII. Покаянныя процессіи.	381
CIV. Galeotto Marzio	382
CV. Данныя о язычествѣ и христіанствѣ.	383
CVI. Астрологія	384
CVII. Гороскопъ.—Суевѣріе	386
CVIII. Колдовство и процессы вѣдьмъ	386
CIX. Демоны	390
CX. Гора Пилата.	391
CXI. Везсмертіе души.	392
Алфавитный указатель	395

Глава I

Путешествія итальянцевъ

Итальянцы, благодаря высокому индивидуальному развитію и вліянію древности, раньше другихъ освободились отъ многихъ стѣснительныхъ предразсудковъ и стремились не только ознакомиться съ внѣшнимъ міромъ, но и передать другимъ свои впечатлѣнія въ той или другой формѣ.

Мы вынуждены здѣсь ограничиться только нѣкоторыми замѣчаніями о путешествіяхъ итальянцевъ и описаніяхъ ими различныхъ странъ. Крестовые походы открыли европейцамъ много новаго и вызвали страсть къ далекимъ путешествіямъ и приключеніямъ. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, трудно указать съ точностью, гдѣ здѣсь начинается стремленіе къ знанію и когда оно получаетъ преобладающій характеръ, но раньше чѣмъ у другихъ и съ особенной полнотою оно обнаруживается у итальянцевъ. Уже во время самыхъ походовъ, они проявляютъ исключительный интересъ къ востоку, такъ какъ у нихъ здѣсь имѣются свои торговые суда и различнаго рода коммерческія сношенія; съ раннихъ поръ Средиземное море воспитываетъ своихъ обитателей на другой образецъ, въ сравненіи съ континентальными народами, и итальянцы, по своей натурѣ, уже не могли стать тѣми искателями приключеній, какихъ мы встрѣчаемъ въ сѣверныхъ странахъ. Какъ только они хорошо ознакомились съ восточными гаванями въ Средиземномъ морѣ, наиболѣе предприимчивые изъ нихъ неизбѣжно должны были увлечься распространенною тамъ кипучей магометанской кочевой жизнью; цѣлая часть свѣта такимъ образомъ, какъ будто, вдругъ откры-

лась передъ ними. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, на примѣръ, венеціанецъ Марко Поло, попали, такимъ образомъ, въ водоворотъ монгольскихъ теченій и уносились имъ до ступеней трона монгольскихъ хановъ. Мы встрѣчаемъ нѣкоторыхъ итальянцевъ съ раннихъ поръ также въ качествѣ участниковъ въ открытіяхъ въ Атлантическомъ океанѣ, и венеціанцы, на примѣръ, въ XIII вѣкѣ уже находятъ Канарскіе острова ¹⁾; въ томъ же 1291 г., когда Птоломеи теряютъ послѣдній остатокъ христіанскаго востока, генуэзцы впервые пытаются открыть морской путь въ восточную Индію ²⁾. Колумбъ — такимъ образомъ только знаменитѣйшій изъ цѣлаго ряда итальянцевъ, отправлявшихся въ далекія моря, хотя и находившихся на службѣ у западныхъ народовъ. Но настоящая заслуга открытій принадлежитъ не тому, кто случайно куда-нибудь попалъ впервые, а тому, кто искалъ и нашелъ; только такой человѣкъ находится въ связи съ идеями и интересами своихъ предшественниковъ и только на этомъ основаніи оцѣнивается его дѣятельность. Поэтому, если даже иногда оспаривается первенство появленія итальянцевъ на томъ или другомъ берегу, за ними, все-таки, остается преимущество во всѣхъ этихъ открытіяхъ конца среднихъ вѣковъ.

Точнѣйшія указанія въ этомъ смыслѣ относятся къ специальной исторіи открытій ³⁾, но съ невольнымъ удивленіемъ всѣ взоры обращаются къ внушительной личности знаменитаго генуэзца, который утверждалъ, что по ту сторону океана есть еще материкъ, искалъ его и нашелъ, первый имѣлъ смѣлость сказать: *il mondo é roso* — міръ не такъ великъ, какъ думаютъ. Въ то время, какъ Ис-

¹⁾ Luigi Bossi, *Vita di Cristoforo Colombo* содержитъ обзоръ предшествующихъ итальянскихъ путешествій и открытій, стр. 91 и сл. Вся новая обширная литература о Колумбѣ остается здѣсь неупомянутой и неиспользованной.

²⁾ На примѣръ, Pertz, древнѣйшая попытка найти морской путь въ Остъ-Индію. 1859.

Нѣкоторыя хотя неполныя свѣдѣнія объ этомъ у Энея Сильвія *Europae Status sub Friderico III, Imp. car.* 44 (также Freher, *Scriptores* изд. 1624, Т. II стр. 87.

³⁾ Ср. O. Peschel, *Geschichte der Erdkunde*. 2 Auf. Sophus Ruge. Мюнхенъ 1877. стр. 209 ff., passim.

панія награждаетъ итальянцевъ какимъ-нибудь Александромъ VI, Италия даетъ испанцамъ Колумба; за нѣсколько недѣль передъ смертью этого самаго папы (7 Юля 1503) онъ шлетъ изъ Ямайки неблагодарнымъ католическимъ королямъ знаменитое посланіе, котораго никто никогда не сможетъ читать безъ глубокаго волненія ¹⁾. Въ припискѣ къ своему завѣщанію ²⁾, помѣченному 4 мая 1506 въ Валльядолидѣ, онъ завѣщаетъ „своей милой родинѣ, республикѣ Генуѣ молитвенникъ, подаренный ему папою Александромъ и служившій ему утѣшеніемъ въ тюрьмѣ, въ борьбѣ и жизненныхъ бѣдствіяхъ“. Въ этихъ словахъ кроется единственное мерцаніе милости надъ страшнымъ именемъ Борджіа.

Также только кратко мы можемъ коснуться успѣховъ итальянцевъ въ географіи и космографіи. Но уже одно поверхностное сравненіе того, что они дали въ этомъ направленіи, съ данными другихъ народовъ указываетъ на раннее, весьма замѣтное превосходство. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, мы найдемъ въ XV вѣкѣ такое пониманіе связи и общности между географіей, исторіей и статистикой, какъ у Энея Сильвія? Гдѣ найдемъ также такое ясное и гармоническое изложеніе? Не только въ своемъ главномъ космографическомъ сочиненіи, но также въ письмахъ и комментаріяхъ онъ съ удивительнымъ искусствомъ описываетъ различныя мѣстности, города и нравы, даетъ свѣдѣнія о промышленности и доходахъ, о политическомъ состояніи и государственномъ устройствѣ; свои свѣдѣнія онъ черпаетъ изъ личныхъ наблюденій или изъ рассказовъ другихъ, причѣмъ иногда, конечно, впадаетъ въ заблужденіе или, напри- мѣръ, при описаніи Базеля, произвольно дополняетъ видѣнное воображеніемъ; слабѣе всего у него, конечно, то, что онъ описываетъ по книгамъ. Но даже его краткое описаніе ³⁾ долины въ тирольскихъ Альпахъ, гдѣ онъ получилъ приходъ,

¹⁾ Факсимиле напечатано въ 1900 г., *Scritti di C. Colombo*. Римъ 1894 г. II, 205 f.

²⁾ Подложность его обнаружена издателемъ упомянутого сборника Lolti, стр. CLIV и д. (Z).

³⁾ Pii II. Comment. L. I. стр. 14 — Basel, описаніе. См. о немъ Voigt: *Enea Silvio II*, стр. 228; О самомъ E. S. какъ космографѣ II, стр. 302 — 309. Ср. тамъ-же I, стр. 91 ff.

благодаря Фридриху III, и въ особенности его описаніе Шотландіи, затрагиваютъ всѣ жизненныя отношенія, свидѣтельствуя о такомъ искусствѣ и объективномъ методѣ наблюденій и сравненій, какими могъ обладать только соотечественникъ Колумба, воспитанный на классической литературѣ. Тысячи людей видѣли то же, что онъ, и знали многое изъ того, что зналъ онъ, но у нихъ не было побужденія все это изобразить и не было сознанія, что люди въ этомъ нуждаются.

И въ космографіи ¹⁾ также нѣтъ надобности съ точностью разграничивать, что именно слѣдуетъ приписать изученію древнихъ авторовъ и что собственно генію самихъ итальянцевъ. Они наблюдаютъ и относятся къ вещамъ объективно еще до того, какъ ближе познакомились съ древними, потому что сами они полу-античный народъ и подготовлены къ этому своимъ политическимъ состояніемъ. Но они не достигли бы такой ранней зрѣлости въ этомъ отношеніи, если бы древніе географы не указали имъ путь. Невозможно опредѣлить долю вліянія имѣвшихся уже итальянскихъ космографій на мысли и стремленія новѣйшихъ путешественниковъ, стремящихся къ новымъ открытіямъ. Если смотрѣть, на примѣръ, на произведеніе Энея Сильвія только, какъ на диллетантскій трудъ, то и тогда онъ не теряетъ своего значенія, такъ какъ вызываемый имъ общій интересъ къ предмету создаетъ почву для новыхъ предпринимателей. Всякій, стремившійся къ новымъ открытіямъ, въ какой бы то ни было области, знаетъ прекрасно, чѣмъ онъ обязанъ такимъ посредникамъ.

¹⁾ Ср. прилож. LXI.

Глава II

Естествознаніе въ Италіи

Въ отношеніи положенія, занимаемаго итальянцами въ естественныхъ наукахъ, мы должны отослать читателей къ специальнымъ сочиненіямъ, изъ которыхъ намъ извѣстно только весьма поверхностное сочиненіе Либри ¹⁾. Споръ о первенствѣ тѣхъ или другихъ открытій въ частности насъ мало касается, такъ какъ мы того мнѣнія, что въ каждомъ культурномъ народѣ во всякое время можетъ явиться человекъ, который, благодаря своимъ личнымъ выдающимся качествамъ, дѣлаетъ изумительный шагъ впередъ на эмпирическомъ пути, несмотря на всю неподготовленность почвы. Такими людьми были Гербергъ изъ Реймса (Папа Сильвестръ II) въ X и Рожеръ Беконъ въ XIII столѣтіи. Они естественнымъ образомъ должны были изслѣдовать самые разнообразныя предметы, такъ или иначе затронутые ими на пути. Имъ предстояло разрѣшить сразу множество задачъ, возникшихъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ ложныхъ представлений, преклоненія передъ традиціями и книгами и страха передъ природой. Другое дѣло когда весь народъ увлекается созерцаніемъ и пытливостью другихъ народовъ, и единичный человекъ, идущій впередъ по пути открытій, можетъ рассчитывать на то, что его не только не встрѣтятъ угрозами или презрительнымъ молчаніемъ, но что, напротивъ, онъ найдетъ въ окружающихъ пониманіе и род-

¹⁾ Libri, Histoire des sciences mathématiques en Italie, 4 t. Paris. 1838.

ственное сочувствіе. Последнее мы видимъ въ Италіи ¹⁾. Итальянскіе естествоиспытатели не безъ гордости слѣдятъ за доказательствами эмпирическаго познанія природы у Данте въ его Божественной Комедіи ²⁾. Мы не можемъ судить, на сколько справедливо или безошибочно приписываемое ему первенство въ тѣхъ или другихъ открытіяхъ, но даже профану не можетъ не броситься въ глаза вся полнота созерцанія внѣшняго міра, обнаруженная Данте въ однихъ его образахъ и сравненіяхъ. Болѣе, чѣмъ кто бы то ни было изъ новѣйшихъ поэтовъ, онъ заимствуетъ все изъ дѣйствительности, есть ли это сама природа или чело-вѣческая жизнь, и никогда не пользуется этими образами и сравненіями только ради украшенія, но для того, чтобы вызвать представленіе, наиболѣе отвѣчающее тому, что онъ хочетъ сказать или пояснить. Настоящимъ ученымъ онъ является, по преимуществу, въ области астрономіи, хотя нельзя отрицать, что нѣкоторыя астрономическія мѣста въ его великой поэмѣ намъ кажутся теперь „учеными“, а въ тѣ времена понятны были всѣмъ, такъ какъ помимо его настоящей учености Данте обращается къ извѣстнымъ популярнымъ астрономическимъ фактамъ, съ которыми тогдашніе итальянцы были хорошо знакомы, въ качествѣ мореплавателей, подобно тому, какъ это было у древнихъ. Въ самомъ дѣлѣ, народныя свѣдѣнія о времени появленія на небѣ и закатѣ свѣтилъ потеряли свое значеніе съ изобрѣтеніемъ часовъ и календарей, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезъ общій интересъ къ астрономіи вообще. Въ настоящее время нѣтъ недостатка въ руководствахъ и каждый ученикъ въ школѣ знаетъ, что земля движется вокругъ солнца, чего Данте не зналъ, но зато, повторяю, интересъ къ этимъ вещамъ уступилъ мѣсто полному равнодушію всѣхъ, кромѣ специалистовъ.

¹⁾ Для того, чтобы составить окончательное сужденіе, надо точно разграничить собраніе наблюденій общихъ отъ настоящихъ ученыхъ математическихъ трудовъ, что не входитъ въ нашу задачу.

²⁾ Libri, въ разл. м. II, стр. 174 и сл. Ср. также W. Schmidt, Значеніе Данте въ исторіи космографіи. Graz 1876. Всѣ данныя относящіяся къ космографіи и естественнымъ наукамъ находящіяся въ „Tesoro“, Brunetto Latini, изданы отдѣльно: Il trattato della sfera di S. Br. L., Bartolomeo Sorio, Миланъ 1858. Здѣсь находимъ также составленную последнимъ историческую хронологію по Br. L.

Астрологія, или мнимая наука предсказаній и т. п., нисколько не противорѣчитъ эмпирическому духу итальянцевъ того времени; она свидѣтельствуегь только о томъ, что эмпиризму приходилось выдерживать борьбу съ страстнымъ желаніемъ знать и угадывать будущее. Но мы еще вернемся къ астрологіи, когда будемъ говорить о нравственномъ и религіозномъ характерѣ націи.

Церковь была, въ сущности, почти всегда терпимой въ отношеніи къ этой и другимъ ложнымъ наукамъ, но и въ отношеніи къ настоящему изслѣдованію природы она являлась враждебной только тогда, когда обвиненіе,—справедливо или нѣтъ—касалось ереси и некромантіи, въ дѣйствительности очень близкихъ одна къ другой. Интересно, конечно, было бы знать, сознавали ли вообще и въ какихъ именно случаяхъ доминиканскіе инквизиторы (и францисканскіе также) ложность этихъ обвиненій, и насколько далеко они шли въ осужденіи, въ угоду врагамъ обвиняемыхъ, или изъ скрытой ненависти противъ познанія природы вообще и противъ всякихъ опытовъ въ особенности. Послѣднее, по всей вѣроятности, часто случалось, хотя трудно это доказать; во всякомъ случаѣ въ Италіи эти преслѣдованія не имѣли тѣхъ послѣдствій, какія мы видимъ на сѣверѣ, гдѣ сопротивление новаторамъ выразилось между прочимъ въ официальной системѣ естествознанія, принятой схоластиками. Пьетро изъ Альбано (въ началѣ XIV столѣтія) палъ, какъ извѣстно, жертвой зависти другого врача, обвинившаго его передъ инквизиціей въ ереси и колдовствѣ ¹⁾; нѣчто въ томъ же родѣ, повидимому, случилось и съ его современникомъ Джіованнино Сангвиначчи въ Падуѣ, такъ какъ послѣдній былъ новаторомъ въ своей врачебной практикѣ; онъ поплатился только изгнаніемъ. Въ концѣ концовъ мы не должны забывать, что доминиканцы-инквизиторы не могли проявлять въ Италіи такой обвинной власти, какъ на сѣверѣ, такъ какъ и тираны и сво-

¹⁾ Scardeonius, de urb. Patav. antiqu. in Graevii Thesaur. ant. Ital. т. VI, ч. III. Col. 227. Альб. умеръ въ 1312 во время слѣдствія, его статуя была сожжена; Giov. Sang. см. др. м. Col. 228 ff.—Ср. о немъ же Fabricius, Bibl. Lat.—Petrus de Apono.—Sprenger, см. Ersch u. Gruber I. стр. 33. Онъ перевелъ въ 1292 93 съ французскаго астрологическія соч. Авраама Ибнъ Эзра,—напеч. 1506 г. Ср. Z: D. M. G. XVIII, стр. 190. XXV.

бодные города относились въ XIV вѣкѣ часто къ духовенству съ такимъ презрѣніемъ, что не только занятіе естественными науками, но и многое еще предосудительное въ этомъ смыслѣ могло оставаться безнаказаннымъ ¹⁾. Когда же въ XV вѣкѣ побѣдоносно выдвинулась классическая древность, пробитая, такимъ образомъ, въ старой системѣ брешь открыла путь всякаго рода свѣтскимъ изслѣдованіямъ, причемъ гуманизмъ привлекъ, разумѣется, всѣ лучшія силы и тѣмъ задержалъ эмпирическое естествознаніе ²⁾. Между тѣмъ, отъ времени до времени, то тамъ, то здѣсь снова и снова пробуждается инквизиція и преслѣдуетъ или сжигаетъ на кострахъ врачей, какъ безбожниковъ и некромантовъ, причемъ никогда нельзя съ увѣренностью опредѣлить настоящую глубоко скрытую причину осужденія и казни. При всемъ томъ Италия въ концѣ XV вѣка съ ея учеными, какъ Паоло Тосканелли, Лука Пачіолли и Леонардо да Винчи и другими математиками и натуралистами, занимала, внѣ всякаго сравненія, первое мѣсто среди всѣхъ народовъ въ Европѣ, и ученые всѣхъ странъ, въ томъ числѣ Реджіомонтано и Коперникъ, признавали себя ея учениками ³⁾.

Весьма важное указаніе на всеобщій интересъ къ естествознанію заключается въ распространенной въ Италиі съ раннихъ поръ страсти къ собиранію коллекцій и сравнительному изученію растений и животныхъ. Италия славится въ особенности первыми ботаническими садами, хотя разводимыми первоначально скорѣе ради практическихъ цѣлей, причемъ самое первенство нельзя считать безспорнымъ ⁴⁾. Гораздо

¹⁾ Ср. ниже 2-ую гл. 6-ой ч.

²⁾ Ср. преувеличенныя жалобы Libri, т. II, стр. 258 и сл. Можно сожалѣть о томъ, что высокоодаренный народъ не дѣлалъ большихъ успій для достиженія значительныхъ успѣховъ въ области естествознанія, но не надо забывать, что этотъ народъ имѣлъ свои серьезныя задачи и отчасти осуществилъ ихъ.

³⁾ О трудахъ послѣдняго въ Италиі интересны показанія Malagola въ его соч. о Codro Urceo (Bologna 1878, сар. VII, стр. 360—366).

⁴⁾ Первые свѣдѣнія о римскомъ обществѣ садоводовъ, относящіяся къ 1030 г., находимъ у L. M. Hartmann'a, Freiburg i/1892.—Итальянцы устраиваютъ ботаническіе сады также за границей: Angelo изъ Флоренціи, современникъ Петрарки, въ Прагѣ. Friedjung, Карль IV, стр. 311 прим. 4. Ср. также новѣйшія изслѣдов. Alex. Kaufmann о садоводствѣ въ ср. вѣка и въ эпоху возрожденія. (Pick, Ежемѣс. Исторіи Запад. Герм. VII, стр. 129—155) Ср. также прилож. LXII.

важнѣе то, что уже въ XIV вѣкѣ на земледѣліе смотрятъ, какъ на предметъ искусства и промышленности, судя, напримеръ, по весьма распространенному въ то время сельскохозяйственному учебнику Пьера да Крешенція; рядомъ съ этимъ мы видимъ, что князья и богатые люди въ своихъ загородныхъ садахъ соперничаютъ въ разведеніи всякихъ породъ и разновидностей растеній, фруктовыхъ деревьевъ и цвѣтовъ и хвалятся этимъ другъ передъ другомъ, какъ значительными заслугами.

Такъ въ XV вѣкѣ великолѣпный садъ виллы Карежи, семейства Медичи, изображается почти какъ ботанической садъ ¹⁾ съ безконечнымъ разнообразіемъ различныхъ породъ деревьевъ и кустарниковъ. Также, въ началѣ XVI вѣка, описывается вилла кардинала Тривульціо въ римской Кампаньѣ, ²⁾ съ живыми изгородями различныхъ породъ розъ, богатствомъ деревьевъ и всевозможными разновидностями фруктовыхъ деревьевъ, а также двадцатью видами виноградныхъ лозъ и обширнымъ огородомъ. Безъ сомнѣнія, мы видимъ здѣсь совсѣмъ не то, что на западѣ, гдѣ въ каждомъ замкѣ и монастырѣ разводятся всѣмъ извѣстныя лѣчебныя растенія,—здѣсь, рядомъ съ утонченной культурой овощей годныхъ для употребленія въ пищу, обнаруживается явный интересъ къ растеніямъ самимъ по себѣ, ради интересныхъ и красивыхъ внѣшнихъ формъ.

Изъ исторіи искусствъ мы знаемъ, какъ поздно садоводство освободилось отъ этой страсти къ собиранію вообще и стало руководствоваться архитектуроникой и живописью.

Въ то же время и въ связи, конечно, съ тѣмъ же интересомъ къ естествознанію вообще, входитъ въ обычай содержаніе чужеземныхъ животныхъ. Южныя и восточныя гавани Средиземнаго моря облегчаютъ транспортъ звѣрей, а итальянскій климатъ даетъ возможность ихъ содержать и выращивать, а потому итальянцы охотно покупаютъ дикихъ звѣрей или принимаютъ ихъ отъ султановъ въ пода-

¹⁾ *Alexandri Bracii descriptio horti Laurenti Med.* Напечатано между пр. какъ приложение № 58 къ „Жизни Лоренцо“ Roscoe. Также въ приложеніи къ соч. *Fabronis'a: Laurentius.*

²⁾ *Mondanarii villa* напечатанъ въ *Poemata aliqua insignia illustr. poetar. recent.*

рокъ ¹⁾). Города и государи охотнѣ всего держатъ львовъ не только въ томъ случаѣ, когда они изображаются въ гербѣ, какъ во Флоренціи ²⁾). Львиныя логовища находятся въ самыхъ дворцахъ или вблизи, какъ въ Перуджіи и во Флоренціи: въ Римѣ они помѣщены на склонѣ Капитолія. Эти звѣри служатъ иногда исполнителями политическихъ приговоровъ ³⁾), внушаютъ вообще народу, нѣкоторымъ образомъ, спасительный страхъ, хотя всѣ успѣли замѣтить, что въ неволѣ они теряютъ отчасти свою свирѣпость, такъ что, однажды, быкъ гналъ ихъ домой „какъ овецъ въ овчарню“ ⁴⁾). Тѣмъ не менѣе имъ придають большое значеніе и связываютъ съ ними то или другое повѣріе; такъ, когда одинъ изъ прекраснѣйшихъ львовъ, принадлежавшій Лоренцо Медичи, былъ растерзанъ другимъ, то на это смотрѣли, какъ на предзнаменованіе смерти самого Лоренцо. Ихъ плодовитость предвѣщала напротивъ хорошій урожай и Джіованни Виллани рассказываетъ о томъ, какъ онъ присутствовалъ при родахъ львицы, а Матео говоритъ, что львы рождаются въ Италіи и что они являются на свѣтъ зрячими ⁵⁾ и т. д. Моло-

¹⁾ Зоологическій садъ въ Палермо при Генрихѣ IV, Otto de S. Blasio, 1194. Böhmer, Fontes III, 623.

²⁾ Здѣсь такое изображеніе въ краскахъ или изъ камня носитъ названіе *marzocco*.—Въ Пизѣ держатъ орловъ, ср. коммент. къ Данте, *Inferno* XXXIII, 22; коршунъ у Боккаччіо, *Декамеронъ* V, 9. Ср. въ общемъ Г. Спечи: *Due trattati del governo e delle infermita degli ucelli, testi di lingua inediti*. Римъ 1864, Трактаты XIV в. переведены могутъ быть съ персидскаго.

³⁾ См. *Aegid. Viterb., Papencordt*, Исторія города Рима въ средн. вѣка, стр. 367 прим. о событіи 1328 г.—Борьба дикихъ звѣрей между собой и съ собаками служила народнымъ увеселеніемъ въ торжественныхъ случаяхъ. Во время приѣма Пія II и Галеаццо Марія Сфорца въ Флоренціи въ 1459 г. устроено была такое состязаніе на отгороженной аренѣ на площади Синьоріи, въ которомъ принимали участіе быки, лошади, собаки, львы и жирафъ, но львы легли на землю и не хотѣли нападать на другихъ звѣрей. Ср. *Ricordi di Firenze, Rer. ital. scriptt. ex florent. codd.* т. II, Col. 741. Другое показаніе см. *Vita Pii II, Murat.* III, II, Col. 977. (Voigt, *Enea Silvio III*, стр. 40 и сл.). Второй жирафъ былъ подаренъ загѣмъ султаномъ Лоренцо Великолѣпному. Срв. Paul. Jos. *Vita Leonis X*, L, I.

⁴⁾ *Lettere di Alessandra Strozzi* (1877) стр. 432.

⁵⁾ *Giov. Villani X*, 185. XI, 66. *Matteo Villani III*, 90. V. 68.—Если львы дрались и въ особенности, если одинъ убивалъ другого, это считалось дурнымъ предзнаменованіемъ. Ср. Варки. *Stor. florent.* III, стр. 143.

дыхъ львовъ принято было дарить дружественнымъ городамъ въ Италіи или за границей ¹⁾, а также кондотъерамъ, какъ награду за храбрость ²⁾. Флорентійцы, кромѣ того, охотно заводили леопардовъ и держали людей, умѣвшихъ обращаться съ ними ³⁾. Борзо, герцогъ Феррарскій ⁴⁾, заставлялъ своихъ львовъ сражаться съ быками, медвѣдями и дикими кабанами. Бенедетто Деи привезъ въ подарокъ Лоренцо Медичи крокодила длиною въ 7 футъ, о которомъ хроникеръ замѣчаетъ: „по истинѣ прекрасное животное“ ⁵⁾.

Въ концѣ XV вѣка настоящіе звѣринцы (Serragli) стали уже необходимой принадлежностью при дворахъ многихъ государей и отличались большимъ или меньшимъ богатствомъ содержанія, смотря по средствамъ.—„Для полнаго великолѣпія двора — говорить Матаратцо ⁶⁾ — необходимо имѣть лошадей, собакъ, верблюдовъ, перепелятниковъ и др. птицъ, а также шутовъ, пѣвцовъ и чужеземныхъ звѣрей“.— Въ Неаполѣ, при королѣ Ферранте, находились въ звѣринцѣ еще жирафъ и зебра, повидимому, подарокъ тогдашняго багдадскаго государя ⁷⁾.— Филиппо Марія Висконти имѣлъ не только лошадей, цѣною отъ пятисотъ до тысячи золотыхъ, и цѣнныхъ англійскихъ собакъ, но также много-

¹⁾ Ср. прилож. LXII.

²⁾ Matt. Vilani, разн. м. Cron. di Perugia. Arch. Stor. XVI, II, стр. 77. гд. 1497.—Въ Перуджии однажды сбѣжала пара городскихъ львовъ Тамъ-же XVI, I стр. 382, гд. 1434.

³⁾ Gaye, Carteggio I стр. 422, гд. 1291.—Висконти употребляли дрессированныхъ леопардовъ для охоты даже на зайцевъ, которыхъ выгоняли маленькими собаками. Ср. Kobell, Wildanger, стр. 247, гдѣ указаны также позднѣйшіе примѣры охоты съ леопардами.

⁴⁾ Strozzi poetae. Fol 146 de Leone Borsii ducis. Левъ шадить зайца и собаку; поэтъ полагаетъ, что онъ подражаетъ въ этомъ своему хозяину. Ср. Fol. 188 слова: et inclusis condita septa feris и Fol. 193 эпиграмма въ четыре строки въ Leporarii ingressu quam maximi и т. д.

⁵⁾ Luig. Pulci Lettere (1868) стр. 29.

⁶⁾ Chron. di Perugia I, с. XVI, II, стр. 199.—Подобное этому у Петрарки, de remed. utriusque fortunae, I, 61, но менѣе ясно выражено; здѣсь Gaudium (въ разговорѣ съ Ratio) гордится лишь тѣмъ, что владеетъ обезьянами и ludicra animalia.

⁷⁾ Jovian. Pontan. de magnificentia.—Въ зоологическомъ саду кардинала Аквилейскаго въ Альбаніи находились въ 1463 г. кромѣ павлиновъ и индійскихъ куръ также сирійскія козы съ длинными ушами. Pif II comment. L. XI, стр. 362 fg.

численныхъ леопардовъ, привезенныхъ изъ разныхъ восточныхъ странъ; насъверѣдья него разыскивали всюду охотничьихъ птицъ и содержаніе ихъ стоило ему три тысячи золотыхъ въ мѣсяцъ ¹⁾.—Брунетто Латини пишетъ: Кремонезійцы рассказываютъ, что императоръ Фридрихъ II подарилъ имъ слона, полученнаго имъ изъ Индіи. Петрарка констатируетъ вымираніе слоновъ ²⁾; король Португальскій, Эмануиль Великій, хорошо зналъ, что дѣлалъ, когда прислалъ Льву X слона и носорога, какъ свидѣтельство его побѣды надъ невѣрующими ³⁾; русскій царь прислалъ въ Миланъ кречета и соболей (мѣхъ?) ⁴⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ началось также научное движеніе въ зоологій, какъ и въ ботаникѣ.

Наблюденія надъ животными и звѣрями получили практическое примѣненіе на конскихъ заводахъ; особенно славились заводы Эсте въ Неаполѣ ⁵⁾, а Мантуанскій заводъ, при Франческо Гонзаго, считался первымъ въ Европѣ ⁶⁾. Порода лошадей оцѣнивалась конечно съ тѣхъ поръ, какъ началась верховая ѣзда вообще, но искусственное воспитаніе и скрещиваніе породъ входитъ въ обыкновеніе со временъ крестовыхъ походовъ. Въ Италіи, во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ городахъ устраивались бѣга и состязанія на призъ, что и служило главнымъ побужденіемъ къ улучше-

¹⁾ Decembrio, ap. Murat. XX Col. 1012.

²⁾ Brunetti Latini Tresor (изд. Chabaille, Парижъ 1863) lib. I Petarca de rem. utr. fort. I, 60.

³⁾ Par de Grassis (изд. 1884) стр. 16. Интересныя подробности у Paul. Jov. Elogia стр. 229 и сл., изъ упомин. Tristanus Acunius. Народъ оплакивалъ смерть слона и украсилъ его живописный портретъ стихами младшаго Бероальдуса. Страусы и пр. во дворцѣ Строцци во Флоренціи, срв. Рабле, Pantagruel IV, глв. II. Ср. прилож. LXIII.

⁴⁾ Macusev (ср. н. прилж. LXIV) I, стр. 526 и слд. 18 Нояб. 1493 cinque mazi di Zibellini di XL per mezo.

⁵⁾ Sannazar, Elegiae lib. III: Tam veteres superas dives Ferraria ludos! Aurea dum celeri praemia ponis equo. О Неаполѣ въ этомъ отношеніи Pontanus. De magnificentia XX.

⁶⁾ Ср. Paul. Jov. Elogia стр. 234 fg. гдѣ говорится о Franc. Gonzaga. Болѣе древнее показаніе Merlinus Coccagus Massar. 3-я пѣснь. Stalla cavallorum sua stallas vicerit omnes.—Роскоши Милана въ отнош. породъ лошадей, Bandello Parte II, Nov. 3 и 8. Въ поэтическихъ повѣствованіяхъ часто можно встрѣтить любителей и знатоковъ лошадей. Ср. Pulci, il Morgante, с. XV, стр. 105 и слд.

нію породъ. На Мантуанскомъ конномъ заводѣ выращивались безукоризненные побѣдители на скачкахъ, а также благороднѣйшія породы для войны и вообще лошади, считавшіяся достойнѣйшимъ подаркомъ для государей. Гонзаго имѣлъ жеребцовъ и кобылъ изъ Испаніи, Ирландіи, Африки, Оракіи и обѣихъ Сицилій; ради нихъ онъ поддерживалъ дружескія сношенія съ турецкими султанами. Здѣсь дѣлались всевозможные опыты скрещиванья, съ цѣлью довести породу до совершенства.

Не было недостатка и въ человѣческихъ „звѣринцахъ“¹⁾; извѣстный кардиналъ Ипполитто Медичи²⁾, побочный сынъ Джуліано, герцога Намурскаго, держалъ при своемъ удивительномъ дворѣ цѣлую толпу разноязычныхъ варваровъ, болѣе двадцати различныхъ народностей; каждый изъ нихъ представлялъ что-нибудь замѣчательное въ своемъ родѣ. Здѣсь были ни съ кѣмъ не сравнимые вольтижеры, татарскіе стрѣлки изъ лука, негритянскіе борцы, индѣйскіе пловцы и турки, сопровождавшіе преимущественно кардинала на охоту. Когда его постигла ранняя смерть (1535), эта пестрая толпа несла гробъ на плечахъ изъ Итри въ Римъ и, среди общаго траура въ городѣ, они испускали жалобные крики на различныхъ языкахъ, оплакивая своего щедрого хозяина и сопровождая эти крики характерными тѣлодвиженіями³⁾.

Эти отрывочныя замѣтки объ успѣхахъ итальянцевъ въ естествознаніи и культурѣ животныхъ и растеній должны свидѣтельствовать только о томъ, насколько авторъ самъ считаетъ себя неосвѣдомленнымъ въ этой сферѣ. Мы едва знакомы тѣ спеціальныя сочиненія, которыя могли бы настоящимъ образомъ заполнить этотъ пробѣлъ.

1) Между прочимъ находимъ указанія на карликовъ при дворѣ въ Мантуѣ и другихъ государей. Характерно, что одинъ изъ нихъ въ Мантуѣ носилъ имя Morgante.

2) Paul. Jov. Elogia стр. 307 сл.

3) Ср. прилож. LXIV.

Глава III

Открытие ландшафтной красоты

Но кромѣ изслѣдованія и знаній былъ еще другой путь приблизиться къ природѣ и въ извѣстномъ смыслѣ подойти къ ней еще ближе. Въ самомъ дѣлѣ итальянцы первые изъ новыхъ народовъ научились понимать красоту ландшафта и находить въ немъ предметъ особаго наслажденія ¹⁾.

Такого рода способность является обыкновенно результатомъ долгаго и сложнаго культурнаго процесса; трудно прослѣдить, гдѣ этотъ процессъ беретъ начало, такъ какъ это чувство находится въ человѣкѣ обыкновенно задолго до того, какъ начинаетъ выражаться въ живописи и поэзи, и такимъ образомъ принимаетъ сознательный характеръ. Такъ у древнихъ, напримѣръ, искусство и поэзія вылились въ законченной формѣ, прежде чѣмъ стали служить ландшафтному изображенію и послѣднее никогда уже не занимало значительнаго мѣста, хотя начиная съ Гомера, мы видимъ много указаній на сильное впечатлѣніе, производимое природой на людей того времени. Далѣе германскія племена, основавшія свое владычество на земляхъ римской имперіи, по натурѣ и своему прошлому были вполне подготовлены къ воспріятію ландшафтной красоты; христіанство заставило ихъ нѣкоторое время видѣть злыхъ демоновъ въ чтимыхъ ими до тѣхъ поръ источникахъ, горахъ, озерахъ и лѣсахъ, но это переходное состояніе, безъ сомнѣнія, не могло долго продолжаться. Въ зенитѣ среднихъ вѣковъ,

¹⁾ Едва ли нужно указывать на знаменитое изложеніе этого предмета во 2-мъ томѣ „Космоса“ у Гумбольдта.

около 1200 г., мы видимъ снова вполне непосредственное наслажденіе внѣшнимъ міромъ, нашедшее живое, яркое выраженіе въ произведеніяхъ миннезингеровъ различныхъ націй ¹⁾. Эти произведенія обнаруживаютъ сочувствіе и тѣсную родственную связь съ простѣйшими явленіями природы, съ ея весеннимъ оживленіемъ, цвѣтами, зелеными полями и лѣсомъ; но во всей этой поэзіи мы видимъ передній планъ безъ всякой дали и даже въ пѣсняхъ крестоносцевъ почти нѣтъ признаковъ впечатлѣній далекихъ странствованій. И эпическая поэзія, передавая съ удивительной точностью, напримѣръ, одежду и вооруженіе, въ описаніи мѣстности, напротивъ, ограничивается только наброскомъ и штрихами; такъ, знаменитый Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ едва даетъ намъ представленіе объ аренѣ, на которой подвизаются его герои. Изъ пѣсенъ того времени въ концѣ концовъ нельзя совсѣмъ угадать, что все это поющее благородное сословіе, изъ разныхъ земель, обитаетъ или гоститъ въ замкахъ, на высокихъ мѣстахъ, съ открывающейся впереди далью. И въ упомянутыхъ уже выше латинскихъ стихотвореніяхъ странствующихъ клериковъ, (томъ I отд. III. гл. I) также отсутствуетъ горизонтъ и собственно ландшафтъ, но зато ближайшая окружающая природа изображается порою съ такимъ богатствомъ красокъ и страстью, какихъ почти нельзя замѣтить въ произведеніяхъ рыцарской поэзіи. Едва ли существуетъ, напримѣръ, еще такое описаніе рощи Амура, какъ въ стихотвореніи несомнѣнно итальянскаго поэта XII вѣка:

Immortalis fieret
Ibi manens homo;
Arbor ibi quaelibet.
Suo gaudet pomō;
Viae myrrha, cinnamo
Flagrant et amomo
Conjectari poterat
Dominus ex domo etc. ²⁾.

Во всякомъ случаѣ итальянцы съ раннихъ поръ уже не видятъ въ самой природѣ ни грѣха, ни демоническихъ влія-

¹⁾ Сюда относятся сообщенія Вильг. Гримма и Гумбольдта.

²⁾ Carmina Burana, стр. 162, de Phyllide et Flora, стр. 66.

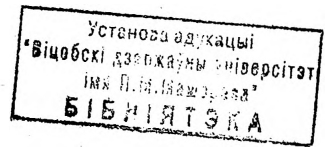
ній. Святой Францискъ Ассизскій, въ своемъ гимнѣ къ солнцу, славить Бога, какъ Создателя небесныхъ свѣтилъ и четырехъ стихій ¹⁾).

Но настоящія доказательства глубокаго вліянія на чело-вѣческую душу широкаго пейзажа и созерцанія природы вообще обнаруживаются только начиная съ Данте. Онъ не только, въ немногихъ строкахъ, рельефно изображаетъ утренній вѣтерокъ, дрожащій свѣтъ вдали, слегка колышущееся море, бурю въ лѣсу, и т. п., но еще подымается на высокія горы, съ единственнымъ намѣреніемъ насладиться обширною далью ²⁾); со временъ древнихъ, онъ первый, быть можетъ, ищетъ этой дали. Боккачіо не столько изображаетъ, сколько даетъ возможность угадать вліяніе на него живописной мѣстности, но въ его пастушескихъ романахъ ³⁾ мы видимъ во всякомъ случаѣ, какое значительное вліяніе оказываетъ природа на его воображеніе. Наконецъ, Петрарка, одинъ изъ первыхъ людей новѣйшей формаціи, можетъ служить наиболѣе яркимъ и рѣшительнымъ примѣромъ вліянія красоты природы на впечатлительную душу. Александръ Гумбольдтъ, этотъ свѣтлый умъ, впервые собравшій изъ всѣхъ литературъ примѣры болѣе или менѣе законченныхъ живописныхъ представленій и въ своихъ „Воззрѣніяхъ на природу“ создавшій самъ величайшее произведеніе въ этомъ смыслѣ,—не совсѣмъ справедливъ, по отношенію къ Петраркѣ, и, такимъ образомъ, намъ остается еще, слѣдуя за

1) Этотъ гимнъ въ той формѣ, по крайней мѣрѣ, въ какой онъ передается, едва-ли принадлежитъ св. Франциску, ср. 7. della Giovanna, Giorn. stor. XXXIII, стр. 74 ff.

2) Трудно придумать, что другое могло его побудить взобраться на высокую гору Bismantova въ области Реджіо. Purgat. IV, 26. Его точность въ описаніи мѣстностей, помѣщаемыхъ имъ въ другомъ мірѣ, свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о богатомъ опытѣ и художественномъ пониманіи формъ. У его предшественниковъ съ высокими горами связана обыкновенно жажда заключенныхъ въ нихъ богатствъ и суевѣрный страхъ. Chron. Novaliciensie II, 5 (Mon. Germ. SS. VII и Monumenta hist. patr. SS. III.

3) Кромѣ описанія Бай въ „Фіаметтѣ“ и лѣса въ „Амето“, заслуживаетъ вниманія еще одно мѣсто въ соч. de Genealogia Deor. XV, 11, гдѣ авторъ перечисляетъ различныя подробности ландшафтной природы: деревья, луга, ручьи, стада, хижины и пр. и прибавляетъ, что эти предметы *animum mulcent* и помогаютъ *...mentem in se colligere*.

этимъ великимъ жнецомъ, подобрать нѣсколько оставшихся колосъевъ.

Петрарка, въ самомъ дѣлѣ, былъ не только выдающийся географъ и картографъ—говорять, онъ составилъ первую карту Италіи¹⁾—и не только повторялъ то, что сказали древніе²⁾, но непосредственно сильно воспринималъ волновавшую его природу. Наслаждение окружающею мѣстностью неизмѣнно сопутствовало всѣмъ его занятіямъ и только любовью къ природѣ объясняется его жизнь анахорета въ Воклюзѣ и его періодическое бѣгство вообще отъ свѣта и людей³⁾. Живописное описаніе природы не достигаетъ у него значительнаго развитія, но было бы ошибочно судить по этому о его впечатлительности къ ландшафтной красотѣ. Его описаніе, напримѣръ, Специи, съ ея замѣчательнымъ заливомъ, которое онъ помѣщаетъ въ концѣ шестой пѣсни своей „Африки“, какъ ландшафтъ, „невоспѣтый еще ни древними, ни новыми поэтами“⁴⁾, носитъ, правда, скорѣе географическій характеръ, но описанія Рима, Неаполя и другихъ итальянскихъ городовъ, охотно посѣщаемыхъ имъ, въ его письмахъ къ друзьямъ, напротивъ носятъ яркій колоритъ и производятъ художественное впечатлѣніе. Кромѣ того, онъ уже цѣнитъ по достоинству живописную красоту скалистыхъ образований и умѣетъ цѣнить вообще красивый ландшафтъ, независимо отъ описанія мѣстности съ практической цѣлью⁵⁾. Во время пребывания его въ горахъ Реджіо, онъ, однажды, подъ впечатлѣніемъ прекраснаго пей-

¹⁾ См. прилож. LXI.

²⁾ Хотя онъ охотно ссылается на нихъ, напр. *de vita solitaria* въ особ. (Opera, изд. Basil 1581) стр. 241, гдѣ онъ приводитъ описаніе винограднака, заимств. у Св. Августина.

³⁾ *Epist. famil.* VII изд. Фракассетти, т. I стр. 367. *Interea utinam scire posses, quanta cum voluptate solivagus ac liber, inter montes et nemora, inter frontes et flumina, inter libros et maximorum hominum ingenia respiro, quamque me in ea, quae ante sunt, cum Apostolo extendens et praeterita oblivisci nitor et praesentia non videre.* Ср. VI, 3, 316 ff, въ особен. 334 f. Ср. далѣе сопоставленіе L. Geiger, *Petrarca* стр. 75 прим. 5, 266.

⁴⁾ *Jacuit sine carmine sacro.*—Срв. *Itinerar. syriacum*, Opp. стр. 558.

⁵⁾ Въ *Itinerar. syr.* онъ, описывая Левантскую ривьеру на стр. 557, различаетъ: *colles asperitate gravissima et mira fertilitate conspicuos.* О берегѣ въ Газѣ ср. *de remediis interiusque font.* I, 54.

зажа, принимается снова за начатое имъ когда-то, и оставшееся неоконченнымъ, стихотвореніе ¹⁾. Но въ особенности глубокое волненіе онъ испытываетъ при восхожденіи на гору Венту, вблизи Авиньона ²⁾. Неопредѣленное стремленіе увидѣть даль давно уже побуждало его взойти на высокую гору, пока, наконецъ, читая Ливія, онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ король Филиппъ, врагъ римлянъ, восходитъ на Гемусъ; во время этого чтенія у него родится такая мысль: если старикъ-король могъ себѣ позволить такого рода „легкомысліе“, то почему нельзя это сдѣлать молодому человѣку простого званія. Но безцѣльное восхожденіе на гору казалось чѣмъ то неслыханнымъ въ то время и нельзя было рассчитывать на сопровожденіе кого либо изъ друзей или знакомыхъ, а потому Петрарка взялъ съ собой только младшаго брата и затѣмъ двухъ крестьянъ, въ качествѣ проводниковъ. Въ серединѣ пути старый пастухъ пытался убѣдить ихъ вернуться: пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, рассказывалъ онъ— онъ тоже пробовалъ взобраться на вершину, но долженъ былъ раскаяться въ этомъ, такъ какъ попытка окончилась разбитыми членами и разорваннымъ платьемъ: ни до него, ни послѣ него никто не могъ взобраться наверхъ. Но путешественники, не слушаясь его, продолжали съ невыразимою трудностью подыматься, до тѣхъ поръ, пока очутились выше облаковъ и достигли вершины. Петрарка называетъ здѣсь только главнѣйшіе пункты, находящіеся у нихъ передъ глазами и не даетъ настоящаго картиннаго описанія величественнаго пейзажа, но его скупость въ этомъ отношеніи объясняется не слабой воспримчивостью, а напротивъ, тѣмъ, что новизна впечатлѣній вызываетъ у него слишкомъ много мыслей. Передъ его умственнымъ взоромъ встаетъ вся его прежняя жизнь со всѣми ея ошибками и заблужденіями; онъ вспоминаетъ, что въ этотъ день исполнилось ровно десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ юношей оставилъ Болонью,

¹⁾ Посланіе къ потопетву: *subito loci specie percussus*. Описание замѣчательныхъ явленій природы: буря въ Неаполѣ: *Err. fam.* (изд. Fracassi) I стр. 263 ff., землетрясенія въ Базелѣ 1355 *Err. sen. lib. X, 2* и *de rem. utr. fort. II, 91*.

²⁾ *Epist. famil. IV, 1* изд., Фракас. т. I стр. 193 и сл. Очень хорошо описано восхожденіе на гору *Mont Ventoux*, у Zumbini, *Nuovi studii sul Petrarca*, Flor. 1895 стр. 284 и сл.

и онъ съ умиленіемъ обращаетъ свой взглядъ въ сторону Италіи; затѣмъ онъ открываетъ книжку, сопровождавшую его всюду въ то время—признанія Св. Августина, и прочитываетъ случайно попадающіяся ему на глаза строки, гдѣ Августинъ говоритъ: „И вотъ люди идутъ и съ удивленіемъ смотрятъ на высокія горы и далекія моря, на бурные потоки, и океанъ, и небесныя свѣтила, но въ это время забываютъ о самихъ себѣ“. Петрарка прочитываетъ брату эти строки, и мальчикъ не можетъ понять, почему онъ тотчасъ закрываетъ книгу и долго молчитъ.

Нѣсколько десятилѣтій спустя, Фаціо дельи Уберти въ своей рифмованной космографіи ¹⁾ (томъ I, ч. 3 гл. II и сл.), описываетъ далекій видъ съ горы Альвернія и хотя онъ дѣлаетъ это при помощи географовъ и древнихъ, но такъ, какъ если бы онъ самъ дѣйствительно все это видѣлъ. Надо полагать, однако, что онъ бывалъ на болѣе высокіхъ вершинахъ, судя по тому, какъ онъ описываетъ свое физическое состояніе: усиленное кровообращеніе, тяжесть вѣкъ и сердцебіеніе, какъ это бываетъ на высотѣ болѣе десяти тысячъ футовъ, причеъ его миѳическій спутникъ Солиній оказываетъ ему помощь губкой, смоченной эссенціей. Тѣмъ не менѣе, восхожденія на Парнасъ и Олимпъ ²⁾, о которыхъ онъ также рассказываетъ, носятъ, повидимому, вымышленный характеръ ³⁾.

Въ XV вѣкѣ великіе художники Фландрской школы, Губертъ и Іоаннъ ванъ Эйкъ, пролагаютъ новый путь и переносятъ природу сразу на полотно. Ихъ ландшафтное изображеніе представляетъ уже не одну только попытку дать болѣе или менѣе правдоподобныя изображенія дѣйствительности, но заключаетъ въ себѣ также самостоятельное

¹⁾ II Dittamondo, III глв. 9.

²⁾ Dittamondo, III глв. 21, IV, глв. 4.— Двѣ прогулки въ горы описаны въ стихотвореніи Andreas Dactius'a „ad amicum“, третья Verga profectio. Прямая цѣль этихъ прогулокъ остается невыясненной, но, повидимому, онѣ вызваны потребностью въ движеніи, желаніемъ уйти изъ города и провести безъ помѣхи время съ друзьями. Rüdiger, Dactius стр. 23, 32.

³⁾ Восхожденіе на гору (нач. 16 в.). Нижеупомянутое соч. Uzielli. Неяснымъ остается, о какой горѣ онъ говоритъ, описывая свое восхожденіе на Monboso (Monte Rosa?).

поэтическое содержание и живую душу, хотя еще и не освободившуюся вполне. Влияние этих двух личностей на все западное искусство не подлежит сомнению и итальянская ландшафтная живопись должна была также испытать это влияние, но вместе с тем итальянцы сохраняют своеобразное отношение к пейзажной красоте и продолжают идти своей дорогой.

И здесь также, как в научной космографии, Эней Сильвий является больше всего выразителем своего времени. Как-бы высоко мы ни ценили его выдающуюся личность, нельзя отрицать, что редко в ком так отразилось время со всей его культурой, и что, при всей своей исключительной индивидуальности, он, все-таки, больше чем кто-либо представляет нормальный тип человека раннего периода эпохи возрождения. Кстати сказать, и в нравственном отношении было бы ошибочно судить о нем по односторонним обвинениям немецкой церкви, обманувшейся в своих ожиданиях.

В настоящий момент он интересуется нас, как первый из итальянцев, не только познавший красоту своей родной природы, но и стремившийся к ее детальному изображению. Ближе всего он был знаком с Церковною областью и южной Тосканой (его родина), и, став папой, он посвящал свои досуги в хорошее время года, главным образом прогулкам и пребыванию в живописных местах (том I, стр. 194 и д.). Давно страдая подагрой, он не мог свободно двигаться, но это уже теперь не стесняло его, так как он мог позволить себе роскошь и его носили в креслах по горам и долинам; если сравнить то, что позволял себе Пий в этом отношении, его горячую любовь к природе и к древности и его умренныя прекрасныя постройки, с излишествами его преемников на папском престоле, то он покажется святым; свои впечатления и тихую радость, испытываемую им во время путешествий, он изобразил в своих „Комментариях“ (Записках) на прекрасном живом латинском языке¹⁾. Его разносторонний развитый взгляд в этом

¹⁾ Наибольшее значение имеют следующие места: Pii II P. M. Commentarii, L. IV, стр. 183: Весна на родине. L. V, стр. 251: Лѣтнее пре-

отношеніи обнаруживаетъ въ немъ въ полномъ смыслѣ слова челоуѣка новаго времени. Мы присутствуемъ при томъ, какъ онъ восторгается великолѣпной панорамой съ одной изъ высшихъ точекъ альбанскихъ горъ, Монте Каво, откуда видна церковь Террачина, на берегу моря и предгорія Цирцеи вплоть до Монте Аргентаро и затѣмъ обширное пространство съ развалинами древнихъ городовъ, съ горными кряжами Средней Италіи, зеленѣющими на склонахъ лѣсами и кажущимися, какъ будто вблизи, горными озерами. Въ другой разъ онъ восхищается живописнымъ Тоди, царящимъ надъ виноградниками и масляными рощами съ виднѣющимися на горизонтѣ лѣсами и многочисленными замками и городками, разбросанными по холмамъ, надъ быстро бѣгущимъ Тибромъ. Прекрасная холмистая мѣстность вокругъ Сіены, съ монастырями и виллами на разныхъ высотахъ — его родина и потому онъ обнаруживаетъ въ ея описаніи особенную любовь. Но и помимо всякихъ личныхъ чувствъ, живописный элементъ самъ по себѣ представляетъ для него уже значительную цѣнность, какъ мы видимъ это въ его описаніи, напримѣръ, Каппо ди Монти на Бользенскомъ озерѣ: „каменные ступени горъ, остѣняемая виноградной лозой, круто спускаются къ берегу, гдѣ, между скаль, цвѣтутъ вѣчно-зеленые дубы и весело звучитъ пѣніе дроздовъ“, — на дорогѣ, вьющейся вокругъ озера Реми, среди кушъ каштановъ и различныхъ фруктовыхъ деревьевъ, онъ думаетъ о томъ, какое настроеніе должно оживать въ душѣ поэта въ этомъ „убѣжищѣ Діаны“. И для совѣщаній папской консисторіи онъ выбираетъ живописныя мѣста; здѣсь онъ подписываетъ бумаги или выслушиваетъ пословъ въ тѣни старыхъ каштановъ, на зеленомъ лугу, возлѣ быстрыхъ источниковъ. Видъ какой-нибудь узкой лоцины, съ смѣло брошеннымъ черезъ нее мостикомъ, вызываетъ у него неожиданную мысль. Ни одна подробность не ускользаетъ

бываніе въ Тибурѣ. L. VI, стр. 306: Ужинъ на берегу источника Виковаро. L. VII, стр. 378: Окрестности Витербо, стр. 387: Монастырь на горѣ, см. Martino, стр. 388: Озеро Больсена. L. IX, стр. 396: Превосходное описаніе Monte Amiata. L. X, стр. 483: Мѣстоположеніе при Monte Oliveto. Стр. 497: Видъ съ г. Todi. L. XI, стр. 554: Остіа и Порто Стр. 562: Описаніе Албанск. горъ. L. XII, стр. 609: Фраскатти и Гро-тоферрата.

отъ него, если она заключаетъ въ себѣ элементъ красоты или носить своеобразный характеръ; онъ любитъ волнующейся нивой, желтымъ дрокомъ, дикимъ кустарникомъ, между тѣмъ какъ великолѣпныя деревья и нѣкоторые источники вызываютъ у него мысль о чудесныхъ явленіяхъ.

Но его страсть къ живописнымъ наслажденіямъ находитъ наивысшее удовлетвореніе, во время пребыванія на Монте Аміатта въ 1462 г., когда чума и невыносимая жара дѣлали невозможнымъ пребываніе въ другой мѣстности. Въ это время онъ, со своею куріей, помѣшался въ древнемъ Лонгобардскомъ монастырѣ Сант-Сальваторе, расположенномъ на среднемъ склонѣ горы; отсюда, если смотрѣть внизъ, можно видѣть всю южную Тоскану и башни Сіены вдали. Папа предоставилъ своимъ спутникамъ взобраться на самую вершину, гдѣ они нашли два громаднхъ камня, служившихъ, по всей вѣроятности, жертвенниками первобытныхъ народовъ и откуда они различали вдали, какъ имъ казалось, Корсику и Сардинію ¹⁾).

Здѣсь папа находился въ счастливѣйшемъ настроеніи, пользуясь восхитительной прохладой среди дубовъ и каштановъ, на свѣжей травѣ, гдѣ нельзя было поранить ногу никакими иглами, и гдѣ не было ни надоѣдливыхъ насѣкомыхъ, ни опасныхъ змѣй; и здѣсь для подписи бумагъ, въ извѣстные дни недѣли, онъ выбиралъ каждый разъ новыя тѣнистыя мѣста ²⁾— „*novos in convallibus fontes et novas inveniens umbras, quae dubiam facerent electionem*“.— При этомъ случалось, что собаки выгоняли мощнаго оленя изъ недалекаго логовища и видно было, какъ онъ оборонялся рогами и копытами и быстро скрывался въ утесахъ. По вечерамъ папа садился у воротъ монастыря, надъ склономъ въ долину Паліи и бесѣдовалъ съ кардиналами. Если кто изъ придворныхъ, увлекшись охотой, спускался внизъ, то находилъ тамъ невыносимую жару и сгорѣвшую растительность, между тѣмъ какъ монастырь, окруженный зеленой прохладой, казался жилищемъ блаженныхъ.

¹⁾ Такъ, вѣроятно, называется у него Спцилія.

²⁾ Онъ говоритъ о самомъ себѣ, намекая на свое имя: *Silvarum amator et varia videndi cupidus*.

Мы видимъ здѣсь совершенно новый родъ наслажденія, внѣ всякаго вліянія древности. Безъ сомнѣнія, древніе испытывали тѣ же впечатлѣнія, но то небольшое, что могъ встрѣтить Пій въ классической литературѣ того времени, не могло такъ сильно на него вліять и вызвать такого рода энтузіазмъ ¹⁾.

Слѣдующій затѣмъ второй періодъ развитія итальянской поэзіи, въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, а также и латинская поэзія этого времени, заключаютъ въ себѣ рядъ доказательствъ сильнаго вліянія ландшафтной красоты, какъ это видно при первомъ взглядѣ на тогдашнихъ лириковъ. Подробныхъ описаній природы и живописныхъ мѣстностей мы, правда, не встрѣчаемъ, такъ какъ лирика, эпосъ и новелла заняты въ это энергическое время другимъ. У Боярда и Аріоста мы находимъ хотя довольно яркое, но возможно краткое упоминаніе мѣста дѣйствія; они не прибѣгаютъ къ ландшафту и перспективѣ ²⁾, такъ какъ настроеніе у нихъ сосредоточено исключительно на образахъ и самихъ происшествіяхъ. Созерцательные авторы діалоговъ и эпистолографы скорѣе могутъ служить выразителями возрастающей симпатіи къ природѣ, чѣмъ поэты того времени. Банделло, напримѣръ, строго держится принятыхъ правилъ литературнаго изложенія и въ своихъ новеллахъ въ описаніяхъ мѣстности ограничивается только самымъ необходимымъ ³⁾, но въ предшествующихъ этимъ новеллахъ, разговорахъ даетъ прекрасное описаніе мѣстъ, гдѣ собираются и бесѣдуютъ дѣйствующія лица. Изъ авторовъ писемъ Аретино ⁴⁾,

¹⁾ Объ отношеніи къ ландшафту Leonbattista Alberti ср. т. I стр. 133 и д. Alberti, младшій современникъ Сильвія (Trattato del gov. della famiglia, стр. 90) восхищается „холмомъ поросшимъ зеленью“, „прелестными долинами“ и „журчащими ручьями“. Здѣсь надо упомянуть также „Этну“ небольшое сочиненіе Бембо, появившееся въ первый разъ въ Венеціи въ 1495 г. и затѣмъ повторившееся въ печати; несмотря на частыя отступленія самаго разнообразнаго характера и многое лишнее, этотъ рассказъ содержитъ заслуживающее вниманія живописное этнографическое описаніе мѣстностей.

²⁾ Самое законченное произведеніе въ этомъ родѣ находимъ у Аріосто; его шестая пѣснь представляетъ все дѣйствіе на переднемъ планѣ.

³⁾ Архитектоника имѣетъ въ его глазахъ другое значеніе; онъ не щадитъ красокъ въ изображеніи обстановки и можетъ дать матеріалъ декораторамъ.

⁴⁾ Lettere pittoriche II, 36. Къ Типціану, май, 1544.

кажется, первый передаетъ словами эффектъ вечерняго освѣщенія облаковъ.

Но и у поэтовъ мы встрѣчаемъ иногда рядомъ съ лирическими изліяніями также описаніе мѣстности и даже жанровыя картины изъ окружающей жизни. Тито Строцци, на примѣръ, въ одной латинской элегіи описываетъ (осенью 1458) мѣстопробываніе своей возлюбленной: ветхій домикъ обвитый плющемъ, съ потемнѣвшими отъ времени фресками изъ жизни святыхъ, весь спрятанный между деревьями, а вблизи часовня на берегу рѣки По, у самой воды, такъ что весенній потокъ иногда грозитъ ей опасностью; невдалекѣ отъ нея сельскій священникъ пашетъ свои семь жалкихъ акровъ земли. Мы видимъ здѣсь не подражаніе римскимъ элегикамъ, но уже вполне современное личное впечатлѣніе и, какъ увидимъ дальше, въ параллель къ этому въ поэзіи нѣтъ недостатка также и въ безыскусственномъ, а не буколическомъ изображеніи народной жизни.

Можно было бы возразить, что наши нѣмецкіе художники въ началѣ XVI вѣка съ удивительнымъ мастерствомъ изображаютъ вполне реалистически человѣческую жизнь и всю окружающую обстановку, какъ, на примѣръ, Альбрехтъ Дюреръ въ гравюрѣ „Блудный сынъ“. Но не надо забывать разницу между художникомъ, котораго жизнь и творчество носятъ по существу реальный характеръ, и воспитанномъ на мифологіи идеалистическимъ поэтомъ, обращающимся къ дѣйствительности по внутреннему побужденію. Къ тому же и въ этомъ отношеніи, также какъ въ изображеніи сельской жизни, первенство во времени, всетаки, на сторонѣ итальянскихъ поэтовъ.

1) Strozzi poetae, см. Erotia. L. VI, Fol. 183 въ стихотвореніи: Portatur se ipse, ut ad amicam properet.

Глава IV

Открытие чело́вѣка; внутренній міръ чело́вѣка въ поэзіи

Культура эпохи возрожденія влечетъ за собой не только рядъ внѣшнихъ открытій; ея главнѣйшая заслуга въ томъ, что она впервые раскрываетъ весь внутренній міръ чело́вѣка ¹⁾ и призываетъ его къ новой жизни.

Въ эту пору прежде всего индивидуализмъ достигаетъ, какъ мы видѣли, высокой степени развитія; далѣе гуманизмъ ведетъ къ разностороннему знакомству съ индивидуальностью во всѣхъ ея проявленіяхъ, и формированіе личности совершенствуется главнымъ образомъ путемъ самознанія и ознаменованія съ различными индивидуальностями вообще.

Вліяніе классической древности является посредствующимъ звеномъ во всемъ этомъ движеніи, такъ какъ имъ главнѣйшимъ образомъ опредѣляется характеръ новыхъ приобрѣтеній въ сферѣ индивидуальности и литературное изображеніе личности. Но сила познанія сама по себѣ лежала во времени и въ духѣ націи.

Мы не можемъ опереться на рядъ доказательствъ въ подтвержденіе нашего мнѣнія и сознаемъ, что наше представленіе о переходномъ моментѣ въ духовной жизни XIV и въ XV вѣковъ носить, въ извѣстной мѣрѣ, субъективный характеръ и можетъ быть другими отвергнуто. Явленіе постепеннаго проясненія народной души въ глазахъ

¹⁾ Это опредѣленіе заимствовано изъ 7-го т. (Введеніе) Исторіи Франціи Мишле.

каждаго наблюдателя можетъ носить другую окраску. Время должно выяснитъ, какая точка зрѣнія правильнѣе.

Къ счастью, познаніе внутренняго міра человѣка началось не съ разсужденій по правиламъ теоретической психологіи, такъ какъ въ этомъ отношеніи довольствовались Аристотелемъ, — но съ наблюденій и художественныхъ изображеній. Неизбѣжный теоретическій балластъ ограничивается ученіемъ о четырехъ темпераментахъ, въ связи съ принятымъ тогда вѣрованіемъ о вліяніи планетъ. Но эти застывшія съ незапамятныхъ временъ понятія служили основаніемъ только для сужденій о судьбѣ единичныхъ личностей, не препятствуя въ общемъ великимъ прогрессивнымъ движеніямъ. Конечно, страннымъ кажется самое существованіе такихъ понятій въ такое время, когда не только существуетъ уже точное описаніе вообще, но и вѣчное искусство и поэзія изображаютъ совершеннаго человѣка со всей его внутренней глубиной и въ его характернѣйшихъ проявленіяхъ. Нельзя не видѣть комизма въ томъ, что такой, на примѣръ, тонкій наблюдатель, какъ Климентъ VII, несмотря на меланхолическій темпераментъ, покоряется сужденію врачей, опредѣляющихъ его темпераментъ, какъ сангвинико-холерическій ¹⁾. Или мы узнаемъ, на примѣръ, что побѣдоносный Гастонъ де Фоа, вызывавшій удивленіе историковъ, котораго изображали Джорджіоне кистью и Бамбайя рѣзцомъ, носитъ печать сатурнической природы, другими словами—родился подъ несчастной звѣздой и долженъ быть несчастенъ самъ или приносить несчастье другимъ ²⁾. Безъ сомнѣнія, всѣ тѣ, кто такъ говоритъ и пишетъ, имѣютъ въ виду нѣчто весьма опредѣленное, но они выражаютъ это въ странныхъ и отжившихъ категоріяхъ.

Въ сферѣ свободнаго творчества наши взоры невольно обращаются къ великимъ поэтамъ XIV вѣка.

Если окинуть взглядомъ все, что произвели придворная и рыцарская поэзія въ два предшествующіе вѣка на Западѣ, то въ общей суммѣ прекрасныхъ мотивовъ и эпи-

¹⁾ Tomm. Gar, Relaz. della corte di Roma I, стр. 278, 279. См. Rel. Soriano г. 1533.

²⁾ Prato, Arch. stor. III, стр. 295 и сл. Связь между звѣздами и человѣч. характерами см. Corn. Agrippa de occulta philosophia, с. 52.

зодовъ душевной жизни, мы встрѣтимъ многое такое, что на первый взглядъ, можетъ поспорить съ произведеніями итальянцевъ. Не говоря уже о всей лирикѣ, одинъ Готфридъ Страсбургскій въ „Тристанъ и Изольдъ“ дастъ неувядающую картину страсти. Но такія жемчужины разсѣяны въ цѣломъ морѣ искусственныхъ и условныхъ представленій, и содержаніе этихъ произведеній еще очень далеко отъ объективной законченности въ изображеніи человѣческой души, со всѣми ея богатствами.

Италія въ XIII вѣкѣ, въ свою очередь, принесла дань придворной и рыцарской поэзіи въ лицѣ своихъ трубадуровъ. Имъ обязана главнымъ образомъ своимъ существованіемъ *канциона* со всѣми ея трудностями и искусственностью, неуступающими пѣснямъ сѣверныхъ миннезингеровъ; даже содержаніе и процессъ мыслей въ кантонѣ носятъ тотъ-же характеръ условной придворной поэзіи, хотя авторъ принадлежитъ къ гражданскому или ученому сословію.

Но два обстоятельства, весьма важныя, если смотрѣть на нихъ даже съ одной только внѣшней стороны, предвѣщаютъ нѣчто новое итальянской поэзіи въ ея будущемъ.

Тотъ самый Брунетто Латини, котораго канцоны ничѣмъ не отличались отъ обычной поэзіи трубадуровъ, явился въ то же время авторомъ такъ называемыхъ *versi sciolti*¹⁾, т. е. нерифмованныхъ гендекасиллабъ, и въ этой, повидимому, безформенной поэзіи онъ проявилъ реальную живую страстность. Мы видимъ здѣсь такое же сознательное ограниченіе внѣшнихъ приемовъ выраженія, основанное на вѣрѣ въ силу внутренняго содержанія, какъ нѣсколько десятилѣтій спустя во фрескахъ, а еще позднѣе въ живописи на деревѣ, когда стали пренебрегать красками, пользуясь только болѣе или менѣе темными или свѣтлыми тонами. Въ такое время, когда въ поэзіи придавалось высокое значеніе внѣшней формѣ, эти стихотворенія Латини представляютъ собой начало новаго направленія. Нерифмованные стихи стали, какъ извѣстно, позднѣе преобладающими въ драмѣ. Съ этихъ поръ пишущіе этими стихами стараются сдѣлать очевид-

¹⁾ По частямъ приводятся Trucchi въ его *Poesie italiane inedite* I, стр. 165 и д. Полностью см. Grion, *Propugnatore* 1869, I, 608 и д. Ср. Mazzoni, *Studi editti dali. Univers. di Padova* 1888, III, стр. 4 ff.

ными всѣ трудности этого рода поэзіи. Такъ Триссино, посвящая „Софонизбу“ Льву X, выражаетъ надежду, что папа оцѣнитъ этотъ родъ поэзіи и признаетъ, что она лучше, благороднѣе и *труднѣе*, чѣмъ это кажется.¹⁾

Но рядомъ съ этимъ, и даже еще въ первой половинѣ XIII вѣка, въ Италіи становится весьма распространенной и преобладающей одна изъ многихъ строго размѣренныхъ формъ, возникшихъ въ то время на Западѣ, а именно—сонетъ. Порядокъ строфъ и даже число стиховъ въ сонетѣ²⁾ колеблется и мѣняется еще въ теченіе ста лѣтъ, пока Петрарка не установилъ для него нормальныхъ правилъ. Въ этой формѣ стали выражать всѣ высокіе лирическіе и созерцательные мотивы, а затѣмъ и всякаго рода содержанія вообще; мадригалы, сестины и даже канцоны стали занимать съ этого времени подчиненное мѣсто. Позднѣе, сами итальянцы то шутя, то съ серьезнымъ неудовольствіемъ, жаловались на этотъ неизбѣжный шаблонъ, на это Прокрустово ложе всѣхъ чувствъ и мыслей. Другіе, напротивъ, были и остаются довольны этой формой и продолжаютъ пользоваться ею для воспоминаній и праздныхъ звуковъ, лишенныхъ глубокаго содержанія и непосредственныхъ вдохновеній. Поэтому плохихъ и незначительныхъ сонетовъ гораздо больше, чѣмъ хорошихъ.

Тѣмъ не менѣе сонетъ представляется намъ великимъ благомъ для итальянской поэзіи. Его ясность и размѣренная красота, непремѣнное оживленіе и повышеніе во второй части, наконецъ, легкость запоминанія вели къ тому, что и великіе поэты постоянно къ нему возвращались. Нельзя допустить, въ самомъ дѣлѣ, что они удержали бы эту форму до нашего столѣтія, если бы не считали ее весьма цѣнной. Безъ сомнѣнія, гении могли бы проявить свое могущество точно также въ различныхъ другихъ формахъ, но менѣе даровитые, быть можетъ, истопили бы свои усилія въ лирическомъ разнообразіи, если бы не были вынуждены, слѣдуя примѣрамъ старшихъ, сосредоточить свои стремленія болѣе

1) Roscoe, Leone X, изд. Bossi VIII, 174.

2) Ср. напр. интересн. въ этомъ смыслѣ стихи у Данте, Vita nuova, ed. Witte (Leipzig 1876) стр. 13 и. д. и стр. 16. И тамъ до 20 неправильныхъ стиховъ. Въ первомъ случаѣ одна рифма повторяется 8 разъ.

или менѣе въ этой формѣ. Сонетъ сталъ въ нѣкоторомъ родѣ конденсаторомъ идей и впечатлѣній, подобнаго которому мы не видимъ въ поэзіи другихъ новыхъ народовъ. Такимъ образомъ весь внутренній міръ итальянцевъ является передъ нами въ рядѣ картинъ, необыкновенно точныхъ и выразительныхъ, благодаря ихъ краткости. Если бы другіе народы усвоили себѣ такого рода условную форму поэзіи, мы, вѣроятно, ознакомились бы ближе съ ихъ внутренней жизнью; мы имѣли бы передъ глазами законченное изображеніе внутреннихъ и внѣшнихъ ситуаций, рядъ отраженій личныхъ характеровъ, и намъ не пришлось бы довольствоваться мнимой лирикой XIV и XV вѣка, изъ которой трудно что-нибудь извлечь. У итальянцевъ мы видимъ твердые шаги впередъ, почти съ самаго появленія сонета; во второй половинѣ XIII вѣка, такъ называемые „*Trovatori della Transizionni*“¹⁾ составляютъ въ дѣйствительности переходъ отъ трубадуровъ къ поэтамъ, находящимся уже подъ влияніемъ древнихъ; непосредственное сильное впечатленіе, твердая обрисовка ситуации, точность выраженій и окончаній въ этихъ сонетахъ и другихъ стихотвореніяхъ, — все это предвѣщаетъ Данте. Нѣкоторые партійные сонеты Гвельфовъ и Гибеллиновъ уже носятъ въ себѣ зародышъ будущей его страстности, другіе напоминаютъ лучшее въ его лирикѣ.

Мы не знаемъ, какъ онъ самъ смотрѣлъ на сонетъ съ теоретической точки зрѣнія, такъ какъ послѣднія части его сочиненія о простомъ или народномъ языкѣ, гдѣ онъ говоритъ, повидимому, о сонетѣ и балладѣ, остались ненаписанными или же не дошли до насъ. Тѣмъ не менѣе онъ оставилъ превосходнѣйшія изображенія душевныхъ движеній въ сонетѣ и канцонѣ. И въ какихъ рамкахъ онъ это сдѣлалъ! Проза его „*Vita nuova*“, гдѣ онъ говоритъ о поводахъ къ тому или другому изъ его стихотвореній, также прекрасна, какъ сами стихи и составляетъ съ ними одно гармоническое цѣлое, проникнутое горячимъ чувствомъ. Безпошадный къ самой душѣ, онъ опредѣляетъ всѣ оттѣнки ея блаженства и страданій и при посредствѣ сильной воли передаетъ это все въ строгой художественной формѣ. Когда читаешь вни-

¹⁾ *Trucchi*, въ раз. м. стр. 181 и сл.

мательно эти сонеты и канцоны и между ними замѣчательные отрывки изъ дневника его юности, невольно думается, что поэты всѣхъ среднихъ вѣковъ избѣгали углубляться въ себя, и онъ первый нашелъ себя самъ. Другіе безчисленные авторы слагали до него искусныя строфы, но онъ первый въ полномъ смыслѣ слова художникъ, такъ какъ сознательно воплотилъ не преходящее содержаніе въ столь-же не преходящей формѣ. Его субъективная лирика полна объективной истины и величія; при этомъ матеріалъ, большей частью, такъ обработанъ, что всѣ народы и поколѣнія могутъ его усвоить и прочувствовать ¹⁾). Мы видимъ, что онъ считаетъ нужнымъ оправдываться даже въ тѣхъ случаяхъ, когда остается вполне объективнымъ, только потому, что читатель можетъ угадать его личное чувство, по ходу событій, какъ въ его величественныхъ сонетахъ *Tanto gentile и Vede perfettamente* ²⁾). Въ сущности сюда надо отнести и сонетъ *Deh peregrini che pensosi andate* и др.

Если бы Данте даже не написалъ Божественной Комедіи, одинъ дневникъ его юности уже составилъ бы пограничную черту между средними вѣками и новымъ временемъ, такъ какъ этотъ памятникъ представляетъ мощный шагъ человѣческой души на пути къ собственному самознанию.

Что же касается его Комедіи, мы должны были бы остановиться на содержаніи каждой пѣсни, для того, чтобы исчерпать все ея богатство, прослѣдить всѣ откровенія такого самосознанія и выяснить такимъ образомъ всю цѣнность ея въ этомъ отношеніи; но мы не станемъ этого дѣлать, въ виду ея всеобщей извѣстности. Начертаніе и основная идея ея принадлежатъ среднимъ вѣкамъ и для насъ имѣютъ только историческій интересъ, но она является началомъ всей

¹⁾ Эти канцоны и сонеты тѣ самые, что вызвали негодованіе Данте въ устахъ кузнеца и погонщика ословъ, исказившихъ эти стихотворенія (Ср. Franco Sacchetti, Nov. 114, 115). Такъ быстро поэзія стала достояніемъ черни.—Его собственные стихотворенія также стали народнымъ достояніемъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуется Петrarка, Sen. V, 2.

²⁾ „Vita nuova“, ed. Witte, стр. 81, 82 и д.—*Deh. peregrini*, тамъ-же, стр. 116 и д.

новой поэзіи, благодаря полнотѣ и необыкновенной пластической силѣ изображенія внутренней жизни ¹⁾).

Вліяніе этой поэзіи могло испытывать иногда своего рода реакцію или задержку на какихъ-нибудь полстолѣтія, но ничто не могло ослабить ея жизненность; каждый вновь появившійся въ Италіи въ XIV, XV и XVI вѣкахъ глубокой поэтъ, воспитанный на Данте, уже достигаетъ высшей степени развитія, чѣмъ какой бы то ни было поэтъ въ другой странѣ, предполагая въ основѣ равную степень дарованій.

Въ Италіи извѣстная образованность, включающая также и поэзію, всегда предшествуетъ образовательнымъ искусствамъ и является въ значительной мѣрѣ источникомъ ихъ. То же самое мы видимъ и въ отношеніи къ Данте. Болѣе столѣтія проходитъ прежде чѣмъ воплощеніе душевныхъ движеній въ скульптурѣ и живописи достигаетъ нѣкоторой аналогіи съ выразительностью поэзіи Данте. Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, насколько это общее правило примѣнимо къ исторіи искусствъ другихъ народовъ ²⁾ и насколько этотъ вопросъ важенъ самъ по себѣ, но въ исторіи итальянской культуры это обстоятельство имѣетъ огромное значеніе.

Имѣлъ ли Петрарка, въ свою очередь, значеніе въ этомъ смыслѣ въ итальянской культурѣ, пусть рѣшаетъ каждый, какъ знаетъ. Кто приближается къ нему въ качествѣ судебного слѣдователя, присматриваясь ко всѣмъ противорѣчіямъ между поэтомъ и человѣкомъ и строго разбирая всѣ его слабости, тотъ можетъ, конечно, потерять всякую охоту къ чтенію его сонетовъ. Въмѣсто поэтического наслажденія мы будемъ имѣть тогда только представленіе о самомъ обыкновенномъ человѣкѣ. Намъ остается только жалѣть о томъ, что въ письмахъ Петрарки еще мало авиньонскихъ сплетенъ и что письма его знакомыхъ и ихъ друзей потеряны или никогда не существовали. Въмѣсто того, чтобы благодарить небо за то, что нѣтъ необходимости знать всѣ трудности, какія долженъ былъ преодолѣть поэтъ, для

¹⁾ Для теоретической психологіи Данте одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ — начало *Purgat. IV*. Кромѣ того ср. соответствующія части *Convito*.

²⁾ Портреты школы Ванъ-Эйка показываютъ совсѣмъ другое на сѣверѣ. Они еще долгое время превосходятъ всякое литературное изображеніе.

того чтобы спасти кое-что вѣчное изъ окружающей его среды и собственнаго жалкаго существованія, люди собираютъ, по возможности, такого рода „реликви“ и пишутъ біографію, болѣе похожую на обвинительный актъ. Но Петрарка можетъ утѣшиться; если печатаніе и обнародованіе писемъ знаменитыхъ людей въ Германіи, Франціи и Англии будетъ продолжаться еще пятьдесятъ лѣтъ въ томъ же духѣ, какъ теперь, онъ будетъ сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ въ самомъ избранномъ обществѣ.

Признавая всю искусственность Петрарки, нельзя, однако, отрицать его высокій талантъ, превосходную передачу внутреннихъ образовъ и картинъ, и поэтическое описаніе пережитыхъ имъ счастливыхъ и грустныхъ явленій жизни, которыхъ до него никто такъ не касался; эти художественныя описанія и представляютъ собой настоящую его цѣнность для Италіи и другихъ народовъ. Его стиль не всегда одинаково ясенъ и выразителенъ; на ряду съ художественнымъ и красивымъ, онъ иногда злоупотребляетъ аллегоріей и софизмами, но въ общемъ, все-таки, настоящая поэзія сохраняетъ перевѣсъ надъ всѣмъ лишнимъ.

И Боккачіо также въ своихъ мало-оцѣненныхъ сонетахъ ¹⁾ достигаетъ иногда совершенства въ смыслѣ передачи внутреннихъ движеній. Такъ, онъ прекрасно передаетъ посѣщеніе вновь мѣстности, гдѣ онъ нѣкогда любилъ (сон. 22), весеннюю грусть (сон. 33), скорбь старѣющаго поэта (сон. 65). Далѣе, въ своемъ „Аметто“ онъ изобразилъ облагораживающую и возвышающую силу любви такъ, какъ этого трудно было ожидать, по мнѣнію многихъ, отъ автора Декамерона ²⁾. Наконецъ, его „Фіаметта“ есть не что иное, какъ огромная картина душевной жизни, обнаруживающая много глубокой наблюдательности; къ недостаткамъ ея надо отнести пристрастіе къ звучнымъ фразамъ и не всегда удачныя экскурсіи въ область мифологіи и древности.

Несомнѣнно, что древніе писатели, въ особенности элегическіе авторы и четвертая книга Энеиды, оказали свое

¹⁾ Opere volgari XVI.

²⁾ Въ пѣснѣ пастуха послѣ празднества Венеры, Opp. ed. Moutier, т. XV, 2, стр. 67 и д., ст. Landau, стр. 58—64; о Фіаметтѣ, Landau, стр. 96—105, кромѣ указан. нами.

вліяніе ¹⁾ какъ на этихъ, такъ и на послѣдующихъ итальянскихъ поэтовъ, но тѣмъ не менѣе источникомъ вдохновенія оставался, все-таки, ихъ личный внутренний міръ. Сравнивая ихъ съ этой точки зрѣнія съ современными поэтами другихъ народовъ, мы должны будемъ признать за ними первенство въ изображеніи и перадачѣ чувствъ, волнующихъ людей, того времени. И среди другихъ народовъ могли быть люди, умѣвшіе также глубоко чувствовать, но для насъ здѣсь важно не это, а только вопросъ о томъ, кто первый нашелъ настоящее выраженіе этихъ чувствъ.

Но почему итальянцы эпохи Возрожденія не произвели ничего первостепеннаго въ трагедіи, тогда какъ у нихъ былъ для этого такой благодарный матеріалъ въ исторіи возвышенія и паденія, борьбы характеровъ, ума и страстей? Другими словами, почему Италия не произвела своего Шекспира? Этотъ вопросъ можетъ относиться къ одной только параллели съ краткимъ расцвѣтомъ театра въ Англіи, такъ какъ остальной Европѣ Италия не уступала въ этомъ отношеніи въ XVI и XVII вѣкѣ; съ Испаніей она не могла конкурировать, потому что въ ней не имѣли мѣста ни религіозный фанатизмъ, ни отвлеченное чувство чести, и въ то же время итальянцы были слишкомъ умны и горды, чтобы ставить на пьедесталъ свой незаконный и тираннический государственный строй ²⁾.

Но на параллель съ Англіей можно возразить, что, во-первыхъ, вся Европа произвела только одного Шекспира, и что такого рода гений представляетъ собою вообще своего рода подарокъ небесъ. Далѣе, возможно, что театръ въ Италиі былъ близокъ къ большому расцвѣту, но начавшаяся борьба съ реформацией и испанское владычество надъ Неаполемъ и Миланомъ, а косвен-

¹⁾ Знаменитый Lionardo Aretino, глава гуманизма въ началѣ 15 столѣтія высказывается такъ: *che gli antichi Greci d'umanità e di gentilezza di cuore abbino avanzato di gran lungo i nostri Italiani*, но онъ говоритъ это въ вступленіи къ новеллѣ, содержащей разсказъ о принцѣ Антиохѣ и его тещѣ Стратоникѣ и носящей двусмысленный, полуазиатскій характеръ (напечатано между пр. какъ приложение къ *Cento novelle antiche*).

²⁾ Въ то же время сочинители драмы „на случай“ въ достаточной мѣрѣ льстили отдѣльнымъ дворямъ.

нымъ образомъ почти надъ всей Италіей, повлекли за собой увяданіе многихъ лучшихъ ростковъ духовной жизни Италіи¹⁾. Наконецъ, представимъ себѣ самого Шекспира подъ гнетомъ какого-нибудь испанскаго вице-короля или римской куріи, или даже въ его родной странѣ, двумя десятилѣтіями позже, во время революціи. Драма въ наивысшемъ своемъ развитіи есть позднее дитя всякой культуры; она требуетъ особыхъ условій времени и счастливой случайности.

Кстати, однако, обратимъ вниманіе на нѣкоторыя обстоятельства, во всякомъ случаѣ затруднявшія процвѣтаніе драмы въ Италіи и служившія помѣхой, пока оно стало ужъ совсѣмъ невозможнымъ.

Прежде всего такой помѣхой была страсть къ извѣстнаго рода зрѣлищамъ и въ особенности распространенность мистерій и другихъ религиозныхъ церемоній. Во всей остальной Европѣ сценическое изображеніе, заимствованное изъ легендъ и священной исторіи, было прежде всего источникомъ и началомъ драмы и театра вообще, но Италія, какъ мы это еще увидимъ далѣе, до такой степени увлеклась декоративной пышностью и роскошью костюмовъ въ мистеріяхъ, что драматическій элементъ долженъ былъ при этомъ непременно страдать. Изъ всѣхъ такихъ безчисленныхъ и дорого стоившихъ представленій не возникло ничего подобнаго даже той поэзіи, какую мы видимъ въ „Autos sacramentales“ у Кальдерона и другихъ испанскихъ поэтовъ, не говоря уже о преимуществахъ свѣтской драмы²⁾.

И, наконецъ, едва только послѣдняя появилась, къ ней тотчасъ стали прилагать заботу о роскошной постановкѣ, какъ къ этому привыкли уже въ мистеріяхъ. Мы съ изумленіемъ узнаемъ о пестротѣ и роскоши костюмовъ и декорацій въ Италіи въ то время, когда на сѣверѣ въ театрѣ довольствовались еще однимъ только намекомъ или названіемъ на сценѣ мѣста дѣйствія. Но это обстоятельство, быть можетъ, не имѣло бы такого рѣшающаго вліянія, если

1) Грегоровіусъ опровергалъ эти возрѣнія. Hillebrand, напротивъ, пришелъ даже къ тому заключенію, что въ Италіи вовсе не было національной жизни, служащей основой всякой драмы. Алсона, авторъ Origini (2-е изд. I, 4 прим.) говоритъ тоже самое и прибавляетъ, что зависимость отъ древности задержала развитіе драмы.

2) Ср. прилож. LXV.

бы роскошь костюмовъ дѣйствующихъ лицъ и въ особенности пестрыя интермеццо не отвлекали вниманія зрителей отъ поэтического содержанія самой пьесы.

Къ числу причинъ, задержавшихъ развитіе драмы въ Италіи, надо отнести, конечно, и представленія на итальянскомъ и латинскомъ языкахъ произведеній Плавта и Теренція, а также древнихъ трагиковъ, вошедшія въ моду, какъ мы видѣли (томъ I ч. 3 гл. IX, XI) въ Римѣ, Феррарѣ и др. городахъ, тѣмъ болѣе, что академіи, въ свою очередь, занимались этимъ, и поэты эпохи возрожденія въ значительной мѣрѣ стремились къ подражанію тѣмъ же образцамъ. Но все это вмѣстѣ, на мой взглядъ, не имѣетъ рѣшающаго значенія; это обстоятельство могло бы даже принести пользу и содѣйствовать переходу къ новой драмѣ, если бы не помѣшали реакція противъ реформации и господство чужеземцевъ. Мы видимъ, что тотчасъ послѣ 1520 г. живой итальянскій языкъ одерживаетъ почти рѣшительную побѣду въ трагедіи и комедіи, несмотря на все неудовольствіе гуманистовъ ¹⁾. Очевидно, съ этой стороны не представлялось препятствій къ созданію драмы, въ которой самая развитая нація въ Европѣ могла бы, казалось, дать наивысшее отраженіе внутренней жизни человѣка того времени. Но инквизиторы и испанцы сдѣлали свое дѣло, и драматическое изображеніе различныхъ конфликтовъ стало невозможнымъ, въ особенности въ сферѣ національныхъ традицій. Къ этой исторической причинѣ надо также прибавить и вредное вліяніе такъ называемыхъ „интермеццо“ ²⁾, о которыхъ мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

Когда въ Феррарѣ праздновалась свадьба принца Альфонса съ Лукреціей Борджіа, герцогъ Эрколе лично показывалъ высокимъ гостямъ сто десять костюмовъ, предназначенныхъ для пяти комедей Плавта, чтобы всѣ убѣдились что ни одинъ костюмъ не повторится два раза ³⁾. Но

¹⁾ Paul. Jovias, Dialog. de viris lit. illustr. у Tiraboschi т. VII, IV.— Lil. Greg. Gyraldus, de poetis nostri temp., изд. A. Wotke, стр. 40.

²⁾ O intermezzi e pompe sceniche (sacre rappr.). Amona, Origini I, 515 ff. Во французскихъ мистеріяхъ актеры шествовали впереди процессіи; это называлось la montre.

³⁾ Isabella Gonzaga къ своему мужу 3 feb. 1502 г., Arch. stor. Arpend. II стр. 306 и слѣд.

все это изобиліе тафты и камчатныхъ тканей ничего не значило въ сравненіи съ пышностью и разнообразіемъ балетовъ и пантомимъ, служившихъ развлеченіемъ въ антрактахъ античныхъ драмъ. Безъ сомнѣнія, Плавтъ долженъ былъ казаться скучнымъ Изабелѣ Гонзаго, какъ молодой женщинѣ съ живымъ характеромъ, и большинство зрителей, во время представленія пьесы, съ нетерпѣніемъ ждало антрактовъ, заранѣе зная ихъ пестроту и роскошь. Въ этихъ интермеццо можно было видѣть римскихъ воиновъ, потрясающихъ въ тактъ музыки древнимъ оружіемъ, мавровъ, танцующихъ съ горящими факелами, и быстрыя движенія дикихъ людей съ рогами изобилія, разбрасывающими огонь; весь этотъ балетъ служилъ дополненіемъ къ пантомимѣ, изображавшей спасеніе молодой дѣвушки отъ похитившаго ее дракона; далѣе танцевали клоуны въ шутовскихъ нарядахъ¹⁾, награждая другъ друга ударами и т. п. Такого рода представленія исполнялись иногда на открытой сценѣ и продолжались до трехъ часовъ ночи. Они удовлетворяли, разумѣется, только страсти къ зрѣлищамъ, но не имѣли никакого отношенія ни къ самой пьесѣ, ни къ присутствующимъ, а потому не могли представлять никакого интереса для мыслящихъ людей; мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что Изабелла Гонзаго, скучая по своему ребенку и недовольная къ тому же самымъ бракомъ брата съ Лукреціей, называетъ все торжество вмѣстѣ съ пьесой и этими антрактами „холоднымъ и скучнымъ“.

Но при Феррарскомъ дворѣ каждая комедія непременно должна была имѣть свой балетъ („moresca“)²⁾. Представленіе Плавтовыхъ менѣхъ при первомъ обрученіи Альфонса съ Анной Сфорца, безъ сомнѣнія, носило драма-

¹⁾ Изабелла пишетъ: *cum una camisa indosso, cum le calze loro, in testa una scartozo, in mano una vesicha schionfa*. Настоящій костюмъ Пульчемелли появляется, по мнѣнію Z., только въ концѣ 16 вѣка.

²⁾ *Diario Ferrarese* у Murat. XXIV, Col. 404. Еще о томъ-же театрѣ. Col. 278, 279, 282—285, 361, 380, 381, 393, 397. Во время одного представленія въ Феррарѣ (письмо Яно Персаго, 1499, *Giorn. storico* XI, 182 ff.) на сценѣ появились сперва 10 крестьянъ, изображавшихъ сельскія работы, потомъ десять шутовъ, шесть нимфъ, двѣнадцать человекъ, каждый съ какимъ-нибудь животнымъ (павлинъ, пѣтухъ и т. д.). Главный интересъ возбуждалъ медвѣдь *quale tanto aptamente fece l'officio che a molti parve esser naturale*.—О другихъ представленіяхъ см. *Giorn. stor.* XXI, 271 и д.

тическій характеръ¹⁾, но при этомъ вводный элементъ во всякомъ случаѣ преобладалъ надъ самой пьесой; юноши, увитые плющемъ, танцовали подъ аккомпаниментъ шумнаго оркестра, образуя замысловатыя фигуры; далѣе появлялся Аполлонъ и, ударяя плектромъ по струнамъ своей лиры, пѣлъ хвалебную пѣснь жениху и невѣстѣ, всему дому Эсте и гостямъ; затѣмъ, въ видѣ особаго интермеццо, изображалась жанровая картинка: на сценѣ появлялись крестьяне, справляющіе свою полевую работу, а затѣмъ вступали снова герои миеовъ—боги и богини: Венера, Юнона, Аполлонъ, Вакхъ со свитой, и все заключалось пантомимой на древній сюжетъ. Далѣе отрывокъ изъ древняго преданія съ явнымъ намекомъ на будущее рожденіе Геркулеса въ семействѣ Эсте. Во время одного изъ предшествовавшихъ представлений той же пьесы во дворѣ дворца Эсте горѣли все время огни, въ видѣ небесныхъ свѣтилъ, и эта иллюминація поглощала, повидимому, значительную долю вниманія зрителей. При нѣкоторыхъ дворахъ такого рода развлечения носили болѣе самостоятельный характеръ и устраивались сами по себѣ, отдѣльно отъ пьесъ, что, конечно, было рациональнѣе и носило другой характеръ, а потому о празднествахъ кардинала Пьетро Риарио и въ домѣ Бентивольи въ Болоньѣ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Великолѣпіе декорацій и роскошь костюмовъ имѣли роковое значеніе для настоящей итальянской трагедіи. „Въ Венеціи“ пишетъ Франческо Сансовино въ 1570 г., прежде часто исполнялись съ великою пышностью не только комедіи, но и трагедіи древнихъ и новыхъ авторовъ. Множество зрителей стекалось изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ,

¹⁾ Ср. Flechsig, Декорация современной сцены въ Италіи. Лейпцигъ 1894 г. Прежде всего отсылаемъ къ изслѣдованіямъ Крейцнаха во 2-мъ томѣ. Strozzi poetae fol. 232, въ IV кн. „Aeolo sticha“,—Tito Strozzi. Эти строки гласятъ слѣдующее:

Ecce superveniens rerum argumenta retexit
Mimus et ad populum verba disera referta;
Tum similes habitu formaque et doce Menaechmi.
Dulcibus oblectant lumina nostra modis.

Тоже менехмы въ 1846 г. въ Феррарѣ; расходъ превышалъ 1000 дукат. Млч. XXIV, 278.

чтобы видѣть все это великолѣпіе (apparati). А теперь богатые люди устраиваютъ представленія въ стѣнахъ своихъ домовъ и съ нѣкотораго времени вошло въ обычай наполнять карнавалъ только комедіями и другими пышными и дорого стоящими развлеченіями¹⁾. Другими словами, пышность убила трагедію.

Нѣкоторыя единичныя попытки новыхъ трагиковъ, среди которыхъ наибольшую извѣстность приобрѣлъ Трисино своей „Софонизбой“ (1515), относятся къ исторіи литературы. Тоже можно сказать о лучшихъ комедіяхъ подражателей Плавту и Теренцію. Даже Аріостъ не могъ создать ничего выдающагося, слѣдуя этому жанру. Напротивъ того, народная комедія въ прозѣ, въ томъ видѣ, какъ сочиняли ее Макиавелли, Бибіена, Арретино, могла бы имѣть, безъ сомнѣнія, будущее, если бы содержаніе не обрекало ее на гибель, такъ какъ она или отличалась крайней безнравственностью или же направлена была противъ отдѣльных сословій, которыя послѣ 1540 г. уже не могли мириться съ такимъ враждебнымъ отношеніемъ. Въ „Софонизбѣ“ характеристика покрывалась въ извѣстной мѣрѣ блестящей декламацией, тогда какъ здѣсь ей данъ былъ полный просторъ вмѣстѣ съ карриатурой.

Но какъ бы ни было, итальянскія комедіи были первыя, написаныя прозой и носившія реалистическій характеръ и въ этомъ смыслѣ должны, намъ кажется, сохранить значеніе въ исторіи европейской литературы.

Съ этого времени трагедіи и комедіи продолжаютъ безпрестанно являться въ свѣтъ и нѣтъ недостатка также въ представленіи на сценѣ древнихъ и новыхъ пьесъ, но театръ служитъ какъ бы только поводомъ выказать во время разныхъ празднествъ пышность, соотвѣтствующую богатству и знатности виновниковъ торжествъ, а потому геній націи здѣсь не участвуетъ. Появленіе пастушеской драмы и оперы устраняетъ всѣ попытки къ созданію безыскусственныхъ произведеній.

Национальнымъ остался только одинъ родъ сценическихъ произведеній, а именно комедія дель-Арте, импровизируемая передъ слушателями по сценарію. Въ ней, однако,

¹⁾ Ср. прилож. LXVI.

представляется мало простора для характеристикъ, такъ какъ дѣйствующія маски многочисленны и неизмѣнны, потому что характеръ каждой изъ нихъ давно всѣмъ извѣстенъ. Впрочемъ, такого рода импровизация настолько въ духѣ нации, что и во время представленія написанныхъ комедій актеры часто добавляютъ многое отъ себя¹⁾ и такимъ образомъ по временамъ создавалась смѣшанная форма; нѣчто въ этомъ родѣ мы видимъ въ Венеціи въ сценическихъ представленіяхъ, даваемыхъ Антоніо да Молино извѣстнымъ подъ именемъ Буркіелла, обществомъ Армоньо, Вал. Цукато, Люд. Долче и другими²⁾; мы узнаемъ между прочимъ, что Буркіелла умѣлъ усиливать комизмъ венеціанскимъ нарѣчіемъ съ примѣсью греческихъ и славонскихъ словъ. Очень близки къ комедіи дель-Арте были произведенія Анджелло Беолько, прозваннаго Руцанте (1502—1524); поэтъ и актеръ въ одно время, онъ приобрѣлъ большую извѣстность, причемъ какъ автора его сравнивали съ Плавтомъ, а какъ актера съ Росціемъ; у него были пріятели, изображавшіе въ нѣкоторыхъ его пьесахъ падуанскихъ крестьянъ, подъ именами: Менато, Беццо и Виллора; нарѣчіе этихъ крестьянъ онъ изучалъ, проводя лѣто на виллѣ своего покровителя Луиджи Корнаро (Алоизій Корнелиусъ) въ Кодевико³⁾. Вслѣдъ за тѣмъ мало по малу создаются въ различныхъ мѣстахъ Италіи знаменитыя маски, пережитками которыхъ итальянцы увеселяются до сихъ поръ: Панталоне, докторъ Бригелла, Пульчинелло, Арлекино и другіе: Большею частью всѣ онѣ, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе древняго

¹⁾ Это имѣетъ въ виду, конечно, Сансовино, Venezia, fol. 168. когда жалуется, что recitanti портятъ комедіи „con invenzioni o personaggi troppo ridicoli“.

²⁾ Sansovino въ разныхъ мѣстахъ говоритъ не объ этихъ обществахъ (Z).

³⁾ Scardeonius, de urb. Patav. antiqu. см. Graevius, Thes. IV, III, Col. 288 и сл. Это мѣсто очень важно въ вопросѣ о нарѣчій въ литературѣ. Въ одномъ мѣстѣ говорится: Huic ad recitandas comoedias socii scenici et gregales et aemuli fuere nobiles juvenes Patavini, Marcus Aurelius Alvarotus quem in comoediis suis Menatum appellabat et Hieronymus Zanetus quem Vezzam et Castengola quem Billoram vocitabat et alii quidam qui sermonem agrestium imitando prae ceteris callebant. Здѣсь приводятся эти строки, потому что на этомъ основаніи измѣненъ текстъ. Шесть комедій Ruzzante напечатаны въ 1561 г. въ Венеціи.

происхожденія и быть можетъ находятся въ преемственной связи съ масками древне-римскихъ фарсовъ, но только XVI вѣкъ сталъ соединять нѣкоторыя изъ нихъ въ одной пьесѣ. Въ настоящее время это уже не такъ легко дѣлается, но каждый большой городъ имѣетъ, однако, свою какую-нибудь мѣстную маску. Такъ въ Неаполѣ мы видимъ Пульчинелло, во Флоренціи—Стентерелло, а въ Миланѣ иногда превосходнаго въ своемъ родѣ Менекина¹⁾.

Все это, конечно, представляетъ скудную замѣну для великой націи, одаренной, можетъ быть, болѣе всѣхъ другихъ способностью къ объективному созерцанію и драматическому изображенію жизненныхъ явленій, но враждебныя вліянія помѣшали дальнѣйшему развитію драмы и самъ народъ въ нѣкоторой степени не виноватъ въ этомъ. Впрочемъ, никакія силы не могли совершенно уничтожить въ Италіи драматическіе таланты, а затѣмъ въ сферѣ музыкальныхъ представленій Италія распространила свое вліяніе по всей Европѣ. Кто хочетъ, можетъ видѣть въ этомъ извѣстную компенсанцію или, пожалуй, скрытое выраженіе того, что не могло проявиться въ чисто-драматической формѣ.

Можно-ли ожидать отъ итальянскаго эпоса возмѣщенія элементовъ драмы и театра вообще? Къ сожалѣнію, героическая поэзія Италіи должна выдержать обвиненіе именно въ томъ, что въ ней совершенно отсутствуютъ выдержанность и цѣльность характеровъ.

Нельзя отрицать нѣкоторыхъ преимуществъ итальянской эпической поэзіи, между прочимъ то, что она до сихъ поръ читается и распространяется въ печати, тогда какъ эпическія произведенія другихъ народовъ сохраняютъ только историко-литературный интересъ. Быть можетъ причина этого явленія та, что итальянцы предъявляютъ другія требованія, чѣмъ мы? По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что для правильной оцѣнки этой своеобразной поэзіи мы должны сперва усвоить себѣ отчасти итальянскій кругозоръ и что

¹⁾ Послѣдній существуетъ уже по меньшей мѣрѣ въ 15 столѣтіи, какъ это явствуетъ изъ *Diario Ferragese*, гдѣ 2 февр. 1501 упоминается *Il duca Hercole fece una festa di Menechino secondo il suo uso. Diar. Ferr. у Murat. XXIV, Col. 393.* Здѣсь нѣтъ основаній предполагать недоразумѣніе и смѣшеніе съ менахами Плавта, такъ какъ послѣдніе правильно именуется. (I. с. Col. 278). Ср. в. стр. 37, прим. 1.

многіе, весьма почтенные люди рѣшительно не знаютъ, что съ нею дѣлать, Кто захочетъ искать такъ называемое идейное содержаніе у Пульчи, Боярда, Аріоста и Бенни, тотъ, безъ сомнѣнія, многого не извлечетъ. Всѣ эти поэты отличаются своеобразной красотой, понятной и близкой только тѣмъ, для кого они творили и вообще для художественныхъ, по преимуществу, натуръ.

Послѣ того, какъ рыцарская поэзія мало-по-малу угасла, средне-вѣковыя преданія продолжали существовать, отчасти въ видѣ рифмованныхъ передѣлокъ и въ сборникахъ, отчасти въ видѣ романа въ прозѣ. Послѣдній въ особенности процвѣтаетъ въ Итали въ XIV вѣкѣ, но въ то же время пробудившіяся воспоминанія древности растутъ не по днямъ, а по часамъ и совершенно заслоняютъ собой всѣ образы и фантазіи среднихъ вѣковъ. Боккачіо въ своемъ *Visione amogosa* хотя и упоминаетъ среди своихъ героевъ въ волшебномъ дворцѣ Тристана, Артуса, Галеотто и другихъ, но только между прочимъ, какъ бы стыдясь ихъ, а слѣдующіе за нимъ писатели или вовсе не упоминаютъ о такихъ герояхъ, или дѣлаютъ это только ради шутки. Но они остаются жить въ памяти народа, и поэты XV вѣка берутъ ихъ, можно сказать, прямо изъ его рукъ. Такимъ образомъ они могутъ совершенно свободно пользоваться этимъ матеріаломъ, что и дѣлаютъ; но не останавливаясь на этомъ, они продолжаютъ творить дальше на тему этихъ преданій и вносятъ въ эту работу даже значительную долю своихъ изобрѣтеній. Нельзя, конечно, требовать при этомъ, чтобы они относились съ допотопнымъ почитаніемъ къ этимъ отжившимъ преданіямъ. Весь новый міръ можетъ завидовать имъ въ томъ, что они принимали еще въ извѣстной степени участіе въ настроеніи народныхъ массъ, но было бы лицемѣриемъ съ ихъ стороны, если бы они захотѣли выказать серьезное вѣрованіе въ сферѣ этихъ преданій¹⁾.

Взамѣнъ того они являются настоящими властителями на этой вновь завоеванной для поэзіи почвѣ. Въ

1) Pulci ради шутки въ своемъ разказѣ о великанѣ Margutte прибѣгаетъ къ вымышленному подражанію древнему преданію (*Morgante, canto XIX, str. 153 и д. Ср. стр. 42, прим. 1.* — Еще курьезнѣе критическое введеніе *Limerno Pitocco (Orlandino, gul., глв. 12—22.*

своёмъ творествѣ они руководствуются, повидимому, главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы каждый отдѣльный стихъ производилъ, при повтореніи его вслухъ, по возможности пріятное впечатлѣніе; поэтому всѣ такого рода пѣсни или стихи выигрываютъ въ особенности тогда, если ихъ декламируютъ отдѣльными строфами съ легкимъ комическимъ оттѣнкомъ въ голосѣ и въ жестахъ. Болѣе глубокая послѣдовательность и характеристика типовъ не могла бы много содѣйствовать требуемому отъ нихъ эффекту, такъ какъ все вниманіе слушателя сосредоточивается только на декламируемомъ отрывкѣ и на самомъ рапсодѣ. Въ отношеніи къ поэтическимъ правиламъ и фигурамъ, настроеніе поэта носить двойственный характеръ: его гуманистическое образovanje протестуетъ противъ средне-вѣковыхъ пріемовъ, тогда какъ описаніе сраженій и единоборствъ требуетъ не только точнаго знанія военнаго искусства и единоборствъ въ средніе вѣка, но также и такихъ пріемовъ, которыми декламаторы могли бы пользоваться съ успѣхомъ. Поэтому даже у Пульчи¹⁾ мы не видимъ собственно пародій рыцарства, хотя грубоватая манера рѣчи его паладиновъ и носитъ нѣсколько комическій характеръ. На ряду съ этимъ онъ создаетъ идеальный образъ забіяки въ лицѣ смѣшного и добродушнаго Морганте, побѣждающаго съ однимъ колескольнымъ языкомъ цѣлыя арміи; кромѣ того, онъ находитъ возможность еще облагородить этого героя, сопоставивъ его съ вздорнымъ и въ своемъ родѣ замѣчательнымъ чудовищемъ Маргутте. Впрочемъ, несмотря на ярко очерченные характеры этихъ двухъ героевъ, Пульчи не придаетъ имъ обоимъ особаго значенія; послѣ того, какъ они оба давно ушли со сцены, рассказъ продолжаетъ свое удивительное

1) Morgante начато въ 1460 г., окончено съ большимъ промежуткомъ въ 1470. Имя Margutte заимствовано отъ имени гиганта Margotto въ итальянскомъ стихотвореніи 13 вѣка; большое сходство съ Sosia въ *Diadeo*. Астаротте указываетъ повидимому на опредѣленную личность: *Toscanella*, *Ficino*, въ общихъ чертахъ указываетъ м. б. на интересъ *Pulci* къ естественно-научнымъ предметамъ. Срв. *Volpi*, *Note critiche sul Morgante* (*Bibl. d. scuole class. ital. n. s. VI, 17. 18 Modena 1894*), впервые напечатанъ въ Венеціи въ 1481; новое изданіе *P. Serbelli*, флоренція 1855.—О турнирахъ см. st. 5-я часть гл. 1.—См. также на *Ranke*, *Zur geschichte der italienischen Poesie*, Берлинъ 1837 г.

теченіе. И Боярдо ¹⁾ относится съ тою же свободой къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ и распоряжается ими произвольно то въ серьезной, то въ шутливой формѣ; также мало почтенія онъ обнаруживаетъ и къ демоническимъ существамъ, намѣренно изображая ихъ иногда глупыми и неловкими. Въ одномъ только отношеніи онъ, также какъ и Пульчи, задается серьезной художественной цѣлью, а именно въ стараніи внести въ разсказъ какъ можно больше движеній и техническихъ подробностей. Пульчи декламировалъ свою поэму, или вѣрнѣе сказать, каждую пѣснь въ отдѣльности, какъ только она у него была готова, передъ Лоренцо Великолѣпнымъ и его дворомъ, и Боярдо точно также читалъ свои стихи въ Феррарѣ, при дворѣ герцога Эрколе; не трудно угадать, какія требованія предъявлялись при этомъ тому и другому, и какъ мало одобренія могло встрѣтить заботливое развитіе характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Весьма понятно, что произведенія, создаваемыя при такихъ условіяхъ, меньше всего представляли законченное цѣлое и могли бы въ сущности быть вдвое короче или напротивъ длиннѣе, безъ ущерба или выгоды для содержанія; всѣ такія произведенія нисколько не напоминаютъ большой исторической картины, а скорѣе похожи на фразы или на вьющуюся великолѣпную гирлянду; поэтому отъ нихъ также мало можно ожидать индивидуальныхъ чертъ, глубокихъ перспективъ и намѣченныхъ плановъ.

Изобразительность Боярдо и поразительная смѣна создаваемыхъ имъ картинъ идутъ совершенно въ разрѣзъ съ нашими школьными опредѣленіями правилъ эпической поэзіи. Для того времени эта поэзія была пріятнѣйшимъ уклоненіемъ отъ занятій древностью и въ сущности единственнымъ средствомъ на пути къ созданію самобытной повѣствовательной поэзіи. Такого рода стремленіе являлось противовѣсомъ поэтизированію древности, со всѣми его ложными послѣдствіями; увлеченіе древностью привело Петрарку къ сочиненію „Африки“ въ латинскихъ гекзаметрахъ, а полтора столѣтія спустя, слѣдуя по тому же ложному пути

¹⁾ Orlando innamorato впервые напечатанъ весь въ 1494 г., двѣ трети еще въ 1457г.—О Bojardo въ 1494 г. большой томъ, отдѣльныя статьи и изданіе его лирическихъ произведеній.

Триссино написалъ *in versi sciolti* „Италію освобожденную отъ готтовъ“, огромное стихотвореніе, безупречное въ отношеніи языка и версификаціи, но невольнo вызывающее вопросъ, кто изъ двухъ больше пострадалъ въ этомъ союзѣ поэзіи съ исторіей¹⁾.

Интересно также видѣть, куда завлекло многихъ подраженіе Данте; *Trionfi* Петрарки представляютъ своего рода галлюцинацію, хотя обнаруживаютъ еще нѣкоторый вкусъ; „Влюбленное Видѣніе“ Боккачіо, есть уже не что иное, какъ голое перечисленіе историческихъ и баснословныхъ личностей по аллегорическимъ категоріямъ²⁾. Иные авторы поэтическихъ произведеній не идутъ далѣе курьезнаго подражанія первой пѣснѣ Данте, запасаясь съ этой цѣлью какимъ нибудь аллегорическимъ спутникомъ, замѣняющимъ *Виргилія*; *Уберти* въ своей географической поэмѣ *Дитта мондо*) беретъ въ спутники *Солинуса*, въ панегирическомъ стихотвореніи *Джованни Санти*, въ честь герцога *Федерико*, ту же роль играетъ *Плутархъ*³⁾. Эпическая поэзія въ лицѣ *Пульчи*, *Боярдо* и другихъ явилась въ свое время настоящей спасительницей для заблудившихся поэтовъ. Едва ли еще когда нибудь эпосъ будетъ встрѣченъ съ такимъ восторгомъ и завоеванное имъ въ то время поприще служить блестящимъ доказательствомъ его своевременнаго появленія.

Дѣло совсѣмъ не въ томъ, насколько эта поэзія отвѣчала идеаламъ героической поэзіи вообще въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, руководствуясь *Гомеромъ* и *Нибелунгами*, но несомнѣнно, что эта поэзія воплотила въ себѣ идеалъ своего времени. Многочисленные описанія сраженій и поединковъ въ этихъ поэмахъ производятъ на насъ скучнѣйшее впечатлѣніе, но въ то время онѣ возбуждали живой интересъ, какой мы съ трудомъ можемъ себѣ представить⁴⁾, также точно, какъ намъ кажется теперь страннымъ восторгъ вызываемый, въ средніе вѣка импровизаціей.

1) *L'Italia liberata da Goti: Rom. 1547.*

2) Ср. в. стр. 41 надо замѣтить, что названное сочиненіе В. написано передъ 1344 г., тогда какъ соч. Петрарки послѣ смерти *Лауры*, слѣдов. послѣ 1348 г.

3) О стихотвореніи *Santi* см. в. т. I. стр. 48 прим. 1.

4) Многое въ этомъ родѣ въ самой *Иліадѣ* едва-ли не покажется теперь скучнымъ.

Съ этой точки зрѣнія требовать какихъ-нибудь характеристикъ отъ Аріоста, наримѣръ, въ его „Неистовомъ Роландѣ“¹⁾ значило бы только подходить къ нему съ совершенно ложнымъ критеріемъ. Такого рода характеристики встрѣчаются въ этой поэмѣ и сами по себѣ даже очень искусныя, но поэма ни на минуту не опирается на нихъ существеннымъ образомъ и скорѣе могла бы потерять, чѣмъ выиграть, если бы авторъ сталъ на нихъ останавливаться. Съ современной точки зрѣнія мы въ правѣ были бы требовать отъ Аріоста не только характеристикъ, но и еще гораздо болѣе сѣрьезныхъ вещей; столь богато одаренный поэтъ могъ бы, кажется, не ограничиться, вообще, одними приключеніями и т. п. Онъ могъ бы изобразить въ одномъ великомъ произведеніи глубочайшіе конфликты человѣческихъ чувствъ и важнѣйшія воззрѣнія своего времени на всѣ божественныя и чисто-человѣческіе вопросы, словомъ, онъ могъ бы создать одну изъ такихъ законченныхъ міровыхъ картинъ, какія мы имѣемъ въ Божественной Комедіи и въ Фаустѣ. Вмѣсто того, онъ поступаетъ совершенно также, какъ живописцы и другіе художники того времени и становится безсмертнымъ, несмотря на то, что не старается вовсе быть оригинальнымъ въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь понимаемъ и даже часто повторяетъ то, что уже было у другихъ, если ему это кажется нужнымъ. Кто по натурѣ самъ не художникъ, тотъ съ трудомъ можетъ себѣ представить своего рода преимущества, соединяющіяся съ такими творческими приемами; ученость и высокая степень развитія тѣмъ болѣе могутъ только затруднить такое пониманіе. Художественная цѣль Аріоста заключается въ живомъ блестящемъ разказѣ и постоянномъ непрерывающемся движеніи образовъ и картинъ. Для достиженія этой цѣли онъ не долженъ быть связанъ ни глубокими характеристиками, ни скольконибудь строгой зависимостью между собой отдѣльныхъ явленій и послѣдовательностью въ изложеніи. Онъ теряетъ постоянно нить разказа и связываетъ концы разорванныхъ нитей, гдѣ ему нравится; его дѣйствующія лица могутъ исчезать и появляться не потому, что этого требуетъ необходимость, но потому, что этого

1) Первое изданіе 1516 г.

требуетъ его произведеніе само по себѣ. Но тѣмъ не менѣе, несмотря на всю кажущуюся нелогичность и своеволие, поэтъ обнаруживаетъ удивительное пониманіе красоты и гармоническій тактъ. Онъ никогда не теряется въ подробностяхъ, но, напротивъ, въ описаніи обстановки и дѣйствующихъ лицъ останавливается только на томъ, что находится въ тѣсной связи съ дальнѣйшимъ движеніемъ и не мѣшаетъ общей гармоніи; онъ не переходитъ также границъ въ рѣчахъ и монологахъ, и хотя рѣчи дѣйствующихъ лицъ представляютъ, въ свою очередь, рассказы, поэтъ сохраняетъ за собой высокую привилегію эпоса: передавать совершившееся не какъ пересказъ, а какъ дѣйствіе на сценѣ. Павосъ никогда не выражается у него въ словахъ, какъ это можно встрѣтить у Пульчи ¹⁾ — его нельзя въ этомъ упрекнуть даже въ знаменитой 23-ей и въ слѣдующихъ пѣсняхъ, гдѣ изображается неистовство Роланда. Къ числу его заслугъ надо отнести также и то, что въ его героической поэмѣ любовныя исторіи носятъ совсѣмъ не лирической характеръ; онѣ оставляютъ многого желать съ нравственной стороны, но зато такъ правдивы, несмотря на окружающее ихъ колдовство и украшенія рыцарской поэзіи, что въ нихъ, безъ сомнѣнія, можно угадывать приключенія самого автора. Избытокъ увѣренности въ себѣ и въ своихъ художественныхъ средствахъ позволяетъ ему внести въ свою поэму кое-что изъ современныхъ явленій и возвеличить домъ Эсте въ пророчествахъ 4 образныхъ картинахъ. Все это содержаніе уносится впередъ потокомъ его удивительныхъ октавъ.

Въ лицѣ Теофило Фоленго или, какъ онъ себя здѣсь называетъ, Лимерно Питокко, пародія на все рыцарство, съ его послѣдствіями въ жизни и въ литературѣ, приобретаетъ выдающееся поэтическое значеніе ²⁾, причемъ въ связи съ реальной сатирой въ этой поэзіи равномерно усиливается и болѣе строгая характеристика типовъ. Среди уличной жизни маленькаго римскаго городка, упражнясь въ дракѣ на кулачкахъ и метаніи камней, маленькій Орlando ра-

¹⁾ Morgante, Canto XIX, Str. 20 и д.

²⁾ Его Orlandino, первое изд. 1526 г. Вновь изд. Att. Portioli, Мантуя 1888 (Opere maccheroniche di Merlin Cocai, т. III.

стеть на нашихъ глазахъ, становясь смѣлымъ героемъ, ненавистникомъ монаховъ и резонеромъ. Миръ условной фантазіи, созданный Пульчи и служившій съ того времени рамкой для эпоса, разлетается вдребезги. Происхождение и самое достоинство паладиновъ осмѣиваются, на примѣръ во второй пѣснѣ, въ турнирѣ ословъ, причемъ рыцари являются въ самомъ удивительномъ вооруженіи. Поэтъ выражаетъ комическое сожалѣніе о необъяснимомъ вѣроломствѣ въ семействѣ Ганона Майнцскаго или по поводу трудностей, съ которыми связано пріобрѣтеніе меча Дуриндана и т. п., причемъ весь разговоръ вообще служитъ только матеріаломъ для смѣшныхъ описаній, эпизодовъ, нравоученій (иногда очень интересныхъ, какъ, на примѣръ, окончаніе VI-ой главы) и пикантныхъ шутокъ. На ряду съ этимъ нельзя не замѣтить извѣстной ироніи также по отношенію къ Аріосто; къ счастью для „Неистоваго Роланда“, Орландино съ его лютеранскою ересью вскорѣ подпалъ инквизиціи и поневолѣ преданъ искусственному забвенію. Явная пародія обнаруживается, на примѣръ, въ поэмѣ, когда (гл. IV, стр. 28) домъ Гонзаго производится отъ Паладина Гвидона и далѣе отъ Орландо семья Колонна, отъ Ринальдо—Орсини, а отъ Руджіеро — домъ Эсте. По всей вѣроятности покровитель поэта Ферранте Гонзаго не былъ чуждъ этой насмѣшкѣ надъ домомъ Эсте.

Наконецъ, въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ Торквато Тассо характеристика дѣйствующихъ лицъ составляетъ уже одну изъ главнѣйшихъ заботъ автора, и мы видимъ такимъ образомъ, насколько взглядъ и манера поэта ушли далеко отъ господствовавшихъ полвѣка назадъ теченій. Его удивительное произведеніе можетъ служить памятникомъ эпохи борьбы съ реформаціей.

Глава V

Біографіи и автобіографіи

Кромѣ поэзіи, итальянцы первые среди европейцевъ обнаружили склонность и особенный даръ къ изображенію внѣшнихъ и внутреннихъ чертъ выдающихся людей и къ описанію ихъ дѣятельности и подвиговъ.

Въ самый ранній періодъ среднихъ вѣковъ мы уже видимъ замѣчательныя попытки въ этомъ родѣ и самое преданіе въ извѣстной степени должно было представить біографическій интересъ и сохранять индивидуальную окраску въ образѣ дѣйствій своихъ героевъ. Въ монастырскихъ и соборныхъ лѣтописяхъ находимъ прекрасно очерченныя личности нѣкоторыхъ епископовъ, а также характеристики нѣмецкихъ императоровъ, написанныя по образцамъ древнихъ авторовъ, въ духѣ Свѣтона и другихъ и содержащія въ себѣ очень цѣнныя черты; эти и похожія на нихъ свѣтскія біографіи постепенно образуютъ цѣлую литературу въ параллель къ жизнеописаніямъ святыхъ. Но ни Эйнгарда, ни Радевика ¹⁾ нельзя сравнить съ Жуанвилемъ въ его біографіи св. Людовика, такъ какъ это послѣднее произведеніе представляетъ впервые вполне законченную характеристику европейца новаго времени и въ этомъ отношеніи почти не имѣетъ себѣ равныхъ. Не говоря уже о томъ, что св. Людовикъ самъ по себѣ представляетъ рѣдкій типъ, счастливая особенность этой біографіи заключается

¹⁾ Radevicus, de gestis Friderici imp. въ особ. II, 76. — Превосходное соч. Vita Heinrici IV содержитъ мало изображеній личностей; также и Vita Chuonradi imp. Wipo.

въ томъ, что авторъ даетъ намъ яркую характеристику, основанную на точномъ изученіи различныхъ чертъ и событій изъ жизни своего героя, тогда какъ о настоящемъ характерѣ Фридриха II, напримѣръ, и Филиппа Красиваго, мы можемъ только догадываться и строить соображенія по очень скуднымъ источникамъ. Многое вообще, что считалось біографіей до конца среднихъ вѣковъ, есть во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ исторія того времени, безъ всякаго отношенія къ индивидуальности даже наиболѣе замѣчательныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Изученіе индивидуальности и характерныхъ чертъ той или другой личности становится, такимъ образомъ, главнѣйшимъ правиломъ итальянскихъ писателей; этимъ они существенно отличаются отъ прочихъ западныхъ писателей, у которыхъ это качество проявляется только случайно и въ исключительныхъ случаяхъ. Таковую особенную склонность можетъ обнаружить, разумѣется, только тотъ, кто освободился отъ расовыхъ стѣсненій и самъ приобрѣлъ законченный индивидуальный характеръ.

Въ связи съ распространеннымъ понятіемъ о славѣ (т. I ч. 2 гл. I) возникаетъ сравнительная біографія, въ задачу которой уже не входитъ одно только голое перечисленіе династій, какъ это мы видимъ у Анастасія, Агнелія¹⁾ и слѣдующихъ за ними авторовъ, а также у венеціанскихъ біографовъ дожей. Ея главной задачей становится характеристика того или другого лица, въ зависимости отъ того, какую роль она играетъ въ событіяхъ времени. Кромѣ Светона образцами историческаго изложенія служатъ въ это время Корнелій Непоть („Viri illustres“) и Плутархъ, какъ любимый писатель гуманистовъ XV вѣка; главнѣйшими образцами для историко-литературныхъ описаній являются, по видимому, жизнеописанія грамматиковъ, риторовъ и поэтовъ, (находящаяся также у Светона)²⁾, а также весьма популярная „Жизнь Виргилія“, приписываемая Донату.

Выше мы указывали на то, какъ возникли въ XIV вѣкѣ различные сборники біографій и жизнеописанія замѣчательныхъ людей—мужчинъ и женщинъ (т. I. ч. 2 гл. III).

1) Авторъ исторіи епископства въ Равеннѣ (9 стол.).

2) Когда сталъ извѣстенъ Филостратъ, не беремся рѣшить.

Въ разказахъ о жизни и дѣятельности людей прошедшаго времени, авторы руководствовались, разумѣется, трудами своихъ предшественниковъ; первое произведеніе такого рода, написанное совершенно свободно, представляетъ „Жизнь Данте“ Боккачіо. Авторъ даетъ много простора воображенію, но въ общемъ, не говоря о живости изложенія и красотѣ слога, произведеніе Боккачіо рисуетъ въ яркихъ чертахъ необыкновенный характеръ Данте ¹⁾. Далѣе, въ концѣ XIV вѣка, слѣдуютъ одно за другимъ жизнеописанія замѣчательныхъ флорентійцевъ, принадлежащія перу Филиппо Виллани. Мы видимъ здѣсь людей различныхъ специальностей: писателей, юристовъ, врачей, филологовъ, теологовъ, астрологовъ, художниковъ, государственныхъ людей, полководцевъ, причемъ нѣкоторые изъ этихъ современниковъ автора въ то время еще находятся въ живыхъ. Авторъ этихъ біографій смотритъ, очевидно, на Флоренцію, какъ на богато-одаренную семью, и отмѣчаетъ тѣ отпрыски, на которыхъ особенно почилъ ея духъ. Его характеристики большею частью кратки, но тѣмъ не менѣе обнаруживаютъ истинный талантъ, причемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ пониманіе внутренней связи между событіями и характерами дѣйствующихъ лицъ ²⁾.

¹⁾ Ср. превосходную оцѣнку Landau: Boccaccio. Стр. 180 — 182 и критическ. изслѣдов. Scheffer — Voichhorst: Изгнаніе Данте, стр. 191 — 226; выводъ тотъ, что обѣ дошедшія до насъ принадлежатъ Боккачіо. Недостатки и преимущества біографіи указаны одинаково остроумно. Новое изданіе и критическое изслѣдованіе у Rostagno, Bologna 1899 г.

²⁾ Оригиналъ (латинскій) впервые изданъ Galetti во Флоренціи, подъ названіемъ: *Philippi Villani liber de civitatis Florentiae famosis civibus*; старый итальянскій переводъ печатался неоднократно, начиная съ 1747 г., въ послѣдній разъ въ Триестѣ 1858. Рѣчь идетъ о 2-ой книгѣ; первая не появлялась вовсе; въ ней находится изложеніе древней исторіи Флоренціи и Рима. Въ особенности интересна въ произведеніи Виллани та часть гдѣ, говорится *de semiproetis*, т. е. о такихъ, которые писали частію въ прозѣ, частію въ стихахъ, или, кромѣ работъ по специальности, писали также и въ поэтической формѣ. Fil. Villani послалъ свой трудъ *Salutati*, желая знать его мнѣніе; судя по отзыву послѣдняго, надо думать, что въ этомъ произведеніи Villani были статьи не дошедшія до насъ (Письма II, 47).

Съ этихъ поръ¹⁾ тосканцы не перестаютъ считать своей особой привиллегіей литературную характеристику событій и единичныхъ личностей, и мы въ самомъ дѣлѣ обязаны имъ важнѣйшими характеристиками итальянцевъ XV и XVI вѣка вообще. Джіованни Кавальканти въ приложеніяхъ къ его флорентійской исторіи до 1450 г.²⁾ тщательно собралъ примѣры гражданскихъ доблестей флорентійцевъ, самопожертвованія, политическихъ дарованій и воинскихъ талантовъ. Папа Пій II въ своихъ коментаріяхъ даетъ также рядъ драгоцѣнныхъ образовъ замѣчательныхъ современниковъ; въ недавнее время обнародовано сочиненіе, принадлежащее къ ранней порѣ его дѣятельности³⁾ и содержащее подготовительные эскизы къ его портретамъ, со многими своеобразными чертами и колоритными красками. Якову Волтеранскому мы обязаны серіей пикантныхъ портретовъ членовъ римской курии⁴⁾, въ эпоху папы Сикста IV. Мы уже не разъ упоминали имя Веспасіано Фіорентино; какъ источникъ, въ общемъ, онъ незамѣнимъ, но его талантъ въ отношеніи характеристикъ нельзя поставить на ряду съ Макиавелли, Николо Валори, Гвиччардини, Варки, Франческо Веттори и другими, вліявшими на новыхъ авторовъ и служившими проводниками новѣйшимъ историкамъ, быть можетъ, не менѣе древнихъ. Не надо забывать, что многіе изъ этихъ авторовъ очень рано проникли на сѣверъ въ латинскихъ переводахъ. Точно также можно сказать, что исторія искусства на сѣверѣ и въ новой Европѣ не могла бы существовать, если бы не было Джіорджіо Вазари изъ Ареццо съ его превосходнымъ сочиненіемъ, сохраняющимъ неизмѣримое значеніе. Изъ верхне-

1) Здѣсь надо снова обратиться къ выпискѣ изъ біографіи Alberti, а также къ многочисленнымъ флорентійскимъ біографіямъ у Muratori въ Archivio storico и въ др. м.

2) Storia fiorentina, изд. I. Polidori, Флоренція 1838.

3) De viris illustribus, въ жур. союза литерат. въ Штутгартѣ, 1839. Ср. G. Voigt II, стр. 324. Изъ 65 жизнеописаній потеряно 21.

4) Ero Diarium Romanum 1472—1484 у Murat. XXIII, стр. 81—202.

5) Также Ugolini Verini poetae florentini (современника Лоренцо, ученика Ландинуса, Fol. 13. и учителя Petrus'a Crinitus'a Fol. 14) de illustratione urbis Florentina, libri tres. Парижъ 1583, въ особ. 2 кн. заслуживаетъ вниманія: Данте, Петрарка, Боккаччо упоминаются здѣсь неопороченные, также надо сказать о нѣкоторыхъ женщинахъ Fol. 11.

итальянцевъ XV вѣка особенное значеніе имѣеть Бартоломео Фаціо изъ Спеціи (прилож. XXIV). Платина, родившійся въ Крэмонтѣ, въ своей „Жизни Павла II“ (т. I гл. X) впервые создаетъ уже нѣкотораго рода біографическую карриатуру. Но особенную важность представляетъ для насъ біографія послѣдняго Висконти¹⁾, написанная Пьеркандидо Дечембрио—обширное и обстоятельное подражаніе Светону. Сисмонди выражаетъ сожалѣніе, что столько труда посвящено на этотъ предметъ, но автору, быть можетъ, не хватило бы силъ для изображенія болѣе значительнаго явленія, тогда какъ въ данномъ случаѣ талантъ оказывается вполне достаточнымъ для того, чтобы изобразить двойственный характеръ Филиппо Маріа и съ удивительной ясностью воплотить въ этой характеристикѣ всѣ неизвѣстныя причины, послѣдствія и обстоятельства, вытекающія изъ такого рода тиранніи. Картина XV вѣка была бы далеко не полной безъ этой единственной въ своемъ родѣ біографіи, характерной даже въ ея мельчайшихъ подробностяхъ.

Далѣе Миланъ обладаетъ замѣчательнѣйшимъ художникомъ и портретистомъ въ лицѣ историка Коріо; за нимъ слѣдуютъ Паоло Джіовіо, большія біографіи и маленькія элогіи котораго приобрѣли всемірную извѣстность и стали образцами для всѣхъ біографовъ. Не трудно указать во множествѣ случаевъ поверхностность Джіовіо, а иногда, если не такъ часто, его нечестность, не говоря уже о томъ, что такой человекъ, какимъ онъ былъ, не можетъ стремиться къ одной только высокой цѣли. Но духъ столѣтія вѣдетъ со страницъ его книги, и его Левъ X, король Альфонсъ, Помпео Колонна живутъ и движутся передъ нами, вѣрные дѣйствительности и фактической необходимости, хотя глубина внутренней жизни этихъ людей остается для насъ закрытой.

Среди неаполитанцевъ первое мѣсто занимаетъ безспорно Тристанъ Караччіоло (т. I. гл. V), хотя его произведеніе обнаруживаетъ интересъ автора не къ однимъ только біографическимъ описаніямъ. Изображаемые имъ событія и характеры представляютъ удивительное сплетеніе личныхъ побужденій и роковыхъ случайностей, такъ что

¹⁾ Petri Candidi Decembrii Vita Philippi Mariae Vicecomitis, у Murat. XX. Ср. в. т. I стр. 40, прим. 1.

авторъ невольно представляется трагическимъ писателемъ. Такимъ образомъ настоящая трагедія, еще не завоевавшая себѣ въ то время мѣста на сценѣ, разыгрывается у него въ дворцахъ, на улицахъ и площадяхъ.

„Слова и дѣянія Альфонса Великаго“ — произведение Антонио Панормитта ¹⁾, написанное еще при жизни короля, заключаетъ въ себѣ больше лести и украшеній, чѣмъ исторической правды, но заслуживаетъ вниманія, какъ одинъ изъ самыхъ раннихъ сборниковъ такого рода анекдотовъ, мудрыхъ изреченій и шутокъ.

Остальная Европа лишь медленно слѣдовала по пути, проложенному итальянскими характеристиками, хотя великія политическія и религіозныя движенія разорвали много оковъ и пробудили къ жизни многія тысячи людей. Но какъ бы ни было, важнѣйшими свидѣтельствами европейской жизни того времени остаются для насъ, всетаки, прежде всего труды итальянскихъ писателей и дипломатовъ. Мы видимъ, какъ въ новѣйшее время донесенія венеціанскихъ пословъ XVI и XVII вѣка заняли первое мѣсто въ ряду источниковъ, знакомящихъ насъ съ событіями и личностями того времени.

И автобіографія у итальянцевъ также проникаетъ въ глубину души и на ряду съ пестротою внѣшнихъ событій даетъ яркую картину внѣшней жизни рассказчика; между тѣмъ у другихъ народовъ, и даже у нѣмцевъ въ эпоху реформации, она придерживается описаній внѣшнихъ событій, причемъ характеръ самого автора можно только угадывать по его манерѣ и отношенію къ этимъ явленіямъ ²⁾. Надо думать, что Данте своей *vita nuova* указалъ всей націи настоящій правдивый путь и цѣль автобіографіи.

Началомъ этому направленію послужило письмо Петрарки „Къ потомству“; по крайней мѣрѣ, авторъ категорически утверждаетъ, что никто до него не дѣлалъ такой попытки ³⁾; далѣе слѣдуютъ различныя семейныя хроники и записки, относящіяся къ XIV и XV вѣкамъ; такого рода рукописи, повидимому, находятся еще и теперь въ значительномъ количествѣ въ бібліотекахъ флорентійцевъ и пред-

¹⁾ См. т. I стр. 245 прим. 1.

²⁾ Ср. прилож. LXVII.

³⁾ Petr. epp. var. 25: quod ante me, ut arbitror fecit nemo.

ставляютъ собою въ большинствѣ случаевъ простое описаніе жизни въ интересахъ пишущаго и всей его семьи: примѣромъ такого рода произведеній можетъ служить автобіографія Буонакорзо Питти¹⁾.

Болѣе глубокаго самоанализа напрасно было бы искать и въ коментаріяхъ Пія II; напротивъ того, съ перваго же взгляда становится яснымъ, что главнѣйшее содержаніе записокъ относится къ тому, какъ онъ сдѣлалъ свою карьеру. Тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ знакомствѣ съ этой замѣчательной книгой, она пріобрѣтаетъ другое значеніе. Есть люди, которые являются невольнымъ отраженіемъ окружающей ихъ дѣйствительности; оставаясь къ нимъ справедливыми, нельзя слишкомъ настойчиво испытывать степень ихъ убѣжденій, душевныхъ сомнѣній и глубину жизненныхъ цѣлей. Такъ, Эней Сильвій весь отдавался событіямъ, не слишкомъ заботясь о результатахъ нравственныхъ коллизій; къ тому же съ этой стороны онъ съ большимъ удобствомъ находилъ опору въ католической ортодоксіи. Мы видимъ, что онъ принималъ участіе во всѣхъ духовныхъ вопросахъ, тревожившихъ его современниковъ, многое самъ написалъ въ различныхъ областяхъ и тѣмъ не менѣе уже въ концѣ своего жизненнаго пути сохраняетъ достаточно темперамента для того, чтобы возбудить крестовый походъ противъ турокъ, и умираетъ въ концѣ концовъ отъ того, что эта затѣя ему не удастся²⁾.

Автобіографія Бенвенуто Челлини также заключаетъ въ себѣ мало наблюденій надъ собственной душевной жизнью. Но мы видимъ здѣсь всего человѣка, всю его жизнь, переданную съ удивительной правдой и полнотой, отчасти какъ бы противъ желанія самого автора; и удивительно, что жизнеописаніе Челлини никогда не перестанетъ быть интереснымъ, несмотря на то, что въ качествѣ художника, онъ достигаетъ совершенства только въ мелкихъ декоративныхъ деталяхъ, тогда какъ всѣ его значительныя работы или потеряли вовсе цѣнность или сохраняли ее только какъ

1) Изд. G. Manni съ примѣчаніями S. Saldini; Флоренція 1720 *Salutati*, письма III, 75, зоветъ его *frater meus*. Novati общааетъ (1896) сообщитъ болѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ историческомъ чело-
вѣкѣ.

2) Ср. прилож. LXVIII.

наброски, и, если судить по дошедшимъ до насъ произведеніямъ, онъ далеко уступаетъ многимъ своимъ знаменитымъ современникамъ. Мы можемъ даже часто догадываться, что онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ сочиняетъ или хвастается, но это ему нисколько не вредитъ, такъ какъ читатель, всетаки, остается подъ впечатлѣніемъ необыкновенной энергіи и удивительной цѣльности характера. Наши сѣверныя автобіографіи, несмотря на свои нравственныя преимущества и глубину тенденціи являются тѣмъ не менѣе далеко не столь совершенными въ своей художественной изобразительности. Въ запискахъ Челлини мы видимъ человека, который можетъ все, что хочетъ, на все осмѣливается и руководствуется въ оцѣнкѣ только внутренними побужденіями ¹⁾).

Мы должны здѣсь назвать еще одного автора, къ правдивости котораго, тоже надо относиться съ нѣкоторой предосторожностью: это Джироламо Кардано — миланскій гражданинъ (род. 1500 г.). Его книжка „de propria vita“ ²⁾ переживаетъ его значительную извѣстность въ исторіи естественныхъ наукъ и философіи, подобно тому, какъ „жизнь“ Челлини переживаетъ многія изъ его произведеній. Автобіографія Кардано, по существу своему, представляетъ совершенно особое явленіе. Въ качествѣ врача онъ наблюдаетъ свой пульсъ и описываетъ свое физическое душевное и нравственное состояніе, въ связи съ соответствующими внѣшними условіями, оставаясь при этомъ въ высшей степени откровеннымъ и объективнымъ. Онъ принимаетъ за образецъ свой въ этомъ отношеніи разговоры Марка Аврелія, но превосходитъ его въ откровенности, такъ какъ не стѣсняется никакими правилами стоической добродѣтели. Онъ не желаетъ шадить ни себя самого, ни другихъ; самое явленіе его въ свѣтъ, по собственному признанію, находится въ связи съ тѣмъ фактомъ, что его матери не удалось вытравить плодъ. Заслуживаетъ вниманія

¹⁾ Изъ сѣверныхъ автобіографій ближе всего къ этому образцу Агріра D'Aubigne (хотя значительно позже) съ точки зрѣнія ярко выраженной индивидуальности.

²⁾ Написана въ глубокой старости, около 1576 г.—О Карданусъ какъ ученомъ и изобрѣтателѣ Ср. Libri, Hist. des sciences mathém. III, стр. 167 и д.

то, что онъ приписываетъ созвѣздіямъ, подъ которыми родился, только свою судьбу и свои душевныя качества, но не нравственное поведеніе; впрочемъ, онъ откровенно признается (гл. X), что астрологія принесла ему много вреда, въ особенности предсказаніемъ смерти на сороковомъ или самомъ большемъ на сорокъ пятомъ году жизни. Но мы не станемъ цитировать здѣсь книгу, находящуюся почти въ каждой библіотекѣ. Всякій, читая ее, невольно увлечется личностью автора. Кардано откровенно признается въ томъ, что былъ обманщикомъ въ игрѣ, мстительнымъ, никогда ни въ чемъ не каялся и любилъ оскорблять людей; онъ признается въ этомъ безъ всякаго сокрушенія, но также и безъ наглости, даже не съ цѣлью рисоваться, а скорѣе просто, какъ правдивый наблюдатель и изслѣдователь. Но что кажется намъ всего ужаснѣе, это то, что семидесятишестилѣтній старикъ, несмотря на казнь старшаго сына, отравившаго измѣнившую ему жену (гл. 27. 50), и на недовѣріе къ людямъ, тѣмъ не менѣе чувствуетъ себя вполне счастливымъ: у него, говоритъ онъ, есть еще внукъ, многостороннее знаніе, слава его произведеній, прекрасное состояніе и почетное положеніе въ свѣтѣ, сильные друзья, знаніе тайнъ природы и, что лучше всего—вѣра въ Бога; наконецъ, онъ пересчитываетъ свои зубы и находитъ, что изъ нихъ цѣлы еще пятнадцать штукъ.

Но въ то время, какъ писалъ Кардано, инквизиторы и испанцы уже заботились о томъ, чтобы подобные люди не могли вовсе появляться или погибали бы. Отъ такого рода автобіографіи до записокъ Альфіери во всякомъ случаѣ скачекъ очень великъ.

Было бы несправедливо, говоря объ этихъ автобіографіяхъ, обойти молчаніемъ одного весьма почтеннаго и счастливаго человѣка. Мы имѣемъ въ виду извѣстнаго житейскаго философа Лунджи Корнаро (род. 1467), котораго жилище въ Падуѣ носило античный характеръ съ внѣшней стороны и въ то же время было пріютомъ музъ. Въ своемъ знаменитомъ трактатѣ „объ умѣренной жизни“¹⁾ онъ го-

¹⁾ Discorsi della vita sobria состоитъ изъ трехъ частей: trattato, compendio и esortazione и одного lettera къ Daniel Barbaro. — Изд. нѣсколько разъ.

ворить прежде всего о томъ, какимъ образомъ ему удалось достигъ глубокой старости (83 года) и остаться здоровымъ, благодаря строгой діетѣ, несмотря на то, что въ молодости онъ велъ невоздержанную жизнь; далѣе, онъ возражаетъ тѣмъ, кто утверждаетъ, что послѣ шестидесяти пяти лѣтъ уже нѣтъ настоящей жизни и человѣкъ какъ бы стоитъ одной ногой въ гробу; онъ доказываетъ, что его собственная жизнь въ эти годы не только не похожа на смерть, но напротивъ представляетъ очень много пріятностей. „Пусть, говоритъ онъ, они придутъ и убѣдятся собственными глазами, какимъ я обладаю здоровьемъ, какъ я сажусь на лошадь безъ посторонней помощи, какъ свободно взбѣгаю по лѣстницѣ или взбираюсь на холмъ, какъ я веселъ, шутивъ и доволенъ, какъ далекъ отъ всякихъ заботъ и непріятныхъ мыслей. Радости міра не оставляютъ меня. Меня посѣщаютъ прекрасные образованные и ученые люди, а когда нѣтъ гостей, я читаю, пишу и стараюсь по мѣрѣ моихъ силъ быть полезнымъ людямъ. Я занимаюсь всякимъ дѣломъ въ свое время и живу съ пріятностью въ моемъ прекрасномъ домѣ въ Падуѣ, хорошо расположенномъ и приноровленномъ ко всякой погодѣ лѣтомъ и зимой, съ садомъ и проточной водой. Весною и осенью я провожу нѣсколько дней на моей дачѣ и немного охочусь, насколько это прилично въ моемъ возрастѣ. Я провожу также нѣсколько мѣсяцевъ въ году на моей прекрасной виллѣ въ долинѣ ¹⁾; тамъ сходятся въ одномъ пунктѣ нѣсколько дорогъ и на перекресткѣ стоитъ красивая церковь; мощный рукавъ Brentы орошаетъ прекрасныя воздѣланныя поля и густо населенныя земли тамъ, гдѣ прежде были только болота, смрадный воздухъ и гдѣ могли жить только ядовитыя пресмыкающіяся. Я осушилъ эти болота и такимъ образомъ воздухъ очистился, а затѣмъ пришли люди, заселили землю и стали ее обрабатывать; глядя теперь на эти плодородныя поля, я могу сказать, что создалъ тамъ и храмъ и молящихся. Каждый разъ, когда я посѣщаю эти мѣста, я утѣшаюсь этимъ сознаниемъ и душа моя наполняется счастьемъ. Весною и осенью я посѣщаю также ближніе города, вижусь съ моими

¹⁾ Быть можетъ это есть упомянутая стр. 39 Villa Codevico. Ср. Lovarini: Le ville edificate da Alv. Cornaro, L'Arte 1898, II стр. 198 и д.

друзьями, знакомясь черезъ нихъ съ другими интересными людьми: архитекторами, живописцами, скульпторами, артистами, сельскими хозяевами. Я узнаю, что они сдѣлали новаго, пересматриваю старое и стараюсь извлечь для себя пользу изъ осмотра дворцовъ, садовъ, древностей, окрестностей, церквей и укрѣпленій. Но болѣе всего меня восхищаютъ живописная мѣстность, разнообразіе видовъ во время путешествій, холмы, ручьи и рѣки съ красивыми дачами и садами вокругъ. Я могу всѣмъ этимъ наслаждаться вполнѣ, такъ какъ ни зрѣніе, ни слухъ у меня не ослаблены; всѣ мои внѣшнія чувства находятся, благодаря Бога, въ полномъ порядкѣ, въ томъ числѣ и вкусъ, такъ какъ мнѣ нравятся теперь немногія простыя блюда больше, чѣмъ различныя изысканныя блюда въ то время, когда я велъ невоздержанную жизнь. Я не избалованъ, могу спать въ пути, гдѣ придется, и не вижу тяжелыхъ сновъ; напротивъ того, даже во снѣ я вижу всегда только красивое и пріятное“.

Далѣе онъ перечисляетъ все, что сдѣлалъ для республики, въ дѣлѣ осушенія болотъ и свои проекты, касающіеся лагунъ. „Эти труды мои, говоритъ онъ, служатъ настоящимъ отдохновеніемъ здоровой старости, далекой отъ всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ страданій, превращающихъ часто молодыхъ людей въ хилыхъ стариковъ. И если мнѣ позволено будетъ къ серьезному прибавить еще шутку, то конечно надо считать послѣдствіемъ умѣренной жизни и то, что я на восемьдесятъ третьемъ году написалъ еще забавную комедію, наполненную пристойными шутками. Это должно бы быть дѣломъ юности, какъ трагедія дѣломъ старости; но если прославляютъ знаменитаго грека за то, что онъ уже на семьдесятъ третьемъ году жизни сочинилъ трагедію, то не въ правѣ ли я считать себя на десять лѣтъ моложе его и веселѣе? И какъ бы для полноты моего счастья, я вижу передъ глазами отчасти тѣлесное безсмертіе, воплощенное въ моемъ потомствѣ. Когда я возвращаюсь къ себѣ домой, меня окружаютъ не одинъ или два, но одиннадцать внуковъ, отъ двухъ до восемнадцати лѣтъ; всѣ они одного отца и одной матери, всѣ крѣпкаго здоровья и, насколько можно объ этомъ пока судить, одарены склонностью и способностями къ образованію и добрыми нравами. Одинъ изъ маленькихъ забавниковъ находится всегда возлѣ меня и

развлекаетъ меня, такъ какъ дѣти, въ возрастѣ отъ трехъ до пяти лѣтъ, всѣ болѣе или менѣе прирожденные скомо-рохи; иногда я провожу время въ обществѣ старшихъ вну-ковъ, при чемъ они радуютъ меня пѣніемъ, такъ какъ у нихъ прекрасные голоса, и всѣ они играютъ также на раз-личныхъ инструментахъ; и я самъ также пою и у меня голосъ теперь даже яснѣе и лучше звучитъ, чѣмъ прежде. Таковы радости моихъ старческихъ лѣтъ. Мою жизнь, слѣдова-тельно, никакъ нельзя считать дряхлой, и я не промѣнялъ бы мою старость на молодые годы человѣка подверженнаго страстямъ“. Въ „Увѣщаніи“, прибавленномъ Корнаро гораздо позже, на девяносто пятомъ году жизни, онъ къ счастли-вымъ фактамъ своей жизни прибавляетъ еще то, что его „Трактатъ“ приобрѣлъ ему многихъ учениковъ. Онъ умеръ въ Падуѣ въ 1565 г. почти столѣтнимъ старцемъ ¹⁾.

¹⁾ По другимъ указаніямъ 104 лѣтъ. — Cardano перечисляетъ маловѣроятные примѣры глубокой старости, правда, изъ прежнихъ временъ и далекихъ странъ — послѣднее на основаніи сообщеній итальянскихъ путешественниковъ. (De subtilitate, lib. XII). — До 120 лѣтъ дожилъ Giorgio, епископъ Porto, — съ 1476 г. онъ былъ карди-наломъ, умеръ въ Римѣ 19 сент. 1508 г.

Глава VI.

Характеристика народовъ и городовъ.

Рядомъ съ характеристикой отдѣльныхъ личностей входитъ въ обычай также и сравнительная оцѣнка различныхъ народностей. Въ средніе вѣка города, племена и народы нерѣдко преслѣдовали другъ друга насмѣшливыми и презрительными словами, часто, несмотря на каррикатурную форму, заключавшими въ себѣ правду. Но итальянцы въ особенности отличались съ давнихъ временъ яснымъ сознаниемъ духовныхъ различій своихъ городовъ и мѣстностей; мѣстный патриотизмъ въ Италиі, можетъ быть, болѣе сильный, чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ средне-вѣковомъ народѣ, создалъ свою литературу и вошелъ въ тѣсную связь съ понятіемъ о славѣ; топографія возникаетъ здѣсь какъ параллель къ біографіи (т. I ч. 2 гл. III). Каждый большой городъ хвалитъ себя въ прозѣ и стихахъ ¹⁾; въ то же время являются авторы, которые описываютъ всѣ важнѣйшіе города и населенія, то серьезно сопоставляя ихъ между собой, то изошряясь въ остроуміи, и осмѣивая тотъ или другой городъ; или же наконецъ они говорятъ о вещахъ такъ,

¹⁾ Началось уже гораздо раньше; въ ломбардскихъ городахъ уже въ 12-мъ вѣкѣ. Ср. Landulfus senior, Ricobaldus и (у Murat X) замѣчательный анонимъ, по всей вѣроятности Giovanni Magnano, De laudibus Patriae, отъ 14 вѣка (1329 и д.). — Далѣе (Murat. I b) Liber de situ urbis Mediol. — Описание Бресчии 1493 недавно помѣщено въ stor. lomb. XIII 676 и д. — Сюда относятся также стихотвор. Pand. Collenuccio восхваляющія Венецію. Saviotti, стр. 53 ... Стихотвореніе въ честь Вероны принадлежитъ XV в. (итал.) изд. U. Marshesini въ Nuovo Arch. stor. т. X, 313—323. — Поэтическое изображ. Беллуно въ Pierio Valer. amorum lib. V, въ печати см. Cian. Cavassico I стр. X. ...

что нельзя строго отдѣлить, гдѣ кончается шутка и гдѣ начинается серьезное.

Въ ряду этихъ писателей, мы должны назвать прежде всего Брунетто Латини. Кромѣ своего отечества, онъ хорошо знакомъ съ Франціей, гдѣ прожилъ семь лѣтъ, и въ подробномъ описаніи указываетъ на всѣ характерныя различія между французами и итальянцами въ устройствѣ жилищъ и образѣ жизни, а также опредѣляетъ контрастъ между монархической формой правленія во Франціи и республиканскимъ устройствомъ итальянскихъ городовъ ¹⁾. Далѣе на ряду съ нѣкоторыми замѣчательными мѣстами въ „Божественной Комедіи“ обращаетъ на себя вниманіе „Диттамондо“ Уберти. Здѣсь отмѣчаются преимущественно только явленія, обращающія на себя особенное вниманіе, какъ праздникъ вострононъ Аполлинарія въ Равеннѣ, колодезь въ Тревизо, обширный погребъ въ Виченцѣ, высокія подати въ Мантуѣ и лѣсъ башенъ въ Луккѣ; но между прочимъ тутъ же встрѣчаются также разнообразныя похвальные рѣчи и колкія критики. Арецо дебютируетъ здѣсь тонкимъ остроуміемъ своихъ уроженцевъ, Генуя — подведенными глазами и окрашенными въ черный цвѣтъ зубами женщинъ, Болонья — расточительностью, Бергамо — грубымъ нарѣчіемъ и талантливими людьми ²⁾. Въ XV вѣкѣ каждый хвалитъ свой родной городъ: неаполитанецъ насмѣхается надъ жителями Болоньи, которые думаютъ, что они знаютъ все лучше другихъ ³⁾, Микель Савонарола признаетъ только Венецію и Римъ превосходяще своей Падуи, а Флоренцію считаетъ развѣ только что веселѣе ⁴⁾; само собой разумѣется,

¹⁾ Li Tresors, изд. Chabaille. Парижъ 1863 г. стр. 179 — 180. Ср. тамъ же стр. 577. (Lib. III стр. II. с. i.).

²⁾ Парижъ въ глазахъ средневѣковаго итальянца имѣлъ тогда еще гораздо больше значенія, чѣмъ сто лѣтъ позже. См. Dittamondo, IV глв. 18. — Французы — qui veluti parentes omnis urbanitatis esse feruntur — порицаются за то, что въ разговорѣ замѣняютъ единствен. число множественнымъ quo latinitatem extinguere moliuntur, Salutati, письма II, 413. — Петрарка также указываетъ различіе между Франціей и Италіей въ св. Investiva contra Gallum (Jean de Hesdin, срв. Nollac, Romania XXI).

³⁾ Masuccio; см. Gothein, стр. 317 прим. 2.

⁴⁾ Savonarola, у Murat. XXIV, Col. 1186. См. в. т. I стр. 160. — О Венеціи см. в. т. I стр. 68. — Древнѣйшее описаніе Рима Signorili

что такой прием мало пригоден для объективных знаний. В концѣ вѣка Понтано въ своемъ „Антоніи“ совершаетъ воображаемое путешествіе по Италіи только для того, чтобы сдѣлать рядъ ироническихъ и злыхъ замѣчаній. Но въ XVI столѣтіи появляется также рядъ правдивыхъ и глубокихъ характеристикъ¹⁾ въ такомъ родѣ, въ какомъ ни одинъ другой народъ ихъ еще не имѣетъ. Макиавелли въ нѣсколькихъ цѣнныхъ сочиненіяхъ даетъ такое изображеніе политическаго состоянія и искусствъ у нѣмцевъ и французовъ, что уроженецъ этихъ странъ, даже, если онъ хорошо знакомъ съ исторіей своей родины, долженъ быть благодаренъ мудрому флорентійцу за его свѣтлые взгляды. Далѣе, флорентійцы охотно изображаютъ себя самихъ²⁾ и рвутся при этомъ въ блестящіе лучи своей славы; быть можетъ, верхъ чувства собственнаго достоинства выражается у нихъ, на примѣръ, въ томъ, что первенство Флоренціи въ искусствахъ передъ всею Италіей они приписываютъ не столько гениальнымъ дарованіямъ, сколько усердію и старательности³⁾. Похвалы знаменитыхъ итальянцевъ, уроженцевъ другихъ городовъ, какъ, на примѣръ, прекрасную 16-ую пѣснь Аріосто, они принимали, какъ должную дань.

Превосходное изображеніе итальянцевъ, съ указаніемъ на различіе характеровъ и рода дѣятельности, мы находимъ у Ортензіо Ланди, но авторъ такъ любитъ скрываться за спиною другихъ и свободно распоряжаться фактами, что къ его словамъ нужно относиться съ извѣстной осторожностью и не принимать ихъ безъ провѣрки⁴⁾. Тотъ же Ланди десять лѣтъ спустя написалъ анонимный коментарій⁵⁾, въ ко-

(рукописн.) относится ко времени понтификата Мартына V (1417); срв. Грегоровіусъ VII, 569; древнѣйшее описаніе Рима нѣмцемъ. Н. Muffei (середина 15 в.) изд. W. Vogt, Тюбингенъ 1876 г.

1) Такъ характеръ безпокойныхъ и неутомимыхъ обитателей Бергамо прекрасно переданъ у Bandello, Parte I, Nov. 34.

2) Варки, см. кн. IX Storie fiorentine (т. III стр. 56 и сл.)

3) Vasari, VII стр. 158, v. di Michelangelo. Встрѣчаются часто громкія выраженія признательности природѣ, напр. въ сонеттѣ Alfonso de Pazzi, посвященномъ не тосканцу Аннибалу Капо (у Truchi I, с. III стр. 187. Misero il Varchi! e piu infelici noi se a vostri virtudi accidentali, Agiunto fosse 'l natural ch'è in noi.

4) Ср. прилож. LXX.

5) Ср. прилож. LXX.

торомъ среди многихъ глупостей содержатся также нѣкоторыя цѣнныя указанія на причины печальнаго положенія вещей. Леандро Альберти¹⁾ не такъ щедръ въ изображеніи духовныхъ сторонъ жизни различныхъ городовъ, какъ этого отъ него можно было ожидать. Мы не можемъ сказать точно, насколько отразилось такого рода сравнительное описаніе на литературѣ другихъ народовъ, при посредствѣ итальянскихъ гуманистовъ²⁾; но во всякомъ случаѣ Италіи принадлежитъ первенство въ этомъ отношеніи, какъ и въ космографіи.

1) Descrizione di tutta l'Italia 1562.

2) Юмористическое описаніе городовъ далѣе часто повторяется. напр. Macaroneide. Phantas. II. Во Франціи Рабле, который зналъ Макаронейду (объ этомъ въ недавнее время подробно у P. Toldo. Arch, f. d. Stud. neuerer Spr. 100, 1898 стр. 105 и д.) богатый источникъ мѣстныхъ и провинціальныхъ шутокъ, намековъ и эпиграммъ.

Глава VII.

Изображеніе внѣшности человека.

Боккачіо о красотѣ.—Идеаль Фиренцуоллы.—Идеаль красоты вообще.

Такъ называемое „открытие человека“ не останавливается на изображеніи характера личностей и народовъ; внѣшняя сторона или наружность разсматривается и описывается въ Италіи также совсѣмъ иначе, чѣмъ на сѣверѣ ¹⁾.

Мы не будемъ говорить о роли великихъ итальянскихъ врачей въ успѣхахъ физиологіи ²⁾, ни объ изученіи тѣла въ интересахъ искусствъ, такъ какъ то и другое составляетъ предметъ специальныхъ изслѣдованій. Наша задача здѣсь ограничивается одною только особенностью, а именно способностью итальянцевъ быстро схватывать черты лица и создавать безпристрастное и правильное сужденіе о тѣлесной уродливости и красотѣ ³⁾.

¹⁾ Нѣкоторыя литературы, отжившія уже свое время, также посвящали много усердія точнымъ описаніямъ. Ср. напр. у Сидонія Аполлинарія изображеніе вестъ-готскаго короля (Epist. III, 13) или въ его стихотвореніяхъ типы нѣкоторыхъ германскихъ народностей.

Мы ограничимся одной выпиской изъ малоизвѣстнаго автора, а именно яркой характеристикой палача въ Форли: Babonio: non me pareva cristiano d'afia: pareva un lurvo horibile e fero da vedere, Grande de statura, grosso de persona, crudele in facti: Certo non vide mai la piu spaventosa cosa, percosso in quilli oechi, quilli capili soi torti, bistorti sucidi, bructi, lunghi. Cobelli 335.

²⁾ Ср. прилож. LXXI.

³⁾ Внѣшность Карла VIII возбудила неудовольствіе и нерасположеніе къ нему итальянцевъ, см. Pastor III, 311—различныя свидѣтельства. Ср. также т. I. стр. 93, прим. 2.

При внимательномъ чтеніи итальянскихъ авторовъ того времени нельзя не удивляться ихъ точности въ описаніи отдѣльныхъ внѣшнихъ чертъ и совершенству передаваемыхъ ими портретовъ и внѣшнихъ характеристикъ вообще. Впрочемъ и теперь въ особенности римляне обладаютъ талантомъ въ нѣсколькихъ словахъ дать яркій портретъ чело-вѣка, о которомъ идетъ рѣчь. Но такое быстрое схватываніе характерныхъ чертъ и особенностей фізіономіи есть существенное условіе познанія красоты и искуснаго описанія ея перомъ. Иногда слишкомъ подробное описаніе можетъ, правда, быть недостаткомъ въ поэтическомъ произведеніи, гдѣ страстное одушевленіе вліяетъ на читателя и, при помощи одной какой нибудь внутренней черты, можетъ создать вполне яркій образъ; Данте прославилъ свою Беатриче больше всего тѣмъ, что изобразилъ чарующее отраженіе всего ея существа на всемъ окружающемъ. Но мы имѣемъ въ виду здѣсь не поэзію, преслѣдующую свои особыя цѣли, а способность вообще передавать словами различнаго рода идеальную и неидеальную внѣшность.

Красота у Боккачіо. Въ этомъ отношеніи Боккачіо является большимъ мастеромъ не въ „Декамеронѣ“, такъ какъ новелла не даетъ большого простора описанію внѣшности, но въ своихъ романахъ, гдѣ онъ имѣетъ просторъ и можетъ свободно слѣдовать своимъ желаніямъ.

Въ своемъ Аметто онъ изображаетъ блондинку и брюнетку, рисуя ихъ такъ, какъ это сдѣлалъ бы живописецъ сто лѣтъ спустя, ибо и здѣсь образованіе задолго предшествуетъ искусству. У брюнетки (или вѣрнѣе сказать шатенки) мы видимъ уже такія черты, какія теперь называютъ классическими; въ словахъ автора „la spazieza testa e distesa“ также заключается предчувствіе классическихъ формъ превосходящихъ простую миловидность; брови у нея не образуютъ уже двѣ дуги, что составляло идеаль византийцевъ, но сливаются въ одну изогнутую линію; красивый носъ приближается къ орлиному¹⁾, широкая грудь, умѣренно длинныя руки, эффектный изгибъ кисти руки, опирающейся

¹⁾ Это мѣсто не ясно читается (Ameto, Veneria 1586 стр. 54) del mezzo de'quali non camuso naso in linea diritta discende, quanto ad aquilino non essere dimanda il dovere.

на пурпурную ткань—всѣ эти черты отчетливо указываютъ на новое нарождающееся пониманіе красоты, безсознательно приближающейся въ то же время къ идеалу классической древности.

Въ другихъ случаяхъ, говоря о красавицахъ, Боккачіо рисуетъ ровный лобъ, а не выпуклый средне-вѣковый, темныя серьезные продолговатые глаза, круглую шею безъ излишнихъ впадинъ и, наконецъ, говоритъ даже о „маленькихъ ножкахъ“ или, описывая черноокою нимфу, восхищается „быстрыми плутовскими глазками“ и т. д. ¹⁾

Не знаю, оставилъ ли XV вѣкъ литературный памятникъ взглядовъ на идеальную красоту: на первый взглядъ это можетъ показаться лишнимъ, такъ какъ мы имѣемъ то же самое въ картинахъ и статуяхъ художниковъ того времени, но въ дѣйствительности это не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ рядомъ съ реализмомъ этихъ мастеровъ любопытно было бы сопоставить идеальныя требованія писателей ²⁾. Въ XVI вѣкѣ выступаетъ Фиренцуола съ своимъ въ высшей степени замѣчательнымъ сочиненіемъ о женской красотѣ ³⁾.

Въ этомъ произведеніи слѣдуетъ прежде всего отдѣлить заимствованное авторомъ у древнихъ писателей и художниковъ, какъ напримѣръ, опредѣленіе надлежащихъ пропорцій по размѣрамъ головы, нѣкоторыя отвлеченныя понятія и т. п. Все, что остается затѣмъ, принадлежитъ уже

¹⁾ Due occhi ladri nelloro movimento. Все посланіе богато такими описаніями.

²⁾ Прекрасный сборникъ пѣсенъ Giusto de'conti la bella mano (много разъ издан. напр. Флоренція 1882) ни разу не сообщаетъ о знаменитой ручкѣ своей возлюбленной, тогда какъ Боккачіо въ десяти мѣстахъ Ameto говоритъ о ручкахъ своей нимфы.

³⁾ Della ballezza delle donne, въ I т. Opere di Firenzuola Milano 1802.—По мнѣнію Morsolina'a (Atti del R. Instit. Ueneto, Ses. VII, tom III, 1893.— Fig. пользовались Rittratte. "Trissimo. О трактатѣ Firenz. срв. "O. Guerrini въ нов. изд. Novelle (A. F.) Flor. 1886, срв. также С. Guasti въ изд. „Prose“ (A. F.) Flor. 1892, passim. — Интересная пародія на восхваляемый часто идеалъ красоты: Calmos Ecloghe, срв. Rossi, Calmo, стр. LXXXVII.

Взглядъ Firenz на тѣлесную красоту какъ свидѣтельство красоты душевной, ср. т. II, стр. 48—52 „ragionamenti“ впереди его новеллъ Пѣз числа многихъ другихъ защищающихъ это возрѣніе, отчасти въ духѣ древнихъ, назовемъ Castiglione il Cortigliano, L. IV, fol. 176.

его собственному пониманію, и свои требованія въ смыслѣ женской красоты онъ подтверждаетъ примѣрами женщинъ и дѣвушекъ города Прато. Надо полагать, что онъ не уклоняется отъ истины, такъ какъ все написанное имъ есть нѣчто вродѣ лекціи, прочитанной предъ уроженками Прато. слѣдовательно передъ строгими судьями и цѣнительницами. Повидимому въ основѣ своихъ сужденій онъ слѣдуетъ принципамъ Зевксиса и Лукіана и стремится къ созданію идеальной красоты изъ совокупностей прекрасныхъ частей, взятыхъ въ отдѣльности. Онъ опредѣляетъ оттѣнки красокъ, наблюдаемыхъ на кожѣ и на волосахъ, и отдаетъ предпочтеніе *blondo*, считая его наиболѣе выгоднымъ цвѣтомъ волосъ ¹⁾, причемъ онъ разумѣетъ здѣсь нѣжный золотистый отливъ, приближающійся къ каштановому; далѣе, согласно его требованіямъ, волосы должны быть густые, длинные и вьющіяся, лобъ свѣтлый, въ ширину вдвое больше, чѣмъ въ высоту, кожа слегка блестящая (*candido*), но не мертвенной бѣлизны, брови темныя, шелковистыя, болѣе густыя въ серединѣ и рѣдѣющія въ направленіи къ носу и ушамъ, бѣлокъ глазъ слегка синеватый, а зрачекъ не слишкомъ черный; хотя всѣ поэты и считаютъ черные глаза принадлежностью Венеры, тѣмъ не менѣе небесно-голубой цвѣтъ глазъ также свойственъ богинямъ и всѣмъ нравились всегда нѣжные веселые, каріе глаза. Самые глаза должны быть достаточно велики и выпуклы, вѣки бѣлы съ едва замѣтными красными жилками, а рѣсницы должны быть не слишкомъ темныя. Глазныя впадины должны быть одного цвѣта со щеками ²⁾. Красивое ухо имѣетъ среднюю величину, не выдается впередъ и ярче окрашено въ извилинахъ, чѣмъ на гладкихъ частяхъ; край уха прозраченъ и окрашенъ какъ гранатовое зерно. Виски бѣлы и гладки и красивѣйшими считаются не слишкомъ узкіе ³⁾. Краска на щекахъ усиливаетъ

¹⁾ Съ этимъ соглашались не одни только художники, ради преимуществъ колорита. Ср. также ниже. Большою славой пользовались золотистыя волосы Лукреціи Борджіа, ср. приводимыя ниже свѣдѣнія въ прилож. LXXII.

²⁾ Ср. прилож. XXII.

³⁾ При этомъ случаѣ, такъ какъ прическа на вискахъ сильно измѣняетъ лицо, Ф. прибѣгаетъ къ комической выходкѣ противъ излишнихъ цвѣточныхъ украшеній, благодаря которымъ лицо становится

ется по мѣрѣ закругленія. Носъ представляетъ собой главную красоту профиля; онъ долженъ постепенно понижаться кверху и тамъ гдѣ кончается хрящикъ, образуется маленькое возвышеніе, но не долженъ принимать орлиный характеръ, такъ какъ это считается некрасивымъ для женщинъ; его боковыя части должны быть окрашены нѣжнѣе, чѣмъ уши, но не отличаться бѣлизной, средняя же стѣнка надъ губой должна быть окрашена сильнѣе. Авторъ предпочитаетъ маленькій ротъ, но не слишкомъ острый и не плоскій; губы должны быть не слишкомъ тонки и красиво лежать одна на другой; когда ротъ слегка открытъ, но не при разговорѣ или смѣхѣ, не должно быть видно болѣе шести верхнихъ зубовъ, ямочка на верхней губѣ служить особымъ украшеніемъ, также какъ маленькое возвышеніе на нижней и красивая улыбка въ лѣвомъ углу. Зубы должны быть не слишкомъ острые, ровные, цвѣта слоновой кости; десны не слишкомъ темныя, но также и не ярко красныя. Красивѣйшимъ подбородкомъ считается круглый, не острый, но и не тупой, слегка розовѣющій къ концу, причемъ особую прелесть представляетъ ямочка. Шея должна быть бѣлая и скорѣе длинная, чѣмъ короткая; ямочка на ней и адамово яблоко только слегка обозначаются. Кожа должна образовывать красивыя складки при каждомъ поворотѣ. Плечи по требованію автора должны быть широкия; онъ считаетъ также первымъ условіемъ красоты широкую грудь. Далѣе, кости не должны выдаваться и вообще всѣ повышенія и пониженія должны гармонично сливаться. Нога должна быть длинная, тонкая въ нижней части, но не худощавая, въ особенности въ голени, и съ сильными бѣлыми икрами. Далѣе маленькая ступня, съ высокимъ подъемомъ и алебастровой бѣлизны. Бѣлыя руки слегка окрашиваются на возвышенныхъ частяхъ, онѣ должны быть мускулисты, но въ то же время нѣжны, какъ у богини Паллады, когда она предстала передъ пастухомъ. Кисть руки должна быть бѣлая, въ особенности въ верхней части, не маленькая и довольно полная, мягкая на ощупь, какъ тонкій шелкъ; розовая внутренняя часть ея

похожимъ на горшекъ съ фіалками или на козленка, жарящагося на вертелѣ.

Впрочемъ, онъ вообще умѣетъ каррикурировать.

снабжена немногими, но ясными жилками; пространство между большим и указательным пальцами болѣе окрашено и безъ складокъ, пальцы длинные и нѣжные, съ болѣе тонкими концами, съ свѣтлыми, не слишкомъ длинными и не слишкомъ широкими ногтями, обрѣзанными на половину ширины лезвія ножа.

Рядомъ съ этой спеціальной эстетикой, общепринятый взглядъ занимаетъ второстепенное мѣсто. Глубочайшее чувство красоты, когда глазъ обращается внутрь, представляетъ тайну для автора, какъ онъ самъ въ этомъ сознается; здѣсь онъ прибѣгаетъ къ заимствованіямъ, носящимъ филологическій характеръ и вступаетъ въ напрасную борьбу съ невыразимымъ. Впрочемъ, онъ прекрасно опредѣляетъ смѣхъ, какъ сіяніе души, вѣроятно, пользуясь при этомъ какимъ нибудь древнимъ авторомъ.

Въ исходѣ среднихъ вѣковъ всѣ литературы заключаютъ въ себѣ попытки также догматически представить красоту ¹⁾, но ни одно сочиненіе не можетъ сравниться съ названнымъ произведеніемъ Фиренцуолы ²⁾. Брантомъ, писавшій болѣе чѣмъ полъ вѣка спустя, является далеко не такимъ знатокомъ, такъ какъ имъ руководитъ не стремленіе къ истиной красотѣ, а низменная чувственность.

¹⁾ Идеаль красоты у Минезингеровъ см. Falke, Die deutschen Trachten und Modenwelt. I, стр. 85 ff.

²⁾ Нѣкоторыя особенности красоты женщинъ разныхъ мѣстностей и странъ перечислены, напр. въ „Pompe“ А. F. Rainerio, Венеція 1544, срв. Wotke, Zeitschr. österr. Hymn. 43, 609 ff.—Рядомъ съ Firenzuol можно назвать: Federico Luigini da Udine: Il libro della bella donna, Венеція, 1554. Критич. анализъ этого соч. P. Mantegazza. Il concetto del bello femminile attraverso i tempi in Nuova antologia, 3 ser., vol. 43, стр. 331 ff.—Подробн. опис. женск. красоты даютъ (срв. Cian, Cavassico I. LI и CCIV Bart. Cavassico, Francesco Cei (1503) Venturino da Pesaro (1502) Baldaassare, Olympo da Sassoferrato и др. —Въ общемъ объ этомъ предметѣ срв. R. Renier, Il tipoestetico della donna nel medio evo, Ancona 1885 г.

Глава VIII.

Жанровое изображеніе въ литературѣ.

Эней Сильвій.—Сельскій бытъ въ поэзиі.—Лоренцо.—Пульчи.—Полиціано.—Пико де Мирандолла о человѣческомъ достоинствѣ.

Къ тому, что мы видѣли въ сферѣ открытія человѣка, надо прибавить также литературу, занятую описаніемъ дѣйствительной жизни.

Средне-вѣковыя литературы пользовались по своему картинами обыденной жизни, извлекая изъ нихъ главнымъ образомъ комическій и сатирическій элементъ. Итальянцы эпохи возрожденія видятъ, напротивъ, интересъ въ картинахъ и сценахъ обыденной жизни, потому что она составляетъ часть міровой жизни, глубоко захватывающій воображеніе пробудившагося человѣчества. вмѣсто или на ряду съ нраво-учительнымъ комизмомъ, блуждавшимъ, такъ сказать, по улицамъ и деревнямъ, задачей котораго было карикатурное изображеніе и смѣхъ надъ гражданами, крестьянами или попами, на ряду съ этимъ мы начинаемъ встрѣчать въ литературѣ признаки настоящаго жанра, гораздо раньше, чѣмъ это проявляется въ живописи. Впослѣдствіи то и другое связывается часто между собой, но тѣмъ не менѣе мы видимъ здѣсь двѣ разныя вещи.

Безъ сомнѣнія, Данте долженъ былъ очень много и очень внимательно наблюдать дѣйствительную жизнь на землѣ, для того, чтобы имѣть возможность такъ ярко изобразить всѣ происшествія въ описываемой имъ загробной жизни ¹⁾.

¹⁾ Правильное представленіе пространственныхъ соотношеній, см. стр. 15, прим. 2.

Знаменитыя картины, рисующія сцены въ арсеналѣ въ Венеціи или группу слѣпыхъ, толпящихся при входѣ въ церковь ¹⁾, представляютъ далеко не единственное доказательство въ этомъ родѣ; наконецъ, уже одно то искусство, съ какимъ онъ передаетъ душевныя движенія однимъ внѣшнимъ жестомъ свидѣтельствуютъ о громадномъ и настойчивомъ изученіи жизни.

Поэты, слѣдующіе за нимъ, не могутъ сравниться съ нимъ въ этомъ отношеніи; новеллисты не могутъ останавливаться на подробностяхъ уже вслѣдствіе законовъ этого рода литературнаго творчества. Они могутъ писать длиннѣйшія предисловія и рассказывать, что хотятъ, но только не въ жанровомъ духѣ. И только спустя еще нѣсколько времени, мы встрѣтимъ и новый родъ описанія у авторовъ, подчиняющихся вліянію древнихъ.

Здѣсь мы встрѣтимъ прежде всего снова того, кто былъ ко всему такъ отзывчивъ; это—Эней Сильвій. Его привлекаетъ описаніе не только красоты ландшафтовъ, не только интересъ къ космографіи и къ классической древности (т. II гл. II) но также и всякое живое происшествіе ²⁾. Въ его мемуарахъ мы находимъ множество сценъ, которымъ въ то время едва ли кто нибудь изъ писателей посвятилъ бы хотя одну строчку; для примѣра укажемъ на его описаніе прогулки на веслахъ по Бользенскому озеру ³⁾. Мы не беремся указать, кто именно изъ древнихъ эпистолографовъ или рассказчиковъ повліялъ на него въ этомъ смыслѣ и внушилъ такую любовь къ жизненнымъ картинамъ, такъ какъ связь духовныхъ настроеній древности съ эпохой возрожденія не поддается грубому опредѣленію.

Къ такого рода жанровой литературѣ относятся также тѣ латинскія стихотворенія, о которыхъ была рѣчь выше (т. I ч. 3-я гл. X) и предметомъ описаній которыхъ были: охота, путешествія, церемоніи и т. п. Тоже самое встрѣчается и на итальянскомъ языкѣ, какъ, напримѣръ, описа-

¹⁾ Inferno XXI, 7. Purgat. XIII, 61.

²⁾ Нельзя строго судить его за то, что при своемъ дворѣ онъ держалъ въ качествѣ шута флорентійца Greco: hominem certe cujus vis mores, naturam, linguam cum maximo omnium qui audiebant risu facile exprimentem. Platina, Vite Pontiff. стр. 310.

³⁾ Pii II. Comment. VIII, стр. 381.

нія знаменитыхъ медіцейскихъ турнировъ у Полиціано и Луиджи Пульчи ¹⁾. Настоящіе эпическіе поэты, какъ то Луиджи Пульчи, Боярдо и Аріостъ идутъ гораздо дальше въ этомъ направленіи, но общая задача заключается въ ясной и точной передачѣ движенія, какъ главнаго элемента жизни. Франко Сакетти старается однажды передать быструю отрывочную рѣчь въ группѣ молодыхъ женщинъ, застигнутыхъ въ лѣсу дождемъ ²⁾.

Попытки передать движеніе мы находимъ раньше всего въ стихотвореніяхъ и описаніяхъ изъ военной жизни (т. I гл. IX). Такъ въ одномъ изъ самыхъ раннихъ дошедшихъ до насъ стихотвореній ³⁾ мы находимъ самое подробное и точное описаніе битвы наемниковъ въ XIV вѣкѣ и мы видимъ здѣсь рядъ восклицаній, слова команды и фразы, какими обмѣниваются участники сраженій между собой.

Но самое интересное въ этомъ родѣ представляетъ правдивое изображеніе крестьянской жизни, какъ мы это видимъ въ особенности у Лоренцо Великолѣпнаго и окружающихъ его поэтовъ.

Со времени Петрарки распространяется условная буколическая поэзія, въ формѣ эклога, въ подражаніе Виргилію, независимо отъ того, выражается-ли эта поэзія въ латинскихъ или итальянскихъ стихахъ. Таковую же буколику представляетъ и пастушескій романъ со времени Боккачіо и вплоть до „Аркадіи“ Саннацаро, а позднѣе поэзія въ томъ же родѣ

¹⁾ Срв. прилож. LXXIII.

²⁾ Такъ назыв. *Saccia* перепечатана изъ римской рукописи: *Lettere del conte V. Castiglione* изд. Pierantonio Serassi, т. II (Padua 1771) стр. 269. (коммент. къ „Эклогамъ“ Кастильоне). Въ настоящее время Carducci, *Sacce in rime dei secoli XIV v. l XV*, Болонья, 1896.

³⁾ См. „*Serventese*“ Gianozzo, вѣроятно, Sacchetti, братъ знаменитаго флорентійскаго новеллиста, у Trucchi: *poesie italiane inedite*, II, стр. 99, лучше у Carducci (см. пред. прим. стр. 59 и). Слова не совсемъ понятны, такъ какъ, повидному, заимствованы изъ языковъ различныхъ наемниковъ.— Сюда-же надо отнести описаніе Флоренціи во время чумы 1327 г. принадлежащее перу Макиавелли. Здѣсь находимъ краснорѣчивыя картины, рисующія ужасное положеніе вещей.

⁴⁾ Еще Данте, какъ объ этомъ впервые сообщаетъ Боккачіо (*Vita di Dante* стр. 77) написалъ двѣ латинскія эклоги. Срв. Fraticelli, *Opp. min. qđ D. t. I*, 147 ff. Буколическое стихотвореніе Петрарки см. P. *Carmina minora*, изд. Rossetti г. Далѣе, срв. A. Hortiv. *Scritti inediti di E. P. Triest* 1874. Срв. прилож. LIIIV.

Тассо и Гуарини; всѣ эти произведенія представляютъ образецъ прекраснѣйшей прозы или совершеннѣйшихъ стиховъ, но пастушеская одежда играетъ здѣсь чисто внѣшнюю роль и прикрываетъ собой мысли и чувства людей, принадлежащихъ совсѣмъ къ другому міру. Такъ Боккачіо въ своемъ Аметто (стр. 62) въ миѣической формѣ скрываетъ уже канву Декамерона, обнаруживая это иногда по нечаянности самымъ комическимъ образомъ: одна изъ его нимфъ—прекрасная католичка, и прелаты въ Римѣ посматриваютъ на нее съ вожделѣніемъ; другая выходитъ даже замужъ; въ другомъ романѣ Фіезолано забеременѣвшая Мензола обращается за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ „старой мудрой нимфѣ“ и т. п.

Рядомъ съ этимъ въ концѣ XV вѣка въ поэзіи появляется настоящее жанровое описаніе сельскаго быта. Это возможно было только въ Италіи, такъ какъ въ одной только этой странѣ крестьянинъ, былъ ли то батракъ или собственникъ, сохранялъ личную свободу и свободу переселенія, какъ ни тяжелъ былъ въ общемъ его жребій ¹⁾. Флоренція въ особенности занимала передовое мѣсто въ этомъ отношеніи. Въ статутахъ 1415 года сохранился законъ, на основаніи котораго должны были считаться недѣйствительными всякаго рода договоры, если они влекли за собой крѣпостную зависимость или какимъ бы то ни было образомъ прикрѣпляли человѣка къ землѣ, создавали феодальныя права и нарушали личную свободу ²⁾. Къ тому же разница между городомъ и деревней не представляетъ такихъ рѣзкихъ отличій въ Италіи, какъ на сѣверѣ; мы видимъ здѣсь множество мѣстечекъ, населенныхъ исключительно крестьянами, которые внѣ своихъ сельскихъ работъ могутъ съ полнымъ правомъ называть себя горожанами. Каменщики изъ одного угла Италіи проходятъ черезъ всю страну; Джіотто мальчикомъ легко могъ уйти отъ своихъ овецъ и стать гражданиномъ Флоренціи; вообще мы видимъ постоянный приливъ

¹⁾ Въ общемъ крестьяне въ Италіи пользовались тогда большимъ благосостояніемъ, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ; ср. Sacchetti nov. 88 и 222, L. Pulci: Beca da Dicomano (Villari, Machiavelli I, 198, прим. 2).

²⁾ Pöhlmann, стр. 4 и д. Ср. прилож. LXXV.

обитателей сель и деревень въ города, и значительная часть горнаго населенія какъ бы предназначена для этой роли ¹⁾. Поверхностное образование и надменность горожанъ требуютъ, чтобы поэты и новеллисты изображали villano въ комическомъ видѣ ²⁾. И импровизированная комедія (стр. 39) довершала остальное. Но мы не находимъ здѣсь во всякомъ случаѣ той жестокой родовой ненависти, какую часто видимъ у благородныхъ провансальскихъ поэтовъ и французскихъ хронистовъ вообще. Въ Ломбардіи, въ началѣ XVI вѣка, дворяне танцуютъ съ крестьянами и не стѣсняются бороться съ ними и состязаться въ различныхъ играхъ ³⁾. Итальянскіе авторы всѣхъ родовъ охотно признаютъ хорошія стороны крестьянской жизни и прославляютъ ихъ въ литературѣ. Джіовани Понтано высказываетъ удивленіе передъ душевной силой дикихъ обитателей Аbruцъ ⁴⁾; въ біографическихъ сборникахъ, а также у новеллистовъ нерѣдко встрѣчается, на примѣръ, героическій образъ крестьянской дѣвушки ⁵⁾, не шадящей своей жизни ради защиты чести или ради спасенія своихъ родныхъ.

При такихъ условіяхъ въ литературѣ естественнымъ образомъ заняло мѣсто описаніе крестьянской жизни. Прежде всего въ этомъ смыслѣ заслуживаютъ упоминанія нѣкогда весьма популярныя и неутратившія даже до сихъ поръ интересъ эклоги Баттиста Мантовано (одно изъ его раннихъ произведеній, написанное имъ еще во время студенчества въ 1456 году). Въ этихъ эклогахъ еще борются между собой

¹⁾ Nullum est hominum genus aptibus urbi—говоритъ Battista Mantovano (Ecl. VIII) о жителяхъ Монте-Бальдо и Бай. Населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей и теперь еще, какъ извѣстно, пользуется предпочтеніемъ въ томъ или другомъ ремеслѣ въ большихъ городахъ.

²⁾ Въ этомъ родѣ одно изъ сильныхъ мѣстъ: Orlandino, cap. V, str. 54—58. Вполнѣ объективный Vesp. Bisticci однажды говоритъ (Comm. sulla vita di Giov. Mannetti, стр. 96). Sono dua ispezie di uomini difficili a sopportare per la loro ignoranza, l'una sono i servi, la seconda i contadini. Далѣе, срв. прилож. LXXXVI.

³⁾ L. B. Alberti: Trattato, del governo della famiglia, стр. 86.—Il cortigiano lib. II, fol. 54.

⁴⁾ Iovian. Pontan. de fortitudine, lib. II.

⁵⁾ О знаменитой крестьянкѣ Bona Lombardo, супругѣ кондотьера Pietro Brunoro, говорятъ Jacobus Bergomensis и Porcellius, см. Murat. XXV, Col. 43.

условность и правдивое изображеніе, но послѣднее уже имѣетъ перевѣсъ; здѣсь не трудно также подмѣтить духъ благомыслящаго священника, какимъ былъ авторъ, и его религіозно-просвѣтительную ревность. Но зато, въ качествѣ кармелитскаго монаха, онъ находится въ частомъ общеніи съ крестьянами и хорошо знакомъ съ ними.

Но совсѣмъ иначе, съ другимъ полетомъ мысли переносится Лоренцо Великолѣпный въ сферу крестьянской жизни. Его Ненчіа да Барберино ¹⁾ производитъ впечатлѣніе какъ бы квинтъ-эссенціи настоящихъ народныхъ пѣсенъ, излившейся въ могучемъ потокѣ октавъ. Поэтъ здѣсь является настолько объективнымъ, что мы не знаемъ его собственнаго отношенія напримѣръ къ юношѣ Валеро, когда тотъ признается Менчіи въ своей любви. Поэма представляетъ собой, очевидно, сознательный противовѣсъ условной буколикѣ съ ея нимфами и прочей мифологіей; Лоренцо намѣренно рисуетъ крестьянскую жизнь съ суровымъ реализмомъ и всей ея мелочностью, и всетаки въ общемъ картина производитъ настоящее поэтическое впечатлѣніе.

„Бэка да Дикомано“ есть несомнѣнный двойникъ или дополненіе къ Ненчіи. Но этому произведенію Луиджи Пульчи ²⁾ не достаётъ строгой объективности; „Бэка“ написано очевидно не по внутреннему побужденію изобразить народную жизнь, не ради душевной потребности автора, но скорѣе съ цѣлью заслужить одобреніе образованныхъ флорентійцевъ какимъ нибудь произведеніемъ въ этомъ родѣ. Этимъ объясняется нѣсколько преувеличенная рѣзкость жанровыхъ описаній и непристойность шутокъ. Тѣмъ не менѣе у автора недурно выдержанъ характеръ деревенскаго любовника въ соотвѣтствующей обстановкѣ.

Анджелло Полициано — третій въ этомъ союзѣ, съ его „Рустиціемъ“ ³⁾ въ латинскихъ гекзаметрахъ. Независимо отъ

¹⁾ Poesie di Lorenzo Magnif. I, стр. 37.—Новѣйшіе итальянскіе ученые, въ противность мнѣнію В. сильнѣе подчеркиваютъ сатирическую тенденцію цѣлаго.

²⁾ Poesie di Lorenzo magn. II стр. 149.

³⁾ Между прочимъ въ *Deliciae poetar. ital.* и въ сочиненіяхъ Полициано. Изд. del Lungo, Flor. 1867, стр. 305 и д. Первое изд. Флор. 1494 — Дидакт. стихотв. Rucellai, Le Api, напис. въ 1523/24 г. и Ala-

вліянія Виргиліевыхъ „Георгикъ“, онъ изображаетъ спеціально тосканскій крестьянскій годъ, начиная съ поздней осени, когда крестьянинъ мастеритъ свой новый плугъ и пашеть озимое поле. Ему очень удается изображеніе весеннихъ нивъ, а также нѣкоторыхъ лѣтнихъ картинъ; но жемчужиной ново-итальянской поэзіи представляется намъ праздникъ винограда осенью. Полиціано писалъ свои стихотворенія также и на итальянскомъ языкѣ и свидѣтельствуемъ этимъ еще разъ о томъ, что въ кругу Лоренцо признавалось вообще законнымъ реальное изображеніе повседневной жизни низшихъ сословій. Его любовная пѣснь цыгана¹⁾ представляетъ одинъ изъ раннихъ примѣровъ новѣйшей тенденции, а именно желаніе проникнуть поэтическимъ чутьемъ въ душу людей другого класса со всѣми ихъ особенностями. Попытки такого рода, правда, встрѣчались и раньше, но съ другою цѣлью, а именно ради комизма; сюда относится подражаніе различнымъ діалектамъ и пересмѣиваніе обхожденія крестьянъ, причемъ во Флоренціи карнаваль, напримѣръ, служилъ всегда поводомъ для такого рода стиховъ и пѣсенъ съ масками и переодѣваніями. Но серьезное намѣреніе представляетъ новый элементъ въ упомянутыхъ произведеніяхъ, и съ этой точки зрѣнія Ненчіа и цыганская пѣснь „Canzone zingaresca“ могутъ считаться замѣчательными памятниками въ исторіи и поэзіи.

Кстати и здѣсь мы видимъ снова примѣръ того, что образованіе предшествуетъ искусству. Вслѣдъ за появленіемъ Ненчіи проходитъ восемьдесятъ лѣтъ до возникновенія жанровой сельской живописи въ лицѣ Джакоппо и его учениковъ.

Въ ближайшей части этой книги, мы убѣдимся, что въ Италіи въ это время мѣняется взглядъ на различіе по рожденію и принадлежность къ тому или другому сословію. Безъ сомнѣнія, значительную роль въ этомъ отношеніи играетъ то обстоятельство, что здѣсь впервые родилось познаніе человѣка во всей его внутренней сущности. Уже

manni (в. I, стр. 288) La coltivazione содержитъ нѣчто подобное. — Ср. также описаніе виллы Lorenzo Valla, при чемъ перечисленіе подр. у Galateo, De situ Iapygiae, Basel 1558, стр. 163 — 168.

¹⁾ Poesie di Lorenzo mag. II стр. 75. Это стихотвореніе въ другихъ носитъ названіе La Brunetta.

одно это послѣдствіе возрожденія должно вызывать въ насъ чувство вѣчной благодарности. Въ теоріи такой взглядъ на человѣчество существовалъ и раньше, но только въ эпоху возрожденія онъ начинаетъ примѣняться фактически.

Пико делла Мирандолла высказываетъ величайшія пророчества въ этомъ смыслѣ въ своей рѣчи „о человѣческомъ достоинствѣ“¹⁾ — одномъ изъ благороднѣйшихъ наслѣдствъ, завѣщанныхъ намъ этой культурной эпохой. Господь, говоритъ онъ, создалъ человѣка послѣ всѣхъ другихъ своихъ твореній, для того чтобы онъ позналъ законы творчества, любилъ красоту мірозданія и удивлялся его величію. — Онъ не привязалъ его къ опредѣленному мѣсту, къ одному опредѣленному дѣлу; ни къ одной необходимой цѣли, но далъ ему возможность передвиженія и свободную волю. — „Я поставилъ тебя, — говоритъ Творецъ Адаму, — въ средоточіи міра, чтобы ты могъ осматриваться вокругъ и видѣть все существующее. Я сотворилъ тебя ни какъ небесное существо, ни какъ земное, ни смертнымъ, ни бессмертнымъ, для того чтобы ты могъ самъ дѣлать себя такимъ или инымъ: ты можешь опуститься до животнаго состоянія или же возвыситься до божескаго. Звѣри остаются такими, какими они выходятъ изъ чрева матери. Высшія существа остаются такими, какими должны быть въ вѣчности²⁾. Ты одинъ можешь развиваться, возрастать по своей волѣ, въ тебѣ кроются сѣмена многообразной жизни“.

1) Ср. прилож. LXXVII.

2) Намекъ на паденіе Луцифера и его товарищей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I.

Уравненіе сословіи.

Взаимодѣйствіе сословіи. — Дворяне въ помѣстьяхъ. — Отношеніе къ образованію. — Вліяніе испанцевъ. — Турниръ въ карриатурѣ. — Cortigiano.

Всякая культурная эпоха, если она представляетъ сама по себѣ одно законченное цѣлое, сказывается не только въ общегосударственномъ устройствѣ, въ религиі, искусствахъ и наукѣ, но кладетъ также свою печать на взаимныя отношенія людей въ общественномъ быту. Обращаясь къ среднимъ вѣкамъ, мы видимъ въ самомъ дѣлѣ, что этикетъ и нравы знатныхъ сословіи, а также извѣстный характеръ гражданскихъ отношеній въ существенныхъ чертахъ одни и тѣ же въ различныхъ странахъ.

Эпоха возрожденія, напротивъ, въ этомъ отношеніи представляетъ свои значительныя особенности. Мы видимъ здѣсь прежде всего совсѣмъ иное основаніе, такъ какъ сословныя различія почти совсѣмъ исчезаютъ въ высшихъ образованныхъ классахъ; подобно тому, какъ въ новѣйшее время люди цѣнятся по достоинствамъ и талантамъ, тогда какъ происхожденіе сохраняетъ значеніе только въ томъ случаѣ, если находится въ связи съ наследственнымъ богатствомъ и обеспеченнымъ такимъ образомъ досугомъ. Нельзя, разумѣется, считать исчезнувшимъ всякое различіе въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ средневѣковыя сословія пытаются сохранить по возможности свой престижъ, хотя бы для того, чтобы остаться на одномъ уровнѣ съ соотвѣтствующими привилегированными классами внѣ Италіи, въ другихъ европейскихъ странахъ; но отличительной чер-

той эпохи нельзя не признать, всетаки, слияніе сословіи какъ результатъ новыхъ воззрѣній.

Въ этомъ новомъ теченіи значительную роль играетъ то, что дворяне и простые горожане, начиная по меньшей мѣрѣ съ XII вѣка, жили въ городахъ бокъ о бокъ, испытывая одинаковую судьбу, предаваясь однимъ и тѣмъ же развлеченіямъ и такимъ образомъ здѣсь отсутствуетъ взглядъ на міръ и людей съ высоты замковъ, построенныхъ на горѣ. Далѣе, церковь въ Италіи никогда не служила прибѣжищемъ для младшихъ членовъ дворянскихъ семей, какъ на сѣверѣ; епископства, соборныя мѣста и аббатства часто раздавались по недостойнымъ побужденіямъ, но только не по родословной и если епископы были въ Италіи многочисленнѣе, бѣднѣе и не играли роли свѣтскихъ князей, зато они оставались жить въ городахъ, гдѣ находилось ихъ мѣсто служенія и вмѣстѣ съ остальнымъ своимъ клиромъ увеличивали составъ мѣстнаго образованнаго населенія.

Далѣе, когда появились самовластные князья и тираны, знатные люди въ большинствѣ итальянскихъ городовъ сдѣлали все, что могли, чтобы устроить какъ можно удобнѣе свою жизнь и обезпечить себѣ политическую безопасность, но затѣмъ ихъ образъ жизни мало чѣмъ различался отъ образа жизни другихъ богатыхъ гражданъ. Новая поэзія и литература, со времени Данте, становится также общимъ достояніемъ¹⁾; затѣмъ на сцену выступаетъ всеобщая образованность въ духѣ древнихъ и вмѣстѣ съ этимъ интересъ ко всему человѣческому, какъ таковому; въ то же время въ политическомъ отношеніи простые кондотьеры становятся государями и не только благородное происхожденіе не считается уже необходимостью для занятія трона (т. I гл. III); такимъ образомъ, повидимому, воцаряется вѣкъ равенства и понятіе о благородствѣ и знатности рожденія совершенно ступшевуется.

Если въ теоріи приходилось опираться на древность, то уже одинъ Аристотель представлялъ достаточный матери-

¹⁾ При томъ гораздо раньше изобрѣтенія книгопечатанья. Много лучшихъ манускриптовъ принадлежало флорентійскимъ писателямъ. Если-бы не костры воздвигнутые Савонароллою, многое-бы еще дошло до насъ. Ср. т. I ч. 3 гл.

аль и въ смыслѣ защиты и въ смыслѣ оправданія наслѣдственной знатности. Данте, напримѣръ, пользуется Аристотелевымъ опредѣленіемъ „знатность основывается на превосходствѣ и наслѣдственномъ богатствѣ“¹⁾, и строить на этомъ свое предложеніе: преимущество знатныхъ основывается на личномъ превосходствѣ или на преимуществахъ предковъ. Но въ другихъ мѣстахъ онъ уже не довольствуется такимъ опредѣленіемъ и даже порицаетъ самъ себя²⁾ за то, что въ „Раю“ въ разговорѣ съ своимъ предкомъ Качиавида, приписываетъ много благородству происхожденія, тогда какъ въ сущности оно не что иное, какъ плащъ, который постоянно укорачивается, а потому теряетъ всякую цѣну, если не прибавлять къ нему каждый день новыя заслуги. Также въ своемъ „Конвivio“³⁾ онъ старается отнять у понятія *nobile*, или *nobilita*, почти всякую связь съ правами рожденія и отождествляетъ это понятіе съ одними только нравственными или интеллектуальными преимуществами; особенное значеніе онъ придаетъ при этомъ высшему образованію, считая понятія *nobilita* и *filosofia* какъ бы родными сестрами.

Чѣмъ послѣдовательнѣе съ теченіемъ времени всѣ воззрѣнія итальянцевъ подчиняются гуманизму, тѣмъ тверже становится общее убѣжденіе, что человѣческое достоинство не зависитъ отъ происхожденія. Уже въ XV столѣтіи этотъ взглядъ ложится въ основаніе господствующей теоріи. Поджіо въ своемъ разговорѣ о знатныхъ⁴⁾ не встрѣчаетъ про-

1) Dante, *De monarchia* L. II глв. 3.

2) *Paradiso* XVI, Начало.

3) Dante, *Convivio*, почти весь *Trattato* IV и мн. др. имѣетъ. Уже Brunetto Latini говоритъ (*Il tesoro* Lib. I, стр. 2 сар. 50 изд. Chabaille, стр. 343): *De ce (la vertu) nasqui premierement la nobleté de gentil gent, non pas de ses ancetres* и предостерегаетъ (*Lib. II* р. 2 сар. 196 р. 440) отъ дурныхъ поступковъ, тамъ какъ они ведутъ къ потерѣ истиннаго благородства. Въ томъ же духѣ Петрарка, *de rem. utr. fort.* Lib. I, dial. XVII, гдѣ между прочимъ находитъ изрѣченіе: *Verus nobelis non nascitur, sed. fit.* Гаспари (*It. Litt.* I, 518) доказалъ, что выраженіе: истинное благородство основывается не на рожденіи, но на добродѣтели — было тогда общимъ мѣстомъ у поэтовъ и на диспутахъ въ риторическихъ школахъ. Ср. прилож. LXXVIII.

4) Poggii *opera*, *Dial. de nobilitate*. — Мнѣніе Аристотеля рѣшительно оспаривается въ соч. *de vera nobilitate*, В. Platina (Opp. изд. Colon. 1573).

тиворѣчія въ своихъ собесѣдникахъ Николо Никколи и Лоренцо Медичи (братъ великаго Козимо), въ томъ, что не существуетъ другого рода благородства, кромѣ личныхъ заслугъ. Въ этомъ разговорѣ остроумно опровергается все то, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, составляетъ исключительную принадлежность благороднаго происхожденія. „Подвиги смѣлыхъ разбойниковъ“ въ теченіе долгаго времени не даютъ права потомкамъ гордиться своимъ происхожденіемъ. Страсть ко всякаго рода охотѣ на звѣрей также мало указываетъ на благородство, какъ запахъ звѣриныхъ логовищъ походить на бальзамъ. Воздѣлываніе земли, какъ это дѣлали древніе, гораздо благороднѣе, чѣмъ безумная травля по горамъ и лѣсамъ, причемъ сами охотники больше ходятъ на звѣрей, чѣмъ на людей. Такого рода занятія если могутъ быть оправдываемы, то только въ видѣ развлеченія, насколько это можетъ быть нужно для возстановленія здоровья, но не какъ занятіе всей жизни. Авторъ порицаетъ также образъ жизни французскихъ и англійскихъ рыцарей въ уединенныхъ замкахъ и въ особенности разбойническую жизнь рыцарей въ Германіи; во всѣхъ этихъ явленіяхъ онъ не видитъ признаковъ благородства. Лоренцо принимаетъ въ этомъ разговорѣ отчасти какъ будто сторону дворянства, но надо замѣтить, какъ характерный признакъ времени, что онъ ссылается при этомъ не на врожденныя чувства, а на пятую книгу „Политики“ Аристотеля, гдѣ послѣдній признаетъ знатность, какъ нѣчто существующее въ силу извѣстнаго превосходства и наслѣдственныхъ богатствъ. На это Никколи возражаетъ, что Аристотель въ данномъ случаѣ высказываетъ не свое убѣжденіе, а только общепринятый взглядъ, тогда какъ въ своей „Этикѣ“ онъ говоритъ то, что думаетъ самъ, и называетъ благороднымъ того, кто стремится къ истинному добру. Въ свою очередь Лоренцо пробуетъ сослаться на греческое слово *Eugenia* означающая благородство происхожденія, но въ отвѣтъ на это Никколи въ свою очередь указываетъ на римское названіе *nobilis*: замѣчательный, справедливый, что указываетъ на зависимость благородства отъ извѣстныхъ поступковъ¹⁾.

¹⁾ То же презрѣніе къ благородству рожденія часто повторяется у гуманистовъ. Ср. острия мѣста у, Aen. Sulvius. — Opera стр. 84

Помимо этихъ разсужденій, положеніе дворянства въ въ различныхъ мѣстностяхъ Италіи представляется здѣсь въ слѣдующихъ чертахъ. Въ Неаполѣ дворяне лѣнны и не занимаются ни своими помѣстьями, ни торговлей, такъ какъ послѣдняя считается унижительнымъ занятіемъ; неаполитанскій дворянинъ или проводитъ время дома въ праздности или же скачетъ на конѣ¹⁾. Въ Римѣ также знатные люди презираютъ торговлю, но по крайней мѣрѣ хозяйничаютъ у себя въ имѣніи; тамъ вообще земледѣліе даетъ права²⁾ на извѣстнаго рода „хотя и крестьянское, но почетное благородство“. Въ Ломбардіи также благородные классы живутъ доходами съ наслѣдственныхъ земель; происхожденіе и пренебреженіе къ житейскимъ трудамъ отличаютъ здѣсь знатность³⁾. Въ Венеціи нобили составляютъ правящій классъ и вмѣстѣ съ тѣмъ торговое сословіе;

(Hist. bohém. Cap. 2) и 640 (Lucetia и Euryalis). Заслуживаетъ вниманія также мнѣніе Poliziano въ „*praelectio Lamia*“ *nec esse regem quemquam, qui non sit e servis natus, nec item servum, cui non origo sint reges.* Къ этому полному отрицанію родовитости надо присоединить восхваленіе гражданскихъ доблестей. Въ качествѣ несравненнаго образца гражданской добродѣтели выхваляется многими современниками Guido da Palagio (+1394), такъ что похвала Салутати (письма III, 353), повидимому, не преувеличена: *non enim vir tantus utilis solum era. praesens patriae totique Italicae nationi sed universo mundo, quocumque nomen et fama sua potuit pervenire. Ipse quidem hujus urbis columen, Italiae gloria, mirumque gentium Cunctarum exemplum.*

¹⁾ Даже въ большомъ городѣ. Ср. Bandello Parte II, Nov. 7. — Joviani Pontani „Antonius“, — указываетъ на упадокъ благородныхъ классовъ, начиная съ Арагонской династіи.—Противъ неаполитанской знати высказывается также Tansillo, изд. Flamini, Неаполь 1893, стр. XLI и слѣд.

²⁾ Во всей Италіи установился такой взглядъ, что тотъ, кто имѣетъ значительный доходъ отъ земель стоитъ на равной ногѣ съ лицомъ благороднаго происхожденія.—J. A. Campanus при обработкѣ разсказа Пія II (Comentarii) о томъ, какъ онъ ребенкомъ помогаль бѣднымъ родителямъ въ сельскихъ работахъ, прибавляетъ, что это дѣлалось для развлеченія и было въ обычаѣ у молодыхъ дворянъ. Возможно, что эти слова заключали въ себѣ не одну только лесть. (Voigt, II, 339).

³⁾ Для оцѣнки дворянъ въ верхней Италіи не лишена значенія повторяющіяся не разъ у Ванделло полемика противъ неудачныхъ браковъ Parte I, Nov. 4. 26 Parte III. 60. IV, 8. Миланскій дворянинъ въ качествѣ купца представляетъ рѣдкое явленіе. Parte III, Nov. 37.

точно также и въ Генуѣ знатные люди и простые граждане, одинаково купцы и мореплаватели и различаются только рожденіемъ; нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, живутъ въ своихъ замкахъ въ горахъ и разбойнически нападаютъ на проѣзжихъ. Во Флоренці часть стараго дворянства занимается торговлей; другая часть (безъ сомнѣнія, гораздо меньшая) довольствуется почетнымъ положеніемъ и занимается исключительно охотой¹⁾.

Но важнѣе всего то, что почти во всей Италиі даже лица, гордившіяся преимуществами своего рожденія, всетаки не могли соперничать съ людьми, обладавшими образованіемъ и богатствомъ, и что политическія права и положеніе при дворѣ не влекли за собою подъема сословныхъ чувствъ. Венеція представляетъ въ этомъ отношеніи лишь кажущееся исключеніе, такъ какъ жизнь нобилей носила исключительно гражданскій характеръ и отличалась немногими почетными правами; не то совсѣмъ мы видимъ въ Неаполѣ, знатное сословіе котораго, благодаря своей строгой обособленности и пристрастію къ внѣшней пышности, болѣе чѣмъ по какой бы то ни было другой причинѣ осталось какъ бы чуждымъ общему духовному движенію эпохи возрожденія. Къ сильному вліянію лонгобардскихъ и норманскихъ среднихъ вѣковъ и позднѣйшаго французскаго дворянства, уже въ срединѣ XV вѣка присоединилось аррагонское владычество и такимъ образомъ здѣсь впервые водворилось то, что, столѣтъ спустя, распространилось по всей Италиі, а именно, испанское вліяніе на общій характеръ жизни²⁾ и, какъ главнѣйшій элементъ этого вліянія, презрѣніе къ труду и жажда дворянскихъ титуловъ. Это вліяніе обнаружилось уже до 1500 г. даже въ маленькихъ городахъ; жители Ла-Каво жа-

1) Ср. прилож. LXXIX.

2) Въ высшей степени заслуживаетъ вниманія сильное сопротивление противъ испанскихъ нравовъ и воспитанія у A. Galateo, De educatione. 1504 или 1505. Издатель говоритъ о себѣ: Plus est Italus quam Hispanus. Giorn. Stor. 23, 400 и д. Ненависть къ испанцамъ — ultimi hominum et pessimi проходитъ черезъ всю книгу. Въ 1510 G. пзмѣнилъ свое мнѣніе.—Объ испанскомъ вліяніи см. В. Croce, Atti dell' accademia Pontaniana 1894, memorie, Vol. 2; онъ замѣчаетъ, что вліяніе испанскихъ нравовъ нельзя прослѣдить подробно и съ достовѣрностью шагъ за шагомъ.

луются на то, что городъ славился богатствомъ, пока его населяли каменщики и ткачи, но съ тѣхъ поръ, какъ заступъ и станокъ уступили мѣсто шпорамъ, стремянамъ и раззолоченнымъ поясамъ, съ тѣхъ поръ, какъ всѣ захотѣли стать докторами-правъ, нотариусами, офицерами и судьями, у нихъ водворилась горькая нищета¹⁾. Во Флоренці такого же рода явленіе распространяется при Козимо, первомъ великомъ герцогѣ. Онъ привлекаетъ въ свой рыцарскій орденъ св. Стефана молодыхъ людей, начинающихъ съ этого времени относиться презрительно къ торговлѣ и ремесламъ²⁾. Мы видимъ здѣсь такимъ образомъ прямую противоположность образу мыслей прежнихъ флорентинцевъ, когда отцы завѣщали наслѣдство сыновьямъ съ тѣмъ условіемъ, что они изберутъ какое-нибудь постоянное занятіе (т. I гл. VII). Веспасіано Фіорентино говоритъ, правда, въ XV вѣкѣ, что богатые не должны приумножать своихъ наслѣдственныхъ состояній, а только тратить свой ежегодный доходъ, но такое мнѣніе въ устахъ флорентійца могло относиться только къ людямъ, владѣвшимъ большими помѣстьями.

Надо замѣтить, однако, что у флорентійцевъ взглядъ на культурное равенство подъ вліяніемъ наукъ и искусствъ часто нарушается чисто комическою страстью къ титуламъ и стремленіе къ рыцарскому званію продолжаетъ существовать какъ модная глупость, несмотря на то, что это званіе въ дѣйствительности потеряло уже всякую тѣнь значенія.

Нѣсколько лѣтъ назадъ³⁾—пишетъ Франко-Сакетти въ концѣ XIV вѣка—можно было видѣть, какъ каждый ремесленникъ, даже булочникъ или чесальщикъ шерсти, ростовщики, мѣнялы и всякаго рода бездѣльники добивались чести стать рыцарями. Зачѣмъ нужно было чиновнику рыцарское достоинство, если онъ занималъ мѣсто реторе въ провинціи? Для приобрѣтенія куска хлѣба это званіе совершенно непригодно. Какъ упало это несчастное званіе! Всѣ эти „рыцари“ поступаютъ во всемъ какъ разъ обратно

¹⁾ Masuccio, nov. 19.

²⁾ Jac. Pitti къ Козимо I. Archiv. stor IV, II стр. 99. Въ Верхней Италіи тоже явленіе только съ начала испанскаго владычества. *Bandello, parte II*, поб. 40 относится къ этому времени.

³⁾ Franco Sacchetti, Nov. 82 и 150.

тому, что предписывается длиннымъ спискомъ рыцарскихъ обязанностей. Я заговорилъ объ этихъ вещахъ только для того, чтобы читатель убѣдился, что рыцарство давно умерло ¹⁾, Въ наше время даже покойниковъ объявляютъ рыцарями. но съ такимъ же успѣхомъ можно было бы какую нибудь деревянную или каменную фигуру, или напимѣръ быка, также посвящать въ „рыцарское званіе“.—Примѣры, приводимые Сакетти въ его разсказахъ, въ самомъ дѣлѣ, говорятъ намъ очень многое; такъ, мы читаемъ здѣсь, какъ Бернабо Висконти посвящаетъ въ рыцари побѣдителя, а потомъ и побѣжденнаго состязателей въ выпивкѣ, какъ одурачиваютъ нѣмецкихъ рыцарей и т. п. Позднѣе Поджіо ²⁾ въ свою очередь смѣется надъ многими рыцарями, не умѣющими даже сѣсть на коня. Въ то же время во Флоренціи, напимѣръ, кто хотѣлъ воспользоваться почетными преимуществами, знаменами при выѣздѣ и т. п. испытывалъ затрудненія со стороны городского управленія и подвергался насмѣшкамъ со стороны гражданъ ³⁾.

При ближайшемъ разсмотрѣніи, мы увидимъ, однако, что это запоздалое рыцарство, независимое отъ всякаго происхожденія, несмотря на присущее ему нелѣпое чванство и смѣшныя претензіи, имѣетъ также и другую сторону.

Турниръ продолжаетъ существовать, и тотъ, кто хочетъ принимать въ немъ участіе, долженъ хотя ради формы, съ внѣшней стороны принадлежать къ рыцарскому сословію. Но борьба на закрытой аренѣ, не лишенная опасности, несмотря на извѣстныя предосторожности, даетъ случай выказать силу и личное мужество, и мы встрѣчаемся здѣсь съ однимъ изъ проявленій индивидуальности, независимо отъ какого бы то ни было происхожденія ⁴⁾.

1) Che la cavalleria è morta.

2) Poggius, de nobilitate, fol. 27 Spb. также в. т. I, стр. 19 прим. 5 и приведенныя тамъ мѣста.—Enea Silvio (hist. Eried. III изд. Kollar, стр. 294) порицаетъ слишкомъ щедрую раздачу титуловъ въ Италіи Фридрихомъ.

3) Vasari III, 49 и прим., Vita di Dello. Община во флоренціи отступаетъ свое право посвящать въ рыцарство.—Обрядъ посвященія въ рыцари 1378 1389 см. Reumont, Zorenzo II, стр. 444 и. д.—Ceremoniale dello Republicka fiorentina nel far Cavalieri e ricever oratori compilato da Francisco Filarete Araldo (Piso 1884 nozze.

4) Ср. прилож. LXXX.

Правда, Петрарка уже отзывается о турнирѣ съ крайнимъ отвращеніемъ, какъ о безцѣльномъ сумасбродствѣ;— „Я нигдѣ не встрѣчалъ, пишетъ онъ, чтобы Сципіонъ или Цезарь занимались турнирами“; но его негодованіе не обратило никого на истинный путь. Во Флоренціи турниры пользовались даже особенной популярностью; граждане начали видѣть въ турнирѣ, хотя и въ менѣе опасной формѣ, даже нѣчто въ родѣ неизбѣжнаго регулярнаго развлеченія, и Франко Сакетти¹⁾ оставилъ намъ въ высшей степени комическое описаніе такого рода воскреснаго турнира въ образѣ семидесяти-лѣтняго нотариуса; послѣдній скачетъ въ Перетолу, гдѣ участіе въ турнирѣ должно было обойтись дешевле, на несчастной наемной клячѣ, которой какой то шутникъ привязываетъ подъ хвостомъ шишку; лошадь пускается галопомъ обратно со своимъ рыцаремъ въ шлемѣ, и злополучный герой возвращается такимъ образомъ домой съ различными поврежденіями. Неизбѣжное по тому времени заключеніе разсказа сопровождается головоломкой супруги, возмущенной подвигами героя²⁾.

Наконецъ, первые Медичи предаются турнирамъ съ такою страстью, какъ люди, которые, будучи сами не знатнаго происхожденія, хотятъ доказать, что ихъ дворъ не уступаетъ ни въ чемъ другимъ³⁾. Уже при Козимо (1459), а затѣмъ при Пьетро старшемъ, во Флоренціи происходили знаменитые въ свое время турниры. Пьетро младшій забывалъ ради этихъ развлеченій о болѣе важныхъ государственныхъ дѣлахъ и хотѣлъ видѣть свое изображеніе только въ латахъ.

Турниры устраивались также при дворѣ Александра VI. Когда кардиналъ Асканій Сфорца спросилъ турецкаго принца Джема (т. I гл. VIII, X), какъ ему нравится эта за-

¹⁾ Nov. 64.—Потомъ въ II стр. 7 объ одномъ турнирѣ при Карлѣ Великому категорически говорится: тамъ сражались не повара и поваренки, но и короли, герцоги и маркграфы.

²⁾ Во всякомъ случаѣ это одна изъ раннихъ пародій на турниръ. Затѣмъ проходитъ еще бо лѣтъ, пока Jacques Coeur, министръ финансовъ Карла VII, велитъ изобразить на своемъ дворцѣ (въ 1450 г.) турниръ ословъ. Самое блестящее въ этомъ родѣ—упомянутая выше 2-я пѣснь Орландино, издано въ 1526 г.

³⁾ Ср. прилож. LXXXI.

бава, тотъ благоразумно отвѣтилъ, что въ его отечествѣ для такихъ представленій употребляютъ рабовъ, такъ какъ не жаль, если они погибаютъ. Такимъ образомъ житель востока безсознательно сошелся въ мнѣніи съ древними римлянами, осудивъ средне-вѣковый обычай.

Независимо отъ этого довольно существеннаго остатка рыцарскихъ обычаевъ въ Феррарѣ (т. I гл. V) существовали придворные ордена, члены которыхъ носили званіе кавалеровъ.

Каковы бы ни были притязанія и тщеславіе знатныхъ и кавалеровъ, во всякомъ случаѣ итальянское дворянство занимало дворянское мѣсто въ общественной жизни того времени. Оно находится въ непрерывномъ общеніи съ другими сословіями, держится со всѣми на равной ногѣ и сливается съ талантливыми и образованными людьми въ своемъ домашнемъ быту. Безъ сомнѣнія, въ качествѣ „Кордиано“ возлѣ государей являются дворяне¹⁾, но это дѣлается, преимущественно, какъ уступка предубѣжденіямъ людей (*per l. orreption universale*) и никто не сомнѣвается въ томъ, что человѣкъ простаго происхожденія можетъ фигурировать въ этой роли съ тѣмъ же успѣхомъ. Вообще близость простыхъ людей къ государямъ отнюдь не исключается и все дѣло только въ томъ, что для полноты иллюзіи „Кордиано“ долженъ отличаться всѣми возможными преимуществами. Если далѣе къ нему предъявляются строгія требованія и его примѣру придаютъ воспитальное значеніе, то не потому, что онъ благородной крови, но потому, что его индивидуальное совершенство даетъ право отъ него этого ожидать.

¹⁾ Bald. Catiglione L. I. fol. 18.

Глава II.

Внѣшняя красота и комфортъ.

По мѣрѣ того, какъ преимущества рожденія теряли свою силу, естественнымъ образомъ возросло стремленіе каждаго въ отдѣльности проявить свои личныя качества и вмѣстѣ съ тѣмъ возникала потребность въ облагороженныхъ формахъ общежитія. Образъ жизни отдѣльнаго лица, его обхожденіе съ другими и пріятность житейскихъ отношеній становятся свободнымъ и сознательнымъ произведеніемъ искусства.

Мы видимъ въ самомъ дѣлѣ, что въ Италіи даже самыя обыденныя проявленія жизни со всѣми ея внѣшними явленіями и обычаями прекраснѣе, совершеннѣе и утонченнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ. Исторія искусствъ даетъ намъ необходимыя свѣдѣнія о жилищахъ и обстановкѣ высшихъ сословій того времени; здѣсь достаточно только замѣтить, на сколько такое жилище превосходитъ удобствомъ и разумнымъ расположеніемъ замокъ, городской дворъ и городской дворецъ сѣверной знати. Мода на платья мѣнялась такъ часто, что не возможно провести настоящую параллель съ модами другихъ странъ, тѣмъ болѣе, что начиная съ конца XV вѣка, онѣ слишкомъ часто смѣшиваются и многое заимствуется Италіей изъ Франціи и другихъ странъ. Итальянскіе живописцы изображаютъ на своихъ картинахъ все, что было красивѣйшаго изъ современныхъ костюмовъ, но мы не можемъ судить, насколько они оставались вѣрны дѣйствительности и въ какой мѣрѣ то, что мы видимъ на холстѣ, было въ общемъ употребленіи. Несомнѣннымъ остается только одно то, что нигдѣ не обращалось такъ много

вниманія на костюмъ, какъ въ Италіи, такъ какъ съ одной стороны нація была и оставалась суетной, а съ другой въ то же время серьезные люди придавали значеніе красотѣ и удобству одежды въ смыслѣ совершенства, индивидуализаціи личности. Во Флоренціи было время¹⁾, когда одежда носила вполнѣ индивидуальный характеръ, (т. I стр. 124 пр. 1), каждый создавалъ самъ для себя моду и еще почти до конца XVI вѣка находились болѣе или менѣе выдающіеся люди, обладавшіе достаточнымъ для этого мужествомъ²⁾, а другіе позволяли себѣ по крайней мѣрѣ вносить въ господствующую моду какую-нибудь вольность. Когда Джіованни делла Каза предостерегаетъ отъ бросающихся въ глаза крайностей и уклоненій отъ господствующей моды, въ этомъ нельзя не видить признака упадка Италіи³⁾. Въ наше время первымъ правиломъ, въ особенности въ мужской одеждѣ признается отсутствіе всего, бросающагося въ глаза, но въ этомъ требованіи можетъ быть больше, чѣмъ мы сами думаемъ, заключается отказъ отъ индивидуальности. Правда, такимъ образомъ мы сберегаемъ время и этимъ, по современному масштабу практичности, вознаграждается всякій вредъ въ другомъ отношеніи. Въ Венеціи⁴⁾ и Флоренціи въ эпоху воз-

1) Флоренція въ XIV в. важно знать: R. Academia dei Lincei (Serie V vol. VI, 1888, 9 — 10: C. Merkel, Come vestivano gli uomini del „Decamerone“. Трудъ заключаетъ въ себѣ: 1) la camicia e la bianheria; 2) il farsetto e la giubbia; 3) i panni di gamba, e la calzatura. М. обнаруживать, начиная съ 1890 г. рядъ подобныхъ изслѣдованій.

2) Paul. Jov. Elogia, vir. litt. ill. cor. 138 и д. 112 и 143, sub. tit Petrus Gravina, Alex. Achillinus; Balt. Castelio etc.

3) Casa, il Galateo, стр. 78.

4) См. венеціанскія изданія, посвященныя одеждѣ и Sansovino: Venezia, fol. 150 и д. Учрежденіе Proveditori alle pompe 1514. — Сообщеніе о ней см. Armand Baschet: Souvenirs d'une mission, Парижъ 1857. — Возраженія на упреки одѣвающимся а la forestiera, ср. Marino Sanudo, 40, 723. — Законъ ограничивающій роскошь женскихъ нарядовъ 1525 г. тамъ-же 749 и д. — Запрещеніе платьевъ тканыхъ золотомъ въ Венеціи, 1481; даже жены пекарей носили такую одежду украшенную Gemmis Unionibus. Одинъ нарядъ — frugalissimus ornatus стоилъ 4000 гульд. зол. М. Akt. Sabellic. epist. lib. III (къ М. Ant. Barbavagus). Костюмъ невѣсты—бѣлый, съ распущенными волосами, какъ у „Флоры“ Тициана. Lucrezia Borgia вноситъ перемѣну въ модахъ въ Феррарѣ, какъ объ этомъ говоритъ Pistofilo, біографъ Альфонса I: До сихъ поръ носили платье *carni nude del petto e dalle spalle*; Лукр. Б. ввела *uso di gorgiere*, болѣе закрытый фасонъ *dalle spalle fin sotto li capelli*.

рожденія мужская одежда носилась по установленному образцу, а для женщинъ существовали законы, ограничивавшіе роскошь; они отличались иногда крайней суровостью, и женщины въ свою очередь старались ихъ обходить при помощи хитрости. Въ Генуѣ такимъ ограничительнымъ законамъ придавалось большое значеніе, въ смыслѣ борьбы съ упадкомъ городского благосостоянія.

Но законы противъ роскоши оказались недолговѣчными и почти не выполнимыми на практикѣ, а потому на нихъ почти не обращали вниманія. Доказательствомъ этому можетъ служить, напримѣръ, списокъ вещей, подаренныхъ Марко Флоренти своей невѣстѣ Кааринѣ, дочери Александра Мачиньи (1447). Здѣсь мы находимъ бѣлое камчатное платье отдѣланное куничьимъ мѣхомъ, платье изъ свѣтло голубой матеріи съ рукавами александрійскаго бархата, 17 вышитыхъ рубахъ, 10 полотенець, 30 носовыхъ платковъ, „Вассіо“ изъ бѣлой камки, молитвенникъ, двѣ нитки крупныхъ коралловъ, и 6 шелковыхъ чепчиковъ, 3 ящика съ булавками, 2 гребня слоновой кости, 3 пары красныхъ кальсонъ, платье пурпурнаго бархата, отдѣланное бѣлымъ мѣхомъ, верхнее платье изъ того же матеріала, отдѣланное золотомъ и жемчугомъ, вѣнокъ изъ павлиньихъ перьевъ въ серебряной оправѣ съ жемчугомъ, золотыми листьями, и эмалированными цвѣтами, красный поясъ, вышитый золотомъ, золотую перевязь черезъ плечо съ 2-мя сапфирами и 3-мя жемчужинами и жемчужное ожерелье ¹⁾.

Тамъ гдѣ не было предписаній относительно одеждъ, какъ напримѣръ въ Неаполѣ, къ огорченію многихъ моралистовъ, трудно было установить различіе между знатными и простыми гражданами ²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ См. прилож. LXXXII.

²⁾ Jovian Pontan. de principe: Utinam autem non eo impudentiae perventum esset, ut inter mercatorem et patriciem nullum sit in vestitu ceteroque ornatu Liscrimen-Sed haec tanta licentia reprehendi potest coerceri non potest, quanquam mutari vestes sic quotidie videmus, ut quas quarto ante mense in delicias habeamus, nunc repudiemus et tanquam veteramenta abjicemus, Quidoque tolerari vix potest nullum fere vestimenti genus probatur, quod e Galtis non fuerit adductum, in quibus levia pleaque in pretio sunt tametsi nostri persaepe homines modum illis et quasi formulam quandam praescribant.

они жалуются на вѣчную смѣну моды и, если мы правильно толкуемъ ихъ слова, на нелѣпное поклонение все-му тому, что заимствуется изъ Франціи, тогда какъ очень часто эти заимствования представляютъ не что иное, какъ первоначальную итальянскую моду, прошедшую черезъ руки французовъ. Мы могли бы оставить безъ вниманія всѣ эти подробности перемѣны и заимствование французскихъ или испанскихъ модъ ¹⁾, если бы все это имѣло интересъ только какъ проявление обычной страсти къ нарядамъ, но нельзя не видѣть во всемъ этомъ также культурно-историческую черту и доказательства быстраго обращенія жизни въ Италиі въ десятилѣтіе около 1500 г. Послѣ того, какъ нѣкоторыя части Италиі были заняты пришельцами, жители вынуждены были не только одѣваться по чужимъ образцамъ, но часто также отказываться вовсе отъ роскоши въ нарядахъ; такого рода перемѣну констатируетъ Ланди въ Миланѣ. Но какъ онъ же свидѣтельствуемъ, разнообразіе одежды въ общемъ не прекратилось; Неаполь по прежнему продолжалъ отличаться чрезмѣрною пышностью, а во Флоренціи мода представляла много смѣшного на взглядъ автора ²⁾.

Туалетныя средства.—Нельзя не обратить вниманія на усердныя старанія женщинъ въ то время придать себѣ тотъ или другой видъ при помощи различныхъ туалетныхъ средствъ.

Со времени паденія римской имперіи ни въ одной странѣ не употреблялось столько стараній и не примѣнялось столько средствъ для стройности фигуры, для окраски и роста волосъ, какъ тогда въ Италиі. Все стремится къ извѣстному нормальному типу, несмотря на явный большей частью бросающійся въ глаза обманъ. Мы не будемъ вовсе говорить о нарядахъ, вообще отличавшихся въ XIV вѣкѣ ³⁾

¹⁾ Объ этомъ предметѣ см. напримѣръ, *Diario Ferrarese*, у Murat XXIV. Col. 297. 320. 376. 299. Въ послѣднемъ изъ указанныхъ мѣстъ упоминается также нѣмецкая мода; авторъ хроники между прочимъ замѣчаетъ: *che pareno buffoni tali portatori*.

²⁾ Фев. прил. XXXXIII.

³⁾ О флорентійскихъ женщинахъ ср. главнѣйшія мѣста у *Giov. Villani X*, 10 и 152 (характеръ одежды и манера одѣваться); *Matteo Villani I*, 4 (непомѣрная роскошь, развившаяся вслѣдствіе чумной эпидеміи). Въ извѣстномъ эдиктѣ 1380 г. касавшемся специально модѣ

крайней пестротой и многими украшениями, только съ теченіемъ времени приобретающими болѣе облагороженный характеръ; мы ограничимся только туалетомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Прежде всего надо упомянуть о фальшивыхъ волосахъ и поддѣлкахъ изъ бѣлаго и желтаго шелка ¹⁾, весьма распространенныхъ, несмотря на частыя запрещенія, пока не удавалось какому нибудь проповѣднику повліять на свѣтскіе умы и чувства женщинъ. Тогда по временамъ на площади воздвигался красивый костеръ (*talamo*), на которомъ къ лютямъ, музыкальнымъ инструментамъ, маскамъ, пѣсенникамъ, волшебнымъ запискамъ и тому подобному хламу присоединялись также и фальшивые головные уборы ²⁾; очищающее пламя уносило все это съ собой въ атмосферу. Идеальнымъ цвѣтомъ волосъ считался бѣлокурый или золотистый и этого старались добиться какъ въ своихъ собственныхъ настоящихъ волосахъ, такъ и въ фальшивыхъ. Многіе вѣрили, что волосы свѣтлѣютъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей ³⁾, а потому женщины старались быть на

разрѣшаются между прочимъ только рисунки вышитые на матеріи, тогда какъ, напротивъ, запрещаются всякіе рисунки въ краскахъ (*dipinto*). (Въ этомъ случаѣ очевидно, преслѣдуется не печатный рисунокъ, а только сдѣланный отъ руки, такъ какъ такое украшеніе должно дорого стоить, такимъ образомъ въ этомъ запрещеніи надо видѣть также ничто иное, какъ преслѣдованіе роскоши. Напротивъ печатные краски стоятъ дешевле вышитыхъ узоровъ). Перечень разныхъ дамскихъ туалетныхъ украшеній находимъ у *Vossacio de cas. vir. ill. Lib I, cap. 18, in mulieres.*

¹⁾ Изъ настоящихъ волосъ носятъ названіе *capelli morti*. Парикки носятъ также и мужчины: *Giannozzo Manetti Vesp. Bist commentario*, стр. 103 (такъ, по крайней мѣрѣ надо понять неясное мѣсто). Фальшивые волосы *Capigliara*, парикки ср. *Luzio-Renier 65, 668*. Краски для волосъ, мытье въ сосудахъ. Такъ-же ср. 67 и д.—Искусств. зубы изъ слоновой кости, одинъ итальянскій прелатъ носитъ ихъ только ради ясности произношенія, см. *Anshelm, Berner Chronik, IV, стр. 30 (1508)*—зубы изъ слоновой кости упоминаетъ и *Боккаччо: Dentes casu sublato reformare ebore fuscato pigmentis gemmisque in albedinem revocare pristinam.*—Искусственные зубы, *os de cerf, Delicado; Zozanno. II 159.*

²⁾ *Infessura*, у *Eccard'a Scritore II Col. 1874 Allegretto*, см. *Murat. XXIII, Col. 823.*—Далѣе у авторовъ писавшихъ о Савонароллѣ, см. н.

³⁾ *Sansovino, Venezia, fol. capelli biondissimi per forza di sole.*—Ср. стр. 64 и нѣкотор. у *Yriarte, Vie d'un patricien de Venise (1874)*

солнцѣ цѣлый день въ хорошую погоду ¹⁾; въ большомъ употребленіи были также краски и различныя средства для рошенія волосъ. Къ этому надо прибавить еще цѣлый арсеналь жидкостей, освѣжающихъ лицо, пластырей и румянъ для каждой отдѣльной части лица даже для вѣкъ и зубовъ, словомъ, разнообразіе средствъ, о которыхъ наше время не имѣетъ даже понятія; *facies picta* упоминается въ числѣ трехъ знаменитыхъ подарковъ Боны Аррагонской ея жениху Сигизмунду ²⁾. Никакія насмѣшки поэтовъ, ни негодование проповѣдниковъ, ни предостереженія противъ ранней порчи кожи не могли остановить женщинъ отъ употребленія этихъ средствъ и стараній измѣнить цвѣтъ лица и кожи или украсить себя еще какъ нибудь въ этомъ родѣ. Очень можетъ быть, что частыя тогда пышныя представленія мистерій причемъ сотни людей являлись съ росписанными лицами ³⁾, служили подстрекательствомъ къ такимъ злоупотребленіямъ;

стр. 5—6 цит. соч.—флорентійской водѣ приписывается такое же дѣйствіе. Arch. stor. Lomb. 19, 492—какъ сдѣлать волосы свѣтлыми—см Calmo Lettere IV, 6.31.46, предостереженіе противъ этого. IV, 15 срл. Rossi, стр. 267.

¹⁾ Какъ это случилось въ Германіи.—Poesie satiriche, Milano стр. 19, въ сатирѣ Bern Giambullari: per prender moglie (стр. 107—126) Туалетныя химическія средства находятся въ тѣсномъ соотношеніи съ предразсудками и магіей. Подробности о всѣхъ туалетныхъ средствахъ находящихся въ произведеніи Pasolini посвященномъ Ект. Сфорца Gli experimentii III, 599—907.

²⁾ Они, впрочемъ, нисколько не стѣснялись выставлять на показъ всю смѣшную, отвратительную сторону и опасныя послѣдствія этой нахотни. Ср. Ariosto Satira III vs. 202 fg.—Aretino, il marescaleo, Atto II, scena 5 многія мѣста въ Ragionamenti. Далѣе Giambullari и др.—Phil Beroald sen. Carmina. Также Filelfo въ его сатирахъ. (Венеція 1502, IV, 2 f. 5 fg).

³⁾ Cennino Cennini, Trattato della pittura (изд. С. и G. Milanesi Флоренція 1889, изд. А. Нг. Вѣна 1881)—на стр. 161 даетъ наставленіе какъ гримировать лицо, очевидно, имѣя въ виду только мистеріи и маскарадныя представленія, такъ какъ тамъ же на стр. 162 онъ серьезно предостерегаетъ противъ употребленія румянъ и разныхъ косметическихкихъ средствъ, указывая на Тоскану, какъ примѣръ особеннаго злоупотребленія въ этомъ смыслѣ (146). Насколько этотъ вопросъ занимать тогда общество, видно также изъ соч. Пикколомини, La Raffaella, ovvero della creanza delle donne 1539. нов. изд. Миланъ 1862 и Ricettario galante del secolo XVI, изд. Guerini, Болонья 1862. О румянахъ срв. также А. Нг, Zeitstimmen über Kunst und Künstler, Вѣна 1881, стр. 40.

во всякомъ случаѣ таковъ былъ общій обычай, и деревенскія дѣвушки по мѣрѣ силъ старались дѣлать то же.¹⁾ Напрасно было проповѣдывать, что румяна и краски на лицѣ служатъ примѣтой легкаго поведенія: несмотря на такую проповѣдь, честнѣйшія женщины, никогда вообще не красившіяся дома, прибѣгали къ различнымъ средствамъ въ праздничные дни, когда онѣ показывались въ обществѣ²⁾.— Можно смотрѣть на весь этотъ обычай, какъ на остатокъ варварства, и привести въ подтвержденіе то, что такой обычай существуетъ у дикихъ, и можно также видѣть въ этомъ стремленіе къ нормальной юношеской красотѣ, съ ея чертами и красками, что подтверждается отчасти тщательной заботливостью и разносторонностью этихъ туалетныхъ приемовъ. Во всякомъ случаѣ мы видимъ протестъ въ этомъ отношеніи со стороны мужчинъ; другіе, напротивъ,—въ томъ числѣ иногда не менѣе строгіе на словахъ—сами пользуются средствами отъ которыхъ предостерегаютъ женщинъ; молодые люди красятъ иногда волосы и бороду, съ цѣлью выиграть въ расположеніи женщинъ, а иногда, какъ на примѣръ въ Венеціи, для того чтобы придать себѣ болѣе внушительный видъ и получить соотвѣтствующую должность³⁾.

Употребленіе духовъ также перешло всякія границы и распространялось на все окружающее челоуѣка. Во время празднествъ натирали благовонными мазями и обливали духами даже муловъ⁴⁾; Пьетро Аретино благодарить Козимо I за присылку надушенныхъ денегъ⁵⁾.

Чистоплотность.—Итальянцы того времени были убѣждены, что они чистоплотнѣе всѣхъ сѣверныхъ народовъ. Это убѣжденіе, правда, въ значительной мѣрѣ под-

1) Cpl La Nencia bi Barberino, 20 и 40. Возлюбленный общается ей привезти изъ города румяна и бѣлила.

2) Trattato del governo della famiglia, стр. 118. Сочинитель возстаётъ противъ подобныхъ злоупотребленій.

3) Z. Tansillo, Capitoli, Неаполь 1870 стр. 107—116.

4) Tristan Caracciola, см. Murat XXII, Col. 87.—Bandello, Parte II, Nov. 47, повидимому и животныхъ также гримировали красками. Tansillo, соп. 109.

5) Capitolo I къ Козимо. Quei cento scudi nuovi i profumati che l'altra di mi mandate a donare. Предметы того времени иногда сохраняютъ до сихъ поръ аромать.

тверждается культурно-историческими соображениями, так как чистота есть одно изъ качествъ новой личности, впервые образовавшейся среди итальянцевъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ также и то, что итальянцы представляютъ одну изъ богатѣйшихъ націй въ тогдашнемъ мѣрѣ ¹⁾. Но доказательства этому, конечно, трудно привести и если спорить о первенствѣ предписаній въ этомъ смыслѣ, то мы найдемъ еще ранѣе примѣры и указанія въ средне-вѣковой поэзіи. Какъ-бы то ни было, мы видимъ, что у писателей того времени не разъ обращается особенное вниманіе на необыкновенную опрятность нѣкоторыхъ знаменитыхъ представителей эпохи возрожденія ²⁾, и что напротивъ того нѣмцы, по итальянскому предубѣжденію ³⁾, считаются представителями крайней нечистоплотности. Джіовіо ⁴⁾ сообщаетъ намъ о томъ, какія грязныя привычки вынесъ Максимилианъ Сфорца изъ своего воспитанія у нѣмцевъ. Кстати, при этомъ надо замѣтить, что гостиницы въ Италіи, по крайней мѣрѣ въ XV вѣкѣ, находились большею частью въ рукахъ нѣмцевъ ⁵⁾, промышлявшихъ этимъ, главнымъ образомъ ради стекавшихъ отовсюду въ Римъ пилигримовъ. Впрочемъ, это относится больше къ селамъ и большимъ дорогамъ, такъ какъ въ городахъ, какъ извѣстно, первое мѣсто занимали итальянскія таверны ⁶⁾. Недостатокъ вообще сносныхъ гостиницъ вездѣ, кромѣ большихъ городовъ, объясняется повсемѣстно не безопасностью.

1) Несмотря на притязанія на чистоплотность, были очень распространены кожные болѣзни, происходившія только отъ одной нечистоплотности; ср. средства противъ этихъ болѣзней у Marinelli, *Gli ornamenti delle donne* 1562 и др. Нельзя сказать, чтобы ежедневное тщательное умыванье было во всеобщемъ употребленіи, Luzio-Renier, 63, 469.

2) Vespasiano Fiorent: жизнь Donato Acciajuoli и жизнь Niccoli. Ср. также т. I, стр. 235, прим. 2. Носовой платокъ (fazzoletto) упоминается въ первый разъ у одного итальянскаго писателя, еврея, въ XIII в. Срв. Güdemann, стр. 192 прим. 4.

3) Ср. прилож. LXXXfV.

4) Paul Jod. Elogia, стр. 289.

5) Aeneas Sylvius (*Vitae Paparum*, ар. Murat. III, II, Col. 880) говоритъ по поводу Baccano: *pauca sunt mapalia, eaque hospitia faciunt Theutonicij; hoc hominum genus totam fere Italiam hospitem facit; ubi non repereris hos, neque diversorium quaeras.*

6) France Sacchetti, Nov. 21. Ср. прилож. LXXXV.

Къ первой половинѣ XVI вѣка относится такъ называемая „Школа вѣжливости“, изданная уроженцемъ Флоренціи Джіованни делла Каза, подъ названіемъ: Il Galateo. Въ этомъ руководствѣ предписывается не только чистоплотность въ тѣсномъ смыслѣ слова, но указывается также на всѣ дурныя привычки, отъ которыхъ надо освободиться, причемъ авторъ говоритъ объ этихъ вещахъ съ такою же непреложною строгостью, съ какою настоящій моралистъ говоритъ о высшихъ нравственныхъ законахъ. Въ другихъ литературахъ рѣдко встрѣчается систематическое изложеніе подобнаго рода правилъ, и съ цѣлью исправить порокъ прибѣгаютъ непремѣнно къ отвратительному изображенію его послѣдствій ¹⁾).

Искусство обхожденія въ свѣтъ. — „Галатео“ прекрасное и умно написанное руководство къ правильному образу жизни, деликатности въ обращеніи и свѣтскому такту. И теперь еще люди всѣхъ сословій могутъ прочесть его съ большой пользой и даже старая европейская вѣжливость едва-ли можетъ съ нимъ спорить. Тактъ представляетъ собой въ извѣстной степени чувство врожденное нѣкоторымъ людямъ съ первыхъ шаговъ культуры у всѣхъ народовъ; иногда онъ приобрѣтается силою воли, но какъ общественная обязанность, какъ признакъ образованію и воспитанія онъ признается впервые среди итальянцевъ. Въ теченіе двухъ столѣтій Италія сама сильно измѣняется; прошло время, когда въ хорошемъ обществѣ было принято только колко шутить надъ знакомыми и незнакомыми и burle и beffe (т. I стр. 187 ff.) потеряли свое значеніе; народъ какъ-бы вышелъ изъ стѣнъ своихъ городовъ и вынесъ въ свѣтъ космополитическую вѣжливость и простое человѣческое вниманіе къ другимъ. О настоящей общественности у насъ будетъ еще рѣчь впереди.

Комфортъ.—Весь внѣшній бытъ вообще въ XV и начинающемся XVI вѣкѣ въ Италіи, носить болѣе утонченный и красивый характеръ, чѣмъ гдѣ нибудь въ свѣтѣ. Мы видимъ здѣсь прежде всего на каждомъ шагу даже въ

¹⁾ Можно сравнить соотвѣтствующія мѣста въ соч. Бранта, Nargenschiff, педагогическихъ соч. Вимпфелинга и Эразма, Colloquien, а также латинск. стихотв. Grobianus'a и стихотв. о столѣ.

мелочахъ стремленіе къ удобству, или комфорту ¹⁾, въ новѣйшемъ смыслѣ. Мостовыя въ итальянскихъ городахъ, хорошо вымощены и служатъ для ѣзды въ экипажахъ, тогда какъ въ другихъ странахъ по нимъ только ходятъ пѣшкомъ или ѣздятъ верхомъ, но во всякомъ случаѣ не катаются въ экипажахъ для удовольствія. Въ Миланѣ, по словамъ Банделло, находилось свыше шестидесяти экипажей, запряженныхъ четверкою цугомъ и множество парныхъ, съ роскошными шелковыми и золочеными балдахинами; когда женщины катались по улицамъ въ такихъ экипажахъ, это катаніе походило на триумфальную церемонію древнихъ римлянъ, возвращавшихся домой побѣдителями²⁾. Далѣе мы находили у новелистовъ описаніе ³⁾ мягкихъ эластичныхъ постелей, дорогихъ ковровъ и туалетныхъ принадлежностей, неизвѣстныхъ вовсе другимъ народамъ. Часто говорится о прекрасномъ бѣльѣ, составляющемъ принадлежность дома. Многое изъ домашней обстановки принадлежитъ уже къ сферѣ предметовъ искусствъ; мы видимъ съ удивленіемъ, какъ искусство вообще съ разныхъ сторонъ облагораживаетъ роскошь; огромный буфетъ и легкія этажерки устанавливаются прекрасными сосудами, стѣны покрываются великолѣпными коврами и портъерами и даже къ столу въ видѣ десерта подаются фигурныя конфеты; но наибольшаго искусства достигаютъ столярныя работы.

Въ послѣдующую эпоху среднихъ вѣковъ всѣ западные народы пробуютъ идти тѣмъ же путемъ, но большинство усилій кончается незначительными результатами; западь остается скованнымъ готическимъ стилемъ, тогда какъ возрожденіе въ непрерывномъ движеніи примѣняется къ внутреннему смыслу той или другой задачи и служитъ гораздо большому кругу участниковъ и заказчиковъ. Этимъ объясняется сравнительно легкая побѣда итальянскихъ формъ и украшеній надъ сѣверными, хотя это явленіе имѣетъ еще другія болѣе важныя и общія причины.

¹⁾ По Mazzeo I, 14, можно судить, что въ XIV в. зеркало было рѣдкостью въ обычномъ гражданскомъ быту.

²⁾ Bandello, Parte II Nov. 4. 9. — Ariosto, sat. III, Vs. 127. Ср. прилж. LXXXVI.

³⁾ Bandello, Parte I, Nov. 3. III, 42. IV, 25.

Глава III.

Языкъ, какъ фундаментъ общественности.

Высокая степень общественности въ Италіи представляетъ собой результатъ творческой дѣятельности, главнѣйшія условія и основанія которой находятся въ языкѣ.

Выработанный языкъ.— Въ періодъ процвѣтанія среднихъ вѣковъ высшее сословіе на западѣ создало особый „придворный“ языкъ для поэзіи и повседневныхъ отношеній. Въ Италіи съ раннихъ поръ существовало уже много сильно различавшихся нарѣчій, но въ XIII столѣтіи вошелъ въ употребленіе также особый придворный языкъ „curiale“; этотъ языкъ сталъ моднымъ для свѣтскихъ людей и придворныхъ писателей. Въ то же время возникло упорное стремленіе ввести этотъ языкъ во всеобщее употребленіе среди образованныхъ людей и придать ему письменный и литературный характеръ. Введеніе къ появившемуся еще до 1300 года сборнику „ста древнихъ новеллъ“ открыто высказываетъ это намѣреніе.

Языкъ разсматривается здѣсь совершенно независимо отъ поэзіи, и его высшимъ достоинствомъ считается простота и ясность, краткость и выразительность въ рѣчахъ, поговоркахъ и отвѣтахъ. Этотъ языкъ окруженъ такимъ почтеніемъ, какое можно было встрѣтить развѣ только у грековъ и арабовъ; тогда говорилось съ сожалѣніемъ о томъ, „какъ многіе не имѣли случая во всю свою долгую жизнь блеснуть хоть разъ *bell parlare*“.

Дальнѣйшее преобразование.— Но вопросъ о преобразованіи языка становился повидимому тѣмъ труднѣе, чѣмъ ревностнѣе за него брались съ разныхъ сторонъ. Данте

вводитъ насъ въ самую середину борющихся теченій, и его сочиненіе „объ итальянскомъ языкѣ ¹⁾“ важно не только для итальянскаго языка, но и какъ первое разсужденіе о новѣйшемъ языкѣ вообще. Ходъ его мыслей и всѣ его заключенія играли большую роль для философіи вообще и приобрѣли историческое значеніе; мы должны здѣсь замѣтить, что еще задолго до появленія этого сочиненія вопросъ о языкѣ возбуждалъ въ Италіи жизненный интересъ, что всѣ нарѣчія были изучаемы съ особымъ пристрастіемъ за и противъ и что появленіе на свѣтъ всеобщаго идеальнаго языка сопровождалось такимъ образомъ тяжелыми муками ²⁾.

Безъ сомнѣнія, Данте самъ больше всего содѣйствуетъ этому въ своей знаменитой поэмѣ. Тосканское нарѣчіе стало такимъ образомъ въ существенныхъ чертахъ фундаментомъ новой итальянской рѣчи ³⁾. Если на чейнибудь взглядъ я выразился слишкомъ сильно, то, какъ иностранецъ, надѣюсь на снисхожденіе въ томъ, что слѣдую утвердившемуся взгляду въ столь спорномъ вопросѣ.

Пуристы.— Въ литературѣ и поэзіи этотъ споръ о новомъ языкѣ и возникшій затѣмъ пуризмъ, быть можетъ,

¹⁾ Il trattato de vulgari eloquentia per cura di Pis Rajna, Флоренція 1896 г.; также другой небольшой трудъ его-же Флор, 1897, По словамъ Боккачіо (Vita de Dante стр. 77) написано незадолго до смерти; ср., напротивъ, замѣчанія Вегеле: Dante стр. 261. Въ настоящее время болѣе вѣроятнымъ считается появленіе этого труда въ періодъ 1305—9 г. О быстрой и замѣтной перемѣнѣ языка при жизни его, онъ говоритъ въ началѣ Convito.

²⁾ Сюда принадлежатъ такого рода изслѣдованія, какъ Leonardo Aretino (Epist. изд. Mehus II, стр. 62. Lib. VI, 10) и Роддіо (Historiae disceptativae convivales tres in Opp. fol 14). Въ нихъ разсматривается вопросъ, былъ-ли въ древнемъ Римѣ одинъ языкъ орудіемъ разговора и науки. Leonardo отрицаетъ это, а Poggio, напротивъ, утверждаетъ, опровергая доводы противника.—Ср. также подробное сопоставленіе у Alberti во введеніи къ della famiglia, книга 3-я: о необходимости итальянскаго языка въ общежитіи.—F. Biondo, Epistola de locutional romana, въ которомъ онъ присоединяется къ Поджіо, вновь издано Mignini, Propugnatore N.S., III, I, стр. 144. Большинство современниковъ стояло на сторонѣ Biondo.—Delicado, Iozanna I, 173 говорится, что въ Римѣ прекраснѣйшія лица, въ Сиенѣ — фигура во Флоренціи — походка, въ Болоньѣ — языкъ.

³⁾ Ср. прилож. LXXXVII.

принесли больше вреда, чѣмъ пользы, стѣсня свободу талантливыхъ людей и мѣшая непосредственной выразительности рѣчи.

Въ то же время писатели, вполне овладѣвшіе языкомъ, невольно должны были увлекаться внѣшней гармоніей красивой рѣчи и удовлетворяться такимъ образомъ формой, независимо отъ содержанія. Ничтожная вещь можетъ производить пріятное впечатлѣніе, благодаря исполненію на прекрасномъ инструментѣ. Но какъ бы ни было, этотъ языкъ имѣлъ во всякомъ случаѣ высокое значеніе въ смыслѣ общественности. Онъ завершалъ собою, такъ сказать, благородное воспитаніе, гармонируя съ общимъ стилемъ, и вынуждалъ извѣстнымъ образомъ образованнаго человѣка держаться съ достоинствомъ, какъ въ повседневной жизни, такъ и въ минуты серьезныхъ случайностей. Все дурное и грязное рядилось, конечно, въ эту классическую одежду, какъ нѣкогда въ чистѣйшій аттицизмъ, но и все благородное и утонченное находило въ этомъ языкѣ соответствующія выраженія. Важнѣе всего, однако, этотъ языкъ въ національномъ отношеніи, какъ идеальное отечество и новая родина образованныхъ людей всѣхъ обособленныхъ мѣстностей такъ рано разорванной Италіи.¹⁾ Къ тому же этотъ языкъ не составляетъ преимущества знатныхъ людей, не принадлежитъ какому нибудь разряду или сословію, но и бѣднѣйшій и самый малый изъ гражданъ можетъ овладѣть имъ и пользоваться, если только у него есть желаніе. И теперь всякій иностранецъ бываетъ пораженъ, встрѣчая въ различныхъ мѣстахъ Италіи, рядомъ съ непонятнымъ діалектомъ чистѣйшій итальянскій языкъ и прекрасное произношеніе среди простыхъ людей и крестьянъ, тогда, какъ, напротивъ, совершенно напрасно было бы искать что нибудь подобное въ тѣхъ же слояхъ населенія во Франціи и даже Германіи, гдѣ даже образованные люди часто усваиваютъ себѣ провинціальное нарѣчіе. Правда, умѣнье читать болѣе распространено въ Италіи, чѣмъ можно думать, судя по разнымъ другимъ мѣстнымъ условіямъ жизни, но это одно не могло бы вести къ такимъ результатамъ, если бы не всеобщее неоспоримое почтеніе къ чистому языку и произ-

1) Такъ смотрѣлъ уже Данте: *De Vulgari eloquio* I, 17—18.

ношенію, какъ единственному въ своемъ родѣ драгоценному достоянію. Одна мѣстность за другой приобщились ¹⁾ официально, такъ сказать, къ этому языку, даже Венеція, несмотря на то, что она считала свой языкъ достойнымъ стать на ряду съ древне-греческимъ; Миланъ и Неаполь усвоили себѣ этотъ языкъ въ эпоху процвѣтанія литературы и отчасти ради нея. Пьемонтъ только въ нашемъ вѣкѣ сталъ настоящей итальянской землей, благодаря тому, что въ свою очередь усвоилъ себѣ этотъ чистый языкъ и такимъ образомъ воспользовался общимъ достиженіемъ ²⁾. Впрочемъ, уже съ начала XVI вѣка, извѣстные предметы въ литературѣ съ намѣреніемъ были предоставлены нарѣчіямъ и надо замѣтить, что эти предметы были не только комическаго, но и серьезнаго характера ³⁾. Въ свою очередь нарѣчія приобрѣли также свой стиль, пригодный для различныхъ цѣлей. Такое сознательное разграниченіе появилось у другихъ народовъ гораздо позже.

Кортиджіано (царедворецъ) въ совершенствѣ передаетъ образъ мыслей образованныхъ людей о достоинствѣ языка какъ посредствующаго звена высокой общественности ⁴⁾. Въ то время уже, т. е. въ началѣ XVI вѣка, находились люди пользовавшіеся устарѣлыми выраженіями изъ Данте и другихъ тосканскихъ авторовъ, стараясь удержать ихъ въ языкѣ только потому, что они стары. Авторъ „Кортиджіано“ безусловно противится этому — Петрарка и его современники представляютъ, по его мнѣнію, авторитетъ не больше, чѣмъ Полиціано и его послѣдователи; онъ противъ

1) Въ противность этому Polismagna l. 1406 говоритъ: нарѣчіе Феррары non ha mancho elegantia de alcuno-altro Italiano parlare. Venturi, L'arte a Ferrara, 6.

2) Въ Пьемонтѣ уже задолго до того читали и писали на тосканскомъ нарѣчій, но вообще мало читали и писали.

3) Въ повседневной жизни строго разграничивалось, въ какихъ случаяхъ можно пользоваться нарѣчіемъ, въ какихъ нѣтъ. Giovanni Pontano серьезно предостерегаетъ наслѣднаго принца Неаполитанскаго въ этомъ смыслѣ. (Iov. Pontan. de principe). Послѣдніе бурбоны меньше обращали на это вниманія. Насмѣшливое отношеніе къ миланскому кардиналу, сохранявшему въ Римѣ свое нарѣчіе, см. Bandello, Parte II № об. 31.

4) Bald. Castiglione, il Cortigiano, L. I fol. 27. Несмотря на форму діалога, ясно видно вездѣ мнѣніе автора.

употребленія такихъ выраженій въ письменности, такъ какъ она является только отпечаткомъ устной рѣчи. Далѣе онъ послѣдовательно заключаетъ, что устная рѣчь тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе она приближается къ прекраснѣйшимъ литературнымъ образцамъ. Въ то же время онъ ясно даетъ понять, что тотъ, кто имѣетъ сказать что нибудь значительное, самъ совершенствуется языкъ, и что устная рѣчь должна быть измѣчивой и подвижной по существу, такъ какъ она служитъ отраженіемъ жизни. Можно смѣло употреблять какія угодно красивыя выраженія, если они встрѣчаются въ народной рѣчи, въ томъ числѣ и не тосканскія, но и другихъ мѣстностей, даже французскія и испанскія слова, если они приобрѣли уже опредѣленное значеніе ¹⁾. Такимъ образомъ, благодаря умному и заботливому отношенію, долженъ образоваться языкъ, хотя и не тосканскій въ чистомъ видѣ, но настоящій итальянскій съ богатствомъ выраженій, напоминающимъ садъ съ обильными цвѣтами и плодами. Превосходство „Кортиджіано“ заключается между прочимъ и въ томъ, что въ немъ мысль нравственность и поэзія являются на арену въ такомъ именно законченномъ и совершенномъ нарядѣ.

Въ самомъ дѣлѣ архаисты и туристы, несмотря на всѣ свои старанія, не могли добиться существенныхъ результатовъ именно потому, что образованіе языка стало дѣломъ живыхъ общественныхъ силъ. Въ самой Тосканѣ было много превосходныхъ авторовъ и свѣтскихъ людей, не только отвращавшихся отъ этихъ усилій, но и смѣявшихся надъ ними; послѣднее случалось въ особенности тогда, когда

¹⁾ Не слѣдуетъ, однако, слишкомъ много придавать этому значенію. Сатирики примѣшиваютъ ради ироніи испанскія выраженія, а Фоленго (въ своемъ *Orlandino*) подьзается французскими. Въ одной комедіи испанецъ говоритъ смѣшаннымъ испанскимъ и итальянскимъ языкомъ. Достаточно замѣтить, что улица въ Миланѣ, носившая во время преобладанія французовъ 1500—1512 и 1515—1522 названіе *Rue-velle*, еще теперь называется *Rugabella*. Въ языкѣ не осталось почти никакихъ слѣдовъ долгаго испанскаго владычества; изрѣдка только зданіе или улица сохраняетъ память какого нибудь вице-короля. Только въ 18 столѣтіи сказывается вліяніе французской литературы и въ итальянскій языкъ проникаютъ нѣкоторыя французскіе обороты и выраженія. Пуризмъ нашего вѣка стремится уничтожить слѣды этого вліянія.

являлся какой нибудь мудрецъ изъ другихъ мѣстностей Италіи и старался доказать тосканцамъ, что они своего языка сами не понимаютъ ¹⁾. Довольно было одного факта существованія и вліянія такого писателя, какъ Макиавелли, чтобы уничтожить всякія пути, какъ только его сильныя мысли получили простое и ясное выраженіе въ языкѣ имѣвшемъ всѣ преимущества передъ чистымъ тречентиссимо. Съ другой стороны въ это время было много верхне-итальянцевъ, римлянъ, неаполитанцевъ и т. д., которымъ должно было нравиться, если въ письмѣ и въ разговорѣ не предъявлялось слишкомъ большихъ требованій. Они совершенно отвергаютъ форму и выраженія своего нарѣчія, и иностранецъ легко можетъ быть введенъ въ заблужденіе ложною скромностью, когда Банделло, напримѣръ, откровенно заявляетъ: „У меня вовсе нѣтъ стіля, я пишу часто скорѣе какъ варваръ, а не какъ флорентіецъ и не думаю вовсе вводить новыя украшенія; я только ломбардецъ и къ тому же еще съ лигурійской границы“ ²⁾. Многіе еще раньше обезоруживали строгихъ ревнителѣй—стилистовъ тѣмъ, что категорически отказывались отъ высокыхъ притязаній и взамѣнъ того старались усвоить себѣ по мѣрѣ силъ всеобщій языкъ. Не всякій могъ подражать Пьетро Бембо, который, родившись венеціанцемъ, писалъ всю жизнь на чистомъ тосканскомъ языкѣ ³⁾, оставшемся ему въ сущности чуждымъ, или какому нибудь Санацаро, поступавшему также, несмотря на то, что былъ настоящимъ неаполитанцемъ. Никто не мѣшалъ при этомъ пуристамъ оставаться фанатиками своихъ мнѣній, собирать свои конгрессы ⁴⁾ и т. п. Вреднѣе они стали только позже,

¹⁾ *Firenzuola orega I* во введеніи къ женекой красотѣ и *II* въ такъ наз. *Ragionamenti*, пред. къ новелламъ.

²⁾ *Bandello, Parte I, Proemio* и *Nov. 1* и *2*.—Другой ломбардецъ вышеупомянутый *Teofilo Folengo*, въ своемъ *Orlando* говоритъ о предметѣ съ веселой насмѣшкой.

³⁾ Возникающій такимъ образомъ педантизмъ въ противность настоящей народной рѣчи встрѣчаетъ порицаніе въ нов. литер. напр. *Graf, Nuova Ant. Ser. vol. I, 228*.

⁴⁾ Такого рода конгрессъ долженъ былъ собраться въ Болоньѣ, въ 1531 г. подъ предсѣдательствомъ *Bembo*, послѣ неудавшейся попытки въ томъ-же родѣ. См. письмо къ *Claud. Tolomei* у *Firenzuola, orega, Vol. II* прилож. стр. 231. Впрочемъ, здѣсь не столько играетъ роль пуризмъ, какъ старый споръ между тосканцами и ломбардцами.—

когда въ литературѣ ослабѣло вообще самобытное начало и обнаружались другія худшія вліянія. Академія della Crusca могла резсматривать итальянскій языкъ, какъ мертвый: она была настолько безсильна, что не въ состояніи была помѣшать даже французскому вліянію въ предшествующемъ столѣтіи.

Устная рѣчь. Этотъ любимый взлелѣянный и украшенный языкъ въ устной рѣчи сталъ фундаментомъ развитія житейскихъ отношеній. Въ то время, какъ на сѣверѣ высшее сословіе и государи проводили время въ одиночествѣ или въ битвахъ, пирахъ и церемоніяхъ, а граждане въ играхъ и тѣлесныхъ упражненіяхъ, въ Италіи ко всему этому присоединилась нейтральная арена, гдѣ люди всякаго происхожденія, если они обладали талантомъ и образованіемъ, проводили время въ бесѣдѣ и обмѣнивались серьезными или шутивными рѣчами въ облагороженной формѣ. При этомъ угощеніе играло второстепенную роль, а потому тупые и обжорливые люди никому не мѣшали. Луиджи Корнаро жалуется въ 1550 году (въ началѣ своего Trattato della vita sobria), что съ недавняго времени въ Италіи входятъ въ моду испанскія церемоніи и комплименты, лютеранство и бражничество. Умѣренность и свободная пріятная общительность начинаютъ исчезать въ одно и то же время. Высшія проблемы бытія служили предметомъ обмѣна мыслей и новыя идеи являлись здѣсь результатомъ неодионыхъ усилий, какъ на сѣверѣ, а совокупной работы умовъ. Но мы не будемъ вдаваться здѣсь въ эту область и остановимся только на болѣе свѣтскомъ общежитіи.

Venturi, стр. 600 сообщаетъ удивительное признаніе одного гражданина Феррара (1460): e però non saprei io adriciare la lingua se non al ferrarese idioma.

Глава IV.

Вышая форма общественной.

Въ началѣ XVI вѣка свѣтскія отношенія людей отличались особенной пріятностью и основывались или на молчаливомъ признаніи извѣстныхъ правилъ, или же на открыто установленныхъ и предписанныхъ правилахъ; въ томъ и другомъ случаѣ цѣли и задачи такого обхожденія и хорошихъ манеръ составляютъ прямую противоположность съ правилами такъ называемаго этикета вообще.

Формальное соглашеніе.—Въ среднихъ житейскихъ кругахъ, гдѣ такого рода соглашеніе въ извѣстной группѣ принимаетъ характеръ корпораціи, сочинялся извѣстный уставъ и вступленіе въ члены сопровождалось какиминибудь формальностями, или церемоніей, такъ напримѣръ, въ сумасбродныхъ обществахъ флорентійскихъ художниковъ, о которыхъ рассказываетъ Вазари ¹⁾; при такихъ условіяхъ тѣсной совмѣстной жизни значительно облегчалось сценическое воспроизведеніе комедій того времени. Въ тѣхъ случаяхъ, когда свѣтская компанія случайно собиралась гдѣнибудь, правила взаимнаго обхожденія предписывались одной изъ участвующихъ дамъ.

Новеллисты.—Всѣмъ извѣстно вступленіе Боккачіо къ его Декамерону, причемъ королевство Пампиней въ этомъ

¹⁾ Vasari XII, стр. 9—11, Vita di Rustici.—Также злостная улика художниковъ, XI, 216 и сл. Vita d'Aristotile.—Capitoli. Макіавелли для собравшихся съ цѣлью развлечения (opera minore стр. 407)—комическая карриатура общественныхъ уставовъ поведения.—Незамѣнимымъ остается описаніе художественнаго вечера въ Римѣ у Бенвенуто Челлини. I, cap. 30.

избранномъ кругу носить характеръ пріятной шутки; но то, что является здѣсь только удачною выдумкой, въ сущности вполнѣ отвѣчаетъ обыкновенію, принятому тогда въ общественной жизни. Фиренцуолла два столѣтія спустя (1523) начинаетъ свой сборникъ новеллъ такимъ же введеніемъ въ подражаніе Боккачіо, какъ онъ самъ говоритъ, но въ то же время онъ въ этомъ отношеніи еще больше приближается къ дѣйствительности; здѣсь мы видимъ, какъ дама, избранная королевой, произноситъ настоящую тронную рѣчь и даетъ предписаніе о томъ, какъ должны распредѣляться занятія и развлечения во время предстоящаго совмѣстнаго пребыванія общества на дачѣ: утренніе часы посвящаются прогулкѣ по холмамъ и философскимъ бесѣдамъ; далѣе слѣдуетъ завтракъ, сопровождаемый игрой на лютнѣ и пѣніемъ ¹⁾; затѣмъ отдыхъ въ тѣнистыхъ мѣстахъ и чтеніе канцоны, написанной на заданную наканунѣ тему, вечеромъ отправляются къ источнику, гдѣ всѣ располагаются, и каждый рассказываетъ какую нибудь новеллу. Затѣмъ ужинъ и веселые разговоры „бесѣда и шутки должны быть такого рода, чтобы присутствующія дамы могли слушать безъ смущенія и чтобы нельзя было подумать, что мужчины находятся подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ выпитыхъ винъ“. Банделло въ посвященіяхъ къ отдѣльнымъ новелламъ не помѣщаетъ такихъ подробныхъ рѣчей, такъ какъ изображаемые имъ общественные кружки, давно уже существуютъ, но и онъ, хотя инымъ образомъ, даетъ понять, насколько свѣтскія отношенія дѣйствующихъ лицъ отличаются полнотою, разнообразіемъ и пріятностью. Нѣкоторые могутъ думать, что людямъ, не церемонившимся проводить время въ такихъ развлеченияхъ, нечего было терять. Но правильнѣе будетъ смотрѣть на это иначе и убѣдиться въ томъ, на какихъ прочныхъ основахъ покоилась общественность, если, несмотря на такую вольность, люди не переступали извѣстныхъ границъ и фривольныя шутки такъ легко смѣнялись серьезными разсужденіями. Во всякомъ случаѣ потребность лучшихъ формъ обхожденія доминировала надъ всѣмъ прочимъ. Для того, чтобы убѣ-

¹⁾ По всей вѣроятности въ предобѣденное время, между 10-11 ч. у. Ср. Bandello Parte II, Nov. 10.

даться въ этомъ, нѣтъ надобности обращаться къ такимъ идеальнымъ кругамъ, какъ при дворѣ герцога Урбинскаго, Гвидобальдо или въ замкѣ Азоло, гдѣ Кастильоне и Пьетро Бембо краснорѣчиво высказывали свои мысли о высокихъ побужденіяхъ и жизненныхъ цѣляхъ. Напротивъ, именно общество Банделло со всею царящею здѣсь вольностью можетъ служить лучшимъ масштабомъ принятыхъ манеръ, господствующихъ понятій и свободомыслія, также какъ мѣриломъ оцѣнки развитія вообще и прекраснаго дилетантизма въ наукахъ искусствахъ и поэзіи, оживляющаго эти общественные круги. Драгоценное указаніе на достоинства этого рода общественныхъ отношеній заключается въ томъ, что дамы, находящіяся въ центрѣ такихъ свѣтскихъ круговъ, приобрѣтаютъ этимъ путемъ извѣстность и уваженіе, насколько не компрометируя себя въ общественномъ мнѣніи. Такъ, изъ покровительницъ Банделло, Изабелла Гонзаго напимѣрь, изъ дома Эсте, сохранила лично незапятнанную репутацію, хотя дворъ ея послужилъ предметомъ толковъ, благодаря поведенію ея вѣтренныхъ фрейлинъ ¹⁾; Юлія Гонзаго Колонна, Иполитта Сфорца, супруга Бентиволіо, Біанка Рангони, Цецилія Галлерани, Камилла Скарампи, невѣста Л. Мавра и другія,—всѣ сохранили также непорочную репутацію, если же молва и касалась ихъ, то громкая слава, покрывающая ихъ имена въ томъ или другомъ отношеніи, заставляла забывать иной упрекъ. Знаменитѣйшая изъ итальянскихъ женщинъ Витторія Колонна (род. въ 1490 умерла въ 1547) лучшій другъ Кастильоне и Микель Анджелло сохранила репутацію настоящей святой ²⁾. Правда, непринужденное времяпрепровожденіе въ свѣтскихъ кругахъ того времени, въ городахъ, виллахъ и купальныхъ мѣстахъ, съ внѣшней стороны не даетъ основаній судить о превосходствѣ этихъ людей и житейскихъ правилъ надъ остальной Европой. Но, прочитавъ Банделло ³⁾, мы невольно

1) Prato, Arch. stor. III, стр. 309 назыв. дамъ *alquante, ministre di Venere*. Срв. Zuzio-Renier 100/101 *passim*.

2) Свѣденія біографическія и нѣкоторыя изъ ея писемъ см. А. Reumont, *Vittoria Colonna, Freiburg im Breisgau 1881*. Съ тѣхъ поръ цѣлая литература; также классическое изданіе ея стихотвореній и писемъ.

3) Важнѣйшія мѣста: *Parte I. Nod. 1, 3, 21, 44. II, 19, 34, 55. III. 17 и т. д.*

должны задать себѣ вопросъ, возможно-ли представить себѣ подобнаго рода общественность, напримѣръ, во Франціи, прежде чѣмъ въ этой странѣ распространилось итальянское вліяніе и при посредствѣ хотя бы такихъ людей, какъ авторъ упомянутыхъ новеллъ.

Безъ сомнѣнія, величайшее въ области ума и внутренней жизни было произведено въ Италиіи безъ помощи такихъ салоновъ и даже безъ вниманія къ нимъ; но было бы несправедливо также умалять ихъ значеніе въ отношеніи къ успѣхамъ искусствъ и поэзіи, хотя бы уже только потому, что они помогли создать то, чего не существовало тогда еще ни въ одной странѣ, а именно однородное сужденіе о являющихся на свѣтъ произведеніяхъ и общее участіе въ культурномъ движеніи. Наконецъ, такая общественность сама по себѣ представляетъ необходимый цвѣтъ извѣстной культуры въ послѣдствіи европейской, а въ то время чисто-итальянской.

Во Флоренціи общественная жизнь вполнѣ обусловливается литературой и политикой. Лоренцо Великолѣпный представлялъ собою личность, прежде всего вліявшую не своимъ высокимъ положеніемъ, какъ можно было бы думать, но своими выдающимися качествами; въ особенности важно то, что онъ давалъ возможность различнымъ людямъ вполнѣ свободно проявлять себя ¹⁾. Мы видимъ, напримѣръ, какъ онъ щадитъ своего знаменитаго наставника Полиціано и какъ величественное обращеніе ученаго и поэта едва согласуется съ границами, требуемыми положеніемъ главы усиливающагося княжескаго дома и отношеніемъ герцога къ его чувствительной супругѣ; зато Полиціано является настоящимъ герольдомъ и символомъ славы Медичи. Лоренцо радуется также, какъ настоящей Медичи, что можетъ самъ изобразить достойнымъ образомъ все то, что его восхищаетъ. Въ превосходно-написанной „Соколиной охотѣ“ онъ изображаетъ своихъ товарищей въ забавномъ видѣ, а въ „Пирушкѣ“ проявляетъ удивительный комизмъ, обнаруживая въ то же время вполнѣ серьезное отношеніе къ вещамъ. Названіе стихотворенія „Пиромъ“ не совсѣмъ точно,

¹⁾ Ср. Lor-Magnif de'Medici, Poesie II, 204 (Пиръ) 291 (Сокольная охота)—Roscoe, Vita di Zorenzo, III, стр. 140 и прилож. 17—19.

его бы слѣдовало назвать „Возвращеніемъ со сбора винограда“. Здѣсь Лоренцо рассказываетъ въ живой и пріятной формѣ, пародируя Дантовскій „Адъ“ и Петрарку, какъ онъ встрѣчаетъ на дорогѣ въ Віа Фаэнца своихъ добрыхъ друзей, одного за другимъ возвращающихся домой, отуманенныхъ виномъ. Наибольшимъ комизмомъ отличается изображеніе Піованно Арлотто, который идетъ искать потерянную жажду и съ этою цѣлью навѣшиваетъ на себя сушеное мясо, селедку, сыр, колбасу и четыре сосиски, e tutte si cosevan nel sudore..

Лоренцо и его дворъ. — Письма Лоренцо и то, что мы знаемъ о его ученыхъ и философскихъ разговорахъ съ друзьями, достаточно свидѣтельствуютъ о его познаніяхъ и серьезныхъ трудахъ. Другіе позднѣйшіе общественные кружки во Флоренціи представляютъ собой родъ клубовъ, занимающихся политическими теоріями и въ то же время проявляющими интересъ къ поэзіи и философіи; примѣромъ можетъ служить такъ называемая Платоновская академія, въ то время, когда она, послѣ смерти Лоренцо, собиралась въ садахъ Руччелаи ¹⁾).

При дворахъ государей характеръ общественности зависѣлъ, конечно, отъ личности того или другого изъ нихъ. Но съ начала XVI вѣка такихъ дворовъ уже было не много и тѣ, какіе были, мало значили въ этомъ отношеніи. Единственное въ своемъ родѣ явленіе представлялъ дворъ Льва X въ Римѣ, такъ какъ другого такого общества мы не встрѣтимъ во всемирной исторіи.

¹⁾ О Cosimo Rucellai, какъ центрѣ этого кружка въ началѣ 16-го в. ср. Machia velli, Arte della guerra L. I.

Глава V.

Идеальный общественный человекъ.

„Кортиджіано“, т. е. „придворный“, какимъ его изображаетъ Кастильоне, служитъ образцомъ обхожденія, но въ сущности онъ представляется еще въ большей степени примѣромъ личнаго совершенствованія ради самого себя. Это, собственно говоря, идеаль чловѣческаго общежитія, отвѣчающій современному расцвѣту и требованіямъ высокой образованности вообще; здѣсь не столько человекъ приспособленъ для дворца, какъ дворъ скорѣе существуетъ для него. Въ сущности такой человекъ является даже совсѣмъ неподходящимъ для дворцовой жизни, такъ какъ его качества дѣлаютъ его самого слишкомъ величественнымъ и его спокойное, безъ всякой аффектаціи, преимущество надъ другими во всемъ, какъ съ внѣшней стороны, такъ и съ духовной, даетъ ему всѣ права на самостоятельное существованіе.

Кортиджіано, какъ примѣръ индивидуальности. Вопреки какъ будто намѣреніямъ автора, все внутреннее существо изображаемаго типа стремится не къ служебнымъ задачамъ, а къ высокому образованію своей личности. Это обнаруживается въ его поведеніи на войнѣ ¹⁾. „Кортиджіано“ не можетъ рѣшиться сдѣлать что нибудь, хотя полезное и мужественное, если такого рода дѣйствіе носить слишкомъ

¹⁾ Il Cortigiano L. II. fol. 53. Ср. выше. Silv. Marcello полагаетъ (pozze 1895), что Cortigiano первая 3 книги написаны между апрѣлемъ 1508 и маемъ 1509, а четвертая книга между сентябремъ 1513 и декабремъ 1515 г. Giorn. stor. 26, 281.

шумный и некрасивый характеръ, напимѣрь, загнать табунъ коней; вообще его участіе въ войнѣ обуславливается не столько долгомъ, сколько понятіемъ чести, „l'honneur“. Его отношеніе къ государю, согласно требованіямъ, выраженнымъ въ четвертой книгѣ, носитъ свободный и самостоятельный характеръ. Теорія любви и свѣтскихъ отношеній, связанныхъ съ понятіемъ чести, содержитъ въ себѣ много тонкихъ психологическихъ наблюденій и замѣчаній, относящихся большею частью къ чисто человѣческимъ явленіямъ вообще, а высокое, въ значительной степени лирическое, изображеніе идеальной любви въ концѣ 4-й книги не имѣетъ почти ничего общаго съ специальной задачей всей книги. Но мы видимъ здѣсь также, какъ и въ „Азолани“ Бембо, высокую степень образованности, налагающую особую печать на утонченный анализъ описываемыхъ чувствъ.

Произведенія этихъ авторовъ нельзя разсматривать догматически и требовать отъ нихъ буквальной точности въ описаніи и разговорахъ; но нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ обществѣ велись вообще такого рода разговоры и мы увидимъ дальше, что въ нихъ выражалось не одно только стремленіе къ внѣшней красотѣ, и что проявленія дѣйствительной страсти облекались въ самомъ дѣлѣ въ соотвѣтствующую форму.

Съ точки зрѣнія внѣшнихъ преимуществъ воспитанія „Кортиджіано“ выдвигаетъ на первый планъ такъ называемыя рыцарскія упражненія, но какъ это, такъ и многое другое, отвѣчающее идеальнымъ требованіямъ, возможно только при такомъ дворѣ, гдѣ поощряется всякаго рода личное соревнованіе; ничего подобнаго мы не видимъ въ то время нигдѣ, кромѣ Италіи; многое и здѣсь въ чисто физическомъ отношеніи покоится, всетаки, на общемъ отвлеченномъ понятіи индивидуальнаго совершенства. „Кортиджіано“ долженъ быть хорошо знакомъ со всѣми благородными играми и долженъ упражняться въ прыганіи, бѣгѣ, плаваніи и борьбѣ; онъ долженъ быть также по преимуществу прекраснымъ танцоромъ и, само собой разумѣется, превосходнымъ наѣздникомъ. Но въ то же время онъ долженъ вполнѣ владѣть нѣсколькими языками, по меньшей мѣрѣ итальянскимъ и латинскимъ, понимать красоту литературныхъ произведеній и правильно судить о произведеніяхъ искусствъ; онъ долженъ также быть

болѣе или менѣе хорошимъ исполнителемъ на какомъ либо музыкальномъ инструментѣ, но не говорить объ этомъ и не давать замѣтить, пока не представится надобность. Во всемъ этомъ, разумѣется, нельзя видѣть серьезнаго значенія, если не считать искусства владѣть оружіемъ; но разнообразіе талантовъ и упражненій влечетъ за собой извѣстное личное совершенство, причемъ ни одно качество не должно преобладать надъ другими.

Тѣлесныя упражненія въ Италіи. Достовѣрно, что Италія въ XVI вѣкѣ какъ въ теоріи, въ лицѣ своихъ писателей, такъ на практикѣ въ лицѣ различныхъ преподавателей, служила для всѣхъ западныхъ народовъ школой благородныхъ физическихъ упражненій и свѣтскаго обращенія. Для обученія верховой ѣздѣ, фехтованію и танцамъ существовали руководства съ рисунками и курсы; гимнастическія упражненія — независимо отъ военныхъ упражненій, но въ то же время и не для забавы — впервые, быть можетъ, были примѣняемы подъ руководствомъ Витторино да Фельтре (т. I, стр. 255 и др.) и затѣмъ стали необходимымъ дополненіемъ законченнаго воспитанія ¹⁾. Важно при этомъ, что гимнастика изучалась какъ предметъ искусства, хотя мы не знаемъ, какія упражненія тогда преобладали, и есть-ли сходство между упражненіями того времени и практикуемыми теперь. Во всякомъ случаѣ, не только общій характеръ задачъ и цѣлей того времени, но и дошедшія до насъ фактическія свѣдѣнія, свидѣтельствуютъ о томъ, что рядомъ съ силой и ловкостью непремѣннымъ требованіемъ являлась также и красота движеній. Достаточно вспомнить великаго Федерико Монте Фельтро (т. I, стр. 53 и др.), который самъ руководилъ вечерними играми довѣренныхъ ему молодыхъ людей.

Игры и состязанія итальянцевъ въ существенныхъ чертахъ не отличались отъ такого рода упражненій на Западѣ вообще. Въ приморскихъ городахъ къ прочимъ состязаніямъ надо присоединить еще гребныя гонки, и венеціанскія регатты издавна пользовались извѣстностью. Возникновеніе ихъ, по всей вѣроятности, относится первоначально къ поѣздкамъ на Лидо, гдѣ обыкновенно состязались въ стрѣльбѣ

¹⁾ Ср. прилож. LXXXVIII.

изъ луковъ; знаменитая всеобщая регатта въ день Св. Павла была установлена закономъ 1315 года ¹⁾. Классической игрой въ Италіи была и осталась, какъ извѣстно, игра въ мячъ; повидимому это упражненіе въ эпоху возрожденія отличалось уже въ Италіи гораздо большимъ блескомъ и пользовалось большей популярностью, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, хотя мы не имѣемъ на это точныхъ указаній.

Музыка. — Virtuозы. — Дилетанты. Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о музыкѣ ²⁾. Музыкальная композиція около 1500 г. находилась еще главнымъ образомъ въ рукахъ нидерландцевъ, приводившихъ весь свѣтъ въ изумленіе своимъ необыкновеннымъ для того времени искусствомъ. Но, рядомъ съ этимъ, уже тогда существовала итальянская музыка, безъ сомнѣнія, болѣе близкая нашему современному пониманію; благодаря нѣмцамъ, она получила дальнѣйшее развитіе и, такимъ образомъ, оказала значительное вліяніе на новѣйшую европейскую композицію вообще. Полвѣка спустя явился Палестрина, гений котораго еще донинѣ покоряетъ себѣ всѣхъ. Мы знаемъ, что музыка обязана ему огромными успѣхами, но принадлежитъ ли ему или кому другому рѣшительный шагъ въ преобразованіи, усвоенномъ новымъ міромъ, объ этомъ неспециалисту трудно судить по имѣющимся нынѣ источникамъ. Итакъ, мы оставимъ совершенно въ сторонѣ исторію музыкальной композиціи и ограничимся разсмотрѣніемъ только вопроса о томъ, какое мѣсто могло принадлежать музыкѣ въ тогдашнемъ обществѣ.

Отличительную черту эпохи возрожденія и особенность Италіи вообще представляетъ широкая специализація орке-

¹⁾ Sansovino, Venezia fol. 172. Впрочемъ, о регаттахъ упоминается до 1267 г.—Въ Венеціи въ обычаѣ было кататься также до того, какъ стали замащивать улицы и прежде чѣмъ деревянные мосты были замѣнены высокими каменными. Петрарка (Epist. Seniles, IV, 3, Fracassetti, т. I стр. 227 и д.) уже описываетъ прекрасное конное состязаніе на площади Св. Марка 1364 и дожъ Steno держалъ, 1400, конюшню не уступавшую въ превосходствѣ конюшнямъ итальянскихъ государей. Но ѣзда верхомъ вокругъ этой площади считалась запрещенной съ 1291 г. Турниры въ Венеціи упоминаются уже въ 1253 г.—Позже венеціанцы пользуются репутаціей неважныхъ наѣздниковъ. Ср. Ariosto, Sat. V.

²⁾ Ср. прилож. LXXXIX.

стра. Мы видимъ здѣсь постоянное тяготѣніе къ новымъ инструментамъ, отыскиваніе новыхъ родовъ звуковъ и, въ тѣсной связи съ этимъ, артистичность исполненія, другими словами, преслѣдованіе индивидуальности въ примѣненіи къ различнымъ инструментамъ.

Изъ музыкальныхъ инструментовъ, которые въ состояніи выразить полную гармонию, является распространеннымъ съ раннихъ поръ и постоянно совершенствуется органъ, а рядомъ съ нимъ также соответствующій струнный инструментъ *gravicembalo* или *clavicembalo* ¹⁾; экземпляры этихъ инструментовъ начала XIV вѣка сохранились еще въ нѣкоторыхъ музеяхъ, такъ какъ они украшались живописью знаменитыхъ художниковъ. Ихъ старались дѣлать какъ можно менѣе тяжелыми, такъ какъ они предназначались для нѣжныхъ рукъ знатныхъ женщинъ. Затѣмъ первое мѣсто заняла скрипка и нерѣдко доставляла исполнителямъ огромную славу. Левъ X, еще будучи кардиналомъ, наполнилъ свой домъ пѣвцами и музыкантами и славился самъ, какъ исполнитель и знатокъ. Наибольшей славой при немъ пользовались еврей Джіованни Маріа и Джакоппо Сансекондо; первому Левъ X ²⁾ далъ графскій титулъ и имѣніе, — второй изображенъ, говорятъ, какъ Аполлонъ, на Рафаэлевскомъ Парнасѣ. Въ теченіе XVI вѣка каждый родъ музыки имѣлъ своихъ знаменитыхъ представителей и Ломатцо (1580) называетъ трехъ виртуозовъ, прославившихся пѣніемъ, а также на органѣ, лютнѣ, лирѣ, *viola da gamba*, арфѣ, цитрѣ, рогахъ и трубахъ. Онъ высказываетъ желаніе, чтобы ихъ портреты были изображены на инструментахъ ³⁾. Такое разностороннее критиче-

¹⁾ Также изъ папки (*carta, cartone*) и алебастра, ср. Arch. Stor. lomb. XIV, 292 и сл.

²⁾ *Leonis Vita* анонима, см. Roscoe, изд. Bossi, XII, стр. 171. Быть можетъ здѣсь разумѣется скрипачъ галереи Sciaga. Въ книгѣ Gerdes'a указано въ 1552 году 14 номеровъ Giovan-Maria. — Giov. Maria de Corneto восхваляется также въ Orlandino (Milano 1854, III, 27).

³⁾ Lomazzo, *Trattato dell'arte della pittura*, стр. 347. О послѣднемъ желаніи въ текстѣ совсѣмъ не упоминается. Заключительная фраза оставляетъ сомнѣніе. *Et insieme vi si possono gratiosamente rappresentar convitti et simili abbellimenti; che il pittore leggendo i poeti et gli historici puo trovare copiosamente et anco essendo ingenioso et ricco d'invenzione puo per se stesso immaginare?* — Гдѣ говорится о лирѣ упоми-

ское сужденіе совершенно немыслимо было въ то время внѣ Италіи, хотя тѣ же инструменты были въ употребленіи вездѣ.

О разнообразіи инструментовъ можно судить потому уже, что вошло въ обыкновеніе собирать ихъ въ коллекціи. Въ высшей степени музыкальной Венеціи¹⁾ часто встрѣчались такіе любители инструментовъ, и если случайно находились исполнители, то тутъ же тотчасъ устраивался концертъ. Въ одной изъ такихъ коллекцій находились также многіе музыкальные инструменты, сработанные по древнимъ изображеніямъ и описаніямъ, но не осталось указаній, умѣлъ ли кто-нибудь играть на нихъ, и какъ они должны были звучать. Надо замѣтить, что эти музыкальные предметы имѣли часто красивую форму и группировались иногда по своимъ внѣшнимъ качествамъ, поэтому ихъ можно встрѣтить также и въ другихъ совѣмъ не музыкальныхъ коллекціяхъ рѣдкостей и предметовъ искусства.

Исполнителями, кромѣ настоящихъ виртуозовъ, являлись также любители; изъ такихъ любителей составлялся иногда цѣлый оркестръ, носившій характеръ корпораціи, или „академіи“²⁾. Многіе художники иногда усердно занима-

нается Леонардо да Винчи и Alfonso (герцогъ?) Феррарскій. Авторъ вообще перечисляетъ знаменитостей своего вѣка. Въ томъ числѣ упоминаются многіе евреи. Подробнѣйшее исчисленіе знаменитыхъ артистовъ XVI вѣка съ дѣленіемъ на генерации у Рабле, въ его „Новомъ Прологѣ“ къ четвертой книгѣ. — Виртуозъ—слѣпой Франческо (уроженецъ Флоренціи) увѣнчанъ въ Венеціи посѣтившимъ ее кипрскимъ королемъ. Ср. Albertini, изд. Schmarsow, 65г.

1) Sansovino, Venezia fol. 138, e vera cosa, che la musica ha la sua propria sede in questa citta. Эти любители собирали, разумѣется, также и ноты. Замѣтки о музыкантахъ: Arch. Ven. 35, 73, f.

2) Уже Вазари упоминаетъ Академію de filarmonici, XI, 133, Жизнь Sanmichele. Возлѣ Lorenzo Magnifico въ 1480 г. уже существовалъ музыкальный кружокъ изъ 15-ти членовъ, между ними знаменитый органистъ и мастеръ Antonio Squarcialupi, къ которому являлись посѣтители изъ далекихъ краевъ. Онъ воспѣтъ Aug. Poliziano, изд. Isidoro del Lungo, стр. 154. Ср. Delecluze, Florence et ses vicissitudes, vol. II, стр. 256; подробн. Reumont, Lorenzo di Medici, стр. 177.. II, стр. 471—473. Marsilio Ficino, напримѣръ, принималъ участіе въ этихъ упражненіяхъ и въ своихъ письмахъ (Epist. I, 73, III, 52, V, 15) даетъ цѣнныя правила музыки. Повидимому, Левъ X наслѣдовалъ отъ отца своего Лоренцо музыкальными дарованіями. Его старшій сынъ Pietro также отличался музыкальностью.

лись музыкой и пользовались репутацией настоящих артистовъ. Знатнымъ людямъ не рекомендовалось упражняться на духовыхъ инструментахъ, по тѣмъ же причинамъ, по какимъ не должны были обращаться къ нимъ Алквіадъ и даже сама Аеина Паллада; въ высшихъ классахъ предпочиталось пѣніе—одно или подъ аккомпаниментъ скрипки, иногда квартета ¹⁾ и клавикордовъ, ради ихъ разносторонности, но не хоровое пѣніе, такъ какъ „одинъ голосъ пріятнѣе слушать и о немъ скорѣе можно составить правильное сужденіе“. Другими словами, такъ какъ пѣніе, несмотря на всю условную скромность, представляетъ однако въ извѣстномъ свѣтѣ индивидуальность, — выгоднѣе слушать (и видѣть) одного поющаго. При этомъ имѣется въ виду вліяніе пѣнія на нѣжныя чувства слушательницъ, а потому не молодымъ людямъ не совѣтуется выступать, если они даже могутъ хорошо играть и пѣть; между гармоніей звуковъ и внѣшностью требовалась связь, усиливающая впечатлѣніе.

Въ свѣтскихъ кругахъ композиція, какъ предметъ искусства, сама по себѣ еще не существуетъ, но, взамѣнъ того, часто случается, что исполнитель выражаетъ въ пѣснѣ свою собственную трагическую участь ²⁾.

Этотъ дилетантизмъ какъ высшихъ, такъ и среднихъ классовъ, очевидно, въ Италіи распространеннѣе и ближе стоитъ къ настоящему искусству, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Вездѣ, гдѣ только изображается житейская картина, мы видимъ на сценѣ также пѣніе и лютню; сотни портретовъ изображаютъ людей какъ въ одиночку, такъ и группами, занятыхъ музыкой или просто съ музыкальными инструментами въ рукахъ; хоры ангеловъ на церковныхъ картинахъ также свидѣтельствуютъ о томъ, какъ художники привыкли встрѣчать музыку въ жизни. Наконецъ, учитель игры на лютнѣ Антоніо Рота въ Падуѣ (1549) приобрѣтаетъ состояніе уроками, и онъ же печатаетъ руководство для учащихся ³⁾.

¹⁾ Il cortigiano, fol. 56, ср. fol. 41.

²⁾ Quatro viole da arco — высокая степень дилетантизма въ музыкѣ.

³⁾ Scardonius...

Въ такое время, когда опера еще не начала концентрировать и монополизировать музыкальный гений, нельзя не удивляться столь богатой, разносторонней и въ высокой степени самобытной дѣятельности. Какъ отнеслись бы мы теперь къ музыкѣ, услаждавшей тогда слухъ,—это, конечно, другой вопросъ.

Глава VI.

Положеніе женщины.

Равенство образованія и та-же степень индивидуальности. Для полнаго пониманія общественности въ эпоху возрожденія необходимо принять во вниманіе, что женщина въ то время стояла наравнѣ съ мужчиной ¹⁾. Болѣе или менѣе остроумныя и злостныя разсужденія нѣкоторыхъ писателей того времени о несовершенствѣ прекраснаго пола не должны вводить насъ въ заблужденіе ²⁾; также и то, что мужчина изображается часто какъ повелитель, какъ напри-мѣръ, когда Пандольфини тотчасъ послѣ брака перечисляетъ женѣ ея обязанности и кончаетъ словами: „замѣть себѣ это все, такъ какъ въ другой разъ я повторять не стану“; также мало значить въ этомъ отношеніи сатира, въ родѣ той третьей у Аріосто ³⁾, гдѣ онъ говоритъ о женщинѣ, какъ о большомъ ребенкѣ, съ которымъ мужчина долженъ научиться обращаться, но съ которымъ его раздѣляетъ цѣлая пропасть. Послѣднее, конечно, въ извѣстномъ смыслѣ справедливо; именно потому, что женщина стояла

1) Биографіи женщинъ см. в. т. I и прил. XXIII. Съ этимъ надо сравнить превосходную работу Attilio Hortis: „Le donne famose descritte da Giovanni Boccacci“, Триестъ, 1877 г. Въ особенноти Janitschek: „Vorträge“, стр. 48—73, 100; его указанія использованы далѣе. Ср. также R. Renier: „Il tipo estetico della donna nel medio evo Ancona 1885 и Cecketti, La donna nel medioevo a Venezia, Arch. Ven. 31, 33 ff.

2) Ср. прилож. XC.

3) Vesp. Bisticci: жизнь Agn. Pandolfini.

наравнѣ съ мужчиной, не могло быть полнаго слиянія или единства душъ, какъ это мы видимъ позднѣе въ цивилизованномъ обществѣ сѣверныхъ странъ.

Прежде всего мы видимъ, что образованіе женщинъ въ высшихъ слояхъ общества въ существенныхъ чертахъ было то же самое, что и образованіе мужчинъ. Въ эту гуманистическую пору итальянцы нисколько не колебались давать дочерямъ такое же литературное и даже чисто-филологическое образованіе, какъ и сыновьямъ (т. I, стр. 257); въ древней культурѣ видѣли источникъ высшихъ наслажденій въ жизни и казалось естественнымъ допустить къ нему и дочерей. Впрочемъ, въ то же время не было недостатка въ голосахъ, находившихъ, что воспитаніе женщинъ должно совершенно отличаться отъ образованія и воспитанія мужчинъ и что женщинамъ не слѣдуетъ много заниматься серьезными науками ¹⁾. Но мы видѣли уже, какого совершенства достигали даже дочери государей въ латинской рѣчи и письмѣ (т. I, стр. 286) ²⁾. Случалось, что женщины, какъ, напримѣръ, Изотта Ногаролла ³⁾, пріятельница Гуарино — отказывались отъ брака, ради того, чтобы посвятить себя исключительно ученымъ занятіямъ; рѣже онѣ посвящали себя искусствамъ, какъ Катарина де Вриги ⁴⁾ (ум. 1463) и Проперція Росси (ум. 1530). И изъ нихъ только послѣдняя пріобрѣла нѣкоторое значеніе. Во всякомъ случаѣ женщины должны были по меньшей мѣрѣ принимать участіе въ чтеніи мужчинъ и усвоить себѣ содержаніе древности, чтобы такимъ образомъ принимать участіе въ свѣтскомъ разговорѣ и быть въ обществѣ наравнѣ съ другими.

¹⁾ Довольно часто случается, однако, что выдающіеся люди, какъ Pontano, Vida, Castiglione, Poliziano жалуются на своихъ женъ, напоминая современность. Ср. латинскія стихотв. упомянутыхъ лицъ: Costa) *Antologia della lirica latina in It. nei secc. XV и XVI, 1888, passim.*

²⁾ Ср. прилож. ХСІ.

³⁾ Когда венгерская королева Беатриче, неаполитанская принцесса, явилась въ Вѣну 1485, она была встрѣчена латинскою рѣчью и *arrxcit diligentissime aures domina regina saepe, cum placida audierat, subridendo.* Aschbach, *Исторія Вѣнскаго университета*, т. II, стр. 10, прим. Также у евреевъ часто случалось, что молодыя дѣвушки свободно читали Библію на древне-еврейскомъ языкѣ.

⁴⁾ Isotta N. О ней въ особенности говорить Abel, *Viertelj für Cultur и Lit. der. Ren.* т. I, стр. 223... 456... Ея сочиненія изданы имъ же, 2 т. Будапештъ, 1885.

Многія женщины серьезно занимались вопросами религіи и нравственной философіи; такъ мы видимъ, что въ обществѣ, собирающемся на виллѣ Антоніо Альберти во Флоренціи (1389), прекрасная Коза остается побѣдительницей въ спорѣ о томъ, кто больше любитъ своего сына — отецъ или мать; далѣе она опредѣляетъ причину умственныхъ успѣховъ женщинъ такимъ образомъ: „флорентинскія женщины, стремятся собственными силами къ возможно большому образованію и развитію, для того чтобы мужчины не вводили ихъ въ заблужденіе“¹⁾.

Къ этимъ успѣхамъ присоединилось еще потомъ дѣятельное участіе въ итальянской поэзіи²⁾ и со времени венеціанки Кассандры Феделе (1455 до 1538; ея первыя стихотворенія относятся къ концу XV вѣка), многія женщины прославились своими канцонами, сонетами и импровизаціей; Витторія Колонна (стр. 113) можетъ считаться даже бессмертной въ этомъ отношеніи. Эта женская поэзія, съ ея совершенно мужскимъ характеромъ, можетъ служить наилучшимъ доказательствомъ взгляда, высказаннаго нами выше. Въ сонетахъ, посвященныхъ любви, также какъ и въ стихотвореніяхъ на религіозную тему, мы находимъ такую точность и ясность опредѣленія и такъ мало туманной мечтательности и дилетантизма, свойственныхъ обыкновенно чисто женской поэзіи, что всѣ эти произведенія легко можно было бы приписать творчеству мужчинъ, если бы мы не знали дѣйствительныхъ именъ и не имѣли вообще достаточно безспорныхъ указаній на принадлежность ихъ женщинамъ.

Индивидуальность женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, на ряду съ образованностью женщины высшихъ классовъ пріобрѣтаютъ индивидуальность совершенно также, какъ мы это видѣли у мужчинъ, тогда какъ внѣ Италіи женщины до временъ реформаціи рѣдко обнаруживаютъ индивидуальность или самостоятельный характеръ, даже когда власть находится въ ихъ рукахъ. Такого рода исключенія какъ Изабелла Баварская, Маргарита Анжуйская, Изабелла Кастильская и другія, являются лишь исключеніями и, повидимому, только вынужденными особыми обстоятельствами и

1) Il paradiso degli Alberti ed. Весселовскій, II, 2, стр. 33.

2) A. Borgognoni, Rimatrici Italiane, Nouva Antologia, Juli, 1886.

случайностью. Въ Италиі-же, напротивъ, уже въ теченіе всего XV вѣка жены деспотовъ и въ особенности кондотьеровъ почти всѣ выказываютъ и сохраняютъ свою индивидуальность, свой личный характеръ и имъ принадлежитъ извѣстная роль въ той или другой популярности мужей (т. I, стр. 159)¹⁾. Къ этому надо присоединить также цѣлый рядъ знаменитыхъ женщинъ (т. I, стр. 173), прославившихся хотя бы только тѣмъ, что въ нихъ гармонически сочетались извѣстныя дарованія, красота, воспитаніе, добрые нравы и благочестіе.

Съ другой стороны, въ то время не было вовсе рѣчи о какой-нибудь особой „эмансипаци“, такъ какъ она разумѣлась сама собой. Женщина, занимавшая положеніе въ обществѣ, должна была, въ силу обстоятельствъ, стремиться къ совершенствованію своей личности во всѣхъ отношеніяхъ, подобно мужчинѣ, — путь къ этому заключался въ такомъ же образованіи ума и утонченности чувствъ. Никто не требовалъ отъ женщинъ активной литературной дѣятельности, но если женщина проявляла литературный талантъ, отъ нея ожидали настоящихъ творческихъ образовъ, а не интимностей, въ формѣ дневниковъ или романовъ. При этомъ женщины могли не думать вовсе о публикѣ, но прежде всего онѣ должны были импонировать выдающимся людямъ²⁾ и сдерживать въ извѣстныхъ границахъ ихъ своеволіе.

¹⁾ Преувеличенная лесть гуманистовъ нѣкоторымъ женщинамъ видна, напримѣръ, изъ слѣд. стиха, находящагося въ Ватиканской рукописи и приводимой у Cian'a, Giorn. Stor. 29, 433.

Nata fuit quondam Lucretia casta Lucreti

Haec hominis non est filia: nata Iove est.

Исключеніе изъ такого почитанія женщинъ составляютъ нѣкоторые неаполитанцы, напр. Antonio Ferrarì (Galateo, въ особен. Pontano), который откровенно рекомендуетъ рабскую зависимость жены отъ мужа, несмотря на собственную счастливую брачную жизнь.

²⁾ Ant. Galateo, epist. 3, къ молодой Bonna Sforza, позднѣе супругѣ Сигизмунда Польскаго: Incipe aliquid de viro sapere, quoniam ad imperandum viris nata est... Ita fac, ut sapientibus viris placeas, ut te prudentes et graves viri admirentur, et vulgi et muliercularum studia et iudicia despicias etc. Другое замѣчательное письмо Mai, Spicileg. rom. VIII, стр. 532. Эта личность въ послѣднее время стала предметомъ обстоятельнаго изслѣдованія V. di Giacomo, Gazette des beaux arts, ser. III, vol. XVIII.

Знаменитыя женщины Итали. Наибольшей славой для выдающихся женщинъ Италиі того времени считалось проявленіе мужскаго ума и мужскихъ чувствъ. Достаточно ознакомиться съ героическими женскими образами въ твореніяхъ Боярда и Аріоста, изображающихъ ихъ мужественное поведеніе, чтобы убѣдиться въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ идеалами того времени.

Названіе „virago“ въ нашемъ вѣкѣ имѣло бы значеніе двусмысленнато комплимента, но въ то время оно заключало въ себѣ чистое поклоненіе; такъ, Яковъ Бергамскій примѣняетъ этотъ титулъ къ своимъ знаменитѣйшимъ женщинамъ. Его носила также съ полнымъ блескомъ Екатерина Сфорца (1462—1509), супруга и затѣмъ вдова Джуліано Ріаріо, котораго наслѣдника въ Форли она всѣми силами защищала противъ Чезаре Борджіа, послѣ того, какъ собственной рукой отомстила его убійцамъ; она ежедневно воодушевляла воиновъ, своимъ дипломатическимъ искусствомъ разрушила планъ Макиавелли и врагамъ, грозившимъ отмстить ей убійствомъ ея дѣтей, отвѣтила, что у нея будутъ другіе. Въ концѣ концовъ она пала побѣжденная, но сохранила удивленіе всѣхъ соотечественниковъ и названіе „prima donna d'Italia“¹⁾. Такого рода героическій характеръ встрѣчается у многихъ женщинъ эпохи возрожденія, хотя ни одна изъ нихъ, быть можетъ, не имѣла такого случая проявить его на дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ мы видимъ ясно ту же черту въ Изабеллѣ Гонзаго (т. I, стр. 51) а также у Изабеллы — первой жены Ферранте, которая призывала гражданъ къ борьбѣ, и сидя у входа въ храмъ, собирала пожертвованія для продолженія борьбы; Клариса изъ дома Медичи, супруга Филиппо Строщи, проявила, по словамъ историка того времени, необыкновенный умъ и краснорѣчіе; графиня Мирандулла отвѣтила завоевавшему

¹⁾ Такъ она именуется въ донесеніи Chron. venetum у Murat. XXIV; Col. 121; virago тамъ-же 128. Срв. Infessura у Eccard. scriptt. II, Col. 198r. Arch. stor. Append. II, стр. 250. Ср. посвященное ей произведеніе Pier. Des. Pasolini 3 т. Римъ 1894 г. Сообщение о томъ, что Caterina Sforza послѣ завоеванія Форли проводила дни и ночи въ комнатѣ Цезаря con la qual — iudicio omnium — si deua piacer — безъ сомнѣнія есть не что иное, какъ обвиненіе венеціанскаго посла, переданное Sanudo. Pasolini II, 296.

ся родной городъ папѣ Юлію II, что она вернется въ городъ какою-бы ни было цѣною¹⁾; Маргарита Фортебраччіо — сестра Роберто Малатеста, героически защищала Монтоне противъ Федериго Урбинскаго, дѣйствовавшаго по порученію папы²⁾.

Такого рода женщины могли, разумѣется, спокойно дозволить чтеніе или импровизацію въ своемъ присутствіи новеллъ Банделло³⁾ или въ этомъ родѣ, безъ всякаго вреда и опасности порчи нравовъ. Господствующія понятія о нравственности и поведеніи покоились тогда, конечно, не на женственности, какъ ее понимаютъ теперь, то есть въ зависимости отъ условныхъ понятій, предчувствій и тайнъ, но на энергіи, красотѣ и сознательномъ отношеніи къ окружающей дѣйствительности. Поэтому, рядомъ съ строгими житейскими правилами, мы видимъ нѣчто такое, что намъ теперь представляется отсутствіемъ стыда⁴⁾, но не замѣчаемъ того, что служило противовѣсомъ кажущейся распущенности, а именно мы забываемъ сильную индивидуальность и характеръ женщинъ Италіи того времени.

Само собой разумѣется, что всѣ трактаты и діалоги того времени вмѣстѣ взятые не содержатъ въ себѣ явныхъ

¹⁾ Ср. Ranke. Historisch-biografische Studien, Leipzig 1878, стр. 371 прим. 2. Broch, Julius II, стр. 316.

²⁾ Santi, cap. 69. Тогда же стали слагаться легенды о героическихъ женщинахъ древности; ср. изслѣдов. L. A. Botteghi, Atti della acc. dei Linc. V, 7, 1898 стр. 132—144.

³⁾ Тѣмъ не менѣ Bandello говоритъ (Parte I, nov. 30) poi che ci manca la compagnia delle donne... possiamo piu liberamente parlare, che quando siamo a la presenza loro.

⁴⁾ Мы это и видимъ по временамъ. Cortigiano свидѣтельствуетъ о томъ, какъ держались дамы во время такихъ разсказовъ, L. III, fol. 197. Нѣкоторыя сильныя мѣста встрѣчаемыя въ этихъ діалогахъ, напримѣръ, L. II, fol. 100, подтверждаютъ, что женщины присутствовавшія при этомъ должны были обладать достаточнымъ умѣніемъ держать себя съ достоинствомъ. — Въ противопологаемомъ Cortigiano произведеніи Donna di palazzo, послѣднимъ рекомендуется избѣгать легкомысленныхъ собесѣдниковъ и не вступать въ неприличную бесѣду, но при этомъ надо принять во вниманіе, что придворная дама, о которой здѣсь идетъ рѣчь, является въ гораздо большей степени слугой государыни, чѣмъ Cortigiano слугой государя. — У Bandello (I, Nov. 44) Bianca d'Este рассказываетъ ужасную исторію любви Никколо Ферарскаго и Паризины.

рѣшающихъ указаній на этотъ счетъ, какъ ни пространны въ нихъ разсужденія о положеніи женщинъ въ обществѣ, объ ихъ способностяхъ и о любви.

Надо замѣтить, что въ этомъ обществѣ рѣшительно отсутствуютъ молоденькія дѣвушки¹⁾, если даже онѣ и не воспитываются въ монастырѣ; трудно сказать, что было при этомъ причиной и что слѣдствіемъ, — молодыя ли дѣвушки не допускались, вслѣдствіе вольностей рѣчи, или самая вольность явилась результатомъ отсутствія дѣвушекъ въ обществѣ.

Куртизанки. Вмѣстѣ съ тѣмъ отношеніе къ женщинамъ свободнаго поведенія въ это время также принимаетъ извѣстный характеръ, напоминающій древнія Аѳины и времена гетеръ. Знаменитая въ Римѣ куртизанка Имперія († 1511) обладала умомъ и образованіемъ, занималась музыкой и училась стихосложенію у Никколо Кампани сочинителя популярныхъ драматическихъ шутокъ и стиходвореній²⁾. Вероника Франко, венеціанка, была поэтессой³⁾ и Генрихъ III посѣщалъ ее, не скрывая своихъ къ ней отношеній. Говоря объ одной такой женщинѣ, что она знаетъ всего Петрарку и Боккачіо наизусть, а также много латинскихъ стихотвореній Virgilія, Овидія, Горация и другихъ авторовъ, Пьетро Аретино почти не преувеличиваетъ; и другіе современные писатели много говорятъ объ образованіи этихъ женщинъ.⁴⁾ Прекрасная Изабелла де Луна, испанскаго происхожденія, славилась своей занимательностью и удивительною смѣсью доброты со склонностью къ язвительности, служившей иногда источникомъ большихъ для нея непріятностей⁵⁾. Банделло зналъ въ Миланѣ вели-

¹⁾ Sansovino, Venezia fol. 152 и. д. Bandello II, Nov. 42 и IV, Nov. 27 свидѣтельствуемъ о томъ, какъ зрѣлые итальянцы пѣнили по достоинству свободное обращеніе съ дѣвушками въ Англіи и Нидерландахъ.

²⁾ Paul. Jov. de rom. piscibus, cap. 5. — Bandello, Parte III, Nov. 42. Объ учителѣ Gaspari II, 326 fg.

³⁾ G. Tassini, Nuovo arch. Ven. VI, 391 и слд.

⁴⁾ P. Aretino, Ragionamento del Zoppino стр. 327. Alamanni: La Flora. B. Varchi: La Suocerra. Какъ это ни кажется страннымъ, Петрарка былъ въ общемъ также любимымъ писателемъ cortigiane.

⁵⁾ Bandello II, 51. IV, 16.

чественную Катарину ди Санъ-Чельзо¹⁾, прекрасно игравшую, пѣвшую и декламировавшую стихи. Изъ этого всего слѣдуетъ, что знаменитѣйшіе и образованнѣйшіе люди, посѣщавшіе этихъ женщинъ или жившіе съ ними, предъявляли къ нимъ высокія требованія, и что женщины эти большею частью окружены были извѣстнымъ почтеніемъ; повидимому, мужчины старались сохранить дружбу съ ними²⁾ даже послѣ того, какъ связь была прервана, такъ какъ прежнее чувство оставляло по себѣ навсегда значительную память. Въ общемъ, однако, этотъ родъ отношеній не оставилъ по себѣ значительныхъ слѣдовъ въ литературѣ и поэзіи, а то, что сохранилось, носитъ по преимуществу скандальный характеръ. Можно, пожалуй, даже удивляться тому, что изъ 6800 такихъ особъ, какъ насчитывалось въ 1490 году³⁾, (въ то время, когда появляется сифилисъ) не выдѣлилось вовсе замѣчательныхъ женщинъ, такъ какъ упомянутыя выше принадлежатъ уже къ позднѣйшему времени. Джиральди лучше другихъ изображаетъ въ своихъ новеллахъ служащихъ введеніемъ къ его „Гекатоммити“, образъ жизни, мораль и философію этого рода женщинъ, въ особенности страсть къ перемѣнѣ наслажденій, корысть и распущенность, а также лицемѣріе, принимающее иногда въ пожиломъ возрастѣ дьявольскій характеръ; Пьетро Аретино въ своихъ *Regionamenti*, напротивъ, рисуется скорѣе свой собственный внутренний міръ, чѣмъ картину нравовъ, какими они были въ дѣйствительности.

Фаворитки государей, какъ уже было упомянуто выше (т. I, стр. 61.) служили предметомъ вдохновенія для поэтовъ и художниковъ и потому стали извѣстны современникамъ и потомству, тогда какъ объ Алисѣ Перье и Кларѣ Деттинъ (любовница Фридриха Побѣдоноснаго) осталось одно только воспоминаніе, а объ Агнесѣ Сорель скорѣе легенда, чѣмъ исторія любви. Въ отношеніи любовницъ французскихъ королей эпохи возрожденія, Франциска I и Генриха II, дѣло обстоитъ иначе.

1) Тоже, IV, 8.

2) Весьма яркій примѣръ у Giralaldi, *Hecatommithi*, VI, Nov. 7.

3) Ср. прилож. ХСП.

Глава VII.

Домашній бытъ.

Рядомъ съ общественностью заслуживаетъ вниманія также домашній бытъ эпохи возрожденія. Въ общемъ принято не высоко цѣнить семейную жизнь итальянцевъ того времени, считая ее безнравственной. Мы рассмотримъ этотъ вопросъ ближе въ другой части книги, а пока замѣтимъ только, что супружеская невѣрность во всякомъ случаѣ не такъ разрушительно дѣйствовала на семью въ Италіи, какъ на Сѣверѣ, если при этомъ не переступались извѣстныя границы.

Домашній бытъ нашего средневѣковья являлся результатомъ народныхъ нравовъ вообще, естественнымъ продуктомъ, выросавшимъ на почвѣ враждебныхъ наклонностей, подъ вліяніемъ образа жизни людей различныхъ классовъ и состояній. Рыцарство, въ періодъ своего разцвѣта, оставляло домашній бытъ нетронутымъ. Жизнь рыцарей проходила въ странствованіяхъ, переходахъ отъ одного двора къ другому и въ походахъ; предметомъ поклоненія была всегда другая женщина, — не та, которую вводили въ домъ, и въ отсутствіи мало интересовались тѣмъ, что дѣлается въ собственномъ замкѣ, и какъ домашніе проводятъ время. Возрожденіе впервые задалось цѣлью внести въ семейный бытъ извѣстный порядокъ, создать и упрочить домашній очагъ, въ свою очередь, какъ творческое произведеніе, на извѣстныхъ правильныхъ основаніяхъ. Правильное, рациональное хозяйство, основанное на строгомъ разсчетѣ (т. I стр. 93) составляло фундаментъ такого быта, но главная сущность домашняго строя заключалась въ разумномъ воспитаніи, справедливости и благоустройствѣ.

Альберти. Діалогъ о домашнемъ хозяйствѣ у Альберти можетъ служить драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ въ этомъ отношеніи ¹⁾. Отець говоритъ со своими взрослыми сыновьями и посвящаетъ ихъ въ свой образъ дѣйствій. Мы можемъ заглянуть такимъ образомъ въ зажиточный домъ, общающій при разумной бережливости и умѣренной жизни дать спокойное, обеспеченное положеніе хозяевамъ и будущему потомству. Значительное помѣстье, снабжающее семейный столъ всѣмъ необходимымъ и удовлетворяющее всѣмъ насущнымъ потребностямъ, соединяется съ какимъ нибудь промысломъ, въ родѣ производства шелковыхъ или шерстяныхъ тканей. Все въ домѣ носитъ основательный, прочный характеръ, рассчитано на долговѣчность и покупается, если нужно, дорогою цѣною, но ежедневная жизнь отличается возможной простотой. Всѣ расходы, начиная отъ требуемыхъ достоинствомъ и фамильной честью, и до карманныхъ денегъ младшихъ сыновей включительно, отличаются пропорціональностью, а не случайнымъ характеромъ.

Воспитаніе. На первомъ планѣ стоитъ воспитаніе и не только дѣтей, но всѣхъ домашнихъ. Прежде всего, женившись на скромной покорной дѣвушкѣ, мужъ старается сдѣлать изъ нея хозяйку, умѣющую какъ слѣдуетъ распорядиться домою и прислугой; онъ воспитываетъ своихъ сыновей, не прибѣгая къ излишней суровости ²⁾, но скорѣе, при помощи тщательнаго наблюденія и соотвѣтствующихъ случаю наставленій, стараясь „влиять больше авторитетомъ, чѣмъ силой“; далѣе глава семьи заботится о выборѣ хорошихъ служащихъ и старается внушить имъ привязанность къ семьѣ и дому.

Преимущества сельской жизни. Мы должны замѣтить, что въ упомянутой книгѣ съ особымъ интересомъ затраги-

¹⁾ Trattato del governo della famiglia Ср. в. т. I. Harder полагасть, что трактатъ обработанъ въ допол. къ Xenophon'a Oeconomicus и что подъ antichi, на которые ссылается авторъ (стр. 117 Туринскаго изданія) надо разумѣть Xenophon'a. Ср. въ особенности стр. 7—10 Oeconomicus. — (Это сочиненіе было между прочимъ переведено Laro da Castiglionchio и посвящено Николаю V. Voigt, Wiederbeleb. II, 192.

²⁾ Ср. прилож. XСIII.

вается предметъ, въ сущности, не относящійся къ ея прямой цѣли — это особенная любовь образованнаго итальянца къ сельской жизни ¹⁾). На сѣверѣ въ эту эпоху рыцари и дворяне вообще жили въ своихъ горныхъ замкахъ, а болѣе значительные монашескіе орденa обитали въ своихъ защищенныхъ монастыряхъ, но зажиточный бюргеръ проводилъ всю жизнь въ городскихъ стѣнахъ. Въ Италиі мы видимъ другое; здѣсь граждане ютятся нерѣдко въ окрестностяхъ большихъ городовъ ²⁾, отчасти потому, что жизнь въ Италиі безопаснѣе, чѣмъ въ Европѣ въ политическомъ и полицейскомъ отношеніи, отчасти потому, что ради пользованія сельской жизнью люди мирятся даже съ опасностью и потерями въ случаѣ войны. Богатые горожане почти всѣ имѣютъ свои виллы въ окрестностяхъ или на морскомъ берегу и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ успѣхами образованія и матеріальной обезпеченности, здѣсь воскресаетъ вновь драгоценное наслѣдство римской древности.

Авторъ описываетъ миръ и счастье, царящіе въ его виллѣ. Послушаемъ его самого: „Всякое другое владѣніе требуетъ трудовъ и представляетъ ту или иную опасность, тогда какъ сельскій домъ останется всегда твоимъ мирнымъ прибрѣжищемъ; если поселишься въ немъ въ надлежащее время, будешь заботиться о немъ, то будешь всегда за это вознагражденъ. Весною можешь наслаждаться зеленою лѣсовъ и пѣніемъ птицъ, поселяющимъ въ сердцѣ веселье и спокойствіе; осенью, различные плоды съ избыткомъ вознаграждаютъ тебя за незначительный трудъ; во всѣ времена года не будешь испытывать грусти. Пусть это жилище будетъ въ то же время сборнымъ пунктомъ добрыхъ и честныхъ людей; здѣсь все дѣлается открыто — безъ обмана;

¹⁾ Встрѣчается, впрочемъ, и другого рода взглядъ на эту жизнь. J. A. Campanus (epist. IV, 4 изд. Menken) рѣзко высказывается противъ сельской жизни. Между прочимъ онъ говоритъ: ego si rusticus natus non essem facile tangerer voluptate. Но такъ какъ онъ родился крестьяниномъ—quod tibi delitiae mihi satietas est.

²⁾ Giovanni Villani XI, 73; неодобреніе пристрастія флорентійцевъ къ загороднымъ домамъ уже въ первой половинѣ 14-го вѣка; у нихъ загородные дома красивѣе городскихъ. Жатва обыкновенно начиналась рано; въ 1422 г. Sercambi обозначаетъ начало полевыхъ работъ 8/18 Іюня, Sercambi. 3, 296.

каждый видит все вокругъ, здѣсь не нужны судьи и свидѣтели, такъ какъ всѣ живутъ въ мирѣ и добромъ согласіи между собой. Пospѣши сюда, если хочешь забыть гордость богатыхъ и безстыдство дурныхъ людей! Сельскій домъ дастъ тебѣ спокойную жизнь, неизвѣданное счастье“. Хозяйственная выгода сельской жизни заключается прежде всего въ томъ, что тутъ человѣкъ имѣетъ все свое: хлѣбъ, вино, масло, дрова, а потому стоитъ даже дорого заплатить за имѣніе, такъ какъ потомъ не нужно уже ничего покупать на рынкѣ. Уже одно введеніе къ этому литературному труду достаточно говорить о высшемъ наслажденіи связанномъ съ сельской жизнью, съ точки зрѣнія автора. „Вокругъ Флоренціи, говоритъ онъ, находится много виллъ, окруженныхъ прозрачной атмосферой, живописно расположенныхъ и съ превосходными видами вдаль; здѣсь рѣдко бываетъ туманъ или вредный для здоровья вѣтеръ. Все здѣсь прекрасно, въ томъ числѣ также чистая здоровая вода; нѣкоторые изъ этихъ загородныхъ домовъ представляютъ настоящіе дворцы, другіе имѣютъ сходство съ великолѣпными замками“. Здѣсь авторъ говоритъ о тѣхъ прекрасныхъ виллахъ, которыми флорентійцы большею частью пожертвовали въ 1529 году, — хотя напрасно — ради республики ¹⁾.

Общественная жизнь въ этихъ виллахъ также какъ на Brentѣ, въ Ломбардскихъ предгоріяхъ, на Позиллиппо и Бомеро, приняла болѣе свободный сельскій характеръ, въ сравненіи съ залами городскихъ дворцовъ ²⁾. Совмѣстная жизнь приглашенныхъ гостей, не только друзей дома, но также и чужихъ, даже случайныхъ проѣзжихъ, охота и другія развлеченія на открытомъ воздухѣ — все это не разъ восхвалялось писателями того времени ³⁾. Но рядомъ съ

¹⁾ Trattato del governo della famiglia (Torino 1829) стр. 84—88.

²⁾ Pontano, напротивъ (Трактатъ.—De conviventia), говоритъ, что вилла должна носить городской характеръ. Въ садахъ должны разводиться только цвѣты, а не полезныя растенія.

³⁾ Ср. гл. II. Въ свое время уже Петрарка за свою ненависть къ городамъ и пристрастіе къ лѣсамъ получаетъ прозвище *Silvanus*. Err. fam. ed. Frac. Vol. II. стр. 87.—Гуарино хвалитъ сельскую жизнь въ письмѣ къ Giambattista Cendrata, см. Rosmini II, стр. 13 и д. 157 и д. Несмотря на кажущуюся оригинальность, здѣсь видно явное под-

развлеченіями мы видимъ здѣсь также серьезное умственное движеніе, и благороднѣйшее въ поэзіи нерѣдко являлось плодомъ такого пребыванія въ виллѣ.

ражаніе Плинію.—Въ другихъ описаніяхъ сельской жизни также большею частью повторяется подражаніе древнимъ. Poggio въ письмѣ къ Facius'у (de vir. ill. стр. 106): Sum enim deditior senectutis gratia rei rusticae quam antea. Другія описанія Poggio, Opp. (1513) стр. 112 и также Sheperd-Tonelli I, 255 и 261. — Подобно тому же Maffeo Vegio (de lib. educ. VI, 4) и В. Platina въ началѣ его діалога de vera nobilitate.—Описаніе сельскаго дома, ужина и охоты: Cardinal Hadrian Venatio (стр. 1512). Описаніе Полиціано загородныхъ виллъ Meduru см. Reumont, Lorenzo II, стр. 73 и 87.—Фарнезина, Gregorovius VIII, 114 и д. Срв. также Rucellai (купецъ) описаніе его виллы di Quaracchi: Un mercante fiorentino, 1881 (nozze) стр. 22—80.

Глава VIII.

Празднества.

При разсмотрѣнїи общественной жизни Италїи мы не безъ серьезныхъ основанїй обратимъ вниманїе на различнаго рода праздничныя торжества съ сопровождавшими ихъ церемонїями и представленїями ¹⁾.

Особенности итальянскихъ празднествъ. Искусство и великолѣпіе, проявляемая итальянцами во всѣхъ такихъ случаяхъ ²⁾ не могли быть достигнуты иначе, какъ благодаря той же совмѣстной жизни и дѣятельности всѣхъ сословїй, составлявшимъ фундаментъ итальянской общественности вообще. На сѣверѣ монастыри, дворы и городскїя сословія также имѣли свои спеціальныя празднества и представленїя, какъ въ Италїи, но эти торжества различались между собою по стилю и содержанию, тогда какъ въ Италїи извѣстная общность образованїя и пониманїя искусствъ придавали этимъ праздникамъ общій высоко-художественный характеръ. Декоративная архитектура играла въ этомъ отношенїи большую роль и заслуживаетъ занять страницу въ исторїи искусствъ, хотя она и представляется намъ пока только какъ нѣчто фантастическое, на основанїи разбросан-

¹⁾ Къ слѣдующей части ср. I. Burkhardt Geschichte der Renaissance in Italien. (Stuttgart. 1868) стр. 320—332).

²⁾ Ср. гл. 4-я, гдѣ выясняется, почему роскошь представленїй должна разсматриваться, какъ препятствїе дальнѣйшему развитію драмы.

ныхъ всюду описаній. Насъ здѣсь занимаетъ пока лишь праздникъ самъ по себѣ, какъ особенный моментъ народной жизни, когда религиозные, нравственные и поэтическіе идеалы народа принимаютъ осязательную форму. Итальянское празднество въ своемъ лучшемъ проявленіи представляетъ настоящій переходъ отъ повседневной жизни къ искусству.

Первоначально главнѣйшими видами праздничныхъ представленийъ являются здѣсь, какъ и вездѣ на Западѣ, мистерія, т. е. сценическое изображеніе разсказа изъ священной исторіи и легендъ, а затѣмъ процессія, т. е. торжественное шествіе по случаю какого нибудь событія церковнаго характера. Въ Италіи прежде всего представленіе мистерій отличалось въ общемъ большимъ, чѣмъ гдѣ либо, разнообразіемъ сюжетовъ, пышностью и вкусомъ, благодаря параллельному развитію образовательныхъ искусствъ и поэзіи. Далѣе изъ этихъ представленийъ вырабатывается не только „шутка“ и свѣтская драма вообще, какъ на остальномъ Западѣ, но и пантомима съ пѣніемъ и балетомъ, при весьма богатой обстановкѣ.

Процессіи въ итальянскихъ городахъ обусловливаются прежде всего особенными удобствами, благодаря расположенію города на ровномъ мѣстѣ и широкимъ прекрасно мощеннымъ улицамъ; такимъ образомъ здѣсь возникаетъ такъ называемый „trionfo“, т. е. процессія костюмированныхъ людей въ экипажахъ и пѣшкомъ, сперва болѣе духовнаго, а затѣмъ все болѣе и болѣе свѣтскаго содержанія. Процессія въ праздникъ Тѣла Господня ¹⁾ и шествіе во время карнавала отличались одинаковою пышностью, заимствованной затѣмъ при торжественныхъ вѣздахъ государей.

И другіе народы въ подобныхъ случаяхъ не жалѣли издержекъ для достиженія возможно большихъ эффектовъ, но только въ Италіи процессіи были проникнуты всегда сознательнымъ искусствомъ и производили такимъ образомъ осмысленное, цѣльное представленіе.

¹⁾ Праздникъ тѣла Христова въ Венеціи установленъ съ 1407 г. Cecketti, Venezia, e la corte di Roma I, 108.

То, что сохранилось до сихъ поръ изъ всего этого великолѣпія, можетъ назваться только жалкимъ остаткомъ. Церковныя процессіи и торжественныя въѣзды королей потеряли почти весь сценическій эффектъ, изъ опасенія вызвать насмѣшку, и потому, что образованные классы, нѣкогда ревностно относившіеся къ этому хламу, по многимъ причинамъ не могутъ теперь всѣмъ этимъ интересоваться. Даже маскарадныя процессіи во время карнавала выходятъ изъ употребленія. Если что еще осталось въ обычаѣ, какъ, на примѣръ, иногда духовныя маски во время процессій различныхъ братствъ, то и здѣсь даже знаменитый праздникъ Св. Розаліи въ Палермо явно свидѣтельствуетъ о томъ, на сколько эти вещи чужды теперь образованнымъ классамъ.

Но настоящій расцвѣтъ праздничныхъ церемоній начинается только со времени побѣды новыхъ идей въ XV вѣкѣ ¹⁾, причемъ Флоренція на этотъ разъ также опередила остальную Италію. По крайней мѣрѣ, здѣсь мы видимъ очень рано уже дѣленіе города на кварталы для устройства публичныхъ представленій, требующихъ сложныхъ приготовленій и значительныхъ издержекъ. Таково, на примѣръ, изображеніе картинъ ада на особомъ помостѣ и баркахъ на рѣкѣ Арно 1 мая 1304 года, когда подъ зрителями обрушился мостъ alla Carraja ²⁾.

Кромѣ того указаніемъ на особое преимущество Флоренціи въ этомъ отношеніи служитъ то, что флорентійцы развѣзжали по всей Италіи въ качествѣ устроителей, *festaiuoli* такихъ празднествъ ³⁾.

¹⁾ Празднества по случаю возвышенія *Visconti* въ санъ герцога Миланскаго въ 1395 г. (*Corio fol. 274*) при всемъ своемъ великолѣпнн носятъ еще довольно грубый средневѣковый характеръ и драматическій элементъ здѣсь совершенно отсутствуетъ. Ср. относительную малозначительность процессій въ Павіи въ 14 в. (*Anonymus de laudibus Papiae*, см. *Murat. XI, Col. 34 u. d.*).

²⁾ *Giov. Villani, VIII, 70.*

³⁾ Ср., на примѣръ, *Infessura—Eccard Scriptt. II, Col. 189б.—Corio fol. 417, 421.*

Если мы хотимъ теперь опредѣлить главнѣйшія преимущества итальянцевъ въ характерѣ празднествъ, въ сравненіи съ другими народами, то на первомъ планѣ увидимъ тяготѣніе законченной личности къ изображеніямъ индивидуальнаго характера; отсюда вытекаетъ особое искусство придумать характерную маску, носить ее и соотвѣтственно этому дѣйствовать. Художники принимали при этомъ участіе въ качествѣ живописцевъ и скульпторовъ не въ однѣхъ только декораціяхъ но также въ костюмировкѣ участвующихъ въ гримировкѣ (стр. 96 f. g.) и въ прочихъ приготовленияхъ. Далѣе различіе заключается также въ распространенности пониманія поэтической сущности. Въ отношеніи мистерій мы встрѣтили такое пониманіе почти вездѣ и на Западѣ, такъ какъ содержаніе библейскихъ исторій и легендъ знакомо всѣмъ, но во всемъ прочемъ преимущество на сторонѣ Италии. Для произнесенія вслухъ монологовъ священнаго или свѣтскаго идеальнаго содержанія въ ея распоряженіи была благозвучная лирическая поэзія, способная увлечь одинаково большого и малаго ¹⁾. Далѣе „зрители въ большихъ городахъ“ большею частью понимали значеніе мифологическихъ фигуръ и сравнительно съ другими народами скорѣе могли угадать аллегорическіе и историческіе намеки, относившіеся къ явленіямъ, извѣстнымъ широкому кругу образованныхъ людей.

Аллегорія и ея примѣненіе. Это обстоятельство требуетъ ближайшаго опредѣленія. Всѣ средніе вѣка представляютъ наклонность къ аллегоріи въ преимущественномъ смыслѣ; теологія и философія разсматривали свои категоріи, какъ самостоятельныя существа ²⁾; искусство и поэзія не затруднялись, повидимому, дополнить олицетвореніе, если представлялась въ этомъ надобность. Всѣ западныя страны стоятъ въ этомъ отношеніи на одной ступени; онѣ легко создаютъ образы изъ міра своей фантазіи, но внѣшность и

¹⁾ Діалогъ въ мистеріяхъ преимущественно въ октавахъ, монологъ въ терціахъ.

²⁾ Реализмъ схоластиковъ не идетъ въ расчетъ. Уже въ 970 г. Вибольдъ, епископъ въ Кембри, рекомендовалъ своимъ подчиненнымъ вмѣсто игры въ кости другую, требующую нѣкотораго умственнаго напряженія, въ которой играютъ роль 56 названій отвлеченныхъ предметовъ. Срв. Gesta episcoporum Camerac. in Mon-Germ. SS. VII, стр. 433.

аттpибуты при этомъ въ большинствѣ случаевъ носятъ загадочный характеръ, недоступный общему пониманію. То же самое мы видимъ часто въ Италіи въ теченіе всей эпохи возрожденія и еще гораздо позже. Даже Данте не свободенъ отъ такихъ ложныхъ представлений ¹⁾ и, какъ извѣстно, ставитъ себѣ въ заслугу иногда неясность аллегоріи ²⁾. Петрарка въ своихъ „Тpіумфахъ“ старается, по крайней мѣрѣ, изобразить ясно, хотя въ отрывочныхъ чертахъ Любовь, Цѣломудріе, Смерть, Голодь и т. д. Другіе, напротивъ, обременяютъ свои аллегорическія фигуры совершенно негодными аттpибутами. Въ сатирахъ Винчигуэра, напримѣръ ³⁾, зависть изображается съ „жесткими желѣзными зубами“, прозорливость — кусающей свои губы, съ взѣрошенными волосами — послѣднее по всей вѣроятности, должно указывать на равнодушіе ко всему, кромѣ ѣды. Мы не станемъ здѣсь распространяться о томъ, какъ это недоразумѣніе должно было отразиться на образовательныхъ искусствахъ. Эти послѣднія, какъ и поэзія, могутъ считаться счастливыми, если аллегорія представлялась въ мифологическомъ образѣ, далеко отъ абсурда, благодаря древней художественной формѣ, если символомъ войны служилъ Марсъ, символомъ охоты — Діана ⁴⁾ и т. д.

Но въ искусствѣ и въ поэзіи встрѣчались также и болѣе удачныя аллегоріи и такого рода аллегорическіе образы, фигурировавшіе въ праздничныхъ итальянскихъ процессіяхъ, убѣждаютъ насъ въ томъ, что публика требовала ясныхъ и говорящихъ характеристикъ, къ пониманію которыхъ она была достаточно подготовлена тогдашнимъ образованіемъ.

1) Сюда надо отнести, напримѣръ, то, что онъ создаетъ картины изъ метафоръ, или, когда у входа въ адъ средняя треснувшая ступень означаетъ разорванное сердце (Purgat. IX, 97), или когда (Purgat XVIII, 94) лѣнницы искупаютъ свой порокъ на томъ свѣтѣ верховой ѣздой, и въ то же время послѣдняя можетъ служить также эмблемой бѣгства.

2) Inferno IX, 61. Purgat. VIII, 19.

3) Poesie satiriche, ed. Milan. (808 стр. 70).

4) Послѣднее, напр. въ Venatio, авторъ кардиналъ Adriano da Corneto, напис. 1504 изд. въ свѣтъ послѣ смерти Александра VI 1505. Ascanio Sforza утѣшается охотой послѣ паденія своего дома. Впрочемъ, здѣсь-же Діана въ связи съ Асканіемъ (такъ назывался также сынъ Энея) скорбитъ о паденіи боговъ, какъ это ни странно въ устахъ благочестиваго кардинала.

Въ другихъ странахъ, какъ напимѣрь при Бургундскомъ дворѣ, часто предпочитались непонятныя аллегоріи и отвлеченные символы, такъ какъ гордость многихъ заключалась въ томъ, чтобы похвастать передъ другими своимъ пониманіемъ или даже только казаться понимающими. Во время знаменитаго праздника *Fasanengelübde* 1454 ¹⁾ прекрасная молодая наѣздница, играющая роль королевы радостей, представляетъ собой единственную пріятную аллегорію; огромныя фигуры автоматовъ и живыхъ людей представляютъ или только игрушку, пустую забаву или же натянутую мораль. Фигура голой женщины и стерегущій ее живой левъ должны были изображать Константинополь и его будущаго спасителя герцога Бургундскаго. Все остальное, за исключеніемъ одной пантомимы (Язона въ Колхидѣ), представляется или черезъ-чуръ глубокомысленнымъ или совсемъ бессмысленнымъ; рассказчикъ, описывающій этотъ праздникъ (Оливье), является тоже костюмированнымъ въ башнѣ на спинѣ слона, ведомаго великаномъ, и въ длинной пѣснѣ жалуется на побѣду невѣрныхъ, что должно изображать Церковь ²⁾.

Но превосходство итальянцевъ заключалось главнымъ образомъ не въ томъ, что они проявили больше вкуса и не въ аллегоріяхъ итальянскихъ стихотвореній. Главнѣйшее преимущество и при томъ преимущество въ особенности для выдающихся поэтовъ и художниковъ, умѣвшихъ имъ воспользоваться—заключалось въ томъ, что въ Италіи распространено было знакомство не только съ различными олицетвореніями явленій жизни, но и съ историческими представителями такого рода явленій, такъ какъ итальянцы давно привыкли къ цѣлому ряду именъ въ поэтическихъ произве-

¹⁾ Ср. Olivier de la Marche, *memoires* chap. 29.

²⁾ Другія французскія празднества см., напр. *Juournal des Ursins* (Paris, 1614) — Jean de Troyes (много разъ повторенное изданіе) 1461 (Въѣздъ Людов. XI). И здѣсь нѣтъ недостатка въ летательныхъ машинахъ, живыхъ статуяхъ и т. п., но все это пестрѣе, менѣе связано и аллегоріи большею частью необъяснимаго происхожденія.—Въ особенности разнообразны и пестры празднества въ Лиссабонѣ 1452 при отъѣздѣ инфантины Элеоноры, въ качествѣ невѣсты императора Фридриха III. См. Freyer-Struve. *Rer. Germ. Scriptores* II, fol 51, донесеніе Nicolaus Laukmann'a.

деніяхъ и въ художественномъ изображеніи. Божественная Комедія, „Тріонфи“ Петрарки, „Любовное видѣніе“ Боккаччо—все это произведенія, основанныя на безчисленныхъ олицетвореніяхъ; кромѣ того, широкое распространеніе классической образованности также знакомило итальянцевъ съ этимъ историческимъ элементомъ, и вотъ мы видимъ, какъ эти образы являются на сцену и принимаютъ участіе въ праздничныхъ процессіяхъ, индивидуализированныя, въ видѣ опредѣленныхъ масокъ или по меньшей мѣрѣ въ видѣ группъ, представлявшихъ характерную свиту какой нибудь главной или центральной аллегорической фигуры.

Постановка мистерій. Скажемъ сперва о мистеріяхъ—этомъ быть можетъ древнѣйшемъ изъ всѣхъ родовъ представленій ¹⁾. Въ общемъ онѣ однородны съ такого же рода представленіями во всей Европѣ; здѣсь также воздвигаются большіе помосты на площадяхъ, въ церквахъ и на пути крестныхъ ходовъ; верхняя часть подмостковъ изображаетъ закрывающійся сверху рай, въ нижней части помѣщался адъ, а между ними собственно сцена, на которой изображались земныя происшествія, входившія въ составъ представленія; и здѣсь также библейская или легендарная драма начиналась нерѣдко съ теологическаго діалога между апостолами, отцами церкви, пророками, Сибиллами и Добродѣтелями, даже ангелами и діаволами и кончалась при извѣстныхъ обстоятельствахъ танцемъ. Само собой разумѣется, что и въ Италіи не было недостатка при этомъ въ полукомическихъ интермеццо, съ участіемъ вводныхъ дѣйствующихъ лицъ, но этотъ элементъ не выдвигался здѣсь такъ рѣзко, какъ на сѣверѣ. Поэтому въ Италіи рѣдко случается такого рода сцена, какъ въ Сіенѣ, гдѣ одна мистерія въ церкви, изображая избіеніе дѣтей въ Вифлеэмѣ, кончается тѣмъ, что несчастныя матери хватаютъ другъ друга за волосы ²⁾. Фео Белькари, одинъ изъ знаменитѣйшихъ авторовъ

¹⁾ Ср. Bartol. Gamba, Notizie intorno alle opere di Feo Belcari. Milano 1808 и въ особенности введене къ соч.: le rappresentazione di Feo Belcari ed altre di lui poesie, Firenze 1833 г.—Въ паралель къ этому введене библиофила Jacob'a къ его изданію „Pathelin“ Парижъ 1859 г. (Мистерія вообще—изображеніе библейскихъ сюжетовъ, большою частью символическаго характера).

²⁾ Della Valle, lettere sanesi, III стр. 58.

библейскихъ драмъ (ум. 1484) считаетъ своей главнѣйшей задачей освобожденіе мистерій отъ такихъ плевелъ. Летаніе вверхъ и внизъ на искусственныхъ машинахъ, составлявшее главную прелесть всѣхъ такихъ зрѣлищъ, пользовалось въ Итали, вѣроятно, большимъ распространеніемъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. И у флорентійцевъ въ XIV вѣкѣ уже были въ ходу различныя шутки въ тѣхъ случаяхъ, когда эти полеты не удавались ¹⁾. Вскорѣ затѣмъ Брунелеско придумалъ для праздника Благовѣщенія необыкновенно искусный аппаратъ, развлекавшій народъ на площади Санъ-Феличе. Двѣ гирлянды ангеловъ поддерживали земной шаръ, съ котораго спускался Гавріилъ на особой лодочкѣ, приводившейся въ движеніе машиной. Чекка также придумывалъ разные планы и механизмы для такихъ праздниковъ ²⁾. Духовныя братства, бравшія на себя заботы и нерѣдко все устройство представлений, пользовались обыкновенно всѣми возможными художественными приѣмами, не щадя издержекъ, на сколько позволяли средства, въ особенности, конечно, въ большихъ городахъ. То же самое, повидимому, можно сказать о тѣхъ случаяхъ когда мистеріи исполнялись на ряду съ свѣтскою драмой и пантомимой во время большихъ праздниковъ, устраиваемыхъ городами или владѣтельными лицами. При дворѣ Пьетро Риаріо (т. I стр. 129), а также Феррарскомъ и другихъ, безъ сомнѣнія, не скупились на такого рода пышныя представленія ³⁾; въ Палермо, правда, въ 1580 году представленіе легенды Св. Екатерины стоило восемь тысячъ скуди ⁴⁾. Въ Римѣ, въ страстную пятницу давалось представленіе на средства богатыхъ гражданъ, отличавшееся не-

¹⁾ Franco Sacchetti, Nov. 72.

²⁾ Vasari III, 232 и д. Vita di Brunellesco V, 36 и д. Vita del Cecca. Срв. V, 52 Vita di Don Bartolommeo.

³⁾ Arch. Stor. Append. II стр. 310. Мистерія посвященная Св. Дѣвѣ Маріи въ Феррарѣ во время свадьбы Alfonso, съ различными летательными снарядами и фейерверкомъ. Представленіе у кардинала Riario (Сусанна, Іоаннъ Креститель, Легенда) см. Corio, fol. 417. Мистерія Константина Великаго въ папскомъ дворцѣ, во время карнавала 1484 г. см. Jac. Volaterran. Murat. XXIII, Col. 194. Исполнитель главныхъ роли былъ генузецъ, рожденный и воспитанный въ Константинополѣ.

⁴⁾ Dramm. rapress. di Sicilia, ed. G. di Marzo, Palermo 1876, II, стр. VI и слд. 1—153.

обыкновенною роскошью, судя по описанію одного изъ нѣмецкихъ пилигримовъ; при этомъ изображалось „страданіе Христа“; эта мистерія ¹⁾ представлялась ежегодно въ страстную пятницу до 1525 г., затѣмъ съ промежутками и въ 1539 г. въ послѣдній разъ. Мы можемъ себѣ представить въ извѣстной мѣрѣ великолѣпіе такого представленія на прекрасной площади большого города, окруженной превосходными зданіями, колоннами дворцовъ, башнями монастырей со всѣми декораціями архитектуры того времени, съ украшенной коврами и зеленью сценой, роскошью костюмовъ и талантливими исполнителями ролей. Но какъ свѣтская драма теряла въ своемъ врутреннемъ содержаніи отъ того, что все вниманіе сосредоточивалось на аксесуарахъ и постановкѣ, такъ точно неумѣренность въ этомъ отношеніи вредила внутреннему содержанію мистерій. Въ сохранившихся съ того времени текстахъ мы видимъ обыкновенно весьма скудную драматическую основу и только мѣстами лирическія и риторическія красоты, но не встрѣчаемъ вовсе того величественнаго символическаго полета, какимъ отличаются Кальдероновскія „Autos Sagramentalos“.

Гораздо сильнѣе впечатлѣніе производила иногда духовная драма въ маленькихъ городахъ при скудной обстановкѣ. Одинъ изъ тѣхъ знаменитыхъ проповѣдниковъ покаянія ²⁾, о которыхъ мы будемъ говорить въ концѣ книги, Роберто да Лечче, закончилъ рядъ своихъ проповѣдей въ

¹⁾ La passione di Christo in gime volgari впервые напечатано 1500, вновь издано G. Amati, 1886.—Авторы—двое римлянъ Mariano Particarpa и Bernardo di Maestro Antonio, а также флорентинецъ Giuliano Dati.—Harff (см. С. Meyer, Studie) въ своемъ описаніи обращаетъ особое вниманіе на то, что все представлено было живыми людьми, отсюда слѣдуетъ, очевидно, что не всегда такъ было. Въ Перуджии, напримѣръ, въ 1448 году, при изображеніи Голгофы, несъ крестъ челоуѣкъ, изображавшій Христа, но за тѣмъ на крестѣ находилась задрапированная фигура. (Archivio storilo italiano, XVI, App. стр. 599). Ср. также Frankf. Archiv III, 136, Kantzow, Pomerania II, 463. Въ изображеніи страстей, описанномъ Kantzow'ымъ, говорится, какъ актеръ, изображавшій Христа, упалъ дѣйствительно мертвымъ, оттого что копье поразило его въ сердце, вмѣсто находившагося на немъ мѣшка съ кровью; при паденіи онъ сшибъ съ ногъ и другого актера, изображавшаго Марію, при чемъ и этотъ поплатился жизнью. Къ сожалѣнію, у насъ еще мало достовѣрныхъ извѣстій объ этомъ предметѣ вообще.

²⁾ Graziani, Cronaca di Perugia, Arch. stor. XVI, I стр. 598 и д.

посту въ 1448 г., во время чумы въ Перуджіи, представленіемъ страстей Господнихъ въ страстную пятницу; въ этой мистеріи было очень мало дѣйствующихъ лицъ, но тѣмъ не менѣе весь народъ громко рыдалъ. Правда въ такихъ случаяхъ употреблялись средства, отличавшіяся самымъ грубымъ реализмомъ. Мы видимъ здѣсь параллель къ картинамъ Матеа да Сиена и къ лѣпнымъ произведеніямъ Гвидо Маццони; авторъ, изображающій самъ Христа, выступаетъ на сцену, покрытый ранами, кровавымъ потомъ и даже истекая кровью изъ раны въ боку¹⁾. Но при этомъ просыпались и другія страсти. Такъ въ Римѣ мистерія (стр. 142 прим. 2-е) въ которой евреи являются виновниками смерти Христа, кончается такимъ эпилогомъ: „Пусть же они знаютъ, что погибель обрушится на нихъ и дѣтей ихъ и весь народъ.“ Эти слова приводили зрителей въ такое настроеніе, что они начинали бросать камнями въ исполнителей ролей, а затѣмъ, по окончаніи пьесы, прежде чѣмъ разойтись по домамъ иногда охлаждадали немножко свои чувства избіеніемъ римскихъ евреевъ²⁾.

Поводы къ мистеріямъ. Помимо извѣстныхъ церковныхъ праздниковъ, вѣнчанія владѣтельныхъ лицъ и т. п. бывали еще различные поводы для представленія мистерій. Такъ, на примѣръ, когда папа объявилъ Бернардино изъ Сиены святымъ, устроено было, вѣроятно на большой площади его роднаго города, нѣчто въ родѣ сценическаго изображенія канонизаціи³⁾. И два дня весь городъ праздновалъ это событіе, причемъ кормили и поили весь народъ. Или, на примѣръ, ученый монахъ празднуетъ свое возвышеніе въ санъ доктора теологіи представленіемъ легенды о патронѣ города⁴⁾. Едва только король Карлъ VIII вступилъ въ Ита-

1) Graziani, далѣе Пій II comment. L. VIII стр. 383, 386. Поэзія 15 в. также часто впадаетъ въ этотъ же тонъ. Канцона Andrea da Basso описываетъ подробно разложеніе трупа жестокосердной возлюбленной. Въ одной монастырской драмѣ XII в. изображалось на сценѣ, какъ Ирода поѣдаютъ черви. Carmina Virgana стр. 80. Въ параллель къ этому можно указать нѣкоторыя нѣмецкія драмы XVII в.

2) Gregorovius, kleine Schriften III, 188 . . .

3) Allegretto, Diarii Sanese, см. Murat XXIII, Col. 767.

4) Matarazzo, Arch. stor. XVI, II, стр. 36. Монахъ предпринималъ путешествіе въ Римъ, чтобы изучить подготовку праздника.

лію, какъ вдовствующая герцогиня Савойская—Бланка встрѣчаетъ его въ Туринѣ полу-духовной пантомимой¹⁾, причѣмъ сперва представлена была пастушеская сцена „Законъ Природы“, даже процессія патриарховъ должна была изображать законъ милосердія, а затѣмъ слѣдовали рассказы Ланцелота о морѣ и „объ Авинахъ“. Какъ только король достигъ Кіери, его ожидали тамъ съ пантомимой на евангельскій сюжетъ.

Но ни одно торжество не могло сравниться съ празднествомъ тѣла Господня, такъ какъ въ этотъ день усердіе различныхъ классовъ проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Въ Испаніи къ этому празднику приурочивался специальный родъ поэзіи. Пій II оставилъ намъ превосходное описаніе одного такого празднованія *Congrus Domini* въ Италіи, а именно въ Витербо въ 1462 г., въ его присутствіи²⁾. Прежде всего мы видимъ здѣсь торжественную процессію по всей главной улицѣ города отъ роскошнаго, колоссальныхъ размѣровъ шатра раскинутаго передъ часовней Св. Франциско, до соборной площади. Но даже эта процессія въ значительной мѣрѣ теряла значеніе, благодаря другимъ яркимъ картинамъ, приковывавшимъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Кардиналы и богатѣйшіе изъ прелатовъ подѣлили между собою весь путь, по которому процессія двигалась, и позаботились не только объ украшеніи зданій роскошными пестрыми коврами³⁾ и яркими полотнами, вѣнками и гирляндами, но настроили цѣлый рядъ подмостковъ, на которыхъ во все время процессіи непрерывно исполнялись коротенькія представленія историческаго и аллегорическаго характера. Изъ упомянутаго описанія нельзя заключить съ полной достовѣрностью, все-ли на этихъ сценахъ изображалось настоящими актерами — другими словами, живыми модами — или дѣйствующія лица замѣнялись также

1) Извлеченія изъ *Vergier et'honneur* см. Roscoe, Leone X, изд. Bozzi I, op. 220 и III, стр. 263.

2) Пій II, *Comment. L. VIII*, 382. Въ этомъ родѣ, но отличавшійся великолѣпіемъ праздникъ Тѣла Господня упоминаетъ *Bursellis. Annal. Vopon.*, См. *Murat. XXIII*, Col. 911. 1492 г. (изображ. изъ Ст. и Нов. Зав.

3) Въ подобныхъ случаяхъ должно было значить: *Nulla di migo si potea Vedere.*

задрапированными фигурами ¹⁾, но несомнѣнно, что эти представленія сопряжены были съ большими расходами и устроители не жалѣли денегъ, съ цѣлью произвести возможно большій эффектъ и ослѣпить воображеніе зрителей.

Здѣсь были представлены страданія Христа, окруженнаго поющими ангелами, тайная вечеря, въ связи съ Ѳомой Аквинскимъ, борьба архангела Михаила съ демонами, а также источникъ вина и хоръ небесныхъ ангеловъ, гробъ Господень и вся сцена Воскресенія; наконецъ на Соборной площади зрителямъ предстоялъ гробъ Маріи, открывавшійся послѣ торжественной литургіи. Вслѣдъ затѣмъ Богоматерь съ пѣніемъ выносилась на крыльяхъ ангеловъ на небо, въ райскія селенія, гдѣ ее ожидалъ Христосъ, возлагавшій на нее вѣнецъ и приводившій ее къ Богу-Отцу.

Въ ряду этихъ сценическихъ представленій, совершавшихся на главной улицѣ въ особенности выдѣлялось какъ роскошью, такъ и загадочнымъ аллегорическимъ содержаніемъ представленіе устроенное кардиналомъ — вице-канцлеромъ Родриго Борджіа—впослѣдствіи Александромъ VI ²⁾; тутъ, кстати замѣтить, помимо общаго великолѣпія, сказалося еще особое пристрастіе къ грому пушекъ ³⁾, утвердившееся въ домѣ Борджіа и не разъ повторявшееся впослѣдствіи.

Въ томъ-же году въ Римѣ происходило торжественное празднованіе по случаю приобрѣтенія въ Греціи мощей Св. Андрея, но Пій II гораздо менѣе распространяется въ этомъ описаніи и не останавливается на подробностяхъ процессіи

¹⁾ Тоже надо сказать и о другихъ подобныхъ представленіяхъ.

²⁾ Пять королей съ вооруженными спутниками, лѣсной житель, борющійся со Львомъ — послѣднее б. м. намекъ на папу (Sybvius). Стоссе думаетъ (Arch. stor. napolet. XIV, 660) что левъ не настоящій, а только фигура изъ дерева и соломы.

³⁾ Примѣры при Сикстѣ IV, Jac. Volaterran., см. Murat. XXIII, Col. 135 (bombardarum et scolorum crepitus) 139. При вступленіи Александра VI въ должность также стрѣляли изъ пушекъ. — Фейерверкъ одно изъ лучшихъ изобрѣтеній итальянцевъ, но также какъ и праздничн. декоративныя украшенія относится скорѣе къ исторіи искусствъ, чѣмъ къ настоящему изслѣдованію. — Также и торжественное зажиганіе огней; вступленіе Юлія II на папскій престолъ праздновалось въ Венеціи иллюминаціей въ теченіи трехъ дней. Brosch, Julius II, стр. 325, прим. 17.

съ привезеннымъ черепомъ. И въ этомъ празднествѣ особенно отличился дорогими развлечениями Родриго Борджіа, но въ общемъ торжество носило въ значительной мѣрѣ свѣтскій характеръ; не было недостатка въ неизбѣжныхъ поющихъ и играющихъ на инструментахъ ангелахъ, но въ то же время мы видимъ здѣсь обиліе шутовскихъ масокъ и и даже „Геркулесовъ“ или такъ называемыхъ „силачей“, удивлявшихъ зрителей необыкновенными гимнастическими упражненіями.

Представленія носившія вполнѣ или по преимуществу свѣтскій характеръ при большихъ владѣтельныхъ дворахъ рассчитаны были главнымъ образомъ на поражающее зрители великолѣпіе и разнообразіе мифологическихъ и аллегорическихъ элементовъ. Въ устройствѣ такого рода зрѣлищъ главную роль игралъ вкусъ, но кромѣ того принималось въ соображеніе также, что внутренній смыслъ аллегоріи долженъ быть удобопонятенъ и разгадыванье сюжетовъ не должно утомлять зрителей. Въ такихъ представленіяхъ не было недостатка въ преувеличеніяхъ и стараніяхъ поразить воображеніе оригинальностью и различными необычайными предметами, на примѣръ исполинскими фигурами животныхъ, изнутри которыхъ внезапно выбѣгаетъ толпа масокъ; такъ мы видимъ при вѣздѣ герцога въ Сиену¹⁾ и торжественномъ приѣмѣ его городомъ въ 1465 г., какъ изъ чрева огромной золоченой волчицы появляется цѣлый балетъ изъ двѣнадцати танцовщицъ; въ обычаѣ были также столовыя украшенія изъ огромныхъ фигуръ, достигавшихъ иногда, какъ мы видѣли выше, у герцога Бургундскаго, исполинскихъ размѣровъ; въ общемъ всему этому старались придать художественный и поэтический характеръ. Въ главѣ IV мы указали уже на смѣшеніе драмы съ пантомимой при Феррарскомъ дворѣ. Широкою извѣстность пріобрѣли празднества, устроенныя кардиналомъ

¹⁾ Allegretto, см. Murat. XXIII, Col. 772. — Срв. кромѣ того Col. 770, приѣмъ Піа II, 1459: представленъ хоръ ангеловъ, или рай; ангель привѣтствуетъ папу пѣсней: *in modo che il papa si commosse a lagrime per gran tenerezza di si dolci parole.* — Представленія въ Венеціи: 1459, срв. Archiv. stor. lomb. XX, 960.

Пьетро Риарио въ Римѣ, въ 1473 г., при проѣздѣ Ліаноры Аррагонской, предназначенной въ невѣсты принцу Эрколе Феррарскому¹⁾. Драматическія произведенія исполнявшіяся на подмосткахъ въ сущности не что иное, какъ мистеріи съ церковнымъ содержаніемъ, а пантомимы, напротивъ, носятъ мифологическій характеръ; такъ, въ послѣднихъ можно было видѣть Орфея въ кругу звѣрей, Персея и Андромеду, Цереру везомую драконами, Вакха и Ариадну въ колесницахъ запряженныхъ пантерами, далѣе, воспитаніе Ахилла, балетъ, въ которомъ принимали участіе популярнѣйшія любовныя пары древнѣйшихъ временъ и хоровыхъ нимфъ; эти танцы прерывались вдругъ нападеніемъ алчныхъ центавровъ, въ свою очередь побѣждаемыхъ Геркулесомъ, который вынуждаетъ ихъ бѣжать. Кстати, замѣтимъ подробность незначительную, но характерную для того времени, какъ примѣръ отношенія къ внѣшнихъ формамъ: на всѣхъ большихъ праздникахъ во дворцахъ принято было помѣщать живыхъ людей въ видѣ статуй въ нишахъ и на столбахъ, но въ соотвѣствующихъ одеждахъ или росписанныхъ красками, если они оставались голыми, такъ какъ они потомъ должны были оживать съ пѣніемъ и декламаціей; въ залахъ кардинала Риарио, впрочемъ, находился однажды живой мальчикъ весь вызолоченный и разбрасывалъ вокругъ себя струйки воды, изображая источникъ²⁾.

Цѣлый рядъ блестящихъ пантомимъ въ томъ же родѣ данъ былъ въ Болоньѣ, по случаю бракосочетанія Аннибала Бендивольо съ Лукреціей д'Есте³⁾, здѣсь хоры пѣвцовъ замѣняли оркестры, аккомпанируя дѣйствию; между прочимъ изображалось, какъ прекраснѣйшая изъ нимфъ въ Діаниной свитѣ перебѣгаетъ къ Юнонѣ; далѣе Венера со львомъ— не настоящимъ, а замаскированнымъ человѣкомъ въ львиной шкурѣ—принимала участіе въ балетѣ, окруженная тан-

1) Срв. прилж. XCIV.

2) Vasari IX, стр. 37, Vita di Puntormo, рассказываетъ о томъ, какъ въ 1513 г. на одномъ такомъ празднествѣ во Флоренціи, мальчикъ, изображавшій статую и позолоченный умеръ отъ напряженія, а можетъ быть и отъ самой позолоты. Несчастный ребенокъ изображалъ „золотой вѣкъ“.

3) Phil. Beroldi: nuptiae Bentivolorum, см. Orationes Ph. B. Paris, 1492 e. 3 f. Описаніе прочихъ торжествъ по случаю этой свадьбы представляетъ также большой интересъ.

цующими дикими людьми; декорация при этомъ представляла натуральное изображеніе лѣсной чащи. Въ Венеціи въ 1493 г. праздновалось присутствіе герцогинь Ліаноры и Беатриче д'Эсте, при чемъ на водѣ происходило состязаніе гребцовъ, а во дворѣ палаццо дожей разыгрывалась великолѣпная пантомима „Мелеагръ“ ¹⁾.

Въ Миланѣ празднествами герцога и нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ вельможъ руководилъ Леонардо да Винчи ²⁾; одна изъ его машинъ могла съ успѣхомъ конкурировать съ машинами Брунелеско—она изображала въ грандіозныхъ размѣрахъ всю планетную систему въ полномъ движеніи; каждый разъ, когда одна изъ планетъ (въ видѣ шара) приближалась къ невѣстѣ молодого герцога, Изабеллѣ, изъ нея выходилъ соотвѣтствующій богъ ³⁾ и произносилъ стихотвореніе, сочиненное придворнымъ поэтомъ Берн. Беллинчioni (1489).

На другомъ праздникѣ (1493) передъ зрителями парадировала между прочимъ модель конной статуи Франческо Сфорца со всѣми атрибутами подъ триумфальной аркой на дворцовой площади, какъ она и была потомъ воздвигнута на самомъ дѣлѣ. Далѣе, отъ Вазари мы знаемъ о томъ, какъ много Леонардо да Винчи проявлялъ остроумія въ изобрѣтеніи различныхъ автоматовъ для торжествъ, по случаю приѣма французскаго короля въ Миланѣ, въ качествѣ государя этой провинціи ⁴⁾. И въ маленькихъ, сравнительно, городахъ нерѣдко напрягались всѣ усилія въ подобныхъ случаяхъ, стараясь не отстать отъ другихъ. Такъ, когда герцогъ Борзо (т. I гл. V) явился въ Реджіо ⁵⁾, чтобы

¹⁾ Beatrice описываетъ празднованіе сама въ письмахъ къ мужу (Lud. Moro), опубликованныхъ E. Motta, Giorn. Stor. della lett. ital. VII, 386. По адресу Л. М. расточалось много лести, какъ упрочившему миръ.

²⁾ Amoretti, Memoire etc. su Lionardo da Vinci, стр. 38.

³⁾ Какъ далеко проникла астрологія и какое мѣсто занимала въ празднествахъ, видно изъ описаній, хотя и неясныхъ, шествія планетъ при встрѣчѣ царственныхъ невѣстъ въ Феррарѣ. Diario Ferrarese, см. Murat. XXIV, Col. 248 ad. a. 1473; Col. 282 ad. a. 1491. — Тоже въ Мантуѣ. Arch. stor. append. II, стр. 233.

⁴⁾ Объ этомъ и подобныхъ праздникахъ срв. Giannini, Propugnatore N. S. VI, 1 стр. 226.

⁵⁾ Annal. Estens., Murat. XX, Col. 486. Описаніе неясно и напечатано по сомнительному источнику.

принять выраженія покорности, его встрѣтили у воротъ города огромной машиной, изображавшей Св. Просперо, покровителя города, парящаго въ воздухѣ подъ сѣнью балдахина, поддерживаемаго ангелами. Нѣсколько ниже на вращавшемся кругу восемь ангеловъ играли на музыкальныхъ инструментахъ; затѣмъ, два изъ нихъ должны были отдѣлиться и просить у патрона скипетръ и ключи отъ города съ тѣмъ, чтобы передать ихъ герцогу; послѣдняя церемонія сопровождалась рѣчами, въ которыхъ ангелы и святые высказывали различную хвалу герцогу. Далѣе слѣдовалъ помостъ, подвигавшійся впередъ какъ-бы самъ собой, при помощи искусно скрытыхъ лошадей; на этомъ помостѣ находился пустой тронъ, а за нимъ стояла Юстиція съ служителемъ — геніемъ; по угламъ находились четыре сѣдыхъ законодателя, окруженныхъ шестью ангелами со знаменами; по обѣ стороны помоста находились сопровождавшіе его всадники въ латахъ, также со знаменами. При этомъ само собою разумѣется, что какъ геній, такъ и сама богиня должны были также привѣтствовать герцога рѣчами.

Второй помостъ или колесница, запряженная, повидимому—судя по описанію—единорогомъ, везла богиню Милосердія съ зажженнымъ факеломъ. При такомъ рѣдкомъ торжествѣ нельзя было также отказать себѣ въ особомъ удовольствіи въ античномъ вкусѣ — мы разумѣемъ корабль движимый скрытыми людьми. Всѣ эти колесницы двигались впереди, по пути слѣдованія герцога; передъ церковью Св. Петра шествіе останавливалось; отъ фасада церкви отдѣлялся самъ Св. Петръ и спускался внизъ, въ сопровожденіи двухъ ангеловъ, окруженный сіяніемъ; онъ возлагалъ на голову герцога лавровый вѣнокъ и затѣмъ снова уносился вверхъ ¹⁾).

Но духовенство позаботилось на этотъ разъ еще объ одной, чисто церковной аллегоріи: на двухъ колоннахъ находились изображенія „язычества“ и „вѣры“ въ истинномъ смыслѣ; послѣ того какъ послѣдняя, въ видѣ прекрасной дѣвушки, произнесла свое привѣтствіе—первая колонна об-

1) Веревки, управлявшія движеніями машины, были прикрыты гирляндами цвѣтовъ.

рушивалась вмѣстѣ съ изображеніемъ. Далѣе, герцога встрѣчалъ Цезарь и представлялъ ему семь прекрасныхъ женщинъ изображавшихъ добродѣтели, которыхъ герцогъ долженъ былъ стараться достигъ. Наконецъ процессія приближается къ собору, но это еще не все. По окончаніи торжественнаго богослуженія герцогъ занимаетъ мѣсто на золотомъ тронѣ передъ соборомъ и здѣсь снова проходитъ передъ нимъ значительная часть упомянутыхъ масокъ и аллегорическихъ фигуръ съ привѣтствіями и хвалами. Въ заключеніе съ ближайшаго зданія спускались три ангела и подъ звуки пѣсенъ вручали ему пальмовую вѣтвь, какъ символъ мира.

Рѣже давались представленія историческаго содержанія, не находящіяся въ какомъ нибудь соотношеніи съ современными событіями и происшествіями, описывающими мѣстный характеръ. Такъ, въ Миланѣ въ 1453 г. въ отсутствіе Франческо Сфорца, воевавшего тогда съ венеціанцами, на Соборной площади дано было представленіе, въ которомъ героемъ явился Коріоланъ. При этомъ изображалось, какъ онъ былъ изгнанъ изъ Рима, какъ пошелъ къ войскамъ и соединился съ ними для нападенія на Римъ и какъ только мольбы матери и супруги убѣдили его отказаться отъ осады и пощадить Римъ. „На площади воздвигнуты были сооруженія, изображавшія римскую крѣпость и вражескій станъ, а пушечные выстрѣлы заставляли зрителей переноситься въ настоящій военный лагерь“¹⁾.

Теперь обратимся къ такимъ празднествамъ, во время которыхъ движущаяся процессія играла главную роль.

Церковныя процессіи, безъ сомнѣнія, давали случай къ маскированью, съ самаго начала среднихъ вѣковъ; такъ, дѣти въ видѣ ангеловъ сопровождали Св. Причастіе, изображенія святыхъ и самыя мощи, или же въ процессіи принимали участіе дѣйствующія лица мистеріи, какъ-то Христось съ крестомъ, разбойники, распятыя съ нимъ, воины и т. п. Но съ большими церковными процессіями съ раннихъ поръ связывается уже представленіе процессіи горожанъ, вносящихъ рядъ языческихъ элементовъ, отвѣчающихъ наивнымъ

¹⁾ Письмо совѣтн. герц. Angelo Simonetta къ Франч. Сфорца 12 авг. 1453 г. Arch. Stor. Lomb. 14, 826.

воззрѣніямъ среднихъ вѣковъ. Такъ, въ особенности заслуживаетъ вниманія корабль Изиды ¹⁾, спускавшійся на воду 5 марта, какъ символъ весенняго начала движенія судовъ; мы видѣли выше, что этотъ корабль-колесница движимый людьми или лошадьми входилъ въ составъ разнаго рода праздничныхъ торжествъ, хотя его названіе *carabus navalis* осталось въ связи главнымъ образомъ съ „карнаваломъ“. Безъ сомнѣнія, такого рода корабль, всячески разукрашенный, могъ составлять предметъ любопытства и восхищенія зрителей, не думавшихъ вовсе о забытомъ символѣ; мы знаемъ, что при вѣздѣ Изабеллы Англійской съ ея женихомъ императоромъ Фридрихомъ II въ Кельнъ, на встрѣчу имъ также двигался рядъ такихъ „кораблей“ съ поющимъ духовенствомъ.

Церковная процессія могла не только пополняться различными болѣе или менѣе эффектными добавленіями, но въ иныхъ случаяхъ совершенно уступала мѣсто процессіи духовныхъ масокъ. Поводомъ къ такого рода замѣнѣ естественнымъ образомъ могло служить шествіе исполнителей мистеріи по главнымъ улицамъ города, но этому раньше еще и по другимъ причинамъ предшествовали торжественныя духовныя процессіи, носившія своеобразный характеръ. Данте рисуетъ ²⁾ триумфъ Беатриче, шествующей въ сопровожденіи 24-хъ служителей Откровенія, четырехъ мистическихъ звѣрей, трехъ христіанскихъ добродѣтелей и четырехъ добродѣтелей принадлежащихъ кардиналамъ; далѣе слѣдуютъ Св. Лука, Св. Павелъ и другіе апостолы, и все шествіе описано такъ, что приходится допустить существованіе такихъ процессій въ дѣйствительности уже въ очень раннюю эпоху. Наиболѣе доказательнымъ въ этомъ смыслѣ служить въ данномъ случаѣ колесница Беатриче, которую Данте изображаетъ великолѣпнѣе триумфальной колесницы Сципіона, Августа и даже самого Феба, тогда какъ въ воображаемомъ фантастическомъ лѣсу колесница не только представляется лишней, но прямо неестественной; развѣ только предположить, что Данте въ колесницѣ видитъ не-

¹⁾ Въ германскомъ культѣ аналогію см. Як. Гриммъ, нѣм. мифологія.

²⁾ *Purgatorio* XXIX, 43 до конца гл. и XXX, нчл.

обходимый символъ триумфа вообще, и что его поэма повела къ возникновенію такихъ процессій, при чемъ форма заимствовалась изъ описаній триумфовъ римскихъ императоровъ? Какъ-бы ни было, но мы видимъ, что и поэзія и теологія съ этихъ поръ съ особой любовью останавливаются на этой эмблемѣ. Савонаролла въ своемъ „Триумфъ Креста“ ¹⁾ изображаетъ Христа на триумфальной колесницѣ, со свѣтящимся надъ нимъ шаромъ Св. Троицы, съ крестомъ въ лѣвой рукѣ и обоими свитками завѣта въ правой; ниже помѣщается Богоматерь; впереди колесницы шествуютъ патриархи, пророки, апостолы и проповѣдники; по обѣимъ сторонамъ мученики и врачи съ открытыми книгами; позади слѣдуетъ толпа обращенныхъ, а въ нѣкоторомъ отдаленіи безчисленныя толпы враговъ, королей, рыцарей, философовъ, еретиковъ — побѣжденныхъ, при чемъ ихъ идола разбиты, а книги преданы сожженію. (Извѣстная композиція Тиціана въ видѣ рѣзбы по дереву представляетъ картину весьма близкую къ этому описанію). Изъ тринадцати элегій Сабеллико (т. I гл. VI) посвященныхъ Богоматери девятая и десятая изображаютъ въ подробностяхъ ея триумфальное шествіе, обильное аллегоріями, при чемъ это описаніе въ особенности интересно въ томъ отношеніи, что носитъ не фантастическій, а вполне реальный характеръ, какъ нельзя болѣе отвѣчающій реалистической передачѣ такого рода сценъ въ живописи XV вѣка.

Но гораздо чаще духовныхъ процессій повторялись свѣтскія „trionfi“ воспроизводимыя по образцу римскихъ императорскихъ торжествъ, какъ это можно было изучать по античнымъ рельефамъ, дополняя непосредственный примѣръ заимствованіемъ у древнихъ авторовъ ²⁾. Выше мы видѣли (т. I гл. ч. 2 гл. II) историческую точку зрѣнія итальянцевъ того времени, отражавшуюся въ разсматриваемомъ случаѣ.

По временамъ въ томъ или другомъ городѣ случалось торжественно встрѣчать въ самомъ дѣлѣ побѣдителя и

¹⁾ P. Villari, Savonarolla, перев. М. Berdushek (1868), II стр. 181—191; см. стр. 183. Срв. Ranke, Geschichte der roman. und german. Völker, 2 изд. (1874) стр. 95.

²⁾ Также Fazio degli Uberti, Il. Dittamondo особ. глава (lib. II, cap. 3) del modo del triumphare.

тогда, разумѣется, стремились приблизиться по возможности къ тому-же образцу, хотя часто противъ желанія самого виновника торжества. Франческо Сфорца обладалъ настолько характеромъ, что сумѣлъ отказаться при въѣздѣ въ Миланъ, въ 1430 г. отъ триумфальной колесницы ¹⁾, казавшейся неизбѣжной государямъ того времени. Альфонсъ Великій при въѣздѣ въ Неаполь ²⁾ въ 1443 г. отклонилъ лавровый вѣнокъ, отъ котораго, какъ извѣстно, не отказался Наполеонъ, при своемъ коронованіи въ Нотрдамѣ. Тѣмъ не менѣе въѣздъ Альфонса черезъ брешь пробитую въ стѣнѣ и процессія, сопровождавшая его черезъ весь городъ до входа въ соборъ, представляли удивительную смѣсь элементовъ античныхъ съ аллегорическими и чисто-комическими сюжетами. Колесница, на которой онъ возсѣдалъ, представляла подобіе трона; она была вся вызолочена и запряжена четырьмя бѣлыми лошадьми; двадцать патрицеевъ держали шести роскошнаго балдахина изъ золотой парчи. Принимавшіе участіе въ торжествѣ флорентійцы выставили молодыхъ всадниковъ, искусно потрясавшихъ копыями, Фортуну на колесницѣ и семь добродѣтелей, также въ видѣ всадниковъ на коняхъ. Богиня счастья ³⁾ представлена была съ волосами только спереди и съ голымъ затылкомъ, согласно модной аллегоріи того времени, которой часто подчинялись и художники, а помѣщавшійся на одной изъ нижнихъ ступенекъ колесницы геній изображалъ быструю измѣнчивость счастья и потому его ноги находились въ сосудѣ съ водой. Далѣе тѣ же флорентійцы представляли группы различныхъ народностей, въ видѣ всадниковъ,

¹⁾ Corio, fol. 401; dicendo, tali cose essere superstizioni de'Re. — Срл. Cagnola, Arch. Stor. III, стр. 127. — онъ говоритъ, что герцогъ отклонилъ изъ скромности.

²⁾ См. в. т. I. Triumphus Alphonsi, какъ прилож. къ Dicta et Facta Alfonsi, соч. Ant. Panormitanus, изд. 1538, стр. 129—139. Нѣкоторое опасеніе слишкомъ рѣзкаго триумфальнаго блеска замѣтно уже у смѣлыхъ Комненовъ. Срв. Cinnamus, Eritome rer. ab. Commenis gestarum I, 5, VI, 1.

³⁾ Только удивительной наивностью Возрожденія можно объяснить, что Фортунѣ отводилось такое мѣсто. При въѣздѣ Максимилиана Сфорца въ Миланъ (1512), она помѣщалась въ качествѣ главной фигуры надъ другими, какъ Fama, Speranza, Audazia и Penitenza — все живыя лица. Срв. Pratto Arch. stor. III, стр. 305.

одѣтыхъ въ соотвѣтствующій нарядъ, среди которыхъ находились также чужеземные князья и короли, и, наконецъ, увѣнчанный лаврами Юлій Цезарь ¹⁾ на высокой колесницѣ съ изображеніемъ вращающагося земного шара, встрѣчалъ Альфонса и въ спискахъ, написанныхъ на итальянскомъ языкѣ, объяснялъ ему всѣ аллегоріи украшавшія шествіе; вслѣдъ затѣмъ онъ въ свою очередь присоединялся къ процессіи. Шестьдесятъ флорентійцевъ въ пурпурѣ и различныхъ нарядахъ замыкали шествіе, служа какъ-бы выставкой особаго искусства и щедрости флорентійцевъ въ устройствѣ праздничныхъ торжествъ. Но этимъ процессія не ограничивалась. Вслѣдъ за флорентійцами шли пѣшкомъ каталаны съ привязанными спереди и сзади лошадиными фигурками и вели воображаемую борьбу съ турками, точно въ насмѣшку надъ флорентійскимъ великолѣпіемъ. Далѣе двигалась огромная башня, входъ въ которую охранялъ ангелъ съ мечемъ; вверху находились четыре добродѣтели, привѣтствующія короля каждая своей особой пѣсню. Все остальное въ процессіи могло отличаться также пышностью, но не представляло ничего характернаго въ какомъ либо смыслѣ.

При вѣздѣ Людовика XII въ Миланъ въ 1507 году ²⁾ кромѣ неизбѣжной колесницы съ добродѣтелями въ программѣ процессіи находилась также живая картина, а именно, Юпитерь, Марсъ и вся Италія окруженная огромной сѣтью; эта картина изображала страну покорно предающую себя въ руки королю; далѣе слѣдовала колесница, нагруженная трофеями и т. п. ³⁾.

1) Вышеописанный вѣздъ Борзо d'Есте въ Реджіо свидѣтельствуеъ о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ триумфъ Альфона во всей Италіи.

2) Prato, Arch. stor. III, p. 260. Авторъ выразительно пишетъ: *le quali cose da li triumphanti Romani se Soliano anticamente usare.* — Подробное сообщеніе Calligaris: *Atti della società ligure di storia patria XXIII* (1891), стр. 598 и у Motta, *Nozze principesche 1894*, стр. 11. На ужинѣ занято было 28 дворецкихъ и 1,200 слугъ.

3) Къ этой-же категоріи празднествъ надо причислить триумфальный вѣздъ Юлія II въ Болонью (в. стихотвореніе) 11 ноября 1506; срв. Пасторъ (по Albertini, *Paris de Grasis* и др.) III, 572. Въ этомъ случаѣ не было колесницъ, но были воздвигнуты триумфальные арки и бросались въ народъ монеты, отчеканенныя на это событіе.

Если не было повода праздновать побѣду въ дѣйствительности, въ поэтическихъ произведеніяхъ она замѣнялась вымысломъ. Петрарка и Боккачю помѣщаютъ всякаго рода знаменитостей на фонѣ аллегорическихъ картинъ; герои предшествующихъ временъ образуютъ свиту государей. Поэтесса Габріэлла изъ Губбіо воспѣла ¹⁾ такимъ образомъ феррарскаго герцога Борзо. Она дала ему въ спутницы семь королей (т. е. свободныя искусства), въ сопровожденіи которыхъ онъ вступаетъ на колесницу, за колесницей слѣдуютъ цѣлыя толпы героевъ, имена которыхъ написаны у нихъ на лбу у каждаго, для того чтобы легче было ихъ различать между собою; далѣе идутъ всѣ знаменитые поэты и, наконецъ, боги на колесницахъ. Въ то время вообще мифологія и аллегорія проникаютъ всюду и наиболѣе значительное произведеніе искусства времени Борзо, сохранившееся до нашихъ дней, а именно циклъ фресковъ во дворцѣ Шифанойя представляетъ въ значительной части этого рода содержаніе. Нерѣдки также столовыя украшенія подобнаго содержанія, безъ сомнѣнія, какъ воспоминаніе о прежнихъ маскарадахъ. Знатные люди привыкаютъ къ экипажамъ при каждомъ праздничномъ случаѣ. Аннибаль Бентивольо, старшій сынъ владѣльца Болоньи, возвращается, въ качествѣ судьи, съ одного ничѣмъ не выдѣляющагося турнира, въ колесницѣ *cum triumpho* того *romane* ²⁾. Когда Рафаэль приступилъ къ своей *Camera della segnatura*, онъ принялъ въ наслѣдство весь этотъ кругъ идей уже въ отжившей формѣ; новое пониманіе и освѣщеніе старыхъ традицій подъ его кистью останется навсегда предметомъ удивленія его генію.

Тріумфъ знаменитыхъ римлянъ.

Въ сущности тріумфальный въѣздъ побѣдителя представлялъ только исключительное явленіе, но всякое праздничное шествіе безразлично отъ того, вызывалось ли оно какимъ-нибудь торжественнымъ событіемъ или просто имѣло цѣлью развлеченіе, болѣе или менѣе принимало вышеописанный характеръ и почти всегда носило названіе *trionfo* ³⁾.

1) Ея три *Capitoli* въ терцинахъ *Anecdotta litt.* IV, стр. 46.

2) *Bursellis*, у *Murat.* XXIII, Col. 909 ad. a. 1490.

3) По случаю завоеванія Гранады 19 февраля 1493 г. послѣднее было представлено въ живыхъ картинахъ и процессіи: тріумфальный

Надо удивляться, что похоронныя процессіи не были включены въ этотъ кругъ представленій ¹⁾.

Въ особенности принято было изображать во время карнавала и въ другихъ удобныхъ случаяхъ триумфы древнеримскихъ полководцевъ. Такъ, во Флоренціи представленъ былъ триумфъ Павла Эмилія (при Лоренцо Великолѣпномъ) и затѣмъ Камилла (при посѣщеніи Флоренціи Львомъ X), при чемъ церемоніей въ томъ и другомъ случаѣ руководилъ художникъ Франческо Граначчи ²⁾. Въ Римѣ первое триумфальное празднество въ этомъ родѣ представляло побѣду Августа надъ Клеопатрой ³⁾, при папѣ Павлѣ II; въ этомъ представленіи кромѣ веселыхъ и мифологическихъ масокъ, обычныхъ также и въ триумфальныхъ процессіяхъ древнихъ, небыло недостатка вообще въ разнообразнѣйшихъ аллегорическихъ сюжетахъ: въ шествіи принимали участіе короли въ цѣпяхъ и оковахъ, весь римскій сенатъ съ эдилами, квесторами, преторами и т. д. въ античномъ одѣяніи, колесницы съ поющими масками, доски съ начертанными на нихъ сенатскими и народными постановленіями и безъ сомнѣнія также колесницы съ трофеями. Въ другихъ процессіяхъ изображалось въ болѣе общихъ чертахъ всемірное владычество Рима въ прежнее время или, несмотря на грозившую въ дѣйствительности съ Востока опасность, вводила шествіе будто бы плѣнныхъ турокъ. Позднѣе, во время карнавала 1500 г. Цезарь Борджіа приказалъ изобразить триумфъ Юлія Цезаря при помощи одиннадцати

въѣздъ испанскихъ государей и въ заключеніе бой быковъ. Burchardus, *Diarium* I, 447. Это мѣсто не совсѣмъ ясно: *Post prandium vice-cancellarius interfici fecit, in curia sud, ante domum suam, in via publica quam nagnis trabibus undique clausit, quinque tauros qui plures homines laeserunt et occiderunt antequam ipsi interimerentur.* Въ слѣдующіе дни также нѣкоторые испанскіе прелаты устраивали тоже *tauros publice acidendos* (срв. в., т. I).

¹⁾ Знаменитое погребеніе отравленнаго въ 1437 году Малатеста Бальоне въ Перуджии (Graziani, *Asch. stor.* XVI, I, 413) напоминаетъ почти пышность древнихъ этрусковъ. Траурные рыцари и т. п. составляютъ, впрочемъ, общую принадлежность западныхъ обычаевъ. Срв.: Bertrand Dugesclin. *Juvenal des Ursins*, ad. a. 1389. — Graziani I, с. p. 360.

²⁾ Vasari IV, стр. 218, *Vita di Granacci.* Триумфы и праздничныя шествія во Флоренціи, срв. Reumont, *Lorenzo II*, 433.

³⁾ Mich. Cannesius, *Vito Pauli II*, Murat. III, Col. 118.

великолѣпныхъ колесницъ ¹⁾, открыто разумѣя себя самого въ лицѣ Цезаря, къ соблазну и огорченію благочестивыхъ пилигримовъ (т. I гл. X). — Въ особенности выдѣляются среди этихъ празднествъ два блестящихъ и полныхъ вкуса триюмфы, устроенныхъ двумя соперничавшими между собой обществами во Флоренціи въ 1513 г., по случаю избранія папы Льва X ²⁾; одно изъ этихъ торжествъ представляло три возраста человѣчества, другое различные вѣка, въ пяти остроумныхъ картинахъ изъ римской исторіи и въ двухъ аллегоріяхъ, изображавшихъ золотой вѣкъ Сатурна и его повтореніе. Благодаря усердію знаменитыхъ флорентійскихъ художниковъ, фантастическое убранство колесницъ производило такое впечатлѣніе, что народъ выражалъ желаніе видѣть періодическое повтореніе этихъ процессій. Въ прежнее время подвластные города ежегодно въ извѣстный день просто приносили подарки (драгоценныя ткани и восковыя свѣчи) въ знакъ вѣрности, теперь же ³⁾ купеческія гильдіи снаряжаютъ десять колесницъ (это число потомъ еще возрастаетъ) не столько ради подарковъ, сколько ради эффекта, при чемъ эти колесницы разукрашиваются такими художниками, какъ Андреа дель Сарто и, разумѣется, вполне оправдываютъ свое символическое назначеніе, поражая зрителей красотой и великолѣпіемъ. Надо замѣтить, что такого рода колесницы съ приношеніями или трофеями начинаютъ составлять неизбѣжную принадлежность всѣхъ праздничныхъ процессій, когда гражданамъ совѣмъ нечего дарить. Въ 1477 г. граждане города Сіены празднуютъ союзъ между Ферранте и Сикстомъ IV, въ которомъ они также участвуютъ, при чемъ въ триумфальной колесницѣ помѣщается богиня мира, стоя на латахъ и прочемъ вооруженіи ⁴⁾).

Въ Венеціи вмѣсто колесницъ въ праздничныхъ торжествахъ пользовались великолѣпно разукрашенными гондолами, производившими фантастическое впечатлѣніе. Встрѣча на Буцентаврѣ герцогини Элеоноры и Беатриче Д'Эсте въ 1491 г. представляла чисто сказочное зрѣлище,

1) Gregorovius, Rom VII, 441.

2) Vasari XI, стр. 34. Vita di Puntormo.

3) Vasari VIII, 264, Vita di A. del Sarto.

4) Allegretto, у Murat. XXIII, Cul. 783. Разбитое колесо считалось дурнымъ предзнаменованіемъ.

судя по дошедшему до насъ описанію и разсказамъ современниковъ ¹⁾. Буцентавру предшествовала цѣлая флотилія изъ многочисленныхъ судовъ и барокъ, украшенныхъ коврами и гирляндами, на которыхъ находилась молодежь въ роскошныхъ костюмахъ; геніи съ атрибутами боговъ, при помощи летательныхъ машинъ, витали надъ этими судами, тогда какъ изображенія нимфъ и тритоновъ сопровождали эти суда цѣлыми группами, искусно помѣщенными сбоку; повсюду раздавалось пѣніе, носились ароматы и вѣяли флаги расшитые золотомъ. За Буцентавромъ слѣдовало опять столько различныхъ судовъ, что на цѣлую милю (*octo stadios* по выраженію ученаго обозрѣвателя) не было видно воды.

Празднество продолжалось, при чемъ въ особенности заслуживаютъ вниманія вышеупомянутая пантомима и регата, (гонки на водѣ) въ которой принимали участіе пятьдесятъ сильныхъ дѣвушекъ.

Въ шестнадцатомъ столѣтіи ²⁾ дворянство стало дѣлиться на особыя корпорации во время приготовленій къ праздничнымъ увеселеніямъ, при чемъ главнымъ предметомъ соревнованія было устройство движущихся фигуръ и картинъ. Такъ въ 1541 г. во время праздника *Sempiterni* надъ большимъ каналомъ колебался огромный шаръ, изображавшій вселенную и въ его открытой внутренности происходилъ балъ. Карнавалъ также славился здѣсь балами, процессіями и различными представленіями. Иногда площадь св. Марка, несмотря на сравнительно скромные размѣры ея, становилась ареной не однихъ турнировъ, но и триумфи, подобно другимъ городамъ. Во время одного празднества, по случаю заключенія мира ³⁾, нѣсколько благочестивыхъ братствъ (*seuoli*) подѣлили между собой всю процессію и

¹⁾ М. Anton. Sabellici Epist. t. III. Письмо къ М. Anton Barbavarus; онъ говоритъ: *Vetus est mos civitatis in illustrium hospitum adventu eam navim auro et purpura insternere.*

²⁾ Sansovino, Venezia, fol. 151. Эти общества носятъ названія: *Ravoni, Accessi, Eterni, Reali, Sempiterni*; эти-же названія перешли потомъ къ академіямъ.

³⁾ 12 апрѣля 1495 г. празднованіе мира съ папой и императоромъ. Срв. М. Anton. Sabellici Epist. L. V. Послѣднее письмо къ М. Anton. Barbavarus.

старались превзойти другъ друга великолѣпнѣемъ и огромностью издержекъ. Здѣсь мелькали золотыя канделябры съ красными восковыми свѣчами, двигались толпы музыкантовъ и среди нихъ колесница, окруженная крылатыми мальчишками съ кубками и рогами изобилія въ рукахъ; на колесницѣ находились Ной и Давидъ, возсѣдавшіе вмѣстѣ на тронѣ; далѣе Абигаилъ велъ верблюда, нагруженнаго сокровищами, а за нимъ слѣдовала вновь колесница съ группой политическаго содержанія: Италія посреди, между Венеціей и Лигуріей, съ ихъ гербами, а у ногъ ея аистъ, какъ символъ мира и единодушія; немного выше помѣщались на ступенькѣ три генія въ видѣ женскихъ фигуръ, съ гербами трехъ союзныхъ государей: папы Александра VI, императора Максимилиана и короля испанскаго. Между прочимъ здѣсь находился также земной шаръ съ изображеніемъ различныхъ планетъ. На другихъ колесницахъ можно было видѣть фигуры представлявшія самихъ упомянутыхъ государей съ ихъ свитой и слугами, если мы правильно толкуемъ текстъ ¹⁾. Въ этомъ и вообще въ подобныхъ случаяхъ не было недостатка также въ музыкѣ. Въ особенности блестящій характеръ носили торжества въ Венеціи въ 1515 г., по случаю празднованія „вѣчнаго мира“, которому суждено было продолжаться всего нѣсколько мѣсяцевъ.

Карнавалъ самъ по себѣ, независимо отъ разсматриваемыхъ процессій, ни въ одномъ городѣ, повидимому, не обладалъ въ XV вѣкѣ такимъ разностороннимъ характеромъ, какъ въ Римѣ ²⁾. Здѣсь прежде всего практиковались

¹⁾ *Terrae globum socialibus signis circunquaquae figuratorum et quinis pegmatibus, quorum singula foederatorum regum, principumquae suas habuere effigies et cum his ministros signaque in auro affabre caelata.*

²⁾ *Infessura*, изд. Tomasini 69, 265. — Mich. Cannesius, *Vita Pauli II*, у Murat. III, II, Col. 1012. — Platina, *Vitae pontif.* стр. 318. — Jac. Volaterran. у Murat XXIII, Col. 163, 194. — Paul. Jov. *Elogiar*, стр. 98. Sub Juliano Caesarino. — Въ другихъ мѣстахъ устраивались также женскіе бѣга; *Diario Ferrarese*, Murat. XXIV. Col. 384 срв. также Gregorovius VI, 690, VII, 219, 616. — Описаніе карнавала 1521 находимъ у Castiglione въ письмѣ къ Изабеллѣ д'Естè. Luzio и Renier (1893), стр. 325. — Карнавалы 1499, 1513—1519: Luzio, *Fed. Gonzaga ostaggio alla corte di Giulio II*, Римъ 1887, Ademollo, *Alessandro VI, Giulio II, e Jeone X, nel carnevale di Roma*. Flor. 1886. Карнавалъ въ Мантуѣ 1520 г. Cian, Turin 1893 г.

скачки и бѣга, въ которыхъ принимали участіе лошади, буйволы, ослы и т. п.; но кромѣ того устраивались тако-го же рода состязанія людей: стариковъ, юношей, евреевъ и т. д. Павелъ II угощалъ народъ передъ Palazzo di Venezia, гдѣ онъ жилъ. Далѣе, воинственныя упражненія происхо-дили на площади Piazza Navona, сохраняя, повидимому не-прерывную связь съ этого рода играми въ древности на томъ-же мѣстѣ; здѣсь можно было видѣть какъ-бы настоящее подобіе сраженія всадниковъ и парадъ вооруженныхъ граж-данъ. Маскированіе отличалось полной свободой и продол-жалось иногда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ¹⁾. Сикетъ IV не стѣснялся посѣщать многолюдныя площади Кампофіоре и Банки во время оживленныхъ маскарадныхъ развлеченій, хотя отклонилъ прямое посѣщеніе масками Ватикана. При Инокентіи VIII разнузданное поведеніе кардиналовъ до-стигло крайнихъ предѣловъ; во время карнавала 1491 г. они посылали другъ другу колесницы, наполненныя велико-лѣпно наряженными масками, буффонами и прочими ряжен-ными, съ пѣснями неприличнаго содержанія; эти колесницы охранялись всадниками ²⁾. Кромѣ карнавала римляне первые, повидимому, стали устраивать факельное шествіе. Въ 1459 г., когда Піи II вернулся съ конгресса въ Мантуѣ ³⁾, весь на-родъ встрѣтилъ его факельнымъ шествіемъ окружавшимъ дворець огромнымъ свѣтящимся кольцомъ. Впрочемъ, Сикстъ IV ⁴⁾ отклонилъ однажды предполагавшееся чество-ваніе такого рода ночью, съ факелами и масличными вѣт-вями.

Но флорентійскій карнавалъ превзошелъ римскій сво-ими удивительными процессіями, оставившими по себѣ гром-кую память въ литературѣ ⁵⁾. Здѣсь среди толпящихся без-

1) При Александрѣ VI однажды съ 1 января до поста, 1502 во время свадьбы Лукреціи Борджіа.

2) Baluze, Miscel. IV, 517 (ср. Грегоров. VII, 288).

3) Pii II, Comment. L. IV, 211.

4) Nantiporto, см. Murat. III, II. Col. 1080. Они хотѣли принести благодарность за мирный договоръ, но нашли ворота дворца запер-тыми и повсюду охраняемыми часовыми. О пальмовыхъ вѣтвяхъ, какъ символъ мира см. в. т. I.

5) Tutti i trionfi, carri, mascherato o canti carnascialeschi, cosmo-поли 1760. — Machiaveli Opere minori, стр. 505. — Vasari, VII стр. 115. Vita di Piero di Cosimo — послѣдному приписывается главное участіе

численныхъ масокъ пѣшихъ и конныхъ появлялась колесница, имѣвшая фантастическій видъ, а на ней аллегорическая группа съ какой-нибудь господствующей фигурой и соответствующими спутниками; такимъ образомъ здѣсь являлись передъ зрителями „Ревность“ съ головой, показывавшей четыре физиономіи въ очкахъ, или четыре темперамента съ соответствующими планетами, три парки, мудрость, царящая надъ страхомъ и надеждой, скованными у ея ногъ, четыре стихіи, возрасты человѣческіе, вѣтры, времена года и т. п.; наконецъ, отъ времени до времени появлялась колесница смерти и находившіеся на ней гробы раскрывались, показывая народу умершихъ... Неожиданный эффектъ производила колесница съ представленной на ней превосходной мифологической картиной: Бахусъ и Ариадна, Парисъ и Елена и пр. Далѣе слѣдовала иногда группа людей, представлявшихъ собою какъ-бы извѣстный классъ или категорию, напримѣръ: нищихъ, охотниковъ съ нимфами, несчастныя загробныя тѣни женщинъ, лишенныхъ милосердія во время земной жизни, пустынниковъ, астрологовъ, бродягъ, чертей, продавцовъ извѣстныхъ товаровъ, „народъ“ вообще (*il popolo*), обыкновенныхъ людей, объявлявшихъ въ пѣсняхъ о своихъ порокахъ и дурныхъ дѣлахъ. Дошедшія до насъ пѣсни даютъ объясненіе процессіи, то въ патетическомъ, то въ юмористическомъ и циничномъ видѣ. Нѣкоторыя изъ такихъ нецензурныхъ пѣсенъ приписываются Лоренцо Великолѣпному, вѣроятно потому, что настоящій авторъ не рѣшался обнаружить свое имя. Съ большимъ вѣроятіемъ можно приписать ему прекрасную пѣснь къ сценѣ „Вакхъ и Ариадна“. Припѣвъ ея доносится къ намъ изъ глубины XV вѣка, какъ грустное предчувствіе непрочности всего великолѣпія эпохи возрожденія. (*Quanto è bella giovinezza — Che si fugge tuttavia! — Chi vuol esser lieto, sia — Di doman non c'è certezza*).

въ программѣ шествія. — Срв. В. Loos, стр. 12. Reumont, Lorenzo II, 443, гдѣ въ особенности собраны всѣ ссылки, удостоверяющія, какъ рано и какимъ образомъ установился обычай такого рода карнав. праздн. — Шуточныя запрещенія карнаваловъ (завѣщанія) уже въ XIV столѣтіи; одно такое въ Caneto 1468, напечат. Archiv. Stor. it. V, ser. II т. стр. 122. — Авторомъ многихъ карнавальныхъ пѣсенъ теперь называютъ Bernardo Giambullari (Z.).

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ

ПРАВСТВЕННОСТЬ И РЕЛИГИЯ

Глава I.

Нравственность.

Отношеніе различныхъ націй къ предметамъ высшаго порядка, какъ-то къ Богу, добродѣтели и безсмертію поддается въ извѣстной мѣрѣ сравнительному изслѣдованію, но невозможно установить строгую параллель между ними въ этомъ смыслѣ.

Такого рода трудность представляетъ прежде всего сужденіе о томъ, насколько тотъ или другой народъ можетъ служить образцомъ нравственныхъ качествъ. Нетрудно указать нѣкоторые оттѣнки, различающіе двѣ какія-нибудь народности между собой въ нравственномъ смыслѣ, но никакой умъ не въ силахъ подвести одинъ общій итогъ и сдѣлать рѣшительный выводъ въ пользу той или другой изъ нихъ. Національный характеръ въ цѣломъ, съ его понятіемъ о долгѣ и совѣсти, остается въ концѣ концовъ въ извѣстной степени загадочнымъ уже по тому, что даже самыя недостатки имѣютъ свою оборотную сторону и въ нѣкоторыхъ случаяхъ пріобрѣтаютъ характеръ національныхъ достоинствъ или даже добродѣтелей. Едва-ли правы нѣкоторые ученые, выдавая такъ охотно аттестаты различнымъ народамъ и не останавливаясь передъ категорическими опредѣленіями въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ. Западные народы могутъ сколько хотятъ осуждать другъ друга, но не въ правѣ произносить другъ надъ другомъ судебный приговоръ. Великій народъ, котораго культура, историческое прошлое и творчество находятся въ тѣсномъ соотношеніи съ нашей современностью, можетъ оставаться равнодушнымъ къ тому, обвиняютъ-ли его или защищаютъ, и продолжаетъ жить, не считаясь съ одобреніемъ и порицаніемъ теоретиковъ.

Вотъ почему мы не намѣрены изрекать въ этой главѣ приговоръ, но представимъ не болѣе, какъ рядъ замѣтокъ, накопившихся въ теченіе многолѣтняго изученія эпохи Возрожденія въ Италіи. Значеніе этихъ изслѣдованій тѣмъ ограниченнѣе, что они относятся большею частью къ жизни высшихъ сословій, о которыхъ наши свѣдѣнія, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ, неизмѣримо богаче, чѣмъ все, что мы знаемъ о жизни этихъ сословій среди другихъ европейскихъ народовъ. Правда, и слава и позоръ звучатъ здѣсь громче, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ другой странѣ, но это не приближаетъ насъ ни на шагъ къ общему заключенію о нравственности всей націи, во всемъ ея объемѣ.

Чей глазъ проникнетъ въ глубину души народа, гдѣ образуется національный характеръ и гдѣ лежитъ источникъ его историческихъ судьбъ? Въ этой глубинѣ врожденное сливается съ пріобрѣтеннымъ и становится второй, третьей натурой; если заглянуть въ эту глубину, то окажется, что даже тѣ духовныя особенности, которыя на первый взглядъ кажутся несомнѣнно врожденными, свойственными самой природѣ націи, въ дѣйствительности представляются новообразованіями, пріобрѣтенными долгимъ историческимъ путемъ. Итальянецъ XIII-го вѣка обладали, на примѣръ, той жизненностью и спокойной увѣренностью, какія мы наблюдаемъ, когда индивидуальность его принимаетъ законченный характеръ и онъ пріобрѣтаетъ способность къ свободному образованію новыхъ формъ въ литературѣ и искусствахъ? Если эти вопросы остаются для насъ безъ отвѣта, можемъ-ли мы представить себѣ всѣ русла, всю огромную, тонкую сѣть каналовъ, по которымъ беспрепятственно сообщаются и сливаются: нравственность, умъ и духовное развитіе? Каждый человекъ руководствуется своей личной отвѣтственностью и голосомъ совѣсти; общія сентенціи теряютъ всякое значеніе, когда рѣчь идетъ не о личности, а о цѣломъ народѣ. Народъ, повидимому больной, можетъ быть близокъ къ совершенному выздоровленію и, наоборотъ, повидимому здоровый можетъ носить въ себѣ зародышъ смерти, наступающей при первомъ столкновеніи съ опасностью.

Взглядъ современныхъ писателей.—Въ началѣ шестнадцатаго вѣка, когда культура Возрожденія достигла самыхъ вершинъ развитія, но въ то же время политическое состояніе грозило, повидимому, ничѣмъ непреодолимой гибелью страны, не было недостатка въ серьезныхъ мыслителяхъ, видѣвшихъ причины несчастья въ глубокомъ упадкѣ нравовъ. Мы говоримъ здѣсь не о тѣхъ проповѣдникахъ, что появляются въ различныя эпохи и тяжелыя времена у всѣхъ народовъ и призываютъ къ покаянію, какъ спасительному средству; въ Италіи такими обвинителями были настоящіе мыслители, какъ Макиавелли, открыто высказывавшій среди другихъ высокихъ и серьезныхъ мыслей о своемъ народѣ слѣдующее: „Мы итальянцы отличаемся по преимуществу безбожіемъ и недобрыми чувствами“¹⁾. Другой на его мѣстѣ быть можетъ сказалъ бы: „Мы отличаемся, по преимуществу, индивидуальнымъ развитіемъ; мы освободились отъ всѣхъ расовыхъ ограниченій, налагаемыхъ религіей и обычаемъ, а внѣшній законъ мы презираемъ, потому что наши государи сами незаконны, а чиновники и судьи вызываютъ къ себѣ одно презрѣніе“. Впрочемъ, и Макиавелли далѣе поясняетъ свое сужденіе словами: „сама Церковь подаетъ наихудшій примѣръ въ лицѣ своихъ представителей“.

Вліяніе древности.—Надо-ли здѣсь еще прибавить: „потому что неблагопріятно дѣйствовала древность, обращеніе къ античному міру“. Подобное мнѣніе требовало-бы во всякомъ случаѣ вдумчивыхъ ограниченій. Прежде всего пришлось-бы въ этомъ смыслѣ указать на гуманистовъ (т. I, стр. 330) въ особенности касаясь распушенности въ этой средѣ. Если обратиться къ прочимъ явленіямъ, то дѣло обстоитъ приблизительно такъ, что мѣсто христіанскаго идеала жизни—святости, заняла, благодаря вліянію древности, идея историческаго величія (т. I, прилож. XXIV, стр. 374). Вслѣдствіе понятнаго недоразумѣнія недостатки, не мѣшавшіе выдающимся людямъ проявить свое величіе, перестали оцѣниваться настоящимъ образомъ. По всей вѣроятности, это дѣлалось почти безсознательно и если-бы понадобилось привести примѣры и теоретическія подтвер-

¹⁾ Discorsi L. I. c. 12. Также 55. Италія испорченнѣе всѣхъ другихъ странъ, за нею слѣдуютъ Испанія и Франція.

жденія, ихъ пришлось бы, искать также у гуманистовъ, на-
примѣръ, у Джіовіо, который указывалъ на примѣръ Юлія
Цезаря, какъ оправданіе клятвopреступленія Джангалеаццо
Висконти, послужившаго къ утверженію государства ¹⁾.
Великіе флорентійскіе историки и писатели не прибѣгають
къ такимъ рабскимъ цитатамъ, и вліяніе древности отра-
жается на ихъ сужденіяхъ и трудахъ лишь въ той мѣрѣ,
въ какой современный имъ государственный строй по су-
ществу своему рождалъ образъ мыслей, отчасти аналогич-
ный съ античнымъ міросозерцаніемъ.

Но какъ-бы ни было Италія въ началѣ XVI вѣка пе-
реживала тяжелый нравственный кризисъ, и передовые люди
того времени не знали, гдѣ искать выхода изъ этого поло-
женія, представлявшагося почти безвыходнымъ.

Взглядъ на чувство чести.—Начнемъ, однако, съ того,
что назовемъ нравственную силу наиболѣе противодѣйстви-
вавшую дурнымъ вліяніямъ. Высокоодаренные люди видѣли
эту силу въ укрѣпившемся понятіи о чести. Это чувство
представляло собой загадочную смѣсь совѣсти и себялюбія—
то, что остается у современнаго человѣка, даже тогда, когда
онъ, по своей или не по своей винѣ, теряетъ вѣру, пере-
стаетъ надѣяться и любить. Это чувство чести уживается
съ настоящимъ эгоизмомъ и самыми значительными поро-
ками и можетъ вводить человѣка въ невѣроятное заблужде-
ніе; но въ то же время все, что остается благороднаго въ
человѣкѣ, можетъ примыкать къ этому чувству и по-
черпать изъ этого источника новый запасъ силъ. Для инди-
видуально развитыхъ европейцевъ оно стало руководящимъ
мотивомъ, въ большинствѣ случаевъ въ гораздо болѣе ши-
рокомъ смыслѣ, чѣмъ можетъ быть принято думать; многіе
даже придерживающіеся еще нравственныхъ традицій и ре-
лигии, тѣмъ не менѣе руководствуются безсознательно
именно этимъ чувствомъ во многихъ весьма важныхъ рѣ-
шеніяхъ ²⁾. Въ наши задачи не входитъ указывать на то,
въ какой степени своеобразные оттѣнки этого чувства свой-

1) Paul. Jov. Viri illustres; Jo. Ga. Vicecomes.

2) Какое положеніе занимаетъ въ настоящее время понятіе о
чувствѣ чести см. глубокія заключенія Prevost Paradol, La France nou-
velle, liv. III, chap. 2 (изд. 1868).

ственные были уже древности и какъ потомъ въ средніе вѣка честь въ специальномъ смыслѣ стала какъ бы принадлежностью извѣстныхъ классовъ. Мы не станемъ также спорить съ тѣми, кто считаетъ существенно побудительною силой не чувство чести, а совѣсть; безъ сомнѣнія, было бы лучше и достойнѣе, если бы это было такъ, но, когда приходится сознаться, что дѣйствія, заслуживающія уваженія, вытекаютъ изъ побужденій совѣсти, болѣе или менѣе омраченной примѣсю самолюбія, то не лучше ли называть вещь ея настоящимъ именемъ? ¹⁾ Безъ сомнѣнія, у итальянцевъ эпохи Возрожденія во многихъ случаяхъ трудно отдѣлать это чувство чести отъ непосредственнаго стремленія къ славѣ или извѣстности, такъ какъ первое часто переходитъ во второе, но во всякомъ случаѣ между тѣмъ и другимъ остается существенное различіе. Мы не можемъ жаловаться на недостатокъ указаній на этотъ счетъ литературы того времени. Не прибѣгая къ цѣлому ряду такого рода свидѣтельствъ, мы остановимся на обнародованныхъ недавно афоризмахъ Гвиччардини: „Кто высоко ставитъ чувство чести—говоритъ онъ—тому все удается, потому что такой человѣкъ не боится ни труда, ни опасности, ни расходовъ; я испыталъ это на самомъ себѣ и смѣло могу говорить и писать, что мертвы и тщетны всѣ поступки и дѣла человѣческія, если они не вызваны этимъ сильнымъ побужденіемъ ²⁾. Кстати, мы должны здѣсь прибавить, что всѣ извѣстныя намъ данныя, относящіяся къ жизни автора этихъ словъ, подтверждаютъ, что здѣсь идетъ рѣчь исключительно только о чести въ тѣсномъ смыслѣ слова, а не о томъ, что означаетъ славу, какъ таковую; еще опредѣленнѣе въ этомъ смыслѣ высказывается нѣмецъ Іоганъ Рейхлинъ, въ письмѣ, въ которомъ онъ убѣждаетъ франкфуртскій союзъ запретить позорную книгу:

¹⁾ Интересно припомнить, что говоритъ Дарвинъ въ соч. о „Выраженіи душевныхъ ощущеній“, о „краскѣ на лицѣ“ и ощущеніи стыда съ одной стороны и о совѣсти—съ другой.

²⁾ Franc. Guicciardini, Ricordi politici e civili, № 118 (Opere inedite, vol. 1). Срв. также заключенія С. Segre, Guicciardini, A proposito di un opera recente (Zanoni, Bologna, 1896), въ Nuova Ant. IV, ser. vol-67, стр. 437—473. (Мы не можемъ привести здѣсь всю богатую литературу о Г., напр. Rossi, Livi, Chiesi).

„...Прекраснѣйшее, что находится въ нашемъ обладаніи, а именно честь“ ¹⁾).

Рабле.—Никто изъ итальянцевъ не высказался на этотъ счетъ категоричнѣе Рабле. Мы не охотно примѣшиваемъ это имя къ нашему изслѣдованію; въ причудливыхъ картинахъ, написанныхъ этимъ сильнымъ перомъ, мы находимъ изображеніе эпохи Возрожденія въ томъ видѣ, какой она получить, если отъ нея отнять форму и красоту ²⁾, но оставленное имъ изображеніе идеальнаго состоянія монастыря Тэлемитовъ до такой степени реально, что безъ этого произведенія необыкновенной фантазіи картина XVI вѣка была бы не полна съ точки зрѣнія той же культуры. Такъ, онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее о кавалерахъ и дамахъ ордена „Свободы желаній“:

„Единственнымъ руководящимъ правиломъ этихъ людей было: „дѣлай что хочешь, такъ какъ люди свободные, хорошаго происхожденія ³⁾, прекрасно образованные, вращающіеся въ порядочномъ обществѣ одарены природнымъ инстинктомъ, призывающимъ къ добродѣтельнымъ дѣламъ и удерживающимъ отъ порока: этотъ инстинктъ они называютъ честью“ ⁴⁾).

Мы видимъ здѣсь ту же самую вѣру въ лучшія каче-

¹⁾ Письмо отъ 6 Aug. 1514, напечат. въ Z. für Vergl. Litgesch. и Neu.-Lit. N. F. IV, стр. 218 и т. д.

²⁾ Его ближайшую параллель представляетъ Merlinus Cosajus (Teofilo Folengo), котораго не разъ упомянутое выше Opus Magicorum Рабле знаетъ и не разъ цитировалъ (Pantagruel L. II, глв. 1 и 7). Merlinus Cosajus могъ имѣть вообще вліяніе на самое возникновеніе Гаргантюа и Пантагрюэля.

³⁾ Вѣроятно, не въ смыслѣ принадлежности къ высокому классу, такъ какъ Рабле самъ простого происхожденія, не имѣлъ оснований отдавать здѣсь преимущество дворянскому званію.—Проповѣдь Евангелія, о которой говоритъ монастырское изреченіе мало относится къ жизни тэлемитовъ; скорѣе можно ее толковать въ отрицательномъ смыслѣ, какъ протестъ противъ римской церкви.

⁴⁾ Gargantua L., I, chap. 57.—Dorez вѣроятно причина того (Revue des bibliothèques, VI, 254), что это мѣсто заимствовано у Polifilo, у котораго Рабле вообще многое заимствовалъ: In una tabella di Magnete, inscalpto era: Trahit sua quemque voluntas. Nel levorso la tabella vidi. In latino: A ciascuno fara gli conviene secondo la sua natura“. Быть можетъ слѣдуетъ вообще признать вмѣстѣ съ Д., судя по слову latino, что Polifilo первоначально написанъ по латыни.

ства человѣческой природы, которая оживляла вторую половину XVIII вѣка и подготовила путь французской революціи. И въ Италіи также каждый аппелируетъ къ своему индивидуальному благородному инстинкту, и высокое значеніе этого факта никогда не должно быть забываемо, несмотря на то, что въ общемъ, главнымъ образомъ благодаря впечатлѣнію національных бѣдствій, можетъ преобладать болѣе пессимистическое. Нельзя отрицать, что безграничное развитіе индивидуализма было всемірно-историческимъ предопредѣленіемъ и оказывалось преобладающимъ надъ единичной волей, но и упомянутая нами противодѣйствующая сила тамъ, гдѣ она только проявлялась въ Италіи, въ свою очередь представляетъ не маловажное явленіе. Мы не знаемъ въ точности насколько, какъ часто и надъ какими именно крайними эгоистическими побужденіями она одерживала побѣду, но именно вслѣдствіе такой ограниченности нашихъ человѣческихъ сужденій, мы не въ правѣ производить абсолютную оцѣнку національных нравственныхъ качествъ.

Вліяніе воображенія.—Прежде чѣмъ говорить о нравственности итальянцевъ эпохи Возрожденія, надо замѣтить, что на нее во всякомъ случаѣ налагала особую печать фантазія, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ національных факторовъ. Этотъ элементъ сообщаетъ всѣмъ лучшимъ качествамъ и также недостаткамъ того времени специальную окраску; только подъ владычествомъ фантазіи распушенный эгоизмъ достигаетъ своихъ крайнихъ предѣловъ.

Азартныя игры.—Такъ, благодаря ей, итальянцы, первые изъ европейскихъ народовъ становятся азартными игроками, подъ вліяніемъ воображенія, рисующаго человѣку заманчивую картину роскоши и наслажденій, съ такою силой, что онъ рѣшается на всякій рискъ. Магометанскіе народы, безъ сомнѣнія, опередили бы въ этомъ итальянцевъ, если бы Коранъ съ самаго начала не запрещалъ самымъ строгимъ образомъ азартныхъ игръ, видя въ этомъ охрану ислама, и не обратилъ фантазію правовѣрныхъ на розысканіе зарытыхъ сокровищъ. Въ Италіи, несмотря на многочисленныя запрещенія азартныхъ игръ днемъ и ночью и

на то, что профессія игроковъ объявлялась позорной, азартная игра получила широкое распространеніе и тогда уже нерѣдко производила полное разореніе и вела ко многимъ несчастіямъ. Во Флоренціи еще въ концѣ XIV вѣка былъ уже свой Казанова, нѣкій Буонакорсо Питти, который появлялся въ разныхъ мѣстахъ, въ качествѣ купца, спекулянта, агента, дипломата и, какъ профессиональный игрокъ, выигрывалъ и терялъ огромныя суммы денегъ; поднявшись изъ нищенскаго состоянія, онъ занялъ высокое положеніе; его партнерами въ концѣ концовъ могли быть только владѣтельные особы, какъ герцоги Бранбургскій, Баварскій и Савойскій ¹⁾.

Громадная лотерейная урна, носившая названіе римской курии, пріучала людей къ постоянному возбужденію, которое въ промежуткахъ между крупными интригами искало выхода въ азартной игрѣ. Франческетто Чибо, напримѣръ, проигралъ однажды въ два приѣма кардиналу Рафаэлю Ріаріо 14 тысячъ дукатовъ и жаловался потомъ папѣ, что партнеръ его надулъ ²⁾. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Италия сдѣлалась родиной лотереи.

Вендетта.—Мстительность, благодаря той же фантазіи, принимаетъ здѣсь особенный характеръ. Понятія о правдѣ съ давнихъ временъ носило одинъ характеръ на всемъ Западѣ, и его нарушеніе, если оставалось безнаказаннымъ, вело къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ. Тѣмъ не менѣе другіе народы, если не легко также прощали обиду, то все же скорѣе способны были забывать ее современемъ, тогда какъ итальянское воображеніе на долго сохраняло память о правонарушеніи или обидѣ съ ужасающей свѣжестью ³⁾. Въ то же время въ народномъ сознаніи кровавая месть считается обязанностью, принимаетъ часто самую ужасную форму, и такимъ образомъ взаимная мстительность пріобрѣтаетъ твердую постоянную почву. Правительства и городскіе трибуналы признаютъ право мести и довольствуются

¹⁾ Его дневникъ, см. в., ср. также Здекауеръ и ниже, прил. ХСV.

²⁾ *Infessura*, изд. Tomasini, стр. 250, ср. т. I, прил. X. О Fr. С., см. т. I.

³⁾ Это разсужденіе остроумнаго Стендаля, тонкаго знатока эпохи Возрожденія (*La chartreuse de Parme*), представляетъ, на мой взглядъ, результатъ глубокаго психологическаго наблюденія.

тѣмъ, что стараются иногда противодѣйствовать ей крайностямъ. Между крестьянами кровавая мечь имѣетъ такое же широкое распространеніе. Приведемъ одно изъ современныхъ свидѣтельствъ ¹⁾.

Въ одной изъ деревень провинціи Аквапенденте трое мальчиковъ пасли скотъ, и одинъ сказалъ: попробуемъ сдѣлать такъ, какъ людей вѣшаютъ. Въ то время какъ одинъ изъ нихъ влѣзъ другому на плечи, а третій, надѣвъ ему на шею петлю, привязалъ веревку къ дереву, вдругъ показался волкъ; оба мальчика убѣжали, оставивъ товарища въ петлѣ. Вскорѣ потомъ они нашли его уже мертвымъ и зарыли въ землю. Въ воскресенье пришелъ отецъ и принесъ ему хлѣба. Одинъ изъ мальчиковъ сознался во всемъ и показалъ отцу мѣсто, гдѣ лежалъ его сынъ. Но старикъ зарѣзалъ его ножомъ, вырѣзалъ у него печень и, вернувшись домой, пригласилъ въ гости отца и угостилъ его этимъ блюдомъ, а затѣмъ сказалъ ему, чью печень онъ ѣлъ. Тогда между обѣими семьями начался рядъ убійствъ и въ теченіе мѣсяца погибло 36 женщинъ и мужчинъ.

Кровавая мечь въ высшихъ сословіяхъ. — Такого рода мечь въ высшихъ сословіяхъ представляла общее явленіе и передавалась по наслѣдству на много поколѣній, распространяясь также на побочныхъ родственниковъ и друзей.

Въ хроникахъ того времени, а также въ сборникахъ новеллъ мы находимъ множество подобныхъ примѣровъ, въ особенности разказовъ о мести за безчестіе женщинъ. Классическимъ мѣстомъ родовой мести была Романія, гдѣ вендетта соединялась со всевозможными партійными раздорами. Преданіе изображало по временамъ въ потрясающей символикѣ одичаніе, постигшее этотъ смѣлый, сильный народъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ разказѣ говорится о знатномъ равенскомъ гражданинѣ, который, имѣя въ своихъ рукахъ враговъ запертыми въ башнѣ, вмѣсто того, чтобы предать ихъ сожженію, предоставилъ имъ свободу и прекрасно обошелся съ ними, обнявъ и угостивъ; такой поступокъ они сочли для себя жестокимъ по-

¹⁾ Graziani, Cronaca di Perugia, 1437 г. (Arch. stor. XVI, стр. 415). При этомъ случаѣ надо замѣтить, что по мнѣнію Z. авторомъ этой Перуджанской хроники слѣдуетъ считать Antonio dei Guarnegie.

зоромъ и составили противъ него заговоръ ¹⁾. Напрасно благочестивые монахи проповѣдывали всеобщее примиреніе; самое большое, если имъ удавалось достигнуть прекращенія какой-нибудь вендетты, но не въ ихъ силахъ было предупредить возникновеніе новыхъ случаевъ и уничтожить самое явленіе.

Новеллы часто рисуютъ намъ вліяніе религіи въ отдѣльныхъ случаяхъ, благородное негодованіе и затѣмъ снова охлажденіе проповѣдниковъ передъ громадностью зла, пустившаго глубокіе корни и неотвратимаго никакими мѣрами. И самому папѣ не всегда удавалось вмѣшательство въ подобныхъ случаяхъ. „Папа Павелъ II хотѣлъ, чтобы прекратилась вражда между Антоніо Кафарелло и домомъ Альберино; онъ призвалъ ихъ къ себѣ, заставилъ обмѣняться поцѣлуемъ и пригрозилъ штрафомъ въ двѣ тысячи дукатовъ, если одинъ изъ нихъ снова причинитъ обиду другому, но два дня спустя Антоніо былъ раненъ Джіакомо Альберино, сыномъ Джіовани, ранившаго его уже раньше. Папа былъ очень этимъ недоволенъ, приказалъ конфисковать имущество Альберино, срыть его дома и изгнать отца и сына изъ Рима“ ²⁾.

Клятвы примиренія.—Клятвы и церемоніи, которыми обмѣнивались противники, обѣщая другъ другу забвеніе, носили иногда ужасающій характеръ; такъ, въ 1494 году, накануне св. Сильвестра, члены партіи Нове и Попалари должны были цѣловаться въ Сіенскомъ соборѣ попарно, причемъ клялись другъ другу, и нарушитель клятвы долженъ былъ быть наказанъ всѣми ужасами въ земной и загробной жизни; „подобной этой ужасной клятвы никто никогда еще не слышалъ“ ³⁾; даже послѣднее утѣшеніе въ предсмертный часъ должно было обратиться въ проклятіе для того, кто нарушитъ мирный договоръ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти ужасы свидѣтельствуютъ только о томъ, какъ мало мирившіяся сами вѣрили въ прочность договора, и какъ мало гарантій заключалось въ подобныхъ клятвахъ.

¹⁾ Giraldi, Hecatommithi I, nov. 7.

²⁾ Infessura, 1464.

³⁾ Allegretto, Diari Sanesi, у Murat. XXXIII, Col. 837, рассказчикъ самъ былъ при этомъ свидѣтелемъ и не сомнѣвался, что договоръ не будетъ нарушенъ.

Индивидуальная потребность мести въ высшихъ и образованныхъ классахъ, имѣя подь собой твердую почву въ аналогичныхъ народныхъ нравахъ, проявляется, разумѣется, въ тысячѣхъ оттѣнковъ и находитъ полное одобреніе, безъ всякихъ ограниченій, какъ мы это видимъ въ произведеніяхъ новеллистовъ ¹⁾. Всѣ рѣшительно согласны въ томъ, что каждый въ правѣ мстить за себя въ тѣхъ случаяхъ, когда оскорбленіе или вредъ не наказуемы по законамъ современной юстиціи и тѣмъ болѣе въ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ никогда не было и не можетъ быть законныхъ возмездій. Но при этомъ общественное мнѣніе требовало, чтобы месть имѣла внутренній смыслъ, и нравственное удовлетвореніе, должно было заключаться не въ причиненіи только вреда обидчику, но въ его униженіи; грубое насилие и одинъ только перевѣсъ въ этомъ отношеніи не находили одобренія въ общественномъ мнѣніи. Не одинъ только кулакъ долженъ былъ торжествовать, а вся личность, съ ея расположеніемъ къ первенству надъ другимъ. Итальянецъ того времени способенъ въ значительной степени притворяться, играть роль ради достиженія какихъ-нибудь цѣлей, но абсолютно неповиненъ въ лицемѣрїи ни передъ самимъ собой, ни передъ другими, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о принципѣ. Вотъ почему и месть, о которой мы говоримъ, съ удивительной наивностью признавалось всѣми, какъ неизбежная потребность. Благоразумнѣйшіе люди признаютъ и одобряютъ ее, въ особенности тогда, когда она совершается, повидимому, безстрастно, ради только практическихъ цѣлей, „чтобы люди знали, что не смѣютъ меня трогать“ ²⁾. Но подобнаго рода случаи надо признать немногочисленными, такъ какъ большею частью месть производилась подъ вліяніемъ страстныхъ порывовъ. Въ этомъ отношеніи мы видимъ яркое различіе между простой и кровавой мезтью ³⁾; въ то время, какъ послѣдняя держится главнымъ образомъ въ предѣлахъ прямого возмездія, *jus talionis*, первая неизбежнымъ образомъ выходитъ изъ этихъ предѣловъ, такъ

1) Кто готовъ былъ простить во имя Бога, подвергался осмѣянію, какъ видимъ у Пульчи: *Morganto canto XXI*, стр. 83 и сл.

2) Гвиччiarдини: *Ricordi*, I, с. N. 74.

3) Срв. прилож. ХСVI.

какъ она не ограничивается однимъ правовымъ удовлетвореніемъ, но стремится также привлечь на свою сторону окружающихъ и возбудить удивленіе къ себѣ или вызвать общій смѣхъ надъ противникомъ. Это послѣднее обстоятельство не рѣдко было причиной продолжительной отсрочки мести. Для настоящей „bella vendetta“ необходимо было извѣстное стеченіе обстоятельствъ, котораго приходилось выжидать. Новелисты въ своихъ произведеніяхъ съ истиннымъ наслажденіемъ изображаютъ постепенное назрѣваніе такихъ обстоятельствъ въ томъ или другомъ случаѣ.

Излишне было бы разсуждать о нравственной основѣ дѣйствій, когда обвинитель и судья заключаются въ одномъ лицѣ. Если хотѣть искать сколько-нибудь оправданій итальянской мести, то пришлось бы обратиться къ указанію на соотвѣтствующую національную добродѣтель, а именно благодарность; та самая фантазія, которая укрѣпляла память о нанесенной обидѣ и увеличивала ее размѣры, вліяла также и въ другомъ направленіи, удерживая въ памяти благодарность за добрый поступокъ ¹⁾. Нѣтъ возможности, конечно, представить доказательства, насколько это касается всей нации, но современный характеръ итальянцевъ представляетъ не мало слѣдовъ справедливости этого факта. Въ простомъ народѣ мы видимъ глубокую признательность за хорошее обращеніе, а въ образованныхъ классахъ добрую память о пріятныхъ отношеніяхъ.

Вліяніе фантазіи на всѣ нравственныя качества итальянцевъ можно прослѣдить не только въ упомянутомъ случаѣ, но и далѣе. Если въ то же время мы видимъ въ ихъ дѣйствіяхъ повидимому болѣе хладнокровный расчетъ въ такихъ случаяхъ, когда сѣверянинъ подчиняется скорѣе настроенію, это объясняется тѣмъ, что итальянецъ чаще отличается болѣе раннею и зрѣлою индивидуальностью. Тамъ, гдѣ эти условія существуютъ внѣ Италіи, мы видимъ тѣ же послѣдствія; такъ наприимѣръ, въ Италіи, и въ Сѣверной Америкѣ одинаково повторяется частое явленіе — молодые люди оставляютъ семью, стремясь освободиться отъ авторитета родителей; съ теченіемъ времени возстанавливается

¹⁾ Такъ Карданусъ (de propria vita) говоритъ о себѣ, какъ очень мстительномъ, но также *vera, memor beneficiorum, amans justitiae*.

отношеніе сторонъ, основанныя на природномъ достоинствѣ и взаимномъ уваженіи между родителями и дѣтьми.

Вообще надо замѣтить, что судить о внутреннихъ побужденіяхъ и нравственныхъ качествахъ чужихъ народовъ мы едва ли можемъ вообще. Душевная жизнь народа можетъ быть очень развита на совершенно чуждый ладъ, а потому намъ трудно въ ней разобраться, и мы можемъ ее даже вовсе просмотрѣть. Можетъ быть, въ этомъ отношеніи всѣ западные народы одарены въ одинаковой мѣрѣ.

Непрочность семейныхъ узъ. — Могущество фантазіи и ея преобладающее вліяніе въ сферѣ нравственныхъ явленій ни на чемъ такъ ярко не сказывалось, какъ на отношеніяхъ половъ. Средніе вѣка, какъ извѣстно, очень легко мирились съ проституціей, въ особенности до того, какъ появился сифиллисъ ¹⁾, но сравнительная статистика проституціи всякаго рода не входитъ въ нашу задачу. Повидимому, Италіи эпохи возрожденія свойственна та особенность, что бракъ и его права попирались чаще и во всякомъ случаѣ сознательнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другой странѣ; нерѣдко высказывалось мнѣніе, что бракъ дѣйствителенъ какъ бы только на извѣстный срокъ и притомъ до тѣхъ поръ, пока жена не перестала нравиться мужу²⁾. Молодые дѣвушки высшаго сословія тщательно охранялись и потому не идутъ въ счетъ, но въ отношеніи замужнихъ женщинъ полная свобода предоставлялась страстямъ. При этомъ достойно вниманія, что количество браковъ все таки нисколько не уменьшилось ³⁾, и семейная жизнь не подвергалась разрушенію, какъ мы это видимъ при аналогичныхъ обстоятельствахъ на сѣверѣ. Люди не желали себя ни въ чемъ стѣснять, но въ то же время не намѣрены были отказываться отъ семейныхъ радостей даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не было увѣренности въ томъ, что семья дѣйствительно своя. Въ то же время это явленіе не влекло за собой ни физическаго ни духовнаго вырожденія, и тотъ національный упадокъ, который какъ будто замѣчается въ срединѣ XVI вѣка, объясняется вполне опредѣленными

1) Срв. прилож. ХСVII.

2) J. Tansillo, Capitoli стр. 288.

3) Срв. прилож. ХСVIII.

причинами политическими и церковными, если не считать, что возрожденіе вообще закончилось въ это время свой творческій путь. Итальянцы, несмотря на всю распущенность, продолжали оставаться самымъ здоровымъ физическимъ и духовнымъ изъ всѣхъ европейскихъ народовъ ¹⁾ и продолжаютъ, какъ извѣстно, сохранять это преимущество до нашихъ дней, послѣ того какъ нравы, правда, значительно улучшились ²⁾.

Мораль новеллъ того времени.—Присматриваясь ближе къ тѣмъ нравственнымъ началамъ, на которыхъ покоилась любовь въ эпоху возрожденія, мы будемъ поражены удивительнымъ противорѣчіемъ въ уживавшихся рядомъ взглядахъ. Новеллы и комедіи того времени оставляютъ такое впечатлѣніе, что любовь разсматривалась исключительно какъ наслажденіе, и всѣ средства для достиженія этой цѣли, какъ трагическія, такъ и комическія считались не только позволительными, но тѣмъ болѣе интересными, чѣмъ больше проявлялись въ нихъ смѣлость и легкость нравовъ. Въ то же время, знакомясь съ лучшими лирическими произведеніями и діалогами, мы видимъ, что всѣ они проникнуты благороднѣйшимъ одушевленіемъ и одухотвореніемъ страсти, причемъ любовь, въ ея высшемъ проявленіи, рисуется какъ первоначальное единство душъ въ Божественномъ существѣ, какъ это завѣщано было античной поэзіей. И то и другое воззрѣніе жили вмѣстѣ въ одной личности. Въ новомъ образованномъ челоуѣкѣ чувства на различныхъ ступеняхъ не всегда находятся въ скрытомъ состояніи, но похвально ли это или нѣтъ, находятъ себѣ сознательное въ нѣкоторыхъ случаяхъ и художественное выраженіе. Новѣйшій челоуѣкъ и въ этомъ отношеніи уподобляется древнимъ и представляютъ собой микрокосмъ, тогда какъ средневѣковый таковымъ не былъ и не могъ быть.

¹⁾ По мѣрѣ того, какъ укрѣплялось испанское владычество—нарожденаселеніе количественно уменьшалось. Если-бы это явленіе было результатомъ упадка нравовъ, то оно должно было-бы стать замѣтнымъ раньше. Характерно поведеніе семидесятилѣтняго Мочениго 1475 и сужденіе объ этомъ Миланскихъ пословъ, срв. акты: Pastor III, 86...

²⁾ Срв. прилож. ХСІХ.

Мораль упомянутых Новелл заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ большинствѣ изъ нихъ, какъ мы уже замѣтили рѣчь идетъ о замужнихъ женщинахъ и, слѣдовательно, о нарушеніи супружеской вѣрности.

Въ особенности важнымъ представляется здѣсь то, на что мы указывали выше (ч. 5 т. VI), а именно, взглядъ на равенство между мужчиной и женщиной. Владѣя образованіемъ и развитой индивидуальностью, женщина располагаетъ здѣсь собой съ небывалой на Сѣверѣ самостоятельностью, и нарушеніе вѣрности мужу не ломаетъ ея жизнь, если ей удастся обезпечить себя отъ внѣшнихъ послѣдствій. Права мужа на ея вѣрность ему не имѣютъ здѣсь тѣхъ глубокихъ корней, какіе создаются у сѣверныхъ народовъ, благодаря поэзіи ухаживанья и отношеній жениха и невѣсты; здѣсь молодая женщина послѣ краткаго знакомства съ женихомъ вступаетъ въ жизнь непосредственно изъ родительскаго дома или монастырскаго уединенія и только въ новой обстановкѣ она чрезвычайно быстро вырабатываетъ свою индивидуальность. Благодаря главнымъ образомъ такому порядку вещей, права мужа носятъ условный характеръ, и даже если онъ смотритъ на нихъ, какъ на *jus quaesitum*, это право распространяется только на внѣшній фактъ, но не на сердце. Такъ, напримѣръ, красивая молодая женщина, супруга старика, отклоняетъ посланіе и подарки молодого ухаживателя, съ твердымъ намѣреніемъ гарантировать свою честь (*honestas*). Но тѣмъ не менѣе она рада, что встрѣчаетъ любовь юноши, обладающаго большими достоинствами, и рада, что можетъ его любить въ свою очередь, не теряя благородства и не поступаясь честностью ¹⁾. Но, разумѣется, подобное отличіе легко можетъ повлечь за собой и болѣе тѣсную связь. Последняя является почти извинительною, если сопровождается невѣрностью мужа. Индивидуально развитая женщина смотритъ на измѣну мужа не только какъ на горе, но видитъ въ ней униженіе и, обиженная тѣмъ, что ее обманываютъ, сознательно мститъ тѣмъ же по заслугамъ. Такъ подсказываетъ ей справедливую мѣру наказанія, смотря по обстоятельствамъ, сопровождающимъ измѣну. Если при

¹⁾ Gieraldi Hecatomihi III, Nov. 2. Тоже: Cortigiano L. IV fol. 180.

этомъ, напримѣръ, соблюдена должная тайна, то, современемъ, возможно примиреніе и мирная совмѣстная жизнь, несмотря на перенесенную боль. Новелисты съ большимъ энтузіазмомъ изображаютъ такого рода мечь, какъ произведеніе искусства, описывая въ своихъ произведеніяхъ факты изъ дѣйствительной жизни, когда они становятся извѣстны, или же плоды своихъ измышленій. Понятно само собой, что супругъ никогда въ сущности не признавалъ за женой права такъ ему мстить, и если покорялся обстоятельствамъ, то только изъ благоразумія и страха стать смѣшнымъ. Если не было этихъ мотивовъ или нельзя было избѣжать публичной огласки и насмѣшекъ постороннихъ, тогда дѣло принимало трагическій оборотъ. Нерѣдко невѣрность жены, мстившей такимъ образомъ мужу, влекла за собой жестокое наказаніе и смерть. Настоящій источникъ побужденій въ такихъ случаяхъ обнаруживается съ достаточной ясностью, если мы примемъ во вниманіе, что не только самъ супругъ, но и братья ¹⁾ жены, нарушившей вѣрность, и ея отецъ считаютъ своимъ долгомъ ее наказать; ясно, что тутъ не причемъ ревность и очень мало значить нравственное чувство, а главную роль играетъ желаніе устранить поводъ къ насмѣшкамъ. „Одна — говоритъ Банделло ²⁾ — отравляетъ, какъ мы видимъ, мужа, для того, чтобы дать свободу своимъ желаніямъ, какъ будто бы сдѣлавшись вдовой, она въ правѣ жить, какъ ей вздумается. Другая помогаетъ возлюбленному убить мужа, изъ опасенія, что ея недозволенное поведеніе можетъ открыться.

Тогда подымаются отцы, братья и мужья и съ цѣлью предотвратить позоръ, прибѣгаютъ къ яду, мечу и, прочимъ средствамъ, но, несмотря на то, многія женщины, прене-

¹⁾ Примѣръ крайне жестокой мести брата въ Перуджии въ 1455 г. находится въ хроникѣ Graciani, Arch. Stor. XVI, 7 стр. 629. Братъ приказываетъ выколоть глаза сестрѣ. Правда, семья принадлежала къ дому Odi, а любовникъ низкаго происхожденія — другого рода примѣръ (Bonaventuria Pistofilo): кардиналъ Ипполитъ приказываетъ выколоть глаза своему брату, оттого что Анджелла Борджиа назвала ихъ прекрасными. — Un processo d'uxorcidio nel 1492 описывается въ Commentarii per l'ateneo di Brescia 1891 стр. 24.

²⁾ Bandello, parte I nov. 9 и 26. Случается, что исповѣдникъ даетъ мужу себя подкупить и раскрываетъ измѣну.

брегая опасностью жизни и жертвуя честью, продолжают удовлетворять своимъ страстямъ“.—Въ другой разъ, мягче настроенный, онъ восклицаетъ: — „Невозможнымъ становится каждый день слышать то же: тотъ убилъ свою жену, потому что подозрѣвалъ невѣрность, этотъ умертвилъ дочь, потому что она тайно обвѣнчалась, третій, наконецъ, приказалъ убить сестру, потому что она не хотѣла выдти замужъ, за кого ему хотѣлось ее выдать. Но вѣдь это ужасная жестокость съ нашей стороны требовать, чтобы все дѣлалось, какъ намъ вздумается, а несчастнымъ женщинамъ мы не хотимъ ничего предоставить. Какъ только онѣ сдѣлаютъ что нибудь, что намъ не совсѣмъ нравится, мы тотчасъ хватаемся за веревку, кинжалъ или ядъ. Какая наивность со стороны мужчинъ ставить всю свою честь и честь дома въ зависимость отъ одного поведенія женщины“. Къ сожалѣнiю, исходъ подобныхъ вещей можно было предвидѣть съ такою увѣренностью, что новелистъ могъ говорить объ угрожаемомъ любовникѣ, какъ о похороненномъ уже въ землѣ. Врачъ (онъ же артистъ) Антоніо Болонья тайно обвѣнчался съ вдовствовавшей герцогиней Мальфи, изъ Арагонскаго дома; ея братья захватили ее съ дѣтьми и умертвили въ замкѣ. Антоніо, не подозрѣвая о случившемся, находился въ Миланѣ, гдѣ за нимъ уже слѣдили наемные убійцы, и пѣлъ съ лютней въ обществѣ, при дворѣ Ипполиты Сфорца, исторію своего несчастья. Одинъ изъ друзей названнаго дома, Деліо, „разказалъ все это Сципіону Ателлано и прибавилъ, что разкажетъ обо всемъ этомъ въ одной изъ своихъ новеллъ, такъ какъ онъ знаетъ, что Антоніо будетъ убитъ“. Мы находимъ у Банделло (I, 26) поразительный разказъ о томъ, какъ это убійство совершилось почти на глазахъ Деліо и Ателлано.

Новелисты того времени охотно берутъ сторону остроумія, хитрости и комизма, проявляемыхъ героями всякихъ исторій, связанныхъ съ нарушеніемъ супружеской вѣрности и взаимнымъ обманомъ сторонъ; они съ удовольствіемъ изображаютъ семейную игру въ прятки, символическіе знаки и посланія, которыми обмѣниваются любовники, ящики заранѣе снабженные подушками, конфетами и пр., для того, чтобы въ нихъ можно было спрятать гостя и незамѣтно вынести изъ дома и т. д.; обманутый супругъ изображается

обыкновенно въ этихъ новеллахъ или просто въ глупомъ видѣ, какъ человѣкъ, котораго легко одурачить, или же какъ неукротимый мститель; другихъ типовъ почти не существуетъ, если не брать тѣхъ разсказовъ, въ которыхъ жена изображается какъ злая и жестокая женщина, а любовникъ или мужъ въ видѣ невинной жертвы. Надо замѣтить впрочемъ, что разказы послѣдняго рода представляютъ съ собою не новеллы собственно, а скорѣе примѣры изъ дѣйствительной жизни долженствующе служить предостереженіемъ ¹⁾).

Въ XVI вѣкѣ, съ упроченіемъ испанскаго вліянія на итальянскую жизнь, ревность не разбирающая средствъ, еще болѣе усиливается и принимаетъ особый оттѣнокъ, но не слѣдуетъ забывать, что еще ранѣе ревность пустила глубокіе корни въ итальянской жизни, и что возмездіе за супружескую измѣну коренилось также въ самомъ итальянскомъ возрожденіи. Съ ослабленіемъ вліянія испанской культуры, ревность дошедшая до своего апогея, переходитъ въ концѣ семнадцатаго вѣка въ другую крайность и уступаетъ мѣсто противоположному явленію, а именно тому равнодушію, благодаря которому чичисбей становится неизбѣжной фигурой въ каждомъ домѣ, и, кромѣ того, допускается имѣть еще нѣсколькихъ домашнихъ друзей (patti).

Параллель съ другими народами. Кто возьметъ на себя задачу провести параллель между всей суммой упомянутыхъ безнравственныхъ явленій и подобнаго же рода обстоятельствами, свойственными другимъ народамъ въ томъ-же вѣкѣ? Такъ, на примѣръ, можно спросить, окруженъ ли былъ бракъ во Франціи въ XV вѣкѣ большею святостью, чѣмъ въ Италиі? Множество фаблю и фацетій возбуждаютъ въ этомъ отношеніи сильное сомнѣніе, и мы склонны скорѣе думать, что измѣна въ супружескихъ отношеніяхъ была здѣсь не менѣе частымъ явленіемъ, хотя рѣже сопровождалась трагическимъ концомъ, благодаря сравнительно слабѣ развитой индивидуальности съ ея требованіями. Больше правъ на преимущество въ этомъ отношеніи имѣютъ, повидимому, германскіе народы, по крайней мѣрѣ, если судить по тому, что женщина и дѣвушка пользовались среди нихъ гораздо

¹⁾ На примѣръ, Bandello, parte 1, nov. 4.

большей общественной свободой, вызывавшей удивление и одобрение итальянцевъ, побывавшихъ въ Англіи и Нидерландахъ. Но и этому свидѣтельству не слѣдуетъ придавать слишкомъ большого значенія. Невѣрность, безъ сомнѣнія, и здѣсь встрѣчалась довольно часто, при чемъ лица съ болѣе развитой индивидуальностью и здѣсь также не могли избѣжать трагической развязки. Достаточно вспомнить, какъ сѣверные князья того времени поступали со своими женами, при одномъ только подозрѣніи и намекѣ на невѣрность.

Въ итальянской средѣ того времени не удовлетвореніе только грубыхъ влеченій и пошлыхъ страстей свойственныхъ зауряднымъ людямъ, но также и страсть лучшихъ и благороднѣйшихъ людей часто принимала запретный характеръ; послѣднее не только потому, что молодая дѣвушка до замужества не появлялись въ обществѣ, но и потому, что болѣе совершенныхъ людей сильнѣе привлекали къ себѣ именно замужнія женщины, какъ болѣе развитыя во всѣхъ отношеніяхъ, благодаря свободѣ и пріобрѣтенному знакомству съ жизнью. Эти то люди дали лирической поэзіи ея высшее выраженіе, а также въ разсужденіяхъ идеологовъ старались дать прекраснѣйшій образъ возвышенной любви и поклоненія красотѣ—Amor divino.

Когда они въ своихъ произведеніяхъ жалуются на жестокость крылатаго бога любви, то подъ этимъ они разумѣютъ часто не жестокость любимой женщины или ея невниманіе, но и самое сознаніе незаконности и внутренней несправедливости такого рода интимныхъ отношеній.

Для того, чтобы подняться выше своихъ огорченій, они стараются одухотворить свою любовь и такимъ образомъ приближаются къ платоническому чувству, нашедшему въ Піетро-Бембо своего наиболѣе прославленнаго выразителя.

Піетро-Бембо.— Въ третьей книгѣ своего „Азолани“ ¹⁾ онъ высказывается непосредственно самъ, и то же самое мы видимъ въ рѣчахъ, вкладываемыхъ въ его уста Кастильоне въ четвертой книгѣ Кортиджіано, въ великолѣпной заключительной рѣчи. Оба автора не были настоящими стойками въ жизни, но для того времени достаточно соединеніе въ одномъ лицѣ

¹⁾ Agost. Rossi, Gli Asolani del Bembo, Propugnatore 19, 2, 64—95, старается доказать вліяніе на Бембо Платона и Амето Боккаччіо.

громкой извѣстности и прекрасныхъ побужденій, въ чемъ имъ обоимъ нельзя отказать. Во всякомъ случаѣ современники видѣли въ произведеніяхъ этихъ людей искреннее выраженіе чувствъ, а потому и мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ видѣть во всемъ этомъ одну только фразу. Кто дастъ себѣ трудъ прочесть упомянутую рѣчь въ Кортиджіано, тотъ самъ пойметъ, какъ мало можно дать о ней понятіе при помощи выдержекъ.

Въ то время въ Италіи жило нѣсколько знаменитыхъ женщинъ, прославившихся такого рода отношеніемъ къ нимъ мужчинъ, напр. Джуліа-Гонзага, Вероника да Кореджіо и прежде всѣхъ Викторіа Коллонна. Въ странѣ крайнихъ развратниковъ и насмѣшниковъ такого рода платоническія отношенія и сами эти женщины пользовались, однако, чрезвычайнымъ уваженіемъ и послѣднее, конечно, больше всего говорить въ ихъ пользу. Трудно сказать, примѣшивалось ли нѣкоторое тщеславіе къ тому чувству, какое могла испытывать Викторія, прислушиваясь къ восторженнымъ изъявленіямъ безнадежной любви къ ней знаменитѣйшихъ мужей Италіи. Если по временамъ это явленіе становилось модой, во всякомъ случаѣ не маловаженъ тотъ фактъ, что обаяніе имени Викторіи продолжало жить въ позднѣйшія времена и производить сильнѣйшее впечатлѣніе ¹⁾.

Прошло много времени, пока стали возможны явленія сколько-нибудь подобныя этому въ другихъ странахъ.

Преступность. — Воображеніе, управляющее этимъ народомъ вообще больше чѣмъ всякимъ другимъ, становится въ большинствѣ случаевъ главной причиной, почему страсть, вызванная тѣмъ или другимъ обстоятельствомъ, принимаетъ здѣсь необыкновенно бурный характеръ и не останавливается въ выборѣ средствъ вплоть до самыхъ преступныхъ. Всякій знаетъ, что слабость ведетъ къ вспышкамъ, когда

¹⁾ Graf указалъ (Nuova antologia III, Ser-Vol. I, 228), какъ изученіе Петрарки вліяло на это направленіе и образъ мыслей.—Весьма интересны четыре большихъ письма, въ которыхъ современникъ Петрарки, Салутати (Письма IV, 1—52), рассказываетъ Pellegrino Zambeccari подробно о своей любви къ прежней возлюбленной Джіованнѣ (они оба сочетались бракомъ съ другими, но онъ не могъ забыть прежнее); эта исповѣдь представляетъ мотивированный протестъ земной противъ чувственной любви.

человѣкъ не владѣеть собой; здѣсь, напротивъ, мы имѣемъ дѣло съ вырожденіемъ сильныхъ характеровъ. По временамъ это вырожденіе достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ, и преступленіе принимаетъ особенный индивидуальный характеръ.

Въ такихъ случаяхъ всякія границы исчезаютъ. Каждый, и въ томъ числѣ человѣкъ простого званія, чувствуетъ себя внутренно свободнымъ передъ лицомъ незаконной власти, опирающейся на насильственный захватъ и свою полицію; на справедливость юстиціи никто уже не полагается. При всякомъ смертоубійствѣ симпатіи общества оказываются неволью на сторонѣ убійцы ¹⁾, не ожидая, пока выяснятся ближайшія причины, побудившія его поднять руку. Мужественное поведеніе преступника передъ казнью и его пренебреженіе къ смерти вызываетъ такое удивленіе, что современные писатели, рассказывая объ этомъ, забываютъ даже сообщить, за что преступникъ осужденъ ²⁾.

Всеобщая анархія.—Иногда къ обычному презрѣнію къ правосудію и къ многочисленнымъ вендетамъ присоединяется полная безнаказанность, какъ во времена политическихъ смуть, и мы видимъ въ такихъ случаяхъ государство и гражданскую жизнь на краю совершенной гибели—каждый дѣлаетъ что хочетъ. Такіе моменты переживалъ Неаполь во время перехода отъ Аррагонской династіи къ французской, а затѣмъ къ испанской власти, такіе же моменты испытывалъ Миланъ въ періоды изгнанія и возвращенія дома Сфорца. Въ такія времена выступаютъ впередъ люди, въ глубинѣ души никогда не признававшіе ни государства, ни общества, и они даютъ полную волю своимъ ничѣмъ не сдерживаемымъ хищнымъ разбойническимъ инстинктамъ. Въ видѣ примѣра взглянемъ на одну такого рода картину.

¹⁾ *Piaccia al Signore. Iddio che non si iritrovi*—говорятъ женщины въ домѣ (Giraldi III, пов. 10), когда имъ сообщаютъ, что мщеніе можетъ пасть на головы убійцы.

²⁾ Мы видимъ это, на примѣръ, у *Gioviano Pontano* (de fortitudine w. II); его героическіе Асколаны, поющіе и танцующіе въ послѣднюю ночь, мать въ Абруццахъ, ободряющая сына на пути къ мѣсту казни и т. п., повидимому, принадлежать къ разбойничьимъ семьямъ, но онъ умалчиваетъ объ этомъ.

Въ 1480 году послѣ смерти Галеацце-Маріа Сфорца (см. т. I, стр. 46) Миланское герцогство испытывало сильное потрясеніе, и въ провинціальныхъ городахъ исчезла всякая безопасность. Такъ, въ Пармѣ ¹⁾ миланскій губернаторъ, напрасно пытавшійся дорогими доносами найти преступниковъ и напуганный покушеніями на свою жизнь, далъ свободу находившимся въ заключеніи; тогда они стали врываться въ дома и совершать открытыя убійства и ограбленіе, въ особенности евреевъ; беззастѣнчивое нарушеніе нравственности стало совершенно обычнымъ явленіемъ; преступники дѣйствовали сперва замаскированные, въ одиночку, а затѣмъ стали появляться по ночамъ безъ всякаго страха и цѣлыми вооруженными шайками; въ то же время по рукамъ ходили возмутительные пасквили, каррикатуры и угрожающія письма; между прочимъ одно сатирическое стихотвореніе осмѣивавшее власти, возмутило ихъ, повидимому, сильнѣе, чѣмъ весь ужасъ упомянутыхъ преступленій.

Во многихъ церквахъ были украдены мощи святыхъ, что придавало всему возмущенію особую окраску. Трудно предвидѣть, какія послѣдствія оказались бы въ настоящее время въ какой-нибудь странѣ, если-бы правительство и полиція вынуждены были прекратить свою дѣятельность, и въ то же время временное правительство почему либо не могло бы образоваться; но то, что происходило въ Италіи при такихъ обстоятельствахъ, носило особый характеръ, благодаря вмѣшательству мстительныхъ побужденій.

Въ общемъ Италія эпохи возрожденія оставляетъ такое впечатлѣніе, что и въ обыкновенное время значительныя преступленія повторялись въ ней чаще, чѣмъ въ другихъ странахъ. Правда, насъ можетъ вводить въ заблужденіе то обстоятельство, что мы узнаемъ здѣсь объ этомъ сравнительно чаще, чѣмъ въ другой странѣ, и что пылкая фантазія, влиявшая на самый характеръ преступленій, изобрѣтала также, можетъ быть, и многое вовсе несуществовавшее. Весьма возможно, что въ общемъ сумма насильственныхъ дѣйствій была не меньше и въ другихъ странахъ. Такъ, въ сущности, трудно рѣшить, было ли въ общемъ больше бе-

¹⁾ Diarium Parmense., см. Murat. XXII, Col. 330—349 passim, Конетъ Col. 340.

зопасности, напримѣръ въ сильной и богатой Германіи, съ ея смѣлыми бродягами, нищими-грабителями и рыцарями, господствовавшими надъ большими дорогами, и была ли человѣческая жизнь болѣе гарантирована въ этой странѣ. Но несомнѣнно, что предумышленное убійство, при помощи наемныхъ людей, для которыхъ это стало ремесломъ, получило въ Италіи огромное, ужасающее распространіе.

Разбойничество въ Италіи.—Если мы взглянемъ прежде всего на разбойничество въ Италіи, то убѣдимся, что это ужасное явленіе получило здѣсь распространіе отнюдь не въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, а въ нѣкоторыхъ болѣе счастливыхъ мѣстностяхъ даже и значительно меньшее. Тѣмъ не менѣе надо сознаться, что итальянскіе типы разбойниковъ часто отличаются совершенно своеобразнымъ характеромъ ¹⁾.

Такъ, напримѣръ, едва ли гдѣ-нибудь въ другой странѣ мы встрѣтимъ особу священника, который подъ вліяніемъ бурной страсти становится разбойникомъ и проявляетъ такую дѣятельность, что, въ концѣ концовъ, мы видимъ его во главѣ цѣлой шайки разбойниковъ; между тѣмъ, такихъ примѣровъ можно привести не одинъ, и между ними, слѣдующій ²⁾.

Въ Феррарѣ 12-го августа 1495 года былъ посаженъ въ желѣзную клѣтку, прикованную къ наружной стѣнѣ собора Св. Джуліано, священникъ Донъ-Николло де Пеллагати изъ Фираролло. Этотъ монахъ два раза служилъ свою первую мессу; въ первый разъ онъ въ тотъ же день совершилъ убійство, но затѣмъ получилъ въ Римѣ отпущеніе грѣховъ; вслѣдъ затѣмъ онъ умертвилъ четырехъ человѣкъ, сталъ двоеженцемъ и возилъ съ собою обѣихъ женъ. Далѣе онъ былъ участникомъ во многихъ убійствахъ, насилывалъ и уводилъ съ собою женщинъ, занимался грабежомъ въ широкихъ размѣрахъ, причемъ также самолично убивалъ лю-

¹⁾ Настоящая итальянская особенность, какъ сообщаетъ Buccardus (Diarium, изд. Thuasne I, 211, Т. 1486); во время повѣшенія одного вора, ему прикрѣпляютъ auripellum, in Signum quod fuit excellens latro.

²⁾ Diario ferrarese, см. Murat. XXIV, Col. 312. При этомъ вспоминается шайка священника, благодаря которому въ 1837 году не было покоя въ западной Ломбардіи.

дей и бродилъ съ организованной вооруженной шайкой въ окрестностяхъ Феррары, вынуждая жителей давать имъ пріютъ и пищу, подъ угрозой смерти и насилій. Если къ этому присоединить все, что осталось неизвѣстнымъ изъ его подвиговъ, то въ общемъ получится довольно замѣчательная для священника сумма преступленій. И въ другихъ мѣстностяхъ встрѣчалось не мало убійць и всякаго рода преступниковъ изъ монаховъ, пользовавшихся, какъ извѣстно, привилегированнымъ положеніемъ и почти ни отъ кого не зависимыхъ, но врядъ ли можно было встрѣтить еще другого Пеллагати. Нѣсколько иное, хотя также не особенно почтенное явленіе представляли погибшіе люди, одѣвавшіе рясу, для того, чтобы избѣгнуть наказанія за какое нибудь преступленіе, какъ напримѣръ, тотъ корсаръ, съ которымъ Мазуччіо познакомился въ одномъ монастырѣ въ Неаполѣ ¹⁾. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ подробностей этого рода фактовъ изъ жизни папы Іоанна XXIII. Въ юности онъ принималъ участіе, какъ корсаръ, въ войнѣ обоихъ Анжуйскихъ домовъ за Неаполь, но такого рода партизанское участіе носило въ извѣстной мѣрѣ политическій характеръ и оправдывалось по тогдашнимъ понятіямъ. Надо замѣтить, однако, что современники и позднѣйшіе писатели, какъ Ліонардо Аретіно и Поджіо сообщаютъ гораздо худшія вещи о его прошломъ ²⁾. Впрочемъ, настоящая эпоха прославившихся своей яркой индивидуальностью разбойничьихъ вождей начинается только позднѣе, въ XVII вѣкѣ ³⁾, когда въ странѣ прекращаются политическія столк-

¹⁾ Massuccio, Nov. 29, изд. Settembr., стр. 314. Понятно, что тотъ, о комъ идетъ рѣчь, большею частью пользуется успѣхомъ въ любовныхъ походахъ. Зналъ ли его Massuccio въ самомъ дѣлѣ? Онъ говоритъ: *un fratte, del nome e abito del quale come che non me ne ricordo pure so che era un esperto e famoso corsalo.*

²⁾ Срв. сопоставленіе у Gregorovius'a VI, стр. 600. Архіепископъ Paolo Fregoso изъ Генуи былъ дожемъ, корсаромъ и кардиналомъ, ср. в. т. I, стр. 90, прим. 1.

³⁾ И въ XVI в. разбойничество было довольно распространеннымъ явленіемъ. Интересныя сообщенія о Венеціи у Molmenti, Nuova, Antologia III, ser. n. 46. стр. 99. Въ 1570 г. жалуются на *territori pieni di banditi i quali tutto il di commettono novi e atrocissimi delitti.* Въ 1560 г. разбойничество *detestandi eccessi... con molta offensa del'nostro Signor Dio e della giustizia.*

новенія партій — гвельфовъ и гибеллиновъ, испанцевъ и французовъ и т. д.; тогда разбойники становятся на мѣсто партизановъ.

Дикій народъ. — Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи, куда культура совсѣмъ не проникала, крестьяне, съ постоянствомъ, перешедшимъ въ обычай, убивали всякаго, кто только попадалъ въ руки, если это не былъ землякъ. Такъ велось, напримѣръ, въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ Неаполитанскаго королевства, гдѣ сохранилась первобытная дикость нравовъ временъ господства древняго Рима, и гдѣ съ удивительной наивностью слова госте или чужестранецъ (*hospes* и *hostis*) считались равнозначущими. Нельзя сказать, чтобы у этихъ людей вовсе не было религіи; нерѣдко случалось, что пастухъ приходилъ на исповѣдь и со страхомъ признавался священнику, что въ посту нѣсколько капель молока попали ему въ ротъ, въ то время какъ онъ приготавливалъ сыръ. Конечно, исповѣдникъ прекрасно знакомый съ мѣстными нравами, умѣлъ выпытать отъ него въ то же время, что онъ со своими товарищами убили и ограбили нѣсколькихъ путешественниковъ, но это считалось настолько обыкновеннымъ, что не вызывало ни у кого угрызений совѣсти и потребности каяться ¹⁾. Мы уже указывали выше (ч. 4, гл. VI), насколько крестьяне могли вообще одичать въ различныхъ мѣстностяхъ во время политическихъ смуть.

Наемные убійцы. — Но даже самое разбойничество не такъ характерно для тогдашнихъ нравовъ, какъ многочисленность преступленій, совершаемыхъ при помощи наемныхъ убійцъ. Повидимому, въ этомъ отношеніи Неаполь первенствуетъ надъ всѣми другими городами. Здѣсь — говорить Понтано — ничто такъ дешево не покупается, какъ человѣческая жизнь ²⁾. Но и другія мѣстности также могутъ похвалиться цѣлымъ рядомъ подобныхъ преступленій. Трудно, конечно, раздѣлить ихъ по категоріямъ и раз-

¹⁾ Roggio, Facetiae fol. 164. Кто знаетъ современный Неаполь, можетъ быть слышалъ подобный же фарсъ изъ другой области явленій.

²⁾ Jovian-Pontani Antonius: nec est quod Neapoli quam hominis vita minoris vendatur. Впрочемъ, онъ полагаетъ, что при анжуйскомъ домѣ еще не то было: sciam ab iis — арагонцамъ — asserimus. Въ 1534 г. состояніе характеризуется Бьенвенуто Челлини I, 70.

личнымъ побужденіямъ, такъ какъ во всѣхъ этихъ убійствахъ тѣсно переплетались политическій расчетъ, партійная ненависть, личная вражда, месть и, наконецъ, просто страхъ другъ передъ другомъ. Надо отдать справедливость флорентійцамъ въ томъ, что у нихъ, какъ у наиболѣе развитыхъ итальянцевъ того времени, подобныя вещи встрѣчались гораздо рѣже ¹⁾; можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что здѣсь еще не утрачена была вѣра въ правосудіе и удовлетвореніе справедливыхъ требованій, или, благодаря сравнительно болѣе высокой культурѣ, здѣсь смотрѣли иначе на попытку, при помощи преступленія, измѣнить естественный ходъ вещей; здѣсь люди сумѣли во-время понять, что нельзя взвѣсить всѣ послѣдствія совершаемаго преступленія и трудно заранѣе расчитать, принесетъ ли оно въ самомъ дѣлѣ ожидаемую выгоду, другими словами, насколько достигнутый результатъ можетъ быть проченъ.

Вмѣстѣ съ паденіемъ свободы во Флоренціи, повидимому, учащаются предательства и убійства, преимущественно при помощи наемныхъ рукъ, и такой порядокъ вещей продолжается до тѣхъ поръ, пока усиливается власть Козимо I настолько, что его полиція ²⁾ въ состояніи справиться съ злодѣянiami.

Государи — виновники убійствъ. — Во всей остальной Италіи преступленія при помощи наемниковъ повторяются въ томъ или другомъ городѣ рѣже или чаще, смотря по тому, насколько высокопоставленные люди въ состояніи платить. Никто, разумѣется, не станетъ заниматься этого рода статистикой, но если даже изъ всѣхъ смертныхъ случаевъ, которымъ молва приписывала насильственный характеръ, принять за достовѣрное только малую часть, и то составитъ уже значительную сумму. Прежде всего государи и правители подавали дурной примѣръ, такъ какъ они ничуть не стѣснялись признавать убійства однимъ изъ средствъ для утвержденія своего могущества и своихъ правъ. Для

¹⁾ Трудно привести этому подлинныя доказательства, но убійства упоминаются рѣдко, и воображеніе флорентійскихъ писателей менѣе заполнено подобными ужасами. — Во Флоренцію бѣжитъ Bellanti изъ Сены (1408).

²⁾ См. о ней донесеніе Fedelli у Alberi: Relazioni Serie II, vol. 1, стр. 359.

этого еще не нужно было быть какимъ нибудь Цезаремъ Борджіа. Многіе, какъ Сфорца, Арагонскіе государи, венеціанская республика ¹⁾, а затѣмъ также приверженцы Карла V охотно злоупотребляли тѣмъ, что имъ казалось удобнымъ для достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Ядъ, какъ орудіе смерти.—Воображеніе народа до такой степени привыкло видѣть во всемъ злодѣйское покушеніе, что, когда умиралъ кто нибудь изъ сильныхъ и знатныхъ, никому не вѣрилось, что онъ могъ умереть естественной смертью. Многіе составляли себѣ баснословное представленіе о силѣ дѣйствія ядовъ. Такъ говорили объ ужасномъ бѣломъ порошокѣ (см. I, стр. 139), которымъ пользовались Борджіа и дѣйствіе котораго могло быть въ точности рассчитано на извѣстный срокъ; повидимому, это былъ тотъ самый *venenum atterminatum*, которымъ герцогъ Салернскій угостилъ Арагонскаго кардинала, сказавъ: „Ты умрешь черезъ нѣсколько дней, потому что отецъ твой, король Ферранте, хотѣлъ насъ всѣхъ уничтожить“ ²⁾. Но отравленное письмо, посланное Екатериной Ріаріо папѣ Александру VI ³⁾ едва ли причинило бы ему смерть, еслибы онъ и прочелъ его; также, когда врачи совѣтовали Альфонсу Великому не читать Ливія, полученнаго имъ въ подарокъ отъ Козима Медичи, король былъ правъ, отвѣтивъ: „молчите не говорите глупостей“ ⁴⁾. Наконецъ тотъ ядъ, которымъ секретарь Пиччинини хотѣлъ помазать кресло-носилки папы Пія II ⁵⁾, по всей вѣроятности, долженъ было оказывать симпатическое дѣйствіе. Трудно съ точностью опредѣлить, какого происхожденія были эти яды, минеральнаго или растительнаго; жидкость, которою отравился живописецъ Россо Фіорентино (1541), представляла, по всей вѣроятности, одну изъ сильнодѣйствующихъ кислотъ ⁶⁾, т. е. такой ядъ, который трудно было бы незамѣтно дать другому.

¹⁾ Срв. прилож. С.

²⁾ *Infessura*, изд. Tomasini, стр. 186.

³⁾ *Chron. venetum*, см. Murat. XXIV, Col. 131.

⁴⁾ Petr. Crinitus de honesta disciplina, L. XVIII, cap. 9.

⁵⁾ Pii II, comment. L. XI, стр. 562. — Jo Ant. Campanus, vita Pii II, см. Murat. III, II, Col. 988.

⁶⁾ Vasari IV, 82. Vitta di Corso.

Наемные убійцы. — Князя и государи въ Миланѣ, Неаполѣ и другихъ городахъ имѣли къ своимъ услугамъ во всякое время сколько угодно наемныхъ рукъ для преступлений, такъ какъ они держали для своей охраны множество вооруженныхъ людей, подъ влияніемъ праздности въ высшей степени склонныхъ къ кровавымъ развлеченіямъ. Многія злодѣянія, безъ сомнѣнія, не были бы приведены въ исполненіе, если бы господинъ не былъ увѣренъ, что среди его слугъ есть такіе, которые готовы дѣйствовать по одному его знаку.

Къ числу таинственныхъ средствъ, имѣющихъ преступную цѣль, надо причислить колдовство ¹⁾, хотя оно играло подчиненную роль, смотря по тому, насколько кто въ него вѣрилъ. Тамъ, гдѣ упоминаются *maleficio*, *malie* и т. п., это дѣлается большею частью для того, чтобы обрушиться всѣми ужасами на ненавистную личность. Въ Англіи и во Франціи въ XIV и XVI вѣкахъ, колдовство при дворахъ играетъ гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ въ Италіи среди высшихъ сословій.

Абсолютные злодѣи. — Наконецъ въ странѣ, гдѣ всякаго рода индивидуальность достигаетъ крайнихъ ступеней, появляются люди, проникнутые до такой степени органической преступностью, что для нихъ преступленіе имѣетъ само по себѣ своеобразную прелесть, не какъ средство для достиженія какой-нибудь цѣли, но, если можно такъ выразиться, какъ средство для цѣлей выходящихъ изъ всякихъ психологическихъ нормъ.

Къ этимъ ужасающимъ личностямъ прежде всего приходится отнести на первый взглядъ Эццелино да Романо, — хотя онъ дѣйствовалъ несомнѣнно подъ влияніемъ честолюбивыхъ цѣлей и увлеченія астрологіей, — далѣе нѣкоторыхъ кондотьеровъ, такихъ людей, какъ Браччіо, Монтоне, Тиберто, Брандолино и такой типъ, какъ Вернеръ Урслингенскій на серебрянной бронѣ котораго стояла надпись: „Врагъ Бога, состраданія и милосердія“. Несомнѣнно, что эти люди принадлежали къ типу людей индивидуально наиболѣе развитыхъ, хотя и дурно направленныхъ. По крайней мѣрѣ, мы вынуждены судить о нихъ осторожно, когда

¹⁾ Срв. прилож. С.

узнаемъ, на примѣръ, что современники считаютъ ихъ болѣе всего виновными въ пренебреженіи къ церковнымъ отлученіямъ, и что на этомъ основаніи построено главнымъ образомъ ихъ осужденіе. Такъ, Браччіо не только не вѣритъ въ Бога и святыхъ, презираетъ церковную обрядность и никогда не присутствуетъ на службахъ, но простираетъ свое отвращеніе къ церкви до того, что приходитъ въ бѣшенство, услышавъ монашеское пѣніе, и приказываетъ сбрасывать этихъ людей съ высоты башенъ¹⁾, но въ то же время онъ очень добръ со своими воинами и заслуживаетъ признанія его замѣчательнымъ полководцемъ“. Преступленія кондотьеровъ, въ большинствѣ случаевъ, безъ сомнѣнія, имѣли корыстную цѣль и легко объясняются крайне деморализующимъ положеніемъ, причемъ даже, безпричинная, очевидно, жестокость легко объясняется малодушіемъ и въ своемъ родѣ понятна, какъ желаніе навести страхъ на окружающихъ.

Всѣ жестокости Арагонцевъ имѣли, какъ мы видѣли выше (т. I, стр. 40), главный источникъ въ жаднѣ мести и въ тревогѣ за свою жизнь. Кроваважность въ чистомъ видѣ, безцѣльное дѣвольское влеченіе къ злодѣйствамъ мы встрѣчаемъ впервые у испанца, Цезаря Борджіа, жестокость котораго переходитъ далеко даже за предѣлы его цѣлей (т. I, стр. 135). Далѣе, своеобразной страстью къ злодѣйствамъ отличается Сигизмундо Маллатеста, деспотъ Риммини (т. I, стр. 38 и 279); не только Римская курія¹⁾, но и вся исторія

¹⁾ Giornali napoletani, см. Murat., XXI, 1092, all a 1425. По сообщеніямъ лѣтописцевъ, такія дѣя-ія имѣли причиной только влеченіе къ совершенію жестокостей. — Жестокія наказанія мучительною смертью были тогда не рѣдкое явленіе; примѣръ — Marin Sanudo 40, 325 fg. — Выдающийся случай жестокости во Флоренціи въ 1487 г. слѣдующій: 22 марта 1487 г. былъ повѣшенъ одинъ преступникъ, но когда его сняли, оказался еще живымъ и его отнесли въ госпиталь. Но такъ какъ убѣдились, что онъ питаетъ намѣреніе отомстить, то его 11 апрѣля снова повѣсили, на этотъ разъ съ успѣхомъ 53. Палачъ не умертвившій жертву послѣ третьей попытки подвергается избіенію камнями, 1503 Landucci, стр. 255. Примѣръ классической твердости духа указывается въ лицѣ Andrea Morosini (Sanudo), который обвиняетъ сына передъ сенатомъ, impichelo taieli la testa — за то, что тотъ поцѣловалъ дѣвушку и украсть у нея драгоцѣнное украшеніе.

¹⁾ Pii II, comment., L. VII, стр. 338.

обвиняетъ его въ многократныхъ преступленіяхъ, какъ убійство, изнасилованіе, кровосмѣшеніе, ограбленіе церквей, измѣна присягѣ, предательство и т. п.; одинъ изъ ужаснѣйшихъ его поступковъ—покушеніе на изнасилованіе сына своего Роберто, защищавшагося кинжаломъ ¹⁾; это покушеніе объясняется, впрочемъ, не одной только испорченностью, но также астрологическимъ и т. п. суевѣріемъ. Тоже самое предполагается, какъ объясненіе такого же насилія, совершеннаго Пьерлуиджи Фарнезе Пармскимъ, сыномъ папы Павла III, надъ епископомъ Фано ²⁾.

Индивидуализмъ и нравственность. Если мы остановимся на главныхъ чертахъ тогдашняго итальянскаго характера, какимъ онъ намъ представляется въ жизни упомянутыхъ сословій, то мы придемъ къ слѣдующему выводу: главнѣйшій недостатокъ этого характера представляетъ въ то же время необходимое условіе его величія; это есть высоко-развитая индивидуальность. Такимъ образомъ личность становится въ противорѣчіе съ государственнымъ строемъ, большею частью тиранническимъ и основаннымъ на захватѣ; то, что человекъ думаетъ и дѣлаетъ, справедливо ли, или нѣтъ, становится ему въ преступленіе. Видя передъ собой побѣдоносный эгоизмъ, онъ въ своихъ личныхъ дѣлахъ беретъ на себя защиту своихъ правъ и, стремясь возстановить миръ въ своей душѣ путемъ личной мести, подпадаетъ вліянію темныхъ силъ. Его любовь чаще всего обращается къ другой также развитой индивидуальности, а потому ея объектамъ является жена ближняго. Наперекоръ всему, что носитъ объективный характеръ, всевозможнымъ законамъ и ограниченіямъ онъ сохраняетъ вѣру въ свое личное преобладаніе надъ всѣмъ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ принимаетъ самостоятельное рѣшеніе, смотря потому, какъ живутъ и какое мѣсто занимаютъ въ его душѣ чувство чести и корысть, холодный расчетъ и страсть, самоотреченіе и мстительность.

¹⁾ Jovian Pontan., de immanitate, cap. 17, opp. II, 968, гдѣ говорится о беременноти дочери Sigismondo, ее изнасиловавшаго.

²⁾ Varchi, Storie fiorentine въ концѣ тамъ, гдѣ сочиненіе въ не-искаженномъ изданіи, напр., въ Миланскомъ. Ср. упомянутое выше прилож. XLIX.

Но если страсть и въ широкомъ и въ узкомъ смыслѣ слова, представляетъ собою корень и стволъ всякаго зла, то уже потому итальянецъ этого типа стоитъ ближе ко злу, чѣмъ человекъ другой націи.

Это индивидуальное развитіе, однако, не случайность, а результатъ всемірно-историческихъ судебъ и стало достояніемъ не одного только народа, но,—въ значительной мѣрѣ, благодаря итальянской культурѣ,—распространилось среди всѣхъ прочихъ западныхъ народовъ и вошло въ ту атмосферу, которой они и могутъ только дышать. По существу своему этотъ индивидуализмъ нельзя назвать ни добромъ, ни зломъ, но онъ необходимъ. Въ немъ, внутри его, развивается современное понятіе о добрѣ и злѣ, нравственное вмѣненіе, существенно различающееся отъ такового среднихъ вѣковъ.

Итальянецъ эпохи Возрожденія принялъ на себя первую мощную волну этого новаго движенія.

Благодаря его дарованіямъ и страстямъ, онъ служитъ лучшимъ и наиболее яркимъ выразителемъ этого движенія, какъ на высотѣ, такъ и въ глубинѣ паденія; рядомъ съ сильнѣйшей испорченностью мы видимъ въ то же время высоко развитую личность и прекраснѣйшее искусство, прославившее индивидуальную жизнь такъ, какъ не хотѣли и не могли этого сдѣлать ни средніе вѣка, ни античная древность.

Глава II

Религія въ ежедневной жизни

Религія.—Въ самой тѣсной связи съ нравственностью народа находится вопросъ о его отношеніи къ религіи; другими словами, вѣрить ли онъ болѣе или менѣе въ божественное управленіе міромъ, независимо отъ того, представляется ли вѣрующимъ земная жизнь исполненной счастья, или юдолюю горя и обреченной на скорую гибель¹⁾. Мы знаемъ, что въ общемъ утвердилось мнѣніе о тогдашнемъ итальянскомъ невѣрїи, и если бы кто захотѣлъ дать себѣ трудъ искать доказательствъ, тотъ можетъ легко найти сотни современныхъ свидѣтельствъ и примѣровъ. Но въ наши задачи и здѣсь входитъ только разсмотрѣніе и сопоставленіе нѣкоторыхъ данныхъ; мы не намѣрены въ концѣ концовъ постановлять окончательный приговоръ.

Источникомъ и основой понятія о Богѣ въ раннія времена служили христіанство и церковь, какъ внѣшнее выраженіе могущества религіи. Когда церковь стала вырождаться и падать, человѣчество должно было бы, повидимому, отдѣлить внутреннюю сущность отъ внѣшней формы и сохранить религію, несмотря на противорѣчіе. Но такое требованіе гораздо легче представить себѣ теоретически, чѣмъ исполнить на дѣлѣ. Не всякій народъ настолько лѣнивъ и

¹⁾ То или другое въ различномъ видѣ и выраженіяхъ, смотря по мѣстности и характерамъ. Въ эпоху возрожденія были города и времена, когда господствовало рѣшительное наслажденіе счастьемъ. Всеобщее мрачное настроеніе мыслящихъ людей начинаетъ явственно преобладать только со времени утвержденія чужеземнаго господства въ XVI вѣкѣ.

пассивенъ въ своемъ мышленіи, чтобы долгое время выносить установившееся противорѣчіе между принципомъ и его внѣшнимъ выраженіемъ: На опустившейся церкви лежитъ одно изъ самыхъ тяжелыхъ обвиненій, какія мы знаемъ во всемірной исторіи: она подносила людямъ взамѣнъ чистой истины ученіе, искаженное въ интересахъ своей власти, и прибѣгала ко всевозможнымъ средствамъ, для достиженія своекорыстной цѣли, причемъ проявила распущенность нравовъ, сознавая свою полную безотвѣтственность; преслѣдуя такимъ образомъ одну цѣль, а именно, свою безопасность, она наносила смертельные удары уму и совѣсти народовъ, а потому многіе болѣе одаренные люди внутренно отъ нея отстранялись, впадая въ невѣріе и ожесточеніе.

Причины упадка. — Невольно передъ нами возникаетъ вопросъ, почему Италия, несмотря на высокое развитіе, не выказала рѣшительнаго протеста противъ іерархіи и не произвела реформациі въ родѣ нѣмецкой и притомъ еще раньше послѣдней.

Повидимому, общее настроеніе Италіи не дошло до полнаго отрицанія іерархіи ¹⁾, между тѣмъ какъ нѣмецкая реформація своимъ началомъ и поступательнымъ движеніемъ была обязана позитивнымъ ученіямъ, въ особенности оправданію вѣрой и недостаточности добрыхъ дѣлъ. Нѣтъ сомнѣній, что эти ученія перешли изъ Германіи въ Италію и оказали свое воздѣйствіе, но уже когда было поздно, а именно, когда испанское владычество достигло такого могущества, что въ состояніи было все подавить отчасти непосредственно, отчасти при помощи папства и его слугъ ²⁾. Впрочемъ, уже въ раннихъ религіозныхъ движеніяхъ появившихся въ Италіи, начиная отъ мистиковъ XIII вѣка до

¹⁾ Быть можетъ, правъ Кальвинъ, когда сказалъ о В. Ochino: „Я невѣрю итальянскимъ умамъ“. Древнее языческое вліяніе въ христіанскомъ возрѣніи итальянцевъ особенно опредѣленно подчеркивается у G. Bazelotti, Nuova Antologia 3, Ser. 84, n. стр. 30.

²⁾ То, что мы разумѣемъ подъ антиреформаціей, развивалось въ Испаніи еще за долго до реформациі, когда учрежденъ былъ надзоръ за церковью и отчасти вводилось новое церковное устройство, при Фердинандѣ и Изабеллѣ. Главный источникъ въ этомъ отношеніи Gomez, жизнь кардинала Ximenez, см. Rob. Belus, *Rev. hispan. Scriptores* 3, n. 1581.

Савонаролы, также было много религиознаго позитивизма, но послѣднему не суждено было созрѣть, какъ не посчастливилось весьма позитивному также христіанскому ученію гугенотовъ. Такого рода значительныя явленія, какъ реформа въ XVI вѣкѣ, ускользають вообще отъ историко-философскихъ дедукцій, въ отношеніи подробностей возникновенія и хода событій, несмотря на то, что необходимость ея въ общемъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній. Внутреннія движенія духа, неожиданное воспламененіе, распространеніе и остановки остаются для насъ въ извѣстной степени загадкой, такъ какъ мы видимъ при этомъ много дѣйствующихъ силъ, но всѣхъ не можемъ знать.

* * *

Церковь и іерархія.—Настроеніе высшихъ и среднихъ сословій Италіи противъ церкви въ то время, когда возрожденіе достигло своего апогея, представляетъ сложное явленіе. Въ составъ его входитъ глубокое, презрительное неудовольствіе, внѣшняя покорность іерархіи, въ зависимости отъ ея вмѣшательства во внѣшнюю жизнь, простиравшагося такъ далеко, что промышленность, напримѣръ, не исключается изъ сферы ея вліянія, и проповѣдникъ съ кафедры произноситъ отлученіе надъ ремесленниками, не честно исполняющими заказъ¹⁾; къ этому надо присоединить сознаніе зависимости отъ причастій, освященій и благословеній. Какъ особую черту, свойственную Италіи и характерную для нея надо упомянуть огромное индивидуальное вліяніе проповѣдниковъ, облеченныхъ особымъ ореоломъ.

Возбужденіе итальянцевъ противъ іерархіи, какъ оно проявлялось не разъ со временъ Данте въ исторіи и литературѣ, уже послужило предметомъ особыхъ обстоятельныхъ работъ.

Выше (т. I, стр. 132, 290) мы привели нѣкоторыя данныя для оцѣнки папства передъ лицомъ общественнаго мнѣ-

¹⁾ Pöhlmann, Wirthschaftspolitk, стр. 59, по флорентійскимъ законамъ 1333 и 1428 не обнаруженнымъ въ печати. Взглядъ, приводимый въ текстѣ, требуетъ поправки. По крайней мѣрѣ, средніе классы итальянскаго населенія въ XV в. были исполнены глубокаго религиознаго чувства, какъ это видно изъ многихъ свидѣтельствъ, между прочимъ изъ упоминаемаго часто выше Diarium, Landucci.

нія того времени въ Италиі; кто захотѣлъ бы познакомиться ближе съ этимъ предметомъ, того мы отсылаемъ къ знаменитымъ Discorsi Макиавелли и къ подлиннымъ сочиненіямъ Гвиччардини. Кромѣ римской куріи, нѣкоторымъ нравственнымъ авторитетомъ пользовались еще лучше изъ епископовъ ¹⁾, а также нѣкоторые священники; въ то же время, напротивъ, приходскій священникъ, настоятель и монахъ почти безъ исключеній окружены недовѣріемъ, и худая слава въ той или другой мѣстности распространяется на все сословіе.

Не разъ высказывалось мнѣніе, что монахи стали козломъ отпущенія за всю духовную среду, потому что только надъ ними безопасно было смѣяться ²⁾. Но это мнѣніе неосновательно во всѣхъ отношеніяхъ: во-первыхъ, авторы новеллъ и комедій избираютъ своими героями монаховъ чаще всего потому, что въ такого рода литературныхъ произведеніяхъ предпочтителенъ всѣмъ извѣстный и по существу неизмѣнчивый типъ, такъ какъ воображеніе въ этомъ случаѣ легко дополняетъ намѣченный образъ. Во то же время мы видимъ, что новелла не щадитъ также и церковный клиръ ³⁾. Далѣе, во всей остальной литературѣ мы встрѣ-

¹⁾ Надо замѣтить, что новеллисты и сатирики почти не упоминаютъ о епископахъ, тогда какъ могли-бы легко это сдѣлать измѣнивъ только имена. Такъ, напр., послѣднее у Bandello II, пов. 45; въ другомъ мѣстѣ, однако, у него фигурируетъ добродѣтельный епископъ. Giovanni Pontano въ „Charon'ѣ“ заставляеть тѣнь одного пышнаго епископа переваливаться утиной походкой. Какъ низко стояли въ то время итальянскіе епископы въ общемъ мнѣніи, можно видѣть у Janus, стр. 287.

²⁾ Foscolo, Discorso Sul testo del. Decamerone: Ma de' preti in dignita niuno poteva far motto senza pericolo; onde ogni frate fu l'irco delle iniquita d'Israele etc. Timotheus Maffeus посвящаетъ книгу противъ монаховъ папѣ Николаю V, Facius de Vir. ill., стр. 24.

Быть можетъ это и есть сочиненіе найденное Pastor'омъ: In sanctam rusticitatem litteras impugnantem? Въ особенности сильныя нападки на духовныхъ вообще и въ частности монаховъ въ упомянутомъ выше (т. I) соч. Palingenius, IV, 289, 184... 386...

³⁾ Bandello говоритъ въ предисловіи т. II, Nov.: никому такъ не присталь порокъ стяжанія, какъ священникамъ. Roggio въ трактатѣ Avaritia также говоритъ по преимуществу о духовныхъ и въ особенности о монахахъ, которымъ не о комъ, казалось-бы, заботиться, такъ какъ у нихъ нѣтъ семей. Этимъ послѣднимъ соображеніемъ оправды-

чаемъ множество примѣровъ смѣлаго осужденія папства и Римской курии, и выраженіе общественнаго мнѣнія безъ всякихъ стѣсненій; нельзя, разумѣется, ожидать встрѣтить такое-же серьезное осужденіе въ произведеніяхъ художественной фантазіи. Наконецъ, монахи вовсе не были такъ беззащитны и находили возможность по временамъ сильно мстить за себя.

Тѣмъ не менѣе, можно смѣло сказать, что общее негодование обращено было по преимуществу на монаховъ, и что они служили нагляднымъ доказательствомъ несостоятельности не только монастырей, но и всего духовнаго строя, церковныхъ обрядовъ и даже религіи вообще, смотря по тому, какъ далеко—справедливо, или нѣтъ—распространялось такого рода толкованіе. Кстати, надо еще принять во вниманіе, что ни одна страна не сохранила такихъ яркихъ воспоминаній о первомъ возникновеніи двухъ знаменитыхъ монашескихъ орденовъ, и что на нихъ смотрѣли, какъ это ясно мы видимъ у Джіованни Виллани (III, 29), сто лѣтъ спустя, какъ на первоначальныхъ творцовъ реакціи противъ того, что считалось въ XII вѣкѣ ересью, другими словами, противъ раннихъ и сильныхъ движеній въ новомъ итальянскомъ духѣ. Такимъ образомъ своего рода полицейская служба, находившаяся долгое время, преимущественно въ рукахъ доминиканцевъ, не могла, разумѣется, вызывать другого чувства, кромѣ скрытой ненависти и насмѣшки.

Нищенствующіе монахи въ новеллахъ.—Если мы заглянемъ въ Декамеронъ и новеллы Франко Саккети, то можетъ показаться, что этими произведеніями исчерпывается все негодваніе противъ монаховъ и монахинь. Но въ эпоху реформаціи этотъ негодующій тонъ еще замѣтно повышается. Мы охотно оставляемъ въ сторонѣ Аретино, такъ какъ въ его Раджіонаменти, монастырская жизнь только предлогъ, благодаря которому онъ даетъ свободный просторъ своимъ циническимъ склонностямъ. Но есть одинъ свидѣтель, которымъ мы можемъ удовлетвориться вмѣсто

вается даже нападеніе на приходскій домъ, причѣмъ нападающій и его пособники солдаты или бандиты уводятъ барана усвященника, правда скупого, но страдающаго подагрой. Такого рода рассказъ лучше всякихъ изслѣдованій характеризуетъ время, нравы и обстоятельства, при которыхъ тогда приходилось жить.

многихъ другихъ, а именно: Мазучіо въ первыхъ десяти изъ всѣхъ его 50 новеллъ. Всѣ они написаны подъ вліяніемъ сильнѣйшаго возмущенія, съ очевидною цѣлью распространить это чувство въ массѣ; надо замѣтить, что всѣ онѣ посвящены выдающимся лицамъ, въ томъ числѣ даже королю Ферранте и принцу Альфонсу Неаполитанскому. Эти рассказы большею частью не новы по происхожденію, и нѣкоторые изъ нихъ можно встрѣтить раньше у Бокаччіо; кое что, однако, вполне носить характеръ современной автору неаполитанской дѣйствительности. То, что мы находимъ здѣсь, какъ одураченіе народа ложными чудесами, выманиванье этимъ путемъ денегъ, и прочее можетъ всякаго привести въ отчаяніе. Такъ, о странствующихъ миноритахъ авторъ говоритъ: „они сѣютъ ложь, грабятъ, насилуютъ, а когда не знаютъ уже, что имъ дѣлать, представляются святыми, творятъ чудеса, причемъ показываютъ народу то одежду св. Винченца, то письмо св. Бернардина ¹⁾, или узду осла Капистрано...“ другіе „находятъ себѣ пособниковъ, представляющихся слѣпыми или смертельно больными, и выздоравливающихъ, будто-бы, отъ прикосновенія къ рясу или къ мощамъ... на глазахъ народа, причемъ въ толпѣ носится крикъ „Misericordia“; звонятъ колокола, и торжественно составляется протоколъ“. Иной разъ, въ то время, какъ монахъ проповѣдуетъ, стоя на помостѣ, другой, находящійся въ толпѣ, громко бранитъ его и называетъ лжецомъ, но тутъ же падаетъ, какъ бы въ него вселился злой духъ; тогда первый его исцѣляетъ и заставляетъ раскаяться— все чистая комедія. Такимъ образомъ нѣкій плутъ со своимъ помощникомъ собралъ столько денегъ, что въ концѣ концовъ купилъ у одного кардинала имѣнье, и они спокойно стали жить вмѣстѣ. Мазучіо не видитъ большой разницы между францисканцами и доминиканцами, такъ какъ одни другіхъ стоятъ. „А между тѣмъ неразумный народъ даетъ вовлечь себя въ ихъ споръ и вражду между собою, принимаетъ участіе въ этихъ спорахъ на площадяхъ ²⁾ и становятся на

¹⁾ L'Ordine. По всей вѣроятности говорится о его доскѣ съ изреченіемъ I. H. S.

²⁾ Къ этому оно прибавляетъ (nov. X изъ Settembrini., стр. 132): также въ seggi, т. е. союзахъ, на которые дѣлилась неаполитанская

сторону то тѣхъ, то другихъ“. Монахини принадлежатъ, исключительно, монахамъ; если онѣ сходятся съ мірянами, то ихъ преслѣдуютъ и запираютъ; нерѣдко между ними празднуется настоящая свадьба, причемъ даже служатъ мессу, составляютъ контрактъ, въ изобилии ѣдятъ и пьютъ. „Я самъ—говоритъ авторъ—не одинъ, а много разъ присутствовалъ при этомъ и видѣлъ все своими глазами. Монахини производятъ потомъ на свѣтъ маленькихъ монашковъ или истребляютъ плодъ. Если кто сомнѣвается въ моихъ словахъ, то пусть заглянетъ въ клоаки женскихъ монастырей,—онъ найдетъ тамъ большой запасъ дѣтскихъ косточекъ, подобно тому, какъ въ Виелеемѣ во время царя Ирода ¹⁾. Вотъ, что скрываетъ въ себѣ монастырская жизнь. На исповѣди монахи, само собою разумѣется, потакаютъ другъ другу и велятъ прочесть „Отче нашъ“ въ тѣхъ случаяхъ, когда для мірянина не нашлось бы достаточно сильного наказанія, и его назвали бы язычникомъ. Пусть же, развернется земля и да поглотитъ живыми этихъ преступниковъ вмѣстѣ съ ихъ покровителями“.—Но такъ какъ сила монашества основывается главнымъ образомъ на страхѣ передъ загробною жизнью, то Мазучіо въ другомъ мѣстѣ высказываетъ оригинальное желаніе: „Не было бы лучшаго наказанія для нихъ, какъ если бы Господь уничтожилъ адскій огонь; тогда они не могли бы жить на чужой счетъ, и принуждены были бы взять въ руки заступъ“.

Если при Ферранте можно было такъ писать и даже обращаться къ нему съ подобными рѣчами, это находится въ связи съ тѣмъ, что самъ король едва не былъ обманутъ ложнымъ чудомъ ²⁾. Одинъ изъ братьевъ монаховъ, съ цѣлью вызвать преслѣдованіе евреевъ, представилъ королю найденную, будто бы, въ землѣ табличку съ надписью, призывающей къ избіенію евреевъ, какъ это было при папѣ

знать. Срв. Gothein, *Cultur-Entwicklung*, стр. 313 (о новеллахъ М. см. тамъ-же стр. 429).—Соперничество обоихъ орденовъ часто осмѣивалось, напр. Bandello III., Nov. 14.

¹⁾ Nov. 6. изд. Settembrini стр. 83, который указываетъ, что въ Index'ѣ 1564 г. одна книга носитъ названіе: *Matrimonio delli preti e delle monache*,

²⁾ Въ томъ, что касается дальнѣйшаго, срв, Jovian, *Pontan., de Sermone*, L. II, cap. 73. Opp. II, стр. 1623 и Bandello, *parte I* nv. 32.

Александръ VI и Юліѳъ II; но свѣдущіе люди разоблачили обманъ ¹⁾. Въ другой разъ король раскрылъ также фокусы мнимаго постника, какъ это уже раньше сдѣлалъ его отецъ, король Альфонсъ ²⁾.—Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, дворъ не былъ повиненъ въ тупомъ суевѣріи ³⁾.

Мы привели здѣсь взглядъ писателя, серіозно относившагося къ вещамъ, и онъ былъ единственнымъ въ этомъ родѣ. Насмѣшки и брань, по адресу нищенствующихъ монаховъ, встрѣчаются въ то время повсюду и повторяются во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ ⁴⁾. Едва ли можно сомнѣваться, что возрожденіе въ непродолжительное время привело бы къ уничтоженію этихъ орденовъ, если бы въ то же время не подоспѣла нѣмецкая реформація и затѣмъ реакція противъ нея. Популярныя проповѣдники и святые монахи не спасли бы этихъ орденовъ. Въ концѣ концовъ враги монаховъ въ извѣстный моментъ нашли бы союзника въ томъ или другомъ изъ папъ, ненавидѣвшихъ нищенствующихъ монаховъ, какимъ былъ напримѣръ Левъ X ⁵⁾. Если духъ времени находилъ ихъ только смѣшными, или неприятными, то для церкви они представляли прямую опасность. Впрочемъ, кто знаетъ, какая судьба ожидала бы самое папство, если бы его не спасла реформація.

Доминиканская инквизиція. — Власть, которую проявлялъ въ томъ или другомъ городѣ отецъ инквизиторъ мѣстнаго доминиканскаго монастыря, позднѣе, въ XV вѣкѣ, была еще достаточно сильна, чтобы стѣснять и возмущать

¹⁾ Срв. M. Broch: *Histor. Zeitschr.* т. 27.—Александръ также вѣрить, напримѣръ, въ появленіе св. Катальды и его грозныя пророчества: ab. *Alexandre Dierum genialium lib. III*, с. 15 изд. Кельнъ 1539. стр. 142.

²⁾ *Panormita de dictis et factis Alphonsi lib. II. Enea Selvio, Commentr.* (Опр. изд. 1651) рассказываетъ о томъ, какъ обнаруженъ былъ въ Римѣ обманщикъ, который утверждалъ, что четыре года ничего не ѣлъ.

³⁾ Поэтому часто открывалось подобное Ср.—также *Jovian. Pontan.-Antonius* и *Charon*. Въ одномъ изъ его рассказовъ, тоже что у *Masuccio Nov. II*.

⁴⁾ Напримѣръ, 7-я пѣснь *Макаронейдъ*.

⁵⁾ Для характеристики этого отношенія въ особенности интересно письмо, гдѣ говорится о наказаніи *frate: in esempio de altri frati a cio se levino de pensier de non farli, veder sue iraterie*.

образованныхъ людей, но не въ силахъ была уже наводить страхъ и вызывать набожность ¹⁾). Наказывать за одни только мѣнiя, какъ въ былыя времена, уже не было возможности, и не трудно было избѣжать обвиненiя въ настоящей ереси, не стѣсняясь выражать неудовольствiе противъ поведенiя духовныхъ. Въ концѣ XV вѣка и началѣ XVI, рѣдко кого сожигали на кострѣ, если въ этомъ не была заинтересована сильная партiя (какъ это было съ Савонароллою), или если дѣло не касалось обвиненiя въ колдовствѣ ²⁾). Въ большинствѣ случаевъ инквизиторы довольствовались, повидимому, однимъ поверхностнымъ отреченiемъ, а въ другихъ случаяхъ, толпа освобождала изъ ихъ рукъ осужденнаго, по дорогѣ къ мѣсту казни. Въ 1452 году въ Болоньѣ нѣкій священникъ Николо да Верона былъ осужденъ, какъ некромантъ, заклинатель бѣсовъ и осквернитель Святыхъ Даровъ; его лишили сана на деревянномъ помостѣ передъ соборомъ св. Доминика и затѣмъ повели на площадь, гдѣ былъ приготовленъ костеръ, но по пути онъ былъ освобожденъ толпой людей, посланныхъ iоанитомъ Ахиломъ Мальвецци, извѣстнымъ еретикомъ, насильникомъ монахинь и святотатцемъ, который однажды велѣлъ срыть и перенести на другое мѣсто церковную башню, потому что она закрывала ему видъ“. Папскiй легатъ, кардиналъ Виссарiонъ успѣлъ потомъ уличить и повѣсить только одного изъ этихъ людей; Мальвецци остался спокойно жить ³⁾).

Высшiе ордена.—Надо отмѣтить фактъ, заслуживающiй вниманiя, а именно, что высшiе ордена, какъ, напримѣръ, бенедиктинцы со всѣми ихъ подраздѣленiями, несмотря на ихъ огромныя богатства и веселую жизнь, гораздо меньше подвергались нападкамъ, чѣмъ прочая нищенствующая братiя; на десять новеллъ предающихъ безпощадному осмѣянiю различныхъ fratres, приходится одна только, дѣйствующимъ лицомъ и жертвой которой является „monaco“.—Не

¹⁾ Какъ свидѣтельствуеетъ Вазари V, стр. 120. Vita di Sandro Boticelle, иногда шутили съ инквизицiей.

²⁾ Напримѣръ, какъ Z. замѣчаетъ, о знаменитомъ врачѣ Giovanni do Montecatini въ 1450 г. во Флоренци — Срв. также нижеприводимые примѣры.

³⁾ Bursellis, Ann-Bozon. ap. Murat. XXIII. Col. 888 (Malv. умеръ 1488; его beneficium перешелъ къ его племяннику).

мало эти ордена выигрывали оттого, что они до мозга костей были проникнуты полицейскими функциями и не вмѣшивались въ частную жизнь. Между ними встрѣчались благочестивые, ученые и умные люди, но въ общемъ они представляются такими, какими изображаетъ ихъ Фиренцуола, когда говоритъ слѣдующее: „эти упитанные люди проводятъ жизнь не въ пѣшемъ хожденіи и проповѣдяхъ, а въ томъ, что въ широкихъ рясахъ и прекрасныхъ кордуанскихъ туфляхъ сидятъ, сложивъ руки, на животѣ, въ своихъ уютныхъ кельяхъ, съ кипарисными стѣнами. Если же они иной разъ двинутся съ мѣста, то пользуются для этого спокойными верблюдами или сытыми лошадами, дѣлая такимъ образомъ передвиженіе прекрасной прогулкой. Точно также они не утомляютъ свой мозгъ усерднымъ чтеніемъ книгъ, дабы знаніе не замѣнило монашескую наивность высокоуміемъ Люцифера“¹⁾.

Кто знакомъ съ литературой того времени, тому ясно, что приведенныя нами строки заключаютъ въ себѣ только необходимѣйшія данныя для знакомства съ предметомъ²⁾. Конечно, такая репутация блага духовенства и монаховъ, не могла въ огромной массѣ людей не поколебать вѣру вообще во все святое.

И въ самомъ дѣлѣ мы услышимъ вездѣ, куда не обратимся, рядъ потрясающихъ сужденій. Мы приведемъ здѣсь въ заключеніе только одно изъ нихъ, кстати недавно только получившее извѣстность. Гвиччардини, историкъ и слуга

1) Срв. стр. 64, онъ былъ аббатъ валомбразецъ. Это мѣсто здѣсь свободно переведено и находится въ его *Oreie*, vol. II, стр. 209 въ его десятой новеллѣ. Прекрасное изображеніе сытой жизни кортезанцевъ см. въ прилож. LXX, *Comentario d'Italia*, fol. 32 н. д.

2) Пій II сознательно былъ за отмѣну безбрачія духовенства; *Sacerdotibus magna ratione sublata nuptias majori restituendas videri*,—такова была одна изъ его любимыхъ сентенцій: *Platina, Vitae Pontiff.* стр. 311.—*Infessura*, изд. Tomasini утверждаетъ, что папа Инокентій VIII разрѣшилъ конкубинатъ въ Римѣ, но это трудно доказать. Скорѣе (*Pastor* II, 259, 1) было вмѣшательство папы противъ такихъ злоупотребленій. Но священники въ XV в. тѣмъ не менѣ въ большинствѣ случаевъ жили съ наложницами и имѣли дѣтей—объ этомъ свидѣтельствуетъ не гуманистъ и не противникъ церкви Jacopo da Porcia, въ соч. *De liberorum educatione* (Tarvisii 1493): *Vidi ego... sacerdotes fere omnes et concubinas et liberos etiam ex eis domi habere.*

папъ изъ дома Медичи, въ теченіе многихъ лѣтъ, говоритъ (1529) въ своихъ афоризмахъ: „Мнѣ болѣе, чѣмъ кому бы то ни было, противны честолюбіе, корысть и развратъ священниковъ, какъ потому, что каждый изъ этихъ пороковъ, самъ по себѣ вызываетъ отвращеніе, такъ и потому, что каждый изъ нихъ и всѣ они вмѣстѣ меньше всего къ лицу людямъ причисляющимъ себя къ избраннымъ служителямъ Бога, и наконецъ, еще потому, что эти пороки часто находятся въ противорѣчьи одинъ другому и, слѣдовательно, въ союзѣ между собой могутъ уживаться только въ совершенно особаго рода субъектахъ. Мое служебное положеніе возлѣ многихъ папъ внушало мнѣ всегда желаніе видѣть ихъ на высотѣ величія, такъ какъ мои собственныя выгоды тѣсно связывались съ этимъ величіемъ; но если бы не послѣднее, я возлюбилъ бы Мартына Лютера, какъ самого себя, не для того, чтобы избавиться отъ обязанностей, налагаемыхъ на насъ христіанскимъ ученіемъ, какъ мы его привыкли понимать, но для того, чтобы увидѣть когда-нибудь всю эту шайку негодяевъ (*questa caterva di scelerati*), заключенной въ такія границы, чтобы они вынуждены были отказаться или отъ порока, или отъ своихъ привилегій“¹⁾.

Гвиччардини.—Тотъ же Гвиччардини держится того мнѣнія²⁾, что мы ничего не знаемъ о причинахъ сверхъестественныхъ явленій, что философы и теологи говорятъ по этому поводу много глупостей, что чудеса встрѣчаются во всѣхъ религіяхъ, но никогда ничего не доказываютъ и въ концѣ концовъ могутъ служить лишь указаніемъ на существованіе въ природѣ неизвѣстныхъ намъ феноменовъ. Также и о вѣрѣ, двигающей горы, какъ учили послѣдователи Савонаролы, онъ говоритъ, какъ о любопытномъ явленіи, но безъ всякихъ коментаріевъ.

Привычка къ церкви и ея благословеніямъ.—Наперекоръ всѣмъ такимъ настроеніямъ свѣтское духовенство и монашество имѣли то огромное преимущество, что люди привыкли къ нимъ, и что личная жизнь cadaго тѣсно соприкасалась и переплеталась съ ихъ существованіемъ. Это—то преимущество, какимъ искони вѣковъ пользуется

1) Ricordi, № 28, opere inedite, т. I.

2) Ricordi, № I, 123, 125.

все, что есть древняго и могущественнаго въ свѣтѣ. Каждый изъ гражданъ имѣлъ какого-нибудь родственника въ одеждѣ священника, или въ монашеской рясѣ; каждый имѣлъ какіе-нибудь виды на выгоду отъ церкви и ея богатствъ, а въ самомъ сердцѣ Италіи находилась римская курія, служившая часто источникомъ обогащенія многихъ. При всемъ томъ надо имѣть особенно въ виду, что все это нисколько не связывало, однако, ни языка, ни перьевъ. Наиболѣе осмѣивавшіе духовенство авторы сами были большею частью изъ монаховъ, священниковъ и т. п.; такъ, Поджіо, авторъ знаменитыхъ фацетій, принадлежалъ, по мнѣнію многихъ, къ нисшему духовенству; Франческо-Берни, сатирикъ, владѣлъ каноникатомъ, Теофило Фоленго, авторъ Орландино былъ бенедиктенецъ, правда весьма непостоянный, Маттео Банделло—доминиканецъ и притомъ непотъ одного изъ орденскихъ генераловъ. Быть можетъ, ихъ дѣятельность объясняется твердой увѣренностію въ своей сословной неприкосновенности, или потребностію тѣмъ самымъ какъ бы выдѣлится себя изъ общихъ условій, выказавъ такого рода возмущеніе пороками братьевъ. Можетъ быть, здѣсь надо видѣть пессимистическій эгоизмъ подъ девизомъ „послѣ насъ хоть потопъ“. Наконецъ, быть можетъ, есть здѣсь всего понемногу. На характеръ Фоленго, безъ сомнѣнія, повліяло уже лютеранское ученіе ¹⁾.

Зависимость отъ таинствъ и благословеній, какъ объ этомъ говорилось выше (т. I, стр. 125), гдѣ была рѣчь о папствѣ, понятна, сама по себѣ, по скольку дѣло касается простыхъ вѣрующихъ людей; но и въ средѣ образованныхъ людей сохраняютъ извѣстную силу впечатлѣнія сохранившіяся отъ юношескихъ лѣтъ и укоренившееся магическое вліяніе древнихъ символовъ. Потребность причащенія Святыхъ Таинствъ для умирающаго, кто бы онъ ни былъ, указываетъ на остатокъ боязни адскихъ мукъ даже у такого человѣка, какъ напримѣръ, Вителлоццо. Болѣе поучительный примѣръ трудно найти. Церковное ученіе о такъ называемомъ *character indelebilis* священника, причемъ должна быть оставлена въ сторонѣ его личность, принесла такіе плоды,

¹⁾ Срв. Orlandino, с. VI Str. 40. VII, Str. 57 с. VIII. Sfr. 3.—гдѣ видно, что вліяніе Эразма было весьма значительно.

что люди могли въ самомъ дѣлѣ презирать церковно-служителя и тѣмъ не менѣ съ вѣрою пользоваться его напутствіемъ. Правда, встрѣчались иногда такія упрямыя головы, какъ, напримѣръ, Галеотто Мирандола ¹⁾, умершій въ 1499 г. отлученнымъ отъ церкви въ теченіе 16-ти лѣтъ и не раскаявшись. По его винѣ и весь городъ во всѣ эти годы оставался подъ интердиктомъ, такъ что здѣсь не было ни церковныхъ службъ, ни погребеній.

* * *

Проповѣдники покаянія.— Но рядомъ съ такимъ двусмысленнымъ отношеніемъ къ церкви и ея служителямъ рельефно выдѣляется отношеніе народа къ извѣстнымъ проповѣдникамъ. Во всѣхъ прочихъ западныхъ странахъ народъ внималъ по временамъ рѣчамъ святыхъ монаховъ, но все это было ничтожно, по сравненію съ періодическимъ потрясеніемъ въ различныхъ итальянскихъ мѣстностяхъ и городахъ. Къ тому же единственный человѣкъ, имѣвшій такого рода вліяніе въ XV вѣкѣ въ Германіи ²⁾, по имени Джіованни Капистрано, былъ родомъ изъ Абрुцъ. Эти люди, обладающіе такимъ глубокимъ религіознымъ призваніемъ и мощнымъ рвеніемъ—на сѣверѣ природы созерцательныя и мистическія, тогда какъ на югѣ они отличаются экспансивностью, практичностью и свойственнымъ всему народу увлеченіемъ формой и красотой рѣчи. Сѣверъ производитъ на свѣтъ *Imitatio Christi*, произведение, значеніе котораго сказывается сперва только въ монастыряхъ, но вліяющее въ теченіе столѣтій; югъ рождаетъ людей, которые производятъ непреодолимое вліяніе на окружающихъ въ извѣстный моментъ.

Это вліяніе основывается главнымъ образомъ на возбужденіи совѣсти. Это нравоучительныя проповѣди, свободныя отъ какихъ-нибудь отвлеченностей, примѣняемыя къ практиче-

¹⁾ Diario Ferrarese, см. Murat XXIV, col. 362.

²⁾ Онъ имѣлъ при себѣ нѣмецкаго и славянскаго переводчиковъ. Къ такому приему прибѣгалъ также S. Bernhard на Рейнѣ. — Другой примѣръ вліятельнаго проповѣдника постовъ (1527) Valserio da Soncino. — M. Sanudo сообщаетъ о смѣлой проповѣди. Timoteo da Lucca 1497 въ Венеціи. — Giovanni da Pistoia знаменитый проповѣдникъ 1460—1493 собиралъ толпу не вѣщавшуюся въ церкви: per plateas ipsas concionari oportebat, Giarn-ligust 12, 427. — Еще литература о знаменитыхъ проповѣдникахъ въ соч. Morici, 1899.

скимъ цѣлямъ, причемъ слово дѣйствуетъ сильнѣе, благодаря аскетизму проповѣдниковъ; далѣе, часто даже безъ всякаго намѣренія съ ихъ стороны, возбужденная фантазія, производитъ чудеса. Такъ Капистрано, на примѣръ, довольствовался тѣмъ, что осѣнялъ крестомъ тысячи приводимыхъ къ нему больныхъ и благословлялъ ихъ во имя святой Троицы и своего патрона св. Бернардина, причемъ иногда въ самомъ дѣлѣ были случаи исцѣленія, какъ это часто нетрудно допустить при такихъ обстоятельствахъ. Лѣтописецъ Бресчии такъ говоритъ объ этомъ: „Онъ совершалъ нѣкоторыя чудеса, но люди рассказывали гораздо больше, чѣмъ было въ дѣйствительности“. — Въ этихъ проповѣдяхъ сильнѣйшимъ аргументомъ была не столько угроза чистилищемъ и адомъ, какъ весьма распространенное *maledicione*, т. е. проклятіе или заклинаніе въ борьбѣ съ практическимъ зломъ. Кто огорчаетъ Христа и святыхъ, тотъ долженъ испытать тяжелыя послѣдствія въ своей земной жизни. Такимъ только образомъ возможно было людей закоренѣлыхъ въ страстяхъ и склонныхъ къ мести и преступленіямъ привести къ покаянію, что въ концѣ концовъ и представляло главнѣйшую цѣль.

Въ XV вѣкѣ такъ проповѣдывали Бернардино да Сиена и его два ученика Альберто да Сарцано и Джакомо делла Марка, Джіованни Капистрано, Роберто да Лечче, наконецъ Джироламо Савонаролла. Не было болѣе сильнаго предубѣжденія, какъ противъ нищенствующихъ монаховъ, но они его преодолѣли. Высокомѣрный гуманизмъ критиковалъ и иронизировалъ; такъ, на примѣръ, Поджіо находилъ, что проповѣдникамъ не надо много усилій, для того чтобы повторять одно и то же во всѣхъ городахъ, причемъ народъ послѣ этихъ рѣчей становится глупѣе, чѣмъ былъ прежде; ¹⁾ порица Роберта ло Лечче, Филельфо говоритъ, что онъ прибѣгаетъ къ неудачнымъ выраженіямъ и мимикѣ, слишкомъ много плачетъ, когда слѣдовало бы ему быть веселѣе и

¹⁾ De avaritia, Opera fol. 2. Тотъ-же Поджіо (Epistolae, ed. Tonelli; vol. 5, стр. 281) восхваляетъ Alberto изъ Sarteano, называя его *doctus et perhumanus*.—Filelfo, Epistolae, Venet. 1502, fol. 96b.—Тотъ-же Filelfo принялъ на себя защиту Bernardino Сиенскаго и извѣстнаго Nicolaus'a (напр. Satyrae II, 3 и VI, 5) но не столько изъ симпатіи къ этимъ проповѣдникамъ, сколько изъ ненависти къ Поджіо, съ А. Sart. Филельфо находился въ перепискѣ.

этою неумѣренностью оскорбляетъ уши и чувства слушателей ¹⁾. Но, когда проповѣдникъ возвышалъ голосъ, на выходки гуманистовъ переставали обращать вниманіе. Это явленіе было не ново, и насмѣшливые флорентійцы уже въ XIV вѣкѣ осмѣивали проповѣдниковъ въ каррикатурахъ ²⁾, но когда появился Савонаролла, онъ увлекъ ихъ съ такою силой, что вся ихъ прекрасная образованность и высокое искусство едва не расплавились въ пламенномъ горнилѣ его проповѣдей. Даже сильнѣйшая профонація всѣмъ извѣстнаго лицемѣрія монаховъ, умѣвшихъ, при помощи сообщниковъ, вызывать въ народѣ возбужденіе, ради своихъ корыстныхъ цѣлей,—въ данномъ случаѣ не могла повредить дѣлу. Всѣ продолжали смѣяться надъ низкимъ монашескимъ духовенствомъ, съ его лживыми чудесами и поддѣльными реликвіями ³⁾, но въ то же время благоговѣли передъ истинными проповѣдниками. Эти послѣдніе представляютъ такимъ образомъ своеобразную итальянскую особенность въ XV вѣкѣ.

Тотъ или другой орденъ, чаще всего св. Франциска, по древнему обыкновенію, высылаетъ такихъ проповѣдниковъ, смотря по надобности, или по приглашенію въ ту или другую мѣстность. Большею частью это случается тогда, когда въ томъ или другомъ городѣ возникаетъ междуусобіе, или борьба партій, а также усиливается развратъ, нарушается личная безопасность, или распространяется эпидемическая болѣзнь. Но, когда возрастала извѣстность проповѣдника, другіе города хотѣли его слышать также безъ особаго повода, и онъ шелъ туда, куда орденъ его посылалъ. Проповѣдь крестовыхъ походовъ противъ турокъ, составляла особую вѣтвь этой дѣятельности ⁴⁾; но мы здѣсь имѣемъ въ виду только проповѣди покаянія.

¹⁾ Fulgosius указываетъ именно на Roberto da Lecce, какъ примѣръ, въ доказательство того, что на слушателей дѣйствуетъ не столько содержаніе, сколько сама рѣчь.

²⁾ Franco Sacchetti, Nov. 73. Неудачные проповѣдники служатъ частой темой всѣхъ новеллистовъ.

³⁾ Срв. шутку Decamerone, VI, Nov. 10. Братъ Чиполла общается крестьянамъ показать перо архангела Гавріила, когда-же вмѣсто перьевъ оказываются угли, онъ говоритъ, что это тѣ уголья, на которыхъ жарился Св. Лоренць.

⁴⁾ Срв. Malipiero, Ann. Venet Arch. Stor. VII: I стр. 18. Chrono-venetum у Murat. XXIV, Col. 114—Storia bresciana, Murat. XXI.

Въ обыкновенныхъ случаяхъ проповѣди слѣдовали одна за другой въ томъ порядкѣ, въ какомъ перечисляются смертныя грѣхи, по церковнымъ правиламъ; но, смотря по обстоятельствамъ, въ моментъ той или другой общественной опасности, проповѣдникъ идетъ прямо къ цѣли. Въ первый разъ онъ обращается къ народу въ одной изъ громаднѣхъ орденихъ церквей, или въ соборѣ. Затѣмъ вскорѣ, даже огромнѣйшая площадь не можетъ уже вмѣстить народъ, стекающійся со всѣхъ окрестностей, и самъ проповѣдникъ не можетъ ни взойти на кафедру, ни удалиться по окончаніи, не рискуя своей жизнью ¹⁾).

Проповѣдь сопровождается процессіей, въ которой участвуетъ весь народъ, и высшіе городскіе чины съ трудомъ могутъ оградить проповѣдника, такъ какъ женщины на перерывъ бросаются цѣловать его руки и ноги и отрѣзаютъ куски его рясы, на память ²⁾).

Въ результатѣ такой проповѣди, противъ ростовщичества, барышничества и безнравственныхъ модъ, прежде всего раскрывались темницы, причемъ освобождались заключенные по долговымъ обязательствамъ, а затѣмъ предавались сожженію предметы роскоши и орудія опасныхъ, а иногда и невинныхъ времяпрепровожденій, какъ то: игральныя кости, карты, маски, музыкальные инструменты, цѣсенники, гадательныя таблицы ³⁾), фальшивыя прически и т. п. Все это приносилось и складывалось на помостѣ (*talamo*),

¹⁾ Stor. Bresciana, у Murat, XXI, Col. 865; въ первые дни собралось больше тысячи челоѣкъ, въ томъ числѣ было до двухъ тысячъ пришедшихъ изъ разныхъ мѣстъ; количество народа въ послѣдніе дни не указано.

²⁾ Allegretto, Diari sanesi, у Mnrat. XXIII, Col. 819. Проповѣдникъ Pietro dell'Osservanza di S—Francesco.

³⁾ Infessura, изд. Tomasini стр. 25, говорить: centi, brevi, sorti. Первое могло относиться къ пѣсенникамъ, такъ какъ Савонаролла жегъ ихъ. Graziani (Cron. di Perugia, Arch. stor, XVI, I, стр. 31, срв. примѣч. издателя) говорить при одномъ такомъ случаѣ *brieve incante*, что безъ сомнѣнія надо читать *brevi e incanti*, подобное-же возможно и относительно *Infessura* (критич. изданіе Tomasini—читается также *canti*); *sorti* означаетъ предметъ суевѣрія, б. м. карты съ предсказаніями. Z. даетъ библиографію относительно *libri di ventura* и *sorti*.—Въ то время, когда началось книгопечатанье, на кострѣ складывались также всѣ найденные экземпляры Марціала. Bandello III No. 10.

повидимому, съ возможнымъ эффектомъ, сверхъ этого всего укрѣплялось изображеніе діавола, и затѣмъ подкладывался огонь.

Дѣйствіе проповѣдей.—Вслѣдъ затѣмъ наступаетъ очередь покаянія закоренѣлыхъ душъ; кто давно не исповѣдывался, спѣшитъ исповѣдываться теперь; захватившіе неправильно чужое имущество возвращаютъ его собственникамъ кто бранилъ, или позорилъ другихъ на словахъ, беретъ эти слова обратно. Проповѣдники, какъ, на примѣръ, Бернардино да Сиена ²⁾, входятъ въ мельчайшія подробности повседневной жизни людей и нравственныхъ отношеній. Ни одинъ изъ нынѣшнихъ нашихъ теологовъ, вѣроятно, не рискнетъ въ утренней проповѣди разсуждать „о договорахъ, вознагражденіи за убытки, государственной рентѣ (monte) и приданномъ дочерей“, какъ мы это видимъ въ рѣчи упомянутаго проповѣдника въ флорентійскомъ соборѣ. Иногда неосторожный ораторъ впадалъ въ ошибку; черезчуръ рѣзко нападая на одинъ какой-нибудь классъ людей, какой-нибудь ремесленный цехъ, должностныхъ лицъ, причемъ возбужденные до крайности слушатели спѣшили проявить свое рвеніе въ насильственныхъ дѣйствіяхъ ³⁾. Такъ проповѣдь Бернардино, да Сиена, произнесенная имъ однажды въ Римѣ (1424), повела къ тому, что народъ не ограничился однимъ только преданіемъ огню предметовъ роскоши и колдовства, но ³⁾.

1) См. его замѣчательную біографію у *Vespasiano Fiorent.* I, 190 въ особ. стр. 193 и *Aen. Sylvius: de viris illusti*, стр. 24—27. Между прочимъ тамъ: *Is quoque in tabella pictum nomen Iesus deferebat hominibusque adorandum ostendebat multumque suadebat ante ostia domorum hoc nomen depingi.* Такимъ образомъ совершался родъ новѣйшаго поклоненія идоламъ. Въ новѣйшее время о Bernh. см. *Alessio.* 1899 г.

2) *Allegretto I*, с. Col. 823; одинъ проповѣдникъ возбуждаетъ народъ противъ судей (если не предположить вмѣсто *giudici* б. м. *Giudei*), при чемъ они едва не были сожжены въ своихъ домахъ. Въ то же время противная партія грозитъ смертью проповѣднику. Того-же рода происшествіе упоминается у Ландуччи, но тутъ уже ясно рѣчь идетъ о *giudei*, при чемъ проповѣдникъ *Bernardino da Montefeltro* оказывается прогнаннымъ.

3) *Infessura*, I, с. *Vasari* (III, 148) рассказываетъ, какъ та же святая велитъ срубить лѣсокъ, пользуясь дурной славой (*di Parri Spinelli*). Иногда первый порывъ покаянія утихалъ послѣ уничтоженія эмблемъ и нѣкоторыхъ предметовъ.

на кострѣ въ Капитоліи была сожжена также колдунья, по имени Финичелла, потому что она разными дьявольскими средствами изводила дѣтей и околдовала многихъ людей. Весь Римъ собрался смотрѣть на это зрѣлище.

Но главнѣйшую цѣль проповѣди составляло, какъ мы замѣтили выше, примиреніе враждующихъ и прекращеніе взаимной мести. Эта цѣль обыкновенно достигалась только къ концу цѣлаго ряда проповѣдей, когда потокъ всеобщаго покаянія мало по малу охватывалъ весь городъ, и воздухъ дрожалъ отъ одного народнаго возгласа „*misericordia!*“¹⁾.— Тогда наступала очередь торжественныхъ примиреній, и объятій, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда враждующихъ раздѣлялъ уже рядъ взаимныхъ убійствъ. Даже изгнанники должны были возвращаться въ городъ для примиренія, какъ это уже предвидѣлось заранѣе. Повидимому, такого рода примиренія (*расі*) сохраняли силу даже и потомъ, когда кончалось приподнятое настроеніе, а память о проповѣдникѣ, сохранялась и чтилась въ новыхъ поколѣніяхъ. Но бывали случаи до такой степени ожесточенной вражды, какъ на примѣръ, въ семьѣ Раньери (1445.) въ Перуджии, замѣтно чаще другихъ городовъ посѣщаемой проповѣдниками, когда ничего не могъ сдѣлать самъ Джакоппо делла Марка²⁾, также въ семьяхъ делла Валле и Крочче въ Римѣ (1482), когда самъ знаменитый Роберто да Лечче напрасно возвышалъ свой голосъ³⁾. Незадолго до страстной недѣли онъ проповѣдывалъ передъ многочисленнымъ народомъ на площади передъ Минервой; въ ту же ночь, на страстной четвергъ, произошло кровавое побоище на улицѣ передъ дворцомъ делла Валле; на утро папа Сикстъ приказалъ срыть дворецъ и не совершать въ этотъ день никакихъ церемоній; въ страстную пятницу Роберто вновь проповѣдывалъ съ крестомъ въ рукахъ, но самъ онъ и весь народъ могли только плакать.

¹⁾ Pareva che l'aria si fendesse—такъ говорится въ *Storia bresciauna Murat*, XXI, 867.

²⁾ Graziani, S. c. стр. 565. Далѣе стр. 597, 629, 631, 637, 647.

³⁾ Jac. Volateranus, *Murat*. XXIII, Col. 166. Не высказывается опредѣленно, что онъ принималъ участіе въ этой распрѣ, но нельзя въ этомъ сомнѣваться (*Sermo de eleemosyno fuit*).

Подъ вліяніемъ проповѣди иногда люди съ тяжелымъ прошлымъ испытывали разладъ въ душѣ и принимали рѣшеніе искать спасенія въ монастыряхъ. Среди такихъ людей, встрѣчались разбойники и преступники всякаго рода, а также солдаты, лишенные всякаго пропитанія ¹⁾. Въ этомъ отношеніи играло роль стремленіе приблизиться къ святой жизни монаховъ, насколько это казалось доступнымъ.

Въ такихъ случаяхъ послѣдняя изъ проповѣдей сопровождалась возгласами, сливавшимися въ одномъ общемъ благословеніи: *la pace sia con voi!* — Толпы народа шли вслѣдъ за проповѣдникомъ въ сосѣдній городъ и тамъ вни-мали снова тѣмъ же рѣчамъ.

Недостатокъ въ контроль.—При той громадной власти, какую имѣли эти святые мужья надъ народомъ, правительства и свѣтское духовенство заинтересованы были въ томъ, чтобы не имѣть въ нихъ, по крайней мѣрѣ, противниковъ. Для этой цѣли нужно было, чтобы въ качествѣ проповѣдниковъ могли выступать по крайней мѣрѣ только тѣ монахи или духовныя лица, которые имѣли бы какое нибудь, хотя малѣйшее посвященіе, такъ какъ въ этомъ случаѣ орденъ, или соотвѣтствующая корпорація, являлись бы въ нѣкоторомъ родѣ отвѣтственными за нихъ; но невозможно было установить точныхъ границъ, такъ какъ церковь и ея кафедрa съ давнихъ поръ служили различнымъ общественнымъ цѣлямъ: здѣсь обнародывались судебные акты, манифесты и воззванія къ народу, — и даже гуманисты и міряне, вообще, могли обращаться иногда къ народу съ настоящими проповѣдями (т. I стр. 289).

Пустынножители.—Къ тому же существовалъ цѣлый промежуточный разрядъ людей ²⁾, не монаховъ и не духовныхъ вообще, но тѣмъ не менѣе отказавшихся отъ свѣтской жизни: такъ называемыхъ отшельниковъ; эти люди высту-

¹⁾ Capistrano послѣ одной проповѣди побудилъ пятьдесятъ чело-вѣкъ солдатъ одѣть рясу; Stor. bresciana, L, с.—Graziani L, с. стр. 565. Тамъ-же 598 о Roberto Lecse. Впрочемъ повѣствователь замѣчаетъ, что изъ шести обращенныхъ одинъ вскорѣ вернулся къ прежней жизни, женился e fu nagiore ginaldo che non era prima.—Aen. Sylvius (de viris illustr. Штутг. 1842) въ юности послѣ одной проповѣди Ver-gardino питалъ намѣреніе вступить въ орденъ.

²⁾ Срв. прилож. СІ.

пають отъ времени до времени, по собственному почину, никѣмъ не уполномоченные, въ качествѣ провѣдниковъ, и увлекають народъ за собой. Примѣръ такого рода мы видимъ въ Миланѣ послѣ второго французскаго завоеванія (1516); во время возникшихъ тогда волненій и общественныхъ безпорядковъ нѣкій тосканскій отшельникъ, Иеронимъ изъ Сіены, можетъ быть одинъ изъ приверженцевъ Савонароллы, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ владѣлъ кафедрой въ соборѣ, жестоко нападалъ на іерархію, воздвигъ въ этомъ соборѣ новый алтарь, творилъ чудеса и только послѣ упорной борьбы, вынужденъ былъ оставить кафедру¹⁾ Въ это десятилѣтіе рѣшительное для судьбы Италіи, повсюду возникаетъ пророчество, которое, разъ появившись, не ограничивается уже какимъ-нибудь сословіемъ. Мы знаемъ, на примѣръ, съ какимъ смѣлымъ пророчествомъ выступили отшельники передъ опустошеніемъ Рима (т. I, стр. 148). Если имъ не доставало краснорѣчія, они посылали своихъ вѣстниковъ съ эмблемами; такъ на примѣръ, извѣстный Сіенскій аскетъ Филиппо Манчини посылаетъ (1496) въ безпокойный городъ „маленькаго отшельника“ (gamitello) съ мертвой головой на древкѣ и запиской, содержащей угрожающее библейское изрѣченіе²⁾.

Но и сами монахи не щадили государей, высшихъ властей, духовенства и свое собственное сословіе. Фра Джаккопо Буссолари произнесъ проповѣдь, имѣвшую цѣлью низверженіе тирановъ изъ дома Беккаріо (1357), владѣвшихъ Павіей, которые, въ самомъ дѣлѣ вслѣдствіе его рѣчи подверглись изгнанію, уступивъ мѣсто республиканскому правленію, во главѣ съ самимъ проповѣдникомъ³⁾; правда такіе случаи позднѣе не повторялись, но не было недостатка въ смѣломъ порицаніи папъ, въ ихъ собственной капеллѣ (т. I, стр. 290 прил. 2) Правящій домъ въ свою очередь въ смутныя времена прибѣгалъ иногда къ монашеской проповѣди, чтобы внушить народу преданность своему главѣ. Такъ фер-

¹⁾ Pratto, Arch. Stor. III, стр. 357. Burigozzo, *ibid.* стр. 431.

²⁾ Allegretto: Murat. XXIII, Col. 856. Изрѣченіе гласитъ: *Esce venio cito et velociter. Estote parati.*

³⁾ Matteo Vilani VIII, cap. 2. Срв. Petrarca *Epp. fam.* XIX, 18 и A. Hortis: *Scritti inediti di F. P.* стр. 174—181.

рарскій домъ Эсте, во время войны съ Венеціей, (1481), выставилъ проповѣдника изъ Болоньи, чтобы напомнить поданнымъ благодаренія, оказанныя ими народу, и изобразить тяжолое будущее, угрожающее ему со стороны Венеціанцевъ¹⁾.

Предостереженія государямъ.—Наряду съ этимъ, мы видимъ наивные политическіе совѣты государямъ, повидимому, не нуждающимся въ нихъ. Такъ въ 1494 году, слѣпой проповѣдникъ, августинецъ, воскликнулъ въ Миланѣ, на площади передъ дворцомъ, обращаясь съ кафедры къ Людовику Мавру:—„Государь, не показывай дороги французамъ—ты пожалѣешь объ этомъ“²⁾.—Нѣкоторые монахи, повидимому не думая вовсе о политикѣ, тѣмъ не менѣе, рисовали въ своихъ пророчествахъ такія картины будущаго, что приводили въ ужасъ слушателей. Вскорѣ послѣ избранія Льва Х двѣнадцать францисканцевъ—конвентуаловъ, сговорившись между собой, перебивали во всѣхъ мѣстностяхъ Италіи; изъ нихъ одинъ, по имени Франческо ди Монтепульчiano³⁾, проповѣдуя во Флоренціи, привелъ въ экстазъ весь народъ, причемъ его слова передавались въ усиленныхъ краскахъ тѣмъ, кто находился далеко и не могъ къ нему пробраться. Послѣ одной такой проповѣди онъ умеръ скоропостижно „отъ боли въ груди“. Народъ стекался цѣловать ноги умершаго, а потому его тайно похоронили ночью. Но не было возможности погасить возбужденіе, вызванное его пророчествомъ и охватившее женщинъ и крестьянъ.—„Для того чтобы привести народъ въ веселое настроеніе Медичи, Джуліано (братъ Льва X) и Лоренцо, устроили въ день св. Іоанна великолѣпный праздникъ, съ охотою, процессіями и турнирами; на этотъ праздникъ прибыли изъ Рима многіе знатные люди, въ томъ числѣ шесть переодѣтыхъ кардиналовъ.

Джироламо Савонаролла.—Но величайшій проповѣдникъ и пророкъ уже былъ сожженъ во Флоренціи въ

1) Срв. Sanudo у Murat XXII. стр. 1218.

2) Prato, Arch. stor. III. стр. 251—Burigozzo (ibid. стр. 443, 449, 485; ad, а 1523, 1526, 1529) называетъ проповѣдниковъ фанатически порицающихъ французовъ послѣ ихъ изгнанія.

3) Jac. Pitti, Storia fior. L. II. стр. 112.

1498 году; это былъ Джироламо Савонаролла¹⁾. Мы ограничимся здѣсь нѣсколькими словами о немъ.

Его рѣчь была сильнѣйшимъ орудіемъ, при помощи котораго онъ совершилъ преобразование Флоренціи и управлялъ ею (1491—1498), но записанныя за нимъ большею частью тутъ же на мѣстѣ наскоро рѣчи и сохранившіяся въ этомъ видѣ, конечно, даютъ весьма ограниченное представленіе о всей ихъ силѣ. Несомнѣнно, что съ внѣшней стороны онъ не обладалъ особымъ краснорѣчіемъ и, что голосъ, произношеніе и реторика скорѣе составляли его слабую сторону; кто выше всего цѣнилъ стиль и манеру, тотъ шелъ скорѣе къ его сопернику Фра Маріано да Генаццано, но въ рѣчи Савонароллы заключалась особая внутренняя сила, повидимому, не повторявшаяся потомъ до появленія Лютера. Онъ самъ вѣрилъ въ свое вдохновеніе и потому очень высоко цѣнилъ проповѣдническое назначеніе; въ великой іерархіи духовъ, по его мнѣнію, за проповѣдникомъ слѣдовалъ ангельскій чинъ.

Его вліяніе на духовный строй.—Его пламенная личность произвела скорѣе другое еще болѣе удивительное чудо: его собственный монастырь св. Марка, а за нимъ, и всѣ тосканскіе монастыри прониклись его убѣжденіями, и добровольно рѣшились реформировать свою жизнь. Кто знаетъ вполне хорошо, что представляли собой тогда монастыри, и какъ трудно было произвести малѣйшую перемѣну къ лучшему въ монашеской средѣ, того не можетъ не поразить такая сильная перемѣна въ этомъ смыслѣ. Въ то время, какъ совершался этотъ процессъ, его укрѣпленію содѣйствовало то обстоятельство, что всѣ единомыслящіе становились теперь доминиканцами. Сыновья знатнѣйшихъ семействъ вступали въ монастырь св. Марка, въ качествѣ послушниковъ.

¹⁾ Villari, La storia di Girol Savonarola (2 Fol. 8. Firenze, Lemonnier). 2 изд. 1887 г. На нѣм. перев. Verdušek 2 т. Лейпцигъ 1868 г. Передача Виллари значительно различается отъ этой. Ср. Ranke. Savonarolla und die florentinische Republik gegen Ende des 15. Jahrh. in Histor.-biograf. Studien Leipz. 1878. стр. 181—35.8 О Genaz. Vill 1, 57 и д. II., 343 и д. и пр. Reumont, Lorenzo II., 522—526, 533, съ собственноручными письмами. Весьма подробно: Pastor, написавшій нѣсколько соч. въ отвѣтъ на жестокое нападеніе. Прочая обильная литература о S. не можетъ быть здѣсь приведена.

Эта реформа ордена была первымъ шагомъ къ созданію національной церкви, что несомнѣнно должно было бы осуществиться, если-бы движеніе продолжалось въ томъ же направленіи. Конечно, Савонаролла стремился къ реформѣ всей церкви и въ концѣ своей дѣятельности обращался ко всѣмъ могущественнымъ государямъ съ настоятельнымъ увѣщаніемъ созвать соборъ. Но его орденъ и его партія оставались выразителями его вліянія въ одной только Тосканѣ, тогда какъ сосѣднія земли пребывали въ прежнемъ состояніи. Благодаря силѣ отреченія и фантазіи, Флоренція приобрѣтала какъ бы значеніе царства Божія на землѣ.

Пророчества Савонароллы отчасти сбывались и такимъ образомъ придавали ему особый ореолъ; всемогущая фантазія Итальянцевъ приобрѣтала подъ собой въ данномъ случаѣ твердую почву. Въ началѣ францисканцы—обсерванты питались соперничать съ великимъ доминиканцамъ, опираясь на славную память Бернардина Сиенского. Они возвели на соборную кафедру одного изъ своихъ братьевъ, Доменико да Понцо, предоставивъ ему покрыть пророчества Савонароллы еще болѣе ужасными, пока Пьетро Медичи, властвовавшій тогда еще во Флоренціи, приказалъ обоимъ молчать. Но вскорѣ затѣмъ Карлъ VIII появился въ Италіи, Медичи подверглись изгнанію, какъ это было категорически предсказано Савонароллой, и съ этихъ поръ народъ сталъ вѣрить только ему.

Видѣнія.—Кстати, мы должны здѣсь замѣтить, что онъ, придавая такое значеніе своимъ пророчествамъ и видѣніямъ, въ то же время весьма критически относился къ такого рода явленіямъ если они исходили отъ другихъ.

Въ своей рѣчи надъ гробомъ Пико дела Мирандола, онъ обходится довольно сурово съ своимъ умершимъ другомъ. Пико — говоритъ онъ — не смотря на внутренній голосъ, указывавшій на божескую волю, не вступилъ, однако, въ орденъ, а потому проповѣдникъ самъ просилъ у Бога нѣсколько наказать его, но, по истинѣ, онъ не желалъ его смерти; молитвой и милостыней онъ упросилъ Бога, чтобы душа покойнаго не долгое время томилась въ чистилищѣ. Далѣе, Пико на смертномъ одрѣ имѣлъ угѣшительное видѣніе; ему явилась Мадонна и обѣщала, что онъ не умретъ. По собственному признанію Савонароллы, онъ долгое время

считалъ это видѣніе дьявольскимъ навожденіемъ, пока ему не стало ясно, что Мадонна говорила о второй смерти, т. е. о вѣчной¹⁾.—Если во всемъ этомъ было черезчуръ много самоувѣренности, то нельзя не признать, что Савонаролла вынужденъ былъ самъ дорого за это заплатить; въ послѣдніе дни своей жизни онъ убѣдился, повидимому, въ тщетности своихъ собственныхъ видѣній и пророчествъ; не смотря на это, въ запасѣ у него оставалось достаточно радостной вѣры, чтобы умереть въ святомъ спокойствіи. Его приверженцы оставались, однако, вѣрными еще три столѣтія его ученію и его пророчествамъ.

Его взглядъ на государственное устройство.—Преобразование государства было предметомъ его заботъ только ради того, чтобы не допустить вліянія на это устройство враждебныхъ ему силъ. Было бы несправедливо судить о немъ въ этомъ отношеніи по его полу-демократическому плану, составленному въ началѣ 1495 года (т. I. стр. т. I. стр. 97 прил. 1.

Его программа была не хуже и не лучше другихъ того же рода флорентійскихъ преобразованій. По всей вѣроятности онъ былъ единственный человѣкъ, который могъ бы вернуть свободу подчиненнымъ Флоренці городамъ и въ то же время спасти цѣлостность тосканскаго государства. Но подобная мысль не приходила ему въ голову, и онъ не навидѣлъ Пизу, какъ настоящій флорентіецъ.

Въ сущности трудно было бы найти человѣка менѣе пригоднаго для проведенія политическихъ преобразованій и государственныхъ системъ. Настоящимъ его идеаломъ была теократія, причемъ всѣ желанія должны были бы слиться въ святомъ смиреніи передъ невидимымъ и заранѣе исключались бы всевозможные конфликты и столкновенія страстей. Все его міросозерцаніе содержится въ той надписи на дворцѣ Синьоріи, которая еще въ концѣ 1495 года стала его девизомъ,²⁾ а затѣмъ въ 1527 году была снова под-

1) Проповѣди о Naggai, конецъ 6-й проповѣди. Послѣднія замѣчанія не въ самой проповѣди, но въ сообщеніи одного изъ слушавшихъ. Cpl. Dorez, Giorn-Stor. 32, 361.

2) Замѣчательной въ сопоставленіи съ сѣнцами, которые торжественно подарили свой городъ во время смуты въ 1483 г. Мадоннѣ. Allegretto у Murat. XXIII, Col. 815.

тверждена его приверженцами: Christo regi suo domino dominantium liberatori, deo summo opt. max. Mariaeque virginii Reginae dicavit S. P. Q. F. Въ земной жизни и ея практическихъ задачахъ онъ былъ такъ мало свѣдуецъ, какъ только можетъ быть настоящій строгій монахъ. Ему казалось естественнымъ, что человѣкъ долженъ интересоваться только тѣмъ, что находится въ непосредственной связи съ спасеніемъ души.

Его отношеніе къ образованію.— Только что сказанное яснѣе всего обнаруживается въ его взглядахъ на классическую литературу.— „Единственное хорошее, что намъ завѣщано Платономъ и Аристотелемъ,—говоритъ онъ, это многіе аргументы, находящіеся въ ихъ сочиненіяхъ, которыми мы можемъ воспользоваться въ борьбѣ съ еретиками. Тѣмъ не менѣе, какъ эти двое, такъ и другіе философы находятся въ аду. Первая встрѣчная старуха больше знаетъ о вѣрѣ, чѣмъ Платонъ. Для укрѣпленія вѣры, хорошо было бы уничтожить многія книги, кажущіяся полезными въ другихъ отношеніяхъ. Когда не было столько книгъ, и такъ много разумныхъ разсужденій (ragioni naturali) и диспутовъ, вѣра росла и крѣпла успѣшнѣе, чѣмъ видимъ это теперь.—По его мнѣнію, чтеніе классическихъ произведеній въ школахъ слѣдовало бы ограничить Гомеромъ, Виргиліемъ и Цицерономъ, а затѣмъ посвятить все время сочиненіямъ Иеронима и Августина; не только Катувль и Овидій, но также Тибуль и Теренцій должны быть совершенно изгнанны. Здѣсь мы видимъ въ основаніи однѣ только нравственныя требованія, но въ другомъ своемъ сочиненіи, онъ доказываетъ вредъ науки вообще. По его мнѣнію, науками должны заниматься, собственно говоря, только немногіе, для того чтобы человѣческое знаніе не могло погибнуть, и для того, чтобы не переводились избранные люди, способные бороться съ еретическими софизмами; вообще же люди должны довольствоваться грамматикой, добрыми нравами и религіознымъ чтеніемъ (Sacrae literae). Такимъ образомъ вся образованность должна снова сосредоточиться въ рукахъ монаховъ, а такъ какъ „наиболѣе свѣдушіе и благочестивѣйшіе“, должны управлять народомъ и государствомъ, то это опять должны быть монахи. Не станемъ допытываться, имѣлъ-ли авторъ въ виду также и это послѣднее.

Трудно представить себѣ болѣе дѣтское разсужденіе. Этому человѣку, при всѣхъ его хорошихъ намѣреніяхъ, не приходило въ голову подумать, что возрожденная древность и въ связи съ этимъ новый широкій кругозоръ могутъ стать опорой религій, если она выдержитъ испытаніе въ этомъ тиглѣ. Ему очень хотѣлось бы воспретить все то, чего никакъ нельзя избѣгнуть. И въ другихъ отношеніяхъ, онъ менѣе всего свободенъ во взглядахъ: такъ напримѣръ, онъ грозитъ безбожнымъ астрологамъ костромъ, на которму ему, однако, суждено было самому погибнуть ¹⁾).

Но какая сильная душа должна была жить въ этомъ человѣкѣ, не смотря на узкій кругозоръ. Какой пламенный духъ нуженъ былъ, чтобы заставить флорентійцевъ, съ ихъ энтузіазмомъ къ наукамъ и искусству, склониться передъ этимъ возрѣніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, знаменитые ауто-да-фе, на которые они приносили драгоцѣннѣйшія произведенія искусствъ и все, что считалось необходимымъ въ жизни, носили такой характеръ, что всѣ *talami* Бернардино до Сіена и другихъ проповѣдниковъ рядомъ съ этимъ теряютъ всякое значеніе.

Правда, при этомъ не обходилось безъ нѣкоторыхъ насилій и своего рода полицейскихъ мѣръ. Проповѣдникъ вторгался въ высокоцѣнную италянцами свободу частной жизни и прибѣгалъ къ шпіонству прислугъ, чтобы произвести реформу нравовъ.

Позднѣе Кальвинъ, благодаря желѣзной волѣ, преобразовалъ общественную и частную жизнь въ Женевѣ, послѣ долговременныхъ усилій и постороннихъ воздѣйствій; во Флоренціи такого рода попытка не могла увѣнчаться успѣхомъ и должна была возстановить противниковъ до крайнихъ предѣловъ.

Изъ числа такихъ мѣръ, принятыхъ Савонароллою, упомянемъ, прежде всего, организованную имъ „маленькую полицію“ изъ мальчиковъ, которые бѣгали по домамъ и требовали выдачи имъ предметовъ, подходящихъ для сожженія на кострѣ; иногда ихъ просто гнали вонъ, а потому,

¹⁾ О такъ называемыхъ *impii astrologi* онъ говоритъ: *non è da disputaer (con loro) altrimenti che col fuoco.*

чтобы сохранить круговую поруку въ этомъ святомъ дѣлѣ, взрослые должны были ихъ сопровождать и защищать.

Косты Савонароллы.—Такимъ образомъ, въ послѣдній день карнавала 1497 года и въ тотъ же день слѣдующаго года, произведены были два большихъ ауто-да-фе на площади передъ синьорией.¹⁾ Здѣсь возвышалась ступенями пирамида, на подобіе древняго *rogus*, на которомъ обыкновенно сожигали тѣла римскихъ императоровъ. Внизу, въ основаніи пирамиды, находились маски, фальшивыя бороды, маскарадные костюмы и т. п. Въ слѣдующемъ ряду помѣшались книги—произведенія итальянскихъ и латинскихъ поэтовъ, въ томъ числѣ „Морганте“, Бокачіо, Петрарка, а также цѣнные пергаменты и манускрипты съ миниатюрами; далѣе шли женскія украшенія и туалетныя принадлежности, духи, зеркала, вуали и прически; затѣмъ лютни, арфы, шахматы, трикъ-тракъ, карты и т. п. наконецъ все это увѣнчивалось картинами, въ особенности портретами прекрасныхъ женщинъ, отчасти съ классическими именами Лукреціи, Клеопатры, Фаустины, отчасти современницъ, какъ прекрасной Венцины, Морелла, Бина и Марія да Ленци; здѣсь можно было видѣть собранными картины Бартоломео дела Порте, который самъ приносилъ ихъ, а также, повидимому, женскія головы работы знаменитыхъ древнихъ художниковъ. Когда готовъ былъ первый такой костеръ, присутствовавшій при этомъ венеціанскій купецъ предлагалъ за него синьоріи 22 тысячи золотыхъ талеровъ, но ему отвѣтили только,

¹⁾ Извѣстный духовный поэтъ Girolamo Benivieni, одинъ изъ современниковъ и приверженцевъ реформатора составилъ трогательное описаніе происходившаго и картинно передаетъ „bruciamento delle Vanità“.—(Вновь издано: *Canzonea d'un piagnone del bruciamento delle vanità nel carnevale del 1498, Florenz 1864.* Повидимому, однако, это описаніе надо принимать съ осторожностью, такъ какъ приверженцы S. охотно преувеличивали, а потому надо думать, что погибли не лучшія произведенія искусства и что недостатокъ картинъ на психологическіе сюжеты объясняется другими причинами, а не этими ауто-да-фе, какъ принята было объяснять.—Такое-же сожженіе соблазнительныхъ предметовъ было вызвано Jan. Bernardina da Massa, Vesp. Fibg. L, 193; тоже происходило и до Савонароллы, — подъ влияніемъ предшествовавшихъ ему проповѣдниковъ, но большею частью ограничивалось сожженіемъ предметовъ роскоши, а также въ особенности украшеній, употребляемыхъ женщинами.

что могут написать его портретъ и присоединить къ той же груди. Когда костеръ загорѣлся, вся синьорія вышла на балконъ; воздухъ наполнился пѣніемъ, трубными звуками и звономъ колоколовъ. Затѣмъ толпа двинулась на площадь св. Марка, гдѣ начались танцы въ трехъ concentрическихъ кругахъ: внутренній кругъ образовали монахи того же монастыря, смѣняясь мальчиками, представлявшими ангеловъ, затѣмъ слѣдовали молодые священники и міряне, и наконецъ старики, граждане и священники, — послѣдніе украшенные оливковыми вѣтвями.

Никакая иронія восторжествовавшихъ потомъ противниковъ, не смотря на весь ихъ талантъ, и достаточность поводовъ, не могла низвести память о Савонароллѣ. И чѣмъ печальнѣе становилась судьба Италіи, тѣмъ свѣтлѣе выросталъ въ памяти пережившихъ его образъ великаго монаха и проповѣдника. Если его пророчества не оправдались въ подробностяхъ, тѣмъ не менѣе въ общемъ предсказанное имъ громадное бѣдствіе оправдалось въ достаточной мѣрѣ.

Но какъ ни сильно было вліяніе проповѣдниковъ, и не смотря на спасительное значеніе, приписываемое Савонароллою проповѣди нищенствующихъ монаховъ¹⁾, этотъ классъ людей не могъ избѣгнуть всеобщаго приговора со всѣми его послѣдствіями. Италія доказала, что можетъ воодушевляться только отдѣльными личностями, а не монахами вообще.

*
*
*

Сила прежней вѣры.—Если мы захотимъ квалифицировать вліяніе прежней вѣры, независимо отъ монашества и духовенства, то эта вѣра можетъ намъ казаться то весьма слабой, то очень сильной, смотря по тому съ какой точки зрѣнія и при какомъ освѣщеніи мы будемъ на нее смотреть. Такъ мы уже видѣли выше (также т. I. стр. 125) привычную необходимость св. даровъ и благословеній, посмотримъ теперь каково было значеніе вѣры и культа въ повседневной жизни. Въ этомъ отношеніи также значительное вліяніе имѣютъ привычки большинства и взгляды сильныхъ міра сего на то и другое.

¹⁾ См. его 14-ую проповѣдь о Іезекіелѣ: Perrens, Jérôme Savonarole, т. I. стр. 30. Римъ.

Все, что относится къ покаянію и пріобрѣтенію спасенія души, при помощи добрыхъ дѣлъ, находится здѣсь, среди крестьянъ и нисшихъ классовъ, на той же степени неразвитости и вырожденія, какъ и на сѣверѣ; нерѣдко то же самое наблюдается и въ образованныхъ классахъ, руководящихся тѣми-же понятіями въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ сознаніи народа популярный католицизмъ болѣе всего утвердился тѣми своими сторонами, какими онъ сливается съ древнимъ языческимъ заклинаніемъ, задариваньемъ и умиротвореніемъ боговъ. Въ упомянутой уже нами однажды восьмой эклогѣ Баттиста Мантовано¹⁾ находится между прочимъ молитва крестьянина, который обращается къ Мадоннѣ, какъ специальной защитницѣ всѣхъ сельскихъ интересовъ. Кто знаетъ, какое представленіе имѣлъ народъ о значеніи той или другой Мадонны въ различныхъ житейскихъ случаяхъ, и что думала флоренціанка, когда приносила св. Аннунціатѣ, *ex voto*, маленькій сосудъ съ воскомъ²⁾ каждый разъ, когда ея возлюбленный-монахъ выпивалъ у нея сосудъ съ виномъ, въ отсутствіи мужа? — Также какъ и теперь существовалъ патронатъ святыхъ въ различныхъ сферахъ жизни. Не разъ уже пытались уяснить происхожденіе многихъ католическихъ обрядовъ изъ языческихъ церемоній, и никто не сомнѣвается въ томъ, что народныя обычаи въ церковныя праздничныя дни, представляютъ собой остатки всевозможныхъ языческихъ повѣрій. Въ Италіи же, въ деревняхъ часто можно было встрѣтить обычаи носящіе явно языческій характеръ; такъ за четыре дня до праздника св. Петра ставилась пища на могилахъ умершихъ³⁾. Многое другое въ томъ же родѣ было прежде въ обыкновеніи и вышло изъ употребленія только вполнѣдствіи. Быть можетъ, не совсѣмъ будетъ парадоксъ, если сказать, что вѣра въ Италіи была тѣмъ прочнѣе въ народѣ, чѣмъ тѣснѣе была ея связь съ язычествомъ.

До нѣкоторой степени можно указать, насколько такого рода господство распространилось и на высшіе классы.

¹⁾ Носящей названіе: *De rusticorum religione*. Срв. въ прилож. L, XXXV.

²⁾ *Franco Sachetti. Nov. 109.* Тамъ же еще въ этомъ родѣ.

³⁾ Срв. СII.

Какъ мы видѣли выше, говоря объ отношеніи къ духовенству, здѣсь надо имѣть въ виду силу привычки и впечатлѣній, воспринятыхъ въ раннемъ возрастѣ; къ этому надо присоединить страсть къ церковной пышности, не говоря уже объ эпидеміяхъ покаянія, которымъ съ трудомъ могли противостоять даже крайніе отрицатели, не смотря на весь ихъ скептицизмъ.

Поклоненіе реликвіямъ. Тѣмъ не менѣе было бы неосмотрительно приходить слишкомъ поспѣшно къ рѣшительнымъ заключеніямъ. Такъ, можно было бы думать, что отношеніе образованныхъ людей къ различнымъ мощамъ и реликвіямъ должно дать ключъ къ объясненію покрайней мѣрѣ нѣкоторыхъ сторонъ религіозныхъ воззрѣній. Въ дѣйствительности, однако, если и можно составить себѣ объ этомъ нѣкоторое понятіе, то во всякомъ случаѣ менѣе ясное, чѣмъ это было бы желательно для насъ. Венеціанская республика въ XV вѣкѣ, повидимому, раздѣляетъ то самое благоговѣніе къ останкамъ святыхъ людей, какое господствовало въ то время на Западѣ (т. I. стр. 85). Иностранцы, жившіе въ Венеціи, волей, неволей также должны были подчиняться этому настроенію¹⁾. Повидимому, и ученая Падуя не отстаетъ отъ Венеціи въ этомъ отношеніи, судя по тѣмъ даннымъ, какія мы находимъ у Микеле Савонароллы, (т. I. стр. 177) въ его топографіи. Съ возвышеннымъ чувствомъ, смѣшаннымъ съ благочестивымъ страхомъ, онъ говоритъ о томъ, какъ, передъ какой нибудь приближающейся опасностью, надъ городомъ носятся по ночамъ стоны святыхъ, какъ у трупа одной святой монахини въ въ Санта-Кіара растутъ ногти и волосы, какъ она, предреждая о грозящей бѣдѣ, безпокойно ворочается и подымаетъ руки къ небу и т. п.²⁾ Въ описаніи капеллы св. Антонія въ Санто, авторъ не знаетъ предѣла своимъ фантастическимъ бреднямъ. Въ Миланѣ народъ также усердно поклоняется реликвіямъ; въ 1517 году, при перестройкѣ ал-

1) Такъ Sabellico, de Situ venetae urbis. Правда, онъ, подобно многимъ писателямъ, называетъ святыхъ, покоящихся въ церквахъ, не прибавляя sanctus и divus, но перечисляетъ множество реликвій и не только весьма почтительно, а часто даже хвалится тѣмъ, что цѣловалъ ихъ.

2) De laudibus Patavii, см. Murat. XXIV.

таря, въ С. Симплиціано, монахи нечаянно потревожили шесть труповъ святыхъ, вслѣдствіе чего надъ всей страной пронеслась буря съ сильными ливнями; такъ думалъ народъ, и монахи подвергались избіенію вездѣ, гдѣ ихъ можно было встрѣтить на улицахъ и площадяхъ¹⁾. Въ другихъ мѣстностяхъ Италіи, даже въ резиденціи папъ, обожаніе реликвій часто носитъ сомнительный характеръ, но все-же не настолько, чтобы можно было придти къ рѣшительному выводу. Извѣстно, что Пій II приобрѣлъ въ 1462 году голову апостола Андрея, раньше уже вывезенную изъ Греціи другими, и съ торжествомъ водворилъ ее въ соборѣ св. Петра, причемъ это приобретеніе несомнѣнно отвѣчало требованіямъ многихъ и сопровождалось общимъ ликованіемъ²⁾; но изъ его собственной реляціи слѣдуетъ, что онъ это сдѣлалъ лишь послѣ того, какъ многіе государи старались приобрести эту голову. И только, благодаря этому соревнованію, ему вздумалось сдѣлать Римъ убѣжищемъ для всѣхъ св. мощей, изгоняемыхъ почему-либо изъ прежнихъ обиталищъ³⁾.

При Сикстѣ IV городское населеніе выказывало гораздо болѣе усердія въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ самъ папа, и магистратъ выражалъ горькое неудовольствіе, когда Сикстъ рѣшился отправить умирающему Людовику XI кое-что изъ латеранскихъ мощей. Папа приводилъ въ свое оправданіе огромныя заслуги Людовика передъ папскимъ престоломъ и ссылался на другихъ папъ, напримѣръ, Григорія, сдѣлавшаго тоже.

Въ Болоньѣ поднялся въ то же время мужественный голосъ, предлагавшій продать испанскому королю черепъ св. Доминика, съ тѣмъ, чтобы на эти деньги учредить что-нибудь полезное для всѣхъ.

Наименьшимъ благоговѣніемъ къ мощамъ отличались флорентійцы. Послѣ того, какъ они уже рѣшили воздвиг-

¹⁾ Prato, Arch. Stor. III стр. 468 Онъ не принадлежитъ къ про-свѣтителямъ, но въ данномъ случаѣ все-же протестуетъ противъ та-кого обвиненія.

²⁾ Рѣчь 12 апр. 1462 г. сообщена Holstein'омъ. Zeitschr. f. fg. Lit. Gesch. II.

³⁾ Pii II Comment. L.—VIII. стр. 352. Verebatur Pontifex, ne in honore tanti apostoli diminute agere videretur etc.

нуть новый саркофагъ св. Цаноби, патрона города, проходить четырнадцать лѣтъ, пока это намѣреніе приводится въ исполненіе, и саркофагъ заказывается Гиберти, благодаря тому, что онъ какъ разъ выполнилъ одну такого рода маленькую работу, съ большимъ успѣхомъ ¹⁾); такую роль играла въ этомъ дѣлѣ случайность. Можетъ быть, что реликвіи отчасти надоѣли, послѣ того, какъ въ Неаполѣ раскрытъ былъ обманъ одной настоятельницы, выдававшей за подлинныя останки св. Репараты, покровительницы собора—искусственную гипсовую руку ²⁾). Можетъ быть также сильно развитое эстетическое чувство возмущалось этими трупными развалинами, изодранными одеждами и безформенными черепками. Наконецъ, новое явленіе—поклоненіе знаменитымъ людямъ привело къ тому, что многіе предпочли видѣть въ прекрасныхъ мавзолеяхъ останки Данте и Петрарки, чѣмъ всѣхъ двѣнадцати апостоловъ. Можетъ быть также во всей Италіи, исключая Венеціи и Рима, съ его особеннымъ значеніемъ, поклоненіе реликвіямъ давно уже начало уступать мѣсто ³⁾ поклоненію Мадоннѣ—распространившемуся здѣсь во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ гдѣ нибудь въ Европѣ; въ этомъ отношеніи долженъ былъ оказать вліяніе и ранній перевѣсъ въ стремленіи къ красотѣ формъ.

Могутъ спросить, возможно ли было еще большее поклоненіе Матери Божьей, чѣмъ на Сѣверѣ, гдѣ почти всѣ великолѣпнѣйшія церкви посвящены ей, и гдѣ богатѣйшая поэзія воспѣваетъ ее и на латинскомъ языкѣ, и на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Но въ отвѣтъ на это, нельзя не обратить вниманія на широкое повсемѣстное распространеніе въ Италіи безчисленныхъ изображеній Мадонны и глубокую вѣру въ чудодѣйственное вліяніе этихъ изображеній въ различныхъ

¹⁾ Vasari III, 111 и прим. Vita di Ghiberti.

²⁾ Matteo Vilani III, 15 и 16.

³⁾ Вообще слѣдуетъ различать между культomъ въ Италіи мощей святыхъ, удостовѣренныхъ исторіей предшествовавшихъ столѣтій и господствующей на сѣверѣ наклонностью къ собиранію остатковъ тѣлъ, принадлежащихъ отдаленнымъ временамъ. Къ этой категоріи, въ особенности важной для пилигримовъ, надо отнести большой запасъ латеранскимъ реликвіи. Впрочемъ, саркофаги св. Доминика и Антонія Падуанскаго, а также таинственнаго гроба св. Франциска окружены не однимъ ореоломъ святости, но и нѣкоторой исторической славой.

случаяхъ. Каждый болѣе или менѣе значительный городъ имѣетъ въ своемъ обладаніи множество такихъ изображеній, начиная отъ самыхъ древнихъ, или выдаваемыхъ за таковыя, какъ живопись св. Луки, и кончая работами современниковъ, нерѣдко доживающихъ до чудесъ, производимыхъ написаннымъ ими изображеніемъ. Искусство здѣсь далеко не такъ наивно, какъ думаетъ Баттиста Мантовано ¹⁾; смотря по обстоятельствамъ, оно пріобрѣтаетъ вдругъ магическую силу. Потребность народа и въ особенности женщинъ въ чудесахъ находитъ здѣсь полное удовлетвореніе ²⁾, и уже поэтому мало остается на долю реликвій. Нѣкоторый вредъ настоящимъ реликвіямъ могли наносить также сатирическія насмѣшки новеллистовъ надъ лживыми чудесами ³⁾. Въ то же время отношеніе образованныхъ людей къ поклоненію Мадоннѣ обрисовывается яснѣе, чѣмъ отношеніе къ мощамъ. Прежде всего нельзя не замѣтить, что въ итальянской литературѣ Данте съ его „Раемъ“, ⁴⁾ въ сущности послѣдній изъ крупныхъ поэтовъ, воспѣвавшихъ св. Дѣву, тогда какъ въ народѣ пѣсни о Мадоннѣ сочиняются до нашихъ дней.

1) Заслуживающее вниманія свидѣтельство изъ его позднѣйшаго произведенія *de Sacris diebus* (L. I), правда, относится и къ свѣтскому и духовному искусствамъ. По его мнѣнію у евреевъ по справедливости предавалось заклятію всякое изображеніе, такъ какъ иначе народъ легко могъ быть вовлеченъ въ идолопоклонство и служеніе дьяволу, какъ это было у ихъ сосѣдей.

Nunc autem, postquam penitus natura Satanum
Cognita et antiqua sine majestate relicta est
Nulla ferunt nobis statuæ discriminis, nullos
Fert pictura dolos; jam sunt innoxia signa
Sunt modo virtutum testes monumentaque laudum
Marmora et aeternae decora immortalia famaе.

2) Ели долго шелъ дождь во Флоренціи (въ концѣ 15 и началѣ 16 в. Landucci, *passim*), то носили по городу изображеніе „*Donna di S. Maria Impruneta*“, чтобы погода перемѣнилась. Авторъ хроники признается, что средство это мало помогало.

3) Такъ Battista Mantovano жалуется (*de sacris diebus* L. V) на извѣстныхъ „*nebulones*“, не вѣрившихъ въ подлинность святой крови въ Мантуѣ. И критика, оспаривавшая подарокъ Константина, въ сущности не симпатизировала реликвіямъ, хотя и въ тихомолку.

4) Въ особенности *Paradiso* XXXIII, I, знаменитая молитва св. Бернарда:

Vergine madre, figlia del tuo figlio.

Намъ могутъ указать на Саннацаро, Сабеллико ¹⁾ и другихъ латинскихъ поэтовъ, но у нихъ слишкомъ преобладаетъ надъ всѣмъ по существу литературная цѣль. Поэтическія произведенія XV вѣка ²⁾ и начала XVI на итальянскомъ языкѣ, производящія непосредственное религиозное впечатлѣніе, могли бы быть написаны протестантами; также и такого рода гимны Лоренцо Великолѣпнаго, сонеты Викторіи Колонны, Микель-Анджелло, Гаспаро Stampa и другихъ. Если оставить лирической теизмъ, въ этой поэзіи говорить понятіе о грѣховности, надежды на искупленіе черезъ смерть Христа, стремленіе къ высшей жизни, причемъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ упоминается заступничество Матери Божіей ³⁾. Мы видимъ здѣсь явленіе, повторяющееся въ классической образованности французовъ, въ литературѣ Людовика XIV. Только реакція противъ реформации возродила въ итальянской поэзіи снова служеніе Мадоннѣ. Впрочемъ, образовательное искусство въ этотъ промежутокъ времени сдѣлало очень много для возвеличенія этого служенія. Въ концѣ-концовъ такого рода поклоненіе божеству принимало въ образованныхъ классахъ (т. I стр. 66, 322) нрѣдко языческую окраску ⁴⁾.

Колебанія въ Культѣ. Мы могли бы изслѣдовать также и другія различныя стороны итальянскаго католицизма того времени и отношеніе образованныхъ классовъ къ народному вѣрованію, съ большей или меньшей достовѣрностью, но также не придемъ къ рѣшительнымъ выводамъ. Прежде всего мы видимъ рядъ контрастовъ. Такъ, напримѣръ, неутомимо строятся церкви, и художники украшаютъ ихъ кар-

¹⁾ Быть можетъ также Пій II, котораго элегія къ Св. Дѣвѣ напечатана въ Орега, стр. 964, и который съ юности вѣрилъ въ особую защиту Маріи. Jac. Card. Variens, de morte Pii Oregæ, стр. 656.

²⁾ Другими словами изъ той эпохи, когда Сикстъ IV ревностно доказывалъ непорочное зачатіе—*Extravag. commun. L. III, tit. XII*. Онъ учредилъ также праздникъ явленія Богородицы въ храмѣ, а также св. Анны и св. Иосифа. *Cpl. Trithem. App.*

³⁾ Въ особенности поучительны здѣсь немногіе, лишенные горячаго чувства сонеты Витторіи. Изд. P. Visconti, Rom. 1840.

⁴⁾ Свидѣтельство Вазари: Александръ VI приказалъ Пинтуриччіо картину, на которой онъ склоняется передъ Мадонной, а послѣдняя носить черты Юліи Фарнезе. Но это все сказка. *Pastor III, 498.*

тинами и статуями, но въ то же время уже въ началѣ XVI вѣка раздаются громкія жалобы на упадокъ культа и пренебреженіе къ этимъ самымъ церквамъ: *Templa ruunt, passim sordent altaria, cultus paulatim divinus abit!* 1). Извѣстно, какъ возмущенъ былъ Лютеръ безцеремоннымъ поведеніемъ римскихъ священниковъ, служащихъ въ церквахъ. Но въ то же время церковные праздники отличались такимъ великолѣпіемъ, о какомъ не было даже представленія на Сѣверѣ. Приходится остановиться на томъ, что этотъ народъ, одаренный по преимуществу воображеніемъ, пренебрегалъ всѣмъ, что носило повседневный характеръ, давая увлечь себя, затѣмъ, чѣмъ нибудь изъ ряда выходящимъ.

Эпидеміи покаянія. Гѣмъ же воображеніемъ объясняются знаменитыя эпидеміи покаянія, о которыхъ здѣсь надо сказать; онѣ ничего общаго не имѣютъ съ тѣмъ покаяніемъ, что происходило подъ вліяніемъ извѣстныхъ проповѣдниковъ; въ данномъ случаѣ причиною движенія служили нѣкоторыя всеобщія бѣдствія, или страхъ передъ ними.

Въ средніе вѣка подобнаго рода движеніе охватывало въ извѣстный моментъ всю Европу, причемъ иногда происходило массовое передвиженіе людей, какъ, на примѣръ, крестовые походы и процессіи самобичующихся. Италія принимала участіе въ томъ и въ другомъ; въ первый разъ самобичующіеся появились въ значительномъ количествѣ тотчасъ послѣ паденія Эццелино и его дома, въ окрестностяхъ той самой Перуджии 2), въ которой, какъ мы видѣли выше возникъ вполнѣдствіи одинъ изъ главныхъ очаговъ проповѣдниковъ покаянія. Далѣе слѣдуютъ флагеланты 3)

1) Baptist. Mantuan., de Sacris diebus, L. V и въ особенности рѣчь младшаго Пико, предназначавшаяся для Латеранскаго Собора. Roscoe: Leone X, изд. Rossi, т. VIII, стр. 115.

2) Monach. Paduani, chron. L. III Начл. (Muratori, т. XIV). Объ этомъ покаяніи говорится: *invasit primitus Perusinos, Romanos postmodum deinde ferl Italiae populos universos.* Напр. Guil. Ventura (*fragmenta de gestis Astensium in Monum. hist. patr. SS. tom. III col. 701*) называетъ процессію самобичующихся *admirabilis Lombardorum commotio*. Пустынники вышли изъ своихъ пещеръ и призвали народъ къ покаянію. Это напоминаетъ объ извѣстномъ своей дѣятельностью въ 14 вѣкѣ обществѣ *roveri lombardi*.

3) Giov. Villani VIII, 122. XI, 23. Первыхъ не пускали во Флоренцію, но тѣмъ охотнѣе принимали ихъ потомъ.

(1310—1334), а затѣмъ великая покаянная процессія, безъ бичеванія, о которой рассказываетъ Коріо въ 1399 году. 1). Можно допустить, что извѣстные юбилеи отчасти устраивались съ тою цѣлью, чтобы по возможности регулировать и сдѣлать безвредными эти неудержимыя передвиженія фанатически возбужденныхъ массъ; отчасти также цѣлью этихъ передвиженій стали нѣкоторые пункты въ Италіи, какъ, на примѣръ, Лорето, пріобрѣтшіе въ это время значеніе святыхъ мѣстъ 2).

Покаяніе въ Миланѣ. Въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда на какую нибудь мѣстность обрушивается рядъ ужасныхъ бѣдствій, въ потрясенномъ народѣ пробуждается средневѣковой пылъ раскаянія, появляются чудесныя знаменія, и люди ищутъ спасенія въ самобичеваніи, молитвахъ, постахъ, церковныхъ процессіяхъ и въ клятвенныхъ обѣтахъ, надѣясь смягчить всѣмъ этимъ божій гнѣвъ. Изъ множества такихъ примѣровъ, мы упомянемъ землетрясеніе въ Болоньѣ 3) въ 1457 году и внутреннія смуты въ Сіенѣ 4) въ 1496 году. Но наиболѣе потрясающую картину мы видимъ въ Миланѣ въ 1529 году, когда здѣсь соединились и привели въ отчаяніе народъ три грозныхъ бѣдствія, три сестры: война, голодъ и чума, наряду съ испанскимъ гнетомъ вообще 5). Испанскій же монахъ, Фра-Томмазо Ніето

1) Corio, fol. 281.—Срв. прилож. С III.

2) Отдаленныя пилигримства становятся уже очень рѣдки. Пилигримство государей въ Іерусалимъ, С.-Яго и Вѣну перечислены въ Diario Ferrarese, Murat. XXIV, Col. 182, 187, 190, 279. Путешествіе Rinaldo Albizi въ Святую землю у Макиавелли, Stng. fior. L. V. И здѣсь главное иногда стремленіе къ извѣстности, тщеславію. Такъ авторъ хроники Giov. Cavalcanti (Ist. Fiorentine, ed. Polidori 1838, II, стр. 478) говоритъ о Leonardo Frescobaldi, который съ однимъ спутникомъ (1400) отправился въ качествѣ пилигримовъ къ Граду Господню. Stimarono di eternarsi nella mente degli uomini futuri. Неизвѣстно, относится-ли стихотвореніе Pontano: Ad amicos Hierosolymam proficiscentos (Opp. IV) къ пилигримству или попыткѣ завоеванія Св. Земли? Прочія путешествія въ Палестину приведены Z. II, 266..

3) Bursellis, Annal. Bon. Murat. XXIII, Col. 890.

4) Allegretto, см. Murat. XXIII. Col. 855. Распространился слухъ, что шелъ кровавой дождь. Всѣ бросились на улицу: tamen gli huomini di guidizio non lo credono.

5) Burigozzo, Arch. stor. III, 486. Классическимъ источникомъ ознакомленія съ тогдашней бѣдностью Ломбардіи служитъ Galeazzo

сталъ во главѣ кающихся. По его указанію старыя и малыя люди всѣхъ возрастовъ образовали босоногую процессію и четыре священника въ полотняныхъ одеждахъ несли на плечахъ разукрашенныя носилки, на которыхъ помѣщались св. дары, на подобіе того, какъ нѣкогда Израильтяне носили ковчегъ завѣта ¹⁾ вокругъ іерихонскихъ стѣнъ. Такимъ образомъ, отчаявшіеся въ своемъ спасеніи миланцы пытались напомнить Богу о его древнемъ союзѣ съ людьми; когда весь этотъ босоногій народъ, обойдя городъ, вернулся въ соборъ и наполнилъ его громогласными стопами, потрясавшими стѣны колоссальнаго зданія, въ самомъ дѣлѣ, можно было думать, что небо пошлетъ спасеніе и совершитъ какое нибудь чудо, вмѣшавшись въ естественное явленіе природы и историческій ходъ вещей.

Правительство въ Феррарѣ. — Нашлось въ Италіи въ это время одно правительство, поспѣшившее само стать во главѣ теченія и регулировать народное покаяніе при помощи полицейскихъ распоряженій: это было правительство Эрколе I въ Феррарѣ ²⁾.—Въ то время, какъ Савонаролла достигъ высшей степени своего могущества во Флоренціи, и его пророчества и призывъ къ покаянію проникли за Аппенины, въ Феррарѣ также стали проповѣдывать постъ на хлѣбѣ и водѣ (въ началѣ 1496 года); нѣкій лазаристъ возвѣстилъ съ церковной кафедрѣ, что вскорѣ война и голодъ произведутъ такія ужасныя бѣдствія, какихъ еще никогда не видѣлъ міръ; въ то же время, по его словамъ, Мадонна открыла благочестивымъ людямъ ³⁾, что строгій постъ—единственное средство спастись отъ этихъ бѣдствій. При такихъ обстоятельствахъ и дворъ, въ свою очередь, долженъ былъ установить постъ, а потому онъ взялъ въ свои руки весь этотъ благочестивый порывъ, охватившій

Сарелло:—въ общемъ Миланъ едва-ли менѣе страдалъ, чѣмъ Римъ во время сакко. (1527).

¹⁾ Это называлось l'arca del testimonio и говорили, что процессія conzado (устроена) con gran misterio.

²⁾ Diario Ferrarese, см. Murat. XXIV, Col. 317, 322, 323, 326, 386, 401. Въ 1460 г. жестоко былъ наказанъ „за богохульство“ нѣкто кричавшій non la potrebbe fare Iddio, Venturi стр. 696.

³⁾ Ad uno santo homo o santa donna, говоритъ лѣтописецъ, конкубинатъ былъ запрещенъ всѣмъ maritati.

населеніе. Въ третій день пасхи объявленъ былъ эдиктъ — въ защиту благочестія и добрыхъ нравовъ; этотъ эдиктъ грозилъ наказаніемъ за поношеніе Бога и св. Дѣвы, воспрещалъ азартную игру, незаконное сожителство, содомію, отдачу въ наемъ помѣщеній публичнымъ женщинамъ и содержателямъ такого рода домовъ, торговлю въ праздничные дни, за исключеніемъ хлѣба и овощей и т. д.; евреи и мараны, бѣжавшіе изъ Испаніи и нашедшіе здѣсь убѣжище, снова должны были носить на груди желтый знакъ. За всякое нарушеніе приказа эдиктъ грозилъ не только установленнымъ въ законѣ наказаніемъ, но „денежнымъ штрафомъ въ томъ размѣрѣ, какой герцогу угодно будетъ назначить“, причемъ четвертая часть этой суммы идетъ въ пользу герцога, а остальные три четверти распределяются между доносчикомъ и общественными учрежденіями. Затѣмъ герцогъ со всѣмъ своимъ дворомъ въ теченіе четырехъ дней выслушивали проповѣдь, а десятаго апрѣля должны были присутствовать также всѣ евреи, находившіеся въ Феррарѣ ¹⁾. Впрочемъ, 3-го мая начальникъ полиціи, знаменитый Григорій Цампанте (см. в. т. I стр. 61), объявилъ, что каждый, кто давалъ деньги полицейскимъ чинамъ, для того, чтобы не подвергнуться какому-нибудь обвиненію, можетъ явиться и получить назадъ деньги, не опасаясь никакихъ наказаній; въ самомъ дѣлѣ, полицейскіе вымогали у невинныхъ людей по два, три дуката подъ угрозой различныхъ обвиненій, а затѣмъ доносили другъ на друга и сами попадали въ тюрьму. Но такъ какъ граждане платили главнымъ образомъ для того, чтобы не имѣть дѣла съ Цампанте, то его воззваніе, конечно, не могло никого соблазнить.—Въ 1050 году, послѣ паденія Людовика Мавра, когда снова возникло подобное движеніе, Эрколе также предписалъ ²⁾ девять процессій, причемъ должны были участвовать также около четырехъ тысячъ дѣтей въ бѣлыхъ одеждахъ съ Христовыми хоруг-

¹⁾ Проповѣдь имѣла въ виду въ особенности евреевъ. Послѣ проповѣди былъ крещенъ одинъ еврей,—лѣтописецъ прибавляетъ: *ma non di quelli che erano stati a udire la Predica.*

²⁾ *Per buono rispetto a lui noto e perchè sempre è buono a star bene con Iddio—говоритъ хроникеръ. Далѣе онъ прибавляетъ, описавъ процессію, въ примирительномъ тонѣ: La cagione perchè sia fatto et si habbia a fare non s'intende; basta che ogni bene e bene.*

вами; и онъ самъ также принималъ участіе въ шествіи, но не пѣшкомъ, такъ какъ страдалъ ногами, а верхомъ на конѣ. Вслѣдъ затѣмъ обнародованъ былъ эдиктъ подобнаго же содержанія, какъ и упомянутый выше. Не говоря уже о множествѣ построенныхъ имъ церквей и монастырей, Эрколе приказалъ привезти живую святую, Лючію изъ Нарни ¹⁾, передъ тѣмъ, какъ должно было произойти бракосочетаніе его сына Альфонсо съ Лукреціей Борджіа (1502). Камеръ-куррьеръ ²⁾ привезъ святую изъ Витербо вмѣстѣ съ 15-ю другими монахинями, и герцогъ самъ отвелъ ее, по прибытіи въ Феррару, въ приготовленный для нея монастырь. Мы едва ли ошибемся, предположивъ во всѣхъ этихъ его дѣйствіяхъ политическій расчетъ. По крайней мѣрѣ, на основаніи простой логики, можно сказать, что домъ Эсте, съ его взглядами на господствующую власть, какъ это было указано выше (т. I, стр. 55), могъ пользоваться также и религіознымъ настроеніемъ, по возможности подчиняя его своимъ цѣлямъ.

Въ средѣ самихъ гражданъ также возникали иногда союзы покаяній. Такъ, въ Пистойѣ въ началѣ XVI вѣка, подъ вліяніемъ доминиканцевъ и воспоминаній о Савонаролѣ, молодые люди соединялись между собой, устраивали процессіи съ религіозными представленіями и удерживали сверстниковъ отъ чувственныхъ развлеченій ³⁾.

1) По указ. Z. не могла быть сестра Коломба, названная В., такъ какъ она умерла еще 20 мая 1501 г.

2) По источнику его называютъ Messo de cancellieri del Duca. Повидимому это распоряженіе исходило отъ двора, а не отъ орденскихъ властей или вообще какихъ нибудь духовныхъ властей.

3) P. Vigo. Una confraternità di Giovanetti pistojesi a principio del sec. 16. (Scelta di curiosità 220) Болонья 1887.

Глава III

Религія и духъ эпохи Возрожденія

Попытка синтеза. Для того, чтобы прийти къ какимъ нибудь рѣшительнымъ выводамъ о характерѣ религіозности людей эпохи возрожденія, мы должны направить наше изслѣдованіе по другому пути. А именно, какъ отношеніе ихъ къ современнымъ религіознымъ понятіямъ, такъ и къ самой идеѣ Божества должно выясниться изъ разсмотрѣнія всего міросозерцанія въ цѣломъ.

Эти люди новаго образованія, носители всей образованности тогдашней Италіи, родились такими же религіозными, какъ и всѣ уроженцы среднихъ вѣковъ на Западѣ, но могучій индивидуализмъ дѣлаетъ ихъ столь-же субъективными въ этомъ отношеніи, какъ и во всякомъ другомъ, а энтузіазмъ, подъ вліяніемъ открытій во внѣшнемъ и внутреннемъ мірѣ, дѣлаетъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ по преимуществу свѣтскими. Въ прочей Европѣ религія, напротивъ, еще долго сохраняетъ объективный характеръ, причемъ эгоизмъ и чувственность чередуются въ жизни съ благочестіемъ и покаяніемъ; послѣднее не испытываетъ духовной конкуренціи, какъ въ Италіи, или, во всякомъ случаѣ далеко не въ той степени.

Далѣе, частое и тѣсное соприкосновеніе съ византійцами и магометанами вело къ утвержденію нейтральной терпимости, передъ которой должно было отступать въ нѣкоторой мѣрѣ этнографическое понятіе о привилегированномъ западномъ христіанствѣ. Когда же классическая древность, съ ея характеромъ и учрежденіями, въ концѣ концовъ возведена была въ культъ, какъ величайшее воспоминаніе,

тогда античное умозрѣніе и скептицизмъ стали преобладать въ умственномъ развитіи итальянцевъ.

Далѣе, такъ какъ итальянцы первые изъ всѣхъ новыхъ народовъ Запада предались безграничному размышленію о свободѣ и необходимости, и такъ какъ имъ приходилось это дѣлать подъ гнетомъ политическихъ беззаконій, благодаря которымъ часто зло одерживало, повидимому, блестящую и продолжительную побѣду, то естественно, что ихъ религіозное сознаніе подвергалось колебаніямъ, и міросозерцаніе принимало отчасти фаталистическій характеръ. Но болѣе пылкіе люди не могли оставаться въ неизвѣстности и стремились дополнить свое знаніе, прибѣгая къ античнымъ, восточнымъ и средневѣковымъ суевѣріямъ; они становились астрологами и чернокнижниками.

Наконецъ духовно наиболѣе развитые люди, носители возрожденія, обнаруживаютъ въ религіозномъ отношеніи качество, часто встрѣчающееся у юношескихъ натуръ; они прекрасно различаютъ между добромъ и зломъ, но не знаютъ, что значитъ грѣшить; всякое нарушеніе внутренней гармоніи въ нихъ быстро возстановляется, благодаря пластической упругости, и потому они не знаютъ раскаянія; вслѣдствіе этого исчезаетъ потребность въ искупленіи, и самая мысль о загробной жизни, благодаря честолюбію и умственному напряженію въ борьбѣ съ жизнью, совершенно пропадаетъ или принимаетъ поэтическую форму, вмѣсто догматической.

Если ко всему этому прибавить вліяніе господствующей фантазій, то мы получимъ картину умственного состоянія того времени, во всякомъ случаѣ, болѣе дѣйствительную, чѣмъ неопредѣленные жалобы на новѣйшій языческій духъ. Но кромѣ того, при ближайшемъ изслѣдованіи, скорѣе всего обнаружится, что подъ этимъ внѣшнимъ покровомъ продолжаетъ жить сильное стремленіе къ настоящей религіи.

* *
* *

Въ подтвержденіе сказаннаго, мы должны здѣсь ограничиться только главнѣйшими доказательствами.

Субъективность религіи. Европейскій духъ здѣсь еще не угасъ, какъ это явствуетъ изъ того, что религія остается

здѣсь дѣломъ личности съ ея индивидуальнымъ взглядомъ на вещи, несмотря на выродившееся тираническое церковное ученѣе. Правда, это обстоятельство проявляется здѣсь совсѣмъ особымъ образомъ; на сѣверѣ мистическія и аскетическія секты создаютъ новую дисциплину для новыхъ чувствъ и новаго мышленія, — въ Италіи же каждый идетъ своей дорогой и тысячи въ своихъ странствованіяхъ по этимъ волнамъ погружаются въ религіозный индиферентизмъ. Тѣмъ болѣе надо отдать справедливость тѣмъ, кто создавалъ себѣ свою религію и твердо держался ея; не они были виноваты въ томъ, что не могли сохранить связь съ прежнею церковью въ томъ видѣ, въ какомъ она навязывалась имъ; также несправедливо было бы требовать, чтобы каждый въ отдѣльности совершилъ въ себѣ всю работу, выпавшую на долю нѣмецкихъ реформаторовъ. Мы постараемся потомъ, въ заключеніи, указать, къ чему стремилась обыкновенно индивидуальная религія лучшихъ умовъ.

Свѣтскость. Возрожденіе составляетъ, повидимому, явную противоположность среднимъ вѣкамъ своимъ свѣтскимъ характеромъ, благодаря, главнымъ образомъ, огромному наплыву новыхъ воззрѣній, идей и намѣреній, въ отношеніи природы и человѣчества. Эта свѣтскость сама по себѣ не болѣе враждебна религіи, чѣмъ наши такъ называемые теперь интересы знанія и образованія, но только послѣдніе въ ихъ настоящемъ видѣ представляютъ слабый снимокъ того всесторонняго возбужденія, въ какое человѣчество было тогда повергнуто множествомъ и величіемъ открытій.

Такимъ образомъ эта свѣтскость представляла серьезное явленіе къ тому же еще облагоороженное искусствомъ и поэзіей.

Такимъ образомъ стремленіе къ всестороннему познанію человѣка и другихъ явленій становится непреодолимою потребностью новѣйшаго духа и его новымъ благороднымъ назначеніемъ ¹⁾. Какимъ путемъ и скоро-ли это изслѣдованіе приведетъ человѣка опять къ Богу и какъ оно соединится съ тѣмъ или другимъ индивидуальнымъ религіознымъ умозрѣніемъ,—это вопросы неразрѣшимые на общихъ осно-

¹⁾ Срв. выше изъ рѣчи Пико о достоинствѣ человѣка.

ваніяхъ. Средніе вѣка, въ общемъ удержавшіе за собой эмпиризмъ и свободное изслѣдованіе, въ этомъ случаѣ не могутъ привести насъ къ какому-нибудь догматическому рѣшенію.

Терпимость къ исламу. Изученіе человѣка и на ряду съ этимъ еще нѣкоторыя другія обстоятельства послужили основаніемъ той терпимости ¹⁾ и индифферентизма, съ которыми итальянцы относились прежде всего къ магометанству. Несомнѣнно, что знакомство съ мусульманскими народами со времени крестовыхъ походовъ повело къ тому, что въ Италіи стали цѣнить по достоинству восточную культуру, въ особенности, какою она была до монгольскаго нашествія; къ этому надо присоединить полу-магометанскій образъ правленія итальянскихъ государей, неудовольствіе и почти явное презрѣніе къ церкви, въ ея тогдашнемъ видѣ и, наконецъ, частыя путешествія на востокъ и торговлю въ восточныхъ и южныхъ гаваняхъ Средиземнаго моря ²⁾. Въ XIII вѣкѣ уже среди итальянцевъ явно утверждается магометанскій идеалъ душевнаго благородства, человѣческаго достоинства и гордости, причемъ всѣ эти качества охотнѣе всего рисуются въ образѣ султана; въ особенности надо имѣть здѣсь въ виду египетскихъ султановъ—Мамелюковъ. Если мы захотимъ указать этому примѣру, то первое мѣсто займетъ, конечно, Саладинъ ³⁾.

Даже османскіе турки, не смотря на ихъ разрушительный образъ дѣйствій, слишкомъ хорошо извѣстный итальян-

¹⁾ И на ряду съ этимъ, какъ контрастъ, — ярая нетерпимость.— Венеціанскій Сенатъ принималъ рѣшительныя мѣры противъ грековъ, заподозрѣнныхъ въ томъ, что они намѣрены ввести греческую церковную обрядность, и отклонилъ попытку основать въ Венеціи греческую церковь. Ламанскій *passim*, въ особ. 652 и д.

²⁾ Не говоря о томъ, что даже у арабовъ можно было встрѣтить подобную-же терпимость или равнодушіе.

³⁾ Мы видимъ это у Бокк. въ Декамеронѣ; срв. также похвалу Саладину въ *Comento di Dante I, 293.*—У *Massuccio* одинъ султанъ именуется *Re de Fes*, другой *Re de Tunisi* № 46, 48, 49. Также *Fazio degli Uberti*, см. *H. Dittamondo II 25*, гдѣ говорится: *ei buono Saladin*. Нѣтъ недостатка, разумеется, и въ нападкахъ на исламъ. *Egnatius: De ex. ill. Vir. Ven. fol. 6*, хвалитъ Венецію за то, что тамъ нѣтъ слѣдовъ *Maumetana superstitio* и бранитъ въ сильныхъ выраженіяхъ Магомета, *fol. 103v*. У *Чеккетти* находимъ рассказъ о турчанкѣ, крестившейся два раза, въ Венеціи и потомъ въ Римѣ.

цать, какъ мы видѣли выше (т. I гл. VIII), не очень пугали итальянцевъ, и мѣстное населеніе то здѣсь, то тамъ, легко свыкается съ мыслью о возможныхъ съ ними сношеніяхъ. Въ то же время герцогъ Нери разрѣшаетъ сыну жениться на крещеной еврейкѣ, и одинъ изъ его друзей, Галатео, убѣждаетъ его не обращать вниманія на болтовню людей ¹⁾. На ряду съ этой терпимостью мы видимъ, однако, сильный протестъ, съ христіанской точки зрѣнія, противъ магометанской религіи; такъ, Филельфо побуждаетъ духовныхъ бороться противъ Ислама, такъ какъ мусульмане, владея значительной частью свѣта, опаснѣе для христіанской религіи, чѣмъ еврейство ²⁾; рядомъ съ мыслями о союзѣ съ турками, мы видимъ, какъ Пій II во все время своего понтификата питаетъ страстное желаніе итти войной противъ турокъ, и многіе гуманисты также горячо проповѣдуютъ войну съ турками.

Три кольца. Но настоящимъ характернымъ выраженіемъ религіознаго индифферентизма служитъ знаменитая исторія о трехъ кольцахъ, которую между прочимъ Лессингъ влагаетъ въ уста Натана Мудраго, но которая за много вѣковъ до него уже фигурируетъ, хотя въ робкомъ видѣ, въ одной изъ „ста древнихъ новелъ“, а затѣмъ у Боккаччіо въ болѣе широкой постановкѣ ³⁾. Мы, конечно, никогда не узнаемъ, въ какомъ уголкѣ Средиземнаго моря и на какомъ языкѣ она получила свое начало: по всей вѣ-

¹⁾ Galateus epp. 10: Mai, Spicil. VIII.

²⁾ Filelfi Epistolae, Venet. 1502. fol. 90—напротивъ похвала туркамъ у него-же см. т. I, 96 стр. 2.

³⁾ Decamerone I, Nov. 3. Впервые упоминаетъ здѣсь христіанскую религію, тогда какъ 100 пов. ant. этого въ себѣ не заключаютъ. О древнемъ французскомъ источникѣ 13 в. см. A. Tobler: Li di dou vrai aniel, Leipzig 1871.—Abulafia, род. въ Испаніи въ 1241 г.; въ 1290 г. въ Италию хочетъ обратить папу въ иудейство. Еврейскій рассказъ о немъ и о томъ, какъ двое слугъ думаютъ, что завладѣли зарытымъ для сына драгоценнымъ камнемъ; см. Steinschneider, polemische und apologetische Litteratur in arabischer Sprache (Leip. 1877), стр. 319, 360. Изъ этого и другихъ рассказовъ явствуетъ, что исторія эта сначала не имѣла опредѣленнаго толкованія и что ученіе о равенствѣ религіи составило уже позднѣйшее толкованіе. (Abul, напр., еще представлялъ рѣшительную полемику противъ христіанства).—Ср. также упомянутое произв. Reüter II, стр. 302, 390.

роятности первоначально ея содержаніе было еще яснѣе, чѣмъ въ обѣихъ итальянскихъ редакціяхъ. Ниже мы укажемъ на дальнѣйшее значеніе того деизма, который скрытъ въ ея глубинѣ. Та же идея, хотя въ грубомъ искаженіи, заключается въ поговоркѣ о „трехъ обманувшихъ весь свѣтъ“ ¹⁾. Еслибы Фридрихъ II, которому приписываютъ эти слова, такъ дѣйствительно думалъ, онъ съумѣлъ бы, вѣроятно, выразиться остроумнѣе. Подобныя рѣчи встрѣчаются и въ тогдашнемъ Исламѣ.

Въ періодъ высшаго расцвѣта гуманизма, въ концѣ XV вѣка, мы встрѣчаемъ подобный образъ мыслей у Луиджи Пульчи, въ его Морганте маджоре. Какъ во всѣхъ романтическихъ героическихъ поэмахъ, весь міръ фантазіи, въ которомъ разыгрываются похождения его героевъ, дѣлится на два лагеря: христіанскій и магометанскій. Сообразно съ духомъ среднихъ вѣковъ, побѣда и примиреніе воюющихъ обыкновенно сопровождаются крещеніемъ покоренныхъ мусульманъ; импровизаторы, предшествовавшіе Пульчи въ обработкѣ подобныхъ сюжетовъ, въ широкихъ размѣрахъ пользовались этимъ мотивомъ. Пульчи мастерски пародируетъ произведенія этихъ господъ, въ особенности болѣе слабыхъ изъ нихъ, начиная отдѣльныя пѣсни воззваніями къ Богу, Христу и Мадоннѣ. Весьма образно также онъ подражаетъ имъ, описывая моментальное обращеніе и крещеніе такъ, что вся нелѣпость этихъ явленій бросается въ глаза читателямъ и слушателямъ. Но, не останавливаясь на этомъ, онъ идетъ дальше и высказываетъ вѣру въ относительную доброкачественность всѣхъ религій ²⁾; не смотря на всю его ортодоксальную окраску ³⁾, въ основаніи его лежитъ главнымъ образомъ теизмъ. Кромѣ того, онъ дѣ-

¹⁾ De tribus impostoribus—название произведенія, приписываемаго между прочимъ Фридриху II—никоимъ образомъ не отвѣчаетъ ожиданіямъ, вызываемымъ этимъ титуломъ. Новѣйшее изданіе Weller, Neilbronn 1876. Происхожденіе автора (нѣмецъ, французъ, итальянецъ) оспаривается также, какъ и время сочиненія (13—17 в.). Важное указаніе на этотъ спорный вопросъ Reuter, Geschichte der relig. Aufklärung, Berlin 1876, II. S. 273—302. Въ послѣднее время появилось также нѣсколько итальянскихъ изслѣдованій.

²⁾ Правда, устами демона Астаротта. Пѣсня XXV, стр. 231.

³⁾ Пѣсня XXVIII.

лаетъ еще шагъ за предѣлы среднихъ вѣковъ и въ другомъ направленіи; въ прошедшіе вѣка господствовала альтернатива: правовѣрный, или еретикъ, христіанинъ, или язычникъ и магометанинъ. Пульчи рисуетъ образъ великана Маргутте¹⁾, который, наперекоръ всѣмъ религіямъ, склоненъ къ чувственному эгоизму и всевозможнымъ порокамъ и признаетъ своимъ достоинствомъ только одно то, что никогда ничему не измѣняетъ. Можетъ быть поэтъ имѣлъ свою цѣль, рисуя это честное чудовище, можетъ быть онъ имѣлъ въ виду показать на немъ въ концѣ-концовъ вліяніе Морганте, но перемѣнилъ намѣреніе, и въ слѣдующей пѣснѣ мы видимъ уже комическій конецъ²⁾.

Маргутте приводится обыкновенно какъ примѣръ легкости нравовъ, но въ сущности этотъ образъ надо считать однимъ изъ крайнихъ выраженій поэзіи XV вѣка. Такъ или иначе она должна была изобразить въ причудливомъ величіи дикій эгоизмъ, ставшій нечувствительнымъ ко всякимъ догматическимъ разсужденіямъ, но сохранившій еще остатокъ чувства чести. И въ другихъ поэтическихъ произведеніяхъ все то, чего не долженъ произнести христіанскій рыцарь, авторы влагаютъ въ уста великанамъ, демонамъ, язычникамъ и магометанамъ.

Вліяніе древности. На ряду съ исламомъ, но совсѣмъ иначе вліяла классическая древность, и прежде всего помимо ея религіозныхъ воззрѣній—такъ какъ между ними и католицизмомъ было слишкомъ много общаго,—но своими философскими ученіями. Древняя литература, превозносимая въ это время почти до обожанія, была вся проникнута побѣдой философіи надъ языческимъ культомъ; на итальянскій духъ обрушилось множество системъ, и не какъ предметъ любопытства, или какъ ересь, но почти въ видѣ догматовъ, причѣмъ не столько старались различать ихъ, сколько примирить между собою. Почти во всѣхъ этихъ различныхъ мнѣніяхъ и философемахъ заключалось своего рода познаніе божескаго существа, но въ совокупности они

1) Пѣсня XVIII, стр. 112 до конца.

2) Pulci затрагиваетъ аналогичную тему, хотя поверхностно, въ образѣ Христіана (пѣсня XXI, стр. 101, 121 и... 145, 163), который ни во что не вѣритъ и приказываетъ обоготворять себя и супругу. Нѣкоторые видѣли въ этомъ указаніе на Сигизмондо Малатесту.

представляли сильную противоположность христіанскому ученію о божественномъ управленіи міромъ.

Такимъ образомъ возникаетъ одинъ центральный вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго безуспѣшно трудилась уже теологія среднихъ вѣковъ, и который ждалъ отвѣта теперь преимущественно отъ мудрыхъ классиковъ, а именно объ отношеніи провидѣнія къ человѣческой свободѣ и необходимости вещей. Изслѣдованіе исторіи этого вопроса, даже при поверхностномъ разсмотрѣніи, должно составить цѣлый томъ. Мы ограничимся здѣсь лишь немногими указаніями.

Данте и эпикурейцы. Данте и его современники даютъ указаніе на то, что античная философія прежде всего столкнулась съ итальянскаго жизнью той стороною, гдѣ она представляла рѣзкую противоположность съ христіанствомъ, такъ какъ въ Италіи возродилось будто-бы эпикурейское ученіе. Въ дѣйствительности подлинныхъ сочиненій Эпикура никто не зналъ, такъ какъ даже позднѣйшая древность имѣла объ этомъ ученіи только болѣе или менѣе одностороннее понятіе, но достаточно было познакомиться съ этимъ ученіемъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлялось по Цицероновскимъ даннымъ — Лукрецій сталъ извѣстенъ только позже, благодаря Поджіо—для того, чтобы встрѣтиться съ цѣлымъ міромъ, гдѣ боги совершенно отсутствуютъ. Трудно сказать, въ какой степени эта доктрина понималась буквально, и не было ли имя загадочнаго греческаго мудреца для толпы удобнымъ символомъ; доминиканская инквизиція пользовалась безъ сомнѣнія этимъ эпитетомъ противъ такихъ людей, которыхъ иначе трудно было бы изловить. Къ этой категоріи причислялись главнымъ образомъ первые противники церкви, которыхъ трудно было бы уличить въ явной ереси и въ прямыхъ нападкахъ на религію; но достаточно было болѣе или менѣе свободныхъ нравовъ, чтобы вызвать такого рода обвиненіе въ эпикурействѣ. Такъ Джіованни Виллани, на примѣръ, употребляетъ этотъ терминъ въ такомъ именно условномъ смыслѣ, когда онъ ¹⁾, говоря о флорентійскихъ пожарахъ 1115—1117,

¹⁾ Giov. Vilani IV, 29, VI, 46. Это имя упоминается очень рано и на сѣверѣ, уже въ 1150 г. по поводу ужасной исторіи, относимой за

объясняетъ ихъ, какъ божеское наказаніе за различную ересь „въ родѣ того, какъ развратная и безбожная секта эпикурейцевъ“. Также говоритъ онъ о Манфредѣ: „Это былъ эпикуреецъ; такъ какъ онъ не вѣрилъ ни въ Бога, ни въ святыхъ, а признавалъ только одно тѣлесное наслажденіе“.

Данте въ девятой и десятой пѣсняхъ Ада выражается гораздо яснѣе. Потрясающее ужасомъ, объятое пламенемъ могильное поле съ полу-открытыми саркофагами, изъ которыхъ раздаются тяжелые стоны глубокой горести, служить мѣстопробываніемъ двухъ значительныхъ категорій людей, побѣжденныхъ или оттолкнутыхъ церковью въ XIII вѣкѣ; изъ нихъ одни были еретики и противились церкви, преднамѣренно распространяя извѣстное лжеученіе; другіе же были—эпикурейцы, и преступленіе ихъ противъ церкви заключалось во всемъ ихъ образѣ мыслей и убѣжденіи въ томъ, что душа перестаетъ жить вмѣстѣ съ тѣломъ¹⁾. Церковь прекрасно знала, что такого рода взглядъ на вещи, если онъ утвердится въ общемъ сознаніи, станетъ для нея опаснѣе всѣхъ манихеевъ и патріійцевъ, и грозитъ подорвать ея могущество въ корнѣ, такъ какъ отыметъ всякое значеніе вмѣшательства ея въ судьбу каждаго отдѣльнаго человѣка послѣ его смерти. При этомъ духовенство, разумѣется; вовсе не думало о томъ, что ея приемы и средства, употребляемая ею въ борьбѣ съ ересью болѣе всего отвращаютъ отъ нея вѣрующіихъ и поселяютъ отчаяніе въ лучшихъ сердцахъ.

Негодование Данте противъ Эпикура, или его ученія, какъ онъ его понималъ, безъ сомнѣнія имѣло основаніе;

70 лѣтъ назадъ. По опредѣленію Guil. Malmshur. L. III. 237 ed. London. 1840, стр. 405; Epicureorum . . . qui opinantur animam corpore solutam in aërem evanescere; in auras effluere.

¹⁾ Надо сравнить съ извѣстн. доказат. въ третьей книгѣ Лукреція. Позднѣе стали называть эпикурейцами всѣхъ обвиняемыхъ въ свободныхъ воззрѣніяхъ и смѣломъ поведеніи. Въ особенности срв. обвиненіе Fra Antonio da Bitonto и его друзей противъ Lorenzo Vala: Antidoton (Poggium lib. IV) Appologia pro se et contra columniatores ad Eugenium IV, Opp 795. Въ послѣднемъ замѣчательная защита Эпикура: Quis eo parcior, quis continentior, quis modestior, et quidem in nullo philosophorum omnium. minus invenio fuisse vitiorum plurimique honesti viri cum Graecorum tum Romanorum Epicurei fuerunt. Изъ новыхъ работъ объ эпикуреизмѣ въ Италиі указаніе . . . F. Gabotto.

пѣвецъ загробной жизни долженъ былъ ненавидѣть отрицаніе безсмертія, и всему его существу должны были казаться въ высшей степени отталкивающими, какъ представленіе о мірѣ, никѣмъ несозданномъ и не управляемомъ, такъ и низменная цѣль существованія, повидимому, устанавливаемая этой системой. Но, если присмотрѣться ближе, мы увидимъ, что и на него оказали извѣстное вліяніе нѣкоторыя философы древнихъ, и что передъ этимъ вліяніемъ нѣсколько отступило библейское ученіе объ управленіи міромъ. Иначе, что руководило бы имъ, когда онъ отказывался совершенно отъ вѣры въ специальное провидѣніе? ¹⁾ Было ли это результатомъ собственныхъ мыслей и современныхъ взглядовъ, или трепета передъ господствующей надъ міромъ несправедливостью? Его Богъ предоставляетъ управленіе міромъ во всѣхъ его деталяхъ демоническому существу—Фортунѣ, которая заботится только о разныхъ перемѣнахъ и столкновеніяхъ на землѣ, въ индифферентномъ блаженствѣ внимая горестнымъ стонамъ людей. Но Данте непоколебимо вѣритъ въ нравственную отвѣтственность: онъ вѣритъ въ свободную волю.

Свободная воля. Вѣра въ свободную волю съ давнѣйшихъ временъ господствовала на всемъ Западѣ, такъ какъ во всѣ времена считалось естественною вещью вообще, что каждый самъ отвѣчаетъ своею личностью за то, что онъ дѣлаетъ. Но совсѣмъ другое обнаруживается въ религиозномъ и философскомъ ученіи, вынужденномъ, по существу своихъ задачъ, согласовать природу человѣческой воли съ великими міровыми законами. Здѣсь является на сцену вопросъ, что должно перевѣшивать и эту соразмѣрностью обуславливается оцѣнка нравственныхъ дѣйствій.

Данте не совсѣмъ свободенъ отъ астрологическихъ заблужденій, освѣщавшихъ тогда горизонтъ своимъ причудливымъ блескомъ, но онъ стремится всѣми силами къ достойному созерцанію человѣческой природы:—„Правда—говоритъ онъ ²⁾ устами Марко-Ломбардо— созвѣздія даютъ

¹⁾ Inferno, VII, 67—96. Надо замѣтить, что соотвѣств. стихи произносятся Виргилиемъ и отчасти являются возраженіемъ на высказанный Данте взглядъ. Срв. F. d'Ovidio Dante e la magia: Nuova Antologia 3 serie vol. 41, 193—226.

²⁾ Purgatorio XVI, 73. Срв. теорію вліянія звѣздъ въ Convito.—

могучій толчекъ вашимъ дѣйствіямъ, но всѣмъ дано также различать добро и зло и свободная воля, которая послѣ нѣкоторой борьбы восторжествуетъ надъ созвѣздіями, если вы ее какъ должно направите“ ¹⁾.

Другіе могли искать необходимость противоположную свободѣ не въ звѣздахъ, а въ какомъ нибудь другомъ вліяніи, но во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ становится открытымъ, и его нельзя никакъ обойти. Въ какой мѣрѣ этотъ вопросъ становится школьной задачей и въ какой занятіемъ нѣкоторыхъ изолированныхъ мыслителей, можно видѣть изъ исторіи философіи. Но у насъ еще будетъ рѣчь о томъ, насколько этотъ вопросъ вошелъ въ сознание широкихъ круговъ.

Въ XIV вѣкѣ итальянцы увлекаются преимущественно философскими сочиненіями Цицерона, который, какъ извѣстно, считался эклектикомъ, но вліялъ какъ скептикъ, такъ какъ онъ развиваетъ теорію различныхъ школъ, не выводя рѣшительныхъ заключеній. Во второмъ ряду являются Сенека и немногія сочиненія Аристотеля, переведенныя на латинскій языкъ. Плодомъ этихъ занятій являлась чаще всего способность разсуждать о высокихъ предметахъ, по меньшей мѣрѣ за предѣлами церковныхъ ученій, если не въ противорѣчій съ ними.

Древность въ XV вѣкѣ. Въ началѣ XV вѣка произведенія древнихъ авторовъ уже не только изучаются, но и получаютъ широкое распространеніе въ спискахъ; немного позднѣе появились въ обращеніи всѣ сохранившіеся греческіе философы, по крайней мѣрѣ тѣ, что были на латинскомъ языкѣ. Кстати, заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что именно главнѣйшіе покровители древнихъ авторовъ отличались не только строжайшимъ благочестіемъ (т. I ч. 3 гл. XI) ²⁾. Фра Амброжіо Камальдолезе,

Демонъ Астаротъ у Пульчи (*Morgante XXV*) служитъ свидѣтельствомъ свободы воли человѣка и божественной справедливости.

¹⁾ Sal. письма II, и въ другихъ случаяхъ защищаетъ свободу воли человѣка противъ предопредѣленія. Онъ не опасается появленія Антихриста, пришествіе котораго многими предсказывается (II, 332 и д.).

²⁾ Заслуживаетъ вниманія, что настоящая эпоха возрожденія 1400—1520 насчитываетъ не менѣе 87 святыхъ, мужчинъ и женщинъ, перечисленныхъ у Pastor'a III, 64—66.

державшій себя какъ духовное лицо, облеченное высокимъ саномъ и какъ челоуѣкъ, занятый, исключительно, церковными дѣлами, посвящаль свой досугъ переводу греческихъ отцовъ церкви; тѣмъ не менѣе, онъ не могъ подавить въ себѣ совершенно гуманистическое стремленіе и приступилъ къ латинскому переводу Діогена Лаэртія, скорѣе подъ влияніемъ внутреннихъ, чѣмъ внѣшнихъ побужденій. Его современники Николо, Никколи, Джіаноччо Манетти, Донато Ачіажуоли, папа Николай V, соединяють ¹⁾ съ всестороннимъ гуманизмомъ также глубокое знаніе библіи и серьезное благочестіе. Къ такому же типу людей принадлежалъ, какъ мы видѣли, Витторино да Фельтре (т. I ч. 3 гл. V). Маттео Веджіо, написавшій 13-ую книгу къ Энеидѣ, питаль религиозное поклоненіе къ памяти св. Августина и его матери Моники. Эти высокія стремленія въ увлеченіи классической древностью привели въ концѣ концовъ къ тому, что академія Платона во Флоренціи формально сдѣлала своей задачей освятить духъ древности христіанскимъ благочестіемъ ²⁾. Кардиналъ Адрианъ изъ Корнето, поэтъ съ тонкимъ чутьемъ и прекрасный знатокъ латинской стилистики, обнаруживаетъ форменный протестъ противъ гуманистическихъ стремленій, ставитъ вѣру выше, чѣмъ научное знаніе, требуетъ, чтобы философія подчинилась теологіи и отдаетъ предпочтеніе отцамъ церкви передъ классическими авторами, но, не смотря на объявленную имъ такимъ образомъ войну, остается вѣренъ жестоко гонимымъ музамъ и покровительствуетъ тѣмъ самымъ нѣмецкимъ гуманистамъ, которые боролись за процвѣтаніе осуждаемаго имъ направленія ³⁾.

¹⁾ *Vesp. Fior. ed. Frati I, 54; II то. 89.—Murat. XX. Col. 532 o G. M.*

²⁾ Вліяніе Возрожденія на религиозное воззрѣніе въ особенности ярко выдѣляется у Платины, въ введеніи къ его „Жизни Христа“ (*Vitae Paragum*): Христось, говоритъ онъ, достигаетъ вполне платоновскаго понятія (*nobilitas*): *quem enim ex gentilibus habemus, qui gloria et nomine cum David et Salomone quique sapientia et doctrina cum Christo ipso conferrī merito debeat et possit.*

³⁾ Впрочемъ рѣдко случалось, что гуманистъ, какъ М. Equicola, говорилъ рѣчь въ честь провозглашеннаго папой Львомъ X святого *Oratio ad Isabellam Estensem in consecratione divae Andreasiae*. Правда, онъ приводитъ примѣры Кастора, Ромула и другихъ, возведенныхъ

Весь гуманизмъ въ цѣломъ носилъ, однако, какъ это легко себѣ представить, свѣтскій характеръ, и это направленіе усиливалось, по мѣрѣ того, какъ знакомство съ классической литературой въ XV вѣкѣ распространялось все болѣе и болѣе.

Первые гуманисты, представлявшіе собою настоящихъ передовыхъ бойцовъ индивидуализма, освободившагося изъ старыхъ оковъ, въ большинствѣ случаевъ одарены были такимъ характеромъ, что даже ихъ религіозность терять въ данномъ случаѣ всякое значеніе, не смотря на свое иногда довольно яркое выраженіе. Если нѣкоторые изъ нихъ пользуются репутацией атеистовъ, то развѣ потому, что проявляютъ индифферентизмъ и позволяютъ себѣ жестокія нападки на церковь, но ни одинъ изъ нихъ не исповѣдывалъ атеистическихъ воззрѣній, основанныхъ на какихъ-либо доказательствахъ и едва-ли могъ допустить даже такую смѣлую мысль. Если они останавливались на какой-нибудь руководящей идеѣ, то скорѣе всего это могъ быть извѣстнаго рода поверхностный націонализмъ, неумовимый осадокъ многихъ противорѣчивыхъ древнихъ авторовъ съ одной стороны и презрѣнія къ церкви съ ея ученіемъ съ другой. Такого рода именно были идеи, благодаря которымъ Галейотто Марціо ¹⁾ долженъ былъ погибнуть на кострѣ, если-бы его прежній ученикъ папа Сикстъ VI не вырвалъ его изъ рукъ венеціанской инквизиціи, вслѣдствіе заступничества Лоренцо Медичи. Галейотто между прочимъ, утверждалъ, что „кто ведетъ честную жизнь и руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ серьезными внутренними побужденіями, тотъ будетъ въ раю, къ какой бы націи онъ не принадлежалъ.

Кодръ Урцеусъ. Въ видѣ примѣра рассмотримъ отношеніе къ религіи одного изъ гуманистовъ, не изъ знаменитѣйшихъ этой категоріи, по имени Кодръ Урцеусъ ²⁾; онъ былъ долгое время воспитателемъ герцога, владѣвшаго Форли, послѣдняго изъ дома Орделассо, а затѣмъ многіе годы про-

въ божество.—Даже такого рода человѣкъ, какъ Поджіо, выказывалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ религіозность (срв. Cian.—Giorn-Stor. XXIX, 410). Сюда же надо отнести поклоненіе Romp. Leto Дѣвѣ Маріи.

¹⁾ См. прил. CIV.

²⁾ Codri Urcei орага; его жизнь у Bart. Bianchini, далѣе въ его филологич. лекціяхъ.

фессоромъ въ Болоньѣ. Иерархія и монахи подвергались съ его стороны самымъ жестокимъ поношеніямъ; вообще его тонъ самый возмутительный, и онъ вмѣшивается во всѣ городскія происшествія, причемъ изображаетъ все и всѣхъ въ сатирическомъ видѣ. Не смотря на это, онъ можетъ серьезно бесѣдовать о Христѣ и Его божественномъ призваніи и въ письмѣ къ благочестивому священнику поручаетъ себя его молитвамъ ¹⁾. Перечисляя однажды различныя нелѣпости языческой религіи, онъ неожиданно приходитъ къ такому заключенію: „Также и наши теологи часто впадаютъ въ заблужденіе и спорятъ о Iana carina, безпорочномъ зачатіи, антихристѣ, таинствахъ, предопредѣленіи и многомъ другомъ, о чемъ лучше было бы не распространяться“. Однажды, въ его отсутствіи, въ домѣ произошелъ пожаръ, и сгорѣли его рукописи; когда онъ узналъ объ этомъ на улицѣ, онъ остановился передъ изображеніемъ Мадонны и, обращаясь къ ней, воскликнулъ: „Слушай, что я тебѣ скажу: я не сумасшедшій и говорю съ намѣреніемъ; если когда-нибудь, въ предсмертную минуту я призову тебя на помощь, тогда не смотри на мой зовъ и не бери меня къ себѣ, потому что я предпочитаю жить въ вѣчности съ дьяволомъ!“ ²⁾. Кстати сказать, онъ счелъ не лишнимъ послѣ этихъ словъ спрятаться у одного дровосѣка на шесть мѣсяцевъ. Не смотря на такую смѣлость въ отношеніи религіи, онъ былъ такъ суевѣренъ, что боялся разныхъ чудесъ и предсказаній, но не допускалъ мысли о вѣрѣ въ загробную жизнь. Когда ученики приступали къ нему съ вопросомъ есть-ли за гробомъ жизнь или нѣтъ, онъ отвѣчалъ, что никто не знаетъ, что будетъ съ тѣломъ и душой послѣ смерти, и что всякія разсужденія о загробной жизни годятся только на то, чтобы пугать старухъ. Но, чувствуя приближеніе смерти, онъ, однако, въ завѣщаніи поручаетъ свою

1) Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: *in laudem Christi:*
Phoebum alii vates musasque Jovemque sequuntur
At mihi pro vero nominae Christus erit.

2) *Audi virgo ea quae tibi mentis compos et ex animo dicam. Si forte cum ad ultimum vitae finem pervenero supplicem accedam ad te spem oratum, ne me audias neve inter tuos accipias ero; cum infernis diis in aeternam vitam agere decrevi.*

душу ¹⁾ всемогущему Богу, убѣждаетъ плачущихъ учениковъ питать страхъ божій, въ особенности же вѣровать въ безсмертіе и искупленіе въ загробномъ мірѣ и причащается Св. Таинъ. Нѣтъ оснований утверждать, что прочіе гуманисты, прославившіеся гораздо больше, были бы въ жизни также болѣе послѣдовательны, чѣмъ мы видимъ на приведенномъ примѣрѣ. Большинство изъ нихъ внутренне колебалось между свободомысліемъ и укоренившимися католическими идеями, а съ внѣшней стороны уже ради одного благоразумія придерживались церкви.

Критика и отрицаніе. Тѣмъ не менѣе рационализмъ начинаетъ сплетаться съ началами исторической критики, и въ результатѣ мы видимъ отъ времени до времени робкую критику библейскихъ сказаній. Такъ Пію II приписываютъ слѣдующее „предупрежденіе“ ²⁾: „Если бы христіанство и не подтверждалось чудесами, все равно его слѣдовало бы признать ради нравственныхъ его основъ“. Называя Моисея и евангелистовъ просто историками, Лоренцо Валла вовсе не хотѣлъ этимъ уменьшить ихъ значеніе и достоинство, но прекрасно зналъ, что, утверждая это, онъ вступаетъ въ такое же противорѣчіе съ церковью, какъ споря противъ подлинности написанія символа апостолами, или оспаривая письмо Абгаруса къ Христу ³⁾. Впрочемъ многіе позволяли себѣ смѣяться надъ произвольнымъ легендарнымъ толкованіемъ библейскихъ чудесъ ⁴⁾, и такое осмѣяніе было до-

1) *Animum meum seu animam*—различіе, при помощи котораго филологія приводила тогда часто въ смущеніе теологію. Z. указываетъ, на то, что какъ завѣщаніе, такъ и рѣчь передъ смертью принадлежать не С. U., а его старѣйшему біографу.

2) *Platina, Vitae pontif.* стр. 311: *Christianam fidem, si miraculis non esset approbata, honestate sua recipi debuisse.* Но надо замѣтить, что подобныя изреченія папы, приводимыя авторомъ, нельзя считать вполне достовѣрными.

3) *Praefatio къ historia Ferdinandi I.* (*Hist. Zeitschr.* XXXIII, стр. 61) и *Antid., Poggii. lib. IV Opp. Pontanus „de sermone“ lib. I cap. 18: Valla ne dubitaverit quidem dicere profiterique palam habere se quoque in Christum spicula, при чемъ надо замѣтить, что Pontano былъ друженъ съ противниками Valla въ Неаполѣ.*

4) Въ особенности, когда монахи импровизировали въ такомъ родѣ на кафедрѣ; но и раньше признанное подвергалось осмѣянію. *Firenze, opere, vol. II* стр. 208 въ десятой новеллѣ осмѣиваетъ фран-

вольно распространеннымъ явленіемъ. Когда гдѣ-нибудь говорилось о іудействующихъ еретикахъ, то подѣ этимъ прежде всего надо разумѣть отрицаніе божественнаго происхожденія Христа, какъ это было по всей вѣроятности съ Джіорджіо да Навара, сожженнымъ на кострѣ въ Болоньѣ въ 1500 году ¹⁾. Но въ той же Болоньѣ, приблизительно въ то-же время, доминиканская инквизиція вынуждена была довольствоваться однимъ простымъ раскаяніемъ пользовавшагося высокимъ покровительствомъ врача Габріелада Сало ²⁾, хотя послѣдній не стѣснялся вести рѣчи такого рода ³⁾, что Христосъ не былъ Богомъ, но родился какъ всѣ отъ сожителства Іосифа съ Маріей, и что онъ ввелъ челоѣчество въ заблужденіе; могло быть, что его распятіе было наказаніемъ за какое-нибудь содѣянное преступленіе, что его религія не будетъ еще долго держаться, что не существуетъ претворенія тѣла его, и что чудеса творились не божественной силой, а только черезъ вліяніе небесныхъ свѣтилъ. Это послѣднее утвержденіе заслуживаетъ особаго вниманія; мы видимъ, что вѣра падаетъ, но магія продолжаетъ держаться ⁴⁾. Нѣсколькими десятилѣтіями ранѣе (1459) нѣкій каноникъ изъ Бергамо, по имени Цанино да Сольчіа также утверждалъ, что Христосъ страдалъ не ради любви къ челоѣчеству, но подѣ вліяніемъ звѣздъ; на ряду съ этимъ, тотъ же священникъ высказывалъ и другія оригинальныя воззрѣнія на нѣкоторыя явленія природы и нравственность, но онъ попла-

цисканцевъ изъ Навары, которые хотять на выманенныя деньги строить часовню при церкви, dove fusse dipinta quell a bella storia, quando S. Francesco predicava agli uccelli nel dessoro; e quando ei fece la santa Zuppa, e che l'agnolo Gabriello gli porto i Zoccoli.

¹⁾ Кое-что о немъ см. Bapt. Mantuan. de patientia L. III. 13.

²⁾ Нѣкоторыя данныя о немъ у Bapt. Mantuan. de patientis, L. III cap. 13.

³⁾ Bursellis, Ann. Bonon., см. Murat. XXIII, Col. 915. Ludovicus a Turre пишетъ книгу de immaculata conceptione B. Mariae Virginis противъ Libellum invectivarum religiosi innominati turpiter de apostolico ordine, imo de virginia innocentia obloquentis. Giuliani della lett. Veronese. 1876. стр. 135.

⁴⁾ Какъ далеко могли заходить богохульственныя рѣчи, показалъ Gieseleg въ нѣсколькихъ яркихъ примѣрахъ Kirchengesch. II, IV. § 154. Прим.

тился за свое учение и долженъ былъ искупить свою вину вѣчнымъ заключеніемъ въ монастырѣ ¹⁾.

Фатализмъ гуманистовъ. Въ отношеніи управленія міромъ гуманисты обыкновенно не выходятъ за предѣлы холоднаго безропотнаго наблюденія окружающихъ ихъ насилій и злоупотребленій. Въ результатѣ такого настроенія мы видимъ много книгъ, трактующихъ о современныхъ явленіяхъ подъ титуломъ „о судьбѣ“ и тому подобными заглавіями. Въ большинствѣ случаевъ, всѣ такія произведенія ограничиваются тѣмъ, что констатируютъ измѣнчивость счастья, непостоянство всего земного, въ особенности въ политическихъ дѣлахъ; провидѣніе часто бываетъ здѣсь притянута только потому, что авторъ совѣстится признать голый фатализмъ, невѣденіе настоящихъ причинъ и вліяній и всю тяжесть бѣдствій. Джіовіано Понтано не безъ остроумія строитъ естественную исторію изъ демоническаго „нѣчто“ именуемаго Фортуной и многихъ большею частью вынесенныхъ имъ изъ собственнаго опыта познаній ²⁾. Эней Сильвій трактуетъ тотъ же предметъ, скорѣе въ видѣ шутки, въ формѣ поэтическаго сновидѣнія ³⁾. Поджіо стремится, напротивъ, въ одномъ изъ старческихъ произведеній ⁴⁾ представить міръ, какъ юдоль печали и оцѣнить какъ можно ниже счастье отдѣльныхъ классовъ людей. Этотъ послѣдній тонъ преобладаетъ въ общемъ и у другихъ авторовъ; многіе выдающіеся люди подводятъ счетъ всему хорошему и дурному испытанному въ жизни, и въ итогѣ

¹⁾ G. Voigt, Enea Silvio III, стр. 581. Burchardus ed. Thuasne III, 13—сообщаетъ, что епископъ Peter изъ Aranda обвинялся въ томъ, что отрицаетъ божественность Христа, говоритъ объ индульгенціяхъ, какъ ничего не стоящей вещи, придуманной папами для своихъ выгодъ, а также отрицаетъ существованіе ада и чистилища. Авторъ относитъ это къ 1500 г., но еще раньше, въ 1498 г. этотъ епископъ былъ уже посаженъ въ тюрьму, по подозрѣнію въ heresia et magannia, а затѣмъ лишенъ имущества и осужденъ на пожизненное заключеніе. Conti I, 352. 1487 рассказываетъ о *sacerdos*, при римской куріи, одномъ Мараннѣ in magna principis familiaritate versatus, который ежедневно во время церковной службы восклицалъ: Oh fatuos Christianos qui cibum et potum ut Deum adorant.

²⁾ Iov. Pontanus, de fortuna libri tres, Opera I стр. 792—921.

³⁾ Aen. Silvii opera стр. 611.

⁴⁾ Poggius, de miseriis humanae conditionis.

приходятъ къ неблагопріятному заключенію. Въ особенности Тристанъ Караччіоли ¹⁾ въ прекрасной почти элегической формѣ изображаетъ судьбу Италіи и итальянцевъ, насколько данныя позволяли объ этомъ судить. Далѣе, примѣняя ту же основную точку зрѣнія къ самимъ гуманистамъ, Пьеро Валеріано написалъ свое знаменитое разсужденіе (т. I ч. 3 гл. XI). Нѣкоторыя темы въ этомъ родѣ давали особенно богатый матерьялъ для разсужденій, какъ напримѣръ счастье Льва X. Франческо Веттори прекрасно обрисовалъ все, что можно сказать благопріятнаго о немъ въ политическомъ отношеніи; Паоло Джіовіо и Неизвѣстный ²⁾ даютъ картину его жизни и пользованія наслажденіями; только что упомянутый Валеріано изображаетъ темныя стороны этого счастья и неумолимую судьбу.

Въ то же время латинская надпись то тамъ, то здѣсь, въ громкихъ выраженіяхъ говоритъ о счастья какой нибудь личности, достигшей, повидимому, исполненія всѣхъ желаній; но такая надпись нерѣдко вызываетъ въ насъ ужасъ. Такъ Джіованни II Бентиволіо, владѣлецъ Болоньи, приказалъ высѣчь на стѣнѣ одной изъ воздвигнутыхъ имъ въ своемъ дворцѣ башенъ слѣдующее: его заслуги и его счастье доставили ему всѣ блага, какихъ онъ только могъ желать.... ³⁾ Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ долженъ былъ бѣ-

¹⁾ Carraccilo, de varietate fortunae, см. Murat. XXII. Одно изъ наиболѣе заслуживающихъ вниманія сочиненій даже того богатаго источниками времени.

²⁾ Leonis X. Vita anonyma, см. Roscoe, изд. Rossi.

³⁾ Bursellis Ann. Venon. см. Murat. XXIII, Col. 909. monumentum hoc conditum a Joanne Bentivolo secundo patriae rectore cui virtus et fortuna cuncta que optari possunt bona affatim praestiterunt. По словамъ лѣтописца эта надпись не могла находиться на новой башнѣ, хотя остается неяснымъ, гдѣ она могла стоять. Онъ говоритъ in fundamento turris... quaedam vasa... cum literis incisis и сообщаетъ надпись со слѣдующимъ вступленіемъ: inter alia insculptum est tale epitaphium infra terram incultum и далѣе прибавляетъ: In alio angulo hujus verba sculpta sunt memoriae apud posteros diuturnioris ergo, слѣдуетъ сообщаемая надпись. Была ли она доступна прочтенію или скрыта? Въ послѣднемъ случаѣ съ этимъ связывается другая мысль: счастье зависѣло отъ тайной надписи, быть можетъ извѣстной только лѣтописцу, и въ магической связи съ строеніемъ.

жать ¹⁾. Когда древніе возвеличивали себя въ такомъ смыслѣ, они по крайней мѣрѣ остерегались зависти боговъ. Въ Италіи начало обыкновенія громко гордиться благосклонностью Фортуны, повидимому, принадлежитъ кондотьерамъ (т. I, гл. III).

Впрочемъ сильнѣйшее вліяніе возрожденія древности на религію заключалось не въ какой нибудь изъ философскихъ системъ и не въ ученіи или взглядахъ древнихъ, а въ одномъ общемъ господствующемъ сужденіи. Какъ люди, такъ отчасти и учрежденія древности вызывали предпочтеніе передъ средневѣковыми, а потому старались имъ подражать, сохраняя при этомъ полное безразличіе къ контрастамъ религіи. Энтузіазмъ къ историческому величію поглощалъ все остальное (т. I пр. XXIII, т. II глв. VIII).

Языческія тенденціи. Присматриваясь къ филологамъ, мы видимъ, что они привлекаютъ на себя взгляды всего міра между прочимъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы языческими симпатіями. Правда, остается весьма сомнительнымъ, въ какой мѣрѣ Павелъ II въ правѣ былъ обвинить своихъ аббревіаторовъ въ язычествѣ, такъ какъ главная его жертва и въ то же время его біографъ Платина (т. I, ч. 3 глав. VII т. II, гл. V) мастерски сдумалъ изобразить его какъ мстящаго совѣмъ за другое и вообще выставить въ комическомъ видѣ. Арестованныхъ стали обвинять въ невѣрїи, язычествѣ ²⁾ и отрицаніи безсмертія уже только тогда, когда не оказалось достаточныхъ уликъ для обвиненія въ государственной измѣнѣ; надо замѣтить, что Павелъ, насколько мы можемъ заключить по имѣющимся о немъ свѣдѣніямъ, совѣмъ не въ состоянїи былъ судить объ отвлеченныхъ предметахъ; не владея латинскимъ языкомъ, онъ

¹⁾ Luca Gaugico, предсказавши въ 1506 г. это изгнаніе, получилъ quattro tratti di corda и посаженъ въ тюрьму.

²⁾ Quod nimium gentilitatis amatores essemus. — Проявленія язычества шли далеко. — Найденныя въ наше время надписи въ катакомбахъ показываютъ, что члены Академіи называли себя Sacerdotes — Помпонія Лаэта pontifex maximus; послѣдній называетъ однажды Платину pater sanctissimus. Rossi (Bull. di arch. christ. 1890 г.) заключаетъ изъ этихъ надписей объ антихристіанскомъ характерѣ Академіи. — Сочиненіе написанное Pomp. Laetus въ свою защиту Defensio in saceribus, опубликовано Carini 1894 pozze.

въ консисторіяхъ и тайныхъ совѣщаніяхъ пользовался только итальянскимъ и убѣждалъ римлянъ, кромѣ чтенія и письма, не давать никакого образованія дѣтямъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, въ его лицѣ ту же духовную ограниченность, какую проявлялъ Савонарола (см. в.), съ тою разницею, что въ отвѣтъ папѣ можно было указать на него самаго и ему подобныхъ, какъ на главную причину, почему образованіе вынуждало людей измѣнять религіи. Не можетъ быть, однако, сомнѣнія въ томъ, что Павелъ въ самомъ дѣлѣ очень боялся упроченія языческихъ тенденцій среди окружающихъ его лицъ.

Въ самомъ дѣлѣ, гуманисты могли многое себѣ позволить при дворахъ такихъ безбожниковъ, какъ Сигизмундо Малатеста, такъ какъ эти большею частью безхарактерные люди предавались распущенности въ той мѣрѣ, насколько это допускалось окружающей средой; гдѣ только они приходили въ соприкосновеніе съ христіанствомъ, они вносили въ него языческій элементъ (т. I, ч. 3, глава X). Надо видѣть, до какихъ предѣловъ Джіовіано Понтано, напримѣръ, простирается смѣшеніе христіанскаго съ языческимъ; святого, онъ называетъ не только *divus*, но даже *Deus*; ангеловъ онъ по меньшей мѣрѣ отождествляетъ съ геніями древности¹⁾, а загробный міръ въ его представленіи едва отличается отъ царства тѣней.

Иногда попадаютъ поразительныя крайности въ этомъ смыслѣ. Когда въ 1526 году²⁾, Сіена подверглась нападенію изгнанниковъ, нѣкій добрый каноникъ, по имени Тиціо, вставъ съ постели утромъ 22 іюля, вспомнилъ, какъ онъ самъ раз-

¹⁾ Въ образовательномъ искусствѣ ангелы занимали особое мѣсто и не смѣшивались въ серьезныхъ случаяхъ съ другими существами.—*Ann. Estensis* (*Murat. XX, Col. 468*) называетъ *putto naivno instar Cupidinis angelus*. Срв. также рѣчь неизвѣстнаго у Льва X (1521), гдѣ говорится: *Quare et te non jam Jupiter, sed Virgo Capitolina Dei parens quae hujus urbis et collis reliquis praesides, Romamque et Capitolium tutaris. Greg. VIII, 294.*—*Divus*—служить на медаляхъ обозначеніемъ для знаменитаго мужа, даже находящагося еще въ живыхъ... Самъ Людовикъ XI. въ благочестіи котораго не можетъ быть сомнѣній, одобрялъ это. наименованіе. На одной медали короля René Анжуйскаго и его супруги Жанны де Лаваль (1463) стоитъ: *Divi heroes... ince dunt jugiter parantes ad superos iter.*—Heiss., *Med. de la renaiss. Franc. de Laurano. Paris, стр. 22.*

²⁾ Della Valle, *Lettere sanesi* III, 18.

сказываетъ, что говоритъ Макробій¹⁾ въ третьей книгѣ, прочель свою мессу и затѣмъ произнесъ благочестивую формулу этого автора противъ враговъ, измѣнивъ ее, какъ подобаешь, а именно, вмѣсто *Tellus mater. teque Jupiter obtestor*, онъ произнесъ: *Tellus teque Christe Deus obtestor*. То же самое онъ повторялъ еще въ послѣдующіе два дня, и врагъ удалился.

Мы видимъ здѣсь съ одной стороны невинный стилистическій приемъ и своего рода моду, но въ то же време можно видѣть въ этомъ и характерное явленіе упадка религіи.

¹⁾ Macrob. Saturnal, III, 9. Безъ сомнѣнія онъ продѣлывалъ также всѣ предписанныя при этомъ гѣлодвиженія. Не менѣе сильное выраженіе Ветво приведено у Грегоровіуса VII, 294.—Еще другіе интересныя свидѣтельства язычества въ тогдашнемъ Римѣ приводятся у Ranke I, стр. 573.—Срв. въ особенности сопоставленное у Грегоровіуса VIII, 268.—Въ небольшомъ сочиненіи *Maximo humanae imbecillitatis simulacrio bifronti Vita Petrimariae de rubeis viri illustris per Jacobum Caviceum* при упоминаніи біографическаго изображенія въ 1482 г. говорится: въ 69 г. *anno Jovis nostri humanati*. Другой, членъ неаполитанскаго кружка Gareth (Cariteo) примѣняетъ стихъ Лукреція къ Эпикуру почти буквально къ дѣвѣ Маріи (ed. Percoro, CLVI). Тотъ-же Cariteo, кромѣ нѣсколькихъ религіозныхъ стихотвореній, описавшій въ большемъ поэтическомъ произведеніи *Pascha* (6 пѣсенъ) Воскресеніе Христа и судьбу трехъ королей, ссылается на *Virgilia* и помѣщаетъ парку Клотъ въ раю... Подробнѣе см. прил. IV.

Глава IV

Древнее и новое суевѣріе.

Древнее и новое суевѣріе. Но древность имѣла еще другое особаго рода опасное вліяніе, носившее догматическій характеръ, а именно, она привила возрожденію свое античное суевѣріе. Само собой разумѣется, что фантазія оказала и здѣсь мощное воздѣйствіе¹⁾; только она одна могла заставить молчать при этомъ пытливый умъ итальянцевъ.

Какъ мы видѣли, вѣра въ божественное управленіе міромъ у многихъ поколебалась, подъ вліяніемъ безчисленныхъ насилій и бѣдствій; другіе, какъ, на примѣръ, Данте, признавали господство въ земной жизни слѣпотаго случая, и если при этомъ они все таки сохраняли во всей силѣ вѣру, то только потому, что не сомнѣвались въ высококомъ назначеніи человѣка въ другомъ мірѣ. Но какъ только колебалась вѣра въ безсмертіе — тотчасъ фатализмъ бралъ перевѣсъ, или же первому предшествовало второе.

Астрологія. Пустое пространство тотчасъ наполнилось астрологіей древнихъ, а также заимствованной отъ арабовъ. Наблюдая теченіе планетъ, ихъ положеніе одна относительно другой и къ знакамъ зодіака, астрологія угадывала грядущія событія, будущее каждаго человѣка и такимъ образомъ важнѣйшія дѣйствія обусловливались ея предсказаніями. Во многихъ случаяхъ образъ дѣйствій, основанный на указаніяхъ созвѣздій, не былъ въ нравственномъ отношеніи ниже того, что могло быть сдѣлано безъ этого вліянія, но часто этотъ образъ дѣйствій покупался цѣною совѣсти и чести.

¹⁾ Противъ этого, хотя и на совѣмъ убѣдительно, говоритъ Gaboto, *Rivista di filosofia scientifica*, VIII, 378. Его же *L'Astrologia nel quattrocento* содержитъ важный матеріалъ, которымъ мы еще воспользуемся.

Тѣмъ не менѣе на вѣки остается поучительнымъ зрѣлище того, какъ образованіе и умственное просвѣщеніе долгое время напрасно боролись съ этимъ заблужденіемъ, такъ какъ оно опиралось на пылкое воображеніе, горячее желаніе напередъ знать и опредѣлять будущее, причемъ этотъ врагъ находилъ поддержку въ древности.

Въ XIII вѣка астрологія неожиданно заняла передовую позицію въ итальянской жизни¹⁾. Императоръ Фридрихъ II возить съ собою повсюду своего астролога, а Эццелино да Романо²⁾—цѣлый штатъ этихъ хорошо оплачиваемыхъ людей, между прочимъ знаменитаго Гвидо Бонатти и длиннобородаго сарацина Павла Багдадскаго. Во всѣхъ серьезныхъ его дѣлахъ и предпріятіяхъ они должны были указывать ему благопріятные день и часъ, и многія изъ его безграничныхъ жестокостей въ значительной мѣрѣ возникли благодаря выводамъ изъ этихъ предсказаній. Съ тѣхъ поръ входитъ въ общее обыкновеніе вопрошать небо въ различныхъ случаяхъ, и не только государи, но также и многія городскія общины³⁾ держатъ астрологовъ на жалованьи, а въ университетахъ, начиная съ XIV и до XVI вѣка⁴⁾ специальные профессора этой ложной науки занимаютъ даже мѣсто рядомъ съ настоящими учеными астрономами. Всѣ

1) Для болѣе ранняго періода Graf: *La fatalita nelle credenze del medio evo*, Nuova antologia, 3 ser. vol. 28.

2) Monach. Paduan. L. II, Urstisius, scriptores I, стр. 598, 99, 602, 607. Также послѣдній Висконти держалъ возлѣ себя нѣсколькихъ чело-ловѣкъ въ этомъ родѣ и ничего не предпринималъ безъ совѣта съ ними; среди нихъ былъ еврей Гелиасъ.—Gasparino da Barizi однажды говоритъ ему: *magna vi astrologum fortuna tuas res reget*. G. V. Opera, изд. Furrietto, стр. 38. Срв. Decembrio (Murat. XX),

3) Такъ, напр., Флоренція, гдѣ упомянутый Bonatti одно время исполнялъ эту должность. Срв. Matteo Villani XI, 3, гдѣ очевидно говорится объ астрологѣ, опредѣлявшемъ благопріятное время для войны съ пизанцами. Прилож. CVI.

4) Libri. Hist. d. sciences mathem. II, 52, 193.—Въ Болоньѣ эта профессура, повидимому съ 1125 г.—(Такъ называемые астрономы были—говорить Z—ничто иное, какъ астрологи.)—Такъ назв. pronostici 1445—1506 изъ университетской библиотеки въ Балоньѣ перечисляются Percoro въ Atti dell'acc. di Napoli II, 2, стр. 60—96. Срв. списокъ профессоровъ Павин у Corio, fol 290.—Во Флоренціи 1378 и 1431 Gherardi, Statuti, стр. 51. Профессура въ Салиенцѣ при Львѣ X, срв. Roscoe, Leone X, ed Bossi, V, стр. 283.

прекрасно знали, что св. Августинъ и другіе отцы церкви боролись противъ астрологіи, но старались обойти это противорѣчіе¹⁾, презрительно осмѣивая будто бы устарѣлый взглядъ. Папы также большею частью открыто признають астрологію²⁾; впрочемъ, Пій II составляетъ почтенное исключеніе³⁾, съ пренебреженіемъ относясь также къ толкованіямъ сновъ, чудесамъ и колдовству; тоже надо сказать о Павлѣ II; Иннокентій XIII, напротивъ, приказываетъ астрологу Амброжіо Варезе предсказать теченіе его болѣзни; Юлій II также прибѣгаетъ къ астрологіи, чтобы назначить день для своего коронованія и для возвращенія изъ Болоньи⁴⁾; наконецъ, даже Левъ X считаетъ, повидимому, астрологію однимъ изъ элементовъ, окружающихъ его престоль особымъ блескомъ⁵⁾; наконецъ Павелъ III не назначалъ ни одной консисторіи⁶⁾, не посовѣтовавшись предварительно съ звѣздочетами.

Болонья, Миланъ и Мантуя могутъ считаться центрами астрологическаго ученья; въ особенности первый городъ

¹⁾ L. A. Campanus выдвигаетъ огромную пользу и значеніе астрологіи и заключаетъ свою статью словами: *Quamquam Augustinus sanctissimus ille vir quidem ac doctissimus, sed fortassis ad fidem religionem que propensior negat quicquam vel boni, vel mali astrorum necessitata contingere. Oratio initio studii Perugiae habita 1455 in Campani Opp. Rom. 1495.*—*Indicia astrologica прибывались къ церквамъ, и никто ихъ не трогалъ*—сообщ. A. de Themmulilles.

²⁾ Уже въ 1260 г. папа Александръ IV требуетъ политическихъ предсказаній отъ кардинала и беззащитнаго астролога Bianco. Giov. Villani, VI, 8 с.

³⁾ *De dictis etc. Alphonsi. Opera*, стр. 493. Онъ находилъ это скорѣе *pulchrius quam utile*. Platina, *Vitae pontif.*, стр. 310. Въ своей Европа (стр. 49) Пій II упоминаетъ, что астрономъ Baptista Blasius изъ Кремоны предсказалъ несчастье Fr. Foscaro: *tanquam praevidisset.*—Sixtus IV приказывалъ *planetariis* опредѣлять благоприятныя часы для приемовъ; папскій чиновникъ, на обязанности котораго *hora a planetariis monstrata*: Срв. Jac. Volateran, у Murat. XXIII, Col. 173, 186.

⁴⁾ Brosch. Julius II (Gotha 1878).

⁵⁾ Pier. Valeriano, *de infelic. literat.*, изд. Mencken 318—324, по поводу Franco Priuli который составилъ гороскопъ Льва X и *abditissima quaeque anteaetate aetatis et uni ipsi cognita principi explicuerat quaeque incumberent quaeque futura essent ad unguem ut eventus postmodum comprobavit, in singulos fere dies praedixerat.* F. P. пытался разными способами лишать себя жизни, когда ему еще не было 28 лѣтъ, и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачъ, умерилъ себя голодомъ.

⁶⁾ Ranke. *Papste I*, стр. 247.

далъ цѣлый непрерывающійся рядъ учителей астрологій; также университетъ Павіи съ 1374 года.

Можно было бы предположить, что по крайней мѣрѣ лучшіе умы, если и руководствовались въ извѣстной степени въ своихъ дѣйствіяхъ звѣздами, то во всякомъ случаѣ не выходили изъ предѣловъ, опредѣляемыхъ религіей и совѣстью. Но въ дѣйствительности, превосходные и благочестивые люди не только принимали участіе въ этомъ заблужденіи, но сами становились его представителями. Такой примѣръ мы видимъ въ лицѣ Паоло Госканели (маэстро Паголо) ¹⁾, который питалъ намѣреніе придать астрологій наиболѣе нравственное значеніе, подобно тому, какъ это позднѣе утверждалъ римлянинъ Фирмикъ Матернъ ²⁾. Его жизнь носила вполнѣ аскетическій характеръ; онъ почти ничего не ѣлъ, презиралъ всѣ земныя блага и собиралъ только книги; въ качествѣ ученаго врача онъ ограничивалъ свою практику только близкими друзьями и при условіи, что они должны были при этомъ исповѣдываться. Его собесѣдниками были только члены небольшого знаменитаго кружка людей, собиравшихся въ монастырѣ св. Ангела вокругъ Фра Абиброжіо Камальдолезе (см. в. гл. 3-я); кромѣ того, онъ иногда еще бесѣдовалъ съ Козимо старшимъ, въ особенности въ послѣдніе годы жизни Козимо, такъ какъ послѣдній почиталъ астрологію, хотя пользовался ею только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, не отличавшихся первостепеннымъ значеніемъ. Только ближайшіе друзья Паголо могли пользоваться его астрологическими указаніями; въ концѣ своей жизни онъ самъ отказался отъ вѣры въ астрологію.

Но астрологи могли являться вездѣ въ обществѣ и пользоваться общимъ уваженіемъ, даже если они и не отличались подобной строгостью нравовъ; во всякомъ случаѣ ихъ было въ Италіи гораздо больше, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ, такъ какъ въ Европѣ они встрѣчались только

¹⁾ Vespas. Fiorentino стр. 60, ср. 341.— Тамъ же; изд. Frati, 294, упоминается другой Pagolo, другъ Ambg. Traversari, какъ придворный математикъ и астрологъ Федерико Монтефельтро, при чемъ говорится о немъ какъ о нѣмцѣ (?) изъ Миддельбурга, а позднѣе онъ епископъ въ Фоссомброне (Z).

²⁾ Firmicus Maternus, *Matheséos Libri VIII* въ концѣ второй книги.

при самыхъ значительныхъ дворахъ и то не въ видѣ правилъ, а скорѣе какъ исключеніе. Въ Италіи же, напротивъ, каждый, кто считалъ себя познатнѣе и сколько-нибудь вѣрилъ въ эту науку, держалъ при себѣ астролога, хотя послѣднему иногда приходилось голодать ¹⁾. Кроме того, благодаря весьма распространенной литературѣ этого предмета, даже до появленія печатныхъ книгъ, возникъ своего рода диллетантизмъ, стремившійся приблизиться какъ можно больше къ настоящей астрологической наукѣ. Худшую породу астрологовъ представляли фокусники, прибѣгавшіе къ звѣздамъ, чтобы съ этимъ связать всякаго рода магію и колдовство и такимъ образомъ закрыть глаза людямъ.

Астрологія въ повседневной жизни. Но и безъ этой примѣси астрологія представляетъ достаточно печальный элементъ итальянской жизни того времени. Какое жалкое впечатлѣніе производятъ высокоодаренные разносторонніе люди, когда слѣпое влеченіе знать будущее и распоряжаться имъ совершенно подавляетъ ихъ сильную индивидуальную волю и рѣшимость! Тѣмъ не менѣе, когда звѣзды предвѣщаютъ весьма неблагоприятное, они иногда сбрасываютъ съ себя непосильное бремя, говоря: *Vir sapiens dominabitur astris* ²⁾. Мудрецъ самъ управляетъ звѣздами; такъ поступилъ въ припадкѣ рѣшимости Людовикъ Мавръ, приказавъ высѣчь на камнѣ крестъ съ упомянутой надписью; также Сикстъ IV, пожелавшій однажды провѣрить, насколько справедливо это изреченіе, но только для того, чтобы снова впасть въ прежнее заблужденіе.

Это вліяніе астрологіи въ повседневной жизни выразалось прежде всего въ томъ, что во всѣхъ знатныхъ семьяхъ непремѣнно ставился гороскопъ дѣтямъ, и они затѣмъ нерѣдко въ теченіи полужизни тащатъ за собой эти бесполезныя пророчества о несбывающихся событіяхъ ³⁾. Немногіе проявляли такую смѣлость, какъ Изабелла д'Эсте, которая, несмотря на зловѣщее предсказаніе астрологовъ, предостере-

¹⁾ Bandello III, Nov. 60.—Астрологъ Александръ Бентивольо въ Миланѣ сознается въ своей нищетѣ передъ всѣми.

²⁾ В. Fazio приписываетъ это изреченіе Virgiliю. Срв. Laur. Vallae op. 461.

³⁾ Срв. прил. CVII.

гавшихъ ее отъ лошадей, все-таки, продолжала ѣздить верхомъ ¹⁾. Ей и еще другимъ женщинамъ астрологи предсказывали также съ точностью день разрѣшенія отъ бремени.

Далѣе, входитъ въ обыкновеніе вопрошать звѣзды, прежде чѣмъ принять какое-нибудь твердое рѣшеніе. Въ особенности прибѣгаютъ къ этому дворъ и всякаго рода власть. По звѣздамъ назначаютъ время отъѣзда владѣтельныхъ особъ, пріемъ иноземныхъ пословъ ²⁾, закладку новыхъ зданій ³⁾. Весьма знаменательный примѣръ послѣдняго рода представляетъ случай изъ жизни вышеупомянутаго Гвидо Бонатти, такъ какъ послѣдній всей своею дѣятельностью, и въ особенности благодаря написанному имъ большому математическому труду ⁴⁾, долженъ считаться возстановителемъ астрологии въ XIII вѣкѣ.

Думая положить конецъ партійной борьбѣ гвельфовъ и гибеллиновъ въ Форли, онъ предложилъ гражданамъ построить новую городскую стѣну и заложить первый камень въ благоприятный для этого день, по указанію созвѣздій; если представители обѣихъ партій бросятъ каждый свой

¹⁾ Luzzo и Renier, Mantova e Urbino 1893, стр. 82. Выдающимися астрологами считались (1494): Ottaviano (Ubaldini), Paolo di Middelbergo, P. Bono Avogario. Въ Мантуѣ: F. Gabotto, Bartol. Manfredi e l'Astrologia alla corte di Mantova, Turin 1891; о Феррарѣ—Nuove ricerche (его-же) sul astrologia alla corte degli Estensi.

²⁾ Примѣры изъ жизни Людовика Мавра. Senarega, у Murt. XXIV, Col. 518, 524. Benedictus, см. Essard II, Col. 1623. Но его отецъ, великій Франческо Сфорца презиралъ астрологовъ, и дѣдъ Джакомо не слушалъ ихъ предостереженій. Corio fol. 321, 413. Fr. Sforza долженъ былъ остерегаться сперва яда, а потомъ *maxime per mano di emmina*. Gabotto.

³⁾ Даже время погребенія назначается per calculo aströlogico.

⁴⁾ Его жизнь прежде всего у Filippo Villani: Vite; подробности Della vita e delle opere di Guido Bonatti astrologo ed astronomo del secolo decimoterzo raccolte da V. Boncompagni Rom 1851 (прежде Trotti, Болонья 1844). Его большое сочиненіе de astronomia tractatus X напечатано нѣсколько разъ и различныя изданія перечислены библиографич. у Boncomp. Далѣе о Бонатти Steinschneider (Zeitschr. D. Morg. Ges. XVIII, стр. 120). То, что сообщено въ текстѣ, взято изъ Annal. foröli-viens, котор. неизвѣстный составитель ссылается на свидѣтельство Imola,—Murat XXII. Leon. Battista Alberti старается придать духовное значеніе церемоніи закладки. Opere Volgari, tom. IV, стр. 314.

камень въ одно время,—въ опредѣленную имъ по звѣздамъ минуту,—говорилъ онъ,—то въ Форли никогда болѣе не будетъ междоусобій. Итакъ, всѣ согласились, и каждая партія выбрала одного изъ своихъ; когда наступилъ нужный моментъ, оба держали наготовѣ свои камни, рабочіе ждали съ заступами, и Бонатти подаль сигналъ... Но въ то время, какъ гибеллинъ бросилъ свой камень, гвельфъ замедлилъ, а затѣмъ отказался вовсе, говоря, что Бонатти самъ, навѣрное, гибеллинъ, и можетъ быть въ тайнѣ замыслилъ при этомъ что нибудь противъ гвельфовъ. Тогда астрологъ воскликнулъ: Да покараетъ Господь тебя и всѣхъ твоихъ единомышленниковъ съ вашей злобой и лукавствомъ! Это созвѣздіе не появится надъ нашимъ городомъ въ теченіе 500 лѣтъ!

Въ самомъ дѣлѣ, Господь наказалъ потомъ гвельфовъ въ Форли, но теперь (пишетъ авторъ хроники въ 1480 году) гвельфы и гибеллины совершенно примирились, и мы не слышимъ болѣе въ Форли даже названій этихъ двухъ партій ¹⁾).

Астрологія въ дѣлѣ войны и государственнхъ актовъ.

Ближайшимъ образомъ въ зависимости отъ звѣздъ, рѣшались вопросы о войнѣ и мирѣ. Тотъ же Бонатти предсказалъ извѣстному вождю гибеллиновъ, Гвидо да Монтефельтро, рядъ блестящихъ побѣдъ, если онъ выступитъ въ походъ въ назначенный имъ по звѣздамъ день ²⁾); когда астрологъ погибъ, и Монтефельтро не могъ уже пользоваться его совѣтами ³⁾, онъ упалъ духомъ, не въ состояніи былъ далѣе удерживать въ своихъ рукахъ тиранническую власть и удалился въ монастырь миноритовъ; многіе годы потомъ онъ собиралъ милостыню въ монашеской рясѣ.

Бонатти всходилъ обыкновенно съ астролѣбией и книгой на башню св. Меркурія въ тѣ дни, когда на небѣ должны были выступить созвѣздія, предвѣщающія побѣду, и когда наступалъ благоприятный моментъ, приказывалъ звонить въ колоколь, въ знакъ ополченія.

¹⁾ При гороскопахъ второго основ. Флоренціи (Giov. Vilani III, I) быть можетъ къ старымъ воспоминаніямъ примѣшивается поэзія позднѣйшихъ среднихъ вѣковъ.

²⁾ Объ одной изъ этихъ побѣдъ срв. замѣчательн. мѣсто Bonatti въ его соч. tr. VIII, cap. V сообщ. Steinschneider XXV.

³⁾ Ann.-foroliv. 235—238. Filippo Vilani, Vite. Machiavelli Stor. fior. L. I.

Тѣмъ не менѣе онъ иногда очень ошибался; по свидѣтельству современниковъ, однажды простой крестьянинъ превзошелъ его въ предсказаніи дождей; наконецъ, онъ не сумѣлъ угадать, какая участь ожидала Монтефельтро, ни ожидавшей его самой смерти. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ убитъ разбойниками, вблизи Чезены на пути домой въ Форли, когда возвращался изъ Парижа и итальянскихъ университетовъ, гдѣ выступалъ на каедрѣ.

Еще въ Пизанской войнѣ въ 1362 году, флорентійцы прибѣгали къ астрологамъ, для того, чтобы назначить благоприятный часъ для выступления въ походъ ¹⁾; въ концѣ концовъ они, однако, запоздали, такъ какъ неожиданно пришлось идти другими улицами. Передъ тѣмъ обыкновенно выступали изъ города черезъ Віа ди Борго, причѣмъ терпѣли неудачу; такимъ образомъ всѣмъ было ясно, что съ этой улицей связывалось дурное предназначеніе въ борьбѣ съ пизанцами, а потому рѣшили выйти черезъ ворота Порта Росса; но здѣсь не были спущены щиты, устроенные въ защиту отъ солнца, и воинамъ пришлось проходить, наклонивъ знамена. — Это былъ опять дурной знакъ. Въ общемъ война находилась въ тѣсной связи съ астрологіей уже потому, что большинство кондотьеровъ вѣрили въ нее. Джакоппо Кальдора во время тяжелой болѣзни сохранялъ полное спокойствіе, такъ какъ онъ зналъ, что ему суждено умереть только въ бою, какъ это и случилось въ самомъ дѣлѣ ²⁾; Бартоломео Альвиано былъ глубоко убѣжденъ, что полученныя имъ раны въ голову были предназначены ему звѣздами также, какъ и самое его воинское назначеніе ³⁾; Николо Орсини Питильано вступая въ договоръ съ Венеціей (1495), проситъ физика и астролога Алессандро Бенедетто ⁴⁾ опредѣлить сперва благоприятное время. Когда флорентійцы праздновали торжественное назначеніе своего новаго кондотьера, Паоло Вителли, прекрасная латинская рѣчь, произнесенная Марчелло Виржиліо, была вдругъ безцеремонно прервана криками астрологовъ, военачальни-

¹⁾ Matteo Vilani XI, 3.

²⁾ Jovian Pontan. de fortitudine, L. I. Первые Сфорца, какъ почетное исключеніе, см. в.

³⁾ Paul. Jov. Elog. стр. 219, sub Barthol. Livianus.

⁴⁾ Онъ и рассказываетъ это все. Benedictus, см. Eccard II, Col. 1617.

ковъ и членовъ совѣта, возвѣщавшихъ, что наступилъ благопріятный моментъ для врученія жезла ¹⁾; самый жезлъ при этомъ былъ украшенъ изображеніемъ созвѣздія ²⁾, какъ этого желалъ Вителли. Впрочемъ, случалось, что нѣкоторые вожди не желали руководствоваться такого рода предсказаніями, какъ, на примѣръ Альфонсъ Великій, Неаполитанскій ³⁾.

Иногда не совѣтъ ясно, вопрошались ли звѣзды передъ тѣмъ, какъ должно было совершиться политическое событіе большой важности, или астрологи уже потомъ только дѣлали свои наблюденія, чтобы убѣдиться, какія созвѣздія управляли извѣстнымъ событіемъ. Когда Джіангалеаццо Висконти т. I, гл. II) мастерски захватилъ въ плѣнь своего дядю Бернабо со всей его семьей (1385), Юпитеръ, Сатурнъ и Марсъ находились, какъ говоритъ одинъ современникъ ⁴⁾, въ созвѣздіи близнецовъ, но мы не узнаемъ, это ли именно наблюденіе побудило его такъ поступить. Нерѣдко также политическія соображенія и расчетъ болѣе руководили предсказаніями астрологовъ, чѣмъ движеніе планетъ ⁵⁾.

Если Европа отъ Парижа до Толедо во всѣ позднѣйшіе средніе вѣка волновалась астрологическими предсказаніями о чумѣ, войнѣ, землетрясеніяхъ и наводненіяхъ, то Италия, во всякомъ случаѣ, не отставала отъ нея. Несчастному

1) „Hore 14½ con costellazione pervigiliata da l'astrologia“. Срв. Arch. Stor. ital. V Ser. 7 т. (1891) стр. 135. Тамъ-же объ установленной астрологами передачѣ жезла генераль-капитану Флоренціи. Впрочемъ флорентійскіе властители находили средства освободиться, когда хотѣли, отъ этихъ астрологическихъ опредѣленій.

2) Такъ надо понимать Jac. Nardi, Vita d'Ant. Giacomì, стр. 46: i fu dato il bastone in 'ringhiera della Signoria, com esi costuma e apunto di stelle, secondo che volle e domando egli medesimo che si facesse. При встрѣчѣ Лукреціи Борджіа въ Феррарѣ на верблюдѣ герцогини Урбинской былъ накинутъ черный бархатный коверъ съ золотыми, астрологическими знаками. Arch. Stor. append. II, стр. 305.

3) Aeneas Sylvius. b. и далѣе Opp. 481.

4) Azario, см. Corio, fol. 258.

5) Нѣчто въ этомъ родѣ вѣроятно руководило турецкимъ астрологомъ, посовѣтовавшимъ султану Баязету I послѣ битвы у Никополиса согласиться на выкупъ Іоанна Бургунскаго, такъ какъ „изъ-за него прольется еще много христіанской крови“.—Не трудно было угадать дальнѣйшій ходъ французской войны. Magn. chron. belgicum, стр. 358. Juvenal des Ursins.

1484 году, открывшему въ Италію двери чужеземцамъ, безъ сомнѣній, предшествовалъ рядъ дурныхъ предназначена-ній ¹⁾, не отличавшихся, однако, новизной, такъ какъ они изготовлялись заранѣе на всякій годъ.

Астрологія и религія. Но въ полной своей античной послѣдовательности эта система распространяется на такія области, гдѣ нельзя было бы, казалось, ожидать ее встрѣтить. Если вся матерьяльная и духовная жизнь индивидуума обусловливается его рожденіемъ подъ той или другой звѣздой, то и большія духовныя группы, какъ народы и религіи, должны испытывать ту же зависимость, а такъ какъ со-звѣздія этихъ группъ находятся въ вѣчномъ движеніи, то и сами эти предметы должны мѣняться. Мысль, что каждая религія имѣетъ свое мѣсто на звѣздномъ небѣ, вошла въ итальянскую образованность этимъ астрологическимъ путемъ, и прежде всего изъ арабскихъ и еврейскихъ источниковъ ²⁾. На основаніи этой теоріи, сопряженіе Юпитера съ Сатурномъ ³⁾ произвело еврейскую религію, Юпитера съ Марсомъ—халдейскую, съ Солнцемъ—египетскую, съ Венерой—магометанскую, съ Меркуріемъ—христіанскую, а его сопряженіе съ Луной произведетъ въ будущемъ религію Антихриста ⁴⁾. Чекко д'Асколи дерзко высчиталъ рожденіе Христа и по прошествіи какого времени онъ долженъ былъ умереть на крестѣ: за это предсказаніе Чекко погибъ на кострѣ во Флоренціи въ 1327 году ⁵⁾. Подобныя этому ученія

¹⁾ Benedictus, см. Eccard II, Col. 1579. Въ 1493 говорилось о королѣ Ferrante: онъ потеряетъ свою власть sine cruore, sed sola fama—такъ и случилось.

²⁾ Ср. М. Steinschneider, Апокалипсы съ полемической тенденціей XXVIII, стр. 627 и XXIX стр. 261.

³⁾ Vapt. Mantuan. de potentia. L. III, cap. 2.

⁴⁾ Пришествіе антихриста предсказывалось въ соч. одного нѣмца напечатанномъ въ 1474 г. въ Падуѣ; нѣкоторые итальянцы не только вѣрили этому, но и приводили доказательства, какъ Antonio Ivani; Giorn. ligust. 12, 418. Положеніе вещей носило такой удручающій характеръ, что многіе охотно вѣрили Bonet de Cates, пророчившему появленіе въ 1505 г. Мессіи!—Vogelstein—Rieger. II, 82.

⁵⁾ Giov. Villani X, 39, 40. Многое еще при этомъ оказало свое вліяніе—такъ коллегіальная зависть. О С. д'А. см. Castelli-Ascolli 1867; такъ же Giron. Star. 15. Уже Bonatti училъ подобнымъ образомъ и чудо божественной любви представлялъ, какъ вліяніе планетъ Сг. Jo. Picus adv., Astrol. II, 5.

въ дальнѣйшихъ своихъ послѣдствіяхъ привели къ совершенному затемненію всѣхъ отвлеченныхъ понятій.

Противники астрологіи.— Но тѣмъ болѣе заслуживаетъ признанія борьба, какую велъ свѣтлый итальянскій умъ противъ всей этой сѣти суевѣрныхъ понятій. Рядомъ съ вѣковѣчнымъ прославленіемъ астрологіи, какъ фрески въ Падуѣ ¹⁾, въ лѣтнемъ дворцѣ въ Феррарѣ (Шифоня), рядомъ съ беззастѣнчивымъ самохвальствомъ, какое позволяетъ себѣ даже Бериальдъ старшій ²⁾, все время звучитъ громкій протестъ не ослѣпленныхъ и мыслящихъ людей. И въ этой сферѣ сказывается вліяніе древнихъ, но эти люди не повторяютъ вслѣдъ за древними, а руководствуются въ своихъ наблюденіяхъ своимъ собственнымъ здравымъ смысломъ и наблюденіями. Такъ Петрарка страстно иронизируетъ надъ астрологами послѣ того, какъ хорошо узналъ ихъ ³⁾ и проникъ всю лживость ихъ предсказаній. Далѣе новеллы, съ самаго своего появленія на свѣтъ, то есть со времени „Ста древнихъ новелъ“, враждебно относятся къ астрологамъ ⁴⁾. Флорентійскіе лѣтописцы высказываютъ свое неудовольствіе, когда вынуждены сообщать извѣстнаго рода факты, носящіе неизбѣжный, традиціонный характеръ.

¹⁾ Написанныя Miretto въ началѣ XV столѣтія; по словамъ Scardeonius'a онѣ предназначались ad indicandum nascetium naturas per gradus et numeros—популярное начало, какъ мы это себѣ теперь легко представляемъ. Это была астрологія à la porte de tout le monde.

²⁾ Его мнѣніе (Orationes fol 35, oratio nuptiales habita Medio lani) о значеніи звѣздъ Astrologia ac rerum terrenarum contemplatu mentes nostras evocat ad spectanda caelestia ad cursus syderum statos pensitandos ad superas sedes noscitas; haec efficit ut homines parum a Diis distare videantur!—Другой энтузіастъ той же эпохи Giovanni Garzoni, de dignitate urbis Bononiae, см. Murat. XXI, Col. 1163.

³⁾ Petrarca, epp. Seniles III изд. Fracassetti I, 132. Ср. Geiger, Petrarca въ особ. стр. 267 прим. 11. Петрарка сильно нападалъ на астрологовъ, но тѣмъ не менѣе называлъ Мауро de Magnesi „великаго астролога“ своимъ лучшимъ другомъ и придавалъ большое значеніе астрологическому предсказанію, общавшему еще въ юности славное будущее. (Sen. III, срв. Raina, Giorn. Storn. X, 101 f.).

⁴⁾ Dranco Sachetti въ новеллѣ 151 самолично рѣчами и дѣйствіемъ опровергаетъ астрологію и представляетъ ея адепта въ смѣшномъ видѣ.

Джіованни Виллани не разъ замѣчаетъ: 1) „Никакія созвѣздія не могутъ принудительно дѣйствовать на человѣческую волю и на божескій законъ“. — Маттео Виллани 2) видитъ въ астрологіи грѣховное наслѣдство, воспринятое флорентійцами вмѣстѣ съ другими заблужденіями отъ предковъ, языческихъ римлянъ. Но дѣло не остановилось на однихъ литературныхъ разсужденіяхъ, такъ какъ образовались партіи, вступающія въ публичное состязаніе. Во время ужасныхъ наводненій въ 1333 и потомъ 1345 году, вопросъ о вліяніи звѣздъ, о волѣ божіей, и возмездіи былъ предметомъ длинныхъ споровъ между астрологами и теологами 3). Такого рода предостереженія не умолкаютъ въ теченіе всей эпохи гуманизма 4), и носятъ, конечно, искренній характеръ, такъ какъ защитой астрологіи легче было снискать расположеніе сильныхъ и знатныхъ, чѣмъ враждебнымъ къ ней отношеніямъ.

Пико и его вліяніе.—При дворѣ Лоренцо Великолѣпнаго мы видимъ раздоръ въ этомъ отношеніи среди самыхъ выдающихся платониковъ. Правда, Джіовіо, повидимому, сочиняетъ 5), увѣряя, что Марсиліо Фичино защищалъ астрологію, ставилъ гороскопъ дѣтямъ Лоренцо и предсказалъ маленькому Джіованни, что онъ будетъ папою Львомъ X, о другіе академики, безъ сомнѣнія, занимались астрологіей. Въ то же время Пико делла Мирандола, со своимъ знаменитымъ сочиненіемъ объ этомъ предметѣ, представляетъ выдающееся явленіе въ противномъ смыслѣ 6). Онъ доказы-

1) Giov. Villani III, ч. X 39. Въ другомъ мѣстѣ онъ, однако, съ глубокимъ вниманіемъ и вѣрою углубляется въ астрологическое изслѣдованіе. X, 120, XII, 40.

2) XI, 3—не разъ приведено выше.

3) Giov. Villani XI, 2, XII, 58.

4) Также составитель *Annales Placentini* (Murat. XX Col. 93r), т. I стр. 362 прим. 2. Alberto di Ripalta примыкаетъ къ этой полемикѣ. Это мѣсто интересно въ томъ отношеніи, что содержитъ взгляды того времени на 9 извѣстныхъ кометъ, ихъ цвѣтъ, происхожденіе и значеніе. Приводимое Gabotto соч. Massanera, Болонья 1492 г. имѣетъ значеніе пародіи.

5) Paul. Jov. Vita Leonis X, L. III свидѣтельствуетъ по меньшей мѣрѣ о томъ, что онъ вѣрилъ въ предзнаменованіе. См. прилож. VII.

6) Jo. Pici Mirand., *adversus astrologos libri XII*, напечат. впервые въ 1495.

ваеть, что вѣра въ звѣзды носить безбожный и безнравственный характер; если,—говоритъ онъ, астрологъ вѣритъ во что нибудь вообще, то долженъ почитать планеты, какъ боговъ, такъ какъ онѣ производятъ счастье и несчастье; всѣ прочія суевѣрія находятъ опору въ астрологiи, такъ какъ геомантія, хиромантія и магія обращаются къ астрологiи за указаніемъ времени для успѣшныхъ дѣйствій. Въ отношеніи нравовъ онъ говоритъ—самое большое поощреніе зла заключается въ томъ, что при этомъ само небо становится какъ бы его участникомъ; такимъ образомъ должна исчезнуть вѣра въ вѣчное спасеніе и гибель. Кромѣ того, Пико занялся также провѣркой астрономіи эмпирическимъ путемъ, причемъ изъ предсказаній о погодѣ на весь мѣсяцъ обнаружилось три четверти неправильныхъ. Но главнѣйшимъ образомъ его заслуга та, что онъ (въ 4-ой книгѣ) установилъ позитивную христіанскую теорію управленія міромъ и свободной воли, причемъ его вліяніе на образованныхъ итальянцевъ, повидимому, было сильнѣе всѣхъ покаянныхъ проповѣдей, переставшихъ на нихъ дѣйствовать. Прежде всего у астрологовъ въ извѣстной степени пропадаетъ съ этихъ поръ охота обнародывать свои системы ¹⁾, а печатавшіе до сихъ поръ свои произведенія, начинаютъ болѣе или менѣе конфузиться. Такъ, на примѣръ, Джіованни Понтано въ своемъ сочиненіи „о судьбѣ“ (см. в.) признавалъ астрономическое ученіе и въ одномъ своемъ большомъ произведеніи ²⁾, отдѣльныя части котораго онъ посвящалъ своимъ знатымъ друзьямъ и единомышленникамъ, какъ Альдо Мануччи, Пьетро Бембо, Саннацаро и др., излагалъ свою собственную теорію въ томъ же духѣ, приписывая звѣздамъ вліяніе на развитіе различныхъ умственныхъ и физическихъ качествъ; теперь же въ своемъ діалогѣ „Эгидій“ онъ, хотя и не устраняетъ астрологію вполне, но

¹⁾ Paul. Jov. Elog. lit. p. 76 sub. tit. Jo Pico — его вліяніе было ut subtilium disciplinarum professores a scribendo deterruisse videatur. Противъ Р. появились, на примѣръ, Lucii Bellantii (Сіена): Responsiones in disputationes L. P. contra astrologos. (Fir. 1498)

²⁾ De rebus coelestibus libri 14. Въ 12 книгѣ, посвященной Paolo Cortese, онъ не признаетъ его опроверженія астрологiи.—Aegidius Opp II, 1455—1514. Тому же Egidio (изъ Витербо? Кардиналъ?) Pontano посвящаетъ свою книжку de luna (оп. III, 2592).

уже гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ прежде, оспариваетъ въ частности лживыхъ астрологовъ и прославляетъ свободную волю, благодаря которой человекъ познаетъ самого Бога ¹⁾. Астрологія продолжаетъ еще существовать, но уже не управляетъ людьми и жизнью, какъ прежде. Живопись, всѣми своими средствами служившая ея возвеличенію въ XV вѣкѣ, обнаруживаетъ теперь другой образъ мыслей. Рафаэль въ своихъ фрескахъ, украшающихъ капеллу Киджи ²⁾, изображаетъ, правда, неподвижныя звѣзды и планетныя божества, но всѣ эти небесныя тѣла окружены бодрствующими и управляющими ими фигурами ангеловъ, а надъ всѣмъ этимъ царитъ предвѣчный отецъ. Повидимому, астрологія должна была бороться также еще съ однимъ враждебнымъ элементомъ; испанцы не питали къ ней ни малѣйшаго пристрастія, и кто хотѣлъ заручиться ихъ покровительствомъ ³⁾, смѣло могъ открыто выражать враждебное отношеніе къ этой наукѣ, носившей въ глазахъ испанцевъ полу-магометанскій, а потому и полуеретическій характеръ. Впрочемъ, еще въ 1529 году Гвиччардини говоритъ, какъ счастливы должны быть астрологи, что имъ вѣрятъ, если они сто разъ солгавъ, одинъ разъ скажутъ правду, тогда какъ другіе

1) Последнее въ концѣ стр. 1486. Свое возраженіе противъ Пико онъ влагаетъ въ уста собесѣдника Franc. Pudericus: Pontanus non ut Iohannes Picus in disciplinam ipsam armis equisque, quod dicitur, irrumpit, cum illam tueatur, ut cognita maxime dignam ac pene divinam, sed astrologos quosdam, ut parum cautos minimeque prudentes insectetur et rideat. — В. Zumbini (L'astrologia e la mitologia nel Pontano e nel Folengo. Dr. изъ Rassegna litteraria, т. II) доказалъ, что Pontano въ Delle cose celesti lib. XII защищаетъ астрологію противъ нападокъ Пико, и въ соч. De fortuna опровергаетъ упреки противника, указывая на доводы остроумнаго Lucius Bellanti. — Также и Marin Sanudo держится твердо астрологическихъ заблужденій (ср. X, 47) и вѣритъ такого рода пророчеству, принесенному изъ Германіи. 1512. Такого же рода противорѣчія находимъ (сперва утверженіе, а потомъ отрицаніе) въ сочин. Battista Mantovano и Antonio Cornazzano срв. Gabotto.

2) V. Maria del popolo въ Римѣ. Ангелы напоминаютъ начало Convito у Данте.

3) Таковъ примѣръ Antonio Galateo, который въ письмѣ къ Фердинанду Католическому (Mai, spicileg. rom. Vol. VIII, стр. 226, 1510 г.) энергично отрицаетъ астрологію, а въ другомъ письмѣ къ графу Ротенза, опираясь на звѣздныя явленія, предсказываетъ нападеніе турокъ на Родось.

теряютъ всякій кредитъ, если, напротивъ, одинъ разъ изъ ста обмануть ¹⁾. Надо замѣтить, что презрѣніе къ астрологии не ведетъ непремѣнно къ вѣрѣ въ Провидѣніе, но можетъ ограничиваться общимъ неопредѣленнымъ фатализмомъ.

Различныя суевѣрія. И въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, Италія не могла безъ особыхъ усилій все преодолѣть и побѣдить, такъ какъ въ это время она была обезсилена завоеваніемъ и реакціей. Если бы не было этихъ бѣдствій, она, по всей вѣроятности, легко справилась бы съ этими фантастическими нелѣпостями. Кто держится того мнѣнія, что вторженіе иноземцевъ и католическая реакція были неизбежны, и что Италія сама была виновницей всѣхъ бѣдствій, тотъ можетъ, конечно, считать ея духовное паденіе лишь справедливымъ наказаніемъ. Жаль только, что вся Европа тоже должна была при этомъ страшно много потерять.

Далѣе, вѣра въ предзнаменованія носить уже болѣе невинный характеръ, сравнительно съ астрологическимъ ученіемъ. Эпоха среднихъ вѣковъ хранила огромный запасъ суевѣрій, наслѣдованныхъ отъ языческихъ вѣрованій и, разумѣется, Италія меньше всего отстала въ этомъ отношеніи. Но особую окраску этимъ явленіямъ придаетъ то, что гуманизмъ является своего рода опорой общему народному заблужденію; унаслѣдованное языческое вліяніе получаетъ литературную обработку, благодаря гуманистамъ.

Популярное суевѣріе итальянцевъ покоится, главнымъ образомъ, на предчувствіяхъ и предзнаменованіяхъ ²⁾; причемъ далѣе присоединяется еще магія довольно невиннаго свойства. Но тутъ мы видимъ многихъ ученыхъ гуманистовъ,

¹⁾ Riccordi I, с. № 57.

²⁾ Decembrio указываетъ рядъ такихъ вѣрованій у послѣдняго Висконти (Murat. XX).—Odauius въ своей рѣчи при погребеніи Guidobaldo (Bembi opera I) говоритъ что боги заранѣе возвѣстили эту смерть Nam et hoc ipso anno ejus thalamus cum ipse in eo esset, tactus de coelo est et paulo antea quam e vita exiret, terrae motus horribiles in regni finibus crebro fuisse nunciatum est; et ex altissimorum montium cacuminibus mirae ingentesque ab incolis voces multis in locis exauditae sunt; et noctu supra templum hoc atque urbem longissimis ardere tractibus sereno coelo maximos clarissimosque ignes plurimi mortales conspexerunt. Aedes vero ubi nunc humatum ejus cadaver est, medio die a sacerdotibus apperire sese visa, vano illos metu atque pavore perterrit.

какъ будто осмѣивающихъ суевѣріе, но тѣмъ не менѣе не упускающихъ случая подробно обо всемъ поразказать ¹⁾. Тотъ же Джіованни Понтано, написавшій упомянутое большое астрологическое сочиненіе, въ своемъ „Харонѣ“ съ видимымъ сочувствіемъ перечисляетъ всякаго рода неаполитанскія суевѣрія, какъ то: горе женщинъ, когда пѣтухъ или гусь получаетъ типунъ, серьезную озабоченность знатныхъ господъ, когда охотничій соколъ вдругъ не возвращается, чудесное заговариванье апулійскихъ крестьянъ противъ бѣшеныхъ собакъ, бродящихъ по окрестностямъ и т. д. Животное царство, какъ и въ древности, давало въ особенности богатый матерьялъ въ этомъ отношеніи, а къ тому же содержавшіеся на государственнѣй счетъ львы, леопарды и т. п. невольно пріучали народъ видѣть въ нихъ живой символъ государства, и такимъ образомъ усиливалось значеніе предзнаменованій. Когда во время осады Флоренціи (1529) въ городъ залетѣлъ подстрѣленный орелъ, синьорія дала четыре дуката тому, кто его принесъ, такъ какъ это считалось хорошимъ предзнаменованіемъ ²⁾. Далѣе то или другое время и мѣсто считались вообще болѣе и менѣе благопріятными и часто рѣшающими въ смыслѣ вліянія на результатъ предпринятыхъ дѣйствій. По словамъ Вархи, флорентійцы вѣрили, что суббота для нихъ самый благопріятный день, и что всѣ серьезныя дѣла, какъ хорошія, такъ и дурныя, въ этотъ день бываютъ всего успѣшнѣе. Мы уже упоминали выше о томъ значеніи, какое они придавали выступленію въ походъ черезъ тѣ или другія городскія ворота; также въ Перуджии вѣрили, что Порта Эбурнеа приносятъ счастье, и вожди изъ дома Бальоне выводили своихъ людей всегда черезъ эти ворота. ³⁾ Метеоры и различныя небесныя явленія занимаютъ въ народномъ воображеніи въ это время то-же мѣсто, какъ и въ средніе вѣка; и теперь фантазія въ различныхъ груп-

¹⁾ Franc. Roccioli написалъ въ 1495 г. соч. De monstro in Tyberii reperito (послѣ сильнаго наводненія): ослиная голова, женское тѣло, правая нога орла, лѣвая нога быка и т. п. Ср. Пасторъ II, 345.

²⁾ Varchi, Stor. fior. L. IV (стр. 174). Пророчества и предзнаменованія играли тогда во Флоренціи почти ту же роль, какъ въ осажденномъ Иерусалимѣ. Ср. тоже III 143, 195.

³⁾ Matarazzo, Arch. Stor. III стр. 208.

пахъ облаковъ видить сражающіяся войска и людямъ слышится шумъ сраженія, гдѣ то высоко надъ ними 1).

Но суевѣріе становится опаснѣе, когда соединяется съ религіозными понятіями и съ священными предметами; тогда мы узнаемъ, напримѣръ, что мадонны поднимають и опускають вѣки глазъ 2), проливають слезы и т. п. Эти явленія приводятся, обыкновенно, въ связь съ какимъ-нибудь народнымъ бѣдствіемъ и проступкомъ, требующимъ искупленія; тогда народъ приходитъ въ возбужденіе и требуетъ наказанія виновныхъ.

Когда въ Піаченцѣ въ 1478 году шелъ сильный и продолжительный дождь, въ народѣ стали говорить, что дождь не перестанетъ, пока тѣло одного извѣстнаго ростовщика, похороненнаго въ оградѣ церкви св. Франсиска, будетъ покоиться въ освященной землѣ; но такъ какъ епископъ не разрѣшалъ трогать могилу, то молодые люди сдѣлали это силою, волокли трупъ по улицамъ города, въ сопровожденіи шумной толпы людей, при чемъ должники покойнаго оплевывали его, и, наконецъ, послѣ цѣлаго ряда издѣвательствъ, бросили трупъ въ рѣку По. — „Но удивительнѣе всего было то — говорить лѣтописецъ, что дождь тотчасъ пересталъ“ 3). Мы видимъ, что и Анджело Полиціано смотритъ также на вещи, когда говоритъ, напримѣръ, о Джакоппо Пацци, главномъ руководителѣ названнаго по его имени заговора во Флоренціи въ томъ же 1478 году. Передъ тѣмъ, какъ его умертвили, онъ передалъ свою душу дьяволу въ страшныхъ выраженіяхъ; вслѣдъ затѣмъ наступилъ ливень, грозившій погубить всю жатву; и на этотъ разъ также народъ, по преимуществу крестьяне, вырыли трупъ изъ церковной земли, тогда тотчасъ разсѣялись тучи и заблестѣло солнце: — „Такъ благопріятствовало

1) Prato, Arch. Stor. III стр. 324, 1514 г.

2) Какъ, напр., Madonna de l'arbore въ Миланскомъ соборѣ въ 1515 г., ср. Prato I, стр. 327. Тотъ-же лѣтописецъ рассказываетъ, что при раскопкѣ фундамента для гробницы Тривульція (при S. Vazaro) найденъ былъ драконъ, величиною съ лошадь.

3) Diarium parmense, см. Murat. XXII, Col. 280. Этотъ авторъ раздѣляетъ вообще господствовавшую въ народѣ ненависть противъ ростовщиковъ.

счастье народному мнѣнію“—прибавляетъ знаменитый филологъ ¹⁾). Тѣло было зарыто въ яму, но на другой день трупъ вырыли опять, волокли по городу съ ужасающими издѣвательствами, пока, наконецъ, бросили въ Арно. Также точно комментировалось обратное явленіе; если долго не было дождя, то его вызывали подобными же суевѣрными дѣйствіями. Такъ, въ 1464 году, когда Фердинандъ Неаполитанскій держалъ въ осадѣ Суэссу, городъ лишился воды, и суевѣрные граждане стали прибѣгать къ разнымъ суевѣрнымъ приемамъ; они бросили въ море распятіе, сопровождая это ужаснѣйшими богохульствами; духовные зарыли въ землю передъ церковью осла живымъ, вложивъ ему предварительно въ ротъ освященный хлѣбъ; вслѣдъ затѣмъ поднялась сильная буря ²⁾).

Суевѣріе гуманистовъ. Эти и подобныя черты вообще весьма естественны въ народѣ и носятъ одинаковый характеръ въ X вѣкѣ, какъ и въ XVI. Но въ рассматриваемую эпоху классическая древность является здѣсь своего рода соучастницей. По крайней мѣрѣ, гуманисты, какъ мы видѣли выше, удостовѣряютъ чудеса и знаменія, которыхъ они были живыми свидѣтелями. Уже одинъ Поджіо можетъ служить достаточнымъ примѣромъ, если-бы понадобилось еще это доказывать. Этотъ крайній мыслитель, отрицавшій, какъ мы видѣли, знатное происхожденіе и неравенство людей, вѣритъ не только въ средневѣковыхъ духовъ и разныхъ чертей, но также въ античныя чудеса, какъ тѣ, на примѣръ, которыми сопровождалось будто-бы послѣднее посѣщеніе Флоренціи Евгениемъ IV-ымъ, по словамъ современныхъ хроникеровъ ³⁾. „Въ это время вблизи Комо люди видѣли четыре

¹⁾ Conjuratōnis Pasticānae commentarius въ прилож. къ Roscoe, „Жизнь Лоренцо“.—Понятно, что святые могутъ своимъ словомъ остановить дождь. Ср. Aeneas Sylvius—„жизнь“ Bernardino da Siena (de vir. ill. стр. 25).

²⁾ Pontano, de bello neapolit., lib. V (Мейеръ: „Суевѣріе“ стр. 247)

³⁾ Poggii facetiae, fol. 174.—Aen. Sylvius: De Europa с. 53, 54 (Орега стр. 551, 455) рассказываетъ, по крайней мѣрѣ, о настоящихъ чудесахъ, какъ сраженія звѣрей, облачныя явленія и т. п. и говоритъ объ этомъ, какъ о феноменахъ главнымъ образомъ, хотя при этомъ упоминаетъ и о человѣческихъ судьбахъ. Въ томъ же родѣ повѣствуетъ Antonio Ferrari и при этомъ (il Galateo) de situ Jarygiae (Basel 1558) стр. 121 и пытается дать объясненіе: et haec ut puto, species erant earum rerum.

тысячи собакъ, направлявшихся въ нѣмецкую сторону, за ними слѣдовало огромное стадо быковъ, далѣе цѣлое войско вооруженныхъ людей, пѣшихъ и всадниковъ, частью безъ головы, частью съ едва видимыми головами, и, наконецъ, всадникъ великанъ, за которымъ снова тянулось стадо рогатыхъ быковъ".—Поджіо вѣритъ также въ битву между галками и сороками (180). Наконецъ, онъ рассказываетъ слѣдующую исторію, не замѣчая, кажется, самъ, что повторяетъ хорошо сохранившійся отрывокъ древней мифологіи: на далматскомъ берегу появился тритонъ съ бородой и рожками, какъ настоящий морской сатиръ, съ плавниками и рыбьимъ хвостомъ; онъ хватаетъ и уноситъ находящихся на берегу дѣтей и женщинъ, пока пять отважныхъ працевъ не убиваютъ его палками и камнями¹⁾. Деревянное изображеніе этого чудовища всякій можетъ видѣть въ Феррарѣ, и этого довольно, чтобы убѣдить Поджіо въ достовѣрности всей исторіи.

Въ эту эпоху уже не существуетъ оракуловъ и нельзя вопрошать боговъ, но входитъ въ обыкновение, какъ это было въ средніе вѣка, гадать, открывая любую страницу *Виргилія* и давая тѣмъ или другимъ строкамъ (*sortes virgilianae*) извѣстное толкованіе²⁾.—Такимъ образомъ нерѣдко случается, что древніе боги пророчествуютъ о несчастіяхъ, ожидающихъ итальянцевъ въ будущемъ; въ 1358 году Вулканъ съ своими товарищами явился передъ однимъ странствующимъ купцомъ и сказалъ ему, что они намѣрены покопаться въ Этнѣ; вскорѣ затѣмъ произошелъ взрывъ, причинившій, несмотря на процессіи и молитвы, огромный

quae longe aberant, atque ab eo loco in quo species visae sunt videri minime poterant.—Касаясь увѣренія въ томъ, что во время луннаго затменія въ 1483 г. люди падали мертвые на землю, Landucci полагаетъ это возможнымъ. Вообще онъ суевѣренъ. — Franc. Vettori со своимъ спутникомъ видитъ призраки во время путешествія по Германіи. Ср. интересное сообщеніе въ *Revue d'histoire diplomatique* 12. 1898 стр. 106.

¹⁾ Poggii *facetiae*, fol. 160, ef. Pausanias XX, 20.

²⁾ Varchi III стр. 195. Двое подозрительныхъ людей рѣшаются бѣжать въ 1529 изъ города, потому что они открыли на слѣд. мѣстѣ *Virg Aen. III, 44: Heu! fuge crudelis terras fuge litus avarum.* Срв. Rablais, *Pantagruel III, 10.*

вредъ¹⁾. Кроме того, и вѣрованіе въ демоновъ позднѣйшей древности, безъ сомнѣнія, не осталось безъ вліянія на возрожденіе. Сочиненіе Ямблиха и Абамона о египетскихъ мистеріяхъ появилось въ латинскомъ переводѣ еще въ концѣ XV вѣка и много содѣйствовало суевѣрнымъ понятіямъ. Даже Платоновская академія во Флоренціи, напримѣръ, не была вполнѣ свободна отъ такого рода заблужденій времени упадка римлянъ. Мы должны здѣсь сказать нѣсколько словъ объ этой вѣрѣ въ демоновъ и связанномъ съ этимъ колдовствѣ.

Вѣра въ привидѣніе. Народное вѣрованіе въ то, что называется міромъ духовъ²⁾, носитъ въ Италіи почти тотъ же характеръ, какъ и во всей остальной Европѣ. Прежде всего тамъ также существуютъ привидѣнія, т. е. явленія покойниковъ, и если это вѣрованіе нѣсколько различается отъ сѣвернаго, то развѣ въ томъ смыслѣ, какъ это опредѣляется классическимъ om̄ra. И въ наше время, если показывается гдѣ нибудь такая тѣнь, то служатъ обѣдню. При этомъ, само собою разумѣется, что души злыхъ людей принимаютъ отвратительный образъ, но къ этому надо присоединить иногда еще особое убѣжденіе, а именно, что тѣни умершихъ считаются по своей природѣ злыми вообще. Такъ, у Банделло одинъ священникъ высказываетъ мнѣніе, что мертвые губятъ маленькихъ дѣтей³⁾. Надо думать, что, говоря это, онъ имѣетъ въ виду особаго рода тѣнь, такъ какъ въ общемъ душа находится въ чистилицѣ и

¹⁾ Li horrendi et spaventosi prodigii nel monte di Ethna срв. Meyer. Die Aberglaube стр. 122 f.

²⁾ Нѣкоторыя фантазіи ученыхъ, какъ splendor и spiritus Иеронима Кардано и Daemon familiaris ego отца Facius'a Срв. Cardanus, de propria Vita, cap. L. 38. 47. Далѣе, его-же De varietate rerum, гдѣ онъ говоритъ о видѣнныхъ его отцомъ домовыхъ и de subtilitate, гдѣ указываются даже день и часъ.—Giorgio Valla, разсказываетъ удивительные сны и видѣнія: De expetendis et fugiendis rebus (N. Arch. Ven. I 207.) Самъ онъ былъ противникомъ магіи; cap. 39. Видѣнные имъ чудеса и призраки cap. 37, 41. Какъ далеко простирался страхъ послѣдняго Висконти передъ призраками видимъ у Decembrio (Muratori, XX, Col. 1016)

³⁾ Molte fiato i morti guastano le creature. Bandello II Nov. 1.—Galateo (стр. 107):—animae злыхъ людей выходятъ изъ могилъ, являются друзьямъ и знакомымъ, animalibus vesci, pueros sugere ac necare, deinde in sepulchra reverti.

если она появляется гдѣ нибудь, то, обыкновенно, плачетъ и умоляетъ ей помочь.

Для того, чтобы избавиться отъ посѣщеній какого-нибудь усопшаго, надо вырыть его трупъ изъ земли, разсѣчь его на части, сжечь сердце и разбросать пепель на всѣ четыре стороны ¹⁾. Иногда призракъ представляетъ собой тѣнь не какого-нибудь человѣка, а извѣстнаго явленія, происшествія, положенія вещей. Такъ объясняли сосѣди привидѣнїе, посѣщавшее старый дворецъ Висконти въ Миланѣ; здѣсь нѣкогда Бернабо Висконти погубилъ много жертвъ своей жестокостью и потому не удивительно, что это мѣсто посѣщалось привидѣнїями ²⁾. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ это были продѣлки молодого человѣка, посѣщавшаго жену владѣльца дома, такъ какъ ему нужно было напугать ея мужа; поэтому онъ самъ и его друзья нарядились чертями, а одного изъ пособниковъ онъ, говорятъ, даже выписалъ изъ-за границы, такъ какъ тотъ умѣлъ подражать голосамъ различныхъ звѣрей.

Въ Перуджїи передъ однимъ нечестнымъ экономомъ въ прїютѣ для бѣдныхъ, однажды вечеромъ, когда онъ считалъ деньги, явилась толпа тѣней умершихъ нищихъ, и они со свѣчами въ рукахъ стали танцовать вокругъ; въ то же время огромнаго роста привидѣнїе обратилось къ нему съ грозною рѣчью въ защиту бѣдныхъ—это былъ св. Ало, патронъ этого дома для нищихъ ³⁾. Эти воззрѣнїя были такъ понятны всѣмъ, что поэтъ находилъ въ нихъ всегда благодарный матеріалъ. Такъ, на примѣръ, Кастильоне прекрасно передаетъ появленіе убитаго Пико подъ стѣнами осажденной Мирандолы ⁴⁾. Впрочемъ, поэзія пользуется этимъ матерьяломъ охотнѣе всего тогда, когда самъ поэтъ уже выросъ изъ этихъ понятій.

Далѣе въ Италїи распространяется вѣрованіе въ демоновъ, какъ среди всѣхъ средневѣковыхъ народовъ. Народъ былъ убѣжденъ, что Богъ надѣляетъ иногда злыхъ духовъ

1) Galateo. Онъ же говоритъ о Fata Morgana и другихъ подобныхъ явленїяхъ.

2) Bandello III, Nov. 20.

3) Graziani, Arch. stor. XVI, I, стр. 640.

4) Balt. Gastiglioni carmina ed. Seraffi Prosopopeia, Lud. Pici.

всякаго чина огромной разрушительной силой, и что такой демонъ можетъ распоряжаться цѣлою частью свѣта и человѣческой жизнью; при этомъ за человѣкомъ признавалась однако возможность противопоставлять свободную волю дьявольскимъ искушеніямъ. Все демоническое въ естественныхъ явленіяхъ въ Италіи, въ устахъ народа, принимаетъ часто поэтическій образъ. Такъ, въ ночь наканунѣ большаго наводненія въ долину Арно въ 1333 г., одинъ св. отшельникъ въ Валламброзѣ слышалъ въ своей кельѣ дьявольскій шумъ, перекрестился, подошелъ къ двери и видѣлъ, какъ мимо промчались страшные черные всадники. Въ отвѣтъ на его заклинаніе, одинъ изъ нихъ сказалъ: „Мы хотимъ потопить городъ Флоренцію за ея грѣхи, если Богъ допуститъ“¹⁾.

Въ связи съ этимъ нельзя не припомнить другое почти одновременное явленіе (1340), послужившее сюжетомъ для замѣчательной картины одного изъ мастеровъ венеціанской школы, вѣроятно всего Джіорджіоне: галера, наполненная демонами, съ быстротою птицы несется надъ бурной лагуной, чтобы погубить грѣховный городъ на островѣ; въ то же время трое святыхъ въ неузнаваемомъ видѣ вошли въ лодку бѣднаго рыбака и своимъ заклинаніемъ гонятъ демонскіе корабли въ пучину.

Заклинаніе. Колдуньи. Къ этому вѣрованію присоединяется еще одно, а именно, что человѣкъ при помощи заговоровъ можетъ входить въ сношеніе съ чертями и пользоваться ихъ услугами для своихъ честолюбивыхъ, корыстныхъ и чувственныхъ цѣлей. По всѣмъ вѣроятіямъ, число обвиняемыхъ и преслѣдуемыхъ сперва было гораздо значительнѣе, чѣмъ повинныхъ въ дѣйствительности въ колдовствѣ; только послѣ того, какъ стали жечь многихъ предполагаемыхъ колдуновъ и колдуній, стало учащаться обращеніе къ заклинаніямъ и заговорамъ. Изъ дыма костровъ, на которыхъ гибли подозрѣваемые въ чарахъ, разлился наркотическій ядъ, побудившій многихъ неудачниковъ къ занятіямъ магіей. Къ нимъ стали присоединяться потомъ уже завѣдомые обманщики.

1) Giov. Vilani. XI, 2. Онъ узналъ это отъ аббата, которому открылъ отшельникъ.

Колдунья (stregga) съ ея обычнымъ ремесломъ представляетъ примитивную народную форму чародѣйства, какъ оно сохранилось, быть можетъ, въ неизмѣнномъ видѣ со времени римлянъ ¹⁾. Это ремесло носитъ почти невинный характеръ, пока оно ограничивается гаданьемъ ²⁾, но переходъ отъ простыхъ предсказаній къ дѣятельности съ преднамѣренными цѣлями совершается незамѣтно и ведетъ къ серіознымъ послѣдствіямъ. Такимъ образомъ, въ дальнѣйшемъ начинаютъ прибѣгать къ колдуньямъ главнымъ образомъ въ любовныхъ дѣлахъ, имъ приписываютъ поэтому возбужденіе любви и ненависти между женщиной и женщиной, а на ряду съ этимъ и ужъ прямо злыя и разрушительныя дѣйствія, какъ, на примѣръ, гибель маленькихъ дѣтей, хотя послѣдняя часто гораздо проще объясняется небрежностью и неразуміемъ родителей.

Въ концѣ концовъ остается также открытымъ вопросъ, насколько далеко заходитъ дѣятельность колдуньи, прибѣгаетъ ли она только къ заклинаніямъ, манипуляціямъ и таинственнымъ знакамъ, или сознательно призываетъ демоновъ на помощь, не говоря уже о различныхъ лѣкарствахъ и ядахъ, которыми она пользуется въ полномъ сознаніи. дѣйствія этихъ средствъ.

Въ нѣкоторыхъ невинныхъ видахъ колдовства конкурировали также нищенствующіе монахи; съ такого рода профессіей знакомитъ насъ, на примѣръ, Понтано ³⁾, говоря о вѣдьмѣ изъ Гаэты. Путешествующій Суппатій попадаетъ въ ея жилище какъ разъ въ то время, когда она даетъ наставленіе одной дѣвушкѣ и служанкѣ, явившимся къ ней съ черной курицей, девятью яйцами, снесенными въ пятницу, уткой и бѣлой нитью, такъ какъ это было въ третій день новолунія; она отсылаетъ ихъ и велитъ придти вечеромъ

¹⁾ Только слабые остатки того, что могли совершать волшебницы въ древнемъ Римѣ. Вѣроятно, послѣднее превращеніе чловѣка въ осла въ 11 вѣкѣ при Львѣ IX s. Giul. Malmesbrg. II, 171. (Vol I, стр. 282).—О римскихъ колдуньяхъ въ 14 в. срв. Bertolotti въ Rivista Europea, Vol. XXXII—XXXIII.

²⁾ Повидимому такой случай имѣемъ въ той замѣчательной „одержимой“, съ которой совѣтуются властители въ Феррарѣ и др. м. въ 1513 г. Ее зовутъ Rodogina.—Подробнѣе у Рабле, Pantagruel. IV, 58.

³⁾ Jovian. Pontan, Antonius.

опять. Повидимому, здѣсь дѣло идетъ только о гаданіи; госпожа приходившей служанки забеременѣла отъ одного монаха, а дѣвушка жаловалась, что ея возлюбленный измѣнилъ и ушелъ въ монастырь. Колдунья жалуется: „Со смертью моего мужа я кормлюсь этимъ дѣломъ и могла бы не печалиться, — потому что наши женщины охотно всему вѣрятъ — если бы монахи не перебивали у меня хлѣбъ; они толкуютъ сны, вымаливаютъ прощеніе святыхъ, общаются дѣвушкамъ жениховъ, беременнымъ женщинамъ мальчиковъ, бесплоднымъ — дѣтей, а по ночамъ, когда мужчины уходятъ въ море за рыбой, они посѣщаютъ женъ, уговорившись съ ними днемъ въ церкви“.

Суппатій предостерегаетъ ее отъ зависти монаховъ, но она, по ея словамъ, не боится, такъ какъ настоятель монастыря ея старый знакомый ¹⁾.

Норчіа. Но суевѣріе создаетъ далѣе наиболѣе опасный видъ колдовства; сюда надо отнести знахарокъ, причиняющихъ часто вредъ здоровью людей; могущество такихъ колдуній приписываютъ обыкновенно дурному глазу, а тамъ, гдѣ этого недостаточно, предполагается, что онѣ пользуются помощью злыхъ духовъ. Мы уже видѣли выше, говоря о Финичеллѣ, что уличенныхъ въ этомъ сжигали на кострѣ, хотя иногда дѣло улаживалось другимъ путемъ: — такъ, по законамъ Перуджія, допускался денежный выкупъ въ четыреста фунтовъ ²⁾; такимъ образомъ, мы видимъ, что напрасно было бы искать послѣдовательности во взглядахъ на суевѣріе. Въ самомъ дѣлѣ, суевѣрный фанатизмъ былъ еще такъ силенъ, что на самой папской землѣ въ Верхнихъ Аппенинахъ и при томъ на родинѣ св. Бенедета, въ Норчіи, утвер-

¹⁾ Какимъ широкимъ распространеніемъ пользовалась тогда вѣра въ колдуній видно, между прочимъ, изъ того, что Ang. Poliziano въ 1492 держалъ praelectio къ gr̄oа Aristotelis analytica cui titulus Lamia (итал. перев. Isidor del Jungo Flor. 1864 г., новое изданіе Flor. 1897). Правда только введеніе шута говоритъ о вѣдьмахъ; въ сущности рѣчь идетъ о философіи. Фьезоле также можно разсматривать въ известн. отношеніи какъ мѣстность населенную вѣдьмами.

²⁾ Graziani, Arch. Stor. XVI, I ср. 565—1445 о вѣдьмѣ въ Nocera, которая могла дать только половину и была предана сожженію. Законъ говоритъ о тѣхъ, которыя: *facciono le fature overo venefitie overo encantatione d'ohmunde spirite a nuocerre.* (прим. 1, 2).

дилось настоящее гнѣздо колдовства и разныхъ волшебствъ. Это было достовѣрно извѣстно всѣмъ, даже за границею, и чужеземцы, посѣщавшіе Италію, не пропускали случая посѣтить пещеры Сибиллы и повѣдать міру о своихъ приключеніяхъ ¹⁾; въ особенности это было въ обычаѣ среди нѣмцевъ, но въ числѣ такихъ путешественниковъ, мы видимъ и другихъ, какъ, напримѣръ, провансальскаго рыцаря Антоніо де Ла-Сале. Въ то же время, большой интересъ въ этомъ смыслѣ представляетъ письмо Энея Сильвія ²⁾ къ брату, относящееся къ его прошлому. Вотъ что онъ ему пишетъ: „Податель сего письма явился ко мнѣ съ просьбой сказать ему, не знаю ли я, гдѣ находится въ Италіи Венеринъ гротъ? По его словамъ, въ этомъ гротѣ можно научиться разнымъ волшебствамъ, а потому его господинъ, нѣкій саксонскій астрономъ ³⁾ хотѣлъ бы это знать. Я сказалъ ему, что знаю Порто Венере не вдалькѣ отъ Каррары, на скалистомъ лигурійскомъ берегу, гдѣ я провелъ три ночи по пути въ Базель; знаю также, что въ Сициліи есть гора Эриксъ, посвященная Венерѣ, но не знаю, можно ли тамъ научиться какой-нибудь магіи. Въ то время, какъ мы бесѣдовали, я, однако, вспомнилъ, что въ древнемъ герцогствѣ (Сполета) въ Умбріи, недалеко отъ Норчіа, есть, говорятъ, скала и въ ней пещера, въ которой скрывается источникъ. Насколько мнѣ помнится, говорили, тамъ водятся вѣдьмы (Striges), черти и привидѣнія и кто не боится, можетъ познакомиться тамъ съ духами, говорить съ ними и научиться разнымъ волшебствамъ ⁴⁾. Я самъ ничего этого не видѣлъ, и не старался увидать, потому что предпочитаю лучше вовсе не узнавать то, чего нельзя знать, не впадая въ грѣхъ“.—Впрочемъ, онъ называетъ въ письмѣ одного изъ свѣдующихъ въ этомъ дѣлѣ людей, и проситъ брата напра-

1) Reumont: Saggi di storia e letteratura. Florenz 1886.

2) Lib. I op. 46. Вмѣсто umbra надо читать Umbria, вмѣсто lacum locum.

3) Позднѣе онъ его зоветъ Medicus Ducis Saxoniae homo tum dives, tum potens.

4) Нѣчто вродѣ такой дьявольской пещеры показывали въ XIV в. вблизи Анседоніи въ Тосканѣ. Въ ней видны были на пескѣ слѣды звѣрей и людей, и если ихъ затирали, они являлись снова на слѣдующій день. Uberti, il Dittamondo L. III. cap. 9.

вить подателя письма къ этому человѣку, если онъ еще живъ. Во всякомъ случаѣ, письмо Энея Сильвія свидѣтельствуеть только о его готовности услужить значительному лицу, но самъ онъ не только свободнѣе отъ всякихъ суевѣрій, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ,—но даже въ настоящее время не всякій выдержалъ бы такое испытаніе, какое мы видимъ на слѣдующемъ примѣрѣ изъ его жизни. Когда онъ лежалъ больной въ лихорадкѣ въ Миланѣ во время собора въ Базелѣ, въ теченіе 75 дней, никто не могъ его убѣдить прибѣгнуть къ помощи знахарей, славившихся своимъ магическимъ искусствомъ, несмотря на увѣреніе, что одинъ такой чародѣй незадолго передъ тѣмъ чудеснымъ образомъ излечилъ отъ лихорадки въ лагерь Пиччинино двѣ тысячи больныхъ воиновъ. Эней Сильвій, еще не оправившись, продолжалъ черезъ горы путь въ Базель и уже по дорогѣ выздоровѣлъ ¹⁾.

Нѣсколько десятилѣтій спустя (1470) Луиджи Пульчи говоритъ въ письмахъ о томъ, какъ онъ посѣтилъ Сибилю въ Норчіи ²⁾; эта заколдованная мѣстность описывается еще въ 1550 году въ этнографическомъ сочиненіи Леандро Альберти. Пульчи пишетъ Лоренцо Медичи, котораго суевѣрная супруга предприняла путешествіе въ Норчію; въ его описаніи взаимнѣ всякаго благочестія и уваженія къ чарамъ возвышается голосъ просвѣщеннаго сатирика и циническое глумленіе. Онъ говоритъ:

„Мы вступили въ помѣщеніе, гдѣ на почетномъ возвышеніи увидѣли колдунью; на груди у нея красовалась дорогая турецкая жемчужина и такая же цѣпь на шеѣ; она не дурна собой, съ выдающимся подбородкомъ, жирными щеками и парой глазъ широко открытыхъ и окруженныхъ толстыми жирными складками. Ноги ея никакъ нельзя назвать худыми, и сосѣднія части тѣла также соответствующихъ пропорцій; ее окружають грязь и вонь, такъ что, говоря по совѣсти, я никогда не видалъ такого противнаго и комичнаго существа, какъ эта такъ называемая святая. Весь день она говорила вздоръ, при помощи переводчика, причемъ эту послѣднюю роль игралъ ея братъ, съ такими же

¹⁾ Pii II Comment. L. I ср. 10.

²⁾ Lettre, Luçca 1868 ср. 42.

толстыми ногами, какъ у нея. Твоя супруга была, однако, совѣмъ ослѣплена этой колдовской ямой, находила вѣдъму красивой и наслаждалась бесѣдой съ переводчикомъ; одинъ изъ нашихъ спутниковъ также восхищался ея хорошенькимъ ротикомъ и говорилъ, что она очень мило изъясняется. Такимъ образомъ она много говорила по гречески до самаго вечера, но ѣсть и пить намъ не давали ни по гречески, ни по латински, ни по итальянски. Въ концѣ концовъ, она жаловалась нашей госпожѣ, что платье ей узко, хотя мнѣ кажется, на него должно было пойти шесть кусковъ шелковой матеріи, такъ что этого было бы довольно, чтобы одѣть весь куполь церкви св. Маріи. Всю ночь я видѣлъ во снѣ горы масла, жиру, сала и прочихъ гадостей, и я счастливъ, что мы выбрались изъ этой пещеры“.

Далѣе мы узнаемъ кое что о Норчіи отъ некроманта, пытавшагося привлечь на свою сторону знаменитаго Челлини. Дѣло шло о томъ ¹⁾, какъ освятить новую магическую книгу, и Норчіа, повидимому, являлась самымъ подходящимъ для этого мѣстомъ; правда учитель волшебника освятилъ однажды книгу вблизи аббатства Фарза, но при этомъ были затрудненія, тогда какъ въ Норчіи ничего подобнаго не случилось; къ тому же и крестьяне въ этой мѣстности понимали кое что въ этомъ дѣлѣ, обладали нѣкоторымъ опытомъ и въ случаѣ нужды могли оказать значительную помощь. Предпріятіе это не осуществилось, иначе Челлини познакомился бы ближе съ нѣкоторыми пособниками этого мошенника. Во всякомъ случаѣ, мѣстность пользовалась широкой извѣстностью. Аретино упоминаетъ о заколдованномъ колодцѣ: тамъ жили сестры норчійской сибиллы и тетка Фаты Морганы. Въ то же время Триссино прославилъ эту мѣстность въ своемъ большомъ эпосѣ ²⁾ всякими поэтическими и аллегорическими украшениями, какъ мѣстопребываніе истинныхъ пророчествъ.

¹⁾ Benv. Cellini. L. I cap. 65.

²⁾ L'Italia liberata da'Goti, canto XIV. Является вопросъ, вѣрнѣ ли самъ Триссино въ возможность такихъ явленій, или смотрѣлъ какъ на элементъ свободной романтической поэзіи. Тоже сомнѣніе вызываетъ его Луканъ (пѣснь VI), когда Дессалийская колдунья заклинаетъ тропь, какъ этого требуетъ Sextus Pompejus.

Колдовство на Стьверъ и его вліяніе въ Италиі. Со времени извѣстной буллы Иннокентія VIII (1484)¹⁾, какъ извѣстно, чародѣйство и его преслѣдованіе принимаютъ возмутительный, систематическій характеръ. Кстати, надо здѣсь замѣтить, что при ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ предметомъ приходится отказаться отъ мысли о какомъ либо первоначальномъ источникѣ въ прошломъ, вліяніи языческихъ вѣрованій и т. п. Кто хочетъ убѣдиться въ томъ, что фантазія нищенствующихъ монаховъ была единственнымъ источникомъ суевѣрій, пусть прослѣдитъ такъ называемый Вальдензейскій процессъ въ Арассѣ въ 1459 году. Только послѣ столѣтняго упражненія вся эта отвратительная система стала народнымъ достояніемъ²⁾.

Такъ какъ главными распространителями преслѣдованій были нѣмецкіе доминиканцы, то понятно, что этотъ бичъ посѣтилъ главнымъ образомъ Германію и, какъ это тотчасъ бросается въ глаза, ближайшія къ Германіи итальянскія земли. Въ самомъ дѣлѣ, предписанія и буллы самихъ папъ³⁾ относятся главнымъ образомъ къ Ломбардіи, какъ доминиканской провинціи, къ округамъ Бресціи, Бергамо и къ Кремонѣ. Далѣе изъ знаменитаго теоретическаго и практическаго наставленія Шпренгера, *Maleus Maleficarum*, узнаемъ, что въ Комо въ первый же годъ вслѣдъ за появленіемъ буллы сожгли сорокъ одну колдунью; множество итальянокъ бѣжали въ область эрцгерцога Сигизмунда, гдѣ надѣялись еще найти безопасность. Наконецъ, колдовство засѣло, повидимому, крѣпко въ нѣкоторыхъ несчастныхъ долинахъ Альпъ, въ особенности Валь—Камонико⁴⁾, такъ что отсюда его уже невозможно было искоренить; системѣ преслѣдованій удалось, повидимому, надолго воспламенить населеніе, сколько нибудь склонное къ суевѣрію. Нѣмецкое (въ главныхъ чертахъ) чародѣйство и представляетъ тотъ оттѣнокъ, который проявляется въ новел-

1) *Septimo decretal. Lib. V, Tit. XII.* Начинается такъ: *summis desidrantibus affectibus* и т. д.

2) Значеніе этой буллы см. Пасторъ, III, 256. Онъ отрицаетъ, что І. положилъ ея начало процессамъ вѣдьмъ.

3) Александръ VI, Льва X, Адриана VI.

4) Вошло въ поговорку, какъ родина колдуній, напр. *Orlandino*, *Cap. I.* Срв. прилож. CVIII.

лахъ и разсказахъ, родившихся въ Миланѣ, въ Болонѣ и т. д. ¹⁾ Если оно не получило широкаго распространенія въ Италіи, то это потому, что въ народѣ уже пользовались большою популярностью стреги, которыхъ ремесло покоилось на самобытныхъ началахъ. Итальянская колдунья смотритъ на свое занятіе, какъ на полезное ремесло, и для этого ей нужны средства и умъ. Здѣсь нѣтъ и рѣчи объ истерическихъ грезахъ сѣверныхъ колдуній, ихъ далекихъ путешествіяхъ, инкубѣ и суккубѣ. Стрега заботится о томъ, чтобы сдѣлать пріятное людямъ; если они и говорятъ, что она можетъ принимать различные образы, переноситься на большія пространства и т. п., то она соглашается съ этимъ настолько, насколько это можетъ возвысить уваженіе къ ней; но въ то же время для нея опасно, если кто боится ее и считаетъ злой или мстительной, въ особенности же, если ее винятъ въ околдованіи дѣтей, животныхъ и полевыхъ плодовъ; въ этихъ случаяхъ инквизиторы и мѣстные власти легко могутъ возвести ее на костеръ и приобрести этимъ особую популярность.

Заклинанія публичныхъ женщинъ. Какъ сказано выше, дѣятельность стреги заключается главнымъ образомъ во всемъ, что касается любовныхъ дѣлъ; она помогаетъ вызвать любовь или ненависть, довести до конца какую-нибудь интригу, вытравить плодъ, а иногда и отнять жизнь у невѣрнаго или невѣрной, при помощи волшебныхъ средствъ и ядовитыхъ снадобій ²⁾ своего собственнаго приготовленія. Но, разумѣется, не всякій рискуетъ довѣриться этимъ женщинамъ, а потому возникаетъ извѣстнаго рода диллетантизмъ, при чемъ заимствуется у нихъ кое-что и заинте-

¹⁾ Напр. Bandello III Nov. 29. 52. Prato, Arch. Stor. III стр. 409.— Bursellis Ann. Bonon ap. Murat. XXIII, Col. 897 рассказываетъ уже въ 1468 г. объ осужденіи пріора за сводничество съ злыми духами; cives Bononienses coire faciebat cum daemonibus in specie puellagum. Онъ приносилъ демонамъ настоящія жертвы.— Паралель къ этому Procop. Hist. aegapa. с. 12., гдѣ Демонъ посѣщаетъ такой притонъ и выбрасываетъ другихъ посѣтителей на улицу. Также Galateo подтверждаетъ вѣру въ колдовство: Volare per longinquas regiones, choreas per paludes dicere et daemonibus congregi, ingredi et egredi per clausa ostia et focamina.

²⁾ Отвратительная кухня колдуній см. Макаронейду, Phant. XVI, XXI.

ресованное лицо дѣйствуетъ затѣмъ на свой рискъ и страхъ. Такъ, напримѣръ, римскія куртизанки прибѣгаютъ къ различнымъ волшебствамъ на манеръ гораціевой Канидіи, чтобы усилить свое обаяніе. Аретино ¹⁾ кое-что знаетъ объ этомъ и сообщаетъ нѣкоторые факты. Такъ, онъ перечисляетъ разныя отвратительныя мази, хранящіяся у нихъ въ шкапахъ; въ эти снадобья и средства входятъ волосы, черепа, ребра, зубы и глаза мертвыхъ, человѣческая кожа, дѣтскій пупокъ, подошвы отъ башмаковъ и куски одежды, добытой изъ гробовъ; онѣ достаютъ даже трупное мясо съ кладбищъ и незамѣтно даютъ ее съѣсть своему любовнику (и еще худшее). Онѣ варятъ волосы и обрѣзки ногтей своихъ любовниковъ въ маслѣ, которое достаютъ въ церкви изъ вѣчныхъ лампадокъ. Наиболѣе невиннымъ изъ этихъ заклинаній, можетъ считаться то, что онѣ лѣпятъ сердце изъ горячей золы и прокалываютъ его съ извѣстнымъ припѣвомъ:

Prima che'l fuoco spenghi
Fa ch'a mia porta venghi;
Ta ti punga il mio amore
Quale io fo questo cuore.

Далѣе слѣдуютъ волшебные заговоры при лунномъ свѣтѣ, рисунки и чертежи на землѣ и, наконецъ, фигуры изъ воска и мѣди; послѣднія безъ сомнѣнія изображаютъ любимыхъ людей и съ ними поступаютъ такъ или иначе, смотря по обстоятельствамъ ²⁾).

¹⁾ Ragionamento del Zoppino. По его мнѣнію колдуньи черпали свои знанія у нѣкоторыхъ еврейскихъ женщинъ владѣвшихъ malie. Также Delicado, Losanna I, 61: Elles vont par les rues raccomoder les pucelages des franceis. Заслуживаетъ вниманія также слѣдующее мѣсто: Bembo въ биографіи Guidobaldo говорить: Guid. constat sive corporis et naturae vitio, seu quod vulgo creditum est, artibus magicis ab Octaviano patruo (объ этомъ Octavio Ubaldini большомъ любителѣ астрологіи, повидимому, изображенномъ у Melozzo.— Gchmarsow 87, cpl. Luzie Remer 1893 passim propter regni cupiditatem impeditum quarum omnino ille artium expeditissimus habebatur nulla cum femina coire unquam in tota vita potuisse, neque unquam fuisse ad rem auxoriam idoneum.

²⁾ Слова написанныя на ножахъ побуждаютъ вернуться къ любовницѣ, Delicado, Losanna II, 175. Нѣкоторые, получая хорошую плату, при каждомъ гаданьи совѣтовали прибѣгавшимъ къ ихъ содѣйствію женщинамъ молчать и терпѣть. Срв. прекрасный разсказъ Valeriano da Soncino 1490. Giorn. lig.

Всѣ такъ привыкли къ этимъ вещамъ, что женщина не молодая, или безъ особой красоты, нравившаяся мужчинамъ, тотчасъ вызывала подозрѣніе въ колдовствѣ. Такъ мать Санги, секретаря Климента VII отравила любимую имъ женщину, вслѣдствіе такихъ подозрѣній; по несчастной случайности, при этомъ погибъ также ея сынъ, а съ нимъ и нѣсколько друзей, такъ какъ всѣ они отвѣдали приготовленный матерью отравленный салатъ.

Популярная магія. Но за колдуней слѣдуетъ ея конкурентъ, болѣе ея знакомый съ важнѣйшими задачами и приемами колдовства; это такъ называемый заклинатель *incantatore*. Въ большинствѣ случаевъ, онъ столько же и даже еще больше астрологъ, чѣмъ колдунъ; часто также онъ выдаетъ себя за астролога, для того чтобы избѣжать преслѣдованій, тѣмъ болѣе, что ни одинъ кудесникъ не могъ обойтись безъ нѣкоторой помощи астрологіи для достиженія благоприятныхъ результатовъ (см. въ гл. IV) ¹⁾. Но такъ какъ многіе духи пользовались репутацией добрыхъ ²⁾ или безразличныхъ, то заклинатель также могъ пользоваться иногда сносной репутацией, и папа Сикстъ IV еще въ 1474 году вынужденъ былъ выступить съ энергическимъ бреве ³⁾ противъ нѣкоторыхъ болонскихъ кармелитовъ, утверждавшихъ съ церковной кафедры, что нѣтъ ничего дурного въ обращеніи къ нѣкоторымъ духамъ. Повидимому, очень многіе не сомнѣвались въ самой возможности такого рода помощи; косвенное доказательство этого мы видимъ въ томъ, что многіе благочестивѣйшіе люди вѣрили въ являвшееся имъ видѣніе и просили объ этомъ въ молитвахъ. Савонаролла говоритъ о такихъ вещахъ съ энтузіазмомъ, флорентійскіе платоники вѣрятъ въ мистическое общеніе съ Богомъ, Гвиччардини нерѣдко жестоко нападавшій на астрологовъ, говоритъ по собственному опыту о духахъ, бесѣдующихъ съ людьми ⁴⁾, а Марцеллъ Палингеній (т. I, ч. 3, гл. X) очень

1) Заслуживаютъ вниманія сообщенія о двухъ кудесникахъ сицилианцѣ и евреѣ,—Landi, Commentario fol. 36, 37 (м. пр. волшебное зеркало, мертвая говорящая голова, задерживаніе полета птицъ).

2) Далѣе это утверждается еще выразительнѣе. Cogn. Agrippa, de ocula philosophia, cap. 39.

3) Septimo, Decretal. l. c.

4) Ricordi CXXI.

ясно даетъ понять, что находится въ сношеніи съ блаженными духами ¹⁾. Онъ же убѣжденъ также въ существованіи цѣлой іерархіи злыхъ демоновъ, которые обитаютъ въ надзвѣздныхъ сферахъ и слѣдятъ за явленіями природы и человѣческой жизнью ²⁾; онъ говоритъ также о своемъ личномъ знакомствѣ съ ними, и мы приводимъ здѣсь эту его исповѣдь ³⁾, какъ одинъ изъ примѣровъ тогдашней вѣры въ духовъ, такъ какъ въ задачи этой книги не входитъ систематическое изложеніе этихъ вѣрованій.

Демоны по дорогѣ въ Римъ. Палингеній возвращался ночью въ Римъ, послѣ того, какъ посѣтилъ благочестиваго отшельника на горѣ Соракте въ монастырѣ св. Сильвестра и бесѣдовалъ съ нимъ о ничтожествѣ всего земного и въ человѣческой жизни. На пути въ городъ, онъ увидѣлъ при полномъ лунномъ свѣтѣ трехъ человѣкъ; они подошли къ нему и одинъ изъ нихъ спросилъ, откуда онъ идетъ? Палингеній отвѣтилъ, что былъ у мудреца, живущаго на той горѣ.— „О безумецъ—возразилъ тотъ, какъ можешь ты думать, что кто-нибудь изъ живущихъ на землѣ въ правѣ считается мудрымъ? Только высшія существа, „Divi“ обладаютъ мудростью; къ такимъ и мы принадлежимъ, хотя и приняли человѣческій образъ, меня зовутъ Сарациль, а эти двое Сатіэль и Іана; наше царство въ лунной сферѣ, гдѣ живетъ вообще много среднихъ существъ, управляющихъ землей и моремъ. Тогда Палингеній, не безъ трепета въ душѣ, спросилъ, что они намѣревались дѣлать въ Римѣ? Духъ отвѣтилъ:— „Одинъ изъ нашихъ товарищей Аммонъ находится въ рабствѣ у юноши изъ Нарни, изъ свиты кардинала Арсини, юноши, покорившаго его при помощи магическихъ заклинаній; замѣтьте себѣ: свидѣтельство вашего безсмертія въ томъ и заключается, что вы можете иногда подчинять насъ своей волей; я самъ однажды долженъ былъ служить нѣкоему нѣмцу, заключившему меня въ сосудъ, пока меня не освободилъ одинъ монахъ. Такъ вотъ такую же услугу мы хотимъ теперь оказать нашему товарищу въ

¹⁾ Zodiacus vitae XII, 363—539.

²⁾ Ibid. IX, 291 и т. д.

³⁾ Ibid. X, 770.

Римъ и кстати захватить въ адъ этою ночью пару знатныхъ людей“.—Въ то время, какъ демонъ произносилъ эти слова, поднялся легкій вѣтерокъ и Сатіэль сказалъ:

„Вотъ, слышите, нашъ посолъ уже возвращается изъ Рима; этотъ вѣтеръ говоритъ о его приближеніи“. Въ самомъ дѣлѣ, къ нимъ присоединился товарищъ, котораго они радостно привѣтствовали и спрашивали о Римѣ. Его рѣчь носила антипапскій характеръ. Климентъ VII, говорилъ онъ, снова вступилъ въ союзъ съ испанцами и надѣется искоренить лютеранское ученіе не убѣжденіемъ и доказательствами, но при помощи испанскаго оружія; такимъ образомъ предвидѣлась пожива для демоновъ, такъ какъ предстояло сильное кровопролитіе, и безчисленныя души, конечно попадутъ въ адъ. Послѣ этихъ рѣчей, рисующихъ безнравственность Рима и его полное паденіе¹⁾, демоны исчезли, предоставивъ поэту грустно продолжать свой путь²⁾.

Вѣтра въ заклинаніе. Кто хочетъ составить себѣ понятіе объ этихъ явленіяхъ, во всей ихъ совокупности, тому мы рекомендуемъ весьма распространенное сочиненіе Агриппы Нетесгеймскаго „о тайной философіи“. Повидимому, онъ первоначально писалъ эту книгу, прежде чѣмъ посѣтилъ Италію³⁾, но въ своемъ посвященіи Тритемію, онъ между прочимъ упоминаетъ также важныя итальянскія источники, хотя бы и съ цѣлью опорочить ихъ, подобно прочимъ. При ознакомленіи съ такими двусмысленными личностями, какъ Агриппа, на примѣръ, мошенниками и глупцами, какими были большинство изъ нихъ, насъ мало интересуетъ система, которой они прикрывались, вмѣстѣ съ ихъ

¹⁾ Нѣкоторыя мѣста, касающіяся Рима, сопоставлены d'Ancono, Origini II, 56 съ *Representazione di Biagio contadino*.

²⁾ Мифическій первообразъ волшебства, у поэтовъ того времени, какъ извѣстно Malagigi. По поводу этого образа Pulci (*Morgante, Canto XXIV, str. 106*) пускается въ теоретическое разсужденіе о предѣлахъ вліянія демоновъ и заклинаній. Трудно сказать однако, насколько онъ серьезенъ. Срв. *Canto XXI*. Далѣе ср. прилож. СІХ.

³⁾ Polydorus Virgilius былъ итальянецъ по рожденію, но его сочиненіе *de prodigiis* характерно въ сущности для суевѣрія Англій, гдѣ онъ прожилъ жизнь. Между прочимъ, говоря о духахъ, дѣлаетъ курьезную ссылку на опустошеніе Рима въ 1527 г.

формулами, куреніями, мазями, мертвыми костями¹⁾ и т. п., но эта система полна прежде всего ссылками на суевѣрія древнихъ, и далѣе вмѣшательство этой системы въ жизнь и страстныя побужденія итальянцевъ иногда очень значительны и богаты послѣдствіями. Можно было думать, что только наиболѣе испорченные изъ стоявшихъ на высотѣ прибѣгали къ помощи суевѣрій; но въ дѣйствительности, благодаря страстямъ и честолюбивымъ стремленіямъ, даже болѣе сильные и творческіе умы всѣхъ сословій, прибѣгали къ помощи маговъ; наконецъ, уже одно сознаніе, что возможно такое явленіе, лишало многихъ твердой увѣренности въ торжество справедливости и нравственного порядка вещей. При помощи денегъ и нѣкотораго риска, казалось, можно было безнаказанно нарушать законы нравственности и разума, минуя такимъ образомъ препятствія, отдѣляющія чело-вѣка отъ дозволенныхъ и недозволенныхъ цѣлей.

Тѣлесмы въ Неаполѣ, Миланѣ и Флоренціи. Присмотримся прежде всего къ древнѣйшей, повидимому, умирающей отрасли магіи. Не одинъ городъ въ Италіи сохранилъ изъ глубины темныхъ среднихъ вѣковъ и даже изъ древности воспоминаніе о связи своихъ судебъ съ тѣми или другими постройками, статуями и т. п. Древніе разсказывали о жрецахъ или тѣлесмахъ, присутствовавшихъ при торжественномъ основаніи городовъ; эти жрецы зарывали въ землю извѣстные предметы (Тѣлесма) и этимъ волшебнымъ путемъ обезпечивали городу его будущее благосостояніе; такое же значеніе приписывалось нѣкоторымъ освященнымъ памятникамъ. Ни одно изъ устныхъ преданій не сохранило такой силы и популярности, какъ это; но естественнымъ путемъ въ теченіе вѣковъ жреца замѣнилъ магъ и чародѣй, такъ какъ религіозное значеніе этого акта въ древности перестало быть понятнымъ. Въ неаполитанскихъ *Виргилиевыхъ чудесахъ*²⁾ еще совершенно ясно живетъ древнее вос-

1) Но смерть рѣдко служитъ прямою цѣлью и почти никогда не служитъ средствомъ. Такого рода чудовище, какъ Gilles de Retz (1440), привешій въ жертву демонамъ сто чело-вѣкъ дѣтей, не имѣетъ почти даже аналогичнаго примѣра въ Италіи.

2) Срв. важное сочиненіе Roth: „Ueber den Zauberer Virgilius“—*Germania IV* и соч. Comparetti (нѣм. Dutschke): „Vergil im Mittelalter“.—Появленіе *Виргилія* на мѣстѣ древнихъ тѣлестовъ скорѣе всего объясняется тѣмъ, что частыя посѣщенія его могилы возбуждали народную фантазію.

помянутое о телесмѣ, и только названіе съ теченіемъ времени вытѣснилось виргиліевымъ именемъ. Такъ, заключеніе таинственнаго изображенія города въ сосудѣ есть не что иное, какъ настоящій древній телесмѣ, и Виргилій, какъ основатель неаполитанскихъ стѣнъ, представляетъ собой не что иное, какъ воплощеніе жреца, присутствовавшего нѣкогда со своими заклинаніями при закладкѣ этихъ стѣнъ. Народная фантазія, продолжая работать въ этомъ направленіи, приписала Виргилію также желѣзнаго коня, головы на нолинскихъ воротахъ, мѣдныхъ музъ надъ другими воротами, наконецъ, гротъ въ Пазилипо и т. д. — все предметы магически вліяющіе на судьбу, причемъ предметы, зарытые въ землѣ, отвращаютъ извѣстное явленіе, напримѣръ, зарытая крыса защищаетъ отъ крысъ, а упомянутые выше предметы, опредѣляютъ важнѣйшія судьбы Неаполя вообще. II-средневѣковый Римъ имѣлъ свои темныя воспоминанія въ этомъ родѣ. Въ Миланѣ въ церкви св. Амброжіо находился мраморный античный Геркулесъ; по общему мнѣнію, пока онъ будетъ стоять на этомъ мѣстѣ, цѣлость государства обезпечена — вѣроятно, разумѣлась власть нѣмецкихъ государей, такъ какъ они вѣнчались въ этой церкви¹⁾. Флорентійцы были убѣждены²⁾, что храмъ Марса (позднѣе обращенный въ баптистерію) будетъ стоять на мѣстѣ до скончанія міра, на основаніи астрологическихъ пророчествъ во время его возведенія при Августѣ; мраморную конную статую Марса удалили, когда стали христіанами, но такъ какъ ея разрушеніе, также по звѣзднымъ гаданіямъ, должно было повлечь за собою огромное бѣдствіе для всего города, то ее помѣстили въ башнѣ на берегу Арно. Когда Тотила разрушилъ Флоренцію, статуя упала въ воду, но ее снова извлекли, когда Карлъ Великій возстановилъ городъ; ее утвердили на пьедесталѣ при входѣ на Понте Веккіо³⁾; на

¹⁾ Uberti: Dittamondo, L. III, cap. 4.

²⁾ Дальнѣйшее см. Gio. Villani I, 42. 60. II 1, III 1, V 38, IX 1. Онъ самъ не вѣритъ въ такого рода безбожныя явленія Ср. Dante, Inferno, XIII, 146.

³⁾ Объ упоминаемыхъ здѣсь флорентійскихъ легендахъ см. Davidsohn, Geschichte von Florenz I, Anhang S. 122 и Villari, I primi due secoli I, 63. (Z).

этомъ мѣстѣ былъ умерщвленъ Бундельмонте въ 1215 году, и такимъ образомъ съ этимъ идоломъ связывалось возбужденіе продолжительной партійной борьбы между гвельфами и гибеллинами. Эта статуя окончательно исчезла во время наводненія въ 1333 году¹⁾.

Но тотъ же тѣлесмъ встрѣчается въ другихъ мѣстахъ. Вышеупомянутый Гвидо Бонати при возведеніи городскихъ стѣнъ въ Форли не довольствовался символическимъ примиреніемъ обѣихъ партій (см. в.) при помощи астрологіи и магическихъ средствъ; онъ велѣлъ соорудить мѣдную или каменную конную статую и зарылъ ее въ землю²⁾, надѣясь такимъ образомъ гарантировать Форли отъ разрушенія, а также отъ опустошенія и взятія врагами. Когда кардиналъ Альберноцъ (т. I, ч. I, глв. X), почти шесть десятилѣтій спустя, правилъ Романьей, эта статуя была случайно найдена въ землѣ, и ее показывали народу, — вѣроятно, по приказанію кардинала, чтобы граждане могли убѣдиться, какими средствами жестокой Монтефельтро дѣйствовалъ противъ римской церкви. Но спустя еще полстолѣтія (1410), когда не удалось непріятельское нападеніе на Форли, снова стали указывать на силу этого изображенія, которое, быть можетъ, было спасено и снова зарыто въ землю. Повидимому, въ послѣдній разъ суждено было гражданамъ этому радоваться, такъ какъ уже въ слѣдующемъ году городъ былъ, однако, взятъ.

Магія при закладкѣ зданій. Въ теченіе всего XV вѣка, закладка зданій сопровождается не только астрологическими предсказаніями, какъ мы видѣли выше, но и магическими заклинаніями. Такъ, на примѣръ, всѣ обратили вниманіе на то, что папа Павелъ II зарылъ много золотыхъ и серебряныхъ медалей при закладкѣ своихъ построекъ³⁾, и Платина

¹⁾ Такъ говоритъ Baluz. Miscell. IX, 119 (Fragment): жители Перуджин спорили въ старое время съ равенцами и militem marmoreum qui juxta Ravennam se continue volebat ad solem usurpaverunt et ad eorum civitatem virtuosissime transtulerunt.

²⁾ Мѣстное вѣрованіе содержится въ Annal. Foroliviens: — Murat XXII, Col. 207, 238; подробнѣе все это находится у Fil. Villani, Vite, стр. 43.

³⁾ Platina, Vitae pontiff. стр. 320: veteres potius hac in re quam Petrum, Anacletum et Linum imitatus. Можетъ быть, какъ замѣчаетъ Z., это зарытіе у несуетвернаго папы скорѣе было въ связи съ его страстью къ монетамъ.

не безъ основанія видѣль въ этомъ языческой тѣлесмъ. Конечно, Павелъ при этомъ также мало зналъ, какъ и его біографъ, о средневѣковомъ религіозномъ значеніи такого рода жертвоприношеній ¹⁾. Это официальное содѣйствіе магіи, если оно и не было иногда вымышено молвой, во всякомъ случаѣ не принимало никогда тѣхъ размѣровъ и того значенія, какъ тайная магія, примѣнявшаяся для достиженія личныхъ цѣлей.

Некромантъ, какъ герой комедіи. Въ одной изъ комедій Аріоста, въ которой некромантъ является дѣйствующимъ лицомъ ²⁾, собрано много чертъ, характеризующихъ значеніе и популярное распространеніе магіи въ повседневной жизни. Герой комедіи—одинъ изъ испанскихъ изгнанниковъ-евреевъ, хотя онъ выдаетъ себя также за грека, египтянина, африканца и безпрестанно мѣняетъ имя и внѣшность. Этотъ некромантъ утверждаетъ, что своими заклинаніями духовъ онъ можетъ превращать день въ ночь и ночь въ день, двигать горами, становиться невидимымъ, превращать людей въ животныхъ и т. д.; но вся эта болтовня, въ сущности, служитъ для него только прикрытіемъ: настоящая его цѣль заключается въ эксплуатаціи несчастныхъ въ любви и страстяхъ, упрямыхъ родственниковъ и т. п.; его поступки оставляютъ за собою слѣды, подобные слизи улитокъ, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ производятъ опустошеніе и падаютъ убійственнымъ образомъ на головы людей. Ради своихъ цѣлей онъ увѣряетъ, что сундукъ, въ которомъ спрятанъ любовникъ, наполненъ злыми духами, что онъ можетъ заставить мертваго заговорить и т. п. Надо, однако, замѣтить, что поэты и новеллисты имѣли полную возможность изображать этихъ господъ въ смѣшномъ видѣ и рассчитывать при этомъ на одобреніе многихъ окружающихъ. Такъ, Банделло не только насмѣхается надъ колдовскими фокусами одного ломбардскаго монаха и обнаруживаетъ его мо-

¹⁾ Какъ это можно предполагать напр. у Sugerius, de consecratione ecclesiae (Duchesne, scriptores IV, стр. 355) и Chron. Petershusanum I, 13 и 16.

²⁾ Срв. также Calandra Бибиены.—Примѣръ того, что вѣкій голландецъ официально именуется некромантомъ только впервые въ 1627 г., Bertolotti, Artisti belg. ed. ol. 370.

шенническія продѣлки ¹⁾, но изображаетъ также, негодуя, все зло, вытекающее для людей изъ этихъ вѣрованій ²⁾.— „Кто имѣетъ глупость вѣрить въ такія чудеса,—говоритъ онъ и надѣется, при помощи Соломонова Ключа и разныхъ другихъ волшебныхъ книгъ, находить сокровища, зарытыя въ глубинѣ земли, кто—покорять женщинъ и удовлетворять своимъ страстямъ, узнавать тайны государей, переноситься въ одно мгновеніе изъ Милана въ Римъ и т. п. И чѣмъ чаще люди обманываются, тѣмъ они становятся упрямѣе... Помните ли вы, синьоръ Карло, какъ одинъ изъ нашихъ друзей, чтобы пріобрѣсти благосклонность своей возлюбленной, увѣшалъ комнату черепами и костями мертвыхъ и превратилъ ее въ кладбище“.

Съ тою же цѣлью люди прибѣгали къ самымъ отвратительнымъ манипуляціямъ: такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ предписывалось вырвать у трупа три зуба, сорвать ноготь и т. п.; иногда несчастный умираетъ отъ страха, прежде чѣмъ доведетъ до конца предпріятіе, внушенное ему заклинателемъ.

Бенвенуто Челлини. Хотя Бенвенуто Челлини не умеръ во время одного изъ такихъ заклинаній въ колизеумѣ (1532) въ Римѣ ³⁾, но онъ и его спутники пережили сильное потрясеніе; сицилійскій священникъ, повидимому, угадывавшій въ немъ полезнаго сотрудника въ будущемъ, провожая его въ обратный путь, говорилъ, что еще ни разу въ жизни не встрѣчалъ такого смѣлаго человѣка. Пусть каждый судитъ по своему объ этомъ происшествіи, рассказанномъ Челлини, но, разумѣется, главнѣйшее вліяніе имѣли при этомъ наркотическія куренія и заранѣе настроенное воображеніе; въ такихъ случаяхъ человѣкъ видитъ все, что хочетъ. Можно думать, однако, что послѣднее не играло роли въ приклю-

¹⁾ Bandello III, Nov. 52. — Весьма энергично выступаетъ Filelfo противъ некромантовъ. (Epist. Venet. 1502). Въ общемъ онъ свободенъ отъ суевѣрій (Sat. IV), но вѣрить въ mali effectus кометы (Epistolae).

²⁾ Bandello III, Nov. 29. Заклинатель требуетъ сильной клятвы въ томъ, что секретъ не будетъ выданъ; въ настоящемъ случаѣ клятвы произносится въ церкви св. Петронія въ Болоньѣ, въ то время, какъ въ ней нѣтъ постороннихъ. Большой запасъ суевѣрій находится въ Masaroneid'axъ Phant. XXIII.

³⁾ Benv. Cellini I, гл. 64.

ченіи Челлини, такъ какъ его участіе въ опасномъ предпріятіи обусловливалось не какою-нибудь цѣлью, а только любопытствомъ. Правда, Челлини вспоминаетъ прекрасную Анжелику, но колдунъ говоритъ ему потомъ, что любовь со всѣми ея прелестями—пустяки, въ сравненіи съ находеніемъ зарытыхъ сокровищъ. Впрочемъ, не надо забывать, что здѣсь должно было играть роль тщеславіе и что пріятно было сказать: „духи сдержали свое слово, и ровно мѣсяцъ спустя, Анжелика стала моею, какъ это было обѣщано мнѣ ими“. Но если Челлини и запутался самъ во всей этой исторіи, то, все-таки, этотъ рассказъ его сохраняетъ значеніе, какъ прекрасный примѣръ тогдашнихъ воззрѣній.

Въ общемъ итальянскіе художники того времени—и даже самые странные и капризные изъ нихъ—не легко поддавались магіи и волшебнымъ вѣрованіямъ. Если кому нибудь изъ нихъ и случалось во время анатомическихъ занятій выкроить себѣ куртку изъ кожи умершаго, то исповѣднику не трудно было его убѣдить положить предметъ обратно въ могилу ¹⁾. Вообще анатомическое изученіе и работа надъ трупами не могли не убить вѣру въ магическое вліяніе отдѣльныхъ частей тѣла, а постоянное наблюденіе формъ и художественное стремленіе при этомъ должны были вызвать совсѣмъ другого рода волшебное представленіе.

Періодъ упадка магіи. Несмотря на приводимые примѣры, въ общемъ колдовство падаетъ уже въ началѣ XVI вѣка, въ то время, какъ внѣ Италіи оно только начинаетъ расцвѣтать, и итальянскіе маги и астрологи начинаютъ предпринимать свои путешествія по Европѣ, повидимому, лишь въ то время, когда въ своемъ отечествѣ имъ перестаютъ вѣрить. Но еще въ XIV вѣкѣ приходилось ставить сторожей у озера близъ горы Пилата, для того, чтобы помѣшать кудесникамъ освящать свои книги въ этомъ озерѣ. Фаціодельи Уберти, путешествуя по Анконѣ, посѣтилъ также Скаріотто, предполагаемое мѣсто рожденія Іуды, и при этомъ замѣ-

¹⁾ Vasari VIII, 143. Vita di Andrea da Fiesole. Это былъ Silvio Cosini, питавшій вообще склонность къ „заклинаніямъ и подобнымъ глупостямъ“.—Битву духовъ, battaglia con diavoli рассказываетъ Giovanni Santi, срв. Schmarsow. Ztschr. f. C. u. Lit. d. Ren. II, 177.

часть: „Не могу обойти молчаніемъ гору Пилата съ его озеромъ, гдѣ лѣтомъ постоянно ставятъ сторожей, такъ какъ люди, занимающіеся магіею, приходятъ сюда освящать свои книги, при чемъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, на озерѣ подымается буря“.

Какъ сказано выше, освященіе книгъ представляетъ собой церемонію, отличную отъ такъ называемыхъ заклинаній ¹⁾. Въ XV вѣкѣ встрѣчаются и такія явленія, какъ, напримѣръ, предложеніе кудесниковъ вызвать ливень, для того, чтобы разсѣять войско, осаждающее городъ; но уже тогда вождь осажденных—Николо Вителли въ Читта де Кастелло—былъ настолько разуменъ, что прогналъ этихъ фокусниковъ, какъ безбожныхъ людей ²⁾. Въ XVI вѣкѣ такого рода вещи въ официальной жизни уже не повторяются, хотя въ частной жизни вѣра въ заклинаніе еще сохраняетъ силу во многихъ случаяхъ. Къ этому времени относится также личность классическаго представителя нѣмецкаго колдовства, а именно доктора Иоганна Фауста, тогда какъ такого же рода итальянскій образъ въ лицѣ Гвидо Бонатти относится къ XIII вѣку.

И здѣсь также необходимо замѣтить, что ослабленіе вѣры въ заклинанія и чернокнижіе вовсе не означаетъ усиленія вѣры въ болѣе высокій нравственный порядокъ, управляющій человѣческою жизнью; скорѣе въ этомъ случаѣ остается только извѣстнаго рода тупой фатализмъ, подобно тому, какъ съ исчезновеніемъ звѣздныхъ вѣрованій.

Физиономика. Судьба предсказателей. Мы не станемъ касаться здѣсь нѣкоторыхъ второстепенныхъ суевѣрій, какъ пиромантія, хиромантія ³⁾ и другихъ, приобретающихъ нѣкоторое значеніе съ паденіемъ магіи и астрологии; въ это время подымается также и физиономика, но еще долгое время она не имѣетъ того интереса, какой обыкновенно связывается съ этимъ названіемъ. Причина этому та, что она появляется въ то время не какъ сестра и товарищъ образовательныхъ

¹⁾ Срв. прил. СХ.

²⁾ De obsidione Tiphernatium 1474. (Rerum ital. script. ex florent. codicibus. Tom. IX.

³⁾ Это распространенное между солдатами суевѣріе осмѣиваетъ Limerno Pitosso въ Orlandino, cap. V, str. 60.—Z. указываетъ на суевѣрное исканіе силъ скрытыхъ въ камняхъ.

искусствъ и практической психологии, а по преимуществу, какъ новый родъ фаталистическаго заблужденія, какъ явная соперница астрологическихъ ученій, какою она уже была у арабовъ. Извѣстныя линіи на лбу приводились въ связь съ планетами и должны были служить предсказаніемъ того, что человѣка ожидаетъ. Бартоломео Кокле, составитель учебника фізіономистики, называвшій себя Метопоскопомъ ¹⁾, знаніе котораго, по словамъ Джіовіо, стояло на ряду съ другими серіозными свободными искусствами, не довольствовался пророчествами умнѣйшихъ людей, ежедневно прибрѣгавшихъ къ его совѣтамъ, но составилъ еще замѣчательный „Списокъ людей, которымъ угрожаетъ въ жизни большая опасность“. — И Джіовіо, несмотря на то, что состарился въ просвѣщенномъ Римѣ,—*in hac luce romana*—находить, что эти предсказанія слишкомъ хорошо оправдывались ²⁾.

Кстати, при этомъ случаѣ, мы узнаемъ также, какъ мстили пророкамъ тѣ, на комъ исполнялись эти и подобнаго рода предсказанія вообще. Джіованни Бентиволіо приказалъ спустить и поднять пять разъ на канатѣ Луку Гауриція съ высокой лѣстницы за то, что тотъ предсказалъ ему—по звѣздамъ, конечно, такъ какъ Гаурицій не былъ знакомъ съ фізіономистикой—потерю власти; но убѣжденный астрологъ перенесъ это наказаніе и прожилъ затѣмъ еще 50 лѣтъ ³⁾; Эрмесъ Бентиволіо подослалъ людей убить Кокле, такъ какъ несчастный метопоскопъ предсказалъ ему, къ тому же противъ своей воли, что онъ умретъ въ битвѣ и какъ изгнанникъ. Говорятъ, убійца сказалъ при этомъ, издѣваясь надъ умирающимъ: „Ты самъ предсказалъ, что я вскорѣ совершу постыдное убійство“.—Подобно этому, печально кончилъ возстановитель хиромантіи Антіоко Тиберто изъ Чезене ⁴⁾, убитый риминійскимъ тираномъ, Пандольфо

1) Barthold. Coelitis chiromantiae et physiognomine anaphrasis, Bologna 1523. Значительнѣе Н. Cardanus въ его *Metoposcorpia, libri 13*.

2) Въ немъ говорить въ этомъ случаѣ страстный собиратель портретовъ.

3) О Гаурикѣ, срв. Ronchini: *Atti e memorie (Napoli) VII*, стр. 77—85. — Gaugicus жилъ 1475—1558; пророчество для Бентиволіо 1506. Срв. новое соч. упомянутое въ экскурсѣ XII—VI. Въ дѣйствительности наказаніе не было такъ сильно, какъ можно думать.

4) Paul Jov. L. s. v. Tibertus.

Малатеста, которому онъ предсказалъ ужаснѣйшее, что тиранъ можетъ себѣ представить, а именно, смерть въ изгнаніи, въ крайней нищетѣ. Тиберто славился, какъ очень умный человѣкъ, основывавшій свои предсказанія не столько на хиромантіи, какъ на проникательности и знаніи людей; даже ученые, не вѣрившіе въ его гаданіе, цѣнили его высокую образованность ¹⁾.

Алхимія. Наконецъ, алхимія, упоминаемая въ древности, лишь въ позднѣйшее время, при Діоклицианѣ, въ эпоху расцвѣта возрожденія играетъ только второстепенную роль ²⁾. И эту болѣзнь Италія перенесла уже въ XIV вѣкѣ, прежде, чѣмъ Петрарка заявилъ, что исканіе искусственнаго золота стало распространеннымъ явленіемъ ³⁾. Въ Италіи съ этихъ поръ становится все рѣже тотъ таинственный изолированный родъ жизни, съ какимъ связаны были занятія алхиміей, и въ то же время итальянскіе и другіе адепты этого ученія начинаютъ усердно эксплуатировать знатныхъ людей на сѣверѣ ⁴⁾. При Львѣ X немногіе еще занимающіеся этимъ ⁵⁾ въ Италіи, окрещиваются какъ чудаки особою кличкой, *engenia curiosa*, и Авреліо Авгурелли, посвятившій свое руководство къ приготовленію золота, въ стихахъ, самому папѣ, презиравшему золото, получилъ, говорятъ, въ благодарность великолѣпный, но пустой кошелекъ. Мистическое ученіе, стремившееся, кромѣ золота, найти еще философскій камень, представляетъ уже позднѣйшее явленіе, какъ результатъ дѣятельности Парацельзія и его теорій.

¹⁾ Необходимыя данныя, касающіяся этихъ ученій и суевѣрій
Corn. Agrippa, de occulta philosophia, Cap. 57.

²⁾ Zibiri, Hist. des sciences mathém. II, стр. 122. Karl Meyer, Суевѣріе. (Basel 1884 г.). Нѣкот. данныя у Z. II, стр. 334, прим. 3.

³⁾ *Novi nihil parro, mos est publicus* (Remed. utriusque fortunaе, стр. 93). — одна изъ очень живо и ab irato написанныхъ частей этой книги.

⁴⁾ Главн. образомъ см. Thritem. Ann. Hirsaug. II, стр. 286.

⁵⁾ *Neque enim desunt* — говор. Paul. Jov. Elog., lit. стр. 150. s. v. Pompon. Saucicus. Срв. тамъ-же 130. s. v. Aurel. Augurellus. — Masaroneide, Phant. XII.

Глава V

Упадокъ религіи вообще

Упадокъ религіи вообще. Какъ съ этимъ суевѣріемъ, такъ и съ мышленіемъ древнихъ, находится въ тѣсной связи вообще колебаніе вѣры въ безсмертіе. Но это послѣднее явленіе находится также въ болѣе еще тѣсной связи съ новымъ умственнымъ и духовнымъ движеніемъ въ его общемъ и цѣломъ.

Прежде всего источникомъ всякихъ сомнѣній въ безсмертіи души была въ значительной мѣрѣ потребность ничѣмъ не быть обязаннымъ презираемой церкви, въ собственномъ ей тогда видѣ. Мы уже видѣли, что церковь называла мыслившихъ подобнымъ образомъ людей эпикурейцами. Иногда, тотъ или другой, умирая, въ послѣднюю минуту снова прибѣгалъ къ напутствію церкви, но множество людей въ теченіе всей жизни, и въ особенности въ самую дѣятельную ея пору, отвращались отъ нея. Такое отношеніе къ церкви, безъ сомнѣнія, сопровождалось и невѣріемъ вообще, какъ это легко предположить, и подтверждается историческимъ путемъ. Это тѣ люди, о которыхъ Аріостъ говоритъ, что они не вѣрятъ ни во что выше своей крыши¹⁾. Въ Италіи, въ особенности во Флоренціи, впервые можно было жить въ качествѣ завѣдомо невѣрующаго ни во что, не высказывая лишь прямой вражды къ церковной іерархіи²⁾. Такъ, напримѣръ, исповѣдникъ, при-

1) Ariosto, Sonetto 34... non creder sopra il tetto. Поэтъ мститъ этими словами нѣкоему чиновнику Alfonso Trotto, рѣшившему одно имущественное дѣло не въ его пользу.

2) И здѣсь надо указать на Gemisthos Plethon, отношенія котораго къ христіанству имѣло сильное вліяніе на итальянцевъ и въ особенности флорентійцевъ.

готовляя къ смерти политическаго преступника, между прочимъ спрашиваетъ его прежде всего, принадлежитъ ли онъ къ вѣрующимъ, „такъ какъ молва говоритъ, что онъ не признаетъ религіи“¹⁾.

Исповѣдь Босколи. Несчастный, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, тотъ самый Пьерпаоле Босколи (т. I, ч. I, гл. VI), принимавшій участіе въ 1513 году въ низверженіи только что возстановленнаго дома Медичи, можетъ служить на этотъ разъ выразительнымъ примѣромъ двусмысленнаго положенія вещей—и смѣшанныхъ—религіозныхъ настроеній; по рожденію онъ принадлежитъ къ партіи Савонаролы, но тѣмъ не менѣе мечтаетъ о классическомъ идеалѣ свободы и язычествѣ вообще. Въ тюрьмѣ его партія беретъ за него и приготовляетъ ему блаженный конецъ въ ея духѣ. Благочестивый свидѣтель и лѣтописецъ этого событія, ученый филологъ Лука, принадлежитъ къ семьѣ художниковъ дела Роббіа.—„Ахъ,—молитъ Босколи—прогоните Брута изъ моей головы, тогда вы поможете мнѣ смѣло пойти къ Христу!“—На это Лука говоритъ: „Это не трудно, если вы захотите; вы знаете, что дѣла римлянъ дошли до насъ не въ прямомъ, а въ идеализированномъ видѣ, (con arte accresciute)“. Преступникъ принуждаетъ свой умъ вѣрить и жалуется, что не можетъ вѣрить безъ принужденія; если-бы онъ прожилъ мѣсяцъ съ добрымъ монахомъ, говоритъ онъ, тогда, вѣроятно, онъ проникся бы религіознымъ настроеніемъ.

Далѣе обнаруживается, что даже приверженцы Савонаролы мало знакомы съ библіей; Босколи умѣетъ только произнести Отче Нашъ и Аве Марія и настойчиво проситъ передать друзьямъ его совѣтъ изучить священное писаніе, такъ какъ человекъ уноситъ съ собой только то, что успѣлъ узнать въ жизни. Далѣе, затѣмъ, Лука объясняетъ ему страданія Христа по евангелію Іоанна; страннымъ образомъ несчастный вполне понимаетъ божественность Христа, но не можетъ согласить съ этимъ его чело-вѣчность; ему бы хотѣлось понять это такъ, какъ если-бы Христосъ вышелъ изъ лѣса ему на встрѣчу,—на это другъ

¹⁾ Narazione del caso del Boscoli: Arch. stor. I, стр. 273.—Принятое выраженіе было non aver fede., срв. vasari VII, стр. 122, Vita di Piero di Cosimo.

рекомендуетъ ему смиреніе, говоря, что такія мысли представляютъ сатанинское искушеніе. Нѣсколько позже онъ вспоминаетъ, что въ юности далъ обѣтъ совершить паломничество къ Импрунетѣ; другъ обѣщаетъ сдѣлать это за него.

Между тѣмъ, приходитъ исповѣдникъ,—монахъ изъ монастыря Савонаролы, какъ тотъ хотѣлъ,—разъясняетъ ему прежде всего взгляды Фомы Аквинскаго на убійство тирана, какъ мы это видѣли выше, и увѣщеваетъ его твердо принять смерть.

Босколи отвѣчаетъ: „Не теряйте времени, отецъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи съ меня довольно одной философіи; вы же помогите мнѣ перенести смерть ради любви къ Христу“.

Дальнѣйшее, какъ-то: причастіе, прощаніе и самая казнь производятъ очень трогательное впечатлѣніе, причемъ въ особенности заслуживаетъ вниманіе то, что Босколи, положивъ голову на плаху, попросилъ палача остановить на минуту топоръ, такъ какъ онъ все время (съ тѣхъ поръ какъ ему былъ объявленъ смертный приговоръ), стремился къ сліянію съ Богомъ, но не могъ этого вполнѣ достигнуть и надѣется теперь въ эту минуту сосредоточиться на одной мысли о Христѣ“. Повидимому, это въ половину только понятое выраженіе Савонаролы должно было его успокоить.

Если-бы у насъ были еще такого рода признанія, картина того времени со многими важными чертами стала бы для насъ болѣе понятной, чѣмъ это можетъ сдѣлать какое бы то ни было ученое или поэтическое произведеніе. Мы бы увидѣли еще яснѣе, какъ сильно было врожденное религиозное стремленіе, какой субъективный и въ то же время колеблющійся характеръ носило индивидуальное отношеніе религіи, и какихъ она имѣла сильныхъ враговъ. Несомнѣнно, что люди съ такимъ внутреннимъ содержаніемъ не годились для созданія новой церкви, но исторія духовнаго движенія на Западѣ была бы не полна безъ вниманія къ этому періоду броженія въ Италіи, тогда какъ смѣло можно обойти другія страны, не переживавшія этихъ колебаній. Но мы вернемся теперь къ вопросу о безсмертіи души.

Въра въ загробную жизнь. Колебаніе въ вопросахъ вѣры и безсмертія души происходило отчасти оттого, что

такъ называемое открытіе челоѣка и связанныя съ этимъ задачи воспроизведенія естественныхъ явленій въ образахъ и рѣчи должны были поглотить главнымъ образомъ вниманіе образованныхъ людей и вызвать напряженіе духовныхъ и умственныхъ силъ. Мы говорили уже выше о неизбежности такого свѣтскаго характера возрожденія. Но также неизбежно пытливое изслѣдованіе и искусство должны были породить всеобщій духъ сомнѣній и вопросовъ. Если это движеніе мало проявляется въ литературѣ и критическомъ изслѣдованіи,—напримѣръ, библейская исторія ограничивается только отдѣльными попытками,—то изъ этого не слѣдуетъ заключать, что не существовало вовсе сомнѣній. Но духъ сомнѣнія былъ заглушенъ отчасти упомянутой потребностью изображенія и творчества въ разныхъ сферахъ, другими словами, положительнымъ художественнымъ стремленіемъ, а съ другой стороны онъ былъ еще стѣсненъ сторожившей его, неутратившей власти церковью, зорко слѣдившей за всѣми враждебными ей теоретическими поползновеніями. Но какъ бы ни было, духъ сомнѣнія существовалъ и долженъ былъ неизбежно и преимущественно проявиться въ вопросѣ о загробной жизни, по причинамъ слишкомъ очевиднымъ, чтобы на нихъ останавливаться.

Вліяніе древности проявилось здѣсь двоякимъ образомъ. Прежде всего старались усвоить себѣ психологію древнихъ и добивались рѣшительныхъ отвѣтовъ отъ Аристотеля, останавливаясь на буквѣ. Въ одномъ изъ Лукіановскихъ диалоговъ того времени¹⁾ Харонъ рассказываетъ Меркурію, какъ онъ, когда перевозилъ Аристотеля, спрашивалъ его о безсмертіи души; осторожный философъ, хотя уже умершій, но продолжавшій жить, повидимому, не хотѣлъ компрометировать себя яснымъ отвѣтомъ; могъ-ли онъ знать, въ самомъ дѣлѣ, какъ будутъ толковать его сочиненія спустя много вѣковъ. Но тѣмъ ревностнѣе велись споры и сужденія о взглядахъ его и другихъ древнихъ писателей на природу души, ея происхожденіе, предвѣчное существованіе, ея различіе въ людяхъ, безусловную вѣчность, даже о ея странствованіяхъ, и были люди, переносившіе эти раз-

¹⁾ Jovian. Pontan. Charon. Opp. II.

сужденія на церковную кафедру¹⁾. Эти дебаты въ XV столѣтїи становились все громче и громче; одни утверждали, что Аристотель безусловно учитъ вѣрить въ безсмертіе души²⁾; другіе жаловались на черствость людей, которымъ, для того, чтобы повѣрить вообще въ существованіе души, надо, чтобы она сидѣла передъ ними на стулѣ³⁾.

Филельфо въ своей рѣчи надъ гробомъ Франческо Сфорца, въ доказательство безсмертіе души, приводитъ пестрый рядъ свидѣтельствъ древнихъ и даже арабскихъ философовъ, а въ печати⁴⁾ заканчиваетъ свою смѣсь цитатъ и разсужденій двумя строками: „Но сверхъ всего у насъ есть ветхій и новый завѣтъ, что уже выше всѣхъ прочихъ истинъ“.

Далѣе являются на сценѣ флорентійскіе платоники съ ученіемъ Платона о душѣ, и среди нихъ Пико, на примѣръ, съ существеннымъ дополненіемъ этой теорїи христіанскимъ ученіемъ. Такимъ образомъ, спорившіе занимали весь образованный міръ этимъ вопросомъ. Въ началѣ XVI вѣка неудовольствіе церкви по этому поводу достигло такой степени, что Левъ X вынужденъ былъ въ 1513 году на латеранскомъ соборѣ обнародовать конституцію⁵⁾, въ защиту индивидуальности и безсмертія души, впервые въ опроверженіе тѣхъ, кто утверждалъ, что душа одна во всѣхъ людяхъ.

Но нѣсколько лѣтъ спустя (1516), появилась книга Помпанаццо, утверждавшаго, что невозможно доказать существованіе души съ философской точки зрѣнія, и съ этихъ поръ возгорѣлась борьба, умолкнувшая только, когда началась католическая реакція. Тѣмъ не менѣе, вѣра въ предвѣчное существованіе душъ въ Богѣ, въ духѣ болѣе или менѣе платоновскихъ идей, оставалась долгое время весьма распространеннымъ понятіемъ, и нерѣдко эксплуатировалась поэтами⁶⁾. Никто не взвѣшивалъ при этомъ, какія

1) *Faustini Terdocei triumphus stultitiæ.*

2) Такъ Borbone Marosini въ 1460 г., срв. Sansovino, Venezia L. III. Онъ писалъ *de immortalitate animæ ad mentem Aristotelis*. Въ остальномъ срв. прилож. CXI.

3) *Vesp. Fior.* 260.

4) *Orationes Philelphi*, fol. 8.

5) *Septime Decretal. Lib. V.*

6) Ariosto Orlando, canto VII, str. 61—Въ каррик. Orlandino, cap. IV, str. 67, 68.—Cariteo, Gareth. собств. испанецъ, род. 1450, съ 1467 до

послѣдствія должны быть связаны послѣ смерти съ этимъ ученіемъ.

Языческое небо и безсмертіе. Другое вліяніе древности исходило изъ замѣчательнаго отрывка 6-ой книги о государствѣ Цицерона, извѣстнаго подъ названіемъ „Сонъ Сципіона“. Если бы не комментарий Макробія, этотъ отрывокъ, вѣроятно, погибъ бы, какъ и вся вторая часть Цицероновскаго произведенія, но, благодаря этому спасенію, онъ получилъ распространеніе въ безчисленныхъ спискахъ¹⁾, а съ введеніемъ книгопечатанія во многихъ изданіяхъ и съ различными комментаріями. Это описаніе очищенной загробной жизни, какою живутъ тамъ великіе люди, окруженные гармонією сферъ. Это языческое небо, нашедшее современемъ еще подтвержденіе въ другихъ свидѣтельствахъ древнихъ, въ такой же степени замѣщало христіанское небо, въ какой идеаль историческаго величія и славы вытѣснилъ идеаль христіанской любви, но при этомъ чувство не было оскорблено, какъ въ ученіи совершенно уничтожавшемъ личность. Такимъ образомъ уже Петрарка основываетъ свою надежду главнымъ образомъ на этомъ „Снѣ“, на указаніяхъ, встрѣчающихся въ другихъ сочиненіяхъ Цицерона и на платоновомъ Фѣдонѣ, не упоминая о библии²⁾.

„Почему не долженъ я—спрашиваетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—оставаясь католикомъ, раздѣлять надежду, основанія которой доказаны язычниками?“ Нѣсколько позже, Колугчіо Салутати написалъ сочиненіе, сохранившееся въ рукописи: „Подвиги Геркулеса“, гдѣ въ заключеніе доказываетъ, что энергичнымъ людямъ, исполнившимъ громаднй трудъ на землѣ, принадлежитъ по праву мѣсто въ небесныхъ сферахъ³⁾. Правда, Данте строго придерживается правила, что

смерти въ 1514 въ Италіи—членъ Ново-Неаполитанской Академіи Pontanus'a, пользуется идеей предвѣчности душъ, чтобы возвеличить Арагонскій домъ. Roscoe, Leone X, ed. Bossi, II, стр. 288, Срв. изданіе Peroro, 1892.

¹⁾ Orelli ad. Cic. de republ. L. VI.—Срв. Lucan. Pharsal. IX. Haris.

²⁾ Petrarca. epp. fam. IV.

³⁾ Fil. Villani, Vite, стр. 15. Это замѣчательное мѣсто, гдѣ язычество сближается съ заслугами на землѣ: che agliuomini fortissimi poichè hanno vinto le monstruose fatiche della terra, debitamente sieno date le stelle.

даже величайшіе язычники, вполне заслужившіе мѣсто въ раю, не могутъ, однако, переступить за извѣстную черту въ аду ¹⁾, но послѣдующіе поэты обѣими руками хватаются за новыя понятія о загробномъ мірѣ. Такъ, въ поэмѣ ²⁾ Бернардо Пульчи Козимо старшій послѣ смерти торжественно встрѣченъ на небѣ Цицерономъ, носившимъ, какъ и онъ, титулъ „Отца Отечества“, братьями Фабіями, Куріемъ Фабриціемъ и многими другими; вмѣстѣ съ ними онъ становится украшеніемъ хора, состоящаго изъ однихъ непорочныхъ душъ ³⁾.

Царство тѣней. Но у древнихъ авторовъ встрѣчается другая, менѣе соблазнительная картина загробной жизни, какъ царство тѣней у Гомера и другихъ поэтовъ. Эти картины оказали также свое вліяніе на нѣкоторыхъ итальянцевъ. Джіовіано Понтано влагаетъ однажды ⁴⁾ въ уста Саннацаро разсказъ о видѣніи, явившемся ему утромъ въ полуснѣ. По его словамъ, ему явился умершій другъ, Феррандо Январій, съ которымъ онъ когда то бесѣдовалъ о безсмертіи души; теперь онъ спросилъ его, въ самомъ ли дѣлѣ существуетъ вѣчность и адскія муки въ наказаніе за грѣхи? Послѣ нѣкотораго молчанія, тѣнь отвѣчаетъ совершенно въ томъ духѣ, какъ Ахиллъ на вопросъ Одиссея: „Могу тебя увѣрить въ томъ, что, оторванные отъ тѣлесной оболочки, мы питаемъ одно лишь сильное желаніе снова вернуться въ прежнее состояніе“. Затѣмъ онъ простился и исчезъ.

Нарушеніе догмы христіанства.—Нельзя не признать, что такого рода возрѣнія на загробную жизнь отчасти предполагаютъ, отчасти влекутъ за собой нарушеніе важнѣйшихъ христіанскихъ догматовъ. Понятія о грѣхѣ и искупленіи теряютъ почти всякое значеніе. Вліяніе проповѣд-

1) Inferno IV, 24.—Срв. Purgatorio VII, 28, XXII, 100.

2) Младшій изъ трехъ братьевъ род. въ 1438 г. О немъ F. Flaminii, Propugnatore N. S. t. i. 217—248; объ этомъ стихотв. стр. 228; напечатано въ Лонд. изд. стихотвореній Лоренцо.

3) Это языческое небо ясно выражается въ надгробной надписи скульптора Nicolo dell'Arca:

Nunc te Praxiteles, Phidias, Polycletus adorant.

Miranturque tuas, o Nicolae, manus.

(См. Bursellis, ann. Bonon. Murat, XXIII, Col. 912.

4) Въ позднѣйшемъ сочиненіи Actius.

никовъ покаянія и подобнаго рода эпидемій, какія мы видѣли выше, не должны вводить насъ въ заблужденіе въ этомъ отношеніи; если даже допустить, что въ этихъ явленіяхъ, подобно другимъ, принимали участіе и болѣе развитые индивидуально классы, то все таки главную роль здѣсь играло сочувствіе душъ, разрѣшеніе сильныхъ страстей, ужасъ передъ народнымъ бѣдствіемъ и крикъ къ небу о помощи. Пробужденіе совѣсти нисколько не вело при этомъ къ сознанию въ грѣховности и необходимости искупленія, и даже наиболѣе яркое внѣшнее покаяніе не находится въ непремѣнной связи съ раскаяніемъ въ религіозномъ христіанскомъ смыслѣ. Когда вполне развитые индивидуально люди эпохи возрожденія признають, что принципиально ни въ чемъ не раскаиваются¹⁾, то, разумѣется, они относятъ это къ неразумнымъ и не цѣлесообразнымъ поступкамъ, но само собою это презрѣніе къ раскаянію должно распространяться и на всю нравственную сферу, такъ какъ источникъ тотъ же самый, а именно сильное индивидуальное развитіе. Пассивное, созерцательное христіанство съ его постояннымъ указаніемъ на другой высшій міръ, не могло уже оказывать вліяніе на этихъ людей. Макіавелли въ своихъ выводахъ шелъ еще дальше: по его мнѣнію, оно не могло быть полезнымъ²⁾ государству и защитѣ свободы его гражданъ.

Теизмъ. Такимъ образомъ является вопросъ, какую же форму должна была принять присущая все таки многимъ религіозность, въ особенности у сильныхъ натуръ? Это теизмъ или деизмъ, какъ кто хочетъ. Послѣднее названіе характеризуетъ тотъ образъ мыслей, который, отвергая христіанство, не искалъ или не нашелъ ничего взамѣнъ. Теизмъ мы признаемъ, напротивъ, въ возвышенномъ реальномъ благочестіи передъ Божествомъ, неизвѣстнымъ среднимъ вѣкамъ. Это послѣднее не исключаетъ христіанства и можетъ во всякое время соединиться съ его ученіемъ о грѣхѣ, искупленіи и безсмертіи, но и безъ этихъ понятій оно само по себѣ живетъ въ душѣ.

1) Cardanus de propria vita, cap. 28: non poenitere ullius rei quam voluntarie effecerim, etiam quae male cessisset; иначе я былъ-бы несчастнѣйшимъ человѣкомъ.

2) Discorsi L. II, гл. 2.

Иногда теизмъ проявляется съ дѣтской наивностью и съ полуязыческимъ отголоскомъ; Богъ представляется ему, какъ всемогущій исполнитель желаній. Альберти рассказываетъ ¹⁾, какъ онъ съ женой заперлись въ уединеніи послѣ свадьбы и опустили на колѣни передъ домашнимъ алтаремъ и мадонной, причемъ обратились съ молитвой, однако, не къ мадоннѣ, а къ Богу, прося Его научить ихъ справедливо пользоваться богатствомъ, прожить долго въ радости и согласіи и благословить мужскимъ потомствомъ; „Для себя—говоритъ онъ—я просилъ о богатствѣ, друзьяхъ и почетѣ, а для нея о томъ, чтобы она оставалась чистой и честной и была бы хорошей хозяйкой. Если прибавить къ этому еще выраженія, заимствованныя у древнихъ, то иногда съ трудомъ можно отличить языческій стиль отъ теистическихъ воззрѣній ²⁾).

Это настроеніе съ поразительной правдой обнаруживается иногда въ несчастную минуту. Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ рѣчахъ Фиренцуолы, когда онъ годами лежалъ въ лихорадкѣ, сохранилось обращеніе къ Богу, причемъ онъ несомнѣнно убѣжденъ въ своей преданности христіанской религіи и въ то же время высказываетъ явно теистическое воззрѣніе ⁴⁾. Въ своей болѣзни онъ видитъ не наказаніе за грѣхи, не испытаніе, не приготовленіе къ будущей жизни, а только извѣстнаго рода личное отношеніе свое къ

¹⁾ Dell governo della famiglia.

²⁾ Примѣромъ можетъ служить короткая ода M. Antonio Flaminio изъ Coryciana:

Dii quibus tam Corycius Venusta
Signa, tam dives posuit sacellum
Ulla si vestros animos piorum.
Gratia tangit,
Vos jocos risusque senis faceti
Sospites servate diu; senectam
Vos date et semper viridem et Falerno
Usque madentem
At simul longo satiatus aevo
Liquerit terras, dapibus Deorum
Laetus intersit, potiore mutans
Nectare Bacchum.

³⁾ Firenzuola, opera, vol. IV, стр. 147.

⁴⁾ Firenzuola, opera IV.

Богу, положившему сильную любовь къ жизни предѣломъ отчаянія.— „Я клянусь—говорить онъ только природу, потому что твое величіе запрещаетъ мнѣ тебя называть.... Дай мнѣ смерть Господи, молю Тебя, дай мнѣ ее теперь!“

Итальянскіе антитринитаріи. Напрасно было бы, конечно, въ этомъ и подобныхъ свидѣтельствахъ искать очевидное доказательство сознательнаго, выработаннаго теизма; эти люди были убѣждены, отчасти, что они христіане и кромѣ того, они, по разнымъ причинамъ, чтили также господствовавшее церковное ученіе. Но ко времени реформации, когда необходимо было привести все въ ясность, этотъ образъ мыслей принялъ болѣе сознательную форму; многіе изъ итальянскихъ протестантовъ оказались антитринитаріями и социніанцами и даже предприняли, въ качествѣ эмигрантовъ, знаменитую попытку создать церковь въ этомъ духѣ. Изъ всего указаннаго должно стать яснымъ, по крайней мѣрѣ, что кромѣ рационалистическихъ гуманистовъ, еще и другіе умы дѣйствовали въ томъ же направленіи.

Центръ и средоточіе всего теистическаго образа мыслей надо искать, конечно, въ платоновской академіи во Флоренціи съ Лоренцо Великолѣпнымъ во главѣ. Теоретическія сочиненія и даже письма этихъ людей даютъ намъ понятіе о нихъ только на половину.

Правда, что Лоренцо съ юныхъ лѣтъ и до конца жизни казался догматически вѣрующимъ христіаниномъ¹⁾, а Пико находился даже подъ вліяніемъ Савонаролы и монашескаго аскетизма²⁾. Но уже въ гимнахъ Лоренцо³⁾, на которые мы

1) Nicolò Valari, vita di Lorenzo passim.—Прекрасное наставленіе сыну Джіованни, см. Fabroni, Laurentius, Adnot. 178 и въ прилож. къ Roscoe, Жизнь Лоренцо.

2) Jo. Pici vita, auct. Jo. Franc. Pico.—Ergo Deprecatio ad Deum, см. Deliciae poetar. italor.

3) Это пѣсни: Orazione (Magno Dio per la cui costante legge etc. у Roscoe, Leone X, ed. Bossi, VIII, стр. 120.—Гимнъ (Oda il sacro inno tutta la natura etc., у Fabroni, Laurentius, Adnot. 9).—L'altercazione (Poesie di Lorenzo magn. I, стр. 265; въ послѣднемъ собраніи помѣщены также и остальные поименов. стихотв.). Altercazione и прочія религиозныя стихотв. подробно разсмотрѣны у Nic. Scarano: Il Platonismo nelle poesie di Log. de'Medici, Nuova ant. III, ser. vol. 46, стр. 609, vol. 47. Въ послѣднее время, правда, доказано, что (Giorn. stor.) эти гимны заклю-

указывали, какъ на высшее проявленіе духа этой школы, открыто говоритъ теизмъ и притомъ склонный представлять себѣ весь міръ, какъ нравственный и физическій космосъ.

Въ то время какъ люди среднихъ вѣковъ смотрятъ на міръ, какъ на юдоль плача и скорби, которую императоръ и папа должны охранять до пришествія Антихриста, въ то время, какъ фаталисты возрожденія колеблются между наклонностью къ энергіи и тупымъ примиреніемъ и суевѣріемъ—здѣсь¹⁾, въ кругу избранныхъ умовъ, упрочивается идея, что весь видимый міръ созданъ Богомъ любви, что онъ представляетъ собой подобіе предвѣчнаго существа, и что Творецъ останется вѣчнымъ его двигателемъ и преобразователемъ. Душа отдѣльнаго человѣка можетъ, познавъ Бога, вмѣстить Его въ себѣ, но также черезъ любовь къ нему, постичь безпредѣльность и такимъ образомъ ощутить блаженство въ земномъ существованіи.

Мы видимъ, какъ здѣсь соприкасаются отголоски средне-вѣковаго мистицизма и платоническихъ доктринъ съ своеобразнымъ новѣйшимъ духомъ. Быть можетъ здѣсь созрѣлъ высшій плодъ того познанія міра и человѣка, ради одного котораго уже возрожденіе Италіи должно быть названо путеводною звѣздою новѣйшихъ временъ.

чаютъ въ себѣ много преувеличеній и являются въ значительн. мѣрѣ подражаніемъ древнимъ, но выборъ образцовъ самъ по себѣ уже указываетъ на господствующее настроеніе.

¹⁾ Если Пульчи въ своемъ *Morgante* хотѣлъ отнести серьезно къ религіозн. взглядамъ, то скорѣе всего въ пѣснѣ XVI: эта деистическая рѣчь язычницы Антеи представляетъ м. б. наиболѣе яркое выраженіе образа мыслей Лоренцо и его друзей. Приводимыя выше, въ текстѣ, рѣчи демона Асторотта можно разсматривать, какъ дополненіе.

Приложенія
КО ВТОРОМУ ТОМУ

Литература по космографіи.—Карты.—Въ XVI столѣтіи Италія еще долгое время считалась отечествомъ космографической литературы, хотя новыя открытія принадлежали различнымъ атлантическимъ народамъ. Къ этому времени а именно къ половинѣ 16 вѣка, относится большое и заслуживающее особаго вниманія сочиненіе Leandro Alberti, подъ названіемъ *Descrizione di tutta l'Italia* (1582 г.)—Никколо Строцци взялъ съ собой въ Неаполь карту Италіи на пергаментѣ и подарилъ ее королю Альфонсу (срв. *Lettere di Alessandra Strozzi* изд. Guasti (1877) стр. 76.—Можно усомниться въ томъ, что послѣдній подарилъ карту Флавіо Бionдо, просившему итальянскихъ картъ.—Berchet: *il planisfero di Giovanni Leandro dell'anno 1452 facsimil. nella grandezza dell'originale, Nota illustrativa 16 S. 4º. Venezia 1879*)—срв. далѣе Rossi: *Piante iconografiche di Roma anteriori ad secolo XVI Rom 1879.*—О попыткѣ Петрарки начертить карту Италіи см. Flavio Biondo: *Italia illustrata* (изд. Basil) стр. 352 и д. Ср. далѣе Petr. epist. Var. LXI изд. Fracass. (лат.) III стр. 476. Объ имѣвшихся въ его рукахъ картахъ см. Nolhas, *Petrarque et l'humanisme*, стр. 125 и д. На предложеніе Петрарки написать большое географическое сочиненіе находимъ указаніе у Attilio Hortis, *Accenni alle scienze naturali nelle opere di G. Boccacci, Триестъ 1877*, стр. 45.—Въ каталогахъ медичейскихъ библиотекъ наход. (*Arch stor. ital.* 19, 280 ч. 1510: *Duae tabulae quae plicantur in quibus est Lombardia depicta* и (21, 112 г. 1456): *Libro d'una descriptione d'Italia; libro d'una et dell'altra parte di Lombardia*—Заслуживаетъ вниманія картографическое изображеніе Европы, Азіи и Африки на оборотной сторонѣ медали Francesco da Laurana (1462 г.), на лицевой сторонѣ Карлъ IV Анжуйскій. Идея исходила отъ короля Рене Анжуйскаго, питавшаго большіе пристрастіе къ географіи. Послѣднее подтверждается посвященнымъ ему Гуарино переводомъ Страбона и заказаннымъ по

этому случаю его изображеніемъ. Срв. A. Heis F. d. L. (Les médailleurs de la Renaiss. II, Парижъ 1882 г. стр. 28, 29.— Въ первой половинѣ XVI столѣтія Италия занимала первое мѣсто по своимъ картамъ и географическимъ атласамъ.—О болонскомъ ученомъ Ludovico de Varthema срв. изслѣдов. и библиографію P. Amat di S. Filippi: Giorn. ligust. V, 3—73.—О другихъ картахъ срв. Wieser: Sitzungsber. der Wiener Akad., phil.-hist. Kl. т. 82 (1876) стр. 541. Въ общемъ, что касается картъ итальянскихъ и географическихъ открытій надо указать на прекрасный сборникъ Oskar Peschel, Abhandlungen zur Erd und Völkerkunde (Лейпцигъ, 1878 г.).—Весьма цѣнные сообщенія о путешествіяхъ и открытіяхъ, а также снимки картъ и т. п. находятся въ прекрасномъ сочиненіи Sophus Ruge, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, Berlin 1881—83.

Далѣе, надо отмѣтить еще слѣдующія данныя о картахъ и картографахъ, имѣющіяся въ новѣйшей литератуурѣ. Члены семейства Magliolo безъ сомнѣнія пользовались извѣстностью съ 1511 г. въ Генуѣ, въ качествѣ картографовъ, а Visconti M. получалъ, съ 1519 г., общественное жалованье. Срв. Giorno ligust. IV, стр. 82.—Для изученія этого періода (1120—1750) весьма важно соч. Uzielli: Leonardo da Vinci e le Alpi con sette carte antiche in fac-simile. Turin 1890. (См. Club alpino italiano, vol. XXIII). Дополненіемъ къ приведенному выше de Rossi, Piante iconografiche e prospettiche di Roma anteriori al secolo XVI можетъ служить Hülsen, Di una pianta prospetichia di Roma del sec. XV. Rom 1892.—Jacobsen высказываетъ сомнѣніе въ томъ, что большой планъ Венеціи (1500 г.) принадлежитъ Jacopo de'Barberi (Giorn. stor. dell'arte, ser. II, vol. 1 (1895) стр. 106—109.—Срв. далѣе извѣстное изслѣдованіе K. Müller, Mappae mundi, die ältesten Weltkarten, Штутг. 1898. Въ этомъ изданіи сняты и рассмотрѣны: всемірн. карты Marino Sanudo, Petrus Vesconte, Paulinus Puteoli, с. 1320, карты Dati 1422, Andrea Bianco 1463, Johannes von Udine († 1363), карты Борджіо въ Римѣ, 15 в.—Срв. Muntz: Notice sur un plan inédit de Rome à la fin du 14 siècle [Gazette archéologique 10 годъ, нм. 5—6 стр. 169—176; фотографія плана была представлена въ Декабрѣ 1884 г. Мингетти Академіи dei Lincei въ Римѣ]. Сообщение объ одномъ планѣ находившемся въ livre d'heures герцога Беррійскаго (во владѣніи герцога Омальскаго. Планъ этотъ итальянскаго про-

исхожденія, принадлежитъ, повидимому, послѣдней четверти XIV в. и по всей вѣроятности находится въ связи съ планомъ Taddeo di Bartolo, опубликованнымъ Stevenson'омъ.— Видъ Рима найденный Münz'омъ въ одной фрескѣ Benozzo Gozzoli въ С. Геминьяно опубликованъ въ Procès verbaux de la société nationale des Antiquaires de France 1880 г. Другія данныя его же собраны въ: Les antiquités de la ville de Rome 1886 г. стр. 1—24.; всѣ эти работы резюмированы и дополнены новыми свѣдѣніями Müntz, Antiquités стр. 1—24.

LXII

Львы во Флоренціи—Флоренція послала польскому королю Владиславу (23 Мая 1406) льва и львицу, ut utriusque sexus animalia ad procreandos catulos haberetis. Этотъ подарокъ сопровождался необычнымъ дипломатическимъ посланіемъ, естественно-историческаго содержанія съ экскурсіями въ область филологіи и психологіи: Sunt equidem hi leones Florentini, et satis quantum natura promittere potuit mansueti, deposita feritate, quam insitam habent, hique in Gaetolorum nascuntur regionibus et Indorum, in quibus multitudo dictorum animalium evalescit, sicuti prohibent naturales. Et cum leonum complexio sit frigoribus inimica, quod natura sagax ostendit, natura in regionibus aestu ferventibus generantur, necessarium est, quod vestra serenitas, si dictorum animalium vitam et sobolis propagationem, ut remur desiderat, faciat provideri, quod in locis calidis educantur et maneant. Conveniunt nempe cum regia majestate leones, quoniam leo graece latine rex dicitur.... Sicut enim rex dignitate, potentia, magnanimitate ceteros homines antecellit, sic leonis generositas et vigor imperterritus animalia cuncta praeit. Et sicut rex sic leo adversus imbecilles et timidos clementissimum se ostendit, et adversus inquietos et tumidos terribilem se offert animadversione justissima. Это въ высшей степени хахактерное посланіе напечатано въ Cod. epistolaris saeculi XV (Mon. med. aevi hist. res gestas Poloniae illustr. Krakau 1876 г. стр. 25). Въ 1459 г. Флоренція хотѣла представить передъ юнымъ Галеаццо Маріа борьбу 14 львовъ съ другими звѣрьми, но представленіе не состоялось срв. Giorn. stor. 34. 471.

LXIII

Изъ области естественныхъ наукъ.

Не разъ уже высказывалось сомнѣнiе въ томъ, что соч. *de aqua et terra* принадлежитъ Данте; *Luzio et Renier, Giorn. stor.* 20, 125—150 предполагаютъ, что это соч. есть поддѣлка изд. *Benedetto Moncetti da Castiglione Aretino*. Издатель самъ говоритъ, что онъ выпускаетъ его *castigatam, limatam, elucubratam*. Въ подтвержденiе надо замѣтить, что оригинала рукописнаго не существуетъ, далѣе ни одинъ изъ бытописателей Вероны не упоминаетъ о сочиненiи, хотя оно могло возникнуть только въ Веронѣ, наконецъ многія выраженiя весьма схожи съ находящимся въ сочиненiяхъ В. М., который былъ очень честолюбивъ и неразборчивъ въ средствахъ. — О занятiяхъ Петрарки садоводствомъ см. замѣтки въ рук. *Cod. Vatic. 2193, De-Nolhac: Pétrarque et son jardin, Paris 1890 г.* Такъ 16 Марта авт. заноситъ въ тетрадь, что посадилъ пять лавровыхъ кустовъ и надѣется, что эти друзья музъ хорошо взростутъ, такъ какъ въ этотъ день прiѣхалъ его другъ Боккаччио. — Въ соч. (Парижъ, *Bibl. nat.*) *Justuli Spoletani Opera, Romae 1510*, наход. между прочимъ слѣдующее: *de cultu croci ad Ag. Geraldinum opusculum elegantissimum, de sere seu stivom animalibus. Ad Felisiam Ruveram poemation egregium; Descriptio montis Spoleti imminientis ad Claudium Zupum.* — *Tuckermann, Die Gartenkunst der ital. Renaissancezeit, Berlin 1884* не идетъ дальше указанiй *Burck.* — Примѣръ любви къ животнымъ представляетъ завѣщанiе *Basso della Pena (Sacchetli Nov.)* по которому мухи должны были получать ежегодно въ день св. Якова корзину ягодъ (правда, завѣщатель дѣйствовалъ болѣе подъ влiанiемъ гнѣва противъ наслѣдниковъ, чѣмъ изъ пристрастiя къ мухамъ). Изображенiе Христа со щегленкомъ практиковалось часто, благодаря скорѣе красотѣ птички, а не потому, чтобы имѣлась въ виду паралель между птицей питающейся одними лѣсными ягодами и весело распѣвающей пѣсни и Христомъ презирающимъ страданiя и кротко молящимся. — *Amico Aspertini* на одной изъ картинъ изъ свящ. исторiи изображаетъ попугая, сидящаго на шестѣ. — Въ по-

добномъ-же родѣ сообщеніе дѣлаеть Цамбекари (Болонья?): R. Förster, Fr.-Zt., Stutg. 1878, стр. 236. — Венеція (см. Чеккетти, Arch. Ven. 28, 8 f.) имѣла въ своемъ владѣніи льва и львицъ полученныхъ въ даръ отъ короля Фридриха Арагонскаго. 12 Сент. 1316 отъ нихъ родились три львенка и три львицы. (Интересную переписку Mussatto объ этомъ предметѣ, см. Kreiznach I, 496, прим. 1 и приводимую тамъ литературу). Сторожъ дворца дожей обязанъ былъ кормить этихъ звѣрей. Четыре леопарда были подарены dominus Prestozane partium Indie, 1 astore королемъ Боснійскимъ; олень заключенъ былъ въ арсеналѣ. Тоже, см. Theatrum capitolinum magnifico Juliano institutum per Aurelium Serenum Monopolitanum et de elephante carmen ejusdem. A. E.: Romae in edibus Mazochianis imperante Diuo Leone X, Pont. Maximo pontificatus sui anno secundo anno Dui MDXIV. 25 Bll. (Paris, Bibl. nat.). Здѣсь въ посвященіи Льву X (10 cal., apr. 1514) говорится о необыкновенномъ фактѣ. Indus elephas omnium animalium sagacissimus a Emanuele Lusitanorum rege missus. Онъ сравниваетъ свое произведеніе съ слономъ. Къ нему также никто не отвесетъ съ пренебреженіемъ: maurus ille et agrestis homo elephantis rector et moderator universae urbis spectantique populo ingentem voluptatem tribuit. Quo ductore immanis belua mitis et mansueta incedit ad cujus natum omnia perficit obsequiturque docilissima. Посвященные слону стихотворенія писали Joh. Capito Aretinus Ja-Marius Philoenus, Vitalis; первому принадлежать также стихи относящіяся къ другому подарку Эмануила: leo rugiens.—Надо замѣтить, что въ то время какъ Parix de Grassis, стр. 13—20 сообщаетъ, что Emanuel получилъ въ подарокъ золотую розу и мечъ, нашъ авторъ говоритъ: Altaris tegmen gemmis decoratur et auro Ampla sacerdotis fit tunica atque nitens Adduntur geminae pro binis inde ministris Magnum auri pondus quae preciosa valent. Надгробная надпись слону Amone (ум. 8 Іюня 1516) и участіе Рафаэля въ его увѣковѣченіи см. D. Gnoli: Nuova ant. 3 ser., vol. 14, стр. 583; далѣ Luzio-Renier 100/101, стр. 26. — Битва быковъ 1519 г. срв. письмо феррарскаго посла Paulucci, далѣ Nuova ant. 3. ser., vol. 14, стр. 583. — Въ 1487 г. посоль отъ султана прибылъ во Флоренцію и привезъ въ даръ Лоренцо льва и жирафа. Онъ жилъ девять мѣсяцевъ на счетъ городского

управленія, Morelli, стр. 197. Въ 1488 г. получены были два льва изъ Мантуи, тамъ-же, стр. 198.

Одинъ Луккскій рыцарь на войнѣ въ 1363 г. носилъ при себѣ живого орла, Sergambi I, 122.— Въ 1402 г. въ Венеціи показывали кожу (?) дикаря и пестраго осла, Arch. ven. VI, 323.— Ландуччи сообщаетъ свѣдѣнія о томъ, какъ медвѣдь натворилъ разныхъ бѣдъ на улицахъ Флоренціи въ 1486 г.— Тамъ-же въ 1487 г. производитъ большую сенсацию подаренный султаномъ жирафъ. Битвы животныхъ на piazza de' Signoria, напр. въ 1514 г. Ландуччи, стр. 345.— Три льва подарены Флоренціей Венеціи въ 1427 г.: Arch. ven. XXXVI, 247.— Во Флоренціи въ Январѣ 1511, по словамъ Ландуччи, когда выпалъ густой снѣгъ, при сильномъ морозѣ, многіе лѣпили очень искусно львовъ. По словамъ Sanudo во Флоренціи въ 1520 г. два льва убили и съѣли львицу.

LXIV.

Рабство. — Здѣсь умѣстно указать на нѣкоторыя свѣдѣнія о рабствѣ въ Италіи въ эпоху возрожденія. Краткія свѣдѣнія у Jovian Pontan, de obedientia L. III, cap. 1: An homo, cum liber natus sit, domino parere debeat. Рабы существовали во всей Италіи; кромѣ того покупали христіанъ у турокъ, а также болгаръ и другихъ славянъ и заставляли ихъ служить, пока не отработаютъ сумму назначенную за выкупъ. Негры, напротивъ, оставались на вѣки рабами, но не подвергались кастраціи, по крайней мѣрѣ въ Неаполѣ. — Крѣпостное право среднихъ вѣковъ въ смыслѣ прикрѣпленія къ землѣ было совершенно отмѣнено въ концѣ XIII в. (во Флоренціи въ 1289). Въ серединѣ XIV в. образовалась новая категорія рабства вслѣдствіе торговыхъ морскихъ сношеній, такъ какъ венеціанцы и другіе мореплаватели приобрѣтали черныхъ рабовъ. — Духовенство одобряло привозъ невольниковъ, утверждая, что такимъ образомъ они станутъ христіанами и спасутъ души. — Рабыни служили удовлетворенію похоти своихъ господъ. Во Флоренціи съ 1363 г. рабство получаетъ официальное признаніе. Цѣна за невольника въ XIV в. колебалась отъ 30—70 гульденовъ, въ XV в. она была нѣсколько выше. Возрастъ невольницъ

весьма разнообразень, отъ 7 лѣтъ (въ Мантуѣ была еще моложе). Многочисленные законы защищали рабовладѣльцевъ отъ побѣговъ рабынь. — Послѣднія служили наложницами, домашней прислугой, сидѣлками въ лазаретахъ. Нерѣдко давались отпускныя при жизни или въ завѣщаніи. Въ 1460 году было издано запрещеніе ввозить невольницъ, но не оказало большаго вліянія. — Приведемъ еще рядъ свѣдѣній и литературномъ указаній, не ручаясь за алфавитную и хронологическую точность:

Мого означаетъ всѣхъ цвѣтныхъ вообще; негръ носить прозвище Мого него. — Fabroni, Cosmus, Adn. 110 (т. II, стр. 214): Документъ—купчая одной рабыни (1427 j. Cosmus имѣлъ отъ нея сына Карло). Adn. 141 (т. II, стр. 254): Списокъ рабынь Козимо. — Nantiporto, см. Murat. III, II Col. 1106: Иннокентій VIII получилъ въ подарокъ отъ Фердинанда Катол. 100 того и въ свою очередь подарилъ ихъ кардиналамъ и разнымъ друзьямъ (1488). — Masuccio Novelle 14: продажность рабовъ, 24, 25: негры работающіе въ качествѣ *fachini* (для своихъ господъ?) и пользующіеся благосклонностью женщ. 39: итальянка въ Тунисѣ идетъ въ неволю, 48: каталаны ловятъ тунисскихъ мого и продаютъ въ Пизу, между прочимъ королевскаго сына. — Gaye, carteggio I, 360: освобожденіе и наслѣдство полученные негромъ по одному завѣщанію во Флоренціи. (1490). — Paul Jov. Elogia, sub. Franc. Sfortia primo, стр. 138, Porzio Congiura, lib. III, стр. 195 и Comines, Charles VIII, chap. 17: негры въ качествѣ палачей и тюремщиковъ Аррагонскаго дома въ Неаполѣ. Paul Jov. Elog., sub Galeatio: негры въ качествѣ тѣлохранителей государей на улицѣ, Aeneae Silvii Opera, стр. 456: негры-рабы въ качествѣ музыкантовъ, Paul. Jov. de piscibus, cap. 3: негръ (свободный) въ качествѣ учителя плаванія и водолаза въ Генуѣ. — Alex. Benedictus de Carolo VIII, см. Eckardt, Scriptorum, II Col. 1608: негръ (Aethiops)—одинъ изъ высшихъ офицеровъ Венеціи—отсюда понятнымъ становится Отелло. Aethiops servus Понтано, въ его de reb. coel., lib. XVI, Opp. III, стр. — Сарматская рабыня служить сицилійскому господину и кончаетъ жизнь самоубійствомъ, чтобы спастись отъ его притязаній, похвала ей, см. Pontanus tumulorum, lib. 4, Opp. IV, 3397. — Свѣдѣнія объ одной рабынѣ (1450) въ n. Lettere Alessandra Strozzi (1877), стр. 104. — Sannazaro восхищенный талантомъ

своего невольника, даетъ ему свободу и разрѣшаетъ носить свое имя. Aless. Alessandri geneal. dierum, Colon. 13, 59, стр. 49. — Bandello, Parte, III, Nov. 21 (14). — Если невольникъ въ Генуѣ провинится и долженъ нести наказаніе, его отправляютъ на Балеарскіе острова и продаютъ въ болѣе тяжелое рабство.—Въ Сициліи въ 16 вѣкѣ на 1.220,000 жителей 50 тысячъ рабовъ. Срв. Corr. Avolio, Arch. stor. siciliano n. S. vol., X. — Нѣкоторыя условія торговли рабами заслуживаютъ вниманія. Деньги уплаченныя за невольника возвращались обратно, если онъ страдалъ тоской по родинѣ и становился поэтому неспособнымъ къ работѣ; кромѣ того для мужчинъ достаточнымъ предлогомъ служило *mingero lecto*, а для женщинъ *menstruis carere*. — Въ Мантуѣ Изабелла д'Есте, повидимому, питала особое пристрастіе къ чернокожимъ: рабыни (*moretta*) предназначались здѣсь не столько для работы, сколько для развлечения господъ. — Рабы въ Мантуѣ съ 1422 г., см. прил. XXVI, Luzzio Renier, также въ Феррарѣ. Срв. также картину Мантенья въ *Camera degli sposi*, гдѣ одна изъ пяти прислужницъ — негритянка, въ восточномъ нарядѣ.

Въ новѣйшее время появились еще изслѣдованія о торговлѣ невольниками въ Италіи. Въ высшей степени интересное сочиненіе Filippa Zamboni: *Gli Ezzelini, Dante e gli schiavi, ossia Roma e la schiavitù personale domestica. Con documenti inediti. Seconda edizione aumentata, Вѣна 1870*, это соч. содержитъ въ себѣ не все, чего можно ждать по заглавію, но даетъ интересныя свѣдѣнія о торговлѣ рабами (стр. 241), 270 — весьма интересную купчую одной рабыни, 282 — списокъ рабовъ съ указаніемъ мѣстъ покупки и продажи, отечества, возраста, цѣны, въ періодъ 13—16 стол. Далѣе ст. v. Wattenbach: торговля рабами въ средніе вѣка . . . только отчасти относится къ Италіи: Климентъ V въ 1309 приказываетъ обратить въ рабовъ захваченныхъ венеціанцевъ; въ 1501 г. послѣ взятія Капуи, многія женщины были проданы въ Римъ за небольшую цѣну.—*Monum. historica Slavorum meridionalium*, ed. Vinc. Maseusev. t. I, vol I, Варшава 1874 г.: здѣсь между прочимъ находимъ, что (Ансона) греки, турки, татары, саррацины, боснійцы и болгары должны навсегда оставаться рабами, если не будутъ освобождены своими владѣльцами нотаріальнымъ порядкомъ.

На стр. 443 говорится о рабынѣ изъ Хиоса проданной флорентійцемъ въ Пизу, а затѣмъ въ Палермо (1456). — Egnatius, *exempl. ill. ir. Ven. fol. 246a*, хвалитъ Венецію: *servorum Venetis ipsis nullum unquam usum extitisse*; въ противность этому Zamboni, стр. 223 и въ особенности Vincenzo Lasari: *del traffico e delle condizioni degli schiavi in Venezia nei tempi di mezzo in: Miscellanea di stor. ital. Torino 1862, Vol. I, стр. 463—501*. Литература о невольникахъ *Giorn. stor. Vol. XXXII, стр. 215*. Въ общемъ Cibrario, *storia della schiavitù in Italia, 2 т., Мил. 1888*. Подробнѣе: A. Zanelli; *Le schiave orientali a Firenze nei secoli XIV—XV, Flor. 1885*. Новыя данныя также Gregorovius, *Athen im Mittelalter 1889, II, стр. 505*. Далѣе, о рабствѣ во Флоренціи въ 14 и 15 в. Reumont, Muntz: *La renaissance en Italie I (1887), passim*.

Венеція несомнѣнно была главнѣйшимъ рынкомъ торговли рабами. Felix Faber говоритъ (1448), что видѣлъ тамъ три тысячи рабовъ. Срв. также ниже. Molmenti (стр. 330) насчитываетъ 1393.—1491 г. сто пятьдесятъ случаевъ купли — продажи. Цѣна колебалась отъ 16 до 87 дукатовъ. У него-же опись и цѣны въ 1588 г. — Данныя относящіяся къ Венеціи находимъ у Cecchetti, *Arch. ven. 31 (1886), стр. 324*; тамъ-же, стр. 328, жестокія наказанія провинившихся рабовъ, стр. 330: подарки невольникамъ и освобожденіе по завѣщанію. — Развратъ и нарушеніе семейной жизни, благодаря невольницамъ, сл. Pastor III, 93. — Сообщение о генуэзскомъ торговцѣ невольниками (1496) Pontano, стр. 346. — Alessandra Macinghi (*Lettere 1877, стр. 475*), различаетъ рабовъ: русскихъ, татаръ и др. по красотѣ, силѣ, выносливости въ работѣ. — Невольницы, въ качествѣ домашнихъ хозяекъ у художниковъ: черкешенка 22 л., русская 32 л.: цѣна за первую 42 флор., за вторую 50 флор. (1457) Müntz, *Les arts*. — О злоупотребленіяхъ и о невольникахъ въ роли тѣлохранителей — Nobili, Lamansky, стр. 682. — Русская рабыня въ Венеціи 1328 тамъ-же, стр. 383. — Одинъ *servus* и одна *scilava* показаны между *animalia* въ инвентарѣ завѣщателя 1390 г. *Giorn. ligust. 17, 39, 40*. — Greg. Dati купилъ въ Валенціи рабыню и имѣлъ отъ нея сына: G. D. *Libro segreto 1869, стр. 32*. — Интересныя данныя и приказы (Венеція) о рабахъ на Кипрѣ 1494 (Lamansky). Весьма важный документъ 7 Марта 1506 г., запрещеніе освобождать рабовъ

и брать за нихъ выкупъ, такъ какъ на нихъ основана доходность республики. Количество рабовъ въ 1516 г. отъ 26 до 27 тысячъ, а средній выкупъ 50 дукатовъ. Для характеристики невольничества и торговли людьми большой интересъ представляетъ, несмотря на аллегорическую тенденцію. Collenuccio, Dialog: Misopenes (напеч. Римъ 1526), Saviotti 165. — Невольница у куртизанки, при чемъ передается ея неправильная рѣчь; Delicado, Lozana I, 211. — Рабыня въ домѣ одного флорентійскаго купца родитъ ему дочь; онъ ее воспитываетъ и даетъ приданное: (Lappo Mazze), стр. XLV. — Въ 1404 г. во Флоренціи упоминаются также черные изъ Индіи, но не какъ рабы, Mazzei, Lettere II, 30. — Невольница Catarina d'Ungheria куплена въ 1448 г. за 70 флор. съ обязательствомъ освободить ее за ту сумму, какая за нее была уплачена первымъ владѣльцемъ въ 1419 г., а именно 90 флор. — Иногда владѣлецъ отдавалъ невольницъ внаймы по 6 флор. въ годъ, Arch. stor. ital., 5 ser., 4 vol., стр. 163. — Невольникъ купленный за 35 дукатовъ служить на неаполитанскомъ суднѣ въ качествѣ trombetta (1470), Arch. napol. 9, 328. — Фердинандъ католическій посылаетъ папѣ сто сарациновъ изъ пяти тысячъ захваченныхъ имъ, при завоеваніи Малаги 1488, Conti I, 307. — По другой версіи ихъ было 200. — Landucci, стр. 227 говоритъ, что Цезарь Борджіа похищаетъ дѣтей, чтобы продавать ихъ въ Римѣ, какъ рабовъ.

LXV.

Изъ исторіи театра. — Нѣсколько данныхъ дополняющихъ картину. Большой интересъ представляютъ выводы Гаспари (между прочимъ указаніе на то, что женскія роли исполнялись мужчинами); далѣе Kreiznach т. I, Halle 1893, въ особ. 485—563, второй томъ содержитъ обширный матеріалъ; для болѣе древняго времени Cloetta. — О Leon. Dati кромѣ Гаспари см. Giorn. stor. 22, 415. — О Cefalo 1487, Psiche 1491 — то и другое Nicolo da Correggio, см. Luzio-Renier, Giorn. stor. 22, 90. — Первое представленіе „Calandria“ Бибиены по изслѣдов. Wernarecci состоялось 6-го Февраля 1513 г. въ Урбино. — Срв. также L. Celli: Un carnevale alla corte d'Urbino e la prima rappresentazione della „Calandria“

Castelplano 1894, см. пр. изъ Nuova rivista misena, т. 7. — Въ отдѣльности различныя факты, см. De-Amicis, L'imitazione latina nella comedia italiana del XVI secolo, Nuova edizione riveduta dall'autore. Firenze 1897. (Bibl. crit. della lett. ital. vol. 16, 17 diretta da Fr. Torraca). — Упомянутое выше, въ LXIII прилож. соч. Aug. Ser. Monopolitanus даетъ ясное представление о theatrum capitolinum. — Въ одномъ мѣстѣ упоминается Marius Capputius, какъ conservator, далѣе Joh. Ge. Cesarinus, structorum princeps, рядомъ съ нимъ Jul. Alberinus, M. A. Bufalus, Petrus Marganus, Jul. Lenus. При случаѣ говорится о томъ, что былъ представленъ Poenulus. Прологъ произнесъ Paulus Cannabatus, а Blossius (Palladius) игралъ senex Hanno; Jo. Bapt. Parmensis въ качествѣ режиссера. 4000 nummum auri ассигнованы сенатомъ на расходы. — Объ этомъ капитолійскомъ театрѣ Janitschek, Repertorium, см. Kunstwissensch. V, 259 . . . онъ пользуется собраніемъ Aurelius Serenus Monopolitanus, но главнымъ образомъ даетъ описаніе строеній и картинъ. — Устроитель представленій былъ (Fedra) Inghirami срв. также Rep. II, 416. — Архитектура вызывала всеобщее удивленіе и восхищеніе. Кстати упомянуть здѣсь, что по словамъ P. de Grassis (ed. 1884, стр. 77) папа распорядился представить comoediam vulgarem potius ridiculam quam moralem. — Трагедія (1499) Pamphila (Filostrato e Panfila) въ пяти актахъ Antonio Cammelli, detto il Pistoja заимствуетъ содержаніе изъ Decamerone IV, 1, изд. Rime di Cammelli publ. da Cappelletti e Ferrari, Livorno 1884, стр. 279—353. — Нарѣчіе въ комедіи, начиная съ Alione, конецъ 15 в., далѣе усиливается и пополняется Ruzzante, Burchiello, Calmo, срв. Rossi, Calmo стр. LXVII. — Calmo вводитъ типъ древнихъ (Pantalone) въ комедію dell'arte, Rossi, LXX.

LXVI.

Декорации. — Приводимое въ текстѣ извлеченіе изъ Franc. Sansovino въ оригиналѣ говоритъ слѣдующее: „Si sono anco spesso recitate delle tragedie con grandi apparecchi, composte da Poeti antichi o da moderni. Alle quali per la fama degli apparati, concorrevano le genti estere et circonvi-

cine per vederle et udirle. Ma hoggi le feste de particolari si fanno fra i parenti et essendosi la citta regolata per se medesima da certi anni in quà, si passano i tempi del Carnovale in Comedie e in altri piu leti e honorati dilette. — В. измѣняетъ parenti въ pareti, хотя въ этомъ нѣтъ необходимости: участливые родственники противопоставляются чужимъ людямъ. Неясное мѣсто означаетъ, вѣроятно, — „такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ измѣнился внутреннй порядокъ въ государствѣ“ (послѣ мира съ турками, 1573? Romanin, storia di Ven. VI, 341).—Въ новѣйшее время появились два сочиненія, которыя могутъ служить дополненіемъ къ сказанному въ текстѣ: Flecksig, Die Dekoration der modernen Bühne in Italien von den Anfängen bis zum Schluss des XVI Jahrh. Дрезденъ 1894 и Warburg, I costumi teatrali per gli intermezzi del 1589 etc. Florenz 1895 (S. D. изъ Atti dell' Accademia del R. Istituto Musicale die Firenze).

LXVII.

Автобіографіи. О личности Comines см. т. I— какъ мы видѣли Comines обязанъ своей способностью къ объективному сужденію пребыванію въ Италіи; нѣмецкіе гуманисты и государственные люди, напротивъ, несмотря на долгое пребываніе въ Италіи и усердное, часто плодотворное изученіе классическихъ источниковъ, не обнаружили большихъ успѣховъ въ искусствѣ характеристики и обрисовки характеровъ. Путешествія, біографіи и историческіе этюды нѣмецкихъ гуманистовъ 15-го, а часто и начала 16-го вѣка большею частью носятъ сухой характеръ и представляютъ простое перечисленіе или-же напыщенную, малосодержательную декламацию.

Исключеніе изъ этого общаго явленія представляютъ только нѣкоторые труды, какъ, письма Hutten'a содержащія нѣкоторыя біографическія сообщенія, отчасти лѣтопись Bartolamäus Sastrow и Joh. Kessler (Sabbata); въ этихъ произведеніяхъ превосходно отражается внутренняя борьба, хотя послѣдняя носить не столько обще-человѣческой характеръ, сколько религіозно-реформаторскій.

LXVIII.

Къ автобіографіямъ можно причислить недавно опубликованную Aleander'a; правильнѣе, это дневникъ, замѣтки изъ путешествій, краткія записи, часто сдѣланныя много лѣтъ спустя послѣ событій, послужившихъ поводомъ къ этому, иногда, напротивъ, это настоящій дневникъ, причемъ авторъ говоритъ о современныхъ событіяхъ, различныхъ случаяхъ изъ своей жизни, половой болѣзни (по гречески) о потерѣ золотой цѣпочки и о томъ, какъ онъ ее нашелъ, вслѣдствіе чего онъ предполагаетъ шесть дней поститься, о холодѣ и вообще о погодѣ, о своихъ расходахъ, записываетъ рецептъ и т. д. При этомъ онъ пользуется латинскимъ, греческимъ и даже еврейскимъ языкомъ. Въ числѣ его книгъ кромѣ греческихъ и римскихъ авторовъ находятся гуманисты Politianus, Picus, а также: Данте и Фруассаръ.

LXIX.

Ortensio Landi: Forcianaе quaestiones, in quibus varia Italorum ingenia explicantur, multaque alia scitu non indigna. Autore Philalete Polytopiensis cive.

Mauritii Scaevae carmen.

Quos hominum mores varios quas denique mentes
Diverso profert Itala terra solo
Quisve viris animus, mulierum et strenua virtus
Pulchre hoc exili codice lector habes.

Neapoli excedebat Martinus de Ragusia. Anno MDXXXVI, 24 VI. Это небольшое сочиненіе, упоминаемое Ranke, считается произведеніемъ Ortensio Landi (срв. Tirabocchi VII, 800—812) хотя авторъ нигдѣ не указанъ. Названіе произведенія объясняется исторіей его возникновенія, такъ какъ цѣль его передать содержаніе бесѣдъ въ большомъ обществѣ мужчинъ и дамъ въ купальномъ мѣстѣ Forcium, близъ Лукки, на тему о томъ, почему люди такъ сильно различаются между собой. Вопросъ остается нерѣшеннымъ, но попутно рассматриваются качества, проявляемыя итальянцами въ различныхъ жизненныхъ явленіяхъ: въ занятіяхъ, тор-

говлѣ, войнѣ (это мѣсто цитируетъ Ранке), образѣ жизни, одеждѣ, языкѣ, разсужденіи, склонности къ ненависти и любви, ухаживаніи за женщинами, приѣмѣ гостей, ѣдѣ; въ заключеніе говорится о различіи философскихъ системъ. — Въ особенности много мѣста удѣляется женщинамъ — ихъ различію между собой вообще, могуществу ихъ красоты, наконецъ, вопросу о томъ, равны-ли женщины мужчинамъ или превосходятъ ихъ. Ниже мы воспользуемся нѣкоторыми частями этого сочиненія. Здѣсь достаточно привести слѣдующій отрывокъ (Fol. 7 b. fg.):

Aperiam nunc quae sit in consilio aut dando aut accipiendo dissimilitudo. Praestant consilio Mediolanenses, sed aliorum gratia, potius quam sua. Sunt nullo consilio Genuenses. Rumor est Venetos abundare. Sunt perutili consilio Lucenses, idque aperte indicarunt, cum in tanto totius Italiae ardore, tot hostibus circumsepti suam libertatem, ad quam nati videntur semper tutati sint, nulla quidem, aut capitis, aut fortunarum ratione habita. Quis poro non vehementer admiretur? Quis callida consilia non stupeat? Equidem quotiescunque cogito, quanta prudentia ingruentes procellas evitarint, quanta solertia impendentia pericula effugerint, adducor in stuporem. Lucanis vero summum est studium, eos deludere, qui consilii captandi gratia adeunt, ipsi vero omnia inconsulte et temere faciunt. Brutii optimo sunt consilio, sed ut incommodent, ac perniciem afferant, in rebus quae sunt magnae deliberationis dictu mirum quam stupidi sint, eisdem plane dotibus instructi sunt Volsci, quod ad caedes ac furta paulo propensiores sint. Pisani bono quidem sunt consilio, sed parum constanti, si quis diversum ab eis senserit, mox acquiescunt, rursus si aliter suadeas, mutabunt consilium, illud in caussa fuit, quod tam duram ac diuturnam obsidionem ad extremum usque non pertulerint. Placentini utrisque abundant consiliis, scilicet salutaribus, ac pernitiosis, non facile tamen ab eis impetres pestilens consilium, apud Regienses neque consilii copiam invenias. — Si sequare Mutinensium consilia, raro cedit infelicitur, sunt enim peracutissimo consilio, et voluntate plane bona. Providi sunt Florentini (si unum quemque seorsum accipias), si vero simul conjuncti sint, non admodum mihi illorum consilia probabuntur; feliciter cedunt Senensium consilia, subita sunt Perusinarum; salutaria Ferrariensium, fideli sunt consilio Veronenses;

semper ambigui sunt in consiliis aut dandis aut accipiendis Patavini. Sunt pertinaces in eo quod coeperint consilio Bergomates, respuunt omnium consilia Neapolitani, sunt consultissimi Bononiensis.

Въ новѣйшее время I. Sancchi говоритъ о О. Л. въ своей книгѣ, Пистойя 1893 г.

LXX.

Ortensio Landi Commentario delle piu notabili et mostuose cose d'Italia et altri luoghi, di lingua Aramea in Italiana tradotto. Con un breve catalogo degli inventori delle cose che si mangiano et beveno, novamente ritrovato. In Venetia 1553 (первонач. напечатано въ 1548 г., написано послѣ путешествія по Италіи, предпринятаго въ 1543 и 1544 году). Доказательствомъ того, что авторъ *Commentario* есть дѣйствительно Landi, служатъ слова Nicolo Morra (въ послѣсловіи): il presente commentario nato del constantissimo cervello di M. O. L. и изъ подписи (Fol. 70 a): *SVISNETROH. SVDNAL, ROTUA, TSE* = est autor Landus Hortensius. Вслѣдъ за предвѣщаніемъ о будущемъ Италіи, изъ устъ одного удивительнаго старца идетъ описаніе путешествія изъ Сициліи, черезъ всю Италію, въ Грецію и на Востокъ. Въ этомъ описаніи говорится болѣе или менѣе подробно о каждомъ городѣ Италіи въ отдѣльности; вѣрный своему взгляду на вещи авторъ особенно хвалитъ городъ Лукку; большимъ преимуществомъ пользуется также Венеція, гдѣ онъ неоднократно бывалъ вмѣстѣ съ Пьеро Аретино, подробнѣе другихъ также описывается Миланъ, при чемъ много невѣроятныхъ исторій (Fol. 25). И въ другихъ мѣстахъ говорится о розахъ, цвѣтушихъ круглый годъ, звѣздахъ, появляющихся въ полночь, птицахъ, превращающихся въ людей, людяхъ съ бычачьими головами, морскихъ людяхъ, людяхъ извергающихъ пламень изо рта и т. п. Далѣе, имѣются различныя полезныя сообщенія, которыми мы еще воспользуемся ниже, краткія свѣдѣнія о лютеранахъ и частыя жалобы на тяжелое время и печальныя обстоятельства вокругъ. Такъ, однажды, онъ говоритъ: Son questi Italiani, liquali un fato d'arme uccisero pucento milla Francesi? sono finalmente quelli, che di tutto 'l

mondo s'impadronirno? Hai quanto (per quel che io vego) degenerati sono. Hai quanto dissimili mipaiono dalli antichi padri loro, liquali et singlar virtu di cuore et disciplina militare ugualmente mostrarno havere.

LXXI.

Врачи и медицина. Болѣзнь morbus gallicus см. н. прил. XLVII, стр. 341. Не вдаваясь въ исторію врачебной науки мы приведемъ здѣсь лишь отдѣльныя свѣдѣнія и факты, извлеченные изъ литературныхъ и культурно-историческихъ источниковъ. (О врачахъ см. в. т. I, прилож. XXVI). — Договоръ глазного врача и прачки 1479, 28 сент. Arch. Ven. 29, 418. — A. Corradi, L'acqua del legno e le cure depurative del cinquecento, см. Annali universali. — A. Rossi et L. Marconi, I medici dall' acqua condotti dal Comune di Perugia nel cinquecento. Перуджиа 1881 г. — Насмѣшки надъ врачами были очень распространеннымъ явленіемъ, срв. Petrarca . . . Также Salutati, письма I, стр. 171, вмѣсто physiologi иронически говорить fingilogi и спорить противъ утвержденія, что испорченный воздухъ способствуетъ чумной эпидеміи. Въ томъ-же родѣ II, 89. — Салутати написалъ (1399) трактатъ, въ которомъ превозноситъ юриспруденцію и нападаетъ на медицину. Слѣдующее соч. также принадлежитъ, повидимому, итальянцу: Branchaleone (Fr.) De balneorum utilitate cum ad sanitatem tuendam, tum ad morbos curandos dialogus. Parisiis, Christ. Vecchelus, 1536. — Интересный разговоръ между врачомъ и хирургомъ Delicado, Lozana II, 231. — Крестьянинъ въ роли врача, причемъ торжествуетъ крестьянская хитрость, срв. данныя Rossi: Calmo, стр. 271. — Голландскій купецъ Vielmo (Вильгельмъ) пробуетъ лечить колдовствомъ тяжело раненнаго венеціанца; вслѣдъ за кажущимся улучшеніемъ, тотъ умираетъ; Sanudo 35, 221, 230. (28 Янв. 1 Февр. 1518 г.). — Замѣчательный рецептъ врача с. 1400. Mazzei I, CXXVI прим.; тамъ-же еще нѣкоторыя врачебныя предписанія II, 355; 371—375 перечень различныхъ блюдъ, полезныхъ больнымъ. Въ особенности рекомендуется телятина и мясо голубей (повидимому врачъ самъ питался также одной растительной пищей); изъ плодовъ не

рекомендуются *basselli, mele, castagne, pere*. Ложиться спустя часъ послѣ ужина. При вставаніи отъ сна *fregare il capo con uno sciagatoio ruvido leggermente*; потомъ движеніе, пока согрѣешья.—Относительно *pietra de Aquila*, помогающихъ при родахъ, срв. *Marzolo I, pregiudizi medicine* Миланъ 1879 г. *Luzio-Renier* 1893, стр. 70. Первымъ изъ итальянскихъ врачей рекомендовавшихъ минеральныя ванны съ лечебными цѣлями былъ *Ugolino de Montecatini* въ его соч. *de balneis*. — Свѣдѣнія объ авторѣ, который былъ другомъ *Colluc. Salutati* и его произведеніи срв. (*Novati*) *Memorie del R. Istituto Lombardo XX, 3*.—Жестокія нападки на врачей: *sacri drammi* см. *d'Ancona, Origini I, 579—587*. — *Landucci* сообщаетъ какъ о рѣдкомъ фактѣ о томъ, что тѣло одного повѣшеннаго вора было передано врачамъ для анатомическихъ цѣлей; въ разрѣшеніи на эту передачу сказано, что врачи должны отслужить при этомъ мессу на свой счетъ за душу умершаго. — Кстати, нельзя не обратить вниманіе также на знаменитый споръ ученаго натуралиста и врача *Nicolo Leonisepo*, который указалъ на ошибки *Плинія*, вслѣдствіе чего появились публичныя опроверженія *A. Poliziano, Collenuccio. Defensio Pliniana* и *E. Barbaro, Castigationes Plinianae*. Друзья классической древности были сильно возбуждены утверждениемъ *L.*, увѣрявшаго, что онъ можетъ наполнить цѣлую книгу ошибками *Плинія*. Обильный матеріалъ — перечень болѣзней и способовъ леченія (мочеизнуреніе, летаргическій сонъ и т. д.) представляетъ *Cardanus, de rerum varietate lib. VIII; de subtilitate, de sanitate tuenda; Bapt. Fulgosius dictorum factorumque memorabilium libri 9. Basel 1567* (о послѣдней книгѣ срв. также в. т. I, стр. 341, гдѣ говорится о странныхъ случаяхъ въ медицинѣ). — Какъ свирѣпствовала чума въ XIV и XV вѣкахъ во Флоренціи, можно видѣть изъ безчисленныхъ сообщеній *Salutati, Mazzei, Landucci*. Но свѣдѣнія имѣютъ большею частью общій характеръ, нѣтъ опредѣленныхъ цифръ. — Свѣдѣнія о жалованьи получаемомъ врачами въ Венеціи (14 вѣка) см. *Cecchetti, Arch. Ven. XXVI, XXXI*.—Многія цѣлебныя средства указаны въ *Experimenti, Caterina Sforza*, см. в.—*Clodovico Bonfigli* пользуется *Pragmaticae edicta*, издан. *Prosper Caravita, Неаполь 1570 г.* и сообщалъ подъ титуломъ *L'igiene publica nel secolo XV* (*Giorn. della societa d'igiene 1885, VII*) неаполитанскіе эдикты

1487 г., частью составленные Pontano. — Каждую субботу производилась чистка улицъ, и мусоръ вывозился за городъ, а жидкія нечистоты уводились въ подземныя клоаки. Начиная съ Мая до Сентября никто не долженъ былъ въ городѣ *brusciare linacio, raglia ò letame*. — Во времена чумныхъ эпидемій принимались особыя мѣры: всѣ нищія должны были покидать городъ, подѣ угрозой тѣлесныхъ наказаній. Въ школахъ прекращалось ученіе. Врачи и лица должностныя, принадлежащія къ врачебному персоналу, должны были носить отличительный знакъ. (Извѣстное число евреевъ должно было оставить городъ, причемъ гарантировалась безопасность). Въ домахъ, гдѣ констатировался случай болѣзни, всѣ собаки и кошки подвергались избіенію. Денежный штрафъ за нарушеніе правилъ доходилъ до *cinquanta onze*. — Въ качествѣ комиссара санитарнаго вѣдомства упоминается *Cola Pagliaminuta*.

LXXII.

Одинъ изъ феррарскихъ придворныхъ поэтовъ *Ercole Strozza* (*Strozzii poetae fol. 85, 88*) говоритъ въ своихъ стихахъ о глазахъ Лукреціи Борджіа. Могущество ея взгляда изображается такимъ образомъ, какъ это понятно только въ исключительно художественный вѣкъ. — По словамъ поэта этотъ взглядъ то дѣйствуетъ какъ пламень, то заставляетъ окаменѣвать. Кто долго смотритъ на солнце, становится слѣпымъ, кто смотритъ на Медузу — окаменѣваетъ — такое-же дѣйствіе производятъ и ея глаза, даже мраморный амуръ въ ея залахъ:

Lumine Borgiados saxificatus Amor.

Быль-ли это такъ называемый Праксителевскій амуръ или работы Микель-Анджелло, остается нерѣшеннымъ, такъ какъ и тотъ и другой находились въ ея владѣніи.

Но тотъ-же взглядъ рисуется у другого поэта *Marcello Filosseno* кроткимъ и гордымъ, *mansueto e altero* (*Roscoe Leone X, ed. Bossi, VII, стр. 306*). Глаза ея были голубого цвѣта, *bianco*, какъ говоритъ современникъ *Cagnolo* изъ Пармы (*Gregorovius, Lucr. Borgia I, 226*); и въ настоящее время еще выраженіе *occhi, bianchi* значитъ голубые глаза. Портрета Лукреціи съ натуры не существуетъ, есть только

4 копии съ трехъ различныхъ оригиналовъ 1500—1510 г. и двѣ медали, срв. Yriarte, Césare Borgia I, стр. 10).

Нерѣдко въ то время приводится сравненіе съ античнымъ оригиналомъ (т. I, стр. 32, 199). Такъ о десятилѣтнемъ мальчикѣ говорится въ Орландино (II т.), что у него античная голова ed ha capo romano. — Въ дополненіе къ характеристикѣ идеальной красоты у Firenzeuola можно указать на разборъ настоящей красоты Saltarella во Флоренціи, какъ это видимъ въ письмѣ Nic. Martelli 1546, къ Simone Strozzi, срв. Cian, Galanterie italiane Turin, стр. 23.

LXXIII.

О турнирахъ Lorenzo и Giuliano срв. Reumont, Lorenzo 2 вып. 195, 263; II. 53. 458 и приведенныя тамъ мѣста. Первый приходится на 1469 г., послѣдній на 1475 г. Кромѣ рукописнаго сообщенія, опублик. въ журн. Н. Borghini (Флоренція 1864) къ первому относится также героическая поэма о Giostra, напечат. 4 раза до 1527 г., а затѣмъ вмѣстѣ съ Ciriffo Calvaneo (авт. Luca Pulci, старшій братъ Luigi) въ изд. С. С. con la giostra del magnifico Lorenzo de Medici, Флоренція 1572, стр. 75—91; стансы о Giostra безъ сомнѣнія принадлежатъ Luigi, срв. G. Wolpi, Giorn. Stor. 16, 361—367. R. Truffi пробуетъ доказать, что Giostra принадлежатъ Luca P., но его доказательства неубѣдительны. Срв. также Giorn. stor. 30. 365. — Къ турниру Giuliano относится неоконченное, начатое повидимому въ 1476 г., непосредственно вслѣдъ за событіемъ стихотвореніе Ang. Poliziano, лучше всего въ изд. Carducci: Le Stanze, l'Orfeo e le Rime di M. A. P. Флоренція 1863 г. Впрочемъ, Poliziano въ своемъ стихотвореніи останавливается передъ началомъ турнира, тогда какъ Pulci даетъ подробное описаніе поведенія борющихся и приемовъ борьбы; въ особенности хорошо описаніе Lorenzo. — G. Mazzoni, Luca o Luigi Pulci (Propugnatore N. S. I. 1, 132—136) высказывается за то, что Driadeo (нов. изд. Ливорно 1888) принадлежитъ Luca P. (Flamini защищалъ это воззрѣніе еще въ 1888 г.; B. Rossi и G. Vaccini тоже были близки къ этому, срв. Giorn. di erudizione, 1892, IV, 20); Ciriffo Calvaneo и Giostra начаты Luca P. и окончены Luigi. — Смѣшеніе именъ произошло оттого, что Luca по латински Lucio.

LXXIV.

Подлинность эклогъ Данте въ послѣднее время сильно оспаривается Гаспари, также какъ итальянскими писателями. Напротивъ за подлинность стоитъ Франс. Масри-Леоне въ его соч.: *La bucolica latina nella letteratura italiana del secolo XIV con una introduzione sulla bucolica latina nel medioevo.* Туринъ 1889 г. Въ началѣ 16 вѣка ecloga aulica 15 вѣка уступаетъ мѣсто настоящей народной комедіи alla villanesca, которой слѣдуютъ затѣмъ Calmo и Ruzzante (1520). Въ послѣднее время эта народная комедія стала предметомъ особаго вниманія и появилась въ изданіяхъ образцовъ: *ecloga rusticale*, Cesare Nappi, изд. L. Fratti (1893) *favola pastorale*, Cavassico (Cian I, 204 и II, 88).

LXXV.

О крестьянахъ. Мы не можемъ дать подробныхъ данныхъ о положеніи крестьянъ того времени въ Италіи вообще и въ частности въ различныхъ мѣстностяхъ. Свѣдѣнія о количествѣ собственныхъ и арендованныхъ угодій а также обложеніи тѣхъ и другихъ находятся въ специальныхъ сочиненіяхъ. Прекрасное сопоставленіе цифръ находится въ I отд. замѣчательнаго сочиненія Роберта Пѣльманъ: *Die Wirtschaftspolitik der Florentiner Renaissance und das Princip der Verkehrsfreiheit.* Gekrönte Preisschrift. Leipzig 1878 г. — Во времена смуть крестьянское населеніе часто дичаетъ (Arch. stor. XVI, I стр. 451 г. 1440.— Corio, fol. 259.— *Annales Foroliv.* см. Murat. XXII, Col. 227; здѣсь указывается на то, что *rustici machinantes contra statum scelera* вѣшалпсь), но нигдѣ не доходило до народной войны въ обширныхъ размѣрахъ. — Впрочемъ народное возстаніе въ Пьяченцѣ въ 1462 г. приняло довольно значительный характеръ и само по себѣ представляетъ интересъ. Срв. Corio, *Storia di Milano*, fol. 409. *Annales Placent.* у Murat. XX, Col. 907. Sismondi V, стр. 138. Срв. также гл. 1, отд. VI.— Изъ наиболѣе раннихъ описаній крестьянской жизни: F. Bарт. Mantuani *Bucolica seu adolescentia in decem eclogas divisa*, изд. нѣск. разъ.

Страсбургъ 1504.—Время сочиненія видно изъ предисловія, написаннаго въ 1498 г., откуда видно также, что 9-я и 10-я эклоги прибавлены позже. Въ эпитафій кь этимъ эклогамъ говорится: *post religionis ingressum*, а въ 7-мь напротивъ: *cum jam autor ad religionem aspiraret*. Въ эклогахъ трактуется далеко не одна только крестьянская жизнь; послѣдняя служить предметомъ преимущественно двухъ другихъ, а именно шестой: *de disceptatione rusticorum et civium* (авторъ склоняется больше на сторону крестьянъ) и восьмой, *de rusticorum religione*; въ прочихъ говорится о любви, объ отношеніи богатыхъ людей кь поэтамъ, объ обращеніи кь религіи, о нравахъ римской куріи.

LXXVI.

Враждебное отношеніе кь крестьянамъ. Эпиграммы Maffeo Vegio противъ крестьянъ приводятся у Biadego, Catal. della bibl. di Verona 1892. — Оригиналъ его *Rusticalia* въ Giorn. stor. XXIV, 436. Срв. также Novati: *Carmina medii aevi*, Флор. 1883, стр. 30. Въ общ. Dan. Merlini, *Saggio di ricerche sulla satira contra il villano. Con appendice di documenti inediti*, Turin 1894.

Заслуживаютъ вниманія слѣдующія подробности: Враждебное отношеніе кь крестьянамъ у Sercambi 3, 46: выраженіе удивленія королю, какъ онъ можетъ полагаться на крестьянъ, *li homini grossi et materiali, nati in ne boschi e in nelle montagne come le bestie*; крестьяне изъ окрестностей Бресчии считаются худшими. — Осмѣяніе языка и нравовъ крестьянъ въ *Sacri drammi* см. d'Ancona *Origini* I, 603—609. — Разбогатѣвшая и заносчивая крестьянка осмѣивается въ сонетѣ: Pistoja (ed. Renier 1888 nr. 189). — Здѣсь кстати упомянуть слѣдующее замѣчаніе о крестьянахъ *Salutati*, письма III, 59: *examina, si placet, agricolas nostros et artifices manuales; invenies hujus sortis homines ab uxoribus taliter adjuvari quod ipse abunde se laboribus nutriant suis et virsi multotiens lucris aequant saepeque domibus plus inferant quam mariti.*

LXXVII.

Io. Pici oratio de hominis dignitate. Цирара: Statuit tandem optimus opifex ut cui dari nihil proprium poterat commune esset quidquid privatum singulis fuerat. Igitur hominem accepit indiscretæ opus imaginis atque in mundi positum meditullio sic est alloquutus: Nec certam sedem, nec propriam faciem, ne munus ullum peculiare tibi dedimus, o Adam, utquam sedem quam faciem quæ munera tute optaveris, ea pro voto pro tua sententia habeas et possideas. Definita caeteris natura intra praescriptas a nobis leges coercetur, tu nullis angustiis coercitus pro tuo arbitrio, in cujus manus te posui, tibi illam praefinies. Medium te mundi posui ut circumspiceres inde commodius quidquid est in mundo. Nec te caelestem neque terrenum, neque mortalem, neque immortalem facimus, ut tui ipsius quasi arbitrarius honorariusque partes et fitor in quam malueris tute formam effingas. Poteris in inferiora quæ sunt bruta degenerare, poteris in superiora quæ sunt divina ex tui animi sententia regenerari. O summam dei patris liberalitatem, summam et admirandam hominis felicitatem. Cui datum id habere, quod optat, id esse quod velit. Bruta simulatque nascuntur id secum afferunt, ut ait Lucilius (Non. 78, 14) e bulga matris quod possessura sunt; supremi spiritus aut ab initio aut paulo mox id fuerunt quod sunt futuri in perpetuas aeternitates. Nascenti homini omnifaria semina et omnigenae vitae germina indidit pater: quæ quisque excoluerit illa adolescent et fructus suos ferent in illo. Si vegetalia, planta fiet, si sensualia, obbrutescet, si rationalia, caeleste evadet animal, si intellectualia, angelus erit et dei filius et si nulla creaturarum sorte contentus in unitatis centrum suae se receperit unus cum deo spiritus factus in solitaria patris caligine qui est super omnia constitutus omnibus antestabit.

Эта рѣчь впервые помѣщена въ соментationes, Joh. Picius, безъ спеціальнаго названія; статья de hominis dignitate прибавлена позднѣе. Она не вполне умѣстна, такъ какъ ставитъ своей задачей защиту своеобразной философи Писуса и восхваление еврейской кабалы. Относительно Писуса срв. выше текстъ, гдѣ въ особенности говорится о его нападкахъ на

астрологию. Новѣйшіе изслѣдователи, какъ Dorez и др. много занимались его личностью. — За два слишкомъ столѣтія до того Brunetto Latini сказалъ (Tesoro, lib. I cap. 13, изд. Chabaille, Paris 1863 г.): Toutes choses dou cieuf en aval sont faites pour l'ome; mais li hom at faiz pour lui meisme. Это мнѣніе показалось одному изъ современниковъ слишкомъ матеріальнымъ и онъ прибавилъ: et pour Dieu amer et servir et por avoir la joi pardurable.

LXXVIII.

Взглядъ на аристократію. Извѣстныя слова Данте: E gentilezza dovunque è vertude ma non vertu dov' ella вызвало большое разсужденіе Salutati, письма III, 645—652, при чемъ авторъ письма становится вполне на точку зрѣнія Данте.— Col. Salutati жалуется въ письмахъ, что знатные и богатые люди пренебрегаютъ ученіемъ (въ др. разъ говорится Vir-tuti vel studio literarum). — Далѣе Salutati (письма III, 599) говоритъ, что, къ стыду знатныхъ, въ ихъ средѣ не возникаетъ никакихъ литературныхъ произведеній.

LXXIX.

Нападки на знать. Макиавелли (Discorsi I, 55 глав-нымъ образомъ строго осуждаетъ дворянъ, пользующихся феодальными преимуществами, не приносящихъ пользы и производящихъ только разрушительное полиргическое влія-ніе. — Agrippa (Nettesheim) обязанный своими замѣчатель-ными идеями пребыванію въ Италіи, нападаетъ на дворянъ и государей сильнѣе можетъ быть всѣхъ другихъ писателей, при чемъ сказывается характеръ сѣверныхъ воззрѣній (de incert. et vanitate scient. Cap. 80 opp. ed. Lugd. II, 212—230. — Въ одномъ мѣстѣ говорится слѣдующее: Si . . . nobilitatis primordia requiramus, comperiemus hanc nefaria perfidia et crudelitate partam, si ingressum spectemus, reperiemus hanc mercenaria militia et latrociniiis auctam. Nobilitas revera nihil aliud est quam robusta improbitas atque dignitas non nisi scelere quaesita benedictio et haereditas pessimorum quorum-cunque filiorum. Въ исторіи аристократіи онъ говоритъ также и объ итальянской.

LXXX.

Турниры. Senarega, de reb. Gen. у Murat. XXIV, col. 525; Во время свадьбы Joh. Adurnus и Leonora (Sanseverino)... edita sunt... proposita et data victoribus praemia. Ludi multiformes in palatio celebrati a quibus tamquam a re nova pendebat plebs et integros dies illis spectantibus impendebat.— Angel. Politianus пишетъ къ Joh. Picus о скачкахъ его учениковъ (Ang. Pol. epist. lib. XII, ep. 6): tu tamen a me solos fieri poetas aut oratores putas, at ego non minus facio bellatores. — Ortensio Landi говоритъ (Commentario, срв. прилож. LXX) fol. 180 о единоборствѣ двухъ солдатъ въ Coreggio; этотъ поединокъ, окончившійся смертью одного изъ нихъ, очень напоминаетъ древній поединокъ гладиаторовъ. (Авторъ часто даетъ полную свободу своей фантазіи, но въ данномъ случаѣ повидимому заслуживаетъ довѣрія). Изъ приводимыхъ указаній слѣдуетъ, что въ такихъ поединкахъ могли выступать лица и не обладавшія рыцарскимъ достоинствомъ.— Противъ турнировъ выступаетъ уже Петрарка, epist. senil. XI, 13 къ Ugo, Marchese Este (здѣсь, очевидно, случай, имѣвшій мѣсто не во Флоренціи). Другое мѣсто Epist. famil. lib. V ep. 6 (изд. Fracassetti, vol. 1, стр. 272, Dec. 1343) рисуетъ ужасъ, испытанный поэтомъ, когда онъ видѣлъ, какъ упалъ на землю рыцарь на одномъ турнирѣ въ Неаполѣ. (Законы и правила, установленные для турнировъ въ Неаполѣ, срв. Fracassetti, итал. переводъ писемъ Петрарки, Флоренція 1864, II, стр. 34.— L. B. Alberti также высказывается противъ связанныхъ съ турнирами опасностей, вреда вообще и бесполезныхъ расходовъ; della famiglia Opp. Volg. II, стр. 229.— Правила турнировъ и подробное обозначеніе расходовъ, Padua 1514, Marin Sanudo 19, 399. Прочая литература по этому предмету см. Z. II, стр. 108.

LXXXI.

Осмѣиванье турнировъ. Срв. упомянутыя стихотворенія Poliziano и Luigi Pulci, прил. LXXXIII. — Далѣе Paul. Jov. Vita Leonis X, L. I. Неизвѣстная до сихъ поръ каррикатура (флорентійская), относящаяся къ XIV вѣку — рисунокъ пе-

ромъ — впервые изображающая рыцарскій турниръ въ карикатурномъ видѣ, найдена Robert'омъ Davidsohn, по сообщ. *Repertorium für Kunstwissenschaft* (1899). Этотъ рисунокъ оказался на одномъ документѣ флорентійской торговой палаты (1320 г.); карикатура изображаетъ въ смѣшномъ видѣ рыцаря, лицо котораго набросано нѣсколькими штрихами, онъ держитъ въ рукахъ копье въ полтора раза длиннѣе своего коня и устремляется противъ другого всадника, сопровождаемаго двумя пажами; послѣдній сидитъ на конѣ, сгорбившись подъ тяжестью желѣзныхъ латъ, слишкомъ широкихъ и тяжелыхъ для его жидкой фигуры.— Machiav., *Storie florent.* L. VII.— Paul. Jov. *Elogia* приводитъ въ двухъ мѣстахъ примѣры вродѣ турнировъ: Petrus Medices пренебрегалъ нужными дѣлами, ради турнировъ и рыцарскихъ забавъ, а Franc. Barbonius заплатилъ жизнь за одно изъ такихъ опасныхъ развлеченій. — Vasari IX, 219 v. di Granacci.— Pulci въ своемъ *Morgante*, сочинявшемся на глазахъ Лоренцо, изображаетъ рыцарей часто смѣшными въ рѣчахъ и поступкахъ, но искусными въ упражненіи оружіемъ. Bojardo также пишетъ для зватоковъ турнировъ и военнаго дѣла.— Турниръ въ честь французскаго короля изъ ранняго періода исторіи Флоренціи (1380) описанъ у Leon. Aret. *hist. Flor. lib.* XI, ed. Argent. стр. 222. — Турниры въ Феррарѣ 1464, *Diario Ferrar. Muratori* XXIV. Col. 208 — въ Венеціи, Sansovino, *Venezia fol.* 153 — въ Болоньѣ 1470, secq. Burselles, *Annal. Bonon. Murat.* XXIII, Col. 898, 903, 906, 908, 911, причемъ можно замѣтить удивительную смѣсь съ тѣмъ пафосомъ, который наблюдался тогда въ римскихъ триумфахъ; *ut antiquitas Romana renovata videretur* — такъ говорится въ одномъ мѣстѣ. — Турниръ нашелъ своего бытописателя въ лицѣ Giovanni Sabbadini degli Arienti (1459—1511) изд. A. Zambiasi, Parma 1888). Въ качествѣ побѣдителя восхваляется Egano Lambertini. Большое стихотвореніе, относящееся къ тому-же турниру, носитъ названіе *Torneamento* и принадлежитъ Francesco Cieco изъ Флоренціи, срв. *Giorn. stor.* XI, 296. — Федерико Урбинскій на одномъ такомъ турнирѣ потерялъ глазъ *ab ictu lanceae*.— Въ отношеніи сѣверныхъ турнировъ того времени изъ многихъ авторовъ можно остановиться на: Olivier de la Marche, *Memoires, passim*, въ особ. Cap. 8, 9, 14, 16, 18, 19, 21.

LXXXII.

Женскіе наряды и законы о роскоши. Подобнаго рода перечень женскихъ дорогихъ украшеній въ часто упоминаем. соч. Luzio et Renier (1893) далѣе *Bulletino dell' Istit. Stor. ital.* No. 13, Rom 1893 и Motta, *Nozze principesche*, Миланъ 1894, стр. 16. Послѣдняя опись занимаетъ восемь страницъ и заключаетъ въ себѣ такія цѣнности, въ сравненіи съ которыми приводимое въ текстѣ является незначительнымъ. Другая опись позднѣйшаго времени (1535) тамъ-же стр. 27—36. Перечень жемчуга, серебряной посуды и т. д. подаренныхъ Galeazzo Maria его супругѣ, Бонѣ Савойской (1468) тамъ-же стр. 39—53,—какъ замѣчаетъ самъ издатель *di una ricchezza soprassante ogni idea*. Стоимость перечисленныхъ драгоценностей опредѣлялась въ 207.000 дукатовъ. Изъ нихъ самыя дорогія это въ 30.000 дукатовъ *collana bianca e morella cum un ziglio facto com uno diamante grandissimo et una perla grossa* и цѣною въ 25.000. *Balasso cum uno smeraldo in cima cum sei diamanti in poncta et perla una grossa com uno piro.* — Тамъ-же стр. 71—81 перечень драгоценностей Ипполиты Сфорца, а также принадлежащихъ ей другихъ вещей: книгъ, одежды и пр.—Для позднѣйшаго періода укажемъ на *Giov. Marinelli: Gli ornamenti delle donne, Венеція 1547*. Первое изданіе въ 1562 г. (Подробно въ отношеніи волосъ, глазъ, ушей, зубовъ . . . дыханіе, кровь, шея, голова и т. д.) — Интересный инвентарь *Nanina Medici*, не вѣстка купца *Giov. Rucellai*, см. *Marcotti* стр. 89. — Интересныя сообщенія о женскихъ модахъ въ Генуѣ 1518, *Giorni ligust.* 2 стр. 395. *Batina Ciba, inventrice de tutte le pompe feminine*, какъ ее называютъ, дѣлаетъ себѣ платье, рассчитывая *restare sola in tale abito.*—На одномъ празднествѣ въ Генуѣ въ 1415 г. насчитывается 700 женщинъ, щеголяющихъ золотомъ и брилльантами, *Giorn. lig.* 12, 33. — Въ Венеціи въ 1433 г. было болѣе 600 дамъ, „показывавшихся на улицѣ въ шелку, золотѣ, серебрѣ и дорогихъ тканяхъ и поражавшихъ своимъ великолѣпіемъ“, (*che è una maesta vederle*) *Luzio-Renier* 63, 454. --- *Luzio-Renier* 63 *passim*: о нарядахъ и драгоценныхъ украшеніяхъ Изабеллы д'Есте и ея современницъ, законодательницъ моды того времени и ея

соперничествѣ въ этомъ отношеніи съ Лукреціей Борджія и Беатриче Сфорца, которую называли *novatum vestium inventrix*.— Перечень нарядовъ молодой женщины (1466) съ указаніемъ стоимости каждой вещи, Landucci 6—8.— Вѣера дополнявшіе туалетъ дѣлались, какъ и теперь, такъ, что могли открываться и закрываться. Luzio-Renier 65, 687. — Опись драгоценностей (жемчугъ и пр.) принадлежавшихъ Tullia d'Aragona см. Rodocanachi, *Courtisanes* 1894, стр. 180.— „Corredo“ Bianca Maria di Challant 1522 напечатанъ въ Arch. di stor. ital. 3. ser. 4. vol. 1898 стр. 305. — Обширная литература о законахъ относящихся къ роскоши у Luzio-Renier 63, 446, 1.— Pastor III, 76. — Миланскіе законы о роскоши 1396 г. 1498 опубликована у C. Verga, Arch. stor. lomb. XXV. — Законы о роскоши въ Тревизо 1507 сообщенъ L. G. Pelissier въ N. Arch. Ven. XIV, 52—57; Генуя 1499 г. F. Eyssenhardt im neuen Reich 1881, 1. Nr. 35. Законы о роскоши въ Gubbio 14—16 в. Boll. della soc. Umbria, 1897, 287. Эти законы носятъ очень строгій характеръ: разрѣшается носить въ видѣ украшенія не болѣе 4 унцій серебра; женамъ ученыхъ юристовъ и врачей 6 унцій; одно только кольцо. Запрещено вышивать на платьѣ дерева и животныхъ.

LXXIII.

Различные итальянскіе костюмы по Landi. Приведемъ здѣсь интересное извлеченіе изъ этой рѣдкой книжки (см. в. прил. LXIX). Историческое событіе, на которое здѣсь указывается, есть завоеваніе Милана Antonio Leiva, полководцемъ Карла V, 1522 г.— *Olim splendidissime vestiebant Mediolanenses. Sed postquam Carolus Caesar in eam urbem tetram et monstruosam Bestiam immisit, ita consumpti et exhausti sunt, ut vestimentorum splendorem omnium maxime oderint, et quem admodum ante illa durissima Antoniana tempora nihil aliud fere cogitabant quam de mutandis vestibus, nunc alia cogitant, ac mente versant. Non potuit tamen illa Leviana rabies tantum perdere, neque illa in exhausta depraedandi libidine tantum expilare, quin a re familiari adhuc belle parati fiant, atque ita vestiant quaemadmodum decere existimant. Et certe nisi illa Antonii Levae studia egregios quosdam imitatores invenissent, meo quidem iudicio, nulli cederent. Neapolitani nimios*

exercent in vestitu sumptus. Genuensium vestitum perelegantem judico, neque sagati sunt neque togati. Ferme oblitus eram Venetorum. Ji togati omnes. Decet quidem ille habitus adulta aetata homines, juvenes vero (si quid ego judico) minime utuntur panno quem ipsi vulgo Venetum appellant, ita probe confecto, ut perpetuo durare existimes, saepissime vero eas vestas gestant nepotes, quas olim tritavi gestarunt. Noctu autem dum scortantur, ac potant. Hispanicis palliolis utuntur. Ferrarienses ac Mantuani nihil tam diligenter curant, quam ut pileos habent aureis quibusdam frustillis adornatos, atque nutanti capite incedunt seque quovis honore dignos existimant, Lucenses, neque superbo, neque abjecto vestitu. Florentinorum habitus mihi quidem ridiculus (нанеч. rediculus) videtur. Reliquos omitto, ne nimius sim.—Ugolinus Verinus, de illustratione urbis Florentiae говорить о простотѣ прежнихъ временъ non externis advecta Britannis.

Lana erat in pretio, non concha aut coccus in usu.—О роскоши евреевъ въ Италіи ср. упомянутое соч. Gudemann стр. 213, 330.

LXXXIV.

Нѣмцы. Нѣмцы какъ примѣръ нечистоплотности. Giraldi Hecatommithi, Introduz. nov. 6.—Можно сопоставить нѣсколько замѣчаній о нѣмцахъ въ текстѣ т. I и т. II этой книги: о боязни нашествія нѣмцевъ, нѣмецкихъ модахъ, нѣмцахъ въ Венеціи. Впрочемъ, надо имѣть въ виду различіе, царствовавшее въ то время между названіемъ нѣмцевъ и Germanus. Christ. Longolius, бургундецъ, который называетъ себя L. Parisiensis во Франціи, въ Римѣ зовется L. Germanus.—Итальянцы большею частью недоброжелательно относятся къ нѣмцамъ; это нерасположеніе обнаруживалось въ насмѣшкахъ. Такъ уже Boccaccio, Decamerone VIII, говоритъ: un Tedesco in soldo pro della persona è assai leale a colore ne'cui servigi si mettea; il che rade volte suole de Tedeschi avenire; лукавство нѣмцевъ подтверждается разсказомъ. — Иначе рисуется Орманно въ Pescone VII. 2, (1378) въ болѣе благородной рѣчи; авторъ называетъ его „вѣжливымъ, благовоспитаннымъ“ и умѣющимъ мужественно умереть. — Итальянскіе гуманисты XV в. часто нападаютъ на нѣмцевъ, называя ихъ варварами, при чемъ наиболѣе

враждебно относятся къ нимъ тѣ, кто, какъ Поджіо, бывалъ въ Германіи. Срв. G. Voigt, Die Wiederbelebung II, стр. 374, L. Geiger: „Отношенія между Германіей и Италіей въ эпоху гуманизма: Zeitschrift für deutsche Kulturgeschichte 1875, стр. 104—124; нѣкоторыя свѣдѣнія см. Jansen, Geschichte des deutschen Volkes (1876).—Однимъ изъ крайнихъ ненавистниковъ нѣмцевъ былъ Joh. Ant. Campanus, см. его epistolae et poemata 1707, Opera selectoria, Лейпцигъ 1734 г. Menken; онъ-же говорилъ рѣчь de Campani odio in Germanos. — Fil. Beroaldo высказывавшій похвалы нѣмцамъ (L. Geiger) однажды жестоко насмѣхается надъ однимъ нѣмцемъ: Castiglione, il cortegiano lib. II, cap. 63. — Вражда къ нѣмцамъ усилилась, благодаря Адриану VI и еще болѣе вслѣдствіе поведенія солдатъ во время осады и взятія Рима (Gregorovius, Gesch. der Stadt Rom VIII, стр. 548).—Bandello III, nov. 30 изображаетъ одного нѣмца, какъ типъ нечистоплотности и упрямства (другой нѣмецъ тамъ-же III, nov. 51).—Существовали также законодательныя ограниченія для нѣмцевъ: Анкона 1394, 1458: находившимся на частной службѣ нѣмцамъ запрещено было носить оружіе. Macusev. I, 196, 8. — Для того чтобы особенно сильно обругать putann'у достаточно было сказать; va, sta co tedeschi (Lucca 1338) Propugnatore N. S. III, 1 стр. 82.—Ненависть къ нѣмцамъ брала начало еще со времени господства Штауфеновъ въ Сициліи: nisi Teutonice nationis titulus obstitisset, quod nomen Manfredi memoria facit adhuc cunctis regnicolis odiosum — говорить Salutati, письма II, 23 (письмо къ Карлу Сицилійскому 1387).—Единичный случай представляло то, что флорентіецъ Gian de Pietramala носилъ прозвище Tedesco, какъ почетное, въ память о томъ, что онъ боролся съ нѣмцемъ согро а согро и остался побѣдителемъ: Ricordi di G. Morelli, г. 1385, Флоренція 1785 стр. 2. — Другой примѣръ въ этомъ родѣ: Parabosco (J. Diporti, Лондонъ 1795), когда рѣчь идетъ о находчивости въ отвѣтахъ, влагаеть одному изъ собесѣдниковъ слѣдующія слова: — Ma uno il quale a me pare che sia maraviglioso, come per essere così pronto come egli è, è il gentilissimo M. Cristoforo Mielich Alemano che ciascuno di voi e per le gran faccende che egli fa nella mercanzia e per la dolce conversazione sua, deve facilmente conoscere. (Этотъ Christ. Mielich—агентъ Фуггера въ Венеціи, любитель поэзіи

и музыки — его хвалят также Calmo, срв. Calmo, Lettere 238). — Если итальянецъ того времени хочетъ похвалить нѣмца, то говоритъ (какъ Petrus Alegonius въ посвященіи діалога „de exilio“ Nicolaus’y Schomberg’y, изд. Mencken стр. 9): Itaque etsi in Misnensi clarissima Germaniae provincia illustribus natalibus ortus es, tamen in Italiae luce cognosceris. — Рѣдко встрѣчается похвала безъ оговорокъ, напримѣръ, по адресу нѣмецкихъ женщинъ во время Марія: II. Cortegiano lib. III cap, 33 (ed. Flor. 1854, стр. 198) или похвала искусству одного нѣмецкаго ремесленника, изготовившаго ящикъ съ подвижными фигурами, заслужившими удивленіе самихъ итальянцевъ (Mars. Ficinus, de immortalitate animarum lib. II cap. 13). — Nic. Leonicensus пишетъ Vadian’y, что любитъ его за то, что онъ нѣмецъ (передъ 1518 г.) объясняя это такъ: ex qua (Germania) multes habui in Italia discipulos qui in patria reverse meum nomen non mediocribus laudibus illustrarunt. — Мы не станемъ здѣсь далѣе распространяться о нѣмецкихъ купцахъ въ Венеціи (о которыхъ много пишетъ Sanudo и существуетъ обширная литература.

Нѣмецкіе художники рѣдко встрѣчаются на папской службѣ: живописецъ Lucas при Николаѣ V, Müntz, Les arts à la cour des papes I, стр. 96, 130. — Sticker: Dionisi Roscals, Giovanni gli Guglielmo тамъ-же 186. — Четверо нѣм. шведовъ въ XV. в. Milanese, Docum. per. la storia dell’ arte senese II, 246, 365; 1431 на Капри шведъ изъ Бонна Капори, стр. 442. — При Павлѣ II нѣмецкій архитекторъ Johannes Petri, Müntz II, 20. Pius II покровительствуетъ нѣмецкому архитектору Paolino и послѣдній сопровождаетъ его въ его путешествіи въ Мантую и Сиену, Müntz I, 242, скульпторъ Michael или Ambrosino тамъ-же стр. 262. — Нѣмецкіе художники: cartilano Nicolao, miniatore Nicolo на службѣ у Lionello D’Este 1441, 1452. Срв. Atti e memorie Parma VI, 247, 249, 252. Наболѣе характерно то, что миланскій герцогъ проситъ страсбургскій совѣтъ прислать ему архитектора для постройки собора. Эта просьба произвела большое впечатлѣніе на страсбургскихъ гуманистовъ и Gresemund перевелъ герцогское посланіе на нѣмецкій языкъ (Упсальскій кодексъ — указ. Holstein). — О фламандскихъ и нѣмецкихъ художникахъ въ Италиі въ періодъ quattrocento пишетъ Müntz, l’art 15 Okt. 1885 г. Здѣсь находится интересный

перечень 80 различныхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ именъ. Здѣсь также вызываетъ величайшій интересъ указаніе на нѣкоторыя пропущенныя до того безъ вниманія мѣста въ посланіи Petro Summonte къ венеціанцу Marcantonio Michiel—изъ котораго до сихъ поръ заимствовалось только упоминаніе о живописцѣ Colantonio. — Живописецъ Simon изъ Страсбурга (d'Argentina) съ 1430 г. въ Феррарѣ, срв. A. Venturi, I primordi del rinascimento artistico a Ferrara, Turin, 1884 стр. 21, 23 Nicolo d'Alemagna. A. Venturi, Relazione artistiche tra le Corti di Milano e Ferrara nel secolo XV (Arch. stor. lomb. Serie seconda fasc. VI 1885 стр. 225—281) упомин. 1455 Nicolo teutonicus pictor, который подарилъ Borso d'Este два портрета: герцога и его жены. — Нѣмецкое искусство и художники въ Италіи: запрещеніе ввоза нѣмецкихъ игральныхъ картъ въ Венецію 1441 г., Lippmann, Art of Woodengraving in Italy, Лондонъ 1888, 56. — И среди представителей такихъ художествъ, какъ золотыхъ и серебрянныхъ дѣлъ мастерство, рѣзба на камнѣ и т. п., встрѣчаются тоже нѣмцы, срв. Bertolotti, Le arte minori alle corte de Mantova, arch. stor. lomb. 15, 259—318. 491—590. 980—1075напр. de Rigo (Friedrich?), Exeler de Augspurgh, золотыхъ дѣлъ мастеръ въ Венеціи 1497; нѣмецкій золотыхъ дѣлъ мастеръ въ Мантуѣ, 1520, не названъ по имени: въ 1596 г. въ Мантуѣ Hermann Blixgen изъ Аугсбурга, 1588 рѣзчикъ печатей David Gauthier изъ Аугсбурга. (Мантуанскіе герцоги находились также въ перепискѣ съ нѣкоторыми нѣмецкими мастерами въ Аугсбургѣ, Прагѣ и т. д.). Рѣзчикъ на камнѣ Sebastiano tedesco 1595 г.—Ebanisti выписывались (1580) изъ Баваріи.— Въ 1596 г. умираетъ въ Мантуѣ Vitali, ebreo, tedesco (libraio? — указанъ въ числѣ переплетчиковъ). Въ 1539 г. часовщикъ Conrad Beck изъ Аугсбурга. 1591, G. S. Frisith, инженеръ. Въ особенности также нѣмецкіе армажуолі: Colmann и др., начиная съ 1506 г. Нѣмецкіе художники разнаго рода упоминаются также Bertolotti, Artisti belgi et orlandesi a Roma nei secoli XVI, e XVII. Flor. 1880, напр. Menardo Aurich изъ Падерборна, оrefice ум. 1588 г.; большею частью 17-го вѣка, Federico Sculer, оrefice 1598 г. Еще чаще не изъ собственно Германіи, но изъ нѣмецкой Швейцаріи Artisti svizzeri in Roma nei secoli XV, XVI, e XVII, ricerche e studij negli archivi romani, Bellinzona 1886 г. Здѣсь гово-

рится объ архитекторахъ, инженерахъ, живописцахъ и всякаго рода художникахъ; большая часть принадлежитъ концу XVI и XVII вѣку. Venturi (см. в.) стр. 45, 49, 58, 62 называетъ нѣмецкихъ художниковъ въ Феррарѣ; Zorzo de Alemagna, миниатюристъ, многіе нѣмецкіе рѣзчики на камнѣ, органисты и другіе музыканты, мастера по маіоликѣ.—Среди музыкантовъ было много нѣмцевъ. Въ Миланѣ въ 1450 г. Federico d'Alemagna, въ особенности флейтисты 1460—1472 (Motta, стр. 36, 44). Zorzo tedesco также въ Мантуѣ. Артисты на цитрѣ изъ Мюнхена и Базеля. Въ Миланскомъ соборѣ органистъ-нѣмецъ Bernhard, 1466. — Arrigo tedesco капельмейстеръ во Флоренціи, но его нѣмецкое происхождение подлежитъ сомнѣнію; другіе нѣмецкіе органисты: Pietro d'Alemagna, въ Болоньѣ. Нѣкоторыя имена художниковъ, не причисляемыхъ безусловно къ нѣмцамъ, звучатъ, однако, болѣе или менѣе по нѣмецки Georg Brant, Michel Fedit (стр. 323; срв. также 523, гдѣ это имя уже звучитъ не такъ характерно) Alessandro d'Allemagna (стр. 532). — Zorzo, pifero della Signoria имѣетъ также отношеніе къ Лоренцо Великолѣпному. — Giovanni d'Alemagna, sonatore di bombarda, см. Marsupini. Срв. G. Zippel, I suonatori della signoria di Firenze, Trient 1892. Кое-что изъ Миланск. архив. Tedeschi in Milano nel quattrocento 1384—1494 Arch. stor. lomb. 19, 996 f.

Нѣмецкіе учителя въ университетѣ въ Павіи. (Приводимъ данныя по Memorie e documenti per la storia dell' universita in Pavia vol. I Pavia 1878 г.) Юридическій факультетъ долгое время имѣлъ постоянного преподавателя для ультрамонтанъ. 1420: Ulrich Molitor изъ Констанца; 1420: Heinrich изъ Бремена, 1426: Hugo Doze изъ Шпейера, 1429: Wilhelm von Breda изъ Кельна, 1430; Caspar de Tronis, 1453: Leonhard Alamanno; 1469: Heinrich изъ Нюрнберга, 1472: Johann изъ Кельна, (срв. еще мн. 65—70). Врачи: Philipp изъ Германіи, 1439—1443, Obert также 1444; онъ-же призванъ ad lect. Ultramontanor. Mediorum; Jacob также 1489 г. — Философы: Nicolaus изъ Германіи 1469 ad lectur. Metaphysicae (pro Ultramontanis). Medico: Andrea di Alemagna 1381 Arch. Ven. XXXI, 320.—О нѣмецкихъ (прусскихъ, шлезвигскихъ, гамбургскихъ) студентахъ при итальянскомъ университетѣ существуютъ нѣкоторыя новыя данныя. Zde-

сагер называетъ много нѣмецкихъ именъ (Сиенна). Интересныя данныя у В. Brugi, *Gli studenti tedeschi e la S. Inquisizione a Padova nella seconda metà del secolo XVI* Венеція 1894 (см. м. *Atti del R. Istit. Ven.*)—Нѣмецкій студентъ Joh. Herrgott изъ Марбурга, 1454/5 ректоръ въ Туринѣ; срв. Th. Klette, J. Н. и Joh. Marius Philelphus, Bonn 1898 (привѣтствен. рѣчь, въ которой онъ хвалить нѣмцевъ, напечатана съ рукописи).—Нѣмцы въ университетѣ Перуджии 1504 и 1511, *Boll. della soc. Umbra*, 4, 491. Каждые 3 года выбирался ректоръ изъ нѣмцевъ. Въ 1414 основана въ Перуджии *societas Germanorum et Gallorum*, главнымъ образомъ съ цѣлью покровительства учащимся.— О нѣмецкихъ ремесленникахъ въ Тревизо 1440—1680 срв. А. Simonsfeld, *Abhandlungen d. kgl. bayr. Akad. München* 1890; о нѣмецк. братствѣ въ Udine 1449—1562 срв. G. Loschi, *Statuto di una Confraternita di Tedeschi Udine* 1895 г.—*Bombardiere Aluisi Filaborgo* въ Генуѣ 1495 г., повидимому, нѣмецъ *Giorn. ligust.* 15, 227.— Нѣмецкіе ремесленники, главн. образомъ башмачники (союзы носящіе религіозный характеръ во Флоренціи, Луккѣ, Пизѣ 1454—1629). (Срв. Padi, *Mittheilungen des Inst. f. österr. Geschichtsforsch.* VIII, 3, 1887). Только одно флорентійское общество процвѣтало нѣкоторое время.— Нѣмцы римской куріи при Піѣ II и Павлѣ II; Pastor II, 423, 3. Піи, Николаѣ V и Сикстѣ IV не называли нѣмцевъ кардиналами; Pastor II, 429. I.— Въ Феррарѣ въ 1500, 1502 г. одѣвались по французской и нѣмецкой модѣ: *Diario ferrarese* *Samicie alla todesca* въ 1516 г. во Франціи, по сообщ. Luzio Renier 63, 401.—Итальянцы обращали вниманіе на то (Pand. Collenuccio, срв. его собственноручн. сообщеніе 1494 у Saviotti), что нѣмецкія женщины, когда хотѣли явиться più leggiardi носили на головѣ una brettina de brocato, вслѣдствіе чего принимали мужской видъ.—Трактатъ XV вѣка *il libro dei colori* говорить стр. 29, 38 объ *azurro tedesco* и *azurro Alemanum*. Также и Giallolino de Lamagna стр. 96, сюда-же относится.— Нѣмецкія лошади тоже славились. Альфонсъ Калабрійскій пишетъ Джангалеаццо (Миланъ) (1884 Pontano стр. 336); что хочеть послать ему *bon ronzino tudescho, serria possibile che facendo mistura con queste cavalle de qua produria alcun bon corsero*.— Нѣмецкій ветеринаръ с. 1400 Флоренція, Mazzei, 165, 334.

LXXXV.

Гостиницы. Падуя въ 1450 г. гордилась огромной гостинницей, походившей на дворецъ и снабженной помѣщеніемъ для 200 лошадей. Michele Savonar. app. Murat. XXIV, Col. 1175. — Во Флоренціи славилась за воротами S. Gallo одна изъ огромнѣйшихъ и лучшихъ остерій, предназначавшаяся, повидимому, только для отдыха городскихъ гостей. Varchi, Stor. florent. III. стр. 86. — Въ эпоху Александра VI лучшая гостинница въ Римѣ принадлежала нѣмцу. Срв. интересное сообщеніе: Burcardus, см. Gregorovius, Gesch. der Stadt Rom VII, стр. 361, прим. 2, срв. тамъ-же стр. 93, прим. 2, 3. — Нѣмка—хозяйка гостинницы въ Римѣ, faceva la locandiera 1596, у нея останавливаются нѣмцы и голландцы, Bertolotti, Artisti belgi ed. ol. 261. — По Censimento опубликов. Gnoi 1500, на кот. указываетъ Z., нѣмцевъ, содержавшихъ гостинницы было меньше, чѣмъ итальянцевъ. Названіе нѣмецкихъ гостинницъ при Павлѣ II замѣтв. изъ Liber quintus Bullet. сообщ. Pastor II, 417. Гостинницы Don Diego или Santiago и другая Bertolero (онѣ, повидимому, испанскія) въ Римѣ упоминаются Delicado Lozana II, 141. — Albergo delle Bertucci во Флоренціи, разруш. 1500 г. упоминается Landucci стр. 218.

LXXXVI.

Экипажи. Начинаютъ входить въ употребленіе въ 16 вѣкѣ. До того пользовались носилками и верховыми лошадьми, какъ въ самомъ городѣ, такъ и при переѣздахъ изъ одного города въ другой. — Такъ описывается путешествіе цѣлой семьи (богатой) Авг. 1400 г. на лошадяхъ и ослахъ, Mazzei I, CXVIII. — Въ большомъ употребленіи были портшезы, переносимыя людьми, а также на лошадяхъ и ослахъ. Экипажи, cocchi, carozze отвѣчающій нынѣшнимъ экипажамъ, были введены въ Италиі 1590 г. кардиналомъ Ippolito d'Este (венгерскій), Изабелла д'Есте ввела тоже въ Римѣ, Luzio Renier 65, 285. — Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ въ Верхней Италиі относятся къ 1381 г., въ Парижѣ, напротивъ, даже въ половинѣ XVI в. экипажъ представляетъ рѣдкость. — При употребленіи экипажей развивалась роскошь; такъ Burchard сообщаетъ, что при пере-

ѣздѣ Ces. Borgia въ Францію лошади были разукрашены золотомъ и съ серебрянными подковами. Diarium, изд. Thurasne II, 496.

LXXXVII.

Языкъ и нарѣчія. Постепенное проникновеніе новаго образованнаго языка въ литературу и жизнь изучено систематически специалистами. Были сдѣланы попытки установить періодъ времени, въ теченіе котораго различныя нарѣчія играли извѣстную роль въ повседневной корреспонденціи, государственныхъ актахъ и судебныхъ протоколахъ, а также въ лѣтописяхъ и въ общей литературѣ, въ самостоятельномъ видѣ и въ смѣшеніи между собой. При этомъ принято во вниманіе также дальнѣйшее существованіе нарѣчій, наряду съ хорошей и дурной латынью, получившей оффиціальное признаніе. — Манера и способъ употребленія словъ и выраженій въ различныхъ частяхъ Италіи изслѣдованы Landi, Forcianaе questiones fol. 7. Такъ, въ отношеніи рѣчи здѣсь говорится: *Netrusci vero quamquam caeteris excellant, effugere tamen non possunt, quin et ipsi ridiculi sint, aut saltem quin se mutuo lacerent*, въ отношеніи нарѣчій наибольшее одобреніе выпадаетъ на долю Сиены, Лукки и Флоренціи, при чемъ о послѣдней говорится: *plus (jucunditatis) haberet, si voces non ingurgitaret aut non ita palato lingua jungeretur.* — Giovio называетъ Petrarca'y Italiae linguae conditorem et principem. Р. считается образцемъ поэтическаго языка, также какъ Боккаччіо въ прозѣ. — Calmeta, della volgar poesia, повидимому, потеряно для поэзіи (1500) также какъ Cortigiano Кастильоне для прозы, Luzio-Renier 1893 стр. 102.

LXXXVIII.

Гимнастика. Coelius Calcagninus (Opera 514) слѣдующимъ образомъ рисуеъ воспитаніе молодого итальянца высшаго сословія въ 1500 г. (рѣчь надъ гробомъ Antonio Costabili): *artes liberales et ingenuae disciplinae; tum adolescentia in iis exercitationibus acta; quae ad rem militarem corpus animumque praemuniunt. Nunc gymnastae (т. е. учителю гимн.) operam dare, luctari, excurrere, natate, equitare,*

venari, aucupari, ad palum et apud lanistam ictus inferre aut declinare, caesim punctimve hostem ferire, hastam vibrare, sub armis hyemem juxta et aestatem traducere, lanceis occurrere, veri ac communis Martis simulacra imitari. — Cardanus (de proprio vita c. 7) среди разныхъ своихъ гимнастическихъ упражненій говоритъ также о прыганьи на деревянную лошадь. — Срв. Гаргантюа т. I: общее воспитаніе и гимнастика. — Marsilius Ficinus рекомендуетъ гимнастику и философамъ (Epist. IV, 171 Galeo 180); для мальчиковъ Maffeo Vegio, de puerorum educatione, lib. III, c. 5. Battista Mantovano de vita beata высказывается противъ гимнастическихъ упражненій. — Въ отношеніи танцевъ срв. ниже, заключеніе 95 прилож.

LXXXIX.

Музыка. — Нѣмецкая музыка см. в. прим. LXXXIV. В. Loos, вліяніе Возрожденія на развитіе музыки, Базель 1875 г. — не представляетъ ничего новаго. — Объ отношеніи Данте къ музыкѣ и о мелодіяхъ къ стихамъ Петрарки и Боккаччіо срв. Trucchi, poesie ital. inedite II, стр. 139. Далѣе ср. Poesie musicali dei Secoli XIV, XV e XVI tratte da vari cordici per cura di Antonio Capelli. Bologna 1868 и G., Carducci: Musica e poesia nel mondo elegante del secolo XIV въ G. C. Studi litterari, Ливорно 1874 стр. 378—395 и Francesco Landini 1325 — 1397. Другіе композиторы 14-го вѣка названы въ текстѣ. Данныя также у Tiraboschi VI, 426—429. — О теоретикахъ 14-го вѣка Filippo Vilani, vite стр. 46 и Scardeonius, de urb. Patav. antiqu. у Graev. The-saur. VI, III Col. 297.—Salutati, письмо III, 14, много мѣста удѣляетъ музыкѣ, нападая на нее или вѣрнѣе не столько на искусство, какъ на расслабляющее вліяніе музыки на мужчинъ и женщинъ.

Большой интересъ представляетъ то мѣсто въ письмахъ Салутати (II, 459), гдѣ онъ говоритъ какъ о музыкантѣ о Pippo (Philippo) Sacchetti, сынѣ автора новеллъ. извѣстномъ до того, какъ поэтъ и воинъ. Срв. также III, 512 гдѣ такъ характеризуется новое искусство: sinistro quidem oris angulo inter linguae sinum, dentium sepe palatque convexum mellifluum ac tonum emittens sibilum, superni cantus

notulas atque tonum dulcedine mira format et nunc elevans nunc reprimens suum concentum, musicales notulas velocitate (et) perfectione percurrit.— Въ 14 вѣкѣ Франція во всякомъ случаѣ стояла выше Италіи въ музыкальномъ отношеніи Salutati говорить (1363, письма стр. 74): *jam in musicis se indubiam palmam arbitrantur habere, qui Italos non canere sed, ut eorum verbis utar capricare (chevroter) confirment.* — О музыкѣ при дворѣ Федерико Урбинскаго обстоятельно говорить *Vespasiano Fior. I, 295.* — Перечень *cantori della nostra capella* приидл. Galeazzo Maria Sforza въ *Arch. stor. lomb. Ann. V fasc. II стр. 255.* — Въ стихотвореніи Giovan. Maria Parente (конецъ 15 в.) выражается похвала музыканту Giacomo Fogliano изъ Модены: „*con man con piedi egli è molto dignissimo*“, далѣе „*in sonare alpicorari egli è maestro*“, срв. *Atti e memorie Modena 1880, т. V. F. 1, стр. 91.* — Дѣтская капелла (? 10 мальчиковъ отъ 6 до 8 лѣтъ, которыхъ Е. воспитываетъ въ своемъ домѣ и обучаетъ пѣнію) *Ercole I. Diario Ferrarese у Murat. XXIV, col. 359.* — О музыкальномъ дилеттантизмѣ Giovanni Medici (сына Козимо старш.) см. указанія въ *Atti d. acc. dei Lincei 1893 IV. 2 стр. 46.* Nicolaus Schlöfer Germanus vir modestus alterque Orpheus—такъ гласитъ надпись на монетѣ 1457 г. (*Königl. Münzcabinet* въ Берлинѣ). Эта медаль работы Giovanni Bol-du срв. Heiss, *Les médailleurs VII, 109.*—О музыкѣ въ Мантуѣ: Davari, *Rio, stor. mantov. I* и Bertolotti, *Musici alla corte dei Gonzaga.* Въ особенностп славилась (1500) Jacopo di Sansecolo и Marchetto Cara. Тотъ и другой при случаю также въ Урбино, срв. Rossi, *Appunte per la storia della musica Modena 1888,* далѣе Luzio Renier 1893, 107, о музыкѣ въ Урбино вообще, тамъ-же 110 и. д. Въ Мантуѣ между 1492 и 1530 Giov. Franc. Picenardi „poeta“ вѣроятно музыкантъ, любимецъ Елизаветы, срв. Luzio Renier. — Bart. Facius de vir. ill. стр. 12:—восхваляется Leonardus Justinianus, какъ композиторъ, сочинявшій въ молодости пѣсни любви, а въ старости пѣсни религіознаго содержанія.— J. A. Campanus, *Epist. I, 4 ed. Mencken стр. 30* говоритъ объ извѣстномъ музыкантѣ Zarrarus въ Teramo: *inventata pro oraculis habentur.* — Pontanus (*Tumul. lib. I, Opp. IV 3388, 3490*)—восхваляются и оплакиваются два музыканта: Fulcus и Perinellus.—Thomas изъ Forli, *musicien du pape* см. Burchardi

diarium, изд. Leibnitz стр. 62. — Immanuel b. Salomo (13 вѣкъ) жалуется, что музыка процвѣтала прежде среди евреевъ, а теперь становится исключительнымъ достояніемъ христіанъ. Срв. Güdemann, стр. 120. — Миланъ: С. Motta, Musici alla corta dei Sforza, въ Arch. stor. lomb. XIV, 29—64, 278—340, 511—561. — О Львѣ X: покровительство музыки Arch. stor. ital. 1866, III, стр. 226, 233 двое непоименованныхъ музыкантовъ получаютъ по 276 дукатовъ въ годъ; Н. Buonarotti 1871, стр. 246, 247 въ 1519 г. пѣвцамъ, флейтистамъ и другимъ музыкантамъ выдано дополнительное вознагражденіе, 200 дукатовъ. — Еврей Jov. Maria въ угоду папѣ, принявшій прозвище фамилии Медичи получалъ ежемѣсячный пенсіонъ въ 23 зол. дуката и доходы съ города Веррокіума. Jacopo Sansecolo въ особенности отличился на свадьбѣ Лукреціи Борджія, Vogelstein-Rieger II, 121. О Gianmaria del Corneto, о которомъ уже была рѣчь, срв. Calmo, lettere, 118—120. — И другіе исполнители упоминаются тамъ-же, напр. Bellina, Hebraea, призвн. colona de la musica. — Girolamo d'Asti, тоже любимецъ Льва X, получалъ 120 дукатовъ въ годъ, Bertolotti, Artisti subalpini 1884 стр. 141. — Въ Кремонѣ основана была музыкальная школа, главнымъ образомъ для неимущихъ, 1520. F. Novati: Domenico Bordigallo, Venedig 1880. Въ Италіи занятіе музыкой считалось неприличнымъ для знатныхъ людей, при нидерландскомъ дворѣ молодого Карла V этотъ вопросъ вызываетъ рядъ серьезныхъ столкновеній; срв. Hubert. Leod. de vita Frid. II. Palat. 2. III. — Генрихъ III Англіійскій составляетъ исключеніе; еще дальше идетъ нѣмецкій государь Максимилианъ I, покровительствовавшій музыкѣ также, какъ другимъ искусствамъ. Joh. Cuspinian † 1529 г., въ жизнеописаніи Макс. называетъ его Musices singularis amator и далѣе говоритъ: Quod vel hinc maxime patet, quod nostra aetate musicorum principes omnes, in omni genera musices omnibusque instrumentis in ejus curia, veluti in fertilissimo agro succreverant Scriberem catalogum musicorum quos novi, nisi magnitudinem operis vererer. Пристрастіе къ музыкѣ повело къ тому, что она высоко культивировалась въ Вѣнскомъ Университетѣ. Этому содѣйствовало также присутствіе здѣсь любителя музыки Миланскаго герцога Франч. Сфорца. Aschbach, Gesch. der Wiener Universität, т. II, (1877) стр. 79.

Интересныя и содержательныя данныя о музыкѣ мы находимъ тамъ, гдѣ едва-ли кто-нибудь вздумалъ бы ихъ искать, а именно: *Masagoneide*, Phant. XX. Здѣсь въ комическомъ видѣ изображается вокальный квартетъ, причемъ узнаемъ, что пѣлись часто также французскія и испанскія пѣсни, что музыка имѣла также своихъ враговъ (1520) что хоръ Льва X и одинъ изъ раннихъ композиторовъ *Josquin de Prés* представляли собой образецъ, выше котораго никто себѣ не представлялъ; тутъ-же поименованы главнѣйшія произведенія послѣдняго. Тотъ-же авторъ (*Folengo*) подъ именемъ *Limerno Pitoco* въ своемъ *Orlandino III*, 23 является настоящимъ фанатикомъ музыки. *Burchardi Diarium*, ed. *Thuasne III*, 517, сравнивая манеру пѣнія испанцевъ и итальянцевъ, отдаетъ предпочтеніе послѣднимъ.—Музыканты и художники всякаго рода, принадлежавшіе къ извѣстному двору, отпускались на время, по приглашенію на какое-нибудь торжество при другомъ дворѣ, *Lungo, Florentia*, стр. 304.—Музыка въ Венеціи, *Molmenti*, стр. 340. Въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ славился органистъ *Franc. Anna*; его произв. цитируются *Capello* въ *Scelta di curiosita* 1868. — *O Marco dell' Aquilla*, знаменитомъ музыкантѣ первой полов. 16-го в. и одномъ менѣе извѣстномъ его современникѣ *Calmo*, *lettere*, срв. 295. — О вліяніи итальянской музыки въ 16 в. данныя у *Chilesotti*, *Riv. crit. della lett. ital. V* (1889) 152 и имѣ-же изданный сборникъ нѣмецкаго музыканта, собравшаго любимыя тогда итальянскія мелодіи.—*Isaac Argypopolos*, сынъ *Joh.* читаетъ не разъ 1503—1505 по-гречески мессу, срв. *Legrand* стр. 180. — Женщины занимающіяся музыкой, срв. 2 плкт. 16 в., на оборотѣ музыкальные инструменты или женщина, занимающаяся музыкой. (*Cass. Fedele*, срв. *Cat. d. Verg. Neu-Ausst. № 562 и 635.*)—Данныя у: *Ed. Birnbaum* о еврейской музыкѣ при мантуанскомъ дворѣ 1542—1620 *Kalender der österreichisch-italienischen Union in Wien* 1893, стр. 213—48. — *Fulgozius*, стр. 580 упоминаетъ интересный пунктъ въ завѣщаніи *Lud. Cortesius'a*, *ipsius exequias omnium musicorum qui in urbe erant cantu celebrare*, за что они должны были, конечно, получать приличное вознагражденіе. *Gasparo de Salo* считался однимъ изъ первыхъ скрипачей и въ тоже время изобрѣтателемъ скрипки (съ 4-мя струнами). Срв. *March. de Piccolellis, Liutai antichi è moderni, Flor.* 1885,

A. Berenzi, *I liutai bresciani*, Brescia 1890, и G. Liyi, G. d. v. e l'invenzione del violino, *Nuova ant. III ser. vol. 34* стр. 663—681.— G., сынъ Francesco Bertolotti (также прозв. Fiolino) род. 1542, жилъ въ Бресчии, рано женился, не былъ противъ andar l'arte mia nella Franza. secondo il solito, но остался въ Бресчии, приобрѣлъ славу и состояніе и † 14 апр. 1609. — Опера относится къ позднѣйшему періоду. Иностранные оперные композиторы подвергались вліянію пребыванія въ Италіи, кн. бельгіецъ Fil. Verdelot (Флор. 1530), нѣмецъ Eckardt изъ Кенигсберга. Первые итальянцы Alessandro Striggio; *Mascherate piacevoli* 1584 и Giovanni Croce: *Triacca musicale* 1590. Подробнѣе срв. Romain-Rolland, *Les origines du théâtre lyrique moderne: Histoire de l'opera en Europe avant Lulli et Scarlatti*, Paris 1895 г.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ импровизаторахъ, уличныхъ пѣвцахъ. Объ одномъ уличномъ пѣвцѣ Andrea Gori во Флоренціи и Луккѣ († 1413), который пѣлъ преимущественно рыцарскія пѣсни, но также и свои и игралъ выдающуюся политическую роль, *Sercambi I*, 452—454. — Знаменитѣйшимъ импровизаторомъ былъ Serafino de' Ciminelli dell' Aquila (1465—1500), котораго произведенія стали извѣстны только послѣ смерти; *Ausg. см. соч. Fioravanti, Teramo* 1888, нов. крит. изд. впрочемъ только 1 т. изд. Mario Menghini, Болонья 1894 (какъ обозн. на титулѣ, изд. 1896). Срв. о немъ Luzio-Renier 1893, стр. 89—96 Serafino (тотъ-же, о которомъ выше)—пѣвецъ на свадебныхъ празднествахъ; не слѣдуетъ смѣшивать съ нимъ Buffona, Fra Serafino.— Въ качествѣ замѣчательнаго импровизатора упоминается умершій въ 1486 г. Antonio di Guido, см. Landucci, стр. 3, 51. Срв. также сообщеніе гуманиста Ivani, *Giorn. ligust.* 12, 370. — Другой славившійся импровизаторъ Bern. Accolti (l'Unico). Когда онъ выступалъ со своимъ искусствомъ, купцы закрывали свои лавки и все спѣшили его слушать. Объ одномъ флорентійскомъ импровизаторѣ (въ первой четверти 16-го вѣка) Galeazzo da Vale изъ Виченцы говоритъ Bandello: *nov. III* стр. 23.—Пѣвцы уличные въ Венеціи поютъ *con la lira corte rime del Turcho e di Franza et era cose da non dover esse dite*, ихъ бросаютъ въ темницу: *Sannudo* 25, 159. — Говоря о литературѣ, относящейся къ музыкѣ, надо еще упомянуть: Ambros, *Gesch. der Musik*, т. 3, 4.—

Далъе, Fr. Caffi: Storia della musica sacra nella già capella ducale di san Marco in Venezia dal 1318, al 1797. Venezia 1854. — P. Canal: Della musica in Venezia 1881. — St. Davari: La musica a Mantova 1881 г. — Fr. Florino: La scuola musicale di Napoli. Napoli 1880 г.

XC.

За и противъ женщинъ.—1) *Библиографія.* Литература за и противъ женщинъ собрана у Rossi, Calmo стр. 225. Обширный сводъ литературы за и противъ женщинъ, латинской и итальянской, ученой и народной, относящейся къ 15 и до 18 вѣка, см. Cian, Cavassica L., CLXXVII — CLXXXVII.— Наконецъ замѣчательныя рѣчи въ похвалу женщинъ принадлежатъ Lodovico Martelli 1537 и Nicolo Zoppino 1516.— Benedetto da Cesena написана De honore mulierum (поэма въ 4-хъ кн., Венеція, 1500 г.).—Въ послѣднее время этотъ предметъ шире изслѣдованъ f. Arullani. La donna nella letteratura del cinquecento, Turin, 1890; срв. также Wotke, Ztschr-fur öster. Guma. 43, 609 (рѣдкое соч. М. Ефимова; Perigynaeson, срв. Giorn. star. 15, 409). — Срв. также Н. Ianitschek: Женскій вопросъ въ средніе вѣка „Die Nation“ 1884, Nr. 21. Между прочимъ онъ указываетъ на Domenico Bruni, Difese delle donne, log. 1552 и приходитъ къ тому, что женскій вопросъ былъ вопросомъ чести, а не практическій.—С. Braggio. La donna del secolo XV nella storia, часть ряда статей: Vita privata dei Genovese, Giorn. lig. 12, 22—48, 269—290.— Популярныя итальянскія стихотворенія содержащія похвалу или порицаніе женщинѣ Flamini, La lirica toscana del rinascimento Turin, 1891, стр. 522 — 532 2) *Разное.* Francesco Barbaro: de re uxoria, Poggio, An seni sit uxor ducenda—содержитъ много дурного о женщинахъ, высмѣиванье у Codro Urseo, въ особенности его знаменитая рѣчь: An uxor sit ducenda, Opera 1506, fol. XVIII—XXI и острофы нѣкоторыхъ пишущихъ по латыни эпиграмматистовъ. Marcellus Palingenius (т. I, стр. 289) не разъ хвалитъ (lib. IV, 275, 466—585) безбрачье; женатымъ онъ рекомендуетъ какъ средство противъ непослушныхъ женъ:

tu verbera misce...

Tergaque tunc duro resonent pulsata bacillo.

Итальянскія сочиненія въ пользу женщинъ; напр. *La defensione delle donne* (середина XV вѣка) ed. r. Zambini, Болонья, 1876. Giov. Maria Parente публикуетъ поэтическій диалогъ in commendatione delle donzelle. *Atti e memorie Modena* 1880, т. V, ч. I, стр. 160. — О бракѣ писали также J. A. Campanus: *de dignitate matrimonii*; Collenucio: *Oratio in nuptiis Const. Sfortiae*... Dardano: *La difesa della donna*. Ven. 1554. Domenico Bruni, стр. 324. *Per donne Romane Rime*, изд. Manfredi. Rom. 1575. Далѣе еще Janitschek. Срв. Штейншнейдеръ сравнительное изслѣдованіе въ статьѣ *Litteratura delle donne*, Римъ 1884. Извлеченіе изъ журнала Н. Buonarotti 1879, 1884; тоже ежем. 1898. Срв. далѣе Güdemann... стр. 214. — *Lettere di molte valorose donne*, Venedig 1549, въ которыхъ говорится, равенствѣ женщины и мужчины въ краснорѣчii и учености; Sanesi см. *Giorn. stor.* 24, 1, доказывать, что эти письма написаны не женщиной и принадлежатъ Landi.—Въ новѣйшее время неоднократно изданы F. Luigini, *Il libro della bella donna* 1544 и Franc. da Barberino, *De reggimento e dei costumi delle donne* (посв. Викторіи Килонѣ).

Многія остроты и шуточки о женщинахъ берутъ начало изъ монастырской жизни и число ихъ продолжаетъ увеличиваться въ эпоху Возрожденія. Срв. игру словъ *Ve* и *Eve*, *Z. f. vgl. Litg. и Ren. Lit. N. t. II*, 151 и производство *femena-fe men a*, какъ это видимо у Franc. da Barberino, *Regimento e costumi di donne*, изд. Baudi di Vesme, Болонья 1875, стр. 146 (Срв. Cian, *Motti di Bembo*, стр. 27. — Стихотворенія противъ женщинъ въ ср. в. опублик. F. Novati; *Carmina medii aevi*, Flor 1883.—Стихотвореніе направленное противъ женщинъ приписываемое *Facio degli Uberti*; срв. Renier, *Fazio CCCXXXII*, по всей вѣроятности, принадлежитъ *Nicolo Soldanieri*, срв. также CCCXXVI и стр. 223. Нѣкоторыя подлинныя стихотворенія F. d. U. посвящены, напротивъ, *Donna amata*. — Интересный взглядъ на отдѣленіе существа и натуры у *Salutati*, письма III, 392... Такъ, одинъ корреспондентъ утверждаетъ, что женщина представляетъ сравнительно съ мужчиной другую, низшую породу.

Итальянскія терцины Leonardo Montagna изъ Вероны (пов. 1425) подѣ латинскимъ титуломъ *pro defensione mulieri* (sic) обращеніе къ мантуанской маркграфинѣ (Barbara) G.

Viadezo, см. Propugnatore n. v. VI, 2 стр. 68. — Панегирикъ женщинамъ и брачнымъ узамъ въ рѣчи Pand. Colenuccio во время вѣнчанія Constanzo Sforza съ Camilla (Арагонской) 1475 срв. Saviotti, 27. — Та же тема, обсужденіе женскаго вопроса и нападеніе или защита, — изслѣдовалась также еврейскими писателями на итальянскомъ и еврейскомъ языкахъ и входила такимъ образомъ въ кругъ еврейской литературы, получившей начало уже въ 13-мъ вѣкѣ.

Должны быть упомянуты также въ зенитѣ 16-го вѣка Abr. изъ Sarteano — противникъ женщинъ и Abigdor изъ Fano — защитникъ, между тѣмъ какъ Eliah изъ Genazzano долженъ былъ разрѣшить споръ и защищалъ перваго отъ нападокъ Abigdor'a. Срв. Schteinschneider, Hebr. Bibliogr. VI, стр. 48. — Стихотворенія напечатаны теперь Neubauer, Roest, Israel. Letterbode X, 97 — 105, срв. Kaufmann, Rev. des et. juives, XXXVI, 309. Позднѣе также Iuda b. Isak (назыв. также Leo) предпринялъ защиту женщинъ (Rendiconti della R. Acc. dei Lincei vol. VII, стр. 347) противъ неизвѣстнаго, при чемъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ Benvenida Abrawanel. Противъ этой поэмы выступилъ Jacob s. Joab Elia di Fano (Isr. Letterbode), нападая на нечестивую, по его мнѣнію, смѣсь еврейскаго съ итальянскимъ и стараясь доказать, что такое восхваленіе женщинъ вызвано партійнымъ чувствомъ и пристрастіемъ къ героинѣ въ этомъ смыслѣ. Но, благодаря неизвѣстному, Leone выигралъ споръ. (Срв. обо всемъ этомъ Kaufmann, Allg. Z. d. Lud 1898, № 24, 25). — Срв. Susio, G. B.) Rime et imprese dedicate alle dame pavesi delsec. XVI, tratte da un codice inedito della bibl. dell' Arsenale di Parigi dai proff. P. Toldo e T. Mairaghi, Pavia, Fusi 39. S. S. (Memorie e documenti per la Storia di Pavia e suo principato, anno II, 1—3) 1898. — Очеркъ G. Battista Marchese: Le polemiche sul sesso femminile ne'sec. XVI e XVII, Giorn. stor XXV, 362. — Наконецъ, надо замѣтить, хотя строго говоря не сюда относящееся сообщеніе, но характерное для положенія женщины: Landucci говоритъ какъ о чемъ-то новомъ, что жена гонфалоньера Piero Soderini живетъ во дворцѣ во Флоренціи (1503, стр. 254). — Такъ какъ въ литературѣ о женщинахъ много говорится о любви, то кстати упомянуть здѣсь о любовныхъ письмахъ и сборникахъ. Старѣйшая изъ печатныхъ книгъ этого рода появившаяся въ Венеціи въ

1533 г. Rifugio di amanti opera amorosa che insegna a componer lettere e a risponder a persone d'amor ferite. Собира- тель G. A. Tagliente. Критика этого и другихъ подобныхъ изданій 1535—1536 Cian Savassico I, CCXV и д. — Вопросы о любви и ея требованіяхъ поставлены и разрѣшены въ Lettere di molte ingegnose donne, Венеція 1549. И въ этомъ предметѣ Петрарка, какъ говорить въ одномъ письмѣ Dome- nichi (Dialoghi, Венеція 1562) считался gran maestro per pratica e per scientia di tutti gli affetti amorosi. — Lettere amoroze (Parobosco, Венеція 1555) также могутъ служить примѣромъ такого рода литературы; далѣе сборникъ подъ тѣмъ же названіемъ Luigi Pasqualigi (нѣсколько разъ по- являлся въ свѣтъ какъ анонимъ) и Ortensio Landi, Lettere di molte valorose donne, Ven. 1549. Въ томъ же родѣ письма Calmo, 4 ч., 1547 с. 1560, нынѣ изд. Rossi, 1888.

ХСІ.

Воспитаніе женщинъ.—Образованныя и ученые женщины.— Кормленіе дѣтей матерями.

Кормленіе дѣтей матерью рекомендуется M. Vegio, далѣе Palmieri, Della vita civile. Но и онъ и другіе, какъ F. Patrizi, выставляющій тоже требованіе и еще болѣе Sperone Speroni, Discorso del lattare i figliuolli dalle madri констатируютъ, что кормленіе поручается кормилицамъ. На одной изъ картинокъ изображающихъ, какъ это часто дѣлалось въ 15 вѣкѣ, мать Божію, кормящую Иисуса, Ren.-Ausst. Berlin 1898, стояла подпись: Dulcissimo lacte educavi te.—Купецъ Giov. Ruccellai (ed. Marcotti, стр. 95) также требуетъ, чтобы матери кормили дѣтей: quando f'usse senza pericolo e senza offensione della persona della madre.—Tansillo; стихотв.: La Balia послѣ 1522 (вновь перепечат. изд. Flamini, Неаполь 1893, стр. 242—273) носило слѣд. дополн. въ титулѣ: Esortazione alle nobili donne a volersi allattar elle stesse i lor figli. Правда, это произведе- ніе также какъ упомянутый трактатъ Sperone Speroni, представляющій параллель съ разговоромъ Эразма (puerpera) — обязаны своимъ происхожденіемъ заимствованіямъ изъ такихъ авторовъ, какъ Плутархъ, Тацитъ, Авль Гелій, Макробій.

Воспитаніе женщинъ.—Maffeo Vegio, de liberorum educatione, lib. III c. 12.—Tansillo, Capitoli, ed. Wolpicella, Неаполь 1870, стр. 187. Срв. также Leon. Aretini de studiis et literis ad illustrem. Dominam Baptistam de Malatesta tractatulus.—Jacobi Purliliarum comitis de generosa liberorum educatione libellus, воспроизв. вновь въ A. Israel's Sammlung seltener pädagog. Schriften, Heft 6, Zehorau 1880 г.—Z. A. говоритъ, что краснорѣчіе не дается женщинамъ, а потому пусть лучше онѣ занимаются теологіей и философскими предметами. Имъ рекомендуется историческое чтеніе: Ливій, Салюстій, Тацитъ, Курцій, Цезарь, а также поэты греческіе и латинскіе, какъ превосходнѣйшее чтеніе. И здѣсь Гомеръ считается своего рода энциклопедіей: Quid Homero deest quominus in omni-sapientia sapientissimus existimari possit? ejus poesim totam esse doctrinam vivendi quidam ostendunt.—Гекторъ долженъ представлять собой примѣръ для всѣхъ воиновъ; многіе современные полководцы избѣжали бы поражений, если бы слѣдовали его примѣру. Руководство къ воспитанію Jac. Purl. comitis начинается отдѣломъ de obstetrice, далѣе слѣдуетъ de nutrice; затѣмъ онъ высказываетъ мнѣніе, что дѣти на пятомъ году должны быть передаваемы учителю.—Angelo Turini въ одномъ сонетѣ говоритъ о неспособности женщинъ къ наукамъ и нападаетъ на L. Marsigli, который допускалъ женщинъ къ своимъ диспутамъ въ церкви S. Spirito.—Въ сборникѣ статей Gerini мало говорится о женскомъ воспитаніи: M. Palmiere утверждаетъ, что женщину должно воспитывать для дома и семьи. Въ томъ же духѣ высказываются Alberti и Vergerio.—Примѣръ женщины, у которой гармонически сочетается талантъ, красота, воспитаніе, характеръ и благочестіе находимъ у Vespasiano Fiorentino, изд. Frati III, 246 — 288, въ біографіи Alessandra Bardi. Авторъ, кстати сказать, заслуживаетъ эпитетъ laudator temporis acti и не надо забывать, что Боккаччіо написалъ Декамеронъ за сто лѣтъ до того, что онъ зоветъ добрымъ старымъ временемъ. Въ особенности интересны данныя о воспитаніи и образованіи женщинъ въ Италіи того времени, относящіяся къ Лукреціи Борджіа: Gregorovius 3 Aufl. Stuttg. 1876. Перечень книгъ принадлежащихъ Лукреціи (Gregorovius, L. B. 3 Aufl. I стр. 310, II стр. 167) весьма характеренъ для итальянскихъ дамъ того времени вообще. Этотъ инвентарь

включаетъ въ себѣ „Молитвенникъ,“—книжка съ семью псалмами и прочими молитвами, пергаментная книга съ миниатюрами въ золотѣ, носящая названіе de Coppelle alla Spagnola; печатныя письма Св. Екатерины Сиенской; печатныя посланія и евангеліе на простомъ нарѣчїи; испанская книга религіознаго содержанія; рукописный сборникъ испанскихъ канцонъ и поговорокъ Domenico Lopez; печатн. кн. подъ назв. Aquila Volante; „зеркало вѣры“ на итальян. языкѣ; печатн. Данте съ комментаріями, кн. о философіи на итал. яз.; легенда о святыхъ — тоже; старая книга de Ventura; экземпляръ Donatus'a; жизнь Христа на испанск. яз.; Петрарка рукописный на пергаментѣ. — Въ другомъ спискѣ относящемся къ 1516 г. уже нѣтъ ни одной свѣтской книги. — Многія похвалы женщинамъ требуютъ критическаго отношенія и при ближайшемъ разсмотрѣнїи прославляемая ученость часто оказывается совсѣмъ не такой на дѣлѣ. Isotta da Rimini, славившаяся своимъ образованіемъ, не умѣла писать. Срв. свидѣтельство Yriarte въ его сочиненїи о Римини. Н. возражаетъ на это безъ особыхъ основаній: Les Medailleurs de la Renaissance: J. B. Alberti, Paris 1883, стр. 45.

Произведеніе Sabbaduno Guinevera написанное въ 1483 г. представляетъ лестную характеристику героини, и несмотря на обвиненіе ея другими въ жестокости, корыстолюбіи и вѣроломствѣ, ставитъ ее въ примѣръ женской добродѣтели; въ одной современной эпиграммѣ ее называютъ: *impia, avara, tenax, horrida, terribilis*, но вражда къ ней объясняется происхожденіемъ—тѣмъ, что она *d'Ebreu madre nata*... Названное произведеніе содержитъ 33 біографїи, большею частью современницъ и преимущественно итальянокъ, но также Barbara tedesca, 2 маркграфинь мантуанскихъ и Орлеанской Дѣвы, — въ этомъ случаѣ приводится устный разговоръ современника. — Въ заключительной главѣ краткія характеристики цѣлаго ряда женщинъ, напр., Cassandra Fedele, стр. 400, также Catarina Carnaro.—Здѣсь встрѣчаемъ государыню, но также Isotta Nogarola и жену, а также неизвѣстную, любовницу или подругу автора. — Тотъ же Sabbatido degli Arienti говорилъ объ Ипполитѣ Сфорца: *Fu in eloquio facunda et eloquente. Legea egregiamente com suavi accenti et resonantia et intendea assai mediocrementе latino*... Sapea parlare di hys-

torie, de le condictione di stati et di regni et come quelli se doveano acquistare et mantenere. Sapea disputare di cose urbane de le arme, de cavalli, de ani, sparvieri, falchoni, de la agricultura, de li eserciti, de le donne et de varie virtu degli huomini ch'era una felicitu ad udire. — Подобную характеристику можно было примѣнить ко всѣмъ свѣтскимъ домамъ того времени. — Далѣе Саббадино въ своихъ біографіяхъ женщинъ часто говоритъ объ ихъ образованіи, учености, примѣромъ могутъ служить (стр. 155) Constanza Strozza da Gonzaga и Battista Sforza, герцогиня Урбинская. — Но занятія серьезными предметами не представляли общаго явленія среди женщинъ, какъ это видно изъ посвященія Lud. de Varthema его Itinerario (1510) герцогинѣ Agnesina di Montefeltro, не отличающейся come molte altre che porgono le orecchie ad canzonette et vane parole. — По словамъ Eg. da Viterbo римскія женщины въ особенности отличались страстью къ ученію. — Письмо 1443 г. къ Giovanni Medici: о римскихъ женщинахъ говорится: tute fanno la cucina, отсюда нечистоплотность. — Въ другихъ случаяхъ о нихъ же: Le donne universalmente di viso sono belle. Atti della acc. dei Lirc. V, 2 (1893), стр. 46. — Изъ числа ученыхъ женщинъ Cassandra Fedele обращаетъ себя на особое вниманіе: Sigonsfeld, Allm. Zeit. 1891, Zail. 40, 41. — Переписка между ней и Lud. Мого, гдѣ послѣдній выказываетъ желаніе помочь бѣднымъ и рекомендуетъ тоже венеціанскому дожу, сообщ. Adr. CarPELLI, Arch. Stor. lomb. ser. III, vol. IV, стр. 388. (Прожила ли С. Ф. до 102 лѣтъ — неизвѣстно). Fulgosuis также не упускаетъ случая сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно Isotta Nogarolla и Cassandra Fedele. — О другой извѣстной писательницѣ Veronica Gambaга не разъ была рѣчь. — Краткую біографію V. G. написанную ея современникамъ Rinaldo Corso (срв. о немъ Propugnatore N. S. VI, 1), а также ея письма, обнародовалъ Ferd. Rossi Foglia, Correggio 1884. — Ver. Gambaга (срв. ея письма 1759) несмотря на ея ученость, была тщеславна и любила наряжаться. Присутствуя на придворномъ вѣчаніи въ 1549 г. она хотѣла che gli ornamenti di questa mia giovane superassero tutti gli altri. — Интересный фактъ представляетъ то обстоятельство, что Р. Аретино осмѣивавшій всѣхъ, назвалъ ее meretrice laureata, но несмотря на это, она оставалась съ нимъ въ добрыхъ отношеніяхъ и ея

сынъ писалъ ему въ почтительномъ тонѣ. Luzio-Renier 108, 347. Cecilia Gallerani († 1536) одна изъ возлюбленныхъ Л. Мавра, замужемъ за графомъ Lod. Bergamini говорила по-латински, какъ по-итальянски, сочиняла стихи и произносила рѣчи религіознаго и философскаго содержанія. Jul. Caesar Scaliger и Bandello воспѣли ее („la moderna Saffo“).— Ersilia Cortese del Monte, ум. послѣ 1587 г.; Raffaele Erculli описалъ ея богатую событиями жизнь (Nuova antol. 3 ser. vol. 52, 499—520, 688—702).—Нѣкоторыя женщины славились также своими охотничьими успѣхами, напр., Diana Saliceto di Bentivogli, Sabadino degli Arienti, стр. 332. — Наконецъ, еще слѣд.: armatura femminile изъ museo civito въ Болоньѣ, снята у Pasalini, Cat. Sforza, т. II, табл. 21, 23, принадлежитъ ли С. S.?

ХСII.

Публичныя женщины.—Число такихъ женщинъ въ Римѣ, въ 1490 г. даетъ Infessura, изд. Tomasinl, стр. 260. — Въ это число входятъ только явныя проститутки, но не тѣ женщины, которыя non publice, sed secreto cum quinque vel sex sagum exercent artificium. — Въ отношеніи къ общему количеству населенія Рима въ то время это число огромно, тѣмъ не менѣе ошибки здѣсь не можетъ быть, такъ какъ I. прибавляетъ: consideretur modo qualiter vivitur Romae. — Далѣе онъ говоритъ: quod via reperitur sacerdos qui concubinam non retineat.—Еще болѣе невѣроятнымъ представляется приводимое Sanudo (VIII, 414) число публ. женщинъ въ Венеціи въ 1509 г. будто бы 11654 на 300.000 жителей (послѣднее также кажется сомнительнымъ).— Un censimento della citta di Roma sotto il Pontificato di Leone X, tratto da un codice inedito dell' Archivio Vaticano, — въ этомъ документѣ опубликованномъ Т. Armellini въ Gli studi italia, anno IV, vol. II, 1881, стр. 890, anno V, vol. 1, стр. 83, находимъ, что въ округѣ Sto. Salvatore de Cuppellis жило 14 cortesine, въ томъ числѣ Imperia и Margarita tedesca.

Срв. также статист. дан. т. I прилож. IX.—Римъ занималъ первое мѣсто въ этомъ отношеніи среди другихъ городовъ, срв. Giraldi, Introduz. nov. 2. Далѣе срв. свѣдѣнія о томъ, какъ meretrices въ Римѣ собираются въ церкви, и

какъ лишаются своихъ драгоценностей. Murat. XXII, 342 и свѣдѣнія въ Burchardi diarium, изд. Thuasne II, 443, гдѣ упоминается cortegiana i. e. meretrix honesta, по имени Cursetta. Въ ея свитѣ находится Мавръ, котораго она водить въ женской одеждѣ... Мавръ былъ жестоко умерщвленъ, она-же сама избѣгла наказанія III, 146. Французскимъ солдатамъ отправляющимся въ Неаполь предлагаютъ угощенье — хлѣбъ, вино и пр., а также 16 meretrices quae necessitati illorum providerent. II, 180: состязаніе куртизанокъ во время карнавала 1503 г. срв. тамъ-же III, 167, 209, 212. — Весьма богатый источникъ свѣдѣній относящихся къ Риму представляетъ Delicado. Мы цитируемъ здѣсь французскій переводъ, такъ какъ оригиналъ на испанскомъ языкѣ труденъ для пониманія. — Возникновеніе источника относится къ 1524 г., напечатанъ въ 1528, авторъ жилъ въ Римѣ 1523—1527. Это произведеніе состоитъ почти исключительно изъ разговоровъ Lozана, куртизанки, прибывшей въ Римъ изъ Испаніи, въ первой четверти 16-го вѣка, съ другими женщинами, ея возлюбленными, слугой, авторомъ книги и т. д. Интересный культурно-историческій романъ: испанскія блюда I, 51; бѣлье испанское и итальянское I, 95 частая перемѣна слугъ въ знатныхъ домахъ I, 97; туалетныя средства I, 123, 127; рыночныя торговцы I, 133; многое о евреяхъ I, 51, 129, 139. (катл. синагога). Любовное колдовство I, 155: пророчество; зеленые листья на предметахъ для продажи I, 163; лечебныя средства, при чемъ указывается ихъ негодность I, 251, средства противъ половыхъ болѣзней I, 215. — Сцены рисующія ремесло разсказчицы и ея подруги. — Подробное описаніе первой ночи въ Римѣ I, 133, далѣе быстро слѣдующіе одинъ за другимъ посѣтители, способные хорошо оплачивать свои визиты. I, 165. Культурно-историческій интересъ представляютъ слѣдующія данныя; Imperia II, 257 и другія II, 253. — Свѣдѣнія о куртизанкахъ въ Римѣ, Carlina ill. (15 4) мѣры полиціи; залогъ, который потомъ возвращается, благодаря протекціи; различные виды проститутокъ, мѣстности, города, откуда происходятъ; Генуя совершенно исключается I, 197. — Испанки считаются красивѣйшими. Число испанскихъ женщинъ живущихъ въ Римѣ 14,000 (I, 201) значительно преувеличено. — Эпоха Александра VI считалась

особо благопріятной для этого ремесла I, 201. Продолжительность ремесла по ея указанію 28 лѣтъ, отъ 12 до 40, II, 63. Lozana II, 85 пречисляетъ всѣ свои искусства, какъ-то врачеваніе, фізіогномику, хиромантію, угадыванье будущаго. Въ одномъ мѣстѣ она сознается, что говоритъ часто, что придетъ на языкъ. Это очень характерно, такъ какъ несомнѣнно эта женщина жила и дѣйствовала подъ своимъ или другимъ именемъ и фантазія сравнительно мало разукрасила ея жизнь и дѣятельность. Кромѣ служенія любви она занимается изготовленіемъ лечебныхъ средствъ. Благодаря ея добродушію ее часто обманываютъ. Наконецъ, она живетъ въ уединеніи, по ея словамъ, и это очень возможно, съ однимъ слугой, который играетъ большую роль во всѣхъ ея дѣлахъ. — Въ Римѣ впервые серьезно начинается борьба съ этимъ явленіемъ Пій V (1566—1572) см. *Repressioni straordinarie alla prostituzione in Roma in Rivista di discipline carcerarie anno XVI*. Влѣдствіе этого гоненія и другихъ строгихъ постановленій начались массивныя выселенія. — Кромѣ Рима Landi, *Commentario* fol. 76 называетъ еще Неаполь и Венецію, какъ главныя мѣстопребыванія *cortigiane*; далѣе у него-же fol. 286 повидимому, иронически „славятся“ женщины изъ Чіавенны. По словамъ Giraldu IV, 7 Венеція въ особенности богата di quella sorte di donne che cortigiane son dette, срв. также эпigramму Pasquino (Gregor. VIII, 279, прим. 2). — Въ противность названному автору, Egnatius, *De exempl. ill. vir. ven.* fol. 212, хвалитъ въ особенности скромность венеціанокъ и говоритъ, что публичныхъ женщинъ привозили ежегодно изъ Германіи. — Другое мнѣніе — *Conr. Agr. de van. scientiae* cap. 63 (Opp. ed. Lugd. II. 158): *Vidi ego nuper atque legi sub titulo Cortosanae Italica lingua editum et venetiis typis excusum de arte meretricia dialogum utrisque Veneris omnium flagitiosissimum dignissimumque, qui ipse cum autore suo ardeat.*

Данныя о Венеціи: *Saggi e memorie venete sulla prostituzione fino alla caduta della Republica*, Венеція 1870—72, тамъ-же законы противъ содоміи (1553). Въ этомъ изд. находится изд. с. 1550 и посвященная Livia Azalina кн.: *Catalogo di tutte le principal et più honorate cortigiane di Venetia il nome loro et il nome delle loro piazze et le stanzie ove loro abitano et di più ancor vinarra la contrata ove sono le loro*

stantie et etiam il numero de li denari che hanno da pagar quelli Gentilhomini et al che desiderano entrar nella sua gratia (тарифъ колеблется отъ 1 до 30 скуди, особа, которой посвящается книга, требовала 25; Veronica Franco довольствовалась двумя).—Въ списокъ перечисляемыхъ въ Венеци куртизанокъ встрѣчались и замужнія женщины. Даже небольшой городъ, какъ Перуджіа, въ 1557 году имѣлъ 14 puttane, срв. Fabretti; La prostituzione in Perugia nei secoli XIV e XV, Туринъ, 1885 г., А. Graf, упомин. ниже, прилож. XIII соч., стр. 265; такъ-же 280 подробныя свѣдѣнія о Венеци, какъ средоточіи этой профессіи.—Въ Туринъ отцы города стараются звести *postribula ad causam studentium*. Срв. Gabotto, *studenti e male femmine in Torino nel sec. XV; Giorn. lig. XVII, 316.*—Въ письмахъ, *lettere de principi I, 108.* (Сообщ. Negro 1 сент. 1522) *donne Greche* указаны какъ *fonte d'ogni cortesia et amorevolezza.* — Главный источникъ свѣдѣній объ этомъ *Ant. Panormitanus: Hermaphroditus*, въ особенности для Сиены. Перечисленіе *lenae lupaeque* во Флоренціи (*lib. II, 37*). Здѣсь между прочимъ говорится: *Annaque Theutonico tibi se dabit obvio cantu.* Для характеристики тогдашнихъ возрѣній важно, что *Ambr. Traversari (Epistolarum lib. VIII)* называетъ любовницу *Niccolo Niccoli* не иначе, какъ *foemina fidelissima*, также *Buchardus* говоритъ о *cortigianae honestae*. Противъ этого возстаютъ *Bandello, Parte III, nov. 41*, находя, что такія женщины не заслуживаютъ назв. *honesto vocabalo cortegiane.* — Нѣкоторыя изъ этихъ *cortig.* оставили письменныя свидѣтельства и литературныя признанія. Наибольшій интересъ въ этомъ смыслѣ представляютъ изданныя *Ferrari, Lettere di cortigiane del secolo XVI, Флоренція 1884*, вновь издан. и дополн. *Vaccini, Флор. 1892.* (Изданные *Ferrari* документы вновь опубликованы въ болѣе точномъ видѣ *Mattini и Orlando, Bibliotheca Grassoccia.*) Здѣсь говорится главнымъ образомъ о *Camilla* изъ Пизы и *Alessandra* изъ Флоренціи, живущихъ на виллѣ *Filippo Strozi*, но поддерживающихъ интимныя отношенія съ *Francesco Nero*. Авторомъ писемъ является главнымъ образомъ первая; она владѣетъ правильнымъ, подчасъ элегантнымъ стилемъ, употребляетъ латинскія фразы, пишетъ, повидимому, стихи и находится въ перепискѣ со многими писателями. Несмотря на свою профессію, она отличается благо-

честьемъ и однажды извиняетъ въ томъ, что не могла писать, вслѣдствіе обязанностей, налагаемыхъ въ праздничные дни церковью. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ обнаруживаютъ глубокое, искреннее чувство. Къ числу куртизанокъ принадлежала, повидимому, Beatrice изъ Феррары, которой Molza посвятилъ извѣстную элегію, по случаю ея беременности. Прочія письма обращены къ Lorenzo герцогу Урбинскому и Giovanni Medici.

Въ послѣдніе годы эта литература получила особое развитие. Срв. Cian. *Galanterie italiane del secolo XVI*, Turin 1888 и приводимыя имъ многочисленныя литературныя справки. Въ особенности много здѣсь говорится о личности Tullia d'Aragona. Стихотверенія этой женщины, скончавшейся въ нуждѣ въ 1556 г., изданы съ критич. примѣч. Celani, Bologna 1864 г. Ея діалогъ *dell' infinita d'amore* — Болонья 1864.—Въ документахъ, сообщенныхъ Cian'омъ, упоминаются двѣ флорентійскія дамы (Saltarella и др.). Онѣ представляютъ собой образованныхъ женщинъ, сочиняютъ стихи— по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ, которая ея любовникъ Nicolo Martelli помѣщаетъ *in primo libro delle lettere* 1546.— Къ сожалѣнію неизвѣстно существуетъ-ли еще альбомъ знаменитыхъ куртизанокъ, который Aless. Benedetto видѣлъ среди предметовъ, принадлежавшихъ бѣжавшему Карлу VIII, какъ онъ утверждаетъ въ св. *Diaria de bello Carolino* (Венеція 1496). — Одна изъ женщинъ этого типа (*una fra mille*) по имени Veronica Franco нашла своихъ биографовъ. A. Graf (*Attraverso il cinquecento*) Туринъ 1888, и G. Tassini, *Veronica Franco, celebre poetessa e cortigiana del secolo XVI*, Венеція, 2-ое изд. 1888. Эта послѣдняя занимаетъ высокое мѣсто по своему вліянію и образованію; какъ писательница (поэтесса и авторъ писемъ) она и теперь заслуживаетъ вниманія, хотя не всѣ критики ее хвалятъ.— Письма римскихъ куртизанокъ: Orsola Maria, Teresa da Lavorgnano, Beatrice da Ferrara и Лоренцо Медичи (1516) изъ Флор. арх. привод. Nitti, *Nuova ant.* 3 ser. vol. 28, стр. 304.— Calmo, письма къ cortigiane, 4-я кн. его *Lettere*, изд. Rossi стр. 351—367. — По одному постановленію 1471 г. жившимъ въ Римѣ *meretrice* запрещено было *portamenti Romani cioè lensoli panni listati machagnani et veste al modo Romano*, подъ угрозой конфискаціи и денежнаго штрафа въ двадцать пять дукатъ

товъ, Altieri стр. LXV. — Публичнымъ женщинамъ воспрещалось принимать участіе въ процессіяхъ, P. de Grassis, изд. 1884, стр. 64. — Тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что проповѣдь покаянія оказывала сильное вліяніе между прочимъ и на этихъ жднщинъ, какъ видно изъ письма отъ 21 апр. 1492 (Bibliofilo 1887, VII, стр. 39). Въ этомъ письмѣ сообщается, что въ Миланѣ послѣ одной проповѣди frate del Zardino, нѣсколько meretrice обратились на истинный путь; впрочемъ lenones противились такому вліянію, какъ невыгодному для нихъ.

G. Rezasco, Giorn. lig. 17, 161—220 даетъ много свѣдѣній хотя и не систематичныхъ о различныхъ постановленіяхъ, регулирующихъ жизнь публичныхъ женщинъ, требующихъ обязательнаго ношенія извѣстныхъ платій, желтыхъ вуалей и т. п., запрещеніи жить въ извѣстныхъ улицахъ. О желтомъ вуалѣ срв. также Bongi, Riv. crit. della lett. ital. Далѣе Parchi, N. bordello de Pavia dal XIV al XVII secolo (Mem. dell' Instituto lomb. XX, 6).

XCIII.

Тѣлесное наказаніе. — Научное и психологическое изслѣдованіе о тѣлесномъ наказаніи у германскихъ и романскихъ народовъ было-бы не менѣе полезно, чѣмъ собраніе депешъ и дипломатическихъ посланій. (Нѣкоторое начало такому изслѣдованію положилъ Lichtenberg, Vermischte Schriften, т. V, стр. 276—283: кое-что о пользѣ и вредѣ палочныхъ ударовъ, оплеухъ и т. п. у разныхъ народовъ. Когда и подъ какимъ вліяніемъ розги вошли въ обыденное употребленіе въ нѣмецкой землѣ? Въ Италіи раньше другихъ странъ розги выходятъ изъ употребленія. Maffeo Veggio († 1458) рекомендуетъ умѣренность при тѣлесномъ наказаніи (de educ. lib. I, 19) но говоритъ: caedendos magis esse filios quam pestilentissimis blanditiis lactandos.—Противъ тѣлесныхъ наказаній высказываются P. P. Vergerius, De ingenuis moribus et liberalibus studiis и Palmieri Della vita civile. Послѣдній допускаетъ такого рода наказаніе только для ремесленныхъ учениковъ. Fr. Corrago противъ тѣлесныхъ наказаній дѣтей старшаго возраста. Далѣе исключается уже 7-лѣтній возрастъ. Маленькій Роландъ (Orlandino, cap. VII, 42)

Sol gli asini si ponno bastonare
Se una tal bestia fussi, patirei.

Нѣмецкіе гуманисты эпохи возрожденія, напр. Rudolf Agricola и Эразмъ энергично выступаютъ противъ побоевъ, которые прежніе педагоги считали необходимымъ педагогическимъ средствомъ. Яркіе примѣры примѣненія методы тѣлесныхъ наказаній находятся также въ жизнеописаніяхъ „странствующихъ подмастерьевъ“ конца вѣка. (Thomas Plater, жизнеопис. изд. Fechter, Базель 1840 г. Butzbach, Wanderbuch, изд. Beker, Regensburg 1869).

XCIV.

Празднества. — Кухня. — Блюда. — Относительно празднествъ кардинала Pietro Riario 1473 г. срв. Favre, *Mélanges d'hist. lit.* I, 138.—Corio fol. 417. (Срв. также *Una cena carnivalescha del cardinale P. R. Lettera inedita di Ludovico Genovesi 2 marzo 1473.* Римъ 1885, письмо обращено къ Варварѣ Бранденбургской въ Мантуѣ. Перечень блюдъ занимаетъ у Corio двѣ страницы отпечатанныя мелкимъ шрифтомъ. „Между прочимъ на столъ подавали гору, изъ которой выходилъ человекъ выражавшій удивленіе тому, что очутился здѣсь, среди пирующихъ; онъ пропѣвалъ стихи и затѣмъ исчезалъ. — (Gregorovius VII, 241). Срв. документальныя сообщенія Corvisieri, *Archivio della R. Società Romana di storia patria*, Roma 1877, vol. I, X. Тамъ-же стихотвореніе Aemilius'a *Vocabella* описывающее блестящее празднество кардинала Riario (также описаніе Pastor II, 458, по нѣкоторымъ источникамъ, остававшимся до сихъ поръ неизвѣстными или неизслѣдованными.—Далѣе, срв. сообщеніе Ліаноры (она подписывается Elyonora) о ея приѣмѣ въ Римѣ и Флоренціи A. de Tummullillis, стр. 194—204. Описаніе комнаты, перечисленіе блюдъ, названіе читанныхъ стиховъ. Перечень розданныхъ подарковъ. Ужинъ продолжался цѣлыхъ шесть часовъ. — Представленія во Флоренціи имѣли сюжетомъ исключительно эпизоды изъ стараго и новаго завѣта.—Strozii poetae fol. 193 въ первой кн. *Aeolost.*—Одинъ изъ значительнѣйшихъ праздниковъ въ Римѣ въ эпоху Льва X устроенъ былъ въ честь новыхъ гражданъ Лоренцо и Джуліано, срв. *Le feste pel conferimento del patriziato Ro-*

mano a Giuliano e Lorenzo de' Medici narrate da Paolo Palliolo Fanese, изд. O. Guerrini (Scelta di curiosità letterarie vol. 206) Болонья 1885. Срв. также сообщ. Altieris Vaccanali изд. Loreto Pasqualucci, Римъ 1881.—Подробное описаніе въѣзда Льва X во Флоренцію и украшенія города Landucci 352—360.— Подробное описаніе на основаніи этихъ источниковъ, см. d'Ancona, Origini II, 84. — Здѣсь умѣстны свѣдѣнія о блюдахъ и напиткахъ.—Нѣкоторыя новыя данныя опубликованы 1884, Туринъ: Galeotto del Carretto, Storia del Monferrato Splendido convito nuziale dato da Galeazzo Visconti.— Данныя изъ libro di cucina (14 в. Болонья) даетъ R. Stechetti: La tavola e la cucina nei secoli XIV e XV (Флоренція 1884), S. Morgurgo сообщаетъ изъ Флорентійскаго кодекса поэтической рецептъ Antonio Pucci — per fare la salsa: riv. crit. della lett. ital. Окт. 1884 г. стр. 120. — Свѣдѣнія о цѣнахъ и блюдахъ подаваемыхъ во время одной городской свадьбы въ концѣ 14 в. Lappo Mazzei I, XXXV. Срв. также прим. XLVI.—Leon. Aretino (Epist. lib. III, ep. 18) жалуется, какъ дорого обошлись ему свадебный ужинъ, платье и т. п., вслѣдствіе чего онъ въ тотъ-же день вынужденъ былъ прибѣгнуть къ matrimonium и patrimonium. — Ermolao Barbaro въ одномъ письмѣ къ Pietro Sara сообщаетъ меню свадебнаго ужина у Trivulzio (Angeli Politiani, epist. lib. III). — На одномъ празднествѣ въ Неаполѣ въ 1455, по случаю договора между Альфонсомъ, Миланомъ, Флоренціей, Венеціей и папой) подавались невѣроятныхъ размѣровъ пироги въ видѣ башенъ, на которыхъ находились гербы и прочія эмблемы этихъ союзниковъ. Въ концѣ концовъ народу представляется опустошить столы съ яствами и упомянутыя башни берутся приступомъ. Срв. N. carteggio originale di Francesco J. Sforza, Arch. stor. ital. IV Ser. 1878, mem. 2, 366— Интересно также поссе 1870 г. Della nozze di Lor. de Medici con Clarice Orsini nel 1469 г.; informazione di Pietro Parenti fiorentino. — Празднества по случаю бракосочетанія Guidobaldo Урбинскаго съ Елизаветой Гонзаго въ 1488 описываетъ B. Carilurus, Luzzio Renier (1893); здѣсь перечисляется 63 разныхъ сладостей: cita, castelli, fontane, diece, arbori fatti al naturale, grandi e coloriti con li frutti loro. — Особый интересъ представляетъ перечень блюдъ и напитковъ Landi, Commentario (прилож. LXX). Ланди говоритъ о

томъ, сколько онъ затратилъ труда на собраніе матеріаловъ, онъ прочелъ съ этою цѣлью пятьсотъ авторовъ. Онъ приводитъ имена мужчинъ и женщинъ, большею частью древнихъ—римлянъ, грековъ и варваровъ; приводимый имъ перечень слишкомъ длиненъ, чтобы приводить его здѣсь; въ одномъ мѣстѣ говорится: *Li antropophagi furono i primi che mangiassero carne humana!* — Poggio (Opera 1513, fol. 14) подробнѣе о томъ-же предметѣ: *Uter alteri gratias debeat pro convivio impenso isne qui vocatus est ad convivium an qui vocarit?* — Платина сочинилъ трактатъ *de arte coquinaria*, неоднократно опубликованный и цитированный подъ разными титулами, содержащій, по его собственнымъ словамъ (dissert. Vossiane I, 253) больше предостереженій, чѣмъ нужныхъ свѣдѣній. (Остроумная эпиграмма на этотъ трактатъ см. Sannazaro, Opp. 1535 fol. 360). — Въ то время уже собирались рецепты изготовленія блюдъ и т. п. Нѣкоторые изъ такихъ сборниковъ рецептовъ напечатаны; срв. *Frammento di un libro di cucina del secolo XIV*, изд. O. Guerrini, Болонья 1887; *LVII ricette d'un libro di cucina del buon secolo della lingua*, Болонья 1890 г. Первое произведеніе принадлежитъ, повидимому, жителю Сиены, второе — флорентійцу. Срв. кромѣ Stechetti еще Gandini, *Tavola, cucina e cantina della corte di Ferrara nel quattrocento*, Модена 1881. — Scappi, Bart. (*Cuoco secreto di Papa Pio V*) Opera. (*Di diverse vivande di carne, della statura e stagione di pesci*). *Con il discorso funerale che fu fatto nelle essequie di papa Paulo III. S. l. e. a.* (Venez. 1571) 4 C. 27. — Нѣкоторыя свѣдѣнія въ изд. Emilio Motta: *Nozze principesche nel Quattrocento. Corredi, inventaro e descrizione con una canzone di Claudio Trivulzio in lode del Duono di Milano 1894*. (Праздничн. игра во время свадьбы въ домѣ Тривульціо. 1488. — Kalonymus. *Masecheth purim*, Венеція 1552: Блюда въ пуримъ: *castagni, tortole, tortolecchi, mustazioni или mosstacciouli, tocchetto pary, anitri, утки, фазаны, pollanca, folaghe, cotornici, maccheroni, crescione*. — Свѣдѣнія о блюдахъ также Archiv Ven. Двѣ государыни благодарять за прекрасную, жирную свинью, они ее съѣли всю, только голову оставили секретарю. *Journal des beaux arts* III, 18 (1898). Описаніе деревенскаго, но изысканнаго ужина съ перечнемъ отдѣльныхъ блюдъ Andr. Dactius, *satira* (лат.) или *silva; verna profectio*, Riidiger,

Dactius, 33. — Левъ X отличался самъ умѣренностью въ ѣдѣ, но тратилъ, по словамъ Джіовіо, половину доходовъ отъ Сполетто и Романьи на домашнее хозяйство и кухню; срв. письма Аретино и Comento del Grappa sopra la canzone in lodo della salsiccia, Scelta di curiosita disp. 184, Болонья 1881.— Messiburgo: Bancchetti, composizioni di vivande et apparecchio generale, Ferrara 1549. Подробнѣе говорить о злоупотребленіи ѣдой и напитками Салутати, письма 264 и 270.

ХСV.

Игры и танцы.— Трудно опредѣлить съ достовѣрностью, какое мѣсто занимали игры въ общественной жизни того времени. Карты входятъ въ обыкновеніе не раньше, чѣмъ во второй половинѣ четырнадцатаго вѣка; до того итальянцы знаютъ только кости и пашки. Этими играми развлекаются днемъ въ общественныхъ мѣстахъ; въ домахъ и въ особенности ночью игры были строго воспрещены и разрѣшались только два раза въ годъ на Рождество и Пасху. Игрокъ по профессіи считался нарушителемъ нравственности и подвергался наказаніямъ уже при Фридрихѣ II; игроки платили большіе штрафы въ доходъ города.

Несмотря на высокое обложеніе игръ и строгое преслѣдованіе недозволенныхъ игръ, въ общемъ, однако, онѣ имѣли огромное распространеніе, какъ это видно не только изъ городскихъ актовъ о штрафныхъ суммахъ, но въ особенности изъ жалобъ того времени. Мы находимъ такое указаніе у Данте. Петрарка въ своемъ діалогѣ о счастьѣ и несчастіи посвящаетъ игрѣ цѣлую главу; онъ-же завѣщаетъ своему слугѣ 20 дукатовъ, выражая надежду, что тотъ не проиграетъ этихъ денегъ.

Боккаччіо рассказываетъ о человѣкѣ проигравшемъ не только свои, но и довѣренныя ему деньги.

Писатели-теологи, какъ Тома Аквинскій, встаютъ противъ игры, называя ее порочнымъ занятіемъ, противнымъ природѣ. — Vesp. Fior. I, 179 рассказываетъ о томъ, какъ Антоніо Феррарскій, возвращаясь домой послѣ одной проповѣди и увидя на пути играющихъ, опрокинулъ столъ

съ картами и заставилъ игроковъ принести покаяніе; подобіе тоже самое, см. Domenici, изд. Rösler, стр. 36.

Иногда профессиональный игрокъ, какъ Buonacarsi Pitti даетъ обѣтъ не играть столько-то лѣтъ и глубоко огорченъ, если ему случится нарушить это обѣщаніе. Проповѣдники покаянія не разъ повѣствуютъ о заблудшихъ подѣ влияніемъ потерь въ игрѣ богохульствовавшихъ людяхъ, но затѣмъ раскаявшихся и строившихъ церкви или уходившихъ въ монастырь. — Всѣ подобныя свидѣтельства современниковъ и выписки изъ документовъ, приведены Zdekauer: *Il giuoco in Italia*, см. Arch. stor. ital. XVIII, 1886; данныя относящіяся къ Венеціи Arch. Ven. 28, 132. Діалогъ Петрарки *De ludo alee et calculorum* (*De remed. utr. fort.* 26) по манерѣ автора представляетъ скорѣе краснорѣчивую декламацию, чѣмъ поучительную картину нравовъ. — *Coelio Calcagnini de talorum tesserarum et calculorum ludis*, Opera Basil. (1544, стр. 286—301) носитъ археологическій характеръ и едва касается современности. — Важнѣйшій источникъ, повидимому, представляетъ Girolamo Bargaglias *Dialogo dei giuochi Sanesi che nelle veghie se usano di fare*, Siena 1572, такъ какъ все относящееся къ одному городу съ такимъ-же успѣхомъ можетъ быть отнесено и къ другому.

Игра въ кости въ Венеціи, на площади Св. Марка то запрещалась, то снова разрѣшалась, срв. Cechetti. Arch. ven. 28, 263. Штрафы усилились въ срединѣ 16-го в.

Далѣе въ хронологическомъ порядкѣ:

Въ Луккѣ, во 2-ой половинѣ 14-го вѣка, по словамъ Sercambi 3, 324, на Piazza St. Michele находились такъ называемые *ribaldi* въ одной рубашкѣ съ поясомъ, безъ обуви и не покрытой головой; эти люди жили игрой и грабежомъ, но въ тоже время составляли артель, вродѣ нынѣшнихъ посыльныхъ и аккуратно и добросовѣстно исполнявшихъ данное порученіе. Купцы пользовались ими, какъ *buono e leale servizio*. — Simoneschi обнаруживаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ игрѣ въ Пизѣ въ 14 в. Pisa 1890. Въ Луккѣ въ 1392 году монополія на право игры на улицѣ была отдана въ аренду за 1530 гульд. зол. Sercambi I. 453. — *Salutati* тоже говоритъ объ эпидеміи игры (письма I, 59) и о печальныхъ послѣдствіяхъ. Срв. также рѣдкое осужденіе

rabies taxillorum, такъ-же III, 449. — Изъ другихъ сог. заслуживаютъ вниманія G. Campori: *Le carte da giuoco dipinte per gli Estensi nel sec. XV*, Mantua 1875. — Срв. *Vesp. Fior.* I, 78, разсказъ о томъ, какъ Альфонсъ Неаполитанскій проигрываетъ, велитъ принести еще денегъ, снова выигрываетъ, дѣлитъ выигрышъ между играющими и клянется никогда не играть. — Gian. Manetti ставитъ на карту палочные удары, *Vesp. Fior.* II, 47. — Далѣе, свѣдѣнія объ игрѣ у *Rezasco*, *Giorn. ligust.* 11, 196—225.

Начало игры въ лотто по свѣд. *Ventura* относится къ 1476 г. въ Моденѣ введена неизвѣстнымъ флорентійцемъ публично въ Генуѣ 1519; въ Венеціи 1521 запрещено Сена томъ: *nuovo zuogo da alcuni zorni in qua trovato da trazer danari da questo e da quel altro chiamato Lotho, cum tanta murmuratione universalmente de tutti.* — О карточной игрѣ *Scartino* 1493 (быть можетъ экарте) и азартной игрѣ *flusso* срв. *Luzio-Renier* 1893, стр. 63. — Игра *Tarock* срв. стихотв.: *Capitoli del giuoco dei Tarocchi*, семь изд. въ 16, затѣмъ въ 19, наконецъ *Solerti*, *Poesie di M. Bojardo.* — *Renier* въ 1886 г. сдѣлалъ открытіе, что 5 *capitoli* служатъ разъясненіемъ игры; это подтверждается найденнымъ и изданнымъ *Solerti* коментаріемъ *Pier Antonio Viti*. Это родъ историко-литературной и психологической игры, въ которой четыре страсти *amore, speranza, gelosia, timore* изображаются тринадцатю картами.

Карточная игра появляется въ Европѣ въ 1369 году и получаетъ широкое распространеніе въ Италіи въ концѣ 15-го вѣка. Всѣ вообще *carte* дѣлились на *carticelle* и *paibi*, носившія также названіе *carte da Trionfi*; первыя были обыкновенныя 52 карты колоды, дѣлившіяся на 4 серіи, въ каждой по 10 картъ съ очками и три фигуры. Карты 2-ой категоріи дѣлились на 4 серіи съ очками до 10 и 4 фигурами, кромѣ того одна съ 21 *trionfi* и 1 *matto*. Печатныя карты съ 1491. Игра въ тарокъ ломбардско-венеціанскаго происхожденія. — Свѣдѣнія объ этой и другихъ играхъ, а также о томъ, что писалось за и противъ, можно найти въ приводимой *Renier*: *Bibliographica italiana de giuochi di carte*, *Lensi*, Flor. 1892. — Одинъ игрокъ былъ повѣшенъ (Флор. 1501) за то, что проигравшись въ карты, бранилъ изображенія святыхъ, *Landucci* 237. — Игры въ Венеціи

(16 b.). Много свѣдѣній Rossi, Calmo стр. 347. — Данныя о лотереяхъ см. Sanudo (1526 т. 41). — Кромѣ игръ азартныхъ соблазнявшихъ выигрышемъ, были въ ходу игры для развлечения и отдыха. Шахматы отличались роскошью. См. Luzio-Renier 65, 272. — Игра въ мячъ не представляетъ материала для анализа.

Игра къ свѣжки (giuoco calle palle di neve) упом. Cesso Angiolieri, Lasca; по свидѣт. Graziani (лѣтопись Перуджіи) 1486, этой игрой забавлялись также монахи на монастырскихъ дворахъ и на улицѣ. Срв. A. D'Ancona, Studi, 1880, стр. 211. — Дѣтскія игры срв. Pitrè, Giuochi fanciulleschi, Палермо 1883 г. — Объ играхъ въ Урбино и участіи Bembo срв. Cian, Motti di Bembo, Венеція 1888. Въ комментаріи къ одному изъ стихотвореній Bembo, приводимомъ въ этомъ источникѣ, говорится объ игрѣ въ вопросы и отвѣты, при чемъ то и другое передается сосѣду на ухо, а потомъ повторяется вслухъ и обсуждается. Ariost. Неист. Орл. VII, 21: здѣсь находимъ намекъ на то, что при этой игрѣ пользовались случаемъ для обмѣна признаній въ любви.

Танцы. Въ 1890 г. изслѣдованіе Zannoni о кн.: il libro dell' arte del danzare, A. Cornazzano 1465; другіе писавшіе въ 15 в. о томъ-же предметѣ: Guglielmo ebreo, Domenico da Piacenza, Domenico da Ferrara. — Cornazzano упоминаетъ и описываетъ слѣдующіе танцы, популярныя въ Миланѣ: Verzerpe, Prima figlia Guilielmino, Figlie Guilielmin, Sobria, Mignotta nova, Corona. — Нѣкоторые воспитатели, какъ Гуарино, разрѣшали танцы, другіе, какъ напр. Vergerio и Maffeo Vegio запрещали, послѣдній даже дѣвушкамъ. Въ параллель къ этому послѣднему надо упомянуть Edmond Bonaffé Notes sur la vie privée de la Renaissance Rev. de Paris, 15 Сент. 1896 г. стр. 358—389. — Здѣсь также говорится специально о „танцорахъ“. Далѣе, Guglielmo da Pesaro, Trattato dal' arte del ballo, новое изд. Scelta di curiosità letterarie т. 131, Болонья 1873. Срв. также нѣкоторыя данныя въ стихотв. В. Cavassico ed. Cian. 189.

XCVI.

Крoвая мeсть. — Напомнаніе о томъ, что вендетта осталась не выполненной, наказывалось, какъ оскорбленіе въ Луккѣ 1308 г. Propugnatore N. S. III, I, 78. Тѣмъ не

менѣе тотъ, кто оставался неотомщеннымъ считался трусомъ (1376, стр. 74). Кто призванъ былъ совершить вендетту, носили повязку надъ глазами. Примѣръ ужасной вендетты въ Неаполѣ въ 1420 г. разсказанъ самимъ совершившимъ ее флорентійцемъ Luca di Matteo di messer Luca Firidolfi da Panzano въ его „Воспоминаніяхъ“ 1406—61, сообщеніе Carnesechi, Arch. stor. ital. ser. 5 vol. 4 стр. 145. — Признаніе обязанности мести также у Poliziano (по случаю убійства его отца. Срв. Is. da Lungo, Florentia, Flor. 1897 стр. 15... 49, 52, 93. Вслѣдъ за исполненной местью послѣдовало примиреніе.

XCVII.

Moabus gallicus. — Интересное описаніе Morbus gallicus находимъ у Fulgosius, стр. 61. Далѣе, эта болѣзнь впервые явилась изъ Испаніи во Флоренцію за два года до похода Карла VIII.—Срв. изд., въ которомъ собранъ весь накопившійся матеріалъ: A. Corradi, Nuovi documenti per la storia delle malattie veneree in Italia dalla fine del quattrocento alla metà del cinquecento, см. Annali universali di medicina e chirurgia vol. 269. Мил. 1884, стр. 299—386. Данныя изъ писемъ и лѣтописей, напечат. и ненапечат.—Далѣе, Renier, Giorn. stor. V, 409—432. Также Gianfranc. Gonzago, мужъ Изабеллы подвергся этой болѣзни. Литература о malfrancese собрана и отчасти напечатана у Rossi, Calmo, стр. 371.

XCVIII.

Бракъ, приданное, супружеская вѣрность, брачный возрастъ, измѣна, посредники, бигамія.

Бракъ.— Браки становились все рѣже, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Alessandra Strozzi въ своихъ письмахъ (стр. 548, г. 1465): che de' giovani che sono nella terra; volentieri si stanno senza tor donna. Оно уже указываетъ на огромное приданное нѣкоторыхъ дѣвушекъ, какъ на причину, задерживающую другихъ.

Далѣе, въ Сіенѣ въ началѣ 15-го в., въ Луккѣ 1454, Читта ди Каstellо въ тѣ же годы приняты были мѣры противъ распространенія безбрачія: неженатые старше 30 и до

50 лѣтъ не могли занимать общественныхъ должностей, срв. соотв. указ. Pastor III, 94.—Многіе возставали противъ брака въ интересахъ спокойствія, какъ, напр., Петрарка, но были и противники этой теоріи. Несмотря на все свое почтеніе къ Петраркѣ Салутати не одобрялъ его нападокъ на бракъ; въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей онъ старался доказать божественное происхожденіе и необходимость этого института (письмо II, 370).—Мы не имѣемъ статистическихъ данныхъ, чтобы судить о преобладаніи счастливыхъ или несчастныхъ браковъ. Какъ образецъ супружеской вѣрности Arienti хвалить Genevera'у жену Brunoro da Gambara. Примѣромъ счастливой семейной жизни можетъ служить также, повидимому, бракъ гуманиста Ivani, см. его прекрасное письмо Giorn. ligust. 12, 283.—Какъ на образецъ цѣломудрія въ бракѣ Sabbadino degli Arienti указываетъ на иностранку, королеву Маргариту Шотландскую (315) *che non se congiungea se non a procreatione de figliuoli*. — Нѣкоторые писатели высказываютъ одобреніе мужчинамъ, не вступающимъ въ бракъ въ случаѣ смерти жены — Salutati, письмо I, 107 *i non uxoris sed maritus*.—Sal. говоритъ (письмо I, 157), что послѣ смерти жены (1372) продолжалъ жить какъ-бы въ неразрывномъ союзѣ съ ней, но тѣмъ не менѣе женился второй разъ, стр. 206; вторая жена умерла 1 марта 1396, письмо III, 126. — Вопросъ о разводѣ также подвергался часто обсужденію: Alberti былъ противъ, Кастильоне за, срв. Cian, *Divorzisti e antidivorzisti*, см. *Gazetta letteraria* XVII, 6. (Срв. также ниже.) Интересенъ также случай съ Катарпной, дочерью Vieri di Donatino изъ Ареццо. Ее отдали, когда ей было 11 лѣтъ, въ монастырь и принудили произнести обѣтъ; затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ она бѣжала, вышла замужъ и достигла того, что въ 1403 году съ нея сняли этотъ обѣтъ и признали бракъ дѣйствительнымъ. Въ 1399 г. она обращалась за содѣйствіемъ къ Coll. Salut., но встрѣтила съ его стороны сильное неодобреніе. Заслуживаетъ вниманія своеобразный и, конечно, рѣдкій— договоръ генуэзскихъ мужа и жены, разрѣшавшій взаимную свободу отношеній: мужъ могъ взять себѣ любовницу, а женѣ разрѣшалось *se jungere ad ejus liberam voluntatem sine metu alicujus poenae*, Giorn. ligust. 12, 25. — Братъ Cariteos былъ очень счастливъ, какъ утверждаютъ онъ самъ, Pontano и Sannazaro, срв. стих.

Propugnatore 19, 1 стр. 309.—Иногда поэты и поэтессы въ стихотв. черпаютъ матеріалъ изъ своихъ личныхъ супружескихъ отношеній: такъ, Pontano, de amore conjugali, Ariosto Galeazzo di Tarsia, Bern. Tasso, также Vitt. Colonna, Veronica Gambaга, Barbara Torello; роль poeta conjugale, по преимуществу, принадлежитъ Berardino Rota 1509—75. Срв. о немъ и его Canzoniere, 2 ч. (посвящен. его супругѣ 1543—1559 г.), Porzia изъ дома Caprese (первая часть, впрочемъ, сочинена до брака) — Rosalba, Giorn. stor. 26, 92—113.

Брачный возрастъ. — Въ какомъ возрастѣ преимущественно вступали въ бракъ. — Giangaleazzo Visconti женится въ 1360 г. девятилѣтнимъ отрокомъ на Изабеллѣ Валуа того-же возраста, но этотъ случай относится, разумѣется, къ наиболѣе рѣдкимъ въ этомъ родѣ. Браки съ десятилѣтними дѣвушками, однако, повторяются, какъ, на примѣръ, Girolamo Riario и Caterina Sforza.—(Бракъ того-же G. R. съ 11 лѣтней Constanza (Мантуя) не состоялся, вслѣдствіе несогласія ея матери). — Одинъ изъ современниковъ по этому поводу сообщаетъ: Et lui G. R. ha dormito con la moglie un'altra volta et viène ben contento et lieto. Правда, для этого понадобилось разрѣшеніе папы (P. Ghinzoni, Arch. stor. lomb. XV, 101—111. Срв. также Pastor II, 463, прим. 1).— Барварѣ Бранденбургской было 10 лѣтъ, когда Ludovico Gonzago женился на ней (1433). У нея было 11 человѣкъ дѣтей, но ея старшій сынъ родился въ 1440 г. Эта нѣмецкая принцесса изучала въ Италіи латинскій яз., ср. ея письма, сообщ. Ansbach 1881. — О ея отношеніяхъ къ Mantegna см. J. Friedländer, Jahrb. d. preuss. Kunsts. 1883, Kristeller Hohenzollernjahrb. 1899. — Ginevra 1442—1506, дочь Alessandro Sforza, которой Sabbadino degli Arienti посвятилъ свое сочиненіе о знаменитыхъ женщинахъ, вышла замужъ, въ 1454 г. за Sante Bentivoglio, когда ей было 12 лѣтъ. Помолвка дочери Cesare Borgia съ Федерико Мантуанскимъ была совершена, когда ему было два года, ей нѣсколько мѣсяцевъ. Впрочемъ, бракъ не состоялся. Luzio-Renier, 1893, стр. 136.—Бракъ Giov. Franc. Maria della Rovere съ десятилѣтней Leonora Gonzaga въ 1505 г. per procura. Интересное разсужденіе о безплодномъ бракѣ Fra Paolino Minorita (1 полов. XIV в.) Trattato de regimine rectoris publ. da A. Mussafia, Вѣна и Флор. 1868 г., стр. 66—78; тамъ-же стр. 79

правила воспитанія дѣтей. И онъ противъ тѣлесн. наказ., при чемъ ссылается на библію: *che altramente se de' correzer l'omo et altramente lo anemal.* (Срв. прилож. ХСІІІ, стр. 335.)

Приданное. — Повидимому, въ обычаѣ было вообще давать приданное: *Greg. Dati (Libro segreto 1869)* подробно исчисляетъ приданное, взятое имъ за четырьмя женами, съ которыми онъ прижилъ 27 душъ дѣтей. Названная выше *Bianca Maria di Challant* требуетъ 25.000 дукатовъ. Въ одномъ сборникѣ правилъ и постановленій, относящихся къ браку и погребенію, говорится, что приданное не должно превышать восьмисотъ гульд. золотомъ, приданное не болѣе 600 флориновъ, далѣе точно оцѣниваются необходимые подарки родственникамъ и вѣнчальное платьѣ. *Altieri XLII.*— Въ 1511 г. во Флоренціи приданное опредѣляется не выше 1600 флор., *Landucci 307.* Во всякомъ случаѣ приданное являлось необходимымъ поощреніемъ брака, такъ какъ во Флоренціи было въ то время болѣе 3000 незамужнихъ дѣвушекъ въ возрастѣ 18—30 лѣтъ.—*Franc. Zambrini; Trattato della moglie e della concordia (nozze, Bologna 1864)* изслѣдованіе, принадлежащее первой половинѣ 14-го вѣка содержитъ почти только одно извлеченіе изъ предшествующихъ сочиненій. — *Dialoghi del matrimonio e vita vedovile, Bern. Trotto, 1578* принадлежатъ уже болѣе позднему времени. — Главный источникъ свѣдѣній о бракѣ — это *Altieri, nuptiali*, написан. между 1506 и 1513 г. (*Marco Antonio Alt. 1450—1532.*— Кромѣ *Nuptiali* онъ еще написалъ другое произведеніе *Vaccanali*, недавно обнародованное. Къ сожалѣнію, однако, *Nuptiali* не вполнѣ отвѣчаетъ титулу. На ряду съ безчисленными цитатами изъ древнихъ авторовъ, приводятся свѣдѣнія о блестящихъ свадьбахъ, знаменитыхъ писателяхъ того времени, сравненіе улицъ и площадей въ разныя эпохи, исторіи разныхъ родовъ, выдающіеся полководцы, правительство Венеціи, выдающіеся граждане, народъ и знать, празднества, похвала старости, сущность законовъ, государственное устройство, похвала поэтамъ и поэзии, въ особенности *Vida, Bembo, Sadoletto*, изъ прежнихъ писателей: *Biondo* и *Poggio 149, 151*, военное искусство, юриспруденція и медицина. — Главное содержаніе книги заключается въ слѣдующихъ статьяхъ: На стр. 27 перечисляются различ-

ные браки, стр. 28— авторъ жалуется, что фамильная честь не принимается во вниманіе въ той мѣрѣ, какъ этого заслуживаетъ. Древніе обычаи римлянъ стр. 33, обвиненіе родителей, торопящихъ дочерей выйти замужъ. Обычаи, сопровождающіе обрученіе и бракъ: *abbossamento*, *Araglia*, подарки 51, приглашенія 54, принятое времяпровожденіе въ дни предшествующіе вѣнчанію; *Giaganzana* (балъ) въ субботу, свадебное торжество, въ церкви, количество свѣчей и т. п., поѣздъ изъ церкви, свадебный ужинъ. — *Le lendemain* „на другой день“— визиты дѣвушекъ въ понедѣльникъ, мужчинъ и пожилыхъ дамъ во вторникъ, стр. 86. Вторичный бракъ 94, разводъ 101.— Начиная съ этого и до конца книги различныя ученія разсужденія; то, что должно было составлять главное содержаніе книги, отходить въ сторону.— *V. Cian*, *Candidature nuziali di Baldassare Castiglione*, Венеція 1892 (*nozze*) полагаетъ (стр. 12), что въ эпоху возрожденія бракъ разсматривался главнымъ образомъ съ прозаической и практической стороны. Это произведеніе важно преимущественно въ томъ отношеніи, что содержитъ свѣдѣнія о добровольныхъ брачныхъ посредникахъ, практиковавшихся въ то время, какъ и во всякое другое. Въ письмахъ сватовъ рѣчь идетъ только о деньгахъ, умѣ, красотѣ, но рѣдко цѣнится характеръ и качества души. Первое предложеніе партіи для *V. C.* было сдѣлано Изабеллой д'Эсте, второе епископомъ *Lud. Gonzaga*, затѣмъ, начиная съ 1504 г. попытки со стороны матери и друзей. Въ одномъ случаѣ упоминается приданное въ 14 тысячъ дукатовъ, въ другомъ десять тысячъ; однажды рѣчь идетъ о дѣвушкѣ изъ дома Медичи. Въ числѣ невѣстъ находится 14 лѣтняя дѣвушка. Наконецъ въ 1516 г. этотъ *ebreo errante del matrimonio*, какъ его называетъ *C.* при посредствѣ *marchese Francesco* (Мантуя) нашелъ спутницу жизни въ лицѣ носившей имя *Ippolita* дочери графа *Torello* (2 интересн. письма, относящіяся къ первымъ мѣсяцамъ брака, стр. 41). На ряду съ такими сватами-любителями были и профессиональные. Такъ наз. *Sanser di nozze*, *Bernardin di Martini*, скончавшіяся въ авг. 1518 г. въ Венеціи (*Sanudo* 25, 608) представляетъ ничто иное, какъ упомянут. въ регистрѣ *sensale di matrimonio*. — Бигамія и проступки противъ брака — различныя случаи и наказанія въ Венеціи (въ 14 и 15 в.) *Arch. Ven.* 31, 313—316,

331—33. — „Простая невѣрность“ наказывалась уплатой 50 лиръ и тюремнымъ заключеніемъ на 6 мѣсяцевъ. Одинъ случай бигаміи въ 1532 г. въ Венеціи см. Sanudo, Molmenti стр. 329. Гораздо интереснѣе указанія Rieger-Vogelstein, что бигамія у евреевъ разрѣшалась закономъ.

XCIX.

Педерастія. — Къ отклоненіямъ морали, какъ мы ее теперь понимаемъ, относится педерастія, а потому интересенъ взглядъ того времени на это явленіе. Достаточно сопоставить нѣкоторыя изъ имѣющихся данныхъ, относящихся къ этому предмету. Въ Неаполѣ до появленія аррагонцевъ это явленіе не наблюдалось, по словамъ Galateo, de educatione. — Въ отношеніи къ Микель-Анджелло находимъ нѣкоторыя подробности у Scheffler, Eine Renaissancestudie, Altenburg 1892.—Verocchio и L. da Vinci подвергались такому-же обвиненію, но по флорентійскимъ документамъ процессъ окончился полнымъ оправданіемъ. Педер. принадлежитъ къ числу пороковъ, приписываемыхъ также академикамъ при Павлѣ II (Акты, см. Pastor II, 702, 706; срв. Pomp. Laet. (защита) Giorn. stor. XIII, 144). — Andreas Dactias (Poemata 1549) обвиняетъ въ томъ-же Politiano; его смерть послѣдовала будто-бы вслѣдствіе отказа въ удовлетвореніи со стороны одного мальчика — такъ говорятъ Valeriano и Giovio (Lungo, Florentia 256) являющіеся не болѣе какъ отголоскомъ слуховъ, распространившихся въ нѣкоторыхъ письмахъ послѣ его смерти. — Дѣло дошло до того, что въ Венеціи такъ называемыя meretrice носили прическу (? fungo, срв. Calmo, Lettere 33) придававшую имъ мужской видъ, чтобы такимъ образомъ заманивать вѣрнѣе мужчинъ. Въ 1480 г. послѣдовало запрещеніе такихъ приемовъ quod est species Sodomie и приказано: mulieres appareant sicut Deus illas fecit; но въ 1512 г. fungo вошло снова въ обыкновеніе, говоритъ Sanudo, Diar. XVI, 149, 151. — Въ 1506 г. Prierio изъ Генуи сообщаетъ, что здѣсь въ противоположность Луккѣ изданы строгіе законы противъ проституціи: Ormai non si ha piu nessun rispetto all' inclinazione naturale; la sodomia si tiene per nulla. Giorn. lig. 12, 214.— Не слѣдуетъ, однако, всякую нѣжную рѣчь, обращенную къ мальчику, разсматривать какъ страстное возбужденіе. Нѣкоторые поэты трак-

туютъ этотъ предметъ подъ явнымъ вліяніемъ древнихъ образцовъ. Такъ А. Dactius пишетъ эпиграммы вродѣ: De puero fugiente и ad Candidum, но самъ авторъ безъ сомнѣнія остается внѣ подозрѣнія, на основаніи многихъ данныхъ. — Sanudo, Ant. Loredano также не страдаютъ этимъ порокомъ. Pastor III, 98.) Ariosto, sat. VII говоритъ: Senza quel vizio son pochi umanisti, но это преувеличеніе. Такъ, напр., Сикстъ VI не можетъ быть заподозрѣнъ, Pastor II, 595. — Р. Aretino, напротивъ, безъ сомнѣнія былъ предавъ педер., какъ это слѣдуетъ изъ писемъ Fr. Gonzaga, см. Luzio: P. A. nei suoi primi anni a Venezia e la corte dei Gonzaga; такимъ образомъ теряютъ значеніе замѣчанія Graf'a, Nuov. ant. 3 ser. vol. 3, стр. 547. — Итальянское воззрѣніе ясно изъ словъ Marin Sanudo (май 1499, II, 694): братъ Вюртембергскаго герцога have a far con uno puto, cossa molto abominevole in Allemagna (въ Итали нѣтъ, другими словами). — Въ Мантуѣ въ 1500 г. оправданъ мальчикъ, согласившійся на содомію. Маркграфъ выражаетъ удовольствіе, что это оправданіе состоялось во вниманіе къ его молодости и невѣдѣнію; Giorn. stor. 22, 437.—Для характеристики воцарившейся распущенности нравовъ можетъ служить слѣдующее: Альфонсъ Феррарскій, расходамъ котораго на культъ Venere lasciva велась особая книга (1503), однажды вмѣстѣ съ другими молодыми людьми прошелся голымъ, среди бѣла дня по улицамъ Феррары (Marin Sanudo 1497).—Содомія Юлія II, отвергаемая Пасторомъ, подтверждается, однако, письмомъ Ludovico da Campo San Piero къ маркизу Мантуанскому 1507. (Cian, Giorn. stor. 29. 437).— Въ произведеніи Alpinus'a, направленномъ противъ женщинъ, о которомъ Nicolaus Lucensis сообщаетъ Jac. Lucensis (15 в. см. Cian, Cavassico I CLXXXIV). Мужчинамъ рекомед. ut pueris utantur, confert enim id plurimum stomacho et epati.

Презрительное отношеніе и наказаніе. — Въ Луккѣ въ 1433 г. къ содомиту обращено бранное: lupu delli garzoni (Propugnatore N. S. III, 1, 88).— Сожженіе въ Луккѣ 1388 г. (съ ужасными подробностями) и въ картинахъ Sercambi I, 158. — Указъ противъ содоміи въ Венеціи, при чемъ подтверждается, что прежнія мѣры строгости мало помогли 1418 Archiv, Vien. II, 382.—Въ 1422 назначается особая коммиссія по этому вопросу.

С.

Отравленіе. — Случаи отравленія, вслѣдствіе рѣшенія совѣта десяти въ Венеціи, см. Lamansky. Въ 1415 г. — король венгерскій; отравитель получилъ 35 тысячъ дукатовъ; 1451 покушеніе на F. Sforza. 1463 г.—смерть султана за вознагражденіе въ десять тысячъ дукатовъ, кромѣ того сыновьямъ убійцы обѣщаны значительныя ренты. Въ числѣ кандидатовъ на роль убійцы находятся монахи, цырульники, солдаты, евреи. — Кромѣ прямыхъ отравленій практиковалось отравленіе колодцевъ. Въ спискахъ приговоренныхъ такимъ образомъ къ тайной смерти можно встрѣтить и частныхъ лицъ. — М. Brosch (Hist. Zeitschr., т. XXVII, стр. 295) черпаетъ изъ венеціанскихъ источниковъ данныя о повторявшейся пять разъ попыткѣ отравить султана (1471—1504), умертвить Карла VIII (1495) и, наконецъ, порученіе проводитору въ флоренцію умертвить Цезаря Борджіа. Но худшій изъ всѣхъ подобныхъ примѣровъ представляетъ предложеніе Joh. Ragusa (1514) венеціанскому совѣту: отравлять кого угодно за ежегодное вознагражденіе въ 1500 дукатовъ. Совѣтъ не прочь былъ воспользоваться этимъ предложеніемъ и первый опытъ предполагалось сдѣлать на императорѣ Максимилианѣ. — Въ 1526 г. тотъ-же J. R. предложилъ сдѣлать то же съ коннетаблемъ бургундскимъ. Къ той-же категоріи относится предложеніе Celio Malespini (сообщ. Saltini, Arch. stor. ital. 1894, vol. 13) поддѣлать какую угодно рукопись итальянскую, латинскую, французскую, испанскую, а также на всякомъ другомъ языкѣ, при помощи переводчика, и всякую печать. Послѣ произведеннаго испытанія ему назначили 800 дукатовъ въ годъ. (Въ 1591 г. онъ оставилъ Венецію.)—Враги Венеціи пользовались въ свою очередь тѣми-же средствами, по примѣру республики, для уничтоженія враговъ. Въ 1478 году Ferrante послалъ нѣкоего frate въ Венецію съ тѣмъ, чтобы отравить тамъ колодцы; Lamansky стр. 163. — На сѣверѣ господствовало еще болѣе преувеличенное представленіе о средствахъ отравленія у итальянцевъ; см. Juvenal des Ursins ad. a. 1382 (изд. Buchon стр. 336)—ланцетъ отравителя, принятаго королемъ Карломъ на службу; достаточно было взглянуть на это орудіе, чтобы умереть. —Трудно сказать, что преобладало въ несчастныхъ

бракахъ — дѣйствительное-ли отравленіе или страхъ передъ нимъ.—Срв. Banello II, Nov. 5 и 54.—Интересна въ этомъ смыслѣ его-же II, Nov. 40.—Въ одномъ ломбардскомъ городѣ — въ разсказѣ онъ не названъ — живутъ два отравителя; нѣкій супругъ, чтобы увѣриться въ настоящихъ чувствахъ своей жены, заставляетъ ее выпить будто-бы ядъ, а въ дѣйствительности подкрашенную воду — затѣмъ мужъ и жена примиряются.—Въ семьѣ Cardanus'a было 4 отравленія De propria vita, cap. 30, 50.—Въ папскихъ таксахъ, taxa cancell. Rom 1514 предвидится только отравленіе жены мужемъ, а не наоборотъ, срв. Castelnau, Les Médicis II, 209.

Покушенія, напр., Leonello феррарскій, см. Diario Ferrarese, Murat XXIV, Col. 194 ad. a. 1445. Въ то время, какъ на площади читался приговоръ Venato, извѣстному еще другими преступленіями, вдругъ въ воздухѣ поднялся гулъ и земля задрожала, такъ что многіе изъ присутствовавшихъ попадали на землю. Эти явленія по, мнѣнію народа, произошли оттого, что B. havea chiamato et scongiurato il Diavolo.—То что говоритъ Тьурри-ардини о злыхъ чарахъ Людовика Мавра противъ его племянника Джіангалеаццо, должно оставаться на его отвѣтственности.—См. также в. о колдовствѣ, глава VI.—Даже во время празднованія папскаго вѣнчанія кардиналы привозили съ собой вина и своего ключника, такъ какъ „извѣстно было изъ опыта, что нерѣдко примѣшивался ядъ къ напиткамъ.“ Этотъ обычай въ Римѣ не считался ни страннымъ, ни обиднымъ: sine injuria invitantis.—Ortiz, Itinerarium Adriani VI, ap. Baluz. Miscell. (изд. Mansi) I, 380.

СІ.

Проповѣдники. — *Пустынники.* — Не было недостатка въ столкновеніяхъ между знаменитыми невѣжественными проповѣдниками и завистливыми доминиканцами, какъ свидѣтельствуется споръ о крови Христа, лившейся съ креста на землю. (1462, срв. Voigt, Enea Silvio III, 591). Въ этомъ спорѣ Fra Jacopo dalla Marca не хотѣлъ ни въ какомъ случаѣ уступить доминиканскому инквизитору; Піій II въ своемъ подробномъ сообщеніи объ этомъ (Comment. L. XI стр. 511) говоритъ не безъ ироніи: Pauperiem pati et famem et sitim

et corporis cruciatum et mortem pro Christi nomine nonnulli possunt; jacturam nominis vel minimam ferre recusant, tanquam sua deficiente fama Dei quoque gloria pereat.

Пустынножители часто брали на себя роль проповѣдниковъ покаянія, и уже въ то время репутація ихъ колебалась между двумя предѣлами. Надо отличать ихъ во всякомъ случаѣ отъ отшельниковъ — монаховъ. Впрочемъ, границы трудно опредѣлить. Сполетинцы, странствующие со своими чудесами, ссылаются постоянно на Св. Антонія и апостола Павла. Начиная уже съ 13-го столѣтія они дурачили крестьянъ своей полу-религіозной магіей и лошади ихъ были дрессированы такъ, что преклоняли колѣна при имени Св. Антонія. Предлогомъ для нищенства служилъ сборъ для больницъ. Massuccio, Nov. 18. Bandello III, Nov. 17. Firenzuola во своемъ *asino d'oro* (*Opere*, vol. IV) ставитъ ихъ на мѣсто нищенствующихъ жрецовъ. — Вотъ какъ изображаетъ A. de Tummullillis, стр. 191, одного такого пустынника, проповѣдующаго покаяніе (1470): *sobrius et squalidus, barbatus, vestitus vilibus vestimentis in habitu apostolorum, discalciatus, dormiens super terram et super tantum unam pellem ursi desuper et aliam desuper*. Почти ежедневно онъ проповѣдуетъ и предсказываетъ много разныхъ ужасовъ: *propter peccata populorum*. *Dicuntur esse XII secundum numerum apostolorum deputati hoc in tempore per totum mundum ad similia praedicandum*. — Sanudo (1516 т. 32 *passim*) рассказываетъ объ одномъ тосканскомъ отшельникѣ, посаженномъ въ тюрьму за итальянское сочиненіе, направленное противъ Юлія II, ненавидящемъ священниковъ и монаховъ и собиравшемся въ Іерусалимъ; его проповѣди въ церкви, затѣмъ на площади Св. Марка собирали много народа и патриархъ хотѣлъ его удалить. Впослѣдствіи онъ и былъ высланъ. Sanudo очень заступается за него, называетъ его *optima anima* и проповѣдующимъ истину.

СII.

Bapt. Mantuan, *de sacris diebus* — говоритъ о языческихъ обычаяхъ, въ особенности о блюдахъ, оставляемыхъ на могилахъ мертвецовъ (L. II).

Ista superstitio ducens a manibus ortun
Tartareis, sancta de religione facessat
Christigenum! vivis epulas date, sacra sepultis.

Когда войны Иоанна XXII шли на гибеллиновъ, это совершалось подъ знаменемъ борьбы противъ *eresia* и *idolatRIA*. — *Resana* былъ сожженъ, несмотря на добровольную сдачу, подъ предлогомъ, будто-бы тамъ „молились идоламъ“, въ дѣйствительности-же изъ мести за то, что городъ казнилъ нѣкоторыхъ. *Giov. Villani IX, 139, 141.* — При Пій II жилъ человекъ, родомъ урбинецъ, открыто и упрямо поклонявшійся солнцу. *Aen-Sylvii opera* стр. 289. *Hist. rer. ubique gestar.* с. 12. — Но самое удивительное, это событіе, случившееся при Львѣ X, вѣрнѣе въ промежутокъ между нимъ и Адрианомъ, въ іюнѣ 1522 (Грегоровіусъ VIII, 388), когда на форумѣ въ Римѣ былъ принесенъ въ жертву быкъ, самымъ торжественнымъ образомъ, какъ это было у язычниковъ, ради избавленія отъ чумы (*Paul. Jovius, Hist. XXI, 8*).

СШ.

Покаянная процессія, о которой говоритъ *Corio*, встрѣчается также и у другихъ писателей. Эта внезапная страсть къ покаянію вызвана примѣромъ *dealbati*, двигавшихся въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, отъ Альпъ къ Луккѣ, оттуда къ Флоренціи и далѣе. Ту-же процессію описываетъ въ числѣ прочихъ *Leon. Aretinus, Hist. Flor. lib. XII*. Въ началѣ почти буквально то же въ его *rer. ital. hist.* (изд. *Argent. 1610* стр. 252). — Далѣе *Morelli* — человекъ вообще благочестивый, — называетъ появленіе „бѣлыхъ“ *una volantà di Dio*. — Ихъ приходъ въ Геную, а также исходъ изъ нея — *Muratori S. R. I. 12, 1123.* — Вліяніе оказываемое этими *Bianchi* какъ *Salutati* (письма III) пишетъ: *jacent artes, silet forum curiaque ferias agit, omnes parant vestitus saccos, cordas cingulis, funiculosque flagellis*; повсюду идутъ приготовленія къ покаянію. — Срв. также *Sercambi, Le croniche II, 355.* — Все это явленіе съ самаго начала возбуждало нѣкоторыя сомнѣнія во флорентійскомъ совѣтѣ и наконецъ было прекращено папой, какъ опасное въ нѣкоторомъ отношеніи и не лишнее грубыхъ фокусовъ. Мало-по-малу и *Sal.* начинаетъ относиться къ этому равнодушиѣ, письма III, 382. —

Подробное описание процессии Bianchi наход. у Sersambi т. III, стр. 614—54. — Интересныя современныя свѣдѣнія о процессии Bianchi, въ кот. принималъ участіе также Francesco Datini, см. Mazzei I, XCIX, II, 358, тамъ-же запись расходовъ этого лица во время его странствій.

CIV.

Galeotto Marzio.—На одной иллюстраціи Galeotto Marzio какъ poeta, mathematicus, orator вмѣстѣ съ портретомъ мало-извѣстнаго лица. Renaissance-Ausstellung, Berlin 1898 г.

Главнѣйшее сообщеніе о G. M. у Paul. Jovii Elogia lit. стр. 90. — G. M. долженъ былъ на площади Венеціи принести извиненіе.—Письмо G. M. къ Lorenzo Medici, Венеція, 1478, 17 мая, содержитъ просьбу о заступничествѣ передъ папой satis enim ропагum dedi, см. C. Malagola, Codro Urseo, Болонья 1878, стр. 433.

Нѣкоторыя другія письма Galeotto и къ нему, короткое извлеченіе изъ посвященнаго archiepiscopus Strigoniensis сочиненіе de homine, а также болѣе подробная статья о немъ въ Adalékok a humanismus tortenetechez Magyarorszagon. Kiadja a Magyar Tud. Akademia irodalomtorteneti bizottsaga.—Közzéteszi Dr. Abel Jenő, Будапештъ 1880 г. стр. 90.—Дополн. см. Rawdon—Brown, Itinerario di Marin Sanudo 1848, стр. XVII.—Его Investiva—Frac. Philelphum, рук. Cod. Vaticanus, не разъ упоминаемое, не относится къ религіознымъ особенностямъ.

Meaulas, срв. о немъ данныя, наход. въ Z. für vgl. Lit., R.-L. N. F. II. — Насмѣшки надъ G. M. относятся, безъ сомнѣнія, также къ его религіознымъ взглядамъ. G. Marzio: cor. de homine libri duo съ прибавленіемъ Georg Merula, annotationes появилось въ Базелѣ 1517 г.—Сюда не относится его книга de promiscua doctrina.—Главное произведеніе Marzio—это его libri tres de vulgo incognitis, навлекшія на него нападки. Они не были на разу напечатаны.—Оригиналы рукописныя этого соч. должны находиться въ Парижѣ и Туринѣ. — На счетъ содержанія и судьбы этой книги распространено много сажъ. Berti (срв. Gabotto, Riv. stor. ital. VIII, 1891, стр. 311) приготовляетъ изданіе этого соч. — Сюда-же надо отнести также его Liber excellentium sive de

excellentibus, существующее, повидимому, въ одной рукописи. Это произв. посвящается королю Карлу Французскому и содержитъ въ 32 главахъ (подр. указ. Abel стр. 288—290) теологическое и филологическое изслѣдованія, служащія отчасти дополненіемъ тому, что находилось уже въ прежнихъ сочиненіяхъ.

Впечатлѣніе производимое ересью Galeotto — родомъ изъ Нарни — было, повидимому, довольно значительно, такъ, какъ Paris de Grassis въ одномъ мѣстѣ своего Diarium'a другого еретика называетъ Scholaris Narniensis. — Мы приводимъ здѣсь одно мѣсто (ed. 1884, стр. 59) какъ не мало-важное для характеристики еретичества также при Львѣ X: Sermonem habuit quidam scholaris Narniensis potius gentilitio more quam christiano invocans deos deasque in exclamatione, ita ut multi riserint et multi detestati fuerint. P. d. Gr. прибавляетъ: Papa patienter toleravit propter suam indolem patientissimam et dulcissimam. (Creighton V 315 печатаетъ въ 1894 г. эту мною ранѣе уже опубликованную цитату и читаетъ невѣрно: scholaris Normensis.

CV.

Данныя о язычествѣ и христіанствѣ. — Для характеристики отношеній важно слѣдующее изъ Filelfo, de exilio (Arch. stor. ital. ser. V, vol. 5 стр. 205: Soleo nonnunquam mirari quorundam inscitiam qui cum aliquod aut exemplum aut dictum e fidei christianae religione vel. tempestive apteque depromptum audierint, tanquam offensi et mutant vultum et avertunt faciem; iidem, si quid e poetarum fabulis atque gentium diis exceperint, laeti exhilaratique exultant. — Языческое настроеніе сказывается также у Pomp. Gaurico, когда онъ въ 20-ой элегии (Eleg. lib. 1523) говоритъ о Христѣ не какъ о сынѣ Божіемъ, но называетъ его innocuus vir и сравниваетъ его съ Сократомъ, такъ какъ обонхъ постигла одна участь.—(Еврейскій проповѣдникъ говоритъ съ амвона о „божественной Діанѣ“. Jud. Monatschr. 1898 стр. 169.) — Неопровержимое утверженіе Guasti, Mazzei I, XCIII, вѣкъ Bossacio profoudamento ascetico. — Благочестивая надгробная надпись веронскаго гуманиста XV в. Leonardo Montagna, prophetarum studiosus, Христа называетъ своимъ solus dux и

comes. (Срв. Gius. Biadego, Propugnatore VI, 7, 1893.) Proph. stud. — такъ называется онъ, потому что въ книгѣ ошибочно называемой consolatio podagrae, примѣняется древнія пророчества къ современн. событіямъ.

CVI.

Астрология. — Враги и друзья. — Salutati объявляетъ себя противникомъ астрологии. По его мнѣнію, можно будущее угадывать, но узнавать о немъ по звѣздамъ казалось ему всегда *per ridiculum*, 1378, письма I, стр. 280, стр. также стихотв. 281—88; 1366, стр. 18 — здѣсь онъ высказывается нѣсколько иначе. — Не вѣрить онъ также въ свѣтопреставленіе, о которомъ тогда предсказывали, назначая его на 1378 годъ, по наблюденіямъ надъ солнцемъ и мѣсяцемъ. — Въ то же время онъ пишетъ королю Карлу Неаполитанскому II, 17: *habet nescio quid pronosticum atque divinum dies ista* и въ томъ-же письмѣ, стр. 30, онъ какъ будто хочетъ отдать должное астрологамъ, опредѣлившимъ по звѣздамъ войну гвельфовъ и гибеллиновъ. (Далѣе подробнѣе разсмотр. нѣкоторые взгляды астрологовъ на природу, планеты, какъ Jupiter, Sol, Saturn). — Такого рода противорѣчія встрѣчаются и у другихъ. — Далѣе, опять рѣзкое отрицаніе астрологии (II, 136..). — Benv. de Imola выражаетъ, очевидно, мнѣніе многихъ: *certe, fateor quod astra non mentiuntur, sed astrologi bene mentiuntur de astris.* — Противникомъ астрологии былъ также Paul. Collenucio, срв. Saviotti, стр. 204. — Marsilio Ficino презиралъ астрологию (Epist. lib. IV. Opp. 772), но относился со вниманіемъ къ тому, что писалъ ему другъ (Epist. lib. 17): *Praeterea me memini a duobus vestrorum astrologis audivisse, te ex quadam syderum positione antiquas revocaturum philosophorum sententias.* — L. B. Alberti, Poliziano, Greg. Tifernas были безусловными сторонниками астрологии а Р. Cortese — противникомъ ея. Filelfo былъ то за, то противъ ея. Подробнѣе см. Z. II, 299. — Lucas Gauricus 1475—1558, котораго пророчества не разъ упомянуты выше, былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ политическихъ астрологовъ. — Р. Aretino пропически называлъ его *profeta dopo il fatto*; если пророчество не удавалось, то это по его мнѣнію объяснилось какъ *dei miraculo adscribendum.* — Наибольшее

впечатлѣніе произвело предсказаніе, сдѣланное имъ французскому королю Франциску II, что король будетъ раненъ въ лѣвый глазъ; это предсказаніе дѣйствительно исполнилось въ 1559, когда король былъ раненъ копьемъ въ глазъ. (Въ 1525 г. онъ предсказалъ Франциску I его низложеніе и плѣнь.) — Астрологъ Hermodorus Spoletinus (Conti II, 212 называетъ его *familiaris meus*), предсказалъ Людовику Мавру день его возвращенія и былъ имъ награжденъ имѣніемъ и графскимъ титуломъ, но впоследствии палъ жертвой народного гнѣва (тамъ-же II, 229).—О спиритъ (?) Nicolo de Achabellis въ Феррарѣ, путешествовавшемъ съ медиумомъ и лекарствами и предлагавшемъ, впрочемъ безуспѣшно, свои услуги Людовику Мавру въ 1499 г. см. Arch. stor. lomb. 16, 419. — Въ то-же время почти у Galeazzo Maria находилось на службѣ три астролога: Raphael de Vimercato, Nicolo di Arzago и Francesco Montano (Montagna) Giovanni da Viterbo, Girolamo Manfredi; кстати замѣтить, онъ угрожалъ смертью тѣмъ, кто предсказывалъ не такъ, какъ ему хотѣлось. (Gabbotto, Riv. filos 1 с.; то же 410 о Люд. Маврѣ.)— Старыя пророчества къ современ. событіямъ, напр. Ser. 5: „Я воздвигну противъ Васъ чужой народъ“ ... къ нападенію турокъ. — Многочисленные пророчества о „людяхъ съ Сѣвера“ (Jerem. 31) относились къ Фридриху III! — Когда при заключеніи мира между Пизой и Флоренціей въ 1509 г. въ Palazzo vecchio влетаетъ голубь — это считается хорошимъ предзнаменованіемъ, Landucci, стр. 294. — Противъ алхиміи и подобн. забужденій, также противъ астрологіи вооружается Calmo, Lettere III, 14 ed. Rossi, стр. 187 (срв. также подобное мѣсто въ его эклогахъ).— Весьма интересныя данныя о libri di ventura, см. Rossi, Calmo 446—463. — Дополненіе къ этому стр. 492—494. — 1513—1517 Francesco da Meleto опубликовалъ два сборника пророчествъ: Convivio de' Segreti della Scriptura santa; Convivium temporum prophetatorum. — Онъ предсказывалъ обращеніе евреевъ въ 1502 г. гибель магометанства въ 1537 г. — Его сочиненія были осуждены флорентійскимъ соборомъ. — Срв. S. Bongi, Arch. stor. ital. ser. V, vol. III, стр. 62—71. — О еврейскихъ астрологахъ Dr. Rieger сообщаетъ слѣдующее извлеченіе: „Marino Sanudo, Diarii V, 83 Aron giudeo filosofo ateo. Тамъ-же XII, 99. Въ Тревизо еврейскій астрологъ

предсказываетъ землетрясеніе, но предсказаніе не оправдывается. — Тамъ-же XV, 578, 579. *Copia di una lettera di uno Astrologo* (Апрѣль 1515) *Marco Challo hebreo, habita in questa terra (Venezia) mandata al Principe nostro* содержитъ пророчества о республикѣ (27 Февр. 1513). Подписано *Calo Calonymns phisico hebreo*. (Подробнѣе о немъ *Rieger-Vogelstein*.)—Тамъ-же XXIV, 51 *Moise astrologe e medico di Venezia*.

CVII.

Гороскопъ. — Суевѣріе. — Отецъ *Piero Carponi*, будучи самъ астрологомъ, сдѣлалъ сына купцомъ для того, чтобы спасти его отъ опасной раны на головѣ, угаданной по звѣздамъ. *Vita di P. Carponi, Arch. stor. IV, II, 15*. Примѣръ изъ жизни *Cardanus'a* стр. 54. — Врачъ и астрологъ *Pier Leoni* изъ *Сполето* вѣрилъ, что ему предстоитъ утонуть, а потому избѣгалъ близости къ водѣ и бѣжалъ изъ *Венеціи* назадъ въ *Сполетто*, чтобы подальше быть отъ моря. Въ концѣ концовъ онъ утопился, движимый отчаяньемъ и раскаяньемъ въ томъ, что былъ отчасти причиной смерти *Лоренцо*. *Paul. Jov. Elog. liter. стр. 67*.—*Hier. Aliotus* получилъ предостереженіе въ томъ, что въ 62 году ему грозитъ смертельная опасность; поэтому въ этотъ годъ (1473—74) онъ не рѣшался ничего предпринять и не довѣрялся врачу, но годъ тѣмъ не менѣе прошелъ благополучно. *H. A. Opuscula (Arezzo 1769) II, 72*.

Изъ литературныхъ источниковъ, относящихся къ этому отдѣлу, надо упомянуть соч. *Karl Meyer: Der Aberglaube des Mittelalters und der nächstfolgenden Jahrhunderte, Basel 1884 г.* Эта книга заключаетъ въ себѣ очень удачное дѣленіе суевѣрныхъ представленій болѣе равныхъ временъ на 3 отдѣла: суевѣріе въ различныхъ областяхъ природы и жизни; колдовство и знахарство; міръ духовъ. Впрочемъ это соч. не ограничивается Италией и эпохой Возрожденія. — О суевѣрїи итальянскихъ евреевъ см. *Giidemann, Juden in Italien (Вѣна 1884) стр. 219—224*. — Осмѣяніе астрологовъ въ *Sacri drammi* см. *d'Ancona, Origini I, 576*.

CVIII.

Колдовство и процессы въдьмъ. — Въ 1442 въ *Римѣ* была сожжена колдунья см. *Ms. ital. 9 Berol. (Informatione poli-*

tiche VIII) 274 а. (сообщ. д-ра Rieger). Противъ достовѣрности показаній полученныхъ во время пытокъ (не только отъ колдуній) см. В. Fulgosius, стр. 599. — Заслуживаютъ вниманія свѣдѣнія о процессѣ колдуній, 1518 г. (Valcamonica), опубликов. въ Arch. stor. lomb. 16, 625: 64 человекъ (мужчинъ и женщинъ) были сожжены за колдовство, столько же заключено въ тюрьму. — Изъ различныхъ сообщеній слѣдуетъ, что у женщинъ, подозрѣваемыхъ въ колдовствѣ, признанія часто выманивались при помощи обѣщаній или вынуждались ужасными муками. — Нерѣдко нѣсколько колдуній сжигались на одномъ кострѣ, при чемъ однѣ сгорали въ то время, какъ другія еще начинали горѣть. — Нѣкоторые граждане клятвенно подтверждаютъ, что колдунья Benvegna Pincinella виновна въ отравленіяхъ, сводничествѣ, вызываніи бури, бѣсовскихъ танцахъ, осмѣяніи святыни, богохульствѣ. — Въ то же время колдуньямъ приписывается умѣнье лѣчить болѣзни и опредѣлять возрастъ. — По признанію одной „колдуньи“ средства, употребляемая ею, ничто иное, какъ смѣсь невинныхъ травъ. — Она называетъ своимъ учителемъ „Zuan Pelizaro“, своимъ спеціальнымъ дьяволомъ „Юліано“, котораго она чтитъ послѣ Бога и Маріи какъ перваго святого. Отъ него она получаетъ чудесную мазь, съ помощью которой превращаетъ палку въ крылатаго звѣря, несущаго ее по воздуху, куда она хочетъ. — Она рисуетъ его внѣшность, приводитъ его слова и рассказываетъ о его дѣлахъ. Она не принимаетъ предложеній выступить въ ея защиту и заявляетъ, что полагается на милосердіе судей. Ее признаютъ еретичкой, и свѣтская власть осуждаетъ ее на смерть на кострѣ. — Церковь лицемѣрно заступаетъ за нее и проситъ о смягченіи приговора. Другіе свидѣтели говорятъ объ ея заклинаніяхъ, въ особенности распространяются объ ея дѣятельности во сферѣ любовныхъ дѣлъ. Говорятъ, она въ состояніи сдѣлать такъ, чтобы мужчины не могли бить женъ, даже, если онѣ ставятъ имъ рога. Далѣе, говорится о заклинаніяхъ для женщинъ, желающихъ сохранить вѣрность своихъ мужей. — Сообщение о другомъ такомъ процессѣ въ Cassano d'Adda, 1530, Arch. stor. lomb, 17, 879—892: пять несчастныхъ женщинъ, изъ которыхъ три были сожжены; одну наказали палками въ церкви и заставили носить бѣлую повязку съ

двумя красными крестами. — Процессы вѣдьмъ изъ болѣе ранняго времени г.г. 1271, 1350, 1389 Венеція, Arch. Ven. 31. 52: главнымъ образомъ рѣчь идетъ о любовномъ колдовствѣ; одна женщина настаиваетъ прежде всего на томъ, чтобы ея любовнику не было причинено страданіе. — Подробныя письма и сообщенія объ этомъ (Valcamonica 1518) у Sanudo, 25, 245, vol. 26, стр. 58 (по одному сообщ. 70, по другому сожжено 80 ж.); официально 66 женщинъ и 10 мужчинъ. Всѣхъ такихъ еретиковъ, по словамъ одного изъ лѣтописцевъ, до 5000. — Многие изъ нихъ, говоритъ онъ, увѣряютъ, что имъ обѣщали свободу, если онѣ сдѣлаютъ признаніе; у другихъ старались вынудить признаніе пыткой. Пытки доходили до того, что одной женщинѣ сожгли совсѣмъ ноги. Онъ говоритъ въ заключеніе: *Dico quod tales processus deberent formari per homines peritissimos, theologus et canonistas bonae conscientiae et Deum timentes cum agatur de morte hominis.* — Нѣкто подробно рисуеть обрядъ вступленія новой послушницы въ этотъ дьявольскій орденъ. Нѣкоторые будто-бы сознались въ отравленіи при ихъ посредствѣ отъ 40—200 мужчинъ. — Въ одномъ письмѣ *castellanus Vallis Camonicae* выражаетъ сомнѣніе *utrum sint illusiones demonum et utrum fuerunt corporaliter et etiam si debent vivae tradere igni et de statu animarum suarum.* — Нѣкоторые лѣтописцы украшаютъ свой рассказъ о такихъ явленіяхъ обращеніемъ къ Венерѣ, Еленѣ и т. п. Все это дѣло передано потомъ совѣтомъ десяти папскому легату. (Официальный отчетъ о *Pulcinella*, стр. 932—650). — Папскій легатъ отправляется въ *Valcamonica* 11 Сент. vol. 26, 23. — Исторія одного священника, присоединившагося къ колдуньямъ, стр. 29 ff. — Примѣры такихъ колдовскихъ исторій и отношенія къ нимъ стр. 32. Признанія трехъ еретическихъ священниковъ. — Венеціанскій посолъ жалуется папѣ (vol. 26, стр. 95), папа отвѣчаетъ уклончиво, что не можетъ отставить инквизитора безъ всякихъ околѣностей, но, что онъ прикажетъ легату произвести слѣдствіе. — 17 Дек. 1518, *Clusone*: 5 колдуній. Рассказчикъ убѣдился въ наличности колдовства — *senza tortura* въ дѣйствіяхъ допрошенной въ его присутствіи, хотя въ заключеніе говоритъ объ *illusion*. Съ 1503 г. она состоитъ въ сообществѣ съ дьяволомъ. — Собирающіеся на горѣ *Tonale* питаются человѣческимъ мя-

сомъ; о самой горѣ много говорится уже въ прежнихъ со-общеніяхъ. (Срв. нѣкоторыя данныя 1519 г. тамъ-же 418: Dr. Francesco da Verona изгоняется изъ Вероны за подобнаго рода поведеніе. — Въ одномъ латинскомъ сочиненіи о колдовствѣ упоминается 70 лѣтній священникъ, какъ вѣрящій въ колдовство и вѣдьмъ и говорится: нѣкоторые признають *brevi fore ut secta sua in his partibus major et amplior sit quam eorum qui sunt vere christiani.* — Въ самой Венеціи существуютъ вѣдьмы; по утвержденію духовенства. — Споръ между патриархомъ и совѣтомъ. Первый вынужденъ уступить и заключенныя въ темницѣ женщины получаютъ свободу. — Сожженіе колдуній въ Болоньѣ въ 1509, въ Римѣ въ 1525, Luzio-Renier 97, стр. 33.

Мы заимствуемъ слѣдующую цитату изъ прекраснаго соч. Bezold: Conrad Keltis (Hist. Z. 45, 208): „Marsilio Ficino видитъ въ атмосферѣ подкарауливающихъ демоновъ, влюбленныхъ бѣсовъ, признаетъ чудодѣйственную силу извѣстныхъ камней, изображеній и заклинаній; Ficinus Opera I, 382, 383 (de immort. 16, 7); 551, 562 (de vita 3. 15, 22) 2. 1491 (in Plat. de leg. I) 1935 (in Porphyg. de sacrif. 2), надо замѣтить, что всѣ эти воззрѣнія вполне гармонируютъ съ широкими фантазіями маговъ. Племянникъ великаго Pico Giovanni, Francesco Mirandola пишетъ діалогъ въ изящной формѣ „Вѣдьма“ съ цѣлю убѣдить образованныхъ невѣрующихъ людей въ существованіи вѣдьмъ; по его мнѣнію скорѣе можно сомнѣваться въ открытіи Америки, чѣмъ въ существованіи вѣдьмъ, признаваемыхъ уже въ древности. Срв. кромѣ того діалогъ Strix'a (Болонья 1523) и его соч. de regum praenotione (напр. 4, 4; 7, 7)“.

Въ новѣйшее время многіе (Grenzboten 1892 № 17) полагають, что такъ называемыя вѣдьмы намазывались какимъ-то составомъ смѣси многихъ растений, вліявшимъ на спящую мозгъ такъ, что онѣ засыпали на продолжительное время (Andreas a Lagino наблюдалъ въ 1540 г. сонъ, продолжавшійся 36 часовъ); во время сна онѣ дѣлали различныя произвольныя движенія и просыпались съ увѣренностью, что онѣ летали и находились въ общеніи съ мужчиной. Далѣе это были женщины, страдавшія распространенной болѣзью и опьянявшія себя наркотическими веществами. — Нѣкоторыя новыя данныя см. Hausen, Inqui-

sition und Hexenverfolgung im M. A.: Hist. Zeitschr. N. F. т. 45.

CIX.

Демоны. — Alexandri ab Alexandro: Dierum genialium libri VI (Colon. 1539) — первоклассный источник для изучения чудесных и демонических явлений той эпохи; авторъ другъ Pontanus'а и членъ его Академіи, самъ переживалъ то, что частью-же слышалъ отъ заслуживающихъ довѣрія людей. Lib. VI, с. 19. Двое дурныхъ людей и монахъ подвергаются нападенію чертей, но узнавъ ихъ по копытамъ прогоняютъ ихъ отчасти силой, отчасти при помощи крестныхъ знаменій. Lib. VI, с. 21: Нѣкій служитель, брошенный за незначительный проступокъ въ темницу своимъ жестокимъ господиномъ, призываетъ дьявола, чудеснымъ образомъ освобождается и потомъ снова возвращается; въ этотъ промежутокъ времени онъ успѣлъ побывать въ подземномъ царствѣ, показываетъ господину сгорѣвшую въ адскомъ огнѣ руку, отъ имени одного умершаго и погребеннаго уже человѣка, рассказываетъ довѣренныя ему тайны, увѣщаетъ господина раскаяться въ своей жестокости и, наконецъ, умираетъ отъ послѣдствій перевесенныхъ ужасовъ. Lib. II, с. 19, III, 15, V, 23: появленіе духовъ, призраковъ умершихъ, св. Катальда, а также неизвѣстныхъ существъ въ Римѣ, Ареццо и Неаполѣ. Lib. II, с. 32, III, 8: рассказы о водяныхъ и людяхъ-рыбахъ въ Неаполѣ, Испаніи, Целононезѣ, — нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній поддерживаются такими авторитетами, какъ Theodoros Gaza и Георгъ Трапезундскій. — Итальянскій водолазъ Calan изъ Катаніи утонулъ въ Мессинѣ въ то время, какъ бросился вылавливать кубокъ, брошенный королемъ въ море и обѣщанный ему въ награду. (Это послужило матеріаломъ Шиллеру для его стихотворенія „Кубокъ“).

Весьма своеобразный взглядъ на демоновъ установилъ Gemisthos Pletho, котораго огромное философское сочиненіе дошло до насъ только въ видѣ отрывковъ (ed. Alexander, Paris), но въ XV в. было очень распространено среди итальянцевъ, вѣроятно въ спискахъ или въ устной передачѣ и оказало большое вліяніе на философо-политико-религіоз-

ное образованіе того времени: по его ученію „демоны“ принадлежать къ категоріи боговъ третьяго порядка; они не могутъ заблуждаться и способны возвышаться до пониженія высшихъ божествъ; эти духи приносятъ благо людямъ, такъ какъ они сами одарены благодатью, дошедшей до нихъ отъ Зевса черезъ другихъ боговъ; они охраняютъ людей, укрѣпляютъ и возвышаютъ его духъ.—Срв. въ особенноти Fritz Schultze: *Geschichte der Philosophie der Renaissance*, I т. Jena, 1874 г.

Рукописное *Diarium* (Paris de Grassis) содержитъ нѣсколько подобныхъ-же сообщеній 1513—1516 г.: Въ Каталоніи колоколь звонилъ самъ: *quae semper mortem Regis illius portendere solet... de qua re etiam Rex Hispanorum in hanc Urbem scripsit ita verum esse, seque multum de morte sua dubitare, aut casu aliquo... рожденъ infans media parte puer et media parte Anguis, sive serpens.* Въ Витербо: *puer medius homo et medius canis.* (Сообщ. Heidenheimer.) — Въ оскопленной книгѣ (1884 стр. 62) встрѣчается такое, что папа объяснялъ не какъ *signa*, но какъ *naturalia*.

Животное съ двумя головами (1399) *Salutati*, письма III, 368.—И онъ также вѣрилъ въ чудесныя явленія.—Во время чумы *in synagoga circumcisionis visus est angelus sedens populum*; подобное этому въ христіанской церкви.—Чудесное рожденіе 1474, *Landucci*, стр. 13 (по письмен. свид. *Palmieri*, 1489 тоже въ Падуѣ и Венеціи.—Двое сросшихся близнецовъ во Флоренціи 1513, *Landucci*, стр. 343. — Приведемъ кстати сообщеніе, гдѣ имѣется въ виду не сверхестественное, а только ловкость: фокусникъ—этотъ человѣкъ входитъ въ горящую печь, глотаешь горящіе предметы, окунаетъ руки въ растопленное масло 1509 г. *Landucci*, стр. 299; рассказчикъ самъ видѣлъ это все и замѣчаетъ: *non o veduto el maggiore miracolo che questo, se miracolo è.*

СХ.

Гора Пилата. — Въ 16 столѣтіи было воспрещено восхожденіе на гору Пилата „*by lib und guot*“, какъ сообщаетъ *Diebold Schilling*. Говорили, что на озерѣ Люцернскомъ лежитъ тѣнь, и что это духъ Пилата; когда люди всходятъ на верхъ или бросаютъ что-нибудь въ озеро, подымается ураганъ.

Въ соч. Fel. Hemmerlin, De nobilitate cap. 32 говорится объ этомъ озерѣ: кто произнесетъ имя Пилата, можетъ вызвать на немъ бурю, несмотря на самую тихую погоду. Тамъ-же говорится объ одной колдунѣ въ Римѣ, превратившейся въ кошку и совершавшей безчинства съ маленькими дѣтьми. Тамъ-же, стр. 26: рассказчикъ, nobilis, говоритъ, что онъ видѣлъ въ Болоньѣ, при Іоаннѣ XXIII, швейцарца, который прожилъ цѣлый годъ въ горахъ съ „суккубами“ и рассказывалъ о наслажденіяхъ, доставленныхъ ему прекрасными, безплотными женщинами.

О Венеціанской горѣ, вблизи Норчии, рассказывалось многое въ томъ-же родѣ, какъ о горѣ Пилата. — Такъ, напримѣръ, Arnold Harf сообщаетъ о своемъ паломничествѣ, срв. Karl Meyer, Der Aberglaube (Basel 1884) стр. 115.

Преданіе о томъ, что рыбы умираютъ въ Тибрѣ, оттого что тамъ лежало тѣло Пилата, о его заключеніи въ томъ или другомъ итальянскомъ городѣ (даже въ самомъ Римѣ), а также о разныхъ озерахъ и горахъ, о горѣ Пилата, близъ Норчии, какъ заколдованной и обитаемой чертями, о проповѣдникѣ изъ Фолиньо, по имени Bernardino Bonavoglia, знакомомъ хорошо съ этимъ предметомъ, срв. Graf: Un monte di Pilato in Italia in Miti, leggendii и т. д. Туринъ 1893, II, 143.

СХІ.

Безсмертіе души. — Pomp. Laetus считаетъ вѣрнымъ средствомъ для своего освобожденія изъ тюрьмы указаніе на то, что ему принадлежитъ посланіе „о безсмертіи души“. — Срв. прил. ХСІХ. — Въ самомъ дѣлѣ къ числу обвиненій противъ академикова (Пастора) относилось и то, что, по ихъ мнѣнію: *chel non fusse altro mondo che questo et morto il corpo morisse la anima.* — Въ противность этому см. сатиру Luigi Pulci въ сонетѣ, привод. Galeotti, Arch. stor. ital. n. s. IX стр. 49 и д. — Codro Urceo отрицаетъ безсмертіе, какъ мы видѣли выше. — Однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ защитниковъ ученія о безсмертіи души былъ Marsilio Ficino (срв. Geiger, Renaissance und Humanismus, стр. 116); поэтому позднѣйшіе послѣдователи считаютъ его болѣе всего подходящимъ для явленій съ того свѣта и убѣжденія невѣрующихъ. — Barronius говоритъ въ своихъ

Annales (срв. Meyer, der Aberglaube, стр. 362), что онъ являлся передъ домою Michele Mercato въ Римѣ и восклицалъ, „O Michele verra sunt illa“, но его нельзя было убѣдить остаться дольше. Далѣе Mercato узнаеть, что Ficino умеръ въ тотъ самый часъ, когда являлся передъ нимъ. — Подобно Filelfo разсуждаетъ Petrus Marsus въ соч.: *Oratio dicta a Petro Marso in die ascensionis de immortalitate anime ad reverendissimum in Christo patrem et dominum d. Raphaellem T. sancti Georgi Cardinalem ac sanctissimi domini nostri Pape Camerarium* (Flor. Bibl. naz. K. 6, 63). Онъ смѣло обрушивается на Эпикура и зоветъ его porcus; также magnus ille Plato ad veritatem interdum accedens, по его мнѣнью заблуждался, напротивъ того Цицеронъ и Ксенофонтъ приближались къ истинѣ. — Praetereo alios paene innumerabiles qui animam esse immortalem asseruerunt. Fastidium profecto pareret oratio si in re manifesta testibus non necessariis uteretur. Est enim communis omnium qui ratione quoque modo uti possunt de animorum immortalitate consensus. — Также и M. Antonius, не смотря на то, что называлъ себя эпикурейцемъ, былъ приверженцемъ ученія о безсмертіи души, срв. обращенную къ нему защиту — Janus Anysius, Неаполь 1532 г. — Гораздо раньше уже писалъ Decembrio de animae immortalitate, въ особенности, приводя въ подтвержденія взгляды Платона, Сенеки и др.

Къ вопросу о безсмертіи души относится также рукописный трактатъ Log. Medici, — авторъ его Leon. Nogarola (Bibl. Med. Laurenz. Florenz., Plut. 83). Авторъ вѣритъ въ безсмертіе; форма изложенія схоластическая; его способъ доказательствъ состоитъ въ спокойномъ, безстрастномъ разсмотрѣннн доводовъ противниковъ.

Безсмертіе души обсуждалось еще въ слѣдующихъ произведеніяхъ:

Въ XIV вѣкѣ надо отмѣтить относящееся къ 1374 году соч. Zambrini: *Breve raccoglimento della miseria umana per Agnolo Torino da Firenze, testo di lingua, non mai fin qui stampato*, Imola 1877, стр. 216—275, въ которомъ безсмертіе доказывается весьма своеобразнымъ образомъ. — Coll. *Salutati* вѣритъ въ безсмертіе и подробно описываетъ жизнь въ другомъ свѣтѣ, писъма, I стр. 105. — Онъ энергично полемизируетъ (стр. 111) съ думающими иначе *turba non parva*;

anima vero incorruptibilis et immortalis (II, 334). — За безсмертіе выступилъ (въ началѣ 15 в.) Ognibene Scola (не слѣдуетъ смѣшивать съ съ позднѣйшимъ писателемъ Ognibene da Lonigo) въ соч.: de perpetuitate animorum libri tres ad L. Aretinum, рук. въ Парижѣ, N. Arch. Ven. 8 (1894) стр. 125. — Также Matt. Palmieri: Della vita civile, усердно защищаетъ безсмертіе. — Письмо Enea Silvio 1453, въ которомъ безсмертіе разсматривается какъ награда благородныхъ душъ, см. Weiss: A. S. Picc., Graz 1897 г., стр. 179. — Напротивъ того демоны, являющіеся Fac. Cardanus'у (срв. Hier. Card. de subtilitate lib. XIX), 12 Авг. 1492, въ два часа, въ прекрасной одеждѣ, утверждаютъ, что отъ человѣческихъ душъ ничего не остается.

Дополненіе.

Хроника Novacula появилась, т. I Болонья, 1895/6 г., т. 2, Болонья 1897 г. (съ регистромъ). Точное названіе произв. составл. часть Monumenti storici pertinenti alle provincie della Romagna, Serie terza, гласитъ Cronache forlivesi di Andrea Bernardi (Novacula) dal 1476 al 1517, pubblicate ora per la prima volta di su l'autografo a cura di Giuseppe Mazzatinti.

Т. II, прилож. LXXXIV. Данныя, находящіяся въ 7 изданіи о нѣмецкихъ печатникахъ въ Моденѣ, Миланѣ, Римѣ и Венеціи не приведены здѣсь, потому что потеряли значеніе послѣ изслѣдованія Demetrio Marzi, I tipografi tedeschi in Italia durante il secolo XV. (Festschrift für Gutenbergfeier, Mainz 1900).

Алфавитный указатель.

- Абамонъ, П, 275.
Абелярь, 393, 394.
Абраванель, Исаакъ, 43.
Авгурелли, Аврелио, П, 297.
Августинъ, П, 19, 216, 220, 258.
Августъ, 88, 201, 282, 370; П, 151, 156.
Аверроэсъ, 241, 405, 407.
Аврелій, Маркъ П, 55.
Агнелій, П, 49.
Агрикола, 237.
Агриппа, 64.
Адамъ Генуезскій, 135.
Адріанъ да Корнето поэтъ, кардиналъ при Юліи П, 140, 144, 145, 312, 319, 403; П, 246.
Адріанъ. VI, 147, 195, 196, 197, 287, 384, 385; П, 338, 381.
Аквилеа, кардиналъ, 127.
Аквитанъ, Просперъ, 300.
Аккольти, Бенедетто, 280.
Аккорзій, 176.
Аккурзіусъ, 175.
Аланъ, ab insullis, 211.
Д'Алальо, Лукреція, 40.
Аларихъ, 300.
Албаній, 301.
Александръ, герцогъ, 24, 70, 184
Александръ VI, 34, 86, 110, 114, 125, 132, 133, 134, 140, 141, 222, 223, 235, 270, 320, 327, 340, 363, 364, 381, 407, 414; П, 3, 89, 145, 159, 191, 203, 358.
Александръ VII, 358.
Александръ Великій, 414.
Алиотти, 169.
Альбернио, П, 174.
Альберти, Антонио, П, 123, 130, 306.
Альберти, Леандръ, П, 63, 281.
Альберти, Леонъ Баттиста, 161, 167, 169, 170, 231, 288.
Альберто, Фра, 179.
Альборноцъ, 123; П, 291.
Д'Альбрэ, (семейство), 137.
Бартоломео, Альвиано, 342; П, 263.
Альдъ, еврейскій ученый, 407.
Альфьери П, 56.
Альфонсъ Неаполитанскій, 20, 23, 40, 41, 46, 55, 57, 58, 62, 63, 109, 112, 118, 126, 182, 239, 266, 269, 273, 275, 276, 277, 321, 341, 348, 361, 363, 373, 374, 375, 378, 410; П, 52, 53, 153, 154, 191, 201, 203, 234, 264, 310.
Альфонсъ Калабриск. 43, 62; П, 342, 368
Альфонсъ Феррарскій, герцогъ, 118, 146, 348; П, 35, 36, 377.
Амброджіо фра Камальдольскій, П, 245, 259.
Амбуазъ, кардиналъ, 81.
Анастазій, 217; П, 49.
Ангвилларн, 123.
Анджелло, владѣтель Пизы, 11, 69, 70, 200.
Анжу, домъ, 112.
— Маргарита, 123.
— Карлъ, 4.
— Робертъ, 249.
Арачелли, 215.
Аргиропулъ, Иоаннъ, 237, 238, 267.
Аретино, Карлъ, 250, 251, 255, 281.
Аретино, Лионардо, 92, 184, 198, 199, 200, 202, 203, 230, 250, 264, 280, 297, 302, 383; т. П, 23, 38, 138, 200, 282, 285.
Аретино, Пьетро, 111, 184, 189, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 383, 384; П, 97, 127, 128, 324.
Арешио, П, 61.
Аристотель, 88, 166, 227, 238, 276, 293; П, 26, 82, 83, 84, 220, 245, 301, 302, 396
Аристофанъ, 191.
Аріосто, 52, 61, 63, 120, 164, 225, 306, 335, 382; П, 23, 38, 41, 45, 47, 62, 72, 121, 125, 292, 298.
д'Аркола, Клементъ, 351.
Ариотто, 189; П, 112.

Армоніо, П, 39.
 Аррагонскій домъ въ Неаполѣ:
 Бона, П, 96.
 Леонора, 61; П, 147.
 Марія, 349.
 Федерико, 324.
 Фридрихъ, П, 314.
 Арсилій Фран., 328; П, 287.
 Артевельди, Як., 160.
 Аргусъ, 41.
 Арчелли, Соломонъ, 402.
 Арчелли, Филиппо изъ Пьяченцы,
 179.
 Асканьо, кардиналъ, 48, 230.
 д'Асколи, Чекко, П, 265.
 Ателлано, Сиционъ, П, 181.
 Аторре, 35, 36, 37.
 Атти, Изотта-дельи, 278.
 Ахиль, П, 304.
 Аччажуоли, Донато, 267; П, 246.
 Бальони, 33, 34, 35, 36, 37; П, 271.
 — Карло Барчила, 35, 36.
 — Асторре, 34, 35, 36.
 — Зеновія, 35, 36.
 — Гвидо, 34, 35, 36.
 — Джисмондо, 35, 36.
 — Джіанпаоло, 35, 36, 37.
 — Гентиле, 35.
 — Грифоне, 35, 36.
 — Малатеста, 37.
 — Маркантонио, 35.
 — Симонетто, 34, 35, 36.
 Вальтуріо, 119.
 Бамбайя, 26.
 Банделло, новеллистъ, 52, 222, 348,
 349, 365; П, 23, 100, 106, 109, 110,
 126, 128, 180, 181, 207, 275, 292.
 Барабалло, 191, 381.
 Барано (Камерино), 33.
 — Бернардо (Камерино), 32, 33, 35, 36.
 Барбаро Эрмолино, 84, 310.
 Барбаросса, 72.
 Барбіано, д'Альберико, 25.
 Барбо (Агенобаръ), 221.
 Барди, банк. д., 90.
 Барлаккіа, 190.
 Баттиста, Монтавано, 111, 316, 317,
 335.
 Баязеть, П, 110.
 Бебель, Генрихъ, нѣм. гум., 21.
 Беккаделли, Антонио (Панормит-
 та), 261.
 Беккарія, П, 215.
 Беконъ, Рожеръ, П, 5.
 Беллини Джіованни, („Праздникъ
 боговъ“), 320.
 Беллинчиони, придв. поэтъ, П, 148.
 Велькари Фео, авторъ библейскихъ
 драмъ, П, 140.

Бембо, Піетро, 52, 282, 284, 297, 302,
 303, 310, 315, 316, 318, 326, 363,
 412; П, 106, 110, 114, 183, 268.
 Бенедетто, Алессандро, П, 263.
 Бенни, П, 41.
 Беолко, Анджелло, П, 39.
 Бентиволіо, семья, 133; П, 37.
 Бентиволіо, Аннибалъ, П, 147, 155.
 Бентиволіо Джіовани, П, 32, 60; П,
 37, 252, 296.
 Бентиволіо, Эрmete, П, 296.
 Бержеріо, Пьеръ-Паоло, 261.
 Берни, Франч., сатирикъ, 196, 201;
 П, 207.
 Вероальдо, Фич., панегир. Люд. М.,
 почитатель астрологии, 266, 294;
 Биббіана, кардиналъ, 190; П, 38, 319.
 Бистиччи, см. Веспасіано.
 Бистиччи, Веспасіано, 266, 300.
 Биондо (Blondus) Флавіо, папскій
 секретарь, антикв. историкъ, 217,
 219, 281, 299, 310, 379.
 Блондусъ, 217, 219, 299, 300, 301.
 Боккаччо („Аметто“, „Фіаметта“),
 65, 84, 176, 177, 180, 182, 219, 225,
 227, 231, 232, 236, 246, 247, 248,
 250, 301, 315, 316, 368, 369, 373,
 392; П, 16, 32, 41, 44, 50, 65, 66,
 72, 73, 108, 109, 127, 140, 155, 201,
 222, 239, 313, 354, 366.
 Бокколино, 31.
 Болонья, Антонио, П, 181.
 Больдрино, кондетьеръ, 27.
 Бонавентура, 231.
 Бонатти, Гвидо, астрологъ, 378; П,
 257, 261, 262, 291, 295.
 Бонифаций, VIII, 244.
 Барабалло, 191.
 Борджіа, сем., 133, 139.
 — Александръ, 134.
 — Джіованни, 140.
 — Джіофредо, 80.
 — Лукреція, 52, 133, 136, 149, 349,
 364, 414; П, 35, 36, 234, 327, 336,
 347, 354.
 — Родриго, П, 145, 146.
 — Чезаре, 5, 39, 50, 51, 54, 133, 134,
 135, 136, 137, 138, 141, 142, 319,
 320, 392, 417; П, 125, 156, 191,
 193, 319, 378.
 Борзо (Эсте), 21, 23, 57, 59, 60, 61,
 63, 277, 285, 348, 357; П, 11, 148,
 155.
 Босколи, Пьеръ-Паоло, 69; П, 299, 300.
 Воярдо, 63, 192, 306; П, 23, 41, 43,
 44, 72, 125.
 Браманте, 50, 144, 224.
 Брандолино, П, 192.
 Бранкалеоне, сенаторъ, 216.
 Брантомъ, П, 69.

- Браччіо, II, 192, 193.
 Брунелеско, Филиппо, 92; II, 141.
 Бруни, Аретино, Леонардо, 239, 280.
 Бруноро, Пьетро, 46.
 Брутъ, 350, 370; II, 299.
 Будеусъ, 237.
 Бундельмонтъ, II, 291.
 Буонакорси, II, 54.
 Бурбонъ, Карль, 148.
 Буркиелла, II, 39.
 Бурламакки, Франческо, 96.
 Буссолари, Фра, Джакоппо, II, 215.
 Бутриензисъ, Антонъ, 181.
- Вазари, Джорджио, 170, 311; II, 51, 108, 143, 148.
 Валеріано, Пьеро, 310, 336, 337; II, 252.
 — фра-Урбино, 337.
 Валерій, Максимъ, 180, 378.
 Валла, делла, 292; II, 213.
 — Лоренцо, 127, 273, 281, 309; II, 249.
 Валленштейнъ, 138.
 Валори, Бартоломео, 267; Николо, II, 51.
 Валуа, Изабелла, II, 373.
 Вальдземюллеръ, Мартинъ, 183.
 Вальтуріо, Роб., 279.
 Варвара Бранденбургская, жена Людовико, Гонзаго, II, 373.
 Варезе, Амброжіо, II, 258.
 Варки, 23, 94, 95, 184, 303; II, 51.
 Варръ, 339.
 Веджіо, Матео, 315; II, 246.
 Велизарій, 26.
 Венето, Паоло, философъ, 179.
 Венцеславъ, король, 15.
 Верино, Уголино, 300.
 Вернеръ, Урслинскій, II, 192.
 Веспасіано да Бистиччи, биографъ и книгопродавецъ, 234, 262, 266, 392.
 Веспучи, Америго, 183, 268.
 Веттори, Франческо, 95, 303; II, 51, 252.
 Видоверо изъ Бресчин, 31.
 Виллани, Джованни, 87, 89, 214, 301; II, 10, 200, 242, 287.
 Маттео, 11, 19, 89, 91; II, 10, 267.
 — Филиппо, 180, 291; II, 50.
 Винченцій, 211.
 Винчи, Леонардо, да, 50, 62, 138, 170, 191, 268; II, 8, 148.
 Виргилій, 177, 211, 215, 219, 317, 325, 372, 373, 396, 411; II, 44, 72, 127, 220, 274, 290.
 Вирилли, Марчелло, II, 263.
 Висконти, Вернабо, 3, 14, 378; II, 88, 276.
 — Галеаццо-Марія, 3, 14, 15, 47, 51, 56, 66, 68, 293; II, 117.
- Джангалеаццо, 25, 44; II, 168, 264, 342, 379.
 — Джованни, 326, 44, 66, 82, 112.
 — Матео, 10, 13, 113.
 — Филиппо-Марія, 15, 16, 44, 45, 56, 66, 82, 112, 113; II, 11, 52.
 Виссаріонъ, кардиналъ, 84, 230, 235, 237; II, 204.
 Вителли, Вителлецо, 125.
 — Николо, II, 295.
 — Паоло, 117; II, 263, 264.
 Вителлоццо, II, 207.
 Витрувій, 230, 274.
 Витторино да Фельтре, 52, 256, 257, 258, 259, 260, 264, 275.
 Владиславъ, король, 261.
 Вольтерра, Джакомо, да, 290.
 Вольтеръ, 193.
 Вричи, Катарина, де, II, 122.
- Габриелла, Губбіо, поэтесса, II, 155.
 Галатео, Антонио, Феррари, 363; II, 98, 99, 239.
 Галеаццо, Марія, 47, 104, 106, 109, 129, 184, 286, 293, 346, 351.
 Галеотто, II, 41.
 Галлерани, Цецилія, II, 110.
 Гандія, герцогъ, 136, 363.
 Ганонъ Майнцскій, II, 47.
 Гаттамелата изъ Нарни, 179.
 Гауквудъ, Джонъ, 24.
 Гауриши, Лука, II, 296.
 Гаца, Теодоръ, 237.
 Гвидо изъ Равенны, 301.
 Гвидонъ, Паладинъ, II, 47.
 Гвильгельмо Апулійскій, 211.
 Гвиччардини, Франч. 95, 96, 303; II, 51, 169, 199, 205, 206, 269, 286.
 Гелій, Авль, 230; Геминьяно, 306.
 Генаццано, Фра, Маріано, II, 217.
 Генрихъ, II, II, 128.
 IV., 179.
 VIII., 149, 349.
 Георгій Трапезундскій, 84, 237, 273, 400; II, 390.
 Гербертъ изъ Реймса, (Папа Сильвестръ II), II, 5.
 Гиберти, 162; II, 227.
 Гиббонъ, 300.
 Гиппократъ, 338, 406.
 Гогенштауфены, 1, 4, 158, 211.
 Гомеръ, 227, 228, 314, 417, 418; II, 14, 220, 304, 354.
 Гонела, шутъ, 189.
 Гонзаго, 50, 51; II, 47.
 — герцогъ, 257, 258.
 — Джуліа, II, 184.
 — Елизавета, 55; II, 364.
 — Изабелла, 51, 52, 389; II, 36, 110, 125.

Гонзаго, Люд., 346.
 — Федерико, 51.
 — Ферранто, 51; II, 47.
 — Сузанна и Доротея, 346.
 — Франческа, 51, II, 12, 13.
 — Юлія, II, 110.
 Горацій, II, 127, 285.
 Гориць изъ Люксембурга, папскій референдарій.
 Гортензій, ораторъ, 226.
 Готфридъ Страсбургскій, II, 27.
 Губбіо, см. Габріелла.
 Граначчи, Франческо, II, 156.
 Граціани, Ант., 33.
 Грегориусъ, VIII., II, 381.
 Грегоровіусъ, 389.
 Григорій, IX., 110.
 VII., 158.
 Гримани, Антонио, 79.
 — Доментио, 79.
 Гуарино, Верон., 228, 230, 259, 260, 264, 288, 290, 375, 379, 409, 415; II, 73, 122, 311.
 Гуаско, Кристофъ, 120.
 Губертъ, II, 19.
 Гумбольдтъ, Александръ, II, 16.
 Данте, 45, 69, 88, 97, 152, 158, 162, 165, 172, 173, 176, 186, 213, 231, 232, 239, 244, 245, 248, 249, 301, 308, 326, 368, 369, 370, 377, 392, 393, 401, 406, 415, II, 6, 16, 29, 30, 31, 44, 50, 53, 65, 70, 82, 83, 101, 102, 104, 138, 151, 198, 227, 228, 242, 243, 244, 256, 303, 313, 329, 332, 355, 366.
 Беатриче, 89; II, 55, 151.
 Деи-Венедетто, 352, II, 11.
 Деліо, другъ дома Сфорца, II, 181.
 Делтинъ, Клара, II, 128.
 Дечембріо, Пьеркандидо, II, 52.
 Джемъ, турецк. принцъ, 110, 132, 140; II, 89.
 Джиральди, 335, 336; II, 128.
 Джиральдъ греч., 39, 60.
 Джіованни, сынъ Лоренцо Велико-тльпаго, кардиналь (будущ. Левъ X), 131.
 Джіованни, Марія (музыкантъ при Левъ X), II, 117.
 Джіовіо, II, 98, 168, 267, 296, 366.
 Паоло, 180, 183, 184, 195, 197, 225, 287, 294, 300, 302, 303, 307, 311, 312, 342, 354, 359, 382; II, 52, 252.
 Джіорджіо, Карло да Санъ, 277.
 Джіотто, II, 73.
 Джорджіоне, II, 26, 277.
 Джулиано, герц. Намурскій, II, 13.
 Джустициани, 21.
 Дюренъ, 163.

Долче, Люд. II, 39.
 Дольчибене, 188.
 Домицианъ, 249, 389.
 Дователло, 69.
 Донатъ, II, 49.
 Донди, Джаконо, 179.
 Джіованни, 179.
 Доріа, Андреа, 101.
 Николо, 120.
 Дюреръ, Альбрехтъ, II, 24.
 Евгений IV, 123, 127, 217, 255, 381; II, 273.
 Егидіо, Фра, 195.
 Жуанвиль, II, 48.
 Зевксенъ, II, 67.
 Изабелла, Англійская, II, 151.
 — Баварская, II, 123.
 — Кастильская, II, 123.
 Ингирами, Федра, 290.
 Иннокентій IV., 110.
 VIII., 31, 34, 107, 110, 130, 131, 223, 270, 389, 395; II, 160, 283, 316.
 XIII., II, 258.
 Инфессура, 298 и др.
 Ипполитъ, кардиналь, 55, 63.
 Италикъ, Сильвій, 314.
 Иеронимъ (de viris illustribus), 180, 401; II, 220.
 Иеронимъ, отшельникъ, 169, 394; II, 215.
 Иоанна Неаполитанская, королева, 373.
 Иоанъ XXII., 89; II, 381.
 XXIII., 20; II, 188.
 Иоанъ Португальскій, король, 182.
 Кавальканти, Джіованни, II, 50.
 Каза, Джіованни, дела, 192; II, 92, 98.
 Казеяла, Людовикъ, 61.
 Казини, Бруно, ораторъ, 291.
 Калабрійскій, Альфонсъ, 43.
 Каликетъ III., 129, 273, 320.
 Каллистъ, Андроникъ, 237.
 Фабіо Кальвъ изъ Равены, 338.
 Кальвинъ, II, 221.
 Кальдеронъ, II, 34.
 Кальдора, Джаконо, II, 263.
 Камилль, II, 156.
 Кампани, Николо, II, 127.
 Кане, Фачино, кондотьеръ, 16, 25.
 Канелла, Паоло, венец. посолъ, 139.
 Канетинги, дианасти, 106.
 Канистрано, Джіованни, проповѣдникъ, II, 208, 209.
 Каннони, Августинъ, 69.

Караччиолли, 300; II, 52, 252.
 Карбо, Людовико, 59.
 Кардано, 162; II, 55, 56,
 Карль III., 51.
 Карль Анжуйский, 4, 105.
 — Бургундский, 106, 351.
 — Великий, 105, 209.
 — Сицилийский, II, 338.
 — Смѣлый, 18.
 Карль IV., 19, 174, 188, 249, 345, 346;
 II, 310.
 — V., 19, 20, 22, 122, 146, 148, 149,
 150, 198, 202, 287; II, 191, 336, 347,
 — VII., 105.
 — VIII., 31, 34, 80, 105, 106, 107, 134,
 140, 182, 378; II, 143, 218, 361, 378.
 Карманьола, 26.
 Кассей, 177, 370.
 Кастелло, Джироламо да, 285.
 Кастильоне, 55, 192, 420; II, 110, 113,
 276, 372
 Кастручио, Кастракане, 95.
 Катарина, дочь Александра Ма-
 чиньи II, 93.
 Катиллина, 68, 69.
 Катонъ, 339, 411.
 Кагуль, 322, 323, 324, 326; II, 220.
 Кафарелло, Антонио; II, 174.
 Качагвида, II, 83.
 Квинтилянъ, 230, 291, 406, 412.
 Киджи, 358.
 Клавдианъ, 315.
 Клеопатра, II, 156.
 Климентъ V., II, 317.
 VII, 148, 151, 200, 318, 325; II, 26,
 286, 288.
 Кокаосъ Мерлинъ (Фоленго), 192,
 329.
 Кокле, Бартоломео, II, 296.
 Колонна, семья, 123, 129, 133, 136,
 148; II, 47, 52.
 — Витторія, II, 110, 123, 184, 229.
 — Джіованни, 214.
 — Лавиніеи, 35.
 — Помпео, 148; II, 52.
 Коллочи I., Анжелло, 341.
 Колумбъ II., 2, 3, 4.
 Колумелла, 230, 339.
 Коминъ, 22, 43.
 Контарини, 76, 337, 338.
 Конти, Джусти, де, 279, 350.
 Коперникъ, II, 8.
 Коппола, Франческо, 42.
 да Кореджіо, Вероника, II, 184.
 Корицій, 341.
 Коріо, 242, 298; II, 52, 231.
 Кориоланъ, II, 150.
 Корнаро. Луиджи, 221, 297, II, 39,
 56, 59, 107.
 Корнелій, 293.

Корте, Бернардино, да, 49.
 Кортези, Паоло, 180, 260, 300, 377, 378.
 Крассъ, ораторъ, 226.
 Крешенцій, Шерь, да, II, 9.
 Крочче, II, 213.
 Ксенократъ, 260.
 Ксенофонтъ, II, 339.
 Куза, Николай, 311.
 Лампуньяни, Андреа, ди, 47, 68,
 350, 351.
 Ланди, Ортензіо, II, 62, 94, 364.
 Ландуччи, II, 315.
 Ласкарисъ, Іоаннъ, 231, 235, 391.
 Латинни, Брунетто, 244; II, 12, 27, 61.
 Лауренціанъ, 234, 397.
 Лазрцій, Диогенъ, II, 246.
 Лаэть, Помпоній, 250, 306, 312, 339,
 340, 341.
 Левъ, X., 37, 54, 58, 99, 111, 131, 145,
 146, 150, 190, 195, 223, 224, 231,
 237, 241, 255, 271, 272, 282, 294,
 311, 318, 319, 328, 335, 338, 354,
 356, 381, 382, 383, 384, 390, 408,
 412, 414, 421, 422; II, 12, 28, 47,
 52, 112, 117, 156, 157, 203, 216, 252,
 258, 267, 297, 302, 314, 347, 348,
 363, 364, 366, 381.
 де Ленци, Марія, II, 222.
 Леонелло, Эсте, 23, 259.
 Леоничено, Никола, 61.
 Лессингъ, II, 239.
 да Лечче, Роберто, II, 142, 209, 213,
 Ливій, Титъ, 54, 177, 179, 264, 274,
 275, 297, 298, 299, 303, 411; II, 18,
 191, 354.
 Липпи, Фра-Филиппо (художникъ),
 176.
 Ловато, 179.
 Ломацо, II, 117.
 Ломбардо, Марко, II, 244.
 Лонголій, 310, 420, 421.
 Лоренцо, ди Амброжіо, живописецъ,
 12.
 Лоренцо Великолѣпный, 31, 62, 92,
 113, 130, 131, 164, 176, 192, 231,
 266, 267, 268; II, 43, 72, 75, 76,
 111, 112, 156, 161, 229, 267, 307, 340.
 Лука Боснійскій, 86.
 Луканъ, 211, 396.
 Лукіанъ, II, 67.
 де Луна, Изабелла, II, 127.
 Людовикъ, Мавръ, см. Мавръ.
 Людовикъ IX., 113.
 — святой, II, 48.
 — XI., 18, 106, 124, 134, 362, 378; II,
 226.
 — XII., 22, 81, 106, 378; II, 134.
 — XIV., II, 229.
 Лютеръ, 147, II, 206, 217, 230.

- Мавръ, Людовикъ, 22, 47, 48, 49, 55, 64, 66, 76, 79, 104, 110, 130, 277, 294, 341, 347; II, 110, 233, 260, 357, 358, 379, 385.
- Максимиліанъ, 50. } сыновья
Франческо, 50. } Люд. М.
- Магометь, II, 80, 108, 109.
- Мазучіо, II, 201, 202.
- Маймонидъ, Моисей, 396, 405.
- Филиппъ Македонскій, 184.
- Макиавелли, 25, 37, 64, 65, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 118, 119, 121, 137, 183, 184, 194, 289, 303, 321, 363; II, 83, 51, 62, 106, 125, 167, 199, 305, 332,
- Макробій, II, 255, 303.
- Максимиліанъ I., 22, 48, 50, 132, 152, 349; II, 159, 347, 378.
- Малатеста, семья, 38.
- Карло, 177.
- Пандольфо, 31, 38, 39, 279; II, 296.
- Паоло, 257.
- Роберто, 26, 30, 31; II, 126.
- Сигизмундо, 38, 109, 119, 278, 279, 413; II, 193, 254.
- Мальвещи, Ахиль, II, 204.
- Мальмсбюри, 213.
- Мальфи, 181.
- Манетти, Джіаноччо, 234, 239, 250, 262, 264, 265, 274, 281, 287, 292, 357, 375; II, 246.
- Манлій, 230.
- Манья, Андреа, 372.
- Мантовано, Баттиста, 316, 317; II, 74, 224, 228.
- Мануччи, Альдо, 52, 84, 238, 239, 309; II, 268.
- Манфредъ, (Опикурецъ), 4, 405; II, 243.
- Манфреди, Фаенца, 33.
- Манцини, Джіованни, 232.
- Манчини, Филиппо, II, 215.
- Маргарита Шотландская, королева, II, 372.
- Мариньолла, Курціо (историкъ), 190.
- Мариньяно, Муссо, 202.
- Маріано, Фра, 190.
- Марка, Джакомо, делла, II, 209, 213, Маркъ-Антоніо, 306.
- Мартынь V., 123, 255, 315, 380.
- Марцелинь, Аміанъ, 229.
- Марцаль, 326.
- Марціо, Галеотто, II, 247.
- Марцуппини, Карло, 280.
- Массими (сем.), 221.
- Матараччо, 33, 35, 37; II, 11.
- Матео Сіенскій, II, 143.
- Материль, Фирмицій, римлянинъ, II, 259.
- Маццони, Гвидо, II, 143.
- Мачиньи, Александръ, II, 93.
- Медичи, семья, 67, 69, 70, 94, 99, 131, 146, 190, 191, 201, 266, 382; II, 9, 89, 206, 218, 299, 375.
- Александръ, 150, 349.
- Джіованни, 69, 145, 231, 358.
- Джуліанъ, 67, 69, 145, 146, 347, II, 216, 360.
- Джуліо, 69, 111.
- Ипполить, 23; II, 13.
- Клариса, II, 125.
- Козимо, 92, 190, 201, 202, 229, 234, 236, 266, 267, 276, 358, 361; II, 84, 87, 89, 97, 191, 259.
- Лоренцо, 67, 70, 98, 146, 176, 184, 190, 231, 266, 267, 268, 352, 358, 361, 362, 376, 378, 382, 394, 426; II, 10, 11, 84, 216, 247, 281, 360.
- Мадлена, 311.
- Пьетро, 267, 358; II, 89, 218.
- Менандръ, 232, 392.
- Менекинъ, II, 40.
- Метелла, Цецилія, 216.
- Мецена, тайный секретарь Августа, 282.
- Микелетто донъ, палачъ, 133.
- Микель, (кардиналь), 140.
- Микельанджело, 69, 70, 200; II, 110, 229, 327, 376.
- Мирандолла, графиня, II, 125.
- Галеотто, II, 208.
- Пико, 39, 147, 240, 242, 267; II, 77, 218, 267, 268, 276, 302, 307.
- да Молино, Антоніо, II, 39.
- Мольба, Франч. Марія, 184, 325.
- Монгайо, Андреа (Беллуно), 241.
- Монгано, Кола, 67.
- Монтепульчиано, Франческо, ди, II, 216.
- Монтесекко, 67.
- Монтескье, 100.
- Монтефельтро, Гвидо да, II, 262, 263.
- семья, 392; II, 291.
- Федерико, 23, 52, 231, 392.
- Гвидобальдо, 142.
- Монгоне, II, 126, 192.
- Моро, Людовикъ, II, 216.
- Мочениго, дожъ, 83.
- Мурадъ, II, султанъ, 220.
- Муссато, Альбертино (поэтъ), 173, 174, 179, 249.
- Муссо (кастелянь), 31.
- Муцій, 351.
- Навагеро, Андреа, 302, 323, 324.
- Навара, Джіорджіо, да, II, 250.
- Натанъ Мудрый, II, 239.
- Негро, Джироламо, 147.
- Непотъ, Корнелій, 180, II, 49.
- Нери, герцогъ, II, 239.

Неронъ, 302.
 Неттесгеймъ. Агриппа, 64, II, 288.
 Нибелунги, II, 44.
 Нибуръ, 163.
 Николай V., 110, 126, 217, 218, 228,
 234, 239, 270, 276, 281, 292, 396;
 II, 246, 342.
 Николо да Верона, II, 204.
 Николо, Никколи, 59, 214, 229, 230,
 234, 262, 263, 264, 321; II, 84, 246.
 Нието, фра, Томмазо, II, 281.
 Ногарола, Изотта, II, 122.
 Овидій, 177, 211, 275, 316, 325, 370,
 * 371, 396; II, 127, 220.
 Одди (сем.), 33.
 Ольджиатти, Джиролама, 68, 130,
 351.
 Орделассо, домъ, II, 247.
 Орландино, II, 47, 207, 328.
 Орландо, II, 47.
 Орсини (сем.), 123, 133, 136, 311; II, 47.
 Орсини, кардиналь, 140, 364; II, 287.
 Очисъ, Андреоло, де, 232.
 Павелъ Багдадскій, II, 257.
 Павелъ, II, 84, 127, 221, 222, 270, 281,
 312, 339; II, 156, 160, 174, 253, 254,
 258, 291, 292, 339, 342, 343.
 — III, 37, 150, 151, 228, 238, 328, 419,
 427; II, 194, 258.
 — IV, 151, 238.
 Пазолини, 27.
 Палестрина, II, 116.
 Палингеній, Марцелій, 322; II, 286,
 287.
 Пальміеро, Маттео, 250, 300.
 Пандольфини, Альберти, 169.
 — Аньоло, 161; II, 121.
 — Пьерфалиппо, 267.
 Панормитта, Антоніо, 169, 181, 274,
 314, 341; II, 53.
 Паоло, Пьетро, 69, 261.
 Парацельзій, II, 297.
 Парвиніо, Онуфрій (придворный
 эпитоматоръ), 140.
 Парентучелли, Фома (папа Нико-
 лай V), 234.
 Пасквино, 196, 197, 382, 383, 384.
 де Патти, Андреа и Пьеро, 263.
 Пацци, Джакопо, 69; II, 272.
 Пачіоли, Фра Лука, 268; II, 8.
 Педіанъ, Асканій, 230.
 Пелагати, Николло, де, II, 187, 188.
 Пелликанъ, 381.
 Пенна, Джироламо, делла, 35, 36.
 Перотто, 228.
 Перуджино, Пьетро, 34, 37.
 Перуджій, II, 279.
 Перуцини (банк. д.), 90.

Перье, Алиса, II, 128.
 Петрарка, 8, 9, 11, 19, 20, 45, 152,
 161, 174, 175, 176, 177, 179, 180,
 182, 186, 191, 214, 225, 227, 231,
 232, 236, 245, 246, 247, 248, 249,
 250, 273, 283, 292, 297, 301, 302,
 307, 308, 309, 314, 315, 345, 353,
 368, 369, 370, 373, 377, 380, 387,
 392, 393, 399, 413, 415, 420; II, 12,
 16, 17, 18, 28, 31, 32, 43, 44, 53,
 72, 89, 104, 112, 127, 140, 155, 222,
 227, 266, 297, 303, 310, 333, 353,
 355, 366, 367, 372.
 Петрони, Пьетро, 248.
 Пандольхо, 39.
 Петруччи, Антонелло, 42.
 Петруччи, Пандольфо, 39.
 Альфоніо, кардиналь, 145.
 Пизано изъ Вероны, художникъ, 375.
 Пико, сем., 38.
 — Галеотто, 38.
 — Антоніо, 38.
 — Джюв, Франч., 39.
 Пикколомини, 221.
 Пилато, Леонціо, переводчикъ Го-
 мера, 227.
 Пиндаръ, 232, 392.
 Пинцонъ, Себастьянъ отравитель,
 133.
 Питильяно, Николо, Орсини, астро-
 логъ, II, 263.
 Питокко, Тимерно Фоленго, 192;
 II, 46.
 Питти, Буанакорсо, II, 54, 172.
 Питти, Джакопо, 95.
 Пицинга, Яковъ, другъ Боккаччіо,
 249.
 Пиччиколли, 220.
 Пиччинини, II, 191, 281.
 — Джакопо, кондотьеръ, 29, 30,
 118, 127.
 Пiatти (сем.), 221.
 — Теодоръ, 221.
 — Джюванантоніо, 221.
 Пій П., 23, 45, 110, 127, 217, 218, 221,
 270, 279, 281, 285, 286, 292, 327;
 II, 51, 54, 144, 145, 160, 191, 226,
 239, 249, 258, 342, 379, 381.
 — III, 141.
 Плавть, 166, 230, 294, 311, 312, 340,
 370, 423; II, 35, 36, 38, 39.
 Платина, 127, 281, 297, 300, 310, 341;
 II, 52, 253, 291, 365.
 Платонъ, 84, 163, 221, 266, 267, 276,
 379, 401; II, 112, 220, 246, 302.
 Плетонъ, Гемистъ, 237, 279.
 Плиний, 166, 177, 219, 229, 268, 283;
 II, 326.
 Плутархъ (Mulierum virtutes), 180,
 227; II, 44, 49, 353.

Поджіо, 21, 184, 189, 216, 225, 230, 234, 239, 264, 281, 283, 297, 302, 308, 328; II, 83, 88, 188, 207, 209, 242, 251, 273, 274, 338.
 Полента, Гвидо, 326.
 Полифило (Колонна), 226.
 Полиціано, Анджелло, 62, 182, 232, 284, 310, 414, 421, 425; II, 72, 75, 111, 272.
 Поло, Марко, II, 2.
 Понтано, 263; II, 62, 189, 278.
 Джіованні, 62, 74, 114, 119, 161, 192, 332, 341, 372, 373; II, 251, 254, 268, 271, 304, 316.
 да Поццо, Доменико, II, 218.
 Поркари, Стефано (заговорщ.), 126, 127, 184.
 Порта, Ардичино, делла, 195.
 Порте, Бартоломео, делле, II, 222.
 Порчелліо, Базиніо, 278.
 — Джіантоніо де Пандони, 118.
 Прісканій, 230.
 Птоломей, II, 2.
 Публії, 293.
 Пульчи, II, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 75.
 — Луиджі, 192; II, 72, 240, 241, 281.
 — Козімо, II, 304.
 Пульчинелла, II, 39, 40.
 Пверлуиджі, Фарнезе Пармскій, II, 194.
 Пьетро изъ Альбано, 179; II, 7.
 Рабле, II, 170.
 Радевикъ, II, 48.
 Раджіонаменти, II, 200.
 Рамбальдони, Витторина, 257.
 Рамузіо, Джироламо, 241.
 Рангоні, Біанка, II, 110.
 Раньері, (сем.) II, 213.
 Рафаэль, 34, 196, 216, 223, 224, 338, 339, 381, 416; II, 117, 155, 269, 314.
 Реджіомонтанъ, II, 8.
 Рейхлинъ, 237, 403, 407; II, 169.
 Рене, Анжуйскій, II, 311.
 Ренье, 345, 346.
 Риммині (Малатеста), 33, 38, 193.
 Ринуччини, Аламано, 69.
 Ріаріо, Джироламо, 129, 130.
 — Джуліанъ, II, 125.
 — Екатерина, II, 191.
 — Пьетро, 129; II, 37, 141, 147.
 — Рафазль, 145; II, 172.
 ди Ріенци, Кола, 16, 212, 215.
 Робертъ Неаполит., 273, 408.
 Ровере (династія) делла, 151.
 — Джіованні, делла, 142.
 — Франческо-Марія, делла, 142, 146, 231.
 Романо, Эццелино, да, 4, 5; II, 192, 230, 257.
 Росси, Процерція, II, 122.

Росси, Пьетро, де, 179, 348.
 Россо, Михайль (фехтовальщикъ) 180.
 Росцій, II, 39.
 Рота, Антоніо, II, 120.
 Русполи, Франческо, 190.
 Руффо Поликсена (графиня Монтальто), 30.
 Рупанте (Беолько), II, 39.
 Саббадини, 400; II, 356.
 Сабеллико, Антоніо, 73, 74, 75, 84, 297, 300, 302, 339; II, 152, 229.
 Савеллі (семья), 123.
 Савонаролла, Джироламо, 94, 96, 97, 105, 178, 403; II, 204, 206, 209, 210, 215, 216, 217, 218, 219, 221, 222, 223, 232, 254, 286, 299, 300, 360.
 Савонаролла, Микель, 178; II, 61, 152, 198, 225.
 Садолетто, Джакошю, 149, 282, 341, 412.
 Сакетти, Франко, 187, 189; II, 72, 87, 88, 200.
 Саладинъ, II, 238.
 Сале, Антоніо, де, II, 280.
 Салустій, 411; II, 354.
 Сало, Габріела, да, II, 250.
 Салутати, 229, 283, 348, 400; II, 303, 325, 366, 372.
 Салюсбюрн, каноникъ, 387.
 Салостій, 68.
 Сальвiати, Марія, мать герц. Козимо, 201.
 Сангвиначч, Джіованніно, II, 7.
 Саннаццо, 182, 317, 318, 323, 325, 326, 327, 364, 382; II, 72, 229, 268, 304.
 Сансеверино (Юлій Помпоній), 306, 339.
 Сансекондо, Джакошю, II, 117.
 Сансовино, Андреа, 328.
 Франц. Венец. 84, 328; II, 37.
 Санті, Джіованні, II, 44.
 Санудо, 298.
 дель Сарто, Андреа, II, 157.
 да Сартеано, Альберто, II, 209.
 Саули, кардиналь, 145.
 Свѣтонъ, 180, 373; II, 48, 49, 52.
 Сенарегга, Джіорджіо (историкъ), 22, 297.
 Сепека, 275, 312, 396; II, 245.
 Сеньи, 95.
 Сигизмундъ, эрцг., 20, 38, 220, 261; II, 96, 283.
 Сигизмундъ, императоръ, 374.
 Сикетъ IV., 26, 30, 128, 129, 130, 131, 222, 240, 250, 290, 340, 390, 396, 421; II, 51, 157, 160, 213, 226, 247, 260, 286, 342.
 — V., 105, 106.

Силій Италійскій, 230.
 Сильвій, Эней, 29, 221, 261, 269, 286, 287, 307, 399; II, 3, 4, 20, 54, 71, 251, 280, 281.
 Симонди, 72; II, 52.
 Сиенскій Бернардино, проповѣдникъ святой, 290; II, 143, 209, 212, 218, 221.
 Делла Скала; Канъ Гранде, 8.
 Скарампи, Камилла, II, 110.
 Содерини, 145.
 Сократъ, 379.
 Солиманъ, II, 111.
 Солиней, 215; II, 19, 44.
 да Сольча, Цанино, II, 250.
 Соранцо, 76.
 Сорель, Агнеса, II, 128.
 Софокль, 232.
 Сочини, Бартоломео, 254.
 Стампа, Гаспаро, II, 229.
 Стацій, 230, 396.
 Стентерелло, II, 40.
 Страбонъ, II, 311.
 Страда, Цанобиделла, 176, 250, 314.
 Строцци, 57, 201.
 — Палла, 268.
 — Тито, 57; II, 24.
 — Филиппо, 268; II, 125.
 — Эрколе, 136, 319.
 — Николо, II, 310.
 Сугерій (аббатъ), 215.
 Суппатай, II, 279.
 Сфорца, семья, 27, 32, 56, 79, 121, 129, 185, 191, 276, 286; II, 191.
 — Александръ, 32, 46.
 — Анна, 288; II, 36.
 — Асканіо, 79, 130; II, 89.
 — Баттиста, 347.
 — Беатриче, II, 336.
 — Галеаццо-Марія, 56, 66, 67, 68, 104, 129, 130, 186, 286, 346, 349, 350, 351; II, 186, 312.
 — Джакомо, 27, 28, 29, 30.
 — Джіованни, 110.
 — Джіованни, Франческо, 256.
 — Екатерина, 130, 417; II, 125.
 — Ипполитта, 286; II, 110, 335, 355.
 — Инполиттъ, II, 181.
 — Максимилианъ, II, 98.
 — Франческо, 18, 27, 28, 29, 30, 45, 46, 118, 119, 121, 378; II, 148, 150, 153, 302, 347.
 М. Спелола, 281.
 Сципионъ, 261, 293, 314; II, 89, 151, 303.
 Тассо, Бернардо, 52, 290.
 Тассо, Торкв., 52, 63, 208; II, 47, 73.
 Теанумъ, кардиналь, 312.
 Телій, Автъ, II, 353.

Тенда, Беатриче, ди, 16, 25.
 Теренцій, 294, 311, 422, 425; II, 35, 38, 220.
 Тиберто, II, 192, 296.
 Тибуль, 325; II, 220.
 Тибурціо, 127.
 Тиццанъ, 313; II, 152.
 Тиціо, II, 254.
 Томмазо (венец.), 150.
 Торре, Гвидо, делла, 11.
 Тортоза, кардиналь, 197.
 Тосканелли, Паоло, 268; II, 8, 259.
 Траверзарни, Амброжіо (камальдильскій), 168, 240, 257.
 Требаніо, 278.
 Тивульціо, 279; II, 9, 365.
 Триссино (Софонизба), II, 28, 38, 44, 282.
 Тритемпусъ (нѣмецк. ученый), 181.
 Тройтъ, 46.
 Троччіо, 279
 Уберти, Франціо, делла, (Дитгаман-до), 214; II, 19, 44, 61.
 фра. Урбано, 337, 338.
 Урбино, Гвидобальдо, 54, 55; II, 110, 364.
 — Федерико, 23, 30, 32, 52, 53, 117, 218, 235, 275, 289, 324, 392, 407, 413; II, 44, 126, 334, 346.
 — Франческо-Марія, 53, 54, 142.
 — Франческо, Джіованни, 256.
 Урцео, Кодро, 181; II, 247.
 Ущидано, Никколо, да, 321.
 Фабіо, 339.
 Фабрицій, Максимъ, 221.
 Фарнезе, домъ, 325.
 — Пьерлуиджи, герцогъ Пармскій, 200; II, 194.
 Фаціо, Бартоломео, 180, 260, 274, 284, 297, 300; II, 52.
 Фачино, Кане, кондотьеръ, 16.
 Феделе, Кассандра, II, 123.
 Федерико (Арраго), 43; II, 44.
 Федерико Мантуанскій, II, 373.
 Фельтро, Витторино, да, 52, 256, 257, 258, 259, 260, 275; II, 115, 246.
 Федерико, Монте, II, 115.
 Фердинандъ Неаполитанскій, II, 273.
 Ферриандъ, католикъ, 122; II, 316, 319.
 Ферранте, 29, 40, 42, 43, 55, 106, 113, 114, 130, 132, 274; II, 11, 47, 125, 157, 191, 201, 202.
 Ферранте, Джіовіо, 130.
 — Неаполитанскій, 55, 130; II, 11.
 Феррари, кардиналь, 140.
 — Antonio galateo, 238; II, 366.

Филельфо, Франч. гуманистъ, ораторъ, Венеція, Флоренція и др., 84, 221, 228, 236, 264, 283, 288, 292, 293, 302, 391; П., 209, 239, 302.

Филиппъ П., П., 18.

Филиппо изъ Бергамо, 180.

Филиппъ Красивый, П., 48, 49.

Финчелла, колдунья, П., 213, 279.

Фиренцуола, П., 66, 69, 109, 205, 306.

Фичино, Марсילו, 267; П., 267.

Фиорентино, Веспасиано (Вистиччи), 180; П., 51, 87.

— Россо, П., 191.

Флаккъ, Вал., 230.

Фламиню, Антонио, Елерги, 144.

Флоре, Габриель, де ла, 351.

Флоренти, Марко, П., 93.

Фоа, Гастонъ, де, П., 26.

Фоленго, Теофило, 192, 329; П., 46, 207.

Фондоло, Габрино, тиранъ креманы, 20.

Форлиетта, 297.

Фортебраччио, Маргарита, П., 126.

Фортельерра, Никколо, 312.

Форпа, Оливiero, 219.

Фоскари, Франч. венец. дожъ, 78.

Франко, Вероника, П., 127.

Францискъ, Ассизскій, 175; П., 16.

Францискъ I., 50, 106, 111, 146, 198, 200, 365; П., 128, 385.

Францискъ П., П., 385.

Фраччо, Вартоломео, 274.

Фридрихъ П., 2, 4, 5, 42, 82, 108, 300, 405; П., 12, 49, 151, 240, 257, 306.

Ш., 20, 21, 285, 287; П., 4, 385.

Побѣдоносный, П., 128.

Фронтиний, 217, 230.

Фруассаръ, 94.

Фрюндсбергъ, Георгъ, 148.

Халкондилъ, Деметрій; сыновья Теофилъ и Василій, 237.

Хризолоръ, 229, 237, 264.

— Джованни, 273.

Цаморенсъ, Габрусъ, 326.

Цампанте, 60; П., 233.

Цезарь, Юлій, 69, 70, 118, 179, 261, 293, 297, 302, 315, 370; П., 89, 154, 156, 157, 168, 354.

Цельзий, 230.

Цицеронъ, 172, 219, 229, 230, 238, 283, 291, 296, 300, 303, 309, 310, 311, 369, 406, 411, 420, 421; П., 220, 226, 242, 245, 303, 304, 393.

Цукато, Вал., П., 39.

Чекка, П., 141.

Челлини, Бенвенуто, П., 54, 55, 282, 293, 294.

Чельзе, Катарина ди Санъ, П., 128.

Чибо, Франческетто, сынъ Инокентія VIII, 131, 132; П., 172.

Чинтио, Джиральди, 65, 247.

Чiani, Джоакино, 247.

Чарполлеоне, сподвижникъ, Франч. Сфорца, 46.

Шекспиръ, 349; П., 33.

Шиллингъ, Дибольдъ, 119.

Шпренгеръ, Як., П., 283.

Эйкъ, Иоаннъ ванъ, П., 19.

Эйленшпигель, Тилль, 189.

Эйнгардъ, П., 48.

Эмануиль Португ., 191; П., 12, 314.

Эмилий, Павель, П., 156.

Эней, Сильвий, 100, 221, 269, 285, 287, 307.

Эпикуръ, 306; П., 242, 243.

Эразмъ, 237, 310.

Эрколе I., 55, 57, 59, 60, 62, 63, 348; П., 232, 233, 234.

см. Эсте.

Эрколе П., Феррарскій, 322, 336, 348; П., 147.

см., Эсте.

Эсте, 23, 32, 55, 61, 63, 120, 133, 151, 169, 190, 348; П., 37, 47, 110, 216, 234.

— Альфонсъ, 288.

— Беатриче, П., 148, 157.

— Борджиа, 320.

— Изабелла, 347, 359, 372, 381, 394, 421; П., 260, 317, 335, 343, 375.

— Жанора, П., 148, 157.

— Лионелло, 259.

— Лукреція, П., 147.

— Николо, 56, 63, 214, 259.

— Паризина, 55.

— Уго, 55, 214.

— Эрколе Г., 55, 57, 59, 60, 62, 63, 348; П., 232, 233, 234.

— Эрколе П., 322, 366, 348, 349; П., 147.

— Эрколе, герцогъ, П., 35, 43.

Этьены, 237.

Эшенбахъ, Вольфрамъ, фонъ, П., 15, 377.

Юлій П., 37, 54, 81, 85, 118, 130, 141, 142, 143, 144, 200, 223, 224, 241, 271, 291, 319, 325, 381, 390; П., 126, 203, 258, 380.

Яковъ Бергамскій, П., 125.

Яковъ Волатеранскій, П., 51.

Ямбликъ, П., 275.

Януарий, Фернандо, П., 304.

Юма, Аквинскій, 5, 175, 231; П., 300.

